зала ~~30~~ 38.
шкафъ 41
полка 4
№ 82

Проверено 1950

m5

Мф К-1

зала 18
шкафъ 214.
полка 3.
№ 10.
15
139
38. 41. 4. 62 5

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

V

Съ портретомъ.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1900.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ХОМЯКОВА.

V.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Алексѣя Степановича

ХОМЯКОВА.

Томъ пятый.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1900.

ЗАПИСКИ

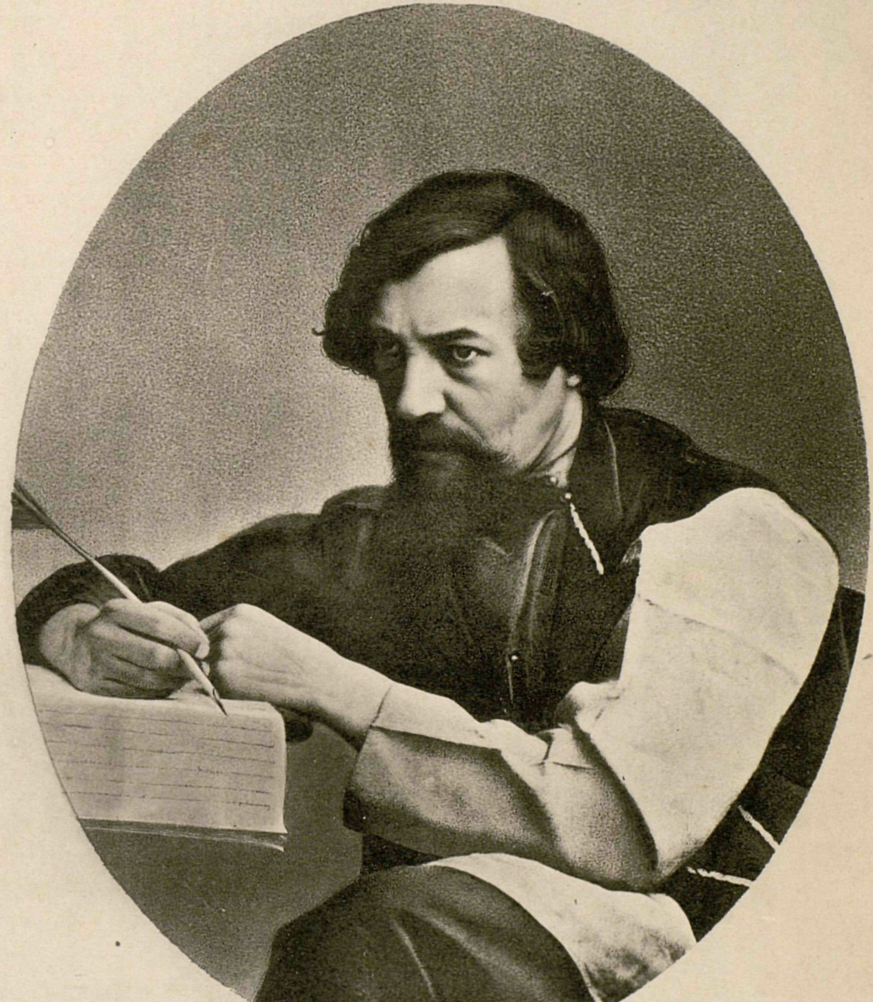
О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дополненное.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1900.



1804—1860 гг.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

Стр.

Предисловіе **А. Ѳ. Гильфердинга** V

Пространство земли.—Медленность развитія географическихъ свѣдѣній и причины ея 1

Географія и Исторія.—Разные методы Географіи 4

Стройность вещественныхъ условій на земномъ шарѣ, независимость человѣка 5

Географія, разсматриваемая со внесеніемъ стихіи человѣческой; ея сложность и три главныхъ начала 7

Важность въ Географіи дѣленія по племенамъ.—Общій обзоръ племенъ человѣческихъ 8

Дѣленіе по государствамъ 16

Дѣленіе по вѣроисповѣданіямъ 17

Главные виды вѣроисповѣданій 18

Исторія, ея методы, какъ науки.—Связь въ ней прошедшаго съ настоящимъ и необходимость повѣрки перваго послѣднимъ 20

Съ какихъ поръ начинается Исторія у разныхъ племенъ.—Источники историческихъ свѣдѣній.—Степень ихъ древности.—Страны ими обнимаемыя 24

Истинный предметъ исторической науки и ея истинное значеніе 28

Новые источники, которые открываются Исторіи, отдѣленной отъ лѣтописи.—Условія необходимыя для того, чтобы пользоваться ими.—Важность поэтическаго инстинкта и общаго пониманія жизни для историка. 30

Историческая вѣрность многихъ древнихъ преданій и сказокъ, подтверждаемая новѣйшими открытіями науки.—Примѣры: преданія о Сарматахъ и Азахъ Скандинавскихъ 37

Предразсудки ученыхъ историковъ 42

Система автохтонства народовъ, ея ложность 44

Въ большей части земель наслоеніе племенъ.—Признакомъ его отношеніе сословій.—Примѣры 46

Вѣрность народной памяти.—Примѣры... 47

Важность пониманія общественнаго духа для исторіи.—Логическія формулы недостаточны для пониманія жизни... 49

Односторонность Германіи въ исторической наукѣ... 51

Непониманіе Германскою наукою всего, касающагося до Славянскаго міра.—Разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ о Славянскихъ древностяхъ.. 52

Въ древности, какъ и въ нынѣшнее время, мы почти не встрѣчаемъ народовъ одностихійныхъ.—Примѣры... 61

Въ древности составныя стихіи племенъ менѣе сложны, оттого жизнь ея проще; проявленія ея одностороннѣе, но энергичнѣе и громаднѣе. Примѣры... 67

Древность олицетворяетъ племя какъ единицу органическую въ имени одного человѣка; разборъ басни объ Ираклѣ и др... 71

Смѣшеніе племенныхъ стихій происходитъ органически и рождаетъ явленія, имѣющія самобытный характеръ.—Примѣры... 73

Преобладаніе личности и прихотливой фантазіи у народовъ древнихъ.—Примѣры... 76

Произволъ преобладаетъ въ дѣйствіяхъ народовъ древнихъ.—Онъ имѣетъ свои законы, но законы эти для насъ большею частію тайна... 82

Миѳическія представленія древнихъ народовъ даютъ ключъ къ объясненію причинъ ихъ выселенія.—Примѣры... 84

Ходъ сухопутныхъ переселеній древнимъ племенъ.—Первая эпоха: мирное разселеніе... 88

Вторая эпоха: насильственныя переселенія.—Вліяніе такихъ переселеній на древнія Славянскія племена... 90

Племена звѣролововъ и пастуховъ склонны къ миграціямъ; земледѣльцы нелегко мѣняютъ мѣста жительства. — Примѣры: Кельты, Германцы и Славяне... 94

Примѣненіе открываемыхъ въ Европѣ законовъ переселенія народовъ къ Китаю и Индіи... 98

Характеръ переселенія въ степныхъ пространствахъ... 101

Третья эпоха въ жизни древнихъ племенъ: эпоха внутренняго броженія. 104

Факты забываются, но страсти и инстинкты прошедшаго упорно хранятся народами... 105

Народы-завоеватели упорно хранятъ въ своемъ характерѣ гордость и исключительность; народы земледѣльческіе чужды аристократическаго духа и воспріимчивы къ чужому, оттого способны къ перерожденію.

Примѣръ Славянъ... 106

Воздѣйствіе завоеванныхъ племенъ на завоевателей.—Примѣры... 110

Стремленіе къ свободѣ побуждаетъ завоеванныхъ перерождаться въ народность завоевателей... 112

Условія перерожденія народовъ... —

Народы земледѣльческіе, имѣющіе крѣпкое, логическое устройство государственное, поглощаютъ своихъ завоевателей, особенно когда стихіи ихъ разнородныя.—Примѣры........................ 118

Совокупность дѣйствія составныхъ стихій народа, взаимныя ихъ уступки и совоплощенія.—Франція........................ 119

Народы живутъ, находясь подъ вліяніемъ разныхъ началъ поочередно.—Примѣры........................ 125

Значеніе нравственныхъ законовъ въ судьбѣ народовъ.—Плоды господства и рабства........................ 128

Значеніе вѣры въ исторіи народовъ........................ 131

Степень ясности представленія о первыхъ людяхъ есть мѣрило древности отдѣльной жизни народа.—Системы и предубѣжденія искажаютъ оцѣнку древнѣйшихъ формъ вѣры........................ 131

Древность поклоненія свѣтиламъ небеснымъ; оно не господствовало у всѣхъ народовъ.—При какихъ условіяхъ являлось звѣздопоклонство. 134

Оно не есть первоначальная религія человѣчества........................ 135

Поклоненіе отдѣльнымъ планетамъ и звѣздамъ предшествовало поклоненію созвѣздіямъ........................ 136

Звѣздопоклонству предшествовало поклоненіе солнцу; но оно тоже не есть первоначальная религія человѣчества. — Незначительность древняго солнцепоклонства........................ 137

Двѣ эпохи въ солнцепоклонствѣ.—Изобрѣтеніе зодіакальныхъ знаковъ; восточные народы заимствовали ихъ у западныхъ........................ 140

Солнцепоклонство и изобрѣтеніе зодіакальныхъ знаковъ не могли принадлежать Египту. — Ихъ родина Халдея. — Связь солнцепоклонства съ именемъ Ваала........................ 143

Вѣроисповѣданія должны быть изучаемы въ связи съ цѣлымъ умственнымъ строемъ народовъ.—Памятники исторіи религій.—Значеніе характера памятниковъ зодчества.—Древнѣйшіе принадлежатъ Эѳіопіи; ихъ хронологическое отношеніе къ памятникамъ Египта и южной Индіи.. 148

Письменные источники исторіи религій. — Религія можетъ быть понята только взглядомъ на всю жизнь народа и его историческое развитіе. 152

Древнѣйшіе памятники Персіи, Израиля и Индіи представляютъ совмѣстное существованіе въ народѣ двухъ религій, высшей и низшей.—Въ древнѣйшую эпоху исторіи Азіатскихъ народовъ мы находимъ у нихъ высокое и чистое понятіе о божествѣ........................ 154

Вторая эпоха въ исторіи религій: огрубѣніе первоначальныхъ чистыхъ началъ; господство вещественности.—Греція........................ 156

Всѣ извѣстныя намъ религіи древности распредѣляются на три разряда: единобожіе, многобожіе и всебожіе. — Второстепенное значеніе дуализма........................ 158

При самомъ началѣ Исторіи мы уже встрѣчаемъ религіи смѣшанныя.. 160

Отсутствіе вѣрнаго пониманія въ показаніяхъ древнихъ о религіяхъ чужихъ народовъ.—Живой художественный смыслъ и здравый разумъ могутъ дать намъ понятіе о характерѣ древнихъ религій, не оставившихъ письменныхъ памятниковъ........................ 162

Основные законы при изученіи древнихъ религій: 1) ихъ синкретизмъ; поводы къ нему........................ 168

2) въ синкретизмѣ миѳологическомъ коренныя божества удерживаютъ первое мѣсто.—Примѣры........................ 170

3) характеръ божества отражаетъ въ себѣ характеръ племени и сохраняется при переходѣ къ другому племени.—Примѣры................ 174

Иногда божество при переходѣ къ другому племени мѣняетъ свой характеръ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождающихъ этотъ переходъ.. 187

Борьба религій отражается на характерѣ божествъ и понятіяхъ о нихъ. 190

Борьба противуположныхъ религій рождаетъ односторонность и фанатизмъ, кровожадность и страстность.—Борьба и сліяніе сѣверной духовной религіи Иранской съ южною, стихійною религіею Кушитскою. Результаты этой борьбы и сліяніе въ Индіи, въ юго-западной Азіи . 199

Борьба противоположныхъ религій доводитъ ихъ до крайнихъ логическихъ выводовъ, до которыхъ человѣкъ иначе боялся бы дойти.... 207

Гдѣ нѣтъ насильственной борьбы, жажда истины называетъ противодѣйствіе односторонности религіозной. — Оттого двѣ религіи, противоположныя другъ другу, но вышедшія изъ одного общаго начала, могутъ существовать совмѣстно въ странѣ. — Разборъ отношеній Буддаизма къ Шиваизму........................ 209

Одностороннее развитіе отвлеченности въ религіи сопровождается въ низшихъ слояхъ народа грубымъ Фетишизмомъ.................. 214

Основное дѣленіе древнихъ религій истекаетъ изъ началъ свободы и необходимости.—Свобода выражается идеею творчества, необходимость—идеею рожденія. Религіи Иранская, Кушитская и мѣшанная.......... 217

Начало свободы есть существенное свойство религій Иранскихъ; начало необходимости — религій Кушитскихъ.—Первое—корень единобожія, второе—корень всебожія; переходъ къ многобожію—Эллинская религія........................ 235

Религія свободы и необходимости переходитъ въ систему *эманацій*.—Одна религія Еврейская остается чуждою системы эманацій.—Смыслъ Еврейскаго преданія о паденіи человѣка. Сказаніе о Хамѣ.......... 252

Религіозное развитіе древняго человѣчества сосредоточено въ юго-западной Азіи и сѣверо-восточной Африкѣ. — Скудость духовной жизни у другихъ народовъ.—Въ народахъ крайняго Сѣвера замѣтно коренное начало единобожія.—Племя Полинезійское представляетъ вліяніе Африки.—Характеристика древнихъ Американскихъ государствъ и народовъ. 267

Удаляясь отъ своихъ центровъ, религіозныя начала Иранское и Кушитское слабѣютъ.—Примѣры.— Средняя полоса народовъ между Ираномъ и племенами крайняго Сѣвера развиваетъ антропоморфизмъ. — Сущность его. — Значеніе въ Индіи Вишну. — Древніе Венды въ Азіи и Европѣ; антропоморфическій характеръ ихъ религіи; ихъ вліяніе на древній міръ........ 289

Начало вещественной необходимости постепенно вытѣсняетъ начало духовной свободы........ 321

Духовное начало возстановляется реформаторами, Шакіамуни, Зороастромъ и др.—Но реформаторъ не можетъ возстановить первобытную вѣру въ ея полнотѣ и жизни........ 327

Скудность слова религіознаго у древнихъ народовъ Европы. — Религіи Кушитскія не знаютъ молитвы—заклинаніе.—Религіозное слово у народовъ Иранскихъ.—Веды, Зендъ-Авеста........ 330

Книги Израиля. Израиль—представитель первобытнаго религіознаго преданія Иранскаго.—Возобновленіе Иранскаго начала въ міровую эпоху Римскаго владычества........ 341

Важность религіозныхъ преданій и миѳовъ.—Ихъ сходство у разныхъ народовъ не могло быть случайнымъ совпаденіемъ........ 345

Правила критики относительно разбора миѳовъ въ смыслѣ историческихъ указаній.—Ихъ измѣнчивость.—Вліяніе поэтической фантазіи.—Примѣры........ 346

Въ какихъ случаяхъ сходство символовъ, именъ и таинственныхъ чиселъ указываетъ на историческое сродство религій........ 351

Исторія застаетъ религіи уже смѣшанными и искаженными........ 354

Распространеніе религій не соотвѣтствуетъ племенамъ, но характеръ племенъ имѣетъ вліяніе на развитіе религій.—Характеристика племенъ и вліяніе племеннаго характера на развитіе Христіанства........ 358

Общій выводъ изъ предыдущаго изложенія: три главныхъ первоначальныхъ племени; два начала вѣрованія—въ первобытную необходимость и творческую свободу. Началамъ вѣрованія соотвѣтствуетъ общій характеръ просвѣщенія........ 363

Двѣ системы письменности; двоякое подраздѣленіе каждой изъ нихъ.—Ихъ характеристика........ 363

Главное письмо принадлежитъ Иранскому просвѣщенію, образное Кушитскому........ 365

Первоначальная гласовая азбука выражала гласныя, такъ же какъ и согласныя.—Отсутствіе гласныхъ въ азбукахъ Семитическихъ объясняется свойствомъ языка........ 365

Время и мѣсто происхожденія разныхъ письменныхъ системъ........ 366

Сравнительная новость слоговой азбуки Средне-азійской и письменъ Сиро-арамейскихъ (безъ гласныхъ)........ 369

Родина гласныхъ письменъ—Иранъ; клинообразное письмо; развитіе первоначальной азбуки Иранской.—Древность грамотности у Германцевъ и Славянъ.—Разборъ нѣкоторыхъ словъ, относящихся къ грамотѣ........ 369

Постепенное измѣненіе въ азбукахъ........ 377

Языкъ.—Его связь съ жизнью народовъ.—Педантическій взглядъ Нѣмецкихъ филологовъ.—Глаголъ и существительное—ровесники въ языкѣ. 378

Всѣ языки хранятъ остатки первобытной старины.—Могутъ ли всѣ корни считаться односложными?—Имя и глаголъ.—Семья Иранская до ея разселенія.—Связь ея вѣтвей.. 381

Необходимость чувства человѣческой правды для изученія языка и Исторіи.—Цѣль сравнительной филологіи.—Славянскій языкъ относительно Санскрита.. 394

Причины, вліяющія на искаженіе словъ и измѣненіе ихъ значенія....... 454

Синонимы и метафоры въ первобытныхъ языкахъ.................... 461

Должно различать простое сродство корней и совпаденіе полныхъ развитыхъ формъ.—Мѣсто языка Славянскаго въ семьѣ Индо-европейской. 466

Грамматическая организація языка; ея развитіе и причины ея оскудѣнія. 505

Приложеніе.

Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими........................ 535

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Всѣ бывавшіе у А. С. Хомякова знали, что, кромѣ стихотвореній, которыя изрѣдка у него выливались, кромѣ журнальныхъ статей, за которыя заставляли его браться пріятели, кромѣ богословскихъ разсужденій, которыя онъ посылалъ печатать за границу, кромѣ механическихъ изобрѣтеній и лингвистическихъ изысканій, одинаково занимавшихъ его всесторонній умъ, онъ постоянно трудился надъ какимъ-то обширнымъ ученымъ сочиненіемъ. Но никому почти не было извѣстно, какая это работа.

Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ (не оставляя на цѣломъ листѣ ни малѣйшаго мѣстечка неисписаннымъ), Гоголь прочелъ тутъ имя Семирамиды. „Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!“ сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это названіе осталось за сочиненіемъ, занимавшимъ Хомякова. „Какъ подвигается Семирамида?“ спрашивали его пріятели.—„Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой,“ такъ онъ однажды встрѣтилъ пишущаго эти строки, по возвращеніи въ Москву, и видно было, что онъ очень былъ доволенъ такимъ употребленіемъ лѣтняго времени. „Когда вы надѣетесь кончить Семирамиду?“—„Я ея никогда не кончу.“—„Приступите ли вы скоро къ печатанію вашей работы?“—„При жизни моей я и не думаю ее печатать; можетъ быть, послѣ моей смерти кто-нибудь издастъ“. Это говорилъ Хомяковъ тому же лицу, и такъ дѣйствительно случилось.

Въ настоящихъ двухъ *) томахъ читатель найдетъ эту „Семирамиду“, которую покойный писалъ болѣе двадцати лѣтъ. Заглавіе

---

*) Въ нынѣшнемъ изданіи „Записки о всемірной исторіи“ напечатаны, для удобства чтенія, не въ двухъ, а въ трехъ томахъ. *Изд.*

„Записки о всемірной исторіи“ не принадлежитъ автору. Подлинная рукопись не носитъ никакого заглавія. На верху первой страницы выставлены только, рукою автора, четыре буквы:

И. и. и. и.

Не знаемъ, что̀ онъ этимъ хотѣлъ означить.

Рукопись автора осталась въ черновомъ видѣ и состоитъ изъ 21 тетрадки или 284 полулистовъ почтовой бумаги, мельчайшаго, какъ сказано, письма. Помарокъ весьма мало, и то лишь такія, которыя дѣлались непосредственно во время писанія; позднѣйшихъ исправленій и передѣлокъ нѣтъ вовсе. По мѣрѣ того какъ работа подвигалась, авторъ отдавалъ свои тетради переписывать съ оставленіемъ поля, такъ что можно предполагать въ немъ намѣреніе впослѣдствіи просмотрѣть имъ написанное и сдѣлать поправки, но онъ не успѣлъ этого исполнить. Смерть прервала его работу тамъ, гдѣ она начинала получать особенный интересъ—на половинѣ Среднихъ Вѣковъ.

Какъ произошло это сочиненіе? Какая была его цѣль? Какое оно имѣетъ значеніе въ ряду трудовъ этаго замѣчательнаго человѣка?

Одинъ изъ друзей Хомякова, видавшій его почти ежедневно именно въ то время, когда онъ начиналъ писать свою „Семирамиду“, А. Н. Поповъ, сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія объ ея происхожденіи.

„Сочиненіе свое о всемірной исторіи Хомяковъ началъ въ 1838 году или около того. Такимъ образомъ оно по началу предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Хомякова, который сталъ писать статьи для печати только въ сороковыхъ годахъ. До того времени онъ написалъ только, вынужденный случайными обстоятельствами, какъ помѣщикъ, статью о черезполосномъ владѣніи (1835 г.). Но еще будучи далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ и очень много. Чтобы имѣть возможность изучать вопросы древней исторіи и исторіи религій въ самыхъ источникахъ, онъ выучился языку Греческому, а потомъ ознакомился и съ Санскритскимъ *). Ни одно сколько-нибудь важное въ ученомъ отношеніи сочиненіе, въ какой бы изъ Европейскихъ литературъ оно ни появилось, не ускользало отъ его вниманія. Изумительная память сохраняла до малѣйшей подробности все прочитанное, а сильный умъ, работая неутомимо, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Но все это не ложилось на бумагу, а передавалось друзьямъ и знакомымъ въ ежедневныхъ разговорахъ, часто продолжавшихся далеко за полночь. Иногда бесѣда, длившаяся цѣлый вечеръ въ его кабинетѣ, выходила съ разъѣзжавшимися собесѣдниками въ прихожую и оканчивалась на подъѣздѣ дома. Кто былъ участникомъ этихъ бесѣдъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и пойметъ, почему всѣ его собесѣдники или, лучше сказать, слушатели, особенно же юные въ то время, неотступно надоѣдали ему просьбами, чтобы онъ писалъ, и упрекали его въ лѣни, въ тратѣ времени на разговоры со всѣми и каждымъ. Составился даже заговоръ между его молодыми друзьями, въ которомъ принимала очень дѣятельное участіе его жена, а главнымъ зачинщикомъ былъ Д. А. Валуевъ, его племянникъ по женѣ, въ то время молодой студентъ Московскаго университета, предававшійся ученымъ занятіямъ со всѣмъ жаромъ юнаго увлеченія, которое и свело его въ преждевременную могилу *). Долго Хомяковъ отдѣлывался отъ настояній

---

*) Латинскій языкъ и главные языки новѣйшіе были усвоены имъ съ раннихъ лѣтъ. *Изд.*

---

*) Нашъ почтенный оріенталистъ К. А. Коссовичъ, въ то время жившій въ Москвѣ и бывавшій у Хомякова какъ другъ дома, обязательно прочитавъ настоящую статью въ рукописи, доставилъ намъ слѣдующую замѣтку, которую мы помѣщаемъ здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ.

„Необыкновенно пріятно было мнѣ прочитать тѣ строки, въ которыхъ заключается столь сочувственный отзывъ о Д. А. Валуевѣ. Но по моему мнѣнію, сказано о немъ еще мало. Это былъ, если не самый первый въ хронологическомъ порядкѣ, то, за-одно разумѣется съ Хомяковымъ, рѣшительно первый подвижникъ и двигатель Славянскаго дѣла. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ. Онъ началъ *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ съ нею соплеменныхъ и единовѣрныхъ*, который предполагалъ сдѣлать періодическимъ изданіемъ. Уѣзжая за границу, онъ оставилъ второй томъ совершенно приготовленнымъ къ печати. Его широкій, любящій взглядъ единилъ всеславянство съ всеправославіемъ, о чемъ, кажется, теперь никто и не думаетъ. Никогда не забуду я, какъ ему хотѣлось утвердить меня въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ проживавшимъ тогда въ Москвѣ православнымъ Сирійскимъ митрополитомъ Неофитомъ. Онъ мечталъ объ Абиссинской церкви и оставилъ послѣ молодыхъ друзей шутками, которыя бывали такъ остроумны и веселы, такъ потѣшали тогдашнее образованное общество Москвы. Но его *гонители* и *мучители*, какъ онъ ихъ называлъ, были слишкомъ юны, чтобы оцѣнить все достоинство этихъ шутокъ и ими удовлетвориться. Напротивъ, они съ негодованіемъ относились къ нимъ и только усиливали свои настоянія“.

„Чтобы написать и даже начать писать такое сочиненіе, какое бы я желалъ, у меня еще не подготовлено матеріаловъ; нѣкоторыя части и отдѣльные вопросы готовы, но еще много другихъ остается впереди“. Такъ говорилъ онъ между прочимъ одному изъ своихъ *гонителей* (именно тому, который обязательно сообщилъ намъ эти воспоминанія) и побѣдилъ его; но когда онъ передалъ эти слова Валуеву, послѣдній съ негодованіемъ отвѣчалъ: „„Кто же думаетъ заставлять его писать полное, систематическое сочиненіе объ исторіи? Пусть записываетъ то, что̀ разсказываетъ; пусть пишетъ вмѣсто того, чтобы болтать““.

„Съ этого времени Валуевъ счелъ уже своею обязанностію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Набравъ въ книжной лавкѣ кучу сочиненій, которыя, по его мнѣнію, были нужны Хомякову,

---

себя подготовительную по этому предмету статью въ первомъ томѣ „Сборника“. Вдохновляя Хомякова и, разумѣется, въ тоже время получая отъ послѣдняго одобреніе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ подвинулъ Панова къ изданію двухъ „Московскихъ Сборниковъ“. Самъ кромѣ того онъ издалъ „Симбирскій Сборникъ“, въ которомъ находится его прекрасная статья о *мѣстничествѣ*. Ни Киреевскимъ, ни Языкову, ни г-жѣ Зонтагъ, ни мнѣ, онъ не давалъ покоя, самъ постоянно работая и умѣя заставлять каждаго дѣлать свое дѣло. Когда онъ умеръ, помню, что очень мѣтко у Языкова выразился о немъ одинъ изъ его друзей *): „Не стало теперь у насъ нашего часовщика, который насъ, все равно что часы, постоянно приводилъ въ дѣйствіе“. Кромѣ сказаннаго, онъ неусыпно пекся о воспитаніи Русскихъ дѣтей и съ этою цѣлію основалъ *Библіотеку для воспитанія*, выходившую потомъ подъ редакціею П. Г. Рѣдкина. А частная его жизнь? Она вся была предана добру; онъ только и дѣлалъ, что трудился да благодѣтельствовалъ, часто черезъ мои руки, бѣднымъ студентамъ и бѣднымъ чиновникамъ. И о такомъ человѣкѣ никто нынѣ не помнитъ и не вспоминаетъ! Это непростительно особенно Славистамъ, забывшимъ объ одномъ изъ своихъ, такъ-сказать, родоначальниковъ“.

*) Д. Н. Свербеевъ. *Изд.*

онъ вынудилъ его дать честное слово, что одинъ часъ въ день будетъ записывать то, что̀ вчера говорилъ въ обществѣ о вопросахъ историческихъ или что̀ будетъ говорить въ этотъ вечеръ. Для приступа къ дѣлу онъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Не разъ потомъ случалось Валуеву, который жилъ въ это время въ верхнемъ этажѣ въ домѣ Хомякова, повторять надъ нимъ эту douce violence, и постоянно подготовлялъ онъ матеріалы для его работы. Условленный часъ превратился мало-по-малу въ два и болѣе. Такъ началась „Семирамида“ и продолжалась по самую кончину Хомякова. Честное слово, данное юношѣ-другу, память о преждевременной его кончинѣ и увлеченіе трудомъ, развивавшимся все болѣе и болѣе, заставили его постоянно (хотя по временамъ и съ перерывами) продолжать эту работу, которая шла у него параллельно со всѣми другими его сочиненіями“ *).

Таково свидѣтельство очевидца, присутствовавшаго при зарожденіи историческаго труда Хомякова. Оно показываетъ, что лица, заставлявшія его приняться за работу, и не требовали и не ожидали отъ него какого-либо систематическаго изложенія всемірной исторіи; они хотѣли только, чтобы Хомяковъ сохранилъ на бумагѣ тѣ блестящія мысли, сближенія, догадки, которыми онъ сыпалъ въ разговорѣ и которыя изумляли его слушателей одинаково и остротою его ума, и громадностью его познаній. Самъ Хомяковъ, какъ видно изъ словъ, которыя приводитъ А. Н. Поповъ, считалъ себя неприготовленнымъ къ сочиненію о всемірной исторіи полному и систематическому. Между тѣмъ, когда, запертый на ключъ своимъ племянникомъ, онъ взялъ приготовленную Валуевымъ тетрадь и принялся писать, съ первой же строки стало создаваться подъ перомъ его сочиненіе совершенно стройное и цѣльное, связанное съ начала до конца одною нитью и развѣ только черезчуръ систематическое.

Такимъ образомъ видно, что въ то время, когда Хомяковъ приступилъ къ своему труду, въ его умѣ уже выработана была цѣлая историческая система. Иначе было бы совершенно невообра-

---

*) Мы должны впрочемъ оговорить, что въ послѣднія пять-шесть лѣтъ своей жизни Хомяковъ вовсе или почти вовсе не занимался „Семирамидою“, хотя постоянно возилъ рукопись съ собою и не покидалъ намѣренія опять за нее приняться. *А. Г.*

зимо, чтобы эта огромная масса разнообразнѣйшихъ фактовъ, какую заключаетъ въ себѣ „Семирамида“, могла быть съ перваго разу сгруппирована съ такою послѣдовательностію въ сочиненіи, которое, какъ сказано, есть лишь черновой набросокъ, и которое притомъ не представляетъ ни приписокъ, ни поправокъ, ни перестановокъ, ни дѣленія на главы или какія бы то ни было рубрики *). Нужно прибавить къ этому, что Хомяковъ, усвоивая себѣ матеріалъ изъ сотень прочитанныхъ книгъ, никогда никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ и писалъ, полагаясь исключительно на свою память, которая въ самомъ дѣлѣ ему почти никогда не измѣняла, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. При такомъ способѣ писанія, историческія записки Хомякова могутъ быть по истинѣ названы чудомъ человѣческой памяти: но такое чудо памяти произвело бы только безобразную груду фактовъ, если бы авторъ не обладалъ въ тоже время необыкновеннымъ даромъ систематизаціи и если бы его историческая система не была уже, какъ мы замѣтили, готова, когда онъ приступалъ къ работѣ.

Не имѣвъ никогда терпѣнія дѣлать выписки (Хомяковъ часто выражалъ объ этомъ сожалѣніе), онъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также повѣрять справками, во время письма̀, точность того, что̀ у него хранилось въ памяти. Это составляетъ, разумѣется, капитальный недостатокъ его книги, какъ ученаго сочиненія. При ея изданіи первоначально имѣлось въ виду восполнить по возможности этотъ недостатокъ, снабдивъ книгу необходимыми ссылками и примѣчаніями; но при громадномъ количествѣ сочиненій, историческихъ, философскихъ, богословскихъ и др., послужившихъ Хомякову источниками, такая

---

*) Подлинная рукопись Хомякова отъ начала до конца писана сплошь, безо всякихъ подраздѣленій, такъ что даже переходъ отъ общихъ, теоретическихъ положеній къ спеціальному, хронологическому обзору и объясненію событій (заставившій насъ разбить это сочиненіе на двѣ части) въ подлинникѣ вовсе не отмѣченъ. При такомъ способѣ изложенія было бы весьма трудно внести въ книгу Хомякова дѣленіе на главы; потому мы и не рѣшились этого сдѣлать, а обозначивъ въ печати бѣлою страницею только самые крупные раздѣлы, снабдили затѣмъ поля книги указаніемъ содержанія каждаго параграфа, чтобы дать читателю общую нить изложенія. *А. Г.* Въ настоящемъ изданіи содержаніе или заголовки переведены въ самый текстъ. *Изд.*

провѣрка потребовала бы работы, которой лицо, имѣвшее отъ наслѣдниковъ покойнаго порученіе печатать настоящіе томы, не было въ состояніи взять на себя; потому оно ограничилось только небольшимъ числомъ примѣчаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ они казались необходимыми.

Другая особенность, которою отличается „Семирамида", прямо истекаетъ изъ самаго характера работы Хомякова и обусловливается его цѣлью. Онъ говорилъ (мы сами это слышали), что пишетъ не всемірную исторію въ полномъ разсказѣ, а только набрасываетъ систему, въ которой всемірная исторія должна быть изложена. Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными: онѣ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто - внѣшней стороны и притомъ крайне-односторонне. Односторонность въ нихъ, вопервыхъ, та, что исторія, хотя и называется всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ Европейскихъ, великая же и тысячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ-сказать, народовъ Европы. Во-вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни, и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Внѣшній же, механическій характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то начало, которое существеннѣйшимъ образомъ обусловливаетъ строй человѣческаго общества и его внутреннія стремленія, именно религію.

И такъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе; чтобы, во-вторыхъ, Славянскому племени возвращено было подобающее ему мѣсто, и чтобы, въ-третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—религіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Хомяковъ составилъ себѣ то убѣжденіе, что какъ внутреннее начало, около котораго, тѣмъ или другимъ способомъ, сосредоточиваются всѣ мысли человѣка, заключается въ категоріяхъ воли—свободѣ и необходимости (въ смыслѣ necessitas, Nothwendigkeit), такъ всѣ религіи заключаютъ въ себѣ, въ той или другой формѣ, либо принципъ свободы, либо принципъ необходимости, или же разныя степени случайнаго, неорганическаго смѣшенія (синкретизма) этихъ двухъ принциповъ, и что, смотря по своему коренному принципу, т.-е. господству или преобладанію начала свободы, либо необходимости, религія давала тотъ или другой складъ народному уму и народной жизни.

Таково общее значеніе книги Хомякова. Повторяемъ, это не есть всемірная исторія въ разсказѣ, а схема того, какъ всемірная исторія должна быть разсказана. Хотя онъ не совсѣмъ отвергалъ мысль, что его „Семирамида" можетъ быть издана когда-нибудь послѣ его смерти, но онъ писалъ, положительно не имѣя въ виду печати, а только для себя. Когда Хомяковъ составлялъ какую-нибудь статью, назначенную для печати, онъ тотчасъ спѣшилъ прочитывать ее своимъ друзьямъ, вызывая замѣчанія, и очень охотно сообщалъ ея списки; „Семирамиду" же онъ ревниво охранялъ отъ чужаго взгляда, такъ что были весьма немногіе и притомъ только самые близкіе къ нему люди, которымъ онъ при жизни своей, и то послѣ усиленныхъ просьбъ, дозволялъ читать нѣкоторыя тетради. То были въ полномъ смыслѣ *ученые мемуары*, въ которыхъ Хомяковъ записывалъ для себя, въ систематическомъ порядкѣ, свои соображенія, мысли и выводы объ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ тутъ можно найти въ зачаткѣ или въ сыромъ видѣ большую часть того, что онъ потомъ развивалъ въ своихъ статьяхъ по отдѣльнымъ предметамъ; но все это составляетъ лишь незначительную долю того богатства свѣдѣній и наблюденій, какія Хомяковымъ внесены въ эти записки.

Внѣшній видъ „Историческихъ Записокъ" соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Книга эта представляетъ систематическій рядъ положеній, и послѣ каждаго положенія слѣдуетъ его доказательство или развитіе въ подробностяхъ. Хомяковъ строго отличалъ на письмѣ самыя положенія отъ пояснительныхъ къ нимъ статей; въ изданіи, положенія напечатаны *крупнымъ*, пояснительныя статьи *мелкимъ* шрифтомъ.

Просимъ читателей держать въ памяти эту особенность въ способѣ изложенія. Кто ее упуститъ изъ виду, тотъ въ книгѣ Хомякова не найдется. Въ пояснительныхъ своихъ статьяхъ авторъ не держался никакой системы, а излагалъ въ нихъ всѣ тѣ данныя и сравненія, которыя привели его къ тому или другому положенію, или мысли, которыя по этому поводу ему приходили въ голову, увлекаясь иногда совершенно въ сторону отъ исходной точки; потому, если бы читатель сталъ смѣшивать эти поясненія съ главнымъ текстомъ, то увидѣлъ бы передъ собою только хаосъ. Напротивъ того, главный текстъ, т.-е. то что̀ мы назвали положеніями (и что̀ напечатано крупно), излагается въ совершенно послѣдовательномъ порядкѣ.

Положенія эти заключаютъ въ себѣ частію общія начала историческихъ явленій, какъ ихъ понималъ Хомяковъ, его, такъ-сказать, теорію исторіи, частью характеристику историческихъ эпохъ и главныхъ событій въ жизни народовъ, въ хронологической послѣдовательности. Общія положенія занимаютъ первый томъ настоящаго изданія; послѣдовательная характеристика эпохъ и событій,—доведенная, какъ сказано, до половины Среднихъ Вѣковъ,—занимаетъ второй томъ.

Этихъ немногихъ страницъ достаточно, чтобы уяснить читателю, какаго рода книгу онъ беретъ въ руки. Критическая ея оцѣнка была бы здѣсь неумѣстна; но для, того, чтобы критика справедливо отнеслась къ сочиненію Хомякова, необходимо, чтобы она не только помнила, что имѣетъ дѣло съ черновыми записками, авторомъ даже не просмотрѣнными, но и то, въ какое время записки эти писаны и какими источниками Хомяковъ пользовался.

„Семирамида“ начата въ концѣ 1830-хъ, и большая ея часть написана въ 1840-хъ годахъ, когда сравнительное языкознаніе только-что сдѣлало первые шаги, а сравнительная миѳологія вовсе не существовала какъ наука, когда замѣчательнѣйшіе памятники древней религіозной мысли, Веды и Зендавеста, были извѣстны лишь въ искаженномъ видѣ, когда не были сдѣланы замѣчательныя открытія, отодвигающія первобытную жизнь человѣчества въ глубь отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Очевидно, что сочиненіе, въ то время писанное на такую тему, какую задалъ себѣ Хомяковъ, уже во многомъ не можетъ соотвѣтствовать современному уровню науки.

При этомъ Хомяковъ былъ поставленъ въ особенно невыгодныя условія по отношенію къ тому именно предмету, къ которому онъ обращался съ наибольшею любовью,—къ древностямъ міра Славянскаго. Научная разработка этой области знанія только-что начиналась, и рядомъ съ строго-критическими изслѣдованіями Шафарика пользовались довѣріемъ ученыхъ фантазіи людей, какъ Венелинъ, Чертковъ, Лелевель, Колларъ, которые, при великихъ своихъ заслугахъ, были въ наукѣ болѣе мечтатели чѣмъ критики, и которые, руководствуясь случайными созвучіями или чертами сходства, щедрою рукою разсыпали Славянъ по всѣмъ угламъ древняго міра. Хомяковъ, который не имѣлъ да и не могъ имѣть критическаго метода ученаго изслѣдователя, всего менѣе былъ приготовленъ къ отпору такимъ теоріямъ, и самая исходная точка его воззрѣній, весьма впрочемъ вѣрная мысль, что въ современной западно-европейской наукѣ несправедливо умалялось историческое значеніе и призваніе Славянъ,—эта мысль невольно располагала его не только принимать на вѣру всѣ подобные выводы, но даже идти далѣе писателей, у которыхъ онъ ихъ находилъ.

Такъ объясняется то, что̀ составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ книги Хомякова,—чрезмѣрныя преувеличенія предѣловъ и роли Славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи .

Въ заключеніе, пишущій эти строки считалъ бы своею обязанностію прибавить нѣсколько словъ въ личное себѣ извиненіе, что, принявъ на себя еще въ 1862 году редакцію Историческихъ Записокъ Хомякова, онъ выпускаетъ ихъ въ свѣтъ лишь черезъ десять лѣтъ. Такая медленность имѣла причиною какъ частыя и продолжительныя его отлучки, такъ и затрудненія, проистекавшія отъ способа печатанія въ одной изъ Московскихъ типографій. Но, сознаваясь въ своей винѣ, нижеподписавшійся смѣетъ думать, что она, быть можетъ, даже послужила къ лучшему для этой книги. Если бы „Семирамида“ появилась вскорѣ послѣ кончины автора, когда еще жива была борьба извѣстныхъ литературныхъ партій съ славянофильствомъ, сочиненіе Хомякова едва ли было бы оцѣнено безпристрастно, и заключающіеся въ немъ промахи и преувеличенія вѣроятно были бы подхвачены какъ оружіе для полемики. Въ настоящее время, когда основныя мысли славянофильства сдѣлались общимъ достояніемъ мыслящихъ Русскихъ людей, а разныя ихъ преувеличенія отпали,—эти черновыя тетради Хомякова будутъ лучше поняты и вѣрнѣе оцѣнены. Теперь никто не станетъ останавливаться на частныхъ ошибкахъ, и скорѣе обращено будетъ вниманіе на тѣ блестящія и поразительно-мѣткія мысли и замѣчанія, которыя разсыпаны въ изобиліи въ этомъ сочиненіи, на замѣчательныя по своей правдѣ и своему художественному достоинству характеристики многихъ историческихъ эпохъ.

Книга эта не покажется безпристрастному читателю нынѣшняго времени устарѣлою при всемъ томъ, что она принадлежитъ уровню науки 30-хъ и 40-хъ годовъ; ибо въ ней онъ увидитъ нѣчто такое, что навсегда остается поучительнымъ: попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности.

А. Гильфердингъ *).

1-го Марта 1872 г.

---

*) Предисловіе, составленное А. Ѳ. Гильфердингомъ къ Историческимъ Запискамъ А. С. Хомякова, цѣнно во многихъ отношеніяхъ: Гильфердингъ былъ въ послѣдніе годы жизни Хомякова его ближайшимъ собесѣдникомъ по вопросамъ исторіи и филологіи и потому лучше чѣмъ кто либо знакомъ былъ съ воззрѣніями А. С—ча по этимъ спеціальностямъ. Изъ разговоровъ съ авторомъ, молодому ученому были извѣстны условія, при которыхъ эти Записки составлялись и ихъ, такъ сказать, *генезисъ*. Лучше чѣмъ кто либо могъ онъ также объяснить читателямъ настоящее значеніе этого многолѣтняго, но все-таки не оконченнаго и даже не просмотрѣннаго, труда. Мы перепечатываемъ это предисловіе въ настоящемъ изданіи также и въ знакъ глубокаго уваженія къ памяти А. Ѳ. Гильфердинга, и какъ дань почтенія и признательности къ его серіознымъ заботамъ по изданію Записокъ (первый томъ которыхъ напечатанъ былъ уже два раза).

Но, при всемъ уваженіи къ авторитету А. Ѳ. Гильфердинга, мы не можемъ не оговорить нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ сужденій. Онъ находитъ, что это сочиненіе, во-первыхъ, „развѣ только слишкомъ систематическое“; во-вторыхъ, что авторъ, стоя на уровнѣ науки 40-хъ годовъ, не имѣлъ и не могъ имѣть критическаго метода ученаго изслѣдователя; „и, наконецъ, что онъ чрезмѣрно преувеличивалъ предѣлы и роль Славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи, увлекаясь фантазіями писателей въ родѣ Венелина и иныхъ“. Если бы авторъ предисловія взглянулъ на трудъ Хомякова не какъ на чисто-историческій, а больше какъ на историко-философскій, то онъ вѣроятно перемѣнилъ бы свое мнѣніе объ его излишней систематичности.

Явно, что А. С. Хомяковъ, въ сущности, искалъ вовсе не схемы для написанія исторіи вообще (хотя, можетъ быть онъ и употреблялъ въ разговорѣ это выраженіе и даже посвятилъ первыя страницы своихъ Записокъ разсужденію на эту тему): онъ видимо шелъ въ своемъ историческомъ трудѣ путемъ обратнымъ, т.-е. отъ современности къ прошедшему и въ этомъ прошедшемъ прослѣживалъ основныя нити тѣхъ духовныхъ явленій, которыя его занимали въ современномъ человѣчествѣ. Кушитство и Иранство (Арійство) современныя должны были, по его убѣжденію, имѣть свои корни въ исконной исторіи человѣчества; этихъ-то корней онъ и доискивался.

Такова, по нашему мнѣнію, причина той крайней систематичности, которую отмѣтилъ Гильфердингъ и которая была бы значительнымъ недостаткомъ, если бы авторъ преслѣдовалъ чисто-историческую цѣль. Гладстонъ говорилъ: „Въ теченіе всей исторіи человѣчества невидимое и неразлучное съ нимъ сознаніе будущей жизни было въ постоянномъ состязаніи съ вещами видимаго міра“ *). Эту-то именно мысль, пришедшую на умъ Хомякову гораздо раньше чѣмъ Гладстону, съ олицетвореніемъ борющихся началъ въ двухъ культурныхъ типахъ, которые зарождались съ самыхъ первыхъ историческихъ шаговъ человѣчества — Кушитства и Иранства (Арійства), хотѣлъ провести А. С. Хомяковъ чрезъ всю ему извѣстную исторію; и эту работу (какъ вѣрно говоритъ Гильфердингъ) онъ предпринялъ собственно „для себя“, для самоубѣжденія. При такой постановкѣ дѣла недостаточная систематичность была бы совершеннымъ упраздненіемъ искомой цѣли; тогда какъ при взглядѣ Гильфердинга на этотъ трудъ она является какъ бы Ахиллесовой пятой онаго. Располагалъ ли А. С. Хомяковъ въ достаточной степени научно-критическимъ методомъ при переработкѣ „доступнаго“ ему матеріала—это вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ самаго понятія о научности. Намъ кажется, что его очень основательно разсмотрѣлъ г. В. Завитневичъ въ своемъ изслѣдованіи о Хомяковѣ, которое печатается въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи; но, кромѣ всего сказаннаго тамъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что самое пріуроченье основныхъ культурныхъ типовъ къ двумъ началамъ Арійскому и Кушитскому и связанная съ этимъ мысль о разложеніи Семитства на тѣ же Арійско-Кушитскія начала—свидѣтельствуетъ именно о томъ, что онъ располагалъ очень выработаннымъ критическимъ аппаратомъ: ибо вся позднѣйшая наука Запада не только не уничтожаетъ этихъ основныхъ чисто-историческихъ положеній, но скорѣе даетъ много новаго для разработки именно этихъ высказанныхъ Хомяковымъ положеній, хотя конечно по настоящему состоянію знанія нельзя утверждать, что онъ ихъ достаточно доказалъ „доступными“ ему доводами.

Особенно многозначительно замѣчаніе такого Слависта, какъ покойный Гильфердингъ, о неумѣренной роли, отведенной Хомяковымъ Славянству. Если бы онъ болѣе точно указалъ тѣ границы, за которыя въ своемъ увлеченіи зашелъ Хомяковъ, то этимъ бы вѣроятно предупредилъ возможность если не возраженій себѣ,

---

*) Московскій Сборникъ, изд. К. Побѣдоносцева.

то по крайней мѣрѣ недоумѣнія по поводу того, что́ онъ собственно хотѣлъ сказать. Очень можетъ быть, что въ отдѣльныхъ случаяхъ ославяненія тѣхъ или другихъ мелкихъ народовъ авторъ Историческихъ Записокъ и ошибался; но намъ думается, что въ немъ вовсе не было желанія раздвигать предѣлы Славянства ради возвышенія этаго племени: это было бы вовсе не согласно съ понятіями его о томъ, въ чемъ заключается многозначительность исторической роли такаго или инаго народа. Для опредѣленія сего онъ имѣлъ совершенно иной критерій, и если можно видѣть увлеченіе во взглядахъ Хомякова на Славянство и современное, и исконное, то скорѣе его можно усмотрѣть не въ оцѣнкѣ внѣшняго распространенія и разселенія племенъ, а въ оцѣнкѣ его отличительныхъ духовныхъ и культурныхъ свойствъ. Но именно въ этомъ отношеніи Гильфердингъ и Хомяковъ были вполнѣ единомысленны, единомысленны до того, что вѣроятно Гильфердингъ, боясь собственнаго увлеченія значеніемъ Славянства вообще, счёлъ нужнымъ хоть въ чемъ-нибудь да обрѣзать своего единомышленника и до нѣкоторой степени учителя. Вѣрно ли опредѣлилъ въ подробностяхъ распространеніе Славянъ Хомяковъ, конечно подлежитъ сужденію; но если онъ находилъ слѣды ихъ тамъ, гдѣ ихъ въ позднѣйшія времена замѣнили другіе народы, то въ этомъ едва ли можно видѣть крайнее увлеченіе, равно какъ въ самомъ смѣломъ изъ его предположеній въ этой области—о вліяніи Славянской стихіи на образованіе Римскаго народа. Эта послѣдняя его догадка замѣчательна именно тѣмъ, что она никакъ не можетъ быть объяснена желаніемъ ввести Славянскій элементъ повсюду. Извѣстно воззрѣніе Хомякова на Латинство вообще: оно на столько отрицательное, что едва ли онъ захотѣлъ бы вводить Славянскую стихію въ исконное Латинство, если бы не былъ побуждаемъ къ тому чисто-научными, хотя можетъ быть и неосновательными, соображеніями. *Изд.*

ЗАПИСКИ О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Пространство земли. — Медленность развитія географическихъ свѣдѣній и причины ея.

Окружность земного шара подъ экваторомъ равняется почти 37 тысячамъ верстъ, или 600 коннымъ днямъ пути. Не велика обитель, назначенная человѣку Провидѣніемъ; а послѣ столькихъ вѣковъ жизни человѣчества, какъ много еще неизвѣстныхъ частей земного шара! Давно уже моря не служатъ преградою; три тысячи лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ корабли пошли плавать около береговъ и по направленію періодическихъ вѣтровъ; слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ магнитная стрѣлка сдѣлала человѣка независимымъ отъ путеводительныхъ звѣздъ: а знаніе земли еще въ дѣтствѣ! Нельзя обвинять людей въ недостаткѣ любопытства. Ихъ трудами раскрыты тайны природы, исчисленъ ходъ свѣтилъ, отдаленное сближено, невидимое разсмотрѣно; неужели они остались разнодушными только къ самому близкому предмету, къ своей родинѣ, къ своему временному жилищу? Отъ глубочайшей древности до нашего вѣка, во всѣхъ земляхъ нѣсколько просвѣщенныхъ, проявлялось сильное желаніе узнать міръ земной, познакомиться съ народами самыми отдаленными; путешественники пускались въ пути неизвѣстные, подвергались опасностямъ, погибали на моряхъ или въ пустыняхъ, а въ XIX-мъ столѣтіи по Р. Х. еще говорится объ открытіяхъ географическихъ! Такая тѣсная область, столько времени, столько усилій, и дѣло еще не кончено! Мнѣ казалась бы эта загадка смѣшною, если бы ея разгадка не была жалкою. Люди побѣдили прихотливость вѣтра и воды, преграды пустынь и горъ; одно осталось непобѣжденнымъ: вражда взаимная людей, и въ ней-то настоящая препона къ довершенію такъ давно начатаго.

Темные рыбаки, собравшіеся въ бѣдной хижинѣ, чтобы раздѣлить между собою пути дѣятельности всемірной, люди, сказавшіе другъ другу: «прости, мнѣ дорòга къ Скиѳамъ», «мнѣ въ Римъ», «мнѣ въ Аравію», съ тѣмъ, чтобы другіе люди узнали наконецъ тайну своего братства,—вотъ тѣ, которымъ географія, еще болѣе всѣхъ другихъ наукъ, обязана своими успѣхами. Отъ нихъ начинается безпрерывный рядъ сношеній между отдаленнѣйшими краями, потому что отъ нихъ начинается единство чувства, связующее на вѣкъ родъ человѣческій. Отъ того-то, когда палъ Римскій колоссъ, когда разноначальныя и разноплеменныя тучи дикарей нахлынули на просвѣщенную Европу съ Сѣвера, и Востока, и Юга, когда всѣ лучи знанія исчезали въ общей тьмѣ невѣжества, сохранилось и даже распространилось одно—знаніе земли и ея жителей. Это фактъ и фактъ неоспоримый, котораго причины такъ ясны, что намъ не нужно болѣе объ нихъ говорить. Часто повторялось, хотя не такъ обширно и блистательно, какъ сначала, первое явленіе, ознаменовавшее дѣятельность любви христіанской; но трудно вспомнить безъ умиленія прекрасное торжество этого чувства на Западѣ, когда безсмертный Генуэзецъ поплылъ съ крестомъ за новыми землями, которые онъ хотѣлъ просвѣтить.

Странно, что самое имя этого человѣка было *Христоносецъ* (Христофоръ). Когда вспоминаешь объ его предпріятіи, о святой цѣли, къ которой онъ стремился, объ ужасахъ, которыми Испанія осквернила послѣдствіе его открытій, сердце невольно наполняется злостью и желчью. Въ этомъ золотѣ, которое развратило землю Фердинанда, въ ея постыдномъ упадкѣ, въ ея невѣжествѣ, въ ея болѣзненной и глупо-страдальческой жизни, въ ея ничтожествѣ передъ остальною Европою, кажется, видишь карающую руку Провидѣнія и радуешься казни, потому что она справедлива. Долго мучилась и долго будетъ еще мучиться уничтоженная Испанія, встарь могучая для зла и теперь безсильная для добра. Соборы Толедскіе *) и ужасы Пизарро, разрывъ христіанскаго ученія и оскверненіе христіанскаго подвига, вотъ за что она наказывается, и очищеніе ея еще не кончено.

Послѣ Колумба, путешественники, расширявшіе кругъ знанія земли, стремились къ открытіямъ уже не съ крестомъ, а съ мечомъ или съ товаромъ, почти всегда равно готовые на тайный обманъ или на явный разбой. Потомъ мало-по-малу наглое насиліе стало стыдиться возрастающаго просвѣщенія; на Европейскихъ корабляхъ начали чаще появляться смиренныя лица ученыхъ, оживленныхъ страстію въ наукѣ и не враждебнымъ къ людямъ; между ними, изрѣдка, мелькали проповѣдники Христіанства, согрѣтые любовью къ человѣчеству; торговцы узнали цѣну мира и нѣкоторой честности. И теперь, быстрѣе чѣмъ въ старые годы, имена народовъ, городовъ, рѣкъ и горъ стали наполнять прежніе печальные пробѣлы атласовъ, изображающихъ землю. Надъ странами неизвѣстными еще бодрствуетъ на стражѣ старая вражда и подозрѣніе. Когда-то смѣнятъ этихъ сторожей?

Мы, счастливые Европейцы, смотримъ съ негодованіемъ на препоны, противопоставленныя нашему любознанію свирѣпостью дикарей или невѣжествомъ полупросвѣщенныхъ племенъ. Мы правы, безспорно правы: но будемте нѣсколько снисходительными въ сужденіяхъ, будемте сострадательны къ тупоумію. Кочевые народы Сѣверной Америки говорятъ просвѣщеннымъ Американцамъ: „Мы вашего посѣщенія не желаемъ, потому что вы уже насъ ограбили и хотите отнять послѣдній клокъ земли, на которой мы живемъ“. Африканцы отталкиваютъ отъ береговъ своихъ корабли купцовъ Европейскихъ подъ предлогомъ, что вездѣ, гдѣ появился корабль, тутъ строится торговый домъ; гдѣ торговый домъ, тутъ растетъ крѣпость, тутъ завоеваніе, насиліе и пр. и пр. Китайцы не понимаютъ обязанности своей позволять Англичанамъ ихъ обманы-

---

*) Подавшіе первый поводъ къ своевольному измѣненію Западомъ вселенскаго символа вѣры и тѣмъ самымъ къ отпаденію Западной церкви. *Изд.*

вать, обсчитывать и одурять опіумомъ. Все это смѣшно и безразсудно; но намъ не должно быть через-чуръ строгими. и право, можно-бъ было довольствоваться благороднымъ презрѣніемъ къ ихъ безумію и не употреблять насилія въ доказательство яснаго и безсомнѣннаго права, которое имѣетъ всякій человѣкъ высоко-просвѣщенный—разорять и развращать всякаго дикаго или полупросвѣщеннаго сына земли.

Географія и исторія.—Разные методы географіи.

Знаніе земли и ея жителей, знаніе измѣненій, происшедшихъ въ ея видѣ и въ ихъ судьбахъ, приняты въ науку подъ именами географіи и исторіи. Въ исторіи преобладаетъ человѣкъ, потому что, свободные отъ вещественныхъ силъ прошедшаго времени, мы отыскиваемъ въ немъ только то, въ чемъ состояли смыслъ и разумъ міра земнаго, а это — судьба человѣчества. Въ географіи земля и человѣкъ оспариваютъ первенство другъ у друга, потому что жизнь и судьба каждаго зависитъ столько же отъ вещественной природы, сколько и отъ людей. Иногда, чувствуя высокое наше значеніе, наука описываетъ современныя намъ племена и народы, разсматривая пространство земли, ими занятое, какъ предметъ второстепенный, какъ почти случайное ихъ жилище; иногда описываетъ она одни вещественные очерки самой земли и, помѣщая людей въ общій итогъ всего живущаго и движущагося, предоставляетъ исторіи расписывать на этомъ грунтѣ, почти неизмѣнномъ, свои разнообразныя картины. Въ обоихъ случаяхъ наука права, но въ каждомъ изъ нихъ она получаетъ свой особый характеръ.

Ни въ древности, ни въ новыя времена, географы не придерживались строго одной какой нибудь системы; однакоже, вообще у нихъ замѣтно преобладаніе стихіи человѣческой. Въ нашъ вѣкъ появилась впервыя географія правильная и методическая. Германскіе ученые основали ее на видимомъ и опредѣленномъ раздѣленіи земли по ея возвышенностямъ и углубленіямъ, по ея материковымъ твердынямъ и береговымъ скатамъ. Такой выборъ могъ бы показаться страннымъ и неожиданнымъ въ народѣ, котораго жизнь и умъ исключительно обращены къ духовному развитію человѣчества; но съ другой стороны мы найдемъ его весьма естественнымъ при сравненіи твердыхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы вещественной съ разнообразнымъ и прихотливымъ проявленіемъ воли человѣческой и со всѣми случайностями разселенія народовъ. Нѣмцы избрали самый простой и легкій путь, и мы должны отдать справедливую дань уваженія къ ихъ прекраснымъ трудамъ.

Стройность вещественныхъ условій на земномъ шарѣ; независимость человѣка.

Превосходство новой системы передъ прежними обнаруживается уже и въ глубокой занимательности, которую получила наука. Сухость, произвольность, случайность и неопредѣленность старыхъ книгъ географическихъ были явными признаками дурной методы; чтеніе ихъ было трудно, изученіе утомительно. Стройное и увлекательное цѣлое, представляемое новыми произведеніями, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что землеописаніе приняло форму истинно-ученую и разумную.

Не въ однихъ описаніяхъ, но въ строгихъ наблюденіяхъ надъ барометромъ и годовыми измѣненіями термометра, въ сравнительныхъ трудахъ ботаниковъ и зоологовъ, во всемъ дышетъ полнота и гармонія живаго организма. Сперва отлогіе берега Сѣвера, вѣчный туманъ, враждебное море, лѣнивое теченіе огромныхъ рѣкъ скудный грунтъ, покрытый мхомъ и нетающимъ снѣгомъ; потомъ теплые скаты умѣренныхъ поясовъ, разнообразная растительность, тихая и веселая стройность жизни, гостепріимное море, благодатная земля, ласковое небо; потомъ знойный Югъ, степи, въ которыхъ ни одна былинка не зеленѣла и долины, въ которыхъ подъ тѣнію громадныхъ растеній земля никогда не видала солнца, тишины намъ непонятныя, и бури, которыя намъ кажутся сказками, раскаленное небо, прихотливое море, природа, дышащая необузданными страстями: вотъ берега океановъ. Потомъ отъ нихъ вы поднимаетесь на среднія ступени материковъ и, перешедши черезъ дружескія области умѣренныхъ климатовъ, вы снова на крайнихъ высотахъ земного шара встрѣчаете вѣчные, враждебные льды и мертвую природу. Съ вершины горъ дикій и неизмѣнный Сѣверъ грозно смотритъ на роскошь и богатую жизнь Полудня.

Въ наукѣ есть уже поэзія, потому что наука сдружилась съ истиною.

Но какъ ни велики эти успѣхи, они не выходятъ изъ предѣловъ самой матеріальной части географіи. Человѣчество еще не проявляется, или проявляется въ раздорѣ съ системою избранною. Человѣкъ свободенъ, онъ не связанъ законами почвы, климата, возвышенностей или углубленій шара.

Взгляните на землеописаніе. Все въ гармоніи, и только племена людей составляютъ какую-то рѣзкую противоположность съ окружающею ихъ природою. Бѣлый медвѣдь передвигаетъ свою неуклюжую силу только по льдинамъ полюса, и прыжокъ полосатаго тигра заключенъ въ границахъ тропическихъ странъ,—но человѣкъ этихъ законовъ не знаетъ. Передъ вами шумятъ холодные прибои Сѣвера, воздухъ полонъ тумановъ и вьюгъ; а промышленникъ, который сквозь мятель и бурю пробаивется за оленемъ или чернобурою лисицею, представляетъ вамъ правильный окладъ лица, русые волосы и разумные глаза Европейскаго племени. Подъ жгучимъ солнцемъ Индіи, подъ ея стройными пальмами, силы и роскошь и жизнь страны принадлежатъ тому же Европейцу, который перенесъ въ Индію спокойные черты, видъ размышленія и просвѣщенную физіономію, отличающіе его отъ всѣхъ другихъ племенъ. А между тѣмъ въ самой Европѣ, на крайней ея западной оконечности, изумрудный островъ (земля поэзіи и страданій) населенъ народомъ, котораго черные волосы, живая физіономія и огненный, непостоянный характеръ напоминаютъ намъ южный поясъ, и котораго языкъ свидѣтельствуютъ о родствѣ съ племенами Семитическими или Арамейскими *). Мягкіе и текущіе звуки Финской Калевалы не внушены враждебною природою Сѣвера, и странно слышать шипѣніе и свистъ

---

*) Въ то время, когда Хомяковъ писалъ эти строки, родство Кельтскихъ нарѣчій съ языками Индо-Европейскими не было еще признано даже спеціалистами-филологами, и нарѣчія эти обыкновенно причислялись къ семьѣ Семитической. Далѣе читатель увидитъ, что авторъ, воспользовавшись первыми открытіями основанной Боппомъ раціональной лингвистики въ области Кельтскихъ нарѣчій, измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе. *Изд.*

Англійскаго языка на величественныхъ берегахъ Мешасебе или Сусквеганны. Человѣкъ очевидно не даетъ заключать себя въ разряды и графы, на которыхъ основано раздѣленіе новой физической географіи.

География, разсматриваемая со внесеніемъ стихіи человѣческой; ея сложность и три главныхъ начала.

Для него нужна наука иная, основанная на другихъ понятіяхъ, на другой системѣ и раздѣленная по примѣтамъ внутренней вольной жизни человѣческой, а не рабски-постоянныхъ законовъ земнаго вещества. Но самое разнообразіе и богатство стихій, соединенныхъ въ существѣ разумномъ, затрудняютъ выборъ одного какого-нибудь начала и, убѣдившись въ невозможности найти всеобъемлющую форму, мы должны искать полноты науки въ соединеніи нѣсколькихъ формъ, изъ которыхъ каждая болѣе или менѣе одностороння и не удовлетворительна, но въ тоже время необходима для полнаго обозрѣнія современнаго человѣчества.

Во-первыхъ, человѣкъ по своему вещественному составу, подчиненъ общимъ уставамъ земной природы, и черты, неизмѣнно передаваемыя отъ поколѣнія поколѣнію, служатъ основаніемъ раздѣленія всего человѣчества на нѣсколько племенъ, отличныхъ одно отъ другого. Трудно сказать, была ли какая нибудь гармонія между наружными признаками этихъ племенъ и климатами, въ которыхъ развились они; но теперь, разселенныя по лицу земли собственною волею или силою обстоятельствъ, они сохраняютъ навсегда формы, полученныя ими въ наслѣдство отъ родоначальниковъ, на зло климатамъ и землямъ, въ которыхъ они теперь живутъ.

Во-вторыхъ, человѣкъ приближается къ жизни болѣе истинной и достойной его опредѣленія, вступая произвольно въ общество другихъ людей. Начинается размѣнъ силъ и взаимныхъ пособій, поставляются условія, возникаютъ законы, рождаются государства. Этотъ новый союзъ людей, подчинившихъ свой произволъ и прихоти понятіямъ о выгодахъ и благѣ, представляетъ уже воплощенную мысль въ органическомъ тѣлѣ. Каковы бы ни были первоначальныя понятія, какую бы ни представляли они смѣсь лжи съ правдою, правильныя общества облагороживаютъ человѣчество и составляютъ для науки предметъ важный, опредѣленный и достойный ея.

Наконецъ, человѣкъ, царь и рабъ земной природы, признаётъ въ себѣ высшую, духовную жизнь. Онъ сочувствуетъ съ міромъ, стремится къ источнику всякаго событія и всякой правды, возвышается до мысли о божествѣ и въ ней находитъ вѣнецъ всего своего существованія. Темно ли, ясно ли его понятіе, вѣчной ли истинѣ, или мимолетному призраку приноситъ онъ свое поклоненіе, во всякомъ случаѣ вѣра составляетъ предѣлъ его внутреннему развитію. Изъ ея круга онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго.

Такимъ образомъ представляются намъ три необходимыя дѣленія науки географической (принявшей человѣка за главный предметъ):

1-е. По племенамъ,

2-е. По государствамъ,

3-е. По вѣрамъ *).

Важность въ географіи дѣленія по племенамъ.—Общій обзоръ племенъ человѣческихъ.

Изъ нихъ только второе обращало до сихъ поръ на себя вниманіе ученыхъ; но и оно не служило никогда единственною основою системы. Къ нему всегда примѣшивались другіе разряды, принадлежащіе географіи физической и чуждые землеописанію, избравшему государства главнымъ предметомъ своимъ. Англія и Канада или Іонійскіе острова, Россія и ея Американскія владѣнія никогда не входили въ одинъ отдѣлъ; не было строгихъ началъ и опредѣленной системы. О племенахъ

---

*) Заключенныя въ скобкахъ слова были написаны авторомъ, но вычеркнуты имъ; намъ показалось необходимымъ возстановить ихъ для ясности его мысли. *Изд.*

или вѣрахъ никто еще не подумалъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ монографій какихъ нибудь отдѣльныхъ племенъ или религій, самые простые, опредѣленные и постоянные признаки вещественные обратили на себя также мало вниманія, какъ и самое высшее проявленіе умственной жизни человѣка.

Дѣленіе географіи по племенамъ человѣческимъ представляетъ много выгодъ передъ другими; главныя же выгоды его состоятъ въ его постоянствѣ, почти неизмѣнномъ, и въ его простотѣ. Кончились переселенія народовъ, на вѣки основаны жилища людей. Кое-гдѣ, въ дальнихъ предѣлахъ, въ пустыняхъ Австраліи или въ степяхъ Африки возникаютъ еще колоніи, и промышленность Европейцевъ строитъ новые города; но движенія большихъ массъ уже ожидать нельзя. Вѣроятно черезъ десятки вѣковъ золотисто-каштановые волосы (auburn hair) будутъ еще отличать житей Англіи, и Сенегальскіе Негры сохранятъ свой черный цвѣтъ, толстыя губы и курчавые волосы; а сколько разъ до того времени успѣютъ передвинуться границы государствъ, сколько успѣютъ упасть и возникнуть? Спросите объ этомъ у исторіи послѣднихъ сорока лѣтъ или поглядите на атласы, сдѣланные до 1812 года, которые уже ни на что негодны. Дѣленіе по условнымъ границамъ обществъ измѣняется безпрестанно, и дѣленіе по вѣрамъ исчезнетъ совершенно; дѣленіе по племенамъ вѣроятно останется на вѣкъ.

Несмотря на вещественность признаковъ, на которыхъ тогда основалась бы наука, обвиненіе въ излишней матеріальности было бы несправедливо. Вліяніе племени на развитіе и направленіе умственныхъ способностей народовъ несомнѣнно и точно также важно, какъ вліяніе организма каждаго отдѣльнаго человѣка на его духовную жизнь. Сверхъ того, главный признакъ, отъ котораго отправлялись бы всѣ розысканія, уже составляетъ самъ по себѣ переходъ отъ міра вещественнаго къ міру мысли: это языкъ. Коренной характеръ каждаго языка былъ вѣроятно въ согласіи съ прочими родовыми признаками одной изъ первыхъ человѣческихъ семей; измѣненіе его шло равнымъ шагомъ съ ея исторіей; современная его форма есть выводъ всей прошедшей жизни ея. Безпрестанно пересозидаемый новыми поколѣніями, онъ безпрестанно дѣйствуетъ на нихъ и держитъ ихъ мысли подъ своею незамѣтною опекою. Въ немъ есть тайная сила, до сихъ поръ необъяснимая, какъ все, что̀ касается области духа.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни смотрѣли на языкъ,—какъ на силу, управляющую отчасти самою мыслію, или на самое вѣрное проявленіе мысли,—мы должны признаться, что дѣленіе по племенамъ также важно въ отношеніи міра духовнаго, какъ оно просто и вѣрно въ отношеніи вещественнаго описанія человѣчества, и потому вполнѣ можетъ служить началомъ новой наукѣ географической.

Можно замѣтить нѣкоторую гармонію между дѣленіемъ человѣчества на племена и физическимъ дѣленіемъ земли по материкамъ. Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Европѣ и Австраліи соотвѣтствуютъ племена: желтое, черное, красное, бѣлое и оливковое. Но эта гаронія почти ничтожна въ сравненіи съ безконечными разногласіями между землею и ея жителями. Прошедшее принадлежитъ исторіи, географія смотритъ только на современное, и для нея Санъ-Доминго (или Гаити), получившее названіе отъ Европейцевъ, а населеніе свое изъ Африки, не входитъ уже въ область племени краснаго, точно также какъ и Соединенные Штаты. Земля, раздѣленная по семействамъ человѣческимъ, представитъ картину любопытную, новую и исполненную живой занимательности. Едва ли въ этомъ отношеніи самое раздѣленіе по профили материковъ можетъ съ нею сравниться. Между тѣмъ какъ Европа уступаетъ всѣмъ частямъ свѣта, кромѣ Австраліи, во всѣхъ физическихъ отношеніяхъ, въ пространствѣ, въ огромности рѣкъ, озеръ и горныхъ хребтовъ, въ богатствахъ ископаемыхъ, въ роскоши растеній, въ силѣ и разнообразіи животныхъ,—племя, которое ей соотвѣтствуетъ и въ ней получило свое величайшее развитіе, племя бѣлое превосходитъ всѣ другія во всѣхъ отношеніяхъ. Ему принадлежатъ часть южной и вся юго-западная Азія, сѣверные берега Африки и часть восточныхъ, вся Европа, кромѣ ея сѣверной оконечности, и большая часть Америки. Въ его рукахъ судьба человѣчества; въ его мысляхъ вся прелесть искусства, все богатство науки. Первое послѣ него числомъ, обширностью области и исторической важностью—

племя желтое; но и того съ нимъ сравнивать нельзя. Двѣ отрасли великаго корня, которымъ довольно произвольно даны имена Семитической и Кавказской или Индо-Германской, заключаютъ въ себѣ всѣ породы бѣлолицыхъ людей. Первая выросла въ знойныхъ пустыняхъ юго-западной Азіи и, покрывая Аравію и приморскіе скаты Ливана, обняла Африку съ Сѣвера и Востока и кинула свои отпрыски на западныя оконечности Европы, въ Испанію и Ирландію, если можно вѣрить преданіямъ и упрямству народной памяти. Вторая развѣтвилась богато отъ южныхъ предѣловъ Индіи черезъ всю Европу и бросила свои безчисленные побѣги черезъ Атлантическій и Южный Океанъ въ новооткрытыя Америку и Австралію. Неровные въ силахъ и современной дѣятельности, они уравнены историческимъ величіемъ Семитическихъ народовъ: безводный Нeджд [1], также какъ бѣдная Палестина, вѣчно памятны зломъ и добромъ всему міру земному. Раздѣленіе отрасли Семитической на три вѣтви, собственно такъ называемыхъ Семитовъ, Кушитовъ [2]) и Арамейцевъ, подвержено сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ первые почти стерты съ лица земли бурею войны или живутъ разметанные и вкрапленные въ массахъ другихъ народовъ; послѣдніе еще сохраняютъ свою старинную независимость, свои обширныя жилища и кочевую жизнь. Подъ разными названіями, съ нарѣчіями, нѣсколько отклонившимися отъ первоначальной формы, они не утратили силы и характера. По прежнему, рука ихъ противъ всѣхъ, и руки всѣхъ противъ нихъ. Разнообразнѣе и счастливѣе развѣтвленіе Индо-Германской отрасли. Важность ея начинается съ самымъ раннимъ началомъ исторіи, и время упадка для нея не наступало. Въ нашъ вѣкъ она все еще растетъ и крѣпнетъ. Народы, принадлежащіе къ ней, занимали поочередно первое мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества; но ни одинъ не достигалъ того развитія, того огромнаго размѣра и того всемірнаго значенія, которыми отличается Германская семья. Владѣніе ея распространилось во всѣ климаты и во всѣ части земнаго шара. Сохраняясь съ чистотою, почти безпримѣсною, въ коренныхъ своихъ жилищахъ, охваченныхъ морями Сѣвернымъ и Балтійскимъ, Одеромъ, Исполинскими горами, Альпами и Рейномъ, и занимая колоніями своими часть Финскаго поморья и Славянскихъ береговъ Дуная, она перешла свою южную и западную границу и подъ именемъ Лонгобардовъ перемѣнила судьбу и составъ народовъ Италіи, подъ именемъ Франковъ, Батавцевъ и Бургундцевъ наполнила страны между Рейномъ, Атлантическимъ океаномъ, Пиренеями и Средиземнымъ моремъ, подъ именемъ Вестъ-Готѳовъ и Свевовъ населила полуостровъ за Пиренеями, а подъ именемъ Саксонцевъ, Англовъ и Нордмановъ утвердила свою державу въ островахъ Британскихъ. Подвигаясь на Западъ съ силою неудержимою и перешагнувъ черезъ морскую преграду, она же подъ названіемъ Англичанъ и Французовъ, Гишпанцевъ и Португальцевъ *) сдѣлалась единственною владѣтельницею Новаго Свѣта и покрыла сѣтью государствъ всю Америку, оставляя красному племени только сѣверную и южную оконечности ея, страну холодную и негостепріимную, да нѣсколько лѣсовъ непроходимыхъ въ тропическомъ поясѣ. Наконецъ, въ нашъ вѣкъ она же становится твердою ногою на сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ берегахъ Африки, на богатыхъ островахъ Индѣйскаго моря, созидаетъ новые города и новыя державы въ Гангесскомъ полуостровѣ и основываетъ на материкѣ Австраліи новую Европу, пространствомъ своимъ почти равную старой. Такимъ образомъ, заключая въ себѣ почти всѣ сильныя державы и всѣ просвѣщенные народы міра, управляя его судьбами въ отношеніи развитія государственнаго и умственнаго, посредствомъ отвлеченнаго мышленія Нѣмецкаго, политическаго электричества Франціи и колоссальнаго соединенія энергической воли, наблюдательнаго разума и практическаго воображенія въ Англіи, Германская семья беретъ неоспоримое первенство передъ всѣми другими. Такова она для философа. Такова она и для географа, который находитъ въ ея области те-

---

[1] Центръ Аравіи, колыбель Магометанства. *Изд.*

[2] Т. е. вѣтвь Вавилоно-Ассирійская, по Нимвроду, сыну Куша (Бытія, X, 8—10), а не по происхожденію самаго народа. *Изд.*

---

*) Авторъ разумѣетъ очевидно подъ именемъ Германской семьи не одни только народы Нѣмецкаго племени, но всю семью западно-Европейскихъ народовъ, образовавшихся изъ Кельто-Романскаго міра подъ вліяніемъ Германской стихіи. *Изд.*

ченіе Рейна и Мешасебе [1], Тага и Орелланы [2], вершины Альповъ и Андовъ, берега всѣхъ океановъ и разнообразіе всѣхъ материковъ, виноградники умѣренныхъ поясовъ и мангустаны тропическихъ странъ, дубъ Швеціи и казоарину Новой Голландіи....

Рядомъ съ Германцами, сходные съ ними по всѣмъ наружнымъ признакамъ, почти равные силами и важностью, Славянскіе народы покрываютъ своими вѣтвями и колоніями всю восточную Европу и сѣверную Азію отъ Архипелага, горъ древней Ѳессаліи, Кавказа и Алтая до Ледовитаго моря, отъ Одера до Тихаго океана. Имъ безспорно принадлежитъ второе мѣсто. Отдавая полную справедливость обоимъ великимъ представителямъ племени бѣлолицаго, наука должна замѣтить въ пользу семьи Славянской то, что она сохранила въ гораздо большей чистотѣ родовые свои признаки, чѣмъ Германцы. За Рейномъ и Альпами поколѣнія Нѣмецкія такъ сильно уже смѣшались съ Кельтическимъ и Эллино-Римскимъ, что родство народовъ сдѣлалось почти незамѣтнымъ. Между Гишпанцемъ и Англичаниномъ нѣтъ никакого сходства; а Русскій, Чехъ, Далматинецъ и Болгаръ узнаютъ другъ въ другѣ братьевъ при первомъ взглядѣ, при первомъ словѣ. Это преимущество великое, и оно не можетъ остаться безъ послѣдствій. Но даже тотъ, кто въ будущее заглядывать не хочетъ, признàется, что столько милліоновъ людей, населяющихъ почти безконечное пространство земли, соединенныхъ подъ различными общественными формами и въ тоже время говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, представляютъ зрѣлище величественное и единственное.

Отъ прежней силы Эллино-Римлянъ, отъ ихъ воинственной и художнической славы мало осталось для географіи современной. Южная Греція и Италія съ принадлежащими къ нимъ островами составляютъ всю область этой малочисленной семьи.

Еще несчастнѣе ея Кельты. Отодвинутые на крайній Западъ Европы, они утратили свое политическое существованіе и не могли сохранить ни одного угла земли, свободнаго отъ власти Германской. Такова судьба этого побѣдоноснаго племени, бывшаго грозою Европы, а теперь почти уничтоженнаго. Заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ Бретаньи, Пиринейскихъ долинъ, Валлійскихъ и Шотландскихъ горъ, оно не имѣетъ уже никакого вліянія на ходъ человѣчества и въ одной Ирландіи еще сохраняетъ возможность и надежду воскресенія политическаго. Впрочемъ, какое бы ни было предопредѣленіе Кельтійской семьи въ будущемъ, происхожденіе ея составляетъ еще спорный вопросъ между учеными, которые причисляютъ ее то къ Семитической, то къ Индо-Германской, отрасли. Разрѣшеніе его предоставлено усовершенствованной филологіи и вѣроятно пояснитъ многія темныя мѣста въ исторіи древности *).

---

[1] Миссиссипи. *Изд.*

[2] Иначе Мараньона или Амазовская рѣка. *Изд.*

Полное описаніе Индо-Германскихъ народовъ обнимаетъ большую часть Кавказа и цѣпь Арарата, почти всю Персію, Индію по обѣ стороны Гангеса и западныя долины Гиммалая, Инду-Куга и Памира, гдѣ они составляютъ большую часть народонаселенія подъ именемъ Кяфировъ, Таджиковъ и Сартовъ; но тутъ ихъ крайніе предѣлы. Далѣе на Востокъ, Сѣверо-востокъ и Сѣверъ мы находимъ жилища желтаго племени, раздѣленнаго на двѣ могущія вѣтви. Одна изъ нихъ, подъ именемъ Финновъ и Чуди, разселяясь по теченію сѣверныхъ рѣкъ и морей, бросила случайно смѣлую колонію Венгровъ къ Славянскому Дунаю и проникла до береговъ Балтики, до оконечности Европы къ Нордъ-Капу и до устьевъ Енисея и Лены; она же, перебираясь по цѣпи острововъ отъ Азіатсваго материка въ Америку, докочевала подъ именемъ Эскимосовъ до холодныхъ тундръ Гренландіи, за которыми уже кончается жизнь органическая, и мертвый ледъ покрываетъ безконечность полярныхъ морей. Чудь въ племени желтомъ представляетъ нѣкоторое сходство съ Семитическою вѣтвію племени бѣлаго. Она также была въ старину грозна оружіемъ и славна богатствомъ, и также упала, сохранивъ только огромность пустынныхъ жилищъ, любовь къ свободѣ и кочевую жизнь. Другая вѣтвь желтаго племени (которая не имѣетъ общаго названія, но которую можно соединить подъ фирму Тибетянъ) разселились подъ разными именами — Японцевъ, Китайцевъ, Монголовъ, Турокъ и проч. по всей Средней Азіи, по роскошнымъ берегамъ

---

*) Въ настоящее время этотъ вопросъ разрѣшенъ окончательно признаніемъ Кельтовъ за отрасль Индо-Европейскаго поколѣнія. *Изд.*

рѣкъ, текущихъ отъ Гиммалая къ Восточному океану, и по великолѣпнымъ островамъ его. Тутъ образовала она колоссальныя державы, богатыя всѣмъ кромѣ истиннаго просвѣщенія; а между тѣмъ, ея смѣлыя колоніи, разрывая сѣть народовъ Индо-Германскихъ и Семитическихъ, смѣшались съ Индійскими племенами за Гангесомъ, заняли Каспій, ворвались въ гористую Персію, гдѣ они до сихъ поръ живутъ подъ разными названіями Туркменцевъ, Брагуйцевъ и другихъ, покрыли низовья Волги и Дона, втѣснились въ ущелія Кавказа, сдѣлались почти единственными жителями Малой Азіи и основали одну изъ сильнѣйшихъ имперій міра въ земляхъ, раздѣляющихъ Славянъ отъ Эллиновъ, на прекрасныхъ берегахъ Архипелага и Мраморнаго моря. Было время, когда сила желтаго племени грозила не только первенству, но даже свободѣ и существованію Европейцевъ. Потопомъ текли полчища Чингисовъ, Тимуровъ и Сулеймановъ, сокрушая всѣ царства, потрясая все зданіе западной гражданственности. Потомъ отхлынули волны, улеглись народы Востока въ предѣлахъ Азіи. Западъ развилъ исполинскія силы въ обществахъ стройныхъ и мыслящихъ, и наша эпоха, представляя намъ торжество бѣлаго племени, представляетъ намъ въ тоже время упадокъ и изнеможеніе державъ чисто-Азіатскаго начала. Такова картина современная. Но 400 милліоновъ людей, имѣющихъ исторію и старую славу побѣдъ и изобрѣтеній *), не могутъ погибнуть навсегда. Дарданеллы и скаты Тавра будутъ опять въ области Индо-Германскихъ народовъ; но Средняя Азія, колоссальныя твердыни Гиммалайскаго хребта, берега Кіянга и острова Японіи еще представятъ будущимъ поколѣніямъ развитіе народовъ въ размѣрахъ огромныхъ и великолѣпныхъ.

Племена красное, оливковое и черное представляютъ географу хаосъ, еще мало освѣщенный свѣтомъ ученыхъ розысканій; но невѣжество наше почти также совершенно насчетъ обитаемыхъ ими земель, какъ и насчетъ развѣтвленія ихъ поколѣній. Вообще однакоже можно замѣтить нѣкоторый параллелизмъ въ дѣленіи всѣхъ племенъ, бѣлаго на Семитическое и Индо-Германское, желтаго на Чудь и Тибетянъ, чернаго на Негровъ и Кафровъ, оливковаго на Австралій-

---

*) Про Китайцевъ нельзя сказать, чтобы они не изобрѣли пороху.

ца и Полинезійца, краснаго — можетъ быть на Канадца и Патагонца. Время пополнитъ и пояснитъ многое: но уже намъ извѣстно столько, сколько нужно для основанія богатаго и новаго отдѣленія науки. Безъ сомнѣнія, оно потребуетъ трудовъ, и трудовъ великихъ. Легче съ барометромъ и менсулой разсмотрѣть и измѣрить неровности земной поверхности, легче прослѣдить побѣги и отпрыски горныхъ хребтовъ, чѣмъ отыскать съ помощію языкознанія и исторіи мелкія вѣтви народовъ, разбросанныхъ волею или неволею по всѣмъ частямъ свѣта между другими чуждыми имъ народами. Все еще не разработано, пустынно и дико; но за то всякій трудъ будетъ плодоносенъ и достоинъ благодарности. Земля, царства и люди представятся въ иномъ свѣтѣ, и наблюдательный взоръ откроетъ неожиданно слабость въ величіи и силу въ явленіяхъ мелкихъ и незамѣчаемыхъ до сей поры. Аравія будетъ еще имѣть исторію, когда кончится разсказъ о случайной власти Оттомановъ; а съ другой стороны, Славянскіе Чехи живутъ отъ Исполинскихъ горъ до Дуная, Славянскіе Ляхи покрываютъ сѣверный скатъ Карпатской цѣпи, Словаки и Русняки наполняютъ ея долины; Финны-Мадьяры — хозяева береговъ Тиссы и Дуная. Альпы Стиріи, Крайны, Хорваціи и Далмаціи — старая обитель Славянъ-Иллирійцевъ. Венеція и Ломбардія не понимаютъ Нѣмецкаго языка: — скажите, гдѣ же Австрія?

Дѣленіе по государствамъ.

Почти не нужно бы было говорить о второмъ видѣ землеописанія, т. е. по обществамъ политическимъ или государствамъ. Онъ давно всѣмъ извѣстенъ и служитъ основаніемъ почти всѣмъ географическимъ курсамъ. Шаткость его опредѣленій и случайность, отъ которой онъ зависитъ, таковы, что онъ не заслуживаетъ предпочтенія передъ другими; но въ тоже время такова важность его въ жизненной практикѣ и въ исторіи міра, что мы не можемъ оставить его вовсе безъ вниманія. Дѣленія его просты и легки, границы опредѣленны, выводы ясны, приложеніе ежедневно; но истинную пользу отъ него мы получимъ только тогда, когда явятся географическія книги, не принимающія никакихъ другихъ раздѣловъ земли, кромѣ раздѣла по государствамъ.

До сихъ поръ во всѣхъ курсахъ встрѣчается нелѣпая смѣсь географіи физической и политической. Во-первыхъ, является раздѣлъ по материкамъ, потомъ по поясамъ. Какая-нибудь произвольная линія, прочерченная прихотью ученаго по Уральскому хребту и потомъ проведенная на удачу до Каспійскаго моря, разрѣзываетъ пополамъ Россію, и читатель, узнавши кое-какъ Европейскую часть ея, долженъ терпѣливо ожидать минуты, когда автору угодно будетъ опять приняться за Россію Азіатскую. Объ Англіи нечего и говорить: она вездѣ и нигдѣ, въ числѣ сѣверныхъ и южныхъ державъ, въ числѣ государствъ Европейскихъ, Американскихъ, въ Африкѣ, Азіи и Австраліи. Спрашиваю: кто найдетъ въ этихъ разбросанныхъ членахъ могущее тѣло, движимое желѣзною волею и великимъ разумомъ? Гдѣ же система, и чтò это за географія? Какъ великолѣпна и поучительна была бы картина стройныхъ обществъ человѣческихъ, предполагающая физическое землеописаніе, какъ данную уже всѣмъ извѣстную, и не принимающая никакихъ началъ, чуждыхъ ея основнымъ законамъ! Но такой книги мы еще ожидаемъ, и ученые, слѣдуя дурному обычаю, принятому издавна, вѣчно движутся по одной колеѣ и забываютъ, что безпорядокъ часто бываетъ вреднѣе ошибки.

Дѣленіе по вѣроисповѣданіямъ.

Наконецъ, представляется третій видъ описанія земли и ея жителей, раздѣленныхъ по господствующимъ формамъ вѣры. До сихъ поръ никто не чувствовалъ его важности и не обращалъ на него вниманія. Изрѣдка являлись приблизительныя исчисленія людей, принадлежащихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ; но эти исчисленія, плодъ огорченнаго чувства религіознаго, или враждебной насмѣшливости, или простого любопытства, не вели ни къ чему. Никому, кажется, въ голову не приходило, что, сведя въ одно цѣлое и въ одну систему всю картину человѣчества, раздѣленнаго по высшему признаку его духовнаго развитія, можно представить результаты новые и поучительные и достойно довершить зданіе географическихъ наукъ. Климаты, характеры земель, наружный образъ людей, ихъ образованность, ихъ гражданственность, ихъ движеніе торговое и политическое, подчиненныя одному великому началу и обратно дѣйствующія на него: вотъ что слѣдуетъ представить; вотъ трудъ, который долженъ быть исполненъ.

Знаю, что географія такого рода не можетъ имѣть прямаго приложенія такъ, какъ географія физическая или описаніе государствъ; знаю и то, что она потребуетъ многихъ розысканій и изслѣдованій; но знаю также, что она будетъ богата плодами и выводами для умовъ размышляющихъ. Мореплаватель не отыщетъ по ней гавани, или купецъ сбыта своимъ товарамъ, или деревенскій читатель спорнаго городка, о которомъ хлопочетъ какой-нибудь царь съ какою-нибудь республикою: но философъ увидитъ въ ней самое полное и многозначительное изображеніе нашего земнаго жилища. Что же касается до трудности въ исполненіи, то она будетъ побѣждена, когда приложатъ къ представленнымъ мною формамъ географіи тоже самое терпѣніе, съ которымъ ученые Нѣмцы сличаютъ и свѣряютъ всѣ углубленія и неровности долинъ Абиссиніи или Тибета, вымѣренныхъ Европейскими путешественниками. Мы будемъ близки къ рѣшенію этихъ задачъ, когда вѣчно-движущіеся Англичане обратятъ столько же вниманія на людей, какъ и на природу. Но должно признаться, что по сіе время они берегутъ все свое уваженіе для горъ, водопадовъ, звѣрей и прочихъ предметовъ, съ которыми они не могутъ имѣть соперничества, и мало его удѣляютъ человѣчеству, котораго лучшимъ цвѣтомъ они считаютъ себя, не совсѣмъ безъ причины.

Главные виды вѣроисповѣданій.

Многобожіе (политеизмъ), единобожіе (монотеизмъ) и всебожіе (пантеизмъ) заключаютъ въ себѣ всѣ виды вѣрованія. Въ нихъ содержится и дуализмъ, который есть или скрытый монотеизмъ (какъ у древнихъ Персовъ), или политеизмъ (какъ у нѣкоторыхъ Гностиковъ), и нигилизмъ, въ которомъ не видимъ ничего кромѣ *измѣненнаго пантеизма*. Считая монотеистами Христіанъ, Евреевъ, Магометанъ и Гвебровъ, пантеистами почти всѣхъ жителей огромнаго Китая, Тибета, Японіи, Загангесской Индіи, Цейлона, наконецъ политеистами всѣ прочіе народы, у которыхъ находимъ поклоненіе многимъ богамъ или одному богу родовому или мѣстному, не исключающему возможности другихъ,—мы найдемъ, что всѣ три вида вѣры почти равны между собою числомъ своихъ послѣдователей, но что нѣкоторое первенство принадлежитъ пантеизму. Далѣе мы замѣчаемъ, что самая высшая форма единобожія, Христіанство, уступаетъ въ числительномъ отношеніи грубому многобожію Индіи и еще грубѣйшему фетишизму Африки и Полинезіи. Этотъ обзоръ неутѣшителенъ.

Придетъ время, когда человѣчество, мужая разумомъ и образованностію, признàетъ одни начала высшей истины; но теперь мы видимъ, что формы религіи до нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ раздѣленію племенъ. Христіанство озаряетъ только народы Индо-Германскіе и весьма слабо проникло въ отрасль Семитическую. Распространеніе его въ племенахъ черномъ, оливковомъ, красномъ и желтомъ такъ незначительно, что объ немъ еще нечего упоминать. Магометанство принадлежитъ единственно народамъ происхожденія Семитическаго и Турецкаго; Индо-Германцы мало къ нему обращались и болѣе повиновались насилію, чѣмъ внутреннему влеченію. Пантеизмъ есть неоспоримая собственность племени желтаго. Наконецъ, многобожіе доходитъ въ черныхъ народахъ Африки до самой крайней нелѣпости.

Разнообразіе формъ гражданственности, просвѣщенія и дѣятельности умственной, также какъ величайшее развитіе силъ государственныхъ, принадлежатъ Христіанству; но послѣ него первое мѣсто принадлежитъ пантеистическому Буддаизму. Магометанскія Персія и Турція далеко не заслуживаютъ такаго глубокаго изученія, какъ Китайская держава. Ея огромное пространство, величественныя формы ея природы, богатство ея произведеній, многочисленность народонаселенія, твердость учрежденій, утонченная искусственность гражданской жизни, колоссальность мирныхъ трудовъ, высоко-человѣческое достоинство самобытныхъ постановленій и мыслей должны не только обратить на себя вниманіе Европейца, но внушить уваженіе безпристрастному наблюдателю.

Для насъ Китаецъ нѣсколько смѣшонъ. Когда объ немъ думаешь, тотчасъ представляется острая шапка съ кисточками, широкіе рукава сумасшедшаго, странная кофточка, узенькіе глазки, выдавшіяся скулы и проч. и проч. Но другое чувство родится въ душѣ того, что окинетъ взглядомъ всю эту имперію. Самыя высокія и живописныя горы всего міра, эта огромная твердыня снѣжнаго Гиммалая, теченіе рѣкъ, передъ которыми мала наша Волга, роскошь природы, соединяющая въ себѣ произведенія всѣхъ климатовъ, каналы больше нашихъ рѣкъ, города больше Лондона, населеніе далеко превышающее всю нашу Европу, древность, передъ которою всѣ державы—выскочки вчерашняго дня: есть чѣмъ гордиться Китайцу, есть надъ чѣмъ задуматься Европейцу. Какъ бы высоко мы себя ни ставили надъ нашими юго-восточными сосѣдями, мы должны признаться, что логическая стройность и строгая послѣдовательность отличаютъ ихъ политическую организацію передъ всѣми другими, и что уваженіе къ уму человѣческому и къ просвѣщенію не доходило нигдѣ до той степени, до которой оно доведено въ Китаѣ. Наконецъ, до тѣхъ поръ, покуда наслѣдство всѣхъ великихъ мыслителей древняго Востока поступитъ въ областъ Христіанства, мы должны признаться, что Буддаизмъ есть самый достойный изъ всѣхъ его соперниковъ; а про него-то мы еще ничего и не знаемъ.

Исторія: ея методы, какъ науки.—Связь въ ней прошедшаго съ настоящимъ и необходимость повѣрки перваго послѣднимъ.

Обозрѣвъ весь кругъ науки географической, мы можемъ судить о томъ, какъ много еще остается совершить, чтобы она сколько-нибудь достигла необходимой полноты. Впрочемъ, ожидая великихъ успѣховъ въ будущемъ, мы должны отдать справедливость трудамъ современниковъ и предшествовавшихъ намъ ученыхъ. Много собрано и много собирается матеріаловъ для систематическаго землеописанія, но они остаются безплодными отъ ложнаго или односторонняго направленія умовъ. Мы должны желать, чтобы умножилось число монографій племенъ и вѣроисповѣданій. Онѣ однѣ могутъ насъ приблизить къ предполагаемой цѣли.

Геологи отыскиваютъ въ нѣдрахъ земли лѣтопись ея измѣненій, и труды ихъ вознаграждены блистательными открытіями. Не имѣя памятниковъ писанныхъ (ибо письмена новы, а земля стара), не имѣя почти никакихъ вспомогательныхъ средствъ, кромѣ темныхъ преданій, они раскрываютъ тайны прошедшаго времени добросовѣстнымъ изученіемъ современнаго состоянія земныхъ пластовъ. Никто еще, кажется, не попалъ на весьма простую мысль приложить къ исторіи человѣчества ходъ геологическій. Вглядитесь въ наслоеніе племенъ, въ ихъ разрывы, въ ихъ вкрапленіе другъ въ другѣ, скопленіе или ограническое срощеніе, и вѣроятно вы разрѣшите неожиданно большую часть историческихъ загадокъ.

Справедливо говорятъ, что тотъ не понимаетъ настоящаго, кто не знаетъ прошедшаго; но неужели же можно узнать невидимое прошедшее, нисколько не зная видимаго настоящаго? Развѣ они не въ самой тѣсной, въ самой непрерывной связи? Изучаютъ мертвые памятники, это дѣло: да развѣ живыхъ памятниковъ нѣтъ? Когда за нихъ примутся, тогда поймутъ важность географіи, и она займетъ достойное мѣсто въ кругѣ человѣческихъ знаній.

Хотите узнать то, что́ было,—сперва узнайте то, что́ есть.

Возвратный ходъ, т. е. отъ современнаго къ старому, отъ стараго къ древнему, не можетъ создать исторій; но онъ, и онъ одинъ, можетъ служить ея повѣркою.

Такимъ образомъ, какъ бы ни были темны разсказы о войнѣ, послѣдовавшій за нею миръ будетъ для нихъ комментаріемъ. Часто послѣ пораженія служатъ благодарственный молебенъ, но рѣдко отступаютъ послѣ побѣды.

Впрочемъ, точно также, какъ люди строили правильные силлогизмы гораздо прежде, чѣмъ написаны были правила силлогизмовъ, исторія приняла въ себя возвратный ходъ критическій безъ вѣдома читателей и писателей. Всякій историкъ начинаетъ ab ovo; но исправленіе исторіи начинается всегда съ времени ближайшаго къ самимъ писателямъ.

Давно ли Западъ узналъ свои древности? Не начался ли свѣтъ съ царствованія Бурбоновъ и Ганноверцевъ? Потомъ распространился онъ на Стюартовъ и Валуа, на Тюдоровъ и Капетовъ; и все далѣе и далѣе противъ теченія времени. Я знаю землю, гдѣ пишутъ исторію государства, исторію народа и прочія тому подобныя исторіи, никогда не доводя розысканій до XVIII-го столѣтія. За то и „темна вода во облацѣхъ“ [1]).

Я желалъ бы, чтобъ всякій, принимаясь писать *о еже быша*, дѣлалъ съ сознаніемъ то, что̀ дѣлалось всѣми безъ сознанія, т. е. чтобы онъ мысленно сводилъ свой разсказъ до своего или, по крайней мѣрѣ, до совершенно извѣстнаго времени и кончалъ возвратною повѣркою; я увѣренъ, что тогда наука подвинулась бы впередъ исполинскими шагами и что мракъ древности отодвинулся бы назадъ на нѣсколько вѣковъ.

Тогда бы перестали писать исторію по одной аналогіи, или описывать, какъ пришелъ народъ изъ дальнихъ сторонъ и завоевалъ землю и поселился въ ней, не справившись, точно ли такой народъ былъ въ такой землѣ и оставилъ въ ней свои жилые слѣды до нашихъ временъ. Ищите corpus delicti и не поступайте, какъ тотъ судъ, который судилъ барина, и тотъ баринъ, который оправдывался въ убіеніи разнощика, уличенный убійца, уже собирался совершить поѣздку въ восточные предѣлы, какъ вдругъ, къ удивленію всего уѣзднаго міра, явился самъ разнощикъ живой и здоровый, шесть лѣтъ послѣ своей смерти. Ищите же праха усопшихъ народовъ, учрежденій и законовъ. Прослѣдите Нигеръ до устья или Заиръ [2]) до истока, и вы этихъ рѣкъ не смѣшаете...

Все настоящее имѣетъ свои корни въ старинѣ; даже самое неожиданное и странное явленіе, будучи хорошо изслѣдовано, приводитъ васъ или къ своему зародышу, который есть не что иное какъ плодъ прошедшаго времени, или къ своей прививкѣ, или къ явленію древнѣйшему, которое въ немъ поглотилось. Такъ отъ новаго постановленія общественнаго, отъ новой границы, отъ новаго племени, отъ новой вѣры къ прежнимъ постановленіямъ, границамъ, племенамъ и вѣрамъ можно идти шагомъ твердымъ и вѣрнымъ, потому что отправляешься отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не сцѣпляешь рядъ гипотетическихъ догадокъ.

---

[1]) Читатели должны помнить, что это было писано въ концѣ 30-тыхъ или, самое позднее, около 1840 года. *Изд.*

[2]) По всей вѣроятности, здѣсь вкралась ошибка, и вмѣсто Заиръ слѣдуетъ читать: *Нилъ*. Дѣйствительно, старинные географы смѣшивали эти двѣ рѣки, принимая Нигеръ за притокъ или верховье Нила, не смотря на то, что онѣ текутъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи. *Изд.*

Я сказалъ уже, что по этому пути слѣдуютъ давно безъ сознанія; но приведеніе такого умственнаго дѣйствія въ систему дастъ прочность, крѣпость и разумное достоинство шаткому инстинкту, управлявшему прежними успѣхами исторіи. Какъ скоро человѣкъ провидѣлъ ясно законы, по которымъ онъ открывалъ истину, силы его вмигъ десятерятся, годы сокращаются въ мѣсяцы, и въ десятилѣтіе поспѣютъ плоды, которымъ до тѣхъ поръ нужны были вѣка.

Но иногда дальнее намъ лучше извѣстно, чѣмъ ближнее..... Пустое! Оно можетъ быть болѣе описано и изслѣдовано, но оно всегда менѣе извѣстно. Тому назадъ сорокъ лѣтъ всякій думалъ знать исторію древности, а объ Среднихъ Вѣкахъ никто и понятія не имѣлъ. Что же теперь? Малѣйшіе труды и нѣсколько ясныхъ поэтическихъ умовъ познакомили насъ съ Средними Вѣками такъ, что мы какъ будто въ нихъ жили, а древность сдѣлалась загадочнѣе чѣмъ когда нибудь. Причина этому то, что мы душою (если хотите инстинктами) знали Средніе Вѣка,—хотя происшествія ихъ не были намъ разсказаны, а отъ древности оставалась лѣтопись, но духъ улетѣлъ. Другая причина та, что Средними Вѣками занялись не историки, а романисты, т. е. люди которые добродушно угадывали прошедшее по современному и не считали себя въ необходимости нанизывать въ своихъ розысканіяхъ годъ за годъ по хронологическому порядку. Повторяю еще: ближнее всегда намъ болѣе извѣстно дальняго. Еслибы можно найти исключеніе этому общему правилу, еслибы отъискалась эпоха менѣе извѣстная чѣмъ предшествовавшая, то и тогда пробѣлъ исторіи должно бы пополнить выводами отъ позднѣйшихъ ясныхъ временъ, а не отъ прошедшихъ. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, кромѣ того, кто вздумалъ бы утверждать, что есть какая нибудь эпоха древняя болѣе намъ знакомая, чѣмъ всѣ послѣдующія. Такой парадоксъ не требуетъ отвѣта.

Повторяя нѣсколько разъ и объясняя эти правила, я надѣюсь убѣдить мыслящаго читателя въ томъ, что важность географіи для исторіи еще не оцѣнена вполнѣ, что знаніе современнаго міра есть лучшая основа для знанія минувшаго и что критика историческая еще не получила систематическаго направленія; но я нисколько не предлагаю писать исторію, какъ встарину колдуны читали молитвы: задомъ напередъ.

Съ какихъ поръ начинается исторія у разныхъ племенъ?—Источники историческихъ свѣдѣній.—Степень ихъ древности.—Страны ими обнимаемыя.

Человѣчеству не суждено разгадать все прошедшее и прослѣдить всю жизнь свою обратно до колыбели: многое останется неизвѣстнымъ навсегда. Человѣкъ пополняетъ воспоминаніе о своемъ младенчествѣ разсказами старшихъ; но кто былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ новорожденнаго человѣчества? До сихъ поръ есть прозябающія племена, для которыхъ не наступило время самопознанія, люди которые поутру не помнятъ вчерашняго вечера, а къ вечеру уже забываютъ про минувшее утро. Въ нихъ нѣтъ еще возможности самобытной исторіи, и смѣшно бы было предположить, что они когда нибудь вспомнятъ то, о чемъ теперь уже забыли. Къ счастію, мало остается такихъ племенъ на земномъ шарѣ, и эти населенія должны въ скоромъ времени или погибнуть, или перейти на высшую степень развитія.

Достойно замѣчанія, что они всѣ принадлежатъ черной, красной или оливковой семьѣ, и всѣ живутъ въ южномъ полушаріи, а именно на оконечностяхъ Африки и Америки или на островахъ Австралійскихъ. Бѣлыя и желтыя племена, также какъ и сѣверное полушаріе, не представляютъ ничего подобнаго.

Но кромѣ этихъ жалкихъ выродковъ человѣчества, есть миллioны людей, которые, какъ дѣти, помнятъ только нѣкоторыя недавнія происшествія; милліоны, которые, какъ старики, пережившіе разсудокъ свой, сохраняютъ только темную память объ какихъ-то дѣлахъ или явленіяхъ природы, случившихся въ извѣстную древнюю эпоху, и забыли всѣ послѣдовавшія измѣненія жизни своей. Для нихъ всѣхъ исторія невозможна: объ иныхъ только можно сказать, что они существовали уже тому пятьдесятъ, сто или полтораста лѣтъ, объ другихъ, что они когда-то, гдѣ-то были моложе, сильнѣе и умнѣе, чѣмъ теперь. Во всякомъ случаѣ, не они сами, а другіе народы, поставленные выше ихъ на лѣстницѣ просвѣщенія, откроютъ то, что̀ еще можно открыть объ ихъ пропедшей судьбѣ. Такова теперь четвертая часть человѣчества; таково въ древнія времена было оно почти все.

Итакъ, самобытная лѣтопись большей части народовъ и племенъ невозможна *съ древнихъ временъ* [1]); напримѣръ, исторія Славянъ или Турокъ до девятаго вѣка. Возможна только исторія нѣсколькихъ центровъ просвѣщенія и нѣсколькихъ близкихъ къ нимъ земель, озаренныхъ ихъ отблескомъ. Кругъ этотъ тѣсенъ и тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ болѣе мы проникаемъ въ древность.

Письменность составляетъ главную основу исторіи; поэтому народы просвѣщенные, но незнавшіе письменъ, впали въ забвеніе наравнѣ съ дикарями. (Такова участь Кельтовъ, можетъ быть, за исключеніемъ Ирландіи). Число грамотныхъ народовъ, до великой эры Христіанства, уже весьма ограниченное, еще уменьшилось для науки уничтоженіемъ памятниковъ словесности. Такъ отъ древней Ассиріи и богатаго Вавилона, отъ предпріимчивой Финикіи и отъ Карѳагена, въ которомъ соединялась торговля Азіи, Африки и Европы, осталось только нѣсколько темныхъ разсказовъ, вѣроятно искаженныхъ Греками и Римлянами. Египетъ оставилъ намъ гранитныя доски, на которыхъ, можетъ быть, удастся со временемъ разобрать отрывочныя извѣстія о старыхъ войнахъ Фараонскихъ; а Персія и Мидія завѣщали нѣсколько надписей, свидѣтельствующихъ о томъ, что жили и умерли цари имярекъ, и только [2]).

---

[1]) Слова, напечатанныя *курсивомъ*, вставлены при изданіи, какъ очевидно пропущенныя авторомъ. *Изд.*

[2]) Открытія, сдѣланныя послѣ того, какъ написаны были эти строки, придали бо̀льшее историческое значеніе памятникамъ древнихъ Египтянъ, Ассирійцевъ и Персовъ. *Изд.*

Памятники таинственной Этруріи почти безглагольны; исписанныя ущелья сѣверной Аравіи, доказывая стародавнее просвѣщеніе Азіатскихъ народовъ, не откроютъ намъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ боговъ, которымъ они поклонялись, или сосѣдей, которыхъ грабили. Наконецъ, до-Гангесская Индія, обѣтованная земля суевѣрныхъ надеждъ для изслѣдователей судебъ человѣчества, Индія, которая считаетъ десятками вѣка своей гражданственной и умственной жизни и тысячами произведенія своей глубокомысленной поэзіи, не можетъ сказать намъ ни слова о своемъ и нашемъ прошедшемъ.

И такъ, хотя письменность есть главная основа исторіи, мы видимъ, что часто и при ней исторія невозможна.

Свѣтлыя точки, отъ которыхъ можетъ отправиться наука, то-есть народы, оставившіе намъ сказанія болѣе или менѣе достовѣрныя, какъ мы уже видѣли, очень немногочисленны. Римъ, Греція, Цейлонъ, Китай, Израиль — вотъ единственные представители древности всѣхъ племенъ, всѣхъ царствъ, всего пространства земнаго. Быть можетъ, еще откроются какія-нибудь лѣтописи въ Кашемирѣ или въ Загангесскомъ полуостровѣ или въ Тибетѣ; но многаго ждать мы не можемъ и не должны.

Лѣтописи Рима и Греціи не восходятъ далѣе IX-го вѣка до Р. Х.; отъ эпохи предшествовавшей IX-му вѣку остались только поэтическія и безсвязныя преданія. Лѣтописи Сингалезскія начинаются введеніемъ Буддаизма въ Цейлонъ, т.-е. около VI-го столѣтія до Р. Х. Китай хвалится сорока-вѣковою исторіею, но критика уже оцѣнила ея достовѣрность и нашла въ ней безпорядочный сборъ сказокъ, связанныхъ на живую нитку шарлатанствомъ ученыхъ. Хаосъ преданій и выдумокъ проясняется только за 8, много за 10 вѣковъ до Р. Х. Объ вѣкахъ предшествовавшихъ мы знаемъ, что Китай существовалъ прежде Ву-ванга, такъ же какъ Египетъ прежде Озиртазена, и болѣе ничего *).

---

*) Озиртазенъ, извѣстнѣе подъ именемъ Сесортозиса I-го изъ 12-й династіи Египетской, при которой Египетъ соединился въ одну державу съ столицею

Полнѣе, богаче, послѣдовательнѣе лѣтопись Израиля. Въ ней, послѣ введенія, обнимающаго первоначальную картину человѣчества, является одна семья патріархальная, которой судьбы и дѣянія описаны въ непрерывномъ порядкѣ до образованія изъ нея сперва народа, потомъ государства. Отъ первыхъ странствованій Авраама до паденія Іерусалима при Веспасіанѣ вся жизнь Евреевъ представлена намъ съ ихъ борьбами, съ ихъ побѣдами и страданіями, съ ихъ поэзіею, вѣрою, обрядами и законами. Ни одинъ народъ не имѣетъ такой лѣтописи, и ни одинъ народъ не имѣетъ даже преданій, доходящихъ до его перваго семейнаго начала. Въ этомъ состоитъ важное, но кажется никѣмъ не замѣченное, отличіе исторіи Евреевъ. Отъ этого она одна носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ истины человѣческой, не смотря на сверхъестественный характеръ многихъ происшествій, и будетъ всегда служить первымъ путеводительнымъ свѣтиломъ для добросовѣстнаго розыскателя древности.

Признавая вполнѣ важность повѣсти о судьбахъ дома Израилева, мы въ тоже время должны замѣтить, что кругъ его дѣйствія весьма ограниченъ, что онъ чуждался всѣхъ другихъ племенъ и не обращалъ на нихъ никакаго вниманія, и наконецъ, что онъ, по собственному признанію, весьма молодъ въ великой семьѣ народовъ: ибо Авраамъ еще скитался съ своими стадами въ степяхъ Палестины и Аравіи, когда на престолѣ Египта уже царствовали гордыя династіи Фараоновъ.

Подробная лѣтопись въ продолженіе 13 вѣковъ до Р. Х., безпрерывная цѣпь сказаній до XVIII-го вѣка и подробныя связныя преданія до XXII-го, можетъ быть XXIII-го вѣка,— вотъ исторія Евреевъ. Далѣе этого исторіи уже нѣтъ, а только намеки на исторію рода человѣческаго. Но отъ сѣверной колыбели маленькаго народа выходцевъ Халдейскихъ до ко-

---

Ѳивами. Это событіе относятъ къ XXIV вѣку до Р. Х. Ву-вангъ былъ основатель династіи Чеу, царствовавшей въ Китаѣ съ 1100 по 255 годъ до Р. Х. и съ которой начинается болѣе достовѣрная исторія этой страны. *Изд.*

лыбели самаго человѣчества еще очень далеко, и нѣтъ уже болѣе ни лѣтописей, ни преданій писанныхъ, ни свидѣтельствъ даже сомнительныхъ, ни даже сказокъ сколько нибудь стройныхъ: пустыня.

Письменность историческая проявляется, какъ мы видѣли, у Евреевъ около XVIII-го вѣка до Р. X. и распространяетъ свѣтъ свой на Египетъ, на сѣверъ Аравіи, на Сирію и на Месопотамію, бросая отблески на минувшіе пять вѣковъ до XXIV-го. Въ VIII-мъ вѣкѣ начинается историческая дѣятельность Китая, бросающая слабое мерцаніе на три или четыре минувшіе вѣка. Въ ея свѣтовомъ кругѣ заключена Индія по обѣ стороны Гангеса, средняя твердыня Азіи съ ея воинственными Юе-тами, Іонг-ну и Турками до границъ Сибири и до береговъ Арала и Каспійскаго моря. Греція дѣлается историческимъ центромъ почти въ одно время съ Китаемъ. Пространство времени, ею освѣщенное, также велико; но свѣтъ ея ярче и опредѣлительнѣе. Онъ распространяется на Египетъ, Сирію, Персію, Малую Азію и пригорье Кавказское, на сѣверо-восточную часть Европы, Италію и сѣверные берега Африки. Римъ выходитъ на поприще двумя вѣками позже. Его лѣтописи вмѣстѣ со всѣми преданіями доводятъ насъ до VIII-го, много до IX-го вѣка, но обнимаютъ весь Западъ и середину Европы, съ южными берегами Средиземнаго моря. Около того же времени, на оконечности Индіи начинается лѣтопись Цейлона и захватываетъ въ свѣтовой кругъ свой южную Индію и близъ-лежащіе острова.

Внѣ обозначеннаго нами пространства мракъ совершенный, и исторія въ тѣсномъ смыслѣ не существуетъ.

Истинный предметъ исторической науки и ея истинное значеніе.

Таковы границы, въ которыхъ должна бы заключаться вся древняя исторія, если мы подъ этимъ именемъ разумѣли бы послѣдовательный разсказъ о происшествіяхъ минувшаго времени и объ дѣяніяхъ прежнихъ народовъ и ихъ вождей. Но поистинѣ, такой разсказъ совершенно безполезенъ и служитъ только какимъ-то лакомствомъ для празднаго любопытства грамотныхъ людей.

Fuere ante Agamemnona multi *). Если бы отыскались имена этихъ многихъ и повѣсть объ ихъ дѣлахъ, что̀ бы мы пріобрѣли? Ровно ничего. Для науки политической исторія Греціи уже почти безполезна, для науки нравственной вся древность не представляетъ ни одного добраго урока намъ, людямъ высшаго просвѣщенія. Носилъ ли Сезострисъ имя Рамезеса Великаго или Второго, и былъ ли у него флотъ въ 440 галеръ, ходила ли Семирамида съ своею *vieille garde* на слонахъ и на колесницахъ въ Индійскія страны? Это, право, вопросы не важные. Даже равнодушіе къ существованію первой монархіи Ассирійской кажется мнѣ весьма простительнымъ, и я готовъ поставить изобрѣтателя супа изъ костей выше того, кто нашелъ бы весь рядъ царей Скиѳскихъ, начиная отъ перваго Гога или Магога до паденія царства Скиѳскаго.

Есть какая-то поэтическая потребность въ нашей душѣ отрывать прахъ протекшихъ вѣковъ и отыскивать слѣды прежней жизни въ ея личныхъ и общественныхъ проявленіяхъ; но удовольствіе, какъ бы оно ни было благородно, не можетъ служить цѣлію науки и не сто̀итъ огромныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ розысканіемъ глубокой древности. Можно похвалить чувство справедливости и любви, чувство не терпящее, чтобы дѣла умершихъ и имена великихъ двигателей міра пропадали въ забвеніи и оставались чуждыми памяти ихъ потомковъ; такая любовь (*pietas erga mortuos*) достойна человѣка образованнаго; но излишней важности приписывать ей не должно.

Есть другая, высшая точка зрѣнія, съ которой историческія изслѣдованія представляются въ иномъ видѣ.

Не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, судьба, жизнь всего человѣчества составляютъ истинный предметъ исторіи. Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая ча-

---

*) Авторъ имѣлъ въ виду слѣдующіе стихи Горація (Od. IV. 9): „Vixere fortes ante Agamemnona multi; sed omnes illacrimabiles urgentur ignotique longa nocte, carent quia vate sacro". (Жили многіе храбрые и прежде Агамемнона; но всѣ, неоплаканные и безвѣстные, томятся во власти долгой ночи, потому что нѣтъ у нихъ вѣщаго пѣвца). *Изд.*

стица рода человѣческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земного шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самаго начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникѣ. Тайная мысль религіозная управляетъ трудомъ и ведетъ его далѣе и далѣе.

Если разсмотримъ ходъ науки въ прошедшее и нынѣшнее столѣтія, мы убѣдимся, что она получила движеніе и развитіе именно отъ споровъ, касающихся вѣры. Физическая исторія земли, такъ блистательно изслѣдованная безсмертнымъ Кювье, такъ же какъ и исторія племенъ человѣческихъ, началась отъ однаго вопроса—о древности земного шара и его обитателей. Въ раковинахъ морскихъ и въ черепахъ человѣческихъ искали оружія противъ Библіи, и жаръ скрытыхъ страстей, соединившись съ врожденнымъ каждому изъ насъ любопытствомъ, дошелъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ до результатовъ, которыхъ можно было ожидать только отъ труда нѣсколькихъ столѣтій. Теперь забыты или утаены первоначальныя побужденія; но сила пробуждена, движеніе дано, и современные ученые продолжаютъ безсознательно битву, начатую ихъ предшественниками.

Въ этомъ смыслѣ исторія уже не есть простая лѣтопись; но она также и не отвлеченное созерцаніе внутренней жизни личной, проявленной во внѣшности племенъ и народовъ. Духовный характеръ сохраняется вполнѣ, но вещественность получаетъ новую важность. Имя и судьба каждаго народа дѣлаются предметомъ достойнымъ изслѣдованія до самаго его семейнаго источника; имена людей остаются случайностями, занимательными только потому, что они служатъ точками опоры для дальнѣйшихъ розысканій.

Новые источники, которые открываются исторіи, отдѣленной отъ лѣтописи.—Условія, необходимыя для того, чтобы пользоваться ими.—Важность поэтическаго инстинкта и общаго пониманія жизни для историка.

Какъ скоро мы отдѣлили исторію отъ лѣтописи, мы получили возможность ее создавать тамъ, гдѣ лѣтописей нѣтъ и не было. Всякое произведеніе письменное, всякое твореніе ученое, всякій поэтическій отголосокъ, всякій памятникъ мертвый, какъ напр. зданіе, или живой, какъ языкъ или физіономія, дѣлаются пособіями, точками отправленія или данными для разрѣшенія нашей задачи. Исторія государствъ, народовъ, племенъ можетъ возникнуть изъ мрака древности, свѣжая и исполненная занимательности, хотя намъ не суждено никогда узнать имена ихъ вождей и подробности объ ихъ дѣяніяхъ.

Исполинскіе шаги, сдѣланные наукою въ наше время, подаютъ намъ много надеждъ на будущее; но должно признаться, что самая величина пройденнаго поприща указываетъ на неизмѣримость того, которое намъ еще должно пройти, прежде чѣмъ сомкнется кругъ исторіи. Число разрѣшенныхъ загадокъ, исправленныхъ ошибокъ и открытыхъ истинъ еще весьма малозначительно въ сравненіи съ неразгаданнымъ и неисправленнымъ. Лучшее же пріобрѣтеніе наше до сихъ поръ — это добросовѣстность въ изложеніи фактовъ, качество очень рѣдкое тому лѣтъ 50, теперь довольно обыкновенное.

Не знаю, чему приписать такое приращеніе добродѣтелей человѣческихъ: тому ли, что страсти прежнія утихли, или тому, что обманъ сдѣлался почти невозможнымъ при распространившейся учености.

Дѣло историка было всегда весьма труднымъ; но оно стало гораздо труднѣе съ тѣхъ поръ, какъ лѣтописи уже не считаются единственнымъ источникомъ истины. Званіе историка требуетъ рѣдкаго соединенія качествъ разнородныхъ: учености, безпристрастія, многообъемлющаго взгляда, Лейбницевой способности сближать самые далекіе предметы и происшествія, Гриммова терпѣнія въ разборѣ самыхъ мелкихъ подробностей и проч. и проч. Объ этомъ всемъ уже писано много и многими; мы прибавимъ только свое мнѣніе. Выше и полезнѣе всѣхъ этихъ достоинствъ — чувство поэта и художника. Ученость можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: чувство художника есть внутреннее чутье истины человѣческой, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ.

Никогда писатели, одаренные этимъ инстинктомъ истины, этимъ чувствомъ гармоніи, не впали бы въ ошибки, весьма обыкновенныя у большей части историковъ и изслѣдователей. Не могли бы принимать черноволосыхъ, стройныхъ, красивыхъ и веселыхъ Ирландцевъ за чистую породу бѣлокурыхъ, широкоплечихъ и приземистыхъ Кельтовъ. Любой скульпторъ, или живописецъ, или поэтъ сказалъ бы ученому: гдѣ же твои глаза? Да художники обыкновенно не вмѣшивались въ книжную премудрость. Не стали бы считать Индѣйцевъ по-Гангесскихъ за первобытное племя, тогда какъ высшія касты носятъ на себѣ ясную печать народовъ Иранскихъ, а нижнія представляютъ смѣшанную физіономію Африки и Тибета, т. е. желтаго и чернаго племени. Не вздумали бы ставить первыя жилища Славянъ въ при-Дунайскихъ горахъ, тогда какъ вся ихъ народная пѣснь (безъ исключенія) имѣетъ характеръ степной; и не вздумали бы отыскивать хвостъ Германскаго переселенія въ горахъ Гиммалайскихъ, тогда какъ сжатый, жесткій, сдавленный, такъ сказать корявый звукъ Нѣмецкаго языка дико разногласитъ съ плавнымъ, полнозвучнымъ и волнообразнымъ нарѣчіемъ сѣвернаго Индустана. Всѣ эти ошибки очень похожи на богатое открытіе какого-то зоолога, напечатавшаго (кажется въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ), что густо-псовая борзая есть смѣсь *хорта* и *шарло* или *water-spaniel* *). Бѣдный ученый не понимаетъ, что отъ смѣси двухъ породъ съ висящими ушами, какъ крымокъ и *шарлд*, или породы вислоухой съ породою, который уши опрокинуты назадъ, какъ у борзыхъ Западной Европы, никакъ не можетъ выродиться порода прямоухихъ собакъ, какова густо-псовая.

---

*) Авторъ намекаетъ, очевидно, на слѣдующее мѣсто статьи: „Борзая собака", напечатанной въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара, т. V. (Спб. 1836) стр. 335, и подписанной Н. П. Ф.: „Порода борзыхъ собакъ подраздѣляется на три главные вида: большихъ, среднихъ и малыхъ. Всѣ онѣ вообще поджары и худощавы... шерсть на нихъ обыкновенно бываетъ гладкая; но есть *мохнатыя* борзыя собаки, *происшедшія отъ помѣси настоящихъ борзыхъ съ эспаньэльками крупной породы*". Приведенное въ текстѣ сужденіе автора выказываетъ въ немъ того страстнаго псоваго охотника, того знатока всѣхъ статей борзыхъ собакъ, какимъ помнятъ Хомякова его деревенскіе сосѣди и даже городскіе знакомые. Мы обращаемъ вниманіе на это мѣсто въ особенности еще потому, что оно служитъ къ приблизительному опредѣленію времени, въ которое писано начало его Историческихъ Записокъ, — о чемъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Дѣло въ томъ, что Хомяковъ получалъ и просматривалъ томы Плюшаровскаго Энциклопедическаго Лексикона, безъ всякаго сомнѣнія, вскорѣ или по крайней мѣрѣ не слишкомъ долго спустя послѣ выхода каждаго изъ нихъ;

Въ лицахъ людей сходство проявляется не чертами, разсмотрѣнными порознь, но общимъ характеромъ, такъ сказать, духомъ физіономіи: не похожи ни глаза, ни носъ, ни ротъ, а сходство разительно. Такъ и въ народахъ, и въ нарѣчіяхъ. Не нужно считать слова, разбирать грамматику и вообще вдаваться въ мелочной анализъ, чтобы сказать, что Нѣмецкій и Славянскій языки далѣе отъ Греческаго, чѣмъ Латинскій. Есть осанка, движенія, обличающія братство народовъ, какъ братство людей; но часто это родство, ясное для художника и вообще для человѣка живущаго въ простотѣ истины человѣческой, ускользаетъ отъ кропотливаго ученаго, натрудившаго глаза и чувство надъ мелочнымъ трудомъ сравнительной критики.

Такимъ образомъ разумъ неиспорченный не можетъ выводить отъ одного корня Брахму и Рутрена *); вѣрное ухо не станетъ отыскивать характера Славянскихъ нарѣчій въ словахъ *смертъ, смрадъ, дщеръ, хрящъ* и проч., а невольно остановится на звукахъ: *желаю, страданье, любо, братина* и проч.; вѣрный глазъ пойметъ, что широкоскулыя лица Славянскихъ народовъ и круглыя головы Кельтовъ болѣе имѣютъ сходства съ внутреннею Азіею, чѣмъ узкія и продолговатыя лица Германца и Эллина.—Изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ составлены *Requiem* и плясовая. Разбейте ихъ на составныя части, и вы можете ихъ смѣшать; вслушивайтесь просто, и вы поймете разницу ихъ строя и лада, ихъ

и, принимая даже въ соображеніе громадную память автора, никогда не дѣлавшаго замѣтокъ и выписокъ, мы едва ли повѣримъ, чтобы случай о борзыхъ собакахъ, заимствованный, какъ примѣръ смѣшной ошибки книжника, изъ ничтожной статейки лексикона, могъ прійти ему въ голову много лѣтъ позднѣе прочтенія самой статьи. Статья же эта, какъ упомянуто, относится къ 1836 году. *Изд.*

*) См. нѣсколько ниже въ текстѣ. *Изд.*

внутренняго смысла и духа.—Въ синкретизмѣ Индустанскихъ религій, въ этомъ чудномъ смѣшеніи дѣтской фантазіи и старческой мудрости, глубокомыслія и нелѣпости, поэтическаго своеволія и строгой обрядности, трудно полагать границы, отыскивать начальныя стихіи и каждую отдѣльную часть слѣдить до истока; но для всякаго наблюдателя безпристрастнаго разумный характеръ Брахмы, его безтѣлесное поклоненіе, его высоконравстсенный образъ свидѣтельствуютъ ясно о пришествіи съ Сѣверо-востока, отъ высокихъ равнинъ Бактріи, точно также какъ въ изображеніи Шивы-Рутрена, въ его неистовой религіи дышатъ все бѣшеное сладострастіе и кровожадность Африки, и все буйство восторженнаго наслажденія вещественною жизнію, переходящаго иногда въ одурѣніе созерцательной смерти: ибо іогизма жизнію назвать нельзя *).—Много можно спорить о томъ, который изъ языковъ Европейскихъ содержитъ въ себѣ большее количество корней Санскритскихъ; иныя слова находятся въ Германскихъ нарѣчіяхъ, а не встрѣчаются въ Славянскихъ и Греческихъ, другія находятся въ одномъ Эллинскомъ, и такъ далѣе. Мудрецы и книжники во вѣки не рѣшатъ вопроса, а вѣрный слухъ и добросовѣстный разумъ не задумаются нимало. Геній языковъ Славянскаго и Санскритскаго, *доминанты* въ звукахъ, такъ ясно сходны между собою, или, лучше сказать, такъ явно одни и тѣже, что братство ихъ такъ же мало подвержено сомнѣнію, какъ братство Эллинскаго и Римскаго языковъ. Ихъ можно скорѣе назвать нарѣчіями, чѣмъ языками. Для разрѣшенія этаго вопроса пословица: *людская молва — морская волна*, болѣе значитъ, чѣмъ десятки томовъ для человѣка, которому не чужды звуки старо-Индійскихъ языковъ. Волнообразный ходъ, металлическій звукъ, преобладающее *а*, все въ нихъ общее; для Русскаго Санскритскія слова звучатъ знакомо, и онъ удивляется не тому, что такъ много встрѣчаетъ словъ понятныхъ, а тому, что такъ много словъ ему неизвѣстныхъ въ языкѣ, столь родномъ по характеру. *Мысль*, *умъ*, *знаніе*, *вѣдѣніе*, *азъ*, *есмь*, всѣ слова коренныя, всѣ

---

*) Противъ этихъ словъ сдѣлана въ подлинникѣ замѣтка: „объ Астартѣ и св. Пахоміи". Вѣроятно эти имена должны были напомнить автору примѣры, которыми онъ хотѣлъ подкрѣпить свою мысль. *Изд.*

звуки, въ которые облеклось внутреннее сознаніе человѣка, одинаковы въ Санскритѣ и Славянскомъ. Тутъ не нужно изслѣдованій, толкованій, учености: глядите на предметъ глазомъ простымъ, разумомъ непредубѣжденнымъ, и для внутренняго вашего чувства развѣтвленіе Сѣверно-Индійскаго и Славянскаго племени въ одномъ и томъ же возрастѣ, на одной и той же высотѣ общечеловѣческаго корня, представится ясно какъ фактъ современный, убѣдительно какъ математическая истина.—Тоже самое повторяется въ развѣтвленіи племенъ Мидо-Зендскаго и Германскаго. Въ обоихъ сжатіе звуковъ, отсутствіе полныхъ тоновъ, оскудѣніе въ гармоніи, преобладаніе звуковъ *е*, *у*, *р*. Гласныя *а*, *о* исчезаютъ, роскошь и мягкость утрачены; но крѣпкій, строгій и, такъ сказать, воздержный языкъ просится выражать выводы логическіе, думы глубокія и религіозныя, душу Зердушта и Канта. Полногласіе считаю я чертою оригинальною и отличительною Славянскихъ нарѣчій потому, что оно въ нихъ не можетъ быть качествомъ заимствованнымъ отъ другихъ: ни отъ Финновъ, которыхъ мягкіе діалекты не имѣютъ съ ними ничего общаго, ни отъ Турокъ, которыхъ жесткое и гортанное произношеніе не имѣетъ ничего музыкальнаго или пѣвучаго, ни отъ Эллиновъ, которыхъ языкъ, исполненный чудной прелести и разнообразія, далеко не представляетъ, даже у Доріянъ, такаго соединенія металлическаго звона и полноты, основанной на преобладаніи гласныхъ *а* и *о*. Поэтому самому изо всѣхъ Славянскихъ нарѣчій самымъ Славянскимъ считаю я Русское. И въ томъ сознаются всѣ тѣ, которые съ знаніемъ дѣла и добросовѣстностію займутся сличеніемъ діалектовъ. Звуки Кельтскіе, жесткость Германская исказили языки Чеховъ и Ляховъ, нарѣчіе Иллирійское получило чуждую ему мягкость отъ сосѣдства Италіи; глухіе тоны Турецкіе вкрались въ діалектъ Болгарскій и удалили его отъ первоначальной нормы, увѣковѣченной трудомъ святаго Меѳодія: такъ небо сдѣлалось *ныбъ* и проч. *).

---

*) Этотъ примѣръ невѣренъ, ибо *небо* по болгарски—*небе*. Тѣмъ не менѣе, вліяніе звуковъ Турецкихъ на языкъ Болгарскій, дѣйствительно отличающійся отъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій преобладаніемъ глухихъ тоновъ, не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть подтверждено любою Болгарскою фразою.

Изд.

Русскій же языкъ принялъ много словъ отъ Финновъ и Татаръ, какъ *лошадь* или (*собака*), *тундра* и проч. [1]); но онъ сохранилъ неприкосновеннымъ, неизмѣннымъ свой характеръ полнозвучности и величія, который свидѣтельствуетъ объ его далекой восточной колыбели и которымъ особенно отличалось древне-Болгарское нарѣчіе, самое восточное изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ нарѣчій Славянскихъ. Наука должна бы быть чужда всѣмъ страстямъ, всѣмъ племеннымъ самолюбіямъ; но я прибавлю нѣсколько словъ для нашей братьи Чешской, Сербской и Польской. Если имъ не достаточны внутреннія доказательства, взятыя изъ сличенія діалектовъ, если ихъ не убѣдятъ доводы *a priori*, почерпнутые изъ самой исторіи племенъ, то пусть они откроютъ Скимноса Хіосскаго, периплы Адріатическаго моря, Плинія и всѣхъ древнихъ, и формы *Озеро*, *Озеръяты* (*Долане*), *Бережане*, (*ключъ*) [2]) и проч. приведутъ ихъ къ заключенію, совершенно согласному съ моимъ. Даже въ горахъ Славянская пѣснь сохраняетъ свои степные переливы и протяжныя, дрожащія ноты; даже въ смѣси съ другими нарѣчіями Славянское нарѣчіе сохраняетъ свою физіономію, свои преобладающіе звуки. Даже на дальнемъ Западѣ, на оконечностяхъ Галліи и Британіи, Кельтское племя сохраняетъ свою Средне-Азійскую наружность, свои большія круглыя головы, приземистый складъ и безмѣрно-широкія плеча, по которымъ Англійскіе офицеры замѣчаютъ, что Валліецъ беретъ въ строю больше мѣста, чѣмъ всякій другой солдатъ.

---

[1]) Мы заключили въ скобки приведенное авторомъ для примѣра слово *собака*, потому что слово это несомнѣнно Индо-Европейскаго корня, какъ доказываетъ сравненіе съ Санскритскимъ *савака* и древне-Персидскимъ *спака*: первое значитъ щенокъ, второе—собака. *Изд.*

[2]) Заключенныя нами въ скобки слова должны бы быть устранены изъ этихъ примѣровъ, потому что ихъ форма столько же Русская, сколько Сербская или Польская; но авторъ могъ бы подтвердить свою мысль многими другими доказательствами. Такъ напримѣръ, теперешнія специяльно-Русскія формы *порохъ*, *порогъ*, *пере-*,*солома* и т. под., гораздо древнѣе въ этимологическомъ отношеніи и ближе къ Санскритскимъ формамъ: *парага* (пыль), *парига* (дверь, засовъ), *пари-* (предлогъ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ *пере*—), *калама* (стебель), нежели формы всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій: *прахъ*, или *прохъ*, *прагъ*, *пре-*,*слама* и т. под. *Изд.*

Вотъ великіе намеки, вотъ путеводные признаки, которые частнымъ фактамъ даютъ силу математическихъ доказательствъ и безъ которыхъ отдѣльныя замѣчанія не имѣютъ никакого значенія.

Историческая вѣрность многихъ древнихъ преданій и сказокъ, подтверждаемая новѣйшими открытіями науки. — Причины этаго и нѣкоторые примѣры, въ особенности преданія о Сарматахъ и Азахъ Скандинавскихъ.

Когда мы сравниваемъ современный критическій духъ съ наивностью историковъ древнихъ и лѣтописцевъ Среднихъ Вѣковъ, намъ они кажутся жалкими невѣждами, или по крайней мѣрѣ легковѣрными дѣтьми. За всѣмъ тѣмъ, чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ наукѣ, тѣмъ чаще намъ приходится соглашаться съ ихъ мнѣніями, находить смыслъ въ ихъ сказкахъ и удивляться вѣрности ихъ заключеній. Безхитростные, простодушные, чуждые нашей учености книжной и словесной, они не надѣялись слишкомъ много на свою догадку, на тонкость своихъ изслѣдованій, но были доступны впечатлѣніямъ большихъ массъ и гармоніи большихъ горизонтовъ, готовы были вѣрить чужой мудрости, но не презирали чужаго невѣжества и охотно вѣрили тому, что̀ другіе народы сами про себя говорили и объ себѣ помнили.

Такъ въ Среднихъ Вѣкахъ Скандинавовъ считаютъ выходцами съ Кавказа; такъ Тацитъ Силуровъ выводитъ изъ Гишпаніи, а Каледонцевъ (вѣроятно Беолговъ), Фиръ-Болговъ изъ Германіи *); такъ древнія географіи свидѣтельствуютъ объ Иранскомъ происхожденіи Сарматовъ; такъ Геродотъ намъ пересказываетъ мнѣніе Венетовъ о томъ, что они нѣкогда жили въ Мидіи, т, е. на Востокѣ. Всѣ эти преданія были въ послѣдствіи времени болѣе или менѣе предметомъ насмѣшекъ. Намъ предоставлено было опять, съ помощію усовершенствованной филологіи, прослѣдить Азовъ Скандинавскихъ до Кавказскихъ горъ и тѣсныхъ долинъ Осетіи и соединить Шведскій полуостровъ съ Мидіею миграціями Сарматовъ, найти въ языкѣ горной Шотландіи множество корней, не принадлежащихъ языку Гаэлей или Кельтовъ, а нарѣчіямъ Германскимъ, и признать Славянъ-Венетовъ за выходцевъ Азіи. Время покажетъ истину многихъ преданій, въ которыхъ мы еще сомнѣваемся, какъ напр. колонизація Эллады изъ Финикіи и Египта, и ученые перестанутъ смѣяться надъ выраженіями „Эѳіопія Восточная и Западная“, которыя такъ часто встрѣчаются у древнихъ.—Хотя вопросъ о переселеніи Азовъ-Сарматовъ въ Скандинавію уже довольно ясно разрѣшенъ, я прибавлю здѣсь нѣсколько словъ для тѣхъ, которые еще держатся слишкомъ упорно системы объ автохтонствѣ Европейскихъ народовъ. Первые историческіе лучи, восходящіе изъ Греческаго центра, показываютъ намъ въ междурѣчіи Волги и Дона какое-то племя, называющееся Сарматами и приписывающее себѣ Мидійское начало. Какъ давно уже тогда эта колонія оставила свою родину, трудно сказать: при бѣгствѣ Киммерійцевъ и при движеніи Скиѳовъ черезъ Кавказъ прежде Кіаксара объ нихъ еще нѣтъ извѣстій. Можно предположить, что они проникли до береговъ Волги, преслѣдуя уже бѣгущихъ Скиѳовъ, при Кіаксарѣ; но это только догадка. Къ какому же племени принадлежали они? Не къ Скиѳскому, котораго описаніе съ ними не имѣетъ никакого сходства, и не къ Тибетскому, котораго физіономія отъ нихъ отличается еще рѣзче. Стройные, высокіе, бѣлокурые, голубоглазые, красивые, они безспорно принадлежатъ къ Индо-Германцамъ, можетъ быть къ Мидянамъ, также красивымъ и бѣлокурымъ по свидѣтельству древнихъ. Имя Сарматовъ, Савроматовъ, Сирматовъ, вѣроятно Сырматовъ, было разными народами толковано на разные лады. Между прочимъ, Страбонъ говоритъ объ нихъ, что они одѣвались въ панцыри изъ *сыромятныхъ* кожъ *). Человѣку знающему, какъ Славяне любятъ давать свой смыслъ именамъ чужимъ, свидѣтельство Страбона показываетъ, что онъ о Сарматахъ слышалъ отъ Славянъ, и болѣе ничего. Названія же, подъ которыми они являются въ исторіи, Сирматы, Яксаматы, Тиссаматы и пр. тому подобныя, явно заключаютъ въ себѣ слово древне-Мидійское *матъ* (тоже что *мартъ* или *мардъ* или *мэдъ*), человѣкъ, и имя рѣки, при кото-

---

*) *Фиръ-Болги*—названіе Белговъ въ Ирландскихъ хроникахъ. *Изд.*

---

*) Здѣсь вкралась ошибка. Вмѣсто Страбона слѣдовало назвать Вегетія, который дѣйствительно упоминаетъ (IV, 9) о Сарматскихъ „cruda coria ad cataphractas.“ Сравни также Тацита (Histor. I, 79): „tegumen praeduro corio consertum“. *Изд.*

рой жили отдѣльныя племена, Сыръ или Сура на Кавказѣ, по Плинію, Аксай и такъ далѣе. Туже форму находимъ мы въ имени Сарматовъ-Роксалановъ, отъ Волги (Araxes по Геродоту [1], позже Рахъ, Раха, Раа). Другія названія ихъ у Птоломея находятъ свое объясненіе за Балтикою, какъ Азіоты, Азміяне (въ словѣ Азы) или опять за Кавказомъ, какъ Еримы (въ сл. Еріема). Отъ языка ихъ не осталось ничего кромѣ собственныхъ именъ, которыя безспорно принадлежатъ къ Мидійскому нарѣчію, кромѣ немногихъ занятыхъ ими у сосѣдей [2]. Наконецъ, прямые потомки ихъ, Кавказскіе Осетинцы, племя, до сихъ поръ, по злой, хладнокровной храбрости достойное славы своихъ великихъ предковъ, называетъ себя Иранійцами, землю свою Ираномъ [3] и говоритъ Мидійскимъ діалектомъ. Ихъ же сосѣди называютъ Осетами, Яланами, Язами, Азами, явно доказывая намъ совершенно одинаковое значеніе всѣхъ этихъ словъ, къ которымъ принадлежитъ и Языгъ. Итакъ, живые памятники ихъ въ наше время—Азы, Осеты Кавказскіе, и ясно дознанный характеръ народа и его языка вполнѣ подтверждаетъ преданіе, разсказанное историкомъ за 400 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.

Но неужели вся эта сила, эта многочисленность великихъ Сарматовъ сжалась въ тѣсныя долины сѣверной Грузіи и нигдѣ другихъ слѣдовъ не оставила? Всѣ историки согласны въ разсказах о судьбѣ Аланъ-Азовъ. Долгія борьбы съ Скиѳами, увѣнчанныя окончательною побѣдою, когда Скиѳское царство погибло подъ соединенными ударами Сарматовъ съ Востока и Гетовъ съ Запада, завоеваніе береговъ моря Чернаго и Гнилаго, гдѣ они оставили памятники о себѣ въ городѣ *Азовѣ* и въ имени моря, распространеніе власти своей на Сѣверъ, гдѣ они владѣли всѣмъ Приволжьемъ, давали во второмъ вѣкѣ имя Сарматскаго моря прежнему Блату-Венедскому (нынѣшней Бальтикѣ) и оставили имя свое сердцевинѣ Русской земли, Алаунской возвышенности,—вотъ исторія торжествующихъ Аланъ-Азовъ. Долгая и не совсѣмъ счастливая борьба съ усилившимися Готѳами, которые отъ Сѣверо-запада подвигались на Юго-востокъ (т. е. отъ южныхъ береговъ Бальтики къ Черному морю, Дунаю и Крыму), стѣсняя сильныхъ Сарматовъ и покоряя Даковъ и Гетовъ, бѣгство передъ непобѣдимыми полками восточныхъ Гунновъ, невольное вторженіе въ земли Римской имперіи, по которымъ они шли, сражаясь и смѣшивась съ другими народами, на Юго-западъ до Пиренейскаго полуострова, основаніе въ Гишпаніи слабаго царства, погибнувшаго наконецъ подъ ударами Вестъ-Готовъ,—вотъ исторія паденія великихъ Аланъ-Азовъ. Время ихъ несомнѣннаго существованія и дѣятельности—10 столѣтій, отъ VI-го вѣка прежде до V-го послѣ Р. Х. Время ихъ величайшей силы 3 вѣка, отъ II-го до Р. Х. до II-го послѣ Р. Х. Мѣсто ихъ истинной державы простиралось отъ Кавказа до Бальтики, между Волгою и Дономъ, захватывая системы Волхова и Западной Двины. Движеніе ихъ до насилія Гуннскаго было на Сѣверъ, Сѣверо-западъ и Западъ. На прежнемъ поприщѣ ихъ славы живыхъ слѣдовъ отъ нихъ мы не открыли; но на южной оконечности встрѣчаемъ еще слабые остатки ихъ. Слѣдя ихъ распространеніе на Сѣверо-западъ, мы останавливаемся у моря, которому они давали свое названіе въ первомъ вѣкѣ прежде и въ первомъ вѣкѣ послѣ нашей эры. Остались ли они на берегахъ его или переплывали его, мы не знаемъ; но знаемъ, что велико и славно имя Азовъ, высшихъ боговъ Скандинавіи, и что преданія Скандинавіи указываютъ на приходъ ихъ съ Юго-востока.—Не всѣ боги Эдды рода Азовъ,—это извѣстно; многіе изъ нихъ Ваны, многіе Іотуны; даже самъ Одинъ происхожденія сомнительнаго, и въ нѣкоторыхъ сагахъ есть слѣды религіозныхъ раздоровъ между поклонниками Одина и великаго Аза-Ѳора или Тора. Іотуны постоянно въ этой миѳологіи представляютъ лишь побѣжденныхъ, принятыхъ изъ снисхожденія въ общество побѣдителей; Ваны—лица соперниковъ, поневолѣ принятыхъ въ союзъ гордыми Азами. Характеръ Іотуновъ—мудрость и художественность, Вановъ—доброта и домостроительство, Азовъ—сила и мужество. Представитель племени Азовъ есть очевидно не праотецъ Одинъ, а Ѳоръ (Торъ), который всегда носитъ опредѣлительное прозвище *Азъ* (Аза-Ѳоръ). Имя Одина встрѣчается почти вездѣ, гдѣ были Германцы, выходцы Сѣвера:—у Саксонцевъ, Готѳовъ и пр. Имя Тора остается въ одной Скандинавіи (Нѣмецкаго Доннаръ мы не имѣемъ никакого права съ нимъ смѣшивать) и встрѣчается внѣ Скандинавіи только у однихъ Чувашей въ землѣ нѣкогда Сарматской (ихъ главный богъ—Торе). Вооруженіе Ѳора не Германское, это безспорно; оно чисто-восточное, именно Мидійское: это молотъ, молотъ такъ часто встрѣчаемый на изваяніяхъ Персидскихъ, молотъ Миѳры, которымъ онъ бьетъ враждебныхъ Дивовъ, какъ Торъ бьетъ исполиновъ,—таинственный молотъ, воспѣтый Зендавестою. Аза-Ѳоръ, какъ Миѳра, не творецъ, не источникъ міра, но хранитель міра и защитникъ, вѣчный врагъ злаго начала, вѣчный путешественникъ вселенной. Аза-Ѳоръ есть одичавшій Миѳра (великій Ѳра, *Мигъ-Фра*, или великій господинъ, *Мигъ-Геръ*, *Мегъ-Геръ*). Онъ же и олицетвореніе племени Аланъ-Сарматовъ. Въ поэзіи, Инглинга-Сага представляетъ явное прославленіе прекрасной юго-восточной родины; въ символахъ религіозныхъ, имя Ганглера, разсказывающаго таинства вѣры, значитъ путешественникъ; въ обычаяхъ, почетнѣйшая, святѣйшая пища,—конское мясо, чего конечно не выдумала бы малоконная Скандинавія. Наконецъ, въ миѳахъ козлы, упряжь колесницы Аза-Тора посвящены Осетами (Аланами) святому Ильѣ. Въ день, въ который церковь празднуетъ память великаго пророка, Осеты приносятъ ему въ жертву козловъ; на могилѣ людей убитыхъ громомъ вѣшаютъ кожу чернаго козла. Этотъ странный обычай, засвидѣтельствованный Олеаріемъ, ничѣмъ инымъ не объясняется, кромѣ миѳологіи Скандинавіи.

---

[1] Herod. IV, 2. *Изд.*

[2] Arsaces, Ataces, Vadapaces, Badaces, Pharnaces, Medosaces, Iaphagos, Macagos, Dadagos, Cunagos, Argunagos, Usapher, Saetapharnes, Mulirgos, Beurgos, Banadaspus, Rausimod, Alanouvamuth, Bages и проч. Въ битвѣ народовъ на Каталаунскихъ поляхъ, имя Аланскаго короля—Сангибанъ или Самвида. Первое принадлежитъ къ формамъ Мидійскимъ, другое заимствовано отъ Славянъ. *Примѣч. автора.*

[3] Должно поправить это мѣсто такъ: „Осетинцы называютъ себя Иронъ, землю свою Иронистанъ“. *Изд.*

Послѣ этихъ доказательствъ, такихъ ясныхъ, многочисленныхъ, основанныхъ на фактахъ неоспоримыхъ, на критикѣ просвѣщенной, я спрашиваю: имѣемъ ли мы право, и болѣе, имѣемъ ли еще возможность не только отрицать приходъ Азовъ-Алановъ въ Швецію около I-го вѣка до Р. Х., но даже сомнѣваться въ этомъ происшествіи и въ тоже время хвалиться добросовѣстностію?

Представивъ вкратцѣ выводъ изъ всего извѣстнаго намъ объ Осетахъ, Азахъ, Сарматахъ и Скандинавахъ, считаю полезнымъ въ примѣръ дурной критики привесть ошибки двухъ превосходныхъ историковъ, составившихъ себѣ великое имя въ мірѣ ученомъ. Одинъ изъ нихъ принимаетъ Сарматовъ за Славянъ и думаетъ, что названіе *Языгъ* равносильно слову *языкъ* и слову *Славянинъ*. Другой хочетъ непремѣнно слова *языкъ* и *Языгъ* постоянно различать даже въ лѣтописяхъ и разсказахъ народныхъ, а имя Сарматъ производитъ отъ *сара*—пустыня. О первомъ скажу, что онъ явно не знаетъ Славянскаго языка, ибо слово *языкъ* для Славянъ было равносильно слову *иноязычникъ* (это доказано переводомъ Св. Писанія); о другомъ, что ему, ученому, живущему между письменными памятниками старины, мало извѣстенъ нашъ народный обычай искажать названія иностранныя, чтобы находить въ нихъ свой Славянскій смыслъ, и что, находя имена рѣкъ въ словахъ Яксаматы, Хораматы, Роксаланы (отъ Аксая, Хорола, Аракса), явно слѣдуетъ и въ звукѣ *сар*, *сур* или *сыр* скорѣе подозрѣвать рѣку, чѣмъ пустыню.

Предразсудки ученыхъ историковъ.

Познанія человѣка увеличились, книжная мудрость распространилась, съ ними возрасла самоувѣренность ученыхъ. Они начали презирать мысли, преданія, догадки невѣждъ; они стали вѣрить безусловно своимъ догадкамъ, своимъ мыслямъ, своимъ знаніямъ. Въ безконечномъ множествѣ подробностей пропало всякое единство. Глазъ, привыкшій всматриваться во всѣ мелочи, утратилъ чувство общей гармоніи. Картину разложили на линіи и краски, симфонію на такты и ноты. Инстинкты глубоко-человѣческіе, поэтическая способность угадывать истину исчезли подъ тяжестью учености односторонней и сухой. Изъ-подъ вольнаго неба, отъ жизни на Божьемъ мірѣ, среди волненія братьевъ-людей, книжники гордо ушли въ душное одиночество своихъ библіотекъ, окружая себя видѣніями собственнаго самолюбія и заграждая доступъ великимъ урокамъ существенности и правды. Отъ этаго вообще, чѣмъ историкъ и лѣтописецъ древнѣе и менѣе ученъ, тѣмъ его показанія вѣрнѣе и многозначительнѣе; отъ этаго многоученость Александріи и Византіи затемнила исторію древнюю, и книжничество Германское наводнило міръ ложными системами. Въ наше время факты собираются со тщаніемъ и добросовѣстностью, системы падаютъ отъ прикосновенія анализа. Но вѣрить существованію антиподовъ или отвергать древность книгъ ветхозавѣтныхъ, вѣрить разсказамъ о Франкѣ и Бритѣ или тому, что всѣ десятки милліоновъ Славянъ вышли изъ одного уголка Придунайской земли,—равно смѣшно. Противъ усопшихъ мнѣній воевать безполезно; но многое еще уцѣлѣло отъ прежнихъ заблужденій и принимается современниками на слово и на вѣру. Таковы положенія, что вся Галлія древняя была населена Галлами-Кельтами, и что вершины Гиммалаи были колыбелью рода человѣческаго или по крайней мѣрѣ племенъ Индо-Германскаго и Семитическаго.

О первомъ достаточно напомнить, что Кесарь дѣлитъ Галлію на три части и опредѣлительно говоритъ, что въ каждой изъ нихъ свой языкъ, свой обычай и нравъ. А Кесарю, кажется, про это дѣло можно было знать довольно вѣрно послѣ десятилѣтней войны и уничтоженія около двухъ милліоновъ людей, убитыхъ мечомъ, уморенныхъ съ голода или проданныхъ съ публичнаго торга. О второмъ мнѣніи, т. е., что Индо-Германцы пришли отъ Гиммалаи, трудно понять, какъ оно родилось, на чемъ основано и чѣмъ плѣнило ученыхъ. Разсказъ въ Вендидадѣ такъ теменъ и наполненъ такими несообразностями, что на немъ ничего основать нельзя; а слова „была-де въ первоначальной землѣ пріятная соразмѣрность лѣта и зимы, но дѣйствіемъ Агримана сократилось лѣто до двухъ мѣсяцевъ и растянулась зима до десяти“, эти слова считать повѣстью о времени минувшемъ и возводить ясныя преданія человѣческія до эпохи, предшествовавшей первому подъему Гиммалайской твердыни, есть мысль такая, что она никому въ голову придти не могла, кромѣ весьма ученаго человѣка. Оставивъ же въ сторонѣ святыню словъ, внушенныхъ Зердушту великимъ Агура-Маздао (иначе Ормуздомъ), скажите, ради здраваго смысла, на чемъ основалось это мнѣніе? На томъ, что Чамулари и его снѣжная братья выше всѣхъ горъ земнаго шара? Дѣло: такъ сведите съ нихъ и тигра, и бѣлаго медвѣдя, и гагача, и казуара, и бизона, и гиппопотама, и песца, и ламу. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, была бы послѣдовательность и логика.

Система автохтонства народовъ: ея ложность.

Прослѣдивъ безъ пользы движенія племенъ по старымъ, одностороннимъ системамъ, отъ утомленія, отъ обманутыхъ надеждъ, многіе ученые приняли мнѣніе простое и покойное именно: автохтонство почти всѣхъ народовъ. Это опять система, и система односторонняя, не разрѣшающая ни одной исторической загадки и носящая въ себѣ зародышъ скорой смерти. Въ пользу ея можно только сказать, что она содержитъ какую-то тѣнь художественной истины и до нѣкоторой степени согласна съ тѣмъ характеромъ мѣстности, который мы находимъ въ развитіи каждаго племени, чистаго или мѣшаннаго, послѣ осѣдлости нѣсколько продолжительной. Но ложность ея ясна въ томъ, что она не представляетъ никакой аналогіи съ судьбою большей части народовъ, явившихся на поприще мiровой дѣятельности во времена уже историческія, въ томъ, что она не можетъ объяснить и почти всегда должна отвергнуть преданія, сохранившіяся въ религіи и поэзіи племенъ, и въ томъ, что она безпрестанно должна называть случайностями самыя разительныя сходства въ языкахъ, физіономіяхъ, обычаяхъ, вѣрахъ и преданіяхъ народовъ отдаленныхъ, или прибѣгать для объясненія ихъ къ мнимымъ вліяніямъ климата и обстоятельствъ. Въ ней также нѣтъ человѣческой истины.

Приверженцы ея вообще не стараются себѣ объяснить самую возможность предполагаемаго ими мнѣнія, точно также, какъ они не умѣютъ оцѣнивать важность подробностей характеристическихъ. Они исторію строятъ синтетически, ограничиваясь всегда малымъ пространствомъ земли и умалчивая о разногласіи или гармоніи его съ ближними и дальними землями. Отъ этаго самыя явныя противорѣчія ускользаютъ отъ ихъ вниманія, точно также какъ и самые важные признаки вліянія чужеземнаго. Достаточно росписать Европу древнюю или новую по языкамъ и діалектамъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что языки эти не вышли правильными лучами изъ какагонибудь Европейскаго центра и не образовались органически и стройно въ народахъ, медленно развивающихся на своей родной почвѣ, но пришли уже возросшіе и образованные изъ другаго дальняго центра и неправильными массами легли на чуждый грунтъ безъ порядка и связи. Съ другой стороны, мы видимъ, что конское мясо, какъ я уже сказалъ, считается самою почетною пищею въ Скандинавіи, что жертва коня признается въ Индіи таинственною жертвою, которую никто не достоинъ принести, кромѣ человѣка достигнувшаго высочайшей святости, и что въ самыхъ древнихъ преданіяхъ Греціи хранится память объ осушеніи болотъ, проложеніи каналовъ и искуственномъ измѣненіи теченія рѣкъ. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что Скандинавія лошадьми бѣдна, что въ Индіи лучшія породы конскія иноземныя и весьма скоро перерараживаются, и что Греція въ самое цвѣтущее время своей исторіи, въ эпоху славы, художествъ и просвѣщенія, никогда не предпринимала значительныхъ работъ гидравлическихъ. Вліяніе и колонизація иноземныя очевидны; источники же вѣроятно отыщутся, если мы догадаемся, гдѣ именно подобаетъ ихъ искать.

Сверхъ того, самая система объ автохтонствѣ народовъ допускаетъ по неволѣ многія миграціи, о которыхъ память свѣжа или свидѣтельства весьма ясны. Такъ, напримѣръ, никто не отвергаетъ переходовъ племени Эллинскаго внутри самой Эллады и по островамъ и берегамъ Средиземнаго моря, или завоеванія большей части Пелопонеза воинственными Гераклидами. На это ученые согласны, только бъ не былъ путь слишкомъ длиненъ и объемъ миграцій слишкомъ великъ. Весь барышъ ихъ состоитъ въ томъ, что они заключили истину въ микроскопическіе размѣры.

Впрочемъ эта система ничего не основываетъ и даже ничего не отрицаетъ: она сомнѣвается. Ея главные доводы состоятъ въ словахъ: „странно, невѣроятно, едва ли возможно“. Преданія говорятъ, что племена шли, переплывали моря, писали лѣтописи или законы. Система скажетъ: „Они вѣроятно не знали письменъ: гдѣ имъ писать! Они конечно не знали географіи: куда имъ идти? Они вѣрно не умѣли строить кораблей: какъ имъ черезъ моря переправляться?“ Система наткнется на Хеопсову пирамиду: это миѳъ; на Эллорскія порфировыя катакомбы: это подлогъ.

Въ большой части земель наслоеніе племенъ. Признакомъ его являются потомъ отношенія сословій. Примѣръ: отношенія сословій въ древней Индіи сравнительно съ ихъ отношеніями въ Персіи.

Самое выраженіе *автохтоны* очень двусмысленно. Если подъ нимъ мы понимаемъ племя родившееся и жившее всегда на томъ пространствѣ земли, на которомъ мы его теперь встрѣчаемъ, то такаго племени вѣроятно не найдемъ на всемъ земномъ шарѣ. Если же автохтонъ значитъ только первопришлецъ, заставшій край еще пустынею и взявшій его по праву перваго владѣльца, то мы найдемъ довольно много такихъ племенъ, хотя вѣроятно менѣе, чѣмъ думаемъ. Правиломъ же почти всеобщимъ можно полагать, что вездѣ, гдѣ мы видимъ смѣсь или наслоеніе народовъ, автохтоновъ искать должно въ низшемъ слоѣ, въ состояніи угнетенія. Военноплѣнные служатъ исключеніемъ, но они обличаются постоянно своею малочисленностію. Случаи же, въ которыхъ побѣжденные сдѣлались снова пабѣдителями и пришельцы упали въ рабство (какъ напр. Каготы въ Пиренеяхъ) такъ рѣдки, что объ нихъ почти нечего и упоминать. Обратное правило также вѣрно: вездѣ, гдѣ есть классъ угнетенный и униженный передъ другимъ, смѣло можно предположить наслоеніе или смѣшеніе племенъ.

Постановленіе о неравенствѣ сословій и раздѣленіе кастъ на Востокѣ не представляѣтъ еще состоянія униженія и поэтому не можетъ служить вѣрнымъ признакомъ древняго завоеванія. Въ иныхъ земляхъ были касты высокія, но не было кастъ низкихъ. Такова древняя Персія. Маги, воины, купцы, землепашцы имѣли неравное значеніе въ государствѣ; но никто не былъ въ презрѣніи, никто не былъ заклейменъ печатью подлости и отверженія. Кожаный передникъ кузнеца шелъ передъ войскомъ царя царей, передъ его золотоубранною дружиною. Касты въ Персіи представляютъ развитіе органическое, истекающее изъ быта патріархальнаго. Это просто раздѣленіе государственныхъ работъ по первоначальнымъ понятіямъ младенчествующаго человѣчества. Перейдите Инду-кху, и вы найдете опять тоже устройство, но уже искаженнымъ. Послѣднія двѣ касты неестественно сжаты въ одну, а на мѣстѣ выбывшей четвертой касты, можетъ-быть для сохраненія того же таинственнаго числа, являются чернолицые, презрѣнные *судры*: наслоеніе явно. Мнѣ даже извѣстна земля, гдѣ рабство (весьма недавно введенное государственною властью) не внушило владѣльцамъ презрѣнія къ своимъ невольникамъ - землепашцамъ: земля, въ которой выслужившійся крестьянинъ уравнивается не только закономъ, но и обычаемъ, и святынею всеобщаго мнѣнія, съ потомками основателя самаго государства. Въ той же землѣ невольники-не землепашцы, а слуги, внушаютъ чувство иное. Этихъ различій нѣтъ въ законѣ; они никогда не были высказаны, признаны, освящены, но они существуютъ для вѣрнаго наблюдателя. Земледѣлецъ былъ искони помѣщику роднымъ, кровнымъ братомъ, а предокъ слуги—военно-плѣнный; отъ того земледѣлецъ называется крестьяниномъ, слуга холопомъ. Въ этомъ государствѣ нѣтъ слѣдовъ завоеванія; а въ другой странѣ, тому пятьдесятъ лѣтъ, гордый Франкъ еще называлъ порабощеннаго vilain, roturier и пр. Не было случая, не было добродѣтели, не было заслугъ, которые бы уравняли выслужившагося разночинца съ аристократомъ. Не было рабства, не было даже угнетенія законнаго; но въ обычаяхъ, въ мнѣніяхъ, въ чуствахъ были глубокая ненависть и неизгладимое презрѣніе. Слѣдъ завоеванія былъ явенъ и горячъ. Что жъ? Сѣяли вражду, пожали кровь.—Такъ какъ это тонкости, такъ какъ этаго всего нѣтъ ни въ грамматикахъ, ни въ лексиконахъ, ни въ статистикахъ, такъ какъ это мелочи незамѣтныя глазу вооруженному, а только ясныя для простаго зрѣнія, такъ какъ онѣ не подходятъ подъ правильныя графы, а только изрѣдка перемѣняютъ видъ и судьбу міра, — ученымъ про нихъ и знать нельзя.

Вѣрность народной памяти: примѣръ отношенія Ирландіи къ Испаніи и Востоку.

Повторяю еще: важнѣе всякихъ матеріальныхъ признаковъ, всякаго политическаго устройства, всякихъ отношеній гражданъ между собою, преданія и повѣрья самаго народа. Силуры во время Тацита признаютъ себя выходцами изъ Гишпаніи. Это показаніе многіе находили сомнительнымъ и, дѣйствительно, преданіе о такомъ переселеніи утратилось въ Валлійскомъ герцогствѣ; но критика здоровая не имѣетъ никакаго права его отвергать: оно живо до сихъ поръ въ Ирландіи, странѣ тѣсно связанной съ Валлисомъ и вообще съ западнымъ берегомъ Англіи. Римскіе легіоны опустошили древнюю Британію; Саксонское насиліе наполнило Валлійскія горы бѣглецами, измѣнившими всѣ преданія, обычаи и черты народонаселенія, изгладившими всѣ слѣды древнихъ Силуровъ. По этому не въ Валлисѣ, но въ Эринѣ должны мы отыскиват старину Валлійскую. Тутъ поэзія, преданія, тутъ складъ жителей, ихъ черные волосы, ихъ высокій ростъ, ловкость, склонность къ веселой музыкѣ и граціознымъ танцамъ, все свидѣтельствуетъ о вліяніи Юга. Самое имя Hybernia или Iernia напоминаетъ Гишпанію*). Но если эти доказательства недостаточны, или разсказъ о переселеніи есть выдумка позднѣйшаго времени, чѣмъ же объяснится упрямство памяти народной? Чѣмъ объяснится, что, въ продолженіе столькихъ вѣковъ, Востокъ и Гишпанія такъ сильно дѣйствовали на Ирландію? Письменные памятники молчатъ, имена просвѣтителей этой дальней страны такъ же мало извѣстны, какъ имена смѣлыхъ мореходцевъ, давшихъ ей въ глубокой древности физіономію совершенно чуждую остальнымъ Кельтскимъ землямъ; между тѣмъ церковь Ирландская носитъ на себѣ отпечатокъ характера Востока. Ея духовенство, епископы, *кульди*, сохраненіе въ чистотѣ древнихъ обычаевъ, какъ напр. причащеніе дѣтей медомъ и молокомъ (о которомъ свидѣтельствуетъ Тертулліянъ какъ о всеобщемъ), борьба противъ Рима, симпатія съ ученіемъ Греціи, направленіе внѣшней дѣятельности на Англію, Францію и даже Германію и совершенное отсутствіе слѣдовъ вліянія Франціи и Италіи на нее, чѣмъ это объяснится? Однимъ: старые инстинкты народа жили и живутъ. Корабли ходили изъ полу-Финикійской Гишпаніи къ берегамъ

---

*) Которая въ древнѣйшее время называлась Иберіей. *Изд.*

Ирландіи и на этихъ смѣлыхъ судахъ, не боявшихся океанской волны, приходили и тѣ святые мужи новоявленнаго Христіанства, которые только одного боялись — умереть не сдѣлавъ ничего для славы Божіей и блага людей. Такой путь выдуманъ не Римскимъ міромъ, смѣлымъ на сушѣ и робкимъ на моряхъ: это старозавѣтный путь парусовъ Семитическихъ.

Хотя преданіе, которому охотно вѣрю, и приписываетъ обращеніе Ирландіи ученику святаго Иринея, епископа земли Галлійской, но вопервыхъ, должно вспомнить, что онъ былъ уроженецъ Востока и могъ обратиться къ путямъ мало извѣстнымъ міру Римскому; вовторыхъ, весьма важно поэтическое преданіе, сохранившееся въ исторіи цикла Артурова о прямомъ прибытіи учителей изъ Палестины въ Ирландію. Сильное же распространеніе Христіанства въ неизвѣстной Римлянамъ странѣ, тогда когда ихъ Галлія еще весьма мало проникнута была новымъ ученіемъ, а Британія почти ничего объ немъ не знала, подтверждаетъ мое мнѣніе и даетъ важность исторіи остаткамъ Валлійской поэзіи. Впрочемъ, изъ сказаннаго мною не слѣдуетъ заключать, чтобы населеніе Ирландіи приписывалъ я колоніямъ Семитическимъ или даже Иберскимъ. Это мнѣніе было бы также нелѣпо, какъ и то, что Ирландцы чистые Галлы. Противъ послѣдняго протестуютъ всѣ воспоминанія, и физіономія умственная, и физическая народа; противъ перваго—языкъ, въ которомъ Кельтійское начало преобладаетъ. Ясно смѣшеніе двухъ племенъ, изъ которыхъ южное, просвѣщеннѣйшее, заняло высшее мѣсто въ общественномъ устройствѣ. Это доказывается уже и вѣковою гордостью Милезійцевъ.

Важность пониманія общественнаго духа для историка; его трудно формулировать, а можно чувствовать и сознавать. Логическія формулы недостаточны для пониманія жизни.

Еще важнѣе самихъ повѣрій и преданій, но къ несчастію неуловимъ для изслѣдователя самый духъ жизни цѣлой семьи человѣческой. Его можно чувствовать, угадывать, глубоко сознавать: но нельзя заключить въ опредѣленія, нельзя доказать тому, кто не сочувствуетъ. Въ немъ можно иногда отыскать признаки отрицательные и даже назвать ихъ; признаковъ положительныхъ отыскать нельзя.

Назовете ли характеръ народа патріархальнымъ: вамъ скажутъ, что сначала всѣ народы таковы. Землепашескимъ: таковы многіе народы. Созерцательнымъ? видно, былъ досугъ и пр. и пр. Отрицательные же признаки болѣе опредѣленны. Человѣкъ съ умомъ здравымъ не приметъ Русь за племя Татарское, зная, какъ мало Татары склонны бороться съ волною и вѣтромъ и какъ долго сами Турки-Оттоманы говорили: Аллахъ далъ землю намъ, а море— христіанамъ. Такихъ примѣровъ довольно много. Прибавлю, что иногда встрѣчаются случаи, когда можно утвердительно вывести заключеніе о прошедшей жизни народа по свойствамъ или привычкамъ, съ которыми онъ является на сцену исторіи. Императоръ Маврикій и другіе приписываютъ Славянамъ (Вендамъ и Антамъ) необыкновенное искусство въ плаваніи, въ ныряніи, въ устройствѣ переправъ и пр. Это явно народъ, не обитавшій въ горахъ, не выросшій въ безводной степи. Гдѣ бы ни жилъ онъ въ прошедшіе вѣка, но смѣло можно сказать, что въ его землѣ текли большія рѣки, или разстилались озёра, или море призывало его къ борьбѣ и смѣлому плаванію. Довольно замѣчательно и то, что изо всѣхъ племенъ сѣверныхъ, наводнившихъ имперію Римскую, только одно презрѣло преграду Средиземнаго моря и перенесло свою бурную силу на берега другого материка. Это Вандалы, которыхъ имя звучитъ полу-Славянами. Но такіе примѣры суть только исключеніе въ общей исторіи народовъ.

Не слѣдуетъ однакоже заключать, что наука не можетъ принять въ свою область общую характеристику племенъ потому, что она ускользаетъ отъ математическаго циркуля и отъ анатомическаго рѣзца. Когда передъ живымъ лицомъ или портретомъ неизвѣстнаго мы говоримъ: «эта физіономія выражаетъ умъ или глупость, доброту или злость», возмемся ли мы доказать истину своего чувства тому, кто съ нами несогласенъ? Конечно нѣтъ. Не чувствуемъ ли мы разницу между типомъ Нѣмецкимъ и Англійскимъ, между Русскимъ и Шведскимъ, Французскимъ и Гишпанскимъ? И въ тоже время всѣ мы убѣждены, что различія этихъ типовъ описать невозможно. Многія истины и, можетъ быть, самыя важныя истины, какія только дано пожать человѣку, передаются отъ однаго другому безъ логическихъ доводовъ, однимъ намёкомъ, пробуждающимъ въ душѣ скрытыя ея силы. Мертва была бы наука, которая стала бы отвергать правду потому только, что она не явилась въ формѣ силлогизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что доказательство, основанное на строгой формулѣ, менѣе другихъ встрѣчаетъ противорѣчій и скорѣе даетъ истинѣ право гражданства въ области знаній; но держаться единственно формулъ, не вѣрить ничему кромѣ формулъ есть односторонность, въ которую впадать непростительно. Сильное и глубокое убѣжденіе можетъ быть слѣдствіемъ простаго воззрѣнія на предметъ, и вѣрная картина быта народнаго, его жизни страдательной или дѣятельной также ясно представитъ черты типа Славянскаго или Германскаго, какъ портретъ, при видѣ котораго мы говоримъ невольно: «это Англичанинъ или Грекъ». Надобно только чтобы рука живописца была вѣрна и чтобы внутреннее чувство зрителя было просвѣщенно, и въ тоже время не испорчено просвѣщеніемъ. Къ несчастію, пристрастіе нашего вѣка къ сухимъ логическимъ формамъ лишаетъ его способности сочувствовать простымъ человѣческимъ истинамъ; но всякая односторонность должна исчезнуть при дальнѣйшемъ развитіи разума, и новыя убѣжденія въ исторической наукѣ, убѣжденія, основанныя на гармоніи и объемѣ мысли, вытѣснятъ духъ тѣсныхъ системъ и мелочной критики.

Односторонность Германіи въ исторической наукѣ.

Запасъ фактовъ увеличивается безпрестанно; безпристрастіе и правдивость сдѣлались качествами довольно обыкновенными въ ученомъ мірѣ. Эта слава особенно принадлежитъ трудолюбивой и прямодушной Германіи, которая безспорно даетъ движеніе и направленіе всѣмъ другимъ народамъ. До сихъ поръ ей послѣдуютъ или противодѣйствуютъ, но во всякомъ случаѣ отъ нея почерпаютъ духъ философическій, связующій науки, и духъ жизни, оплодотворяющій всякій отдѣльный трудъ. Чуждая политическимъ страстямъ, предпочитая все человѣческое всему національному *), Германія заслужила

---

*) Это было писано около 1840 года. *Изд.*

благодарность будущихъ поколѣній; но въ тоже время она дала просвѣщенію склонность къ формальности, замедляющую развитіе разума, и безмѣрную страсть къ отвлеченностямъ, передъ которой все сущее, все живое теряетъ значеніе и важность и мало по малу изсушается до мертваго логическаго закона.

Замѣчательно, что сущность тогда только удостоилась милостиваго вниманія Нѣмцевъ, когда она прикинулась закономъ. Videas Hegel.

Непониманіе Германскою наукою всего, касающагося до Славянскаго міра. Разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ въ Славянскихъ древностяхъ.

Нѣтъ такого далекаго племени, нѣтъ такого маловажнаго факта, который не сдѣлался бы болѣе или менѣе предметомъ изученія многихъ Германскихъ ученыхъ. За настоящими Нѣмцами тянулись съ большею или меньшею ревностью ихъ колоніи, Франція и Англія. Одна только семья человѣческая мало и весьма мало обращала на себя ихъ вниманіе, а эта семья, кажется, не за морями, не утаилась въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ земли, а пограничная Германцамъ, даже черезполосная съ ними, сильная числомъ, населяющая пространство почти безпредѣльное, семья Славянская. Какъ скоро дѣло доходитъ до Славянъ, ошибки критиковъ Нѣмецкихъ такъ явны, промахи такъ смѣшны, слѣпота такъ велика, что не знаешь, чему приписать это странное явленіе, совершенному ли развичію духа вѣтвей Германской и Славянской, которое дѣлаетъ факты Славянскаго міра непонятными для Нѣмца, или скрытой зависти, пробужденной самымъ сосѣдствомъ.

Первое толкованіе, болѣе лестное для ихъ нравственнаго достоинства и обидное для ихъ понятливости, трудно принять. Мы видимъ, что Русскіе понимаютъ Нѣмцевъ лучше, чѣмъ всѣ другіе, даже полунѣмецкіе народы. Второму же повѣрить бы не хотѣлось, но что же дѣлать? Въ народахъ, какъ въ людяхъ, есть страсти, и страсти не совсѣмъ благородныя. Быть можетъ, въ инстинктахъ Германскихъ таится вражда, непризнанная ими самими, вражда, основанная на страхѣ будущаго или на воспоминаніяхъ прошедшаго, на обидахъ нанесенныхъ или претерпѣнныхъ въ старые, незапамятные годы. Какъ бы то ни было, почти невозможно объяснить упорное молчаніе Запада обо всемъ томъ, что̀ носитъ на себѣ печать Славянства. Объ Кимврахъ, такъ произвольно причисленныхъ къ Германскому корню, Гетахъ и Ѳракійцахъ, Нѣмецкіе ученые писали и пишутъ несмѣтные томы; а Венды, которые встрѣчаются въ географіи Европы на каждомъ шагу, въ исторіи Европы въ каждомъ вѣкѣ, Венды какъ будто не бывали. Венды уже при Геродотѣ населяютъ прекрасные берега Адріатики (вѣроятно Ядрянскаго моря, т. е. способнаго къ плаванію 1)); Венды вскорѣ послѣ него уже встрѣчаются Грекамъ на холодныхъ берегахъ Балтики (можетъ быть Вендскаго *блата*); Венды (Генеты) занимаютъ живописные скаты Лигурійскихъ Альповъ; Венды борются съ Кесаремъ на бурныхъ волнахъ Атлантики,—и такой странный фактъ не обращаетъ на себя ничьяго вниманія! Я говорю: *Венды*, не имя Вендовъ, имя, бытъ, нравы, однимъ словомъ все. Гдѣ Венды (люди водные), тутъ корабли, тутъ дерзость мореходца, тутъ предпріимчивая торговля, тутъ морской разбой, тутъ суда не каботажныя, не береговыя, а крутобокія, гордо высящіяся надъ водою, удивляющія Римлянъ, готовыя на борьбу съ океаномъ. И это не разсѣянныя племена, безъ связи и сношеній между собою, а цѣпь неразрывная, обхватывающая половину Европы. Между поморьемъ Балтійскихъ Вендовъ и Вендами Иллирійскими Венды Великіе (*Венды-Вильки*). Saxo Grammaticus 2) говоритъ, что Вильки въ другомъ діалектѣ Васци (Krantzius: Weletabi 3)): явно *великій* и *вящшій*, большой, *величавый*. Потомъ Вудины Русскіе, потомъ Венды Австрійскіе (Vindobona). Между Вендами Иллирійсками и Лигуріею Вендскою *Вендилики*, тоже что̀ Венды *Вельки*, Ретійцы (въ чьей землѣ до сихъ поръ Windischgau), Венноны, Веннонеты, озеро Венетское 4)) и пр. Между Лигуріей и Вендіею Галлійскою связи кажется, менѣе, но по Родану находимъ мы городъ Vienna и на-

---

1) *Ядро* у южныхъ Славянъ значитъ *парусъ*. *Изд.*

2) Hist. Dan. L. IV, стр. 281 (ed. Müller).

3) Вмѣсто Кранція, поздняго компилятора, можно было сослаться на Эйнгарда: Annal. sub a 789: „natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus oceani, quae propria lingua Weletabi, Francica autem Wiltzi vocatur“: *Изд.*

4) Древнее имя Констанцскаго озера. *Изд.*

роды Нантуаты и Верагры, по Лигеру (помни Лигурію) опять народъ Верагры и городъ Vannes и Nantes [1]) (племена Анты и Венды), а подлѣ Венетовъ на Югъ землю Aquitania (я надѣюсь, что этого слова не примутъ за Кельтійское: оно есть явный переводъ слова *Вендъ* отъ *вода, венда*). Объ Аквитанцахъ, которыхъ Кесарь нисколько не отдѣляетъ отъ Венетовъ, онъ свидѣтельствуетъ, что они языкомъ, обычаями и всѣмъ отличаются отъ прочихъ Галловъ. Главнѣйшія же племена ихъ суть: въ горахъ сѣверныхъ *Бигерроны* (нынѣ Bigorre, *погорье*, тутъ же и Perigord, *пригорье*), Гариты, и городъ Calogorris (*кологорье*), прославленный въ войнахъ Серторія; въ горахъ южныхъ Ореставы и Карпетаны (вспомнимъ Горушанъ и Карповъ Далматскихъ), у нихъ два города Calagurris и городъ Sigurris (*загорье*) и Bellogarium, нынѣ Balaguer, *бѣлогорье*, иначе Bergusia (*прагуша*); въ долинахъ при-Пиринейскихъ Елузаты и Толузаты (Лужаты) и городъ Елуза, рѣки Гарунья и Сава. Прибавлю еще, что слово Вандея, городъ Виндана (Vannes, иначе Venetae), островъ Виндились явно свидѣтельствуютъ о томъ, что Венеты есть только испорченные Венды. Неужели это все случайно? Или такъ мелко, что не стоитъ вниманія? Или такъ темно, что не можетъ быть понятно? Неужели и то случаемъ назовемъ, что другіе два народа того же племени, Морины и Менапіи, находятся опять въ болотахъ Галландіи, окруженные Бельгами и Германцами, но совершенно чуждые обоимъ; что въ землѣ Вендовъ рѣки и города носятъ имена Себра, Севра, Сава и пр.; что тамъ, гдѣ жили они, Кельты сохранили слово *горъ* въ смыслѣ *высокій*,—слово чуждое другимъ Кельтскимъ нарѣчіямъ; что тамъ еще пятнадцать городовъ и деревень носятъ имя *Bellegarde*, котораго нѣтъ въ остальной Франціи и которое переведено словомъ *Albi* и *Montauban*; что отъ ихъ языка древніе намъ сохранили два слова, *моръ* и *белена* [2]), оба Славянскія? Все это случай, все мелко или темно? Да что же не случай? Что значительно въ этнографіи древней? Что ясно въ наукѣ? Что это за народъ, который у моря называется Вендомъ и Мориномъ, въ горахъ Горитомъ и Карпетаномъ, въ долинахъ Лузатомъ? Спросите у Маврикія, у Прокопія, у всѣхъ древнихъ: они вамъ скажутъ, что Венды и Анты.

---

[1]) Въ древности Venetae. Къ этому можно бы было прибавить еще островъ Vindilis (теперь Belle-Isle) близъ устья Луары. *Изд.*

[2]) Авторъ имѣетъ въ ниду слово βιλινουντια, bellinuntia (первая форма у Діоскорида, вторая у Апулея), Гальское названіе растенія hyoscyamus, бѣлены, и выраженіе morimarusa, которое, по свидѣтельству, приводимому Плиніемъ (Hist. Nat. IV, 13), на языкѣ Кимвровъ значило мертвое море „mare mortuum“. *Изд.*

Впрочемъ какія бы ни были тайныя причины, помрачающія до сихъ поръ ясность взгляда критиковъ, то неоспоримо, что они впадаютъ въ постоянное противорѣчіе сами съ собою, въ одно время представляя Славянъ какъ самую многочисленную изо всѣхъ Индо-Германскихъ семей, и отнимая у нихъ поочередно всѣхъ предковъ, такъ что они представляютъ нелѣпый видъ огромнаго дерева безъ корней, что-то похожее на болѣзненное сновидѣнье.

Такимъ образомъ иные отрицаютъ Славянство древней Илліріи, забывая старыхъ Геродотовскихъ [1]) Вендовъ (Генетовъ), имена островов, городовъ, рѣкъ, обычаи, сохранившіеся въ чистотѣ (такъ напримѣръ, до сихъ поръ на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ весь народъ, женщины и мужчины, ходятъ въ черномъ, а древній писатель свидѣтельствуетъ, что они искони носятъ черное одѣяніе, оплакивая какаго-то погибшаго героя своего), забывая преданія народныя и пѣсни (напр. о царицѣ Тетѣ), которыя одни во всей Европѣ восходятъ до временъ Римскихъ. Другіе Паннонію берутъ подъ Кельтовъ или Германцевъ, не помня ни надписей Римскихъ, ни имени Вѣны (Vindobona), ни имени Карніи, до сихъ поръ такъ явно сохранившагося въ Крайнѣ Австрійской, ни рѣкъ Савы и Дравы, о которыхъ до сихъ поръ идетъ характеристическая пословица: „Сава суе, Драва дере“ [2]). Другіе въ Гетахъ и Дакійцахъ хотятъ видѣть Нѣмцевъ, на зло барельефамъ, въ которыхъ такъ чисто выглядываетъ типъ Славянскій; другіе поморіе Прусское покрываютъ Германцами Бургундами (горожанами, а слыхалъ ли кто про Германцевъ градостроителей во время оно?) или Кельтами, забывая Питеаса и Венетовъ Балтійскихъ. Наконецъ, выключивъ, весьма справедливо, изъ числа вѣроятныхъ Славянъ, Скиѳовъ, которыхъ нельзя не признать по всему описанію ихъ быта, судьбы и наружности за Финно-Тибетское племя, выключивъ Сарматовъ, которыхъ имена историческія и современные намъ остатки явно не-Славянскіе, и которые подъ названіемъ Алановъ и Ятвяговъ всегда враждовали съ Славянами, мы должны придти къ простому заключенію: „Не было-де въ старину Славянъ нигдѣ, а какъ они явились и размножились, это великое таинство историческое;— впрочемъ, можетъ быть, ихъ и теперь совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ“.

---

[1]) Herod. I, кн. 196, V, 9. *Изд.*

[2]) Мы не могли отыскать этой поговорки въ находящихся у насъ подъ рукою Славянскихъ источникахъ. Быть можетъ, авторъ слышалъ ее изустно во время путешествія своего въ западныхъ Славянскихъ земляхъ. Судя по слову *суе*, поговорка эта принадлежитъ Альпійскимъ Словенцамъ: у нихъ *сути, язъ суемъ, онъ суе* значитъ *сыпать* Нарѣчію Сербскому эта форма чужда. *Изд.*

Критики болѣе милостивые оставляютъ Славянамъ какихъ-то предковъ, но эти предки должны быть бездомники и безземельники; ни одно имя въ мѣстностяхъ, населенныхъ теперешними Славянами, не должно имѣть Славянскаго значенія; всѣ лексиконы Европы и Азіи должны представить на лицо корни самые невѣроятные, чтобы ими затемнить простой смыслъ простаго слова. Не удалось уничтожить народы: стараются землю вынуть у нихъ изъ-подъ ногъ.

Такъ у насъ отнимаютъ нашъ тихій, коренной, Славянскій Донъ, корень почти всѣхъ рѣчныхъ названій въ Россіи, *Дн*ѣпра, *Дн*ѣстра, *Двины, Дсны* *), *Дун*ая, десяти или болѣе *Дун*айцевъ, многихъ *Дон*цевъ. Во-первыхъ, замѣчу, что въ самой внутренности Россіи, именно въ Рязанской губерніи, нѣсколько Дунаевъ; во-вторыхъ, что Донъ самъ былъ вѣроятно въ старину Дунаемъ (иначе форма *Танаисъ* непонятна); въ-третьихъ, что форма Дунай есть вѣроятно уже нѣсколько измѣненная, а первоначальная была Донай (съ *о* краткимъ). Это замѣтно изъ Нѣмецкаго *Donau* и сходнѣе съ Латинскимъ *Danubius*, въ которомъ скрывается еще какое нибудь забытое прилагательное, и съ Греческимъ *Танаисъ*. (Можетъ быть, *Донай* есть сокращенное *Донаій* или *Донавій*, въ которомъ соединились бы корни всѣхъ этихъ словъ). Значеніе слова *Донъ* сомнительно; быть можетъ, оно совсѣмъ утрачено, быть можетъ оно было синонимомъ водѣ (это можно заключить изъ выраженія *днище*); но какъ бы то ни было, оно должно быть Славянскимъ [1]). Говорятъ, *don* значитъ рѣку по-кельтски: вѣрю. Гдѣ же *Доны* и составныя изъ нихъ имена въ земляхъ безспорно Кельтскихъ? Гдѣ во Франціи, гдѣ въ Англіи, Шотландіи или Эринѣ? Есть какой-то ручеекъ этого имени во Франціи, да такая же рѣчка въ Шотландіи. Кажется, такого мелкаго случая нельзя принять за возраженіе сколько нибудь дѣльное. Гдѣ этотъ рядъ рѣчныхъ именъ, въ которыхъ явно соединено существительное съ прилагательнымъ: *Донъ-вепръ, Донъ-истръ?* (имена рѣкъ *истръ, остръ, вепръ* весьма обыкновенны у насъ). Но у Сарматовъ, т.-е. Осетовъ, *Донъ* значитъ рѣка; дѣло. Въ Зендскомъ, въ Пехлеви, въ Парси, мы не находимъ такой формы; она можетъ быть заносная отъ Славянъ и утрачена Славянами. Но я прибавлю, что это слово не было кореннымъ, священнымъ у Сарматовъ: иначе главная рѣка ихъ, Волга, носила бы имя Дона, а этого не было; она называлась Араксомъ, именно Араксомъ, а не иначе. Отъ того-то Геродотъ принимаетъ ее за одну изъ большихъ рѣкъ, текущихъ на Востокѣ моря Каспійскаго [2]). Очевидно, что онъ не по сходству рѣкъ смѣшиваетъ имена (это было бы просто безсмыслица), а по сходству именъ смѣшиваетъ рѣки. Наконецъ, форма Донъ не есть Сарматская потому, что она вездѣ, кромѣ Вандеи Галльской, сопровождаетъ Венетовъ. *Еридан*ъ (Висла) у Прибалтійцевъ, и у нихъ же *Танаисъ* (Дунай, Дуна) по Питеасу; *Данубій* у Черноморцевъ и Винделиковъ, *Еридан*ъ у Истрійцевъ и Вендовъ при-Адріатическихъ, *Роданъ* у Вендовъ Лигурійскихъ, которыхъ главные города были Antium (Генуа) и Vendium (Vince) прежде и гораздо прежде движенія Кельтовъ на Югъ и Юго-востокъ. И послѣ того еще Донъ не Вендская форма, а Сарматская или Кельтская.

---

*) Цны.

Замѣчу при теперешнемъ случаѣ, что была въ сѣверномъ углѣ Адріатическаго залива рѣка Истеръ, отъ которой происходитъ имя

---

[1]) Это подтверждается и тѣмъ, что слово *Дунай* сохраняетъ до сихъ поръ у Поляковъ смыслъ нарицательнаго имени, напр. въ поговоркѣ: w jakim kraju i dunaju. *Изд.*

[2]) Herod. IV, 40.

Истрія, и что Рона носила имя Еридина, а не Родана. Отъ того-то Аргонавты *) и Геродотъ говорятъ: Истеръ впадаетъ однимъ устьемъ въ Черное, а другимъ въ Адріатическое море; а Еридан (Ярый Донъ) впадаетъ однимъ устьемъ въ Адріатическое, а другимъ въ Средиземное море. Это фактъ ясный для всѣхъ глазъ, не заболѣвшихъ отъ книжнаго чтенія, и содержалъ бы даже доказательство, что жители устьевъ Дуная, Тимока, По и Роны были одноплеменники, еслибъ такая истина еще требовала новыхъ доказательствъ.

Наконецъ, многіе ученые, догадавшись, что необходимо найти средство примирить многочисленность наличныхъ Славянъ съ теоріями, по которымъ у нихъ предковъ быть не должно, рѣшили, что дѣйствительно первоначальныхъ Славянъ было весьма мало, но что въ Славянствѣ есть какая-то тайная сила ассимилаціи, что-то очень похожее на заразу. На эту бѣдную попытку примирить современную истину съ искаженнымъ понятіемъ о старинѣ отвѣчать нечего: она падаетъ съ теоріями, о которыхъ я уже говорилъ. Прибавлю только, что сила ассимилаціи приписана Славянамъ весьма произвольно: нигдѣ не укажутъ намъ яснаго примѣра ославяненія не-Славянскаго племени, а все поморіе Балтики и зе̂мли между Эльбою и Одеромъ представляютъ намъ явленіе совершенно противное. Чуваши, Черемисы, Корелы и прочіе, окруженные Русскими, подвластные Русскимъ, подсудные Русскимъ, до сихъ поръ сохраняютъ свою національность почти въ неизмѣнной чистотѣ. Гдѣ же Славянская зараза?

Въ защиту теоріи о перерожденіи народовъ обыкновенно приводятъ Болгаръ и утверждаютъ: Болгары теперь говорятъ по-славянски, глядятъ Славянами, словомъ, они совершенные Славяне, а въ старину Болгары принадлежали къ Турецкому или Тибетскому или вообще желтому племени. Они переродились. Вникнемъ въ основаніе этого заключенія. Являются какіе-то Болгары въ Европѣ на границахъ имперіи Византійской, которую потрясаетъ ихъ бур-

---

*) Apoll. Rhod. Agronautica, кн. IV, стр. 282—293, 632.

ное мужество. Они какъ-то кажутся сродни Аварамъ и Гуннамъ съ которыми ихъ смѣшиваютъ, но они не Авары и не настоящіе Гунны; они тоже имѣютъ какое-то сродство съ Славянами, но они не старожилы Славяніи при-Дунайской. Ихъ физіономія не опредѣлилась. Далѣе и далѣе очеркъ ихъ быта и извѣстія объ ихъ языкѣ становятся яснѣе. Въ VII-мъ вѣкѣ Христіанство начитаетъ озарять мракъ народный. Въ VIII-мъ Священное Писаніе проповѣдуется у нихъ въ силѣ и величіи. Переводъ Библіи и Евангелія по всѣмъ вѣроятностямъ отъ нихъ уже переходитъ ко всѣмъ Славянскимъ племенамъ въ нарѣчіи, котораго просвѣщенная критика не смѣетъ еще назвать иначе какъ Болгарскимъ. Еще нѣсколько позже отъ нихъ уже начинаются ереси, которыхъ имя (Богумилы) чисто Славянское. Народъ уже носитъ всѣ признаки самые явные, самые несомнѣнные Славянства. И теперь неученый человѣкъ, вступая простодушно въ многолюдныя деревни Болгаръ Задунайскихъ или Забалканскихъ, смѣло и безостановочно говоритъ: это Славяне. Но взглядъ, уясненный многимъ чтеніемъ, видитъ совсѣмъ не то. Болгары пришли съ Волги: это дѣло ясное. На Волгѣ Несторъ знаетъ сильное царство Болгарское и въ немъ народъ одноплеменный жителямъ сѣверной Азіи. И такъ Болгары Дунайскіе, выходцы съ береговъ Волги, также были сродни Туркамъ. Но Несторъ писалъ не прежде одиннадцатаго вѣка, а Болгары являются на Дунаѣ со всѣми несомнѣнными признаками Славянства еще въ IV-мъ. Не могли ли Болгары Приволжскіе переродиться подъ гнетомъ иноземнымъ въ теченіе четырехъ и болѣе вѣковъ, истекшихъ отъ перваго перехода Болгаръ Византійскихъ до XI-го вѣка? Ясно, что побѣжденнымъ на Волгѣ Славянамъ по крайней мѣрѣ также легко отуречиться, какъ побѣдителямъ Туркамъ на Дунаѣ ославяниться. Выводъ ученыхъ основанъ на произволѣ, и Несторъ дѣла не рѣшаетъ. Разсмотримъ бытъ народовъ и свидѣтельства другихъ современниковъ. Въ Болгарахъ Дунайскихъ есть ли какія нибудь черты противныя характеру Славянскому? Рѣшительно нѣтъ ни одной. Таковы же ли отношенія Великихъ Болгаръ къ характеру Турецкому? Нисколько. Во-первыхъ, они народъ по преимуществу торговый: черта не Турецкая; во-вторыхъ, они горожане и живутъ въ городахъ большихъ и богатыхъ. Турокъ завоеватель городовъ,—понятенъ; Турокъ, основатель городовъ въ такую далекую эпоху, былъ бы исключеніемъ, а исключеній безъ нужды допускать не должно. Наконецъ, даже имя земли Болгарской, которое вѣроятно не выдумано лѣтописцемъ, чуждымъ всякой системы, кажется, измѣнено Турками въ форму Буляръ или Белиръ. Чувство человѣческой истины приводитъ къ слѣдующему заключенію: Турки—пришлецы въ землѣ Болгарской, трутни чужого улья, позднѣйшее наслоеніе на старой подпочвѣ. Но чьи же были города и земля до ихъ пришествія? Или Финскія, или Славянскія. Обѣ семьи склонны къ торговлѣ и не чужды градостроительства. Въ пользу Финновъ можно найти сильныя доказательства въ теперешнемъ полу-Финскомъ населеніи старой Болгаріи и въ общемъ предубѣжденіи противъ существованія Заволжскихъ Славянъ. Но мы должны вспомнить, во-первыхъ, что всякое предубѣжденіе—произволъ искажающій истину; во-вторыхъ, какіе потопы народовъ, какія дикія силы, какія опустошительныя и безщадныя орды прошли по Болгарскому пепелищу. Старое населеніе, уже почти лишенное своего первобытнаго характера, могло сгибнуть безъ слѣдовъ Противъ Финновъ доказательствъ мало, но они весьма сильны. Во первыхъ, бани были въ общемъ употребленіи у Болгаръ, а Финны до сихъ поръ не могутъ къ нимъ нигдѣ привыкнуть; вовторыхъ, нѣтъ никакаго племени Финскаго, носящаго имя похожее на *Болгары*; въ-третьихъ, многія слова и многіе обычаи Приволжскихъ Болгаръ, сохраненные намъ въ разсказахъ Ибн-Фоцлана и другихъ восточныхъ писателей, всѣ до однаго чисто Славянскіе. Наконецъ, титулъ царя Болгарскаго былъ царь Саклабовъ (такъ называли они *) Славянъ). Выводъ ясенъ. Болгарія была земля Славянская, завоеванная Турками, вѣроятно послѣ миграціи большей части народа, искавшей лучшихъ жилищъ на берегахъ Дуная.

Славянскіе ученые, приведенные въ совершенное отчаяніе писателями западными, ополчились въ пользу своихъ предковъ; но увлеченные сперва необходимостью собственной защиты, а потомъ страстью и мщеніемъ, они переступили всѣ границы здравой критики и стали дѣйствовать по законамъ возмездія,

---

*) Т.-е. Арабскіе писатели. *Изд.*

отнимая у Германцевъ ихъ предковъ до одного человѣка и ихъ землю до малѣйшаго клочка.

Писатель, впрочемъ геніальный *), объявилъ даже Франковъ Славянами. Такъ-то всякая страсть увлекаетъ въ ошибки совершенно дѣтскія и помрачаетъ самый ясный взглядъ!

Впрочемъ большая часть отдѣльныхъ ошибокъ происходитъ отъ ложнаго мнѣнія, никѣмъ необъявленнаго и не выставленнаго за правило, но тайно руководствующаго до сихъ поръ всѣхъ изыскателей древности. Это мнѣніе: что каждый древній народъ составленъ изъ одной какой нибудь стихіи и принадлежитъ къ одной семьѣ человѣческой.

Отправляясь отъ положенія ложнаго, самый безпристрастный критикъ дѣлается невольно рабомъ какой нибудь скрытой страсти или системы, произвольно принятой его дѣтскимъ легковѣріемъ. Имъ будетъ управлять или самолюбіе народное или инстинктъ вражды, такъ легко развивающейся изъ соперничества племенъ, или уваженіе къ старому мнѣнію, давно получившему право ученаго гражданства, или даже тайное стремленіе къ какой нибудь дальней, непризнанной цѣли, связанной съ его религіозными убѣжденіями; и критикъ, повинуясь внушенію скрытой страсти, сохранитъ спокойствіе совѣсти и вѣру въ свое совершенное безпристрастіе.

Въ древности, какъ и въ нынѣшнее время, мы почти не встрѣчаемъ народовъ одностихійныхъ, безпримѣсныхъ. Примѣры: Вандалы, народонаселеніе Индіи и др.

Основнымъ правиломъ мы примемъ мнѣніе совершенно противоположное мнѣнію общему, именно: что одностихійныхъ народовъ въ исторіи почти не встрѣчается, и тогда ошибки историковъ покажутся весьма естественными. Вандалы, Готы, Кельты также мало имѣютъ право считаться представителями чистыхъ, безпримѣсныхъ семей, какъ Французы, Итальянцы и Англичане современные намъ. Мы можемъ отыскивать ихъ составныя стихіи; мы можемъ замѣчать преобладаніе однаго или другаго начала; но мы не можемъ и не должны безъ

---

*) Венелинъ. *Изд.*

ясныхъ доказательствъ вносить народныя имена подъ графы, составленныя для племенъ и семей. Было время, когда стихіи еще мало смѣшивались, когда на пустыняхъ земли рѣзко и самобытно образовались характеры разсѣянныхъ племенъ. Всѣмъ было приволье, всѣмъ былъ просторъ. За предѣлами горъ и морей, рѣкъ и лѣсовъ непроходимыхъ, свободно и гармонически развивались отличительныя черты семей, облекаясь для глаза въ типическія физіономіи, для слуха въ коренныя нарѣчія, для ума въ опредѣленное направленіе жизни и мысли; но знаетъ ли исторія про это время, про тѣ давніе вѣка? Первыя слова бытописаній уже свидѣтельствуетъ о движеніяхъ народовъ, о завоеваніяхъ, о бѣгствахъ: нигдѣ нѣтъ пустынь и земель ненаселенныхъ. Семьи человѣческія уже разбились и перемѣшались.

Имена начальниковъ народа Вандальскаго звучатъ какъ имена Германскія. Нѣмецъ присвоиваетъ Вандаловъ себѣ. Имя народа составлено изъ корня безспорно Славянскаго; остатки языка ихъ въ Германіи содержатъ въ себѣ гораздо большую половину словъ Славянскихъ. Чехъ и Русскій берутъ Вандаловъ на свою долю (Kanzow)*). Совѣсть у каждаго спокойна, а самолюбіе народное удовлетворено. Между тѣмъ самая простая разгадка задачи оставлена безъ вниманія. Имена вождей, это аристократія; устройство дружинъ, это аристократія: завоевательный порывъ, это направленіе, данное аристократіей. Она ясно и безспорно принадлежитъ типу Германскому. Но имя народа, но почти весь языкъ народа, но смѣлая переправа чрезъ волны Средиземнаго моря, остановившаго всѣ другіе народы, все это принадлежитъ Венду-Славянину, принявшему волею или неволею нѣсколько стихій Германскихъ. Наслоеніе явно, а неорганическій составъ народа ручался за его скорое паденіе. Съ большимъ правомъ приписываютъ Готѳовъ къ Германіи. Все въ нихъ Нѣмецкое: родовая гордость, чуждая труженику и купцу-Славянину, языкъ, въ которомъ всѣ корни Нѣмецкіе, завоевательный духъ, стремленіе къ угнетенію и презрѣніе къ угнетеннымъ, отсутствіе семейнаго быта, названіе племени, въ которомъ встрѣчаемъ звукъ th, чуждый Славянству, имена вождей, съ которыми они врывались въ области Римскія, и имена боговъ, отъ которыхъ отрекались при вступленіи въ христіанское братство, словомъ все. Къ этому прибавить должно еще постоянную вражду Готѳовъ съ Славянскими народами, вражду, которая навлекла гибель царству старца Эрманарика, когда Гунны, защитники угнетеннаго Славянства, стерли съ лица земли все величіе Готѳовъ, заставивъ Остготѳовъ покориться и быть подручниками великаго мстителя, Аттилы, а Вестготѳовъ бѣжать на край Европы за спасительную преграду Луары и Пиринейскихъ горъ. Давно отгремѣли эти войны, имя Готѳовъ исчезло: но злопамятныя преданія народовъ свидѣтельствуютъ еще о старой ихъ враждѣ. Такъ во всѣхъ земляхъ Вендовъ Приодерскихъ, на которыхъ тяготѣло иго Готѳовъ, не смотря на безчисленные перевороты въ ихъ страдальческой судьбѣ, до сихъ поръ еще Дитрихъ [1]) летаетъ по бурнымъ ночамъ съ своею дикою охотою (das wilde Heer, Dietrich der wilde Jäger), и это преданіе совершенно мѣстное; ибо въ остальной Германіи дикій охотникъ не извѣстенъ подъ именемъ Дитриха. Такъ въ Новгородѣ, однокровномъ всѣмъ Вендамъ, лѣтописецъ, разсказывающій о взятіи Царя-града крестоносцами, въ числѣ вождей называетъ Маркоса (вѣроятно Marchese) отъ Рима „въ градѣ Бьрнѣ, идѣже бѣ жилъ поганый злый Дедрикъ“ [2]). Но при всемъ томъ мягкость окончаній словъ, чуждое генію чисто Германскому преобладаніе открытыхъ гласныхъ и множество словъ, принадлежащихъ Славянскимъ нарѣчіямъ, какъ *тика* мечъ, *drut,* другъ, *schedut* свѣтъ, *malthata* молвлю [3]), свидѣтельствуютъ, что Готѳы не даромъ жили и властвовали на землѣ Славянской въ продолженіе трехъ и болѣе вѣковъ.—Кельтская семья еще менѣе другихъ можетъ считать себя безпримѣсною и чистою. Ирландецъ не понимаетъ горнаго Шотландца; этотъ въ свою очередь не можетъ говорить съ Французскимъ Британцемъ, и всѣ они почти совершенно чужды Баску [1]). Языки ихъ различны и словами, и грамматическимъ измѣненіемъ, и синтаксическимъ сочетаніемъ словъ. Безспорно, что во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ (за исключеніемъ, можетъ быть, Басскаго) царствуетъ одинъ и тотъ же духъ, дающій намъ право соединить ихъ подъ фирму Гаэлическаго или Эрсо-Гаэлическаго. Но мы точно также говоримъ: Эллино-Римское нарѣчіе, Германское нарѣчіе (которое заключаетъ въ себѣ и Англійское и Тирольское), и такъ далѣе. Что же сказали бы мы о критикѣ, который счелъ бы Тирольцевъ и Англичанъ за семьи немѣшанныя и доказывалъ бы первообразность языка Нѣмецкаго тѣмъ, что въ немъ (т. е. въ соединеніи всѣхъ его нарѣчій) находятся корни Итальянскіе, Кельтскіе, Славянскіе и такъ далѣе? И вотъ какъ поступаютъ съ Кельтскимъ языкомъ и съ Кельтскимъ племенемъ. Стройный, черноволосый Кельтъ-Милезіецъ Ирландіи также похожъ на широкоплечаго Шотландца, на круглоголоваго Бретанца, какъ Корела на Черкеса. Языки ихъ содержатъ въ себѣ стихіи совершенно различныя: одинъ исполненъ формъ и корней Семитическихъ [2]), другой отзывается Германскимъ, третій обличаетъ сосѣдство Венедовъ (въ словахъ *вранъ, горъ, дервъ*, и проч.), и всѣ наполнены словъ Латинскихъ,—а племя прослываетъ въ исторіи однимъ цѣлымъ, чистымъ и нераздѣльнымъ. Такое мнѣніе идетъ наперекоръ преданіямъ народнымъ, живущимъ въ людяхъ современныхъ и въ писателяхъ про-

---

*) Померанскій лѣтописецъ Канцовъ, жившій въ XVI столѣтіи, признавалъ Вандала за перваго царя Руси, Польши, Чехіи и всѣхъ прочихъ Славянскихъ народовъ, которые раздѣлились между его сыновьями. Впрочемъ, мнѣніе о Славянствѣ древнихъ Вандаловъ было общимъ въ Средніе вѣка и встрѣчается уже у Адама Бременскаго, писавшаго въ XI-мъ столѣтіи: Slavanja..., a Winutis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali. Ad. II, (10). *Изд.*

---

[1]) Въ этомъ Дитрихѣ нельзя не узнать имени Готѳскаго царя Теодорика. *Изд.*

[2]) Новгородск. Перв. Лѣтоп. подъ 1204 г. (П. С. Р. Л. III, 29). *Изд.*

[3]) Какъ видно изъ четырехъ, приведенныхъ здѣсь словъ, Хомяковъ зналъ въ то время о Готскомъ языкѣ лишь по скуднымъ, искаженнымъ рѣченіямъ записаннымъ путешественникомъ Бусбекомъ, который въ 1563 году встрѣтилъ въ Константинополѣ двухъ человѣкъ, принадлежавшихъ къ остаткамъ

племени Готскаго въ Крыму и внесъ нѣсколько словъ ихъ нарѣчія въ своей „Itinerarium Constantinopolitanum“. Если бы автору были извѣстны богатства чистаго Готскаго языка, восходящаго къ IV вѣку нашей эры и сохраненнаго Улфилою въ его переводѣ Священнаго Писанія, то онъ могъ бы гораздо убѣдительнѣе доказать особенное вліяніе Славянской стихіи на этотъ языкъ. Но первое критическое изданіе Улфилы вышло только въ 1842 году, а эти строки Хомякова писаны были едва ли не прежде того времени. *Изд.*

[1]) Басковъ слѣдуетъ вовсе отдѣлить отъ Кельтскаго племени. *Изд.*

[2]) Фактъ сомнительный. *Изд.*

шедшаго времени, на зло исторіи и здравому разуму.—Безчисленны примѣры злоупотребленія названій земельныхъ или народныхъ, принятыхъ за имена племенъ или семей; но самое смѣшное и самое явное злоупотребленіе представляется словами Индія и Индѣйское. Есть земля Индія, огражденная снѣговымъ оплотомъ непроходимыхъ горъ и окаймленная южнымъ океаномъ; есть народъ, населяющій эту землю, народъ соединенный встарину единствомъ религіи [1]), внутреннею торговлею и судьбами историческими, а въ наше время связанный разумною и просвѣщенною властью Англіи [2]), но племени или семьи Индѣйской не было и нѣтъ. Нѣтъ ни общей физіономіи мысли, ни общаго языка, ни общей наружности. Дикій приземистый Бгиль, стройный и красивый Раджпутъ, атлетическій горецъ въ Нила-гири, черносмуглый и слабый Сингалезецъ-другъ на друга не похожи; нарѣчія Магахъ, Санскритъ, Пали, Тамули, Телинга рознятся другъ отъ друга въ коренныхъ началахъ; отвлеченное и духовное направленіе мыслей сѣвернаго Брахмина и вещественный фанатизмъ южнаго Сиваита обличаютъ глубокое разногласіе ихъ душъ. Гдѣ же племя или семья Индѣйская? Мы говоримъ объ лицахъ: лицо Нѣмецкое, Армянское, Монгольское, и эти слова представляютъ смыслъ ясный и опредѣленный. Но лицо Индѣйское ничего не значитъ, потому что бѣлолицый Брахминъ и Судра почти чернокожій-оба равно Индѣйцы. Наслоеніе племени на племя и даже тройное наслоеніе есть фактъ ясно выходящій изъ простаго взгляда на современную Индію и совершенно безспорный при малѣйшемъ сравненіи памятниковъ и при изученіи литературы до-Гангесскаго полуострова. Сѣверная Индія отъ подошвы горъ Гиммалайскихъ до устья Инда и Ганга представляетъ намъ всѣ типы Иранской возвышенности; южная и особенно юго-западная напоминаетъ противулежащіе ей берега Африки; дикіе верхи Гаутовъ принадлежатъ системѣ Средне-Азіатской. И такой многообразный міръ долженъ быть колыбелью чистой семьи человѣческой! Если бы это могло быть, то намъ бы осталось только одно: бросить всѣ розысканія и отказаться отъ всякихъ надеждъ на истину историческую. Просвѣщеніе Индіи, философія ея, поэзія ея родились на Сѣверѣ; владычествующая каста ведетъ свое начало отъ Гиммалайскихъ предгорій; языкъ Санскрита родной братъ Зенду и всѣмъ нарѣчіямъ, распространившимся отъ Инду-Кху и Памира до Атлантическаго океана. Гдѣ же каменные памятники величественной и поэтической древности? Нѣтъ ни однаго, ни малѣйшаго, которому бы можно приписать двадцати-вѣковое существованіе. Колыбель древней архитектуры Индостанской на югозападномъ берегѣ, величайшее ея развитіе на Югѣ. Зародышъ ея—пещера, окончательный подвигъ—пирамида. Куполъ, глава дагоба, стрѣлка принадлежатъ эпохѣ позднѣйшей. Храмы пещерные понятны въ землѣ троглодитовъ, напр., въ Ѳіопіи и въ Египтѣ; но въ такой землѣ, гдѣ, какъ въ Индіи, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ троглодитизма, тѣже священныя пещеры должны быть или памятниками вѣры чуждой, или такимъ чуднымъ проявленіемъ духа религіознаго, что оно выходило бы изъ всѣхъ вѣроятностей критики исторической. Но хронологическій порядокъ самыхъ памятниковъ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія: Элефанта, Сальсетта, Мхаръ, Карли, Эллора. Самыя древнія пещеры (Сальсетта и Элефанта) на островахъ Малабарскаго берега; онѣ просты и величественны; онѣ привѣтствуютъ мореплавателя Африканскаго, онѣ свидѣтельствуютъ объ его первомъ шагѣ на землѣ Индостанской, какъ храмъ Геркулеса-Мелькарта свидѣтельствовалъ о вступленіи Финикіянъ на берега Иберіи. Чѣмъ далѣе пещеры отходятъ отъ моря, тѣмъ огромнѣе размѣры, тѣмъ смѣлѣе лики, тѣмъ роскошнѣе украшенія. Колонія растетъ и крѣпнетъ. Мхаръ и особенно Карли содержатъ повѣсть объ ея процвѣтаніи. Туземцы бѣгутъ въ горы, скрываются въ неприступныя ущелія Гаутовъ; но пришлецы западные врываются за ними въ ихъ убѣжища и распространяютъ свое безспорное владычество отъ мыса Коморинскаго до Нербудды и Годавери, а можетъ быть и до Маганнади. Это уже не колонія; это царство новое, сильное. Но въ немъ живетъ мрачная фантазія Африканскаго пришельца, и Эллора, недоконченный міръ гигантскихъ монолитовъ, обелисковъ и безконечныхъ пещеръ, высѣченныхъ въ нѣдрахъ порфира или гранита, свидѣтельствуетъ о державномъ могуществѣ древнихъ Кушитовъ. Такова южная Индія: взгляните на сѣверную и вѣрьте, если можете, что это одинъ и тотъ же народъ.

---

[1]) И то не совсѣмъ: Брахманизмъ, религія Арійскихъ Индусовъ, остался чуждъ многимъ первобытнымъ племенамъ Индіи, завоеваннымъ или оттѣсненнымъ Арійцами. *Изд.*

[2]) Писано около 1840 года. *Изд.*

Отвергая слово *Индѣйское*, какъ названіе чистой семьи, я сохраняю главной вѣтви племени бѣлолицыхъ людей имя *Индо-Германскаго* по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, по моему мнѣнію, умственныя силы человѣка нигдѣ въ цѣлой Азіи не развились такъ богато и разнообразно, какъ въ Индіи, и нигдѣ его дѣятельность не оставила по себѣ такого множества безсмертныхъ памятниковъ, точно также, какъ въ Европѣ ни одна страна не имѣла такаго плодотворнаго вліянія на ходъ человѣчества, какъ Германія. Этими двумя странами достойно обозначается царствующая вѣтвь великаго корня. Во-вторыхъ, права мысленныхъ Колумбовъ неприкосновенны, и Нѣмцы, сознавшіе глубоко и ученымъ образомъ истину первоначальнаго родства Иранцевъ, Славянъ, Германцевъ и Эллино-Римлянъ, могли дать имъ всѣмъ имя по своему произволу, имя, которое мы должны сохранять до тѣхъ поръ, покуда не найдемъ другаго, уже основаннаго не на произволѣ, но на сущности самой вещи.

Въ древности составныя стихіи племенъ менѣе сложны, отъ того жизнь проще, проявленія ея одностороннѣе, но энергичнѣе и громаднѣе. — Примѣръ: Финикія, Египетъ, Ассирія, Китай.

Нѣтъ уже, какъ я сказалъ, ни одного народа, представляющаго собою остатки совершенно чистой семьи: нѣтъ ни Кельтовъ, которые смѣшаны болѣе или менѣе съ Славянами, Финикійцами и прочими; ни Германцевъ, которые приняли много стихій отъ Славянъ и Кельтовъ; ни Славянъ, на которыхъ такъ часто тяготѣло иго Германцевъ, Эллино-Римлянъ и народовъ Средне-Азіатскихъ; ни Аравійцевъ, въ Аравіи, принявшей столько Кушитскихъ колоній и признававшей не разъ власть Персіи и Ассиріи, и такъ далѣе. Даже въ исторіи нѣтъ почти уже дѣвственныхъ народовъ; но такова была сила первоначальнаго развитія тѣлеснаго или направленія умственнаго, что всякій народъ еще въ наше время сохраняетъ преобладающія черты, отличавшія его главныхъ предковъ.

Исчезла первоначальная рѣзкость и свѣжесть; но въ лицахъ, въ правахъ, въ языкѣ, въ ходѣ мысли и жизни глубоко и разительно впечатлѣлись родовые признаки, которыхъ вѣка не изгладили и не изгладятъ. Отъ того-то мы имѣемъ право причислять каждый народъ къ тому народу и къ той семьѣ, которыхъ ладъ и строй отзываются въ немъ до нашего времени.

Чѣмъ далѣе мы проникаемъ въ глубину древности, тѣмъ болѣе упрощаются и отдѣляются стихіи, и тѣмъ яснѣе каждая страна представляетъ намъ свои первоначальные типы. Хотя первый лучъ историческаго свѣта падаетъ уже на семьи смѣшанныя, хотя имена Египта, *Мизраимъ* или *Мизръ* (смѣшеніе [1]) и Ассиріи, *Ассуръ*, *Ейс-соръ* (многонародіе) уже показываютъ мнѣніе древнихъ лѣтописцевъ о своихъ современникахъ [2]); но Иранъ, но младенчествующій Китай и другія страны еще сохраняютъ чистоту почти безпримѣсную; даже народы смѣшанные составлены изъ малаго числа стихій. Отъ того-то всѣ образы древняго міра такъ разительны. Нѣтъ многообъемлющей жизни позднѣйшихъ вѣковъ; нѣтъ того дробленія въ понятіяхъ и чувствахъ, которое слѣдуетъ за размѣномъ просвѣщеній и за столкновеніемъ народовъ. Все просто и опредѣленно. Силы сосредоточены, направленія ясны, явленія жизни обнаруживаютъ глубокую энергію одностороннихъ мыслей. Полнѣе и лучше живутъ позднѣйшія поколѣнія, каждый человѣкъ выражаетъ въ себѣ общность всего человѣчества; но навсегда утрачены могущественная личность людей и страстная физіономія народовъ. Отъ того-то разумъ, предпочитая современное прошедшему, все еще обращаетъ взглядъ грустной зависти на эти древніе вѣка, исполненные величественной прелести и творческой простоты.

---

[1]) Авторъ сближаетъ Семитическое и ветхозавѣтное имя Египта, Мисръ, Мисраимъ, съ Санскритскимъ глаголомъ *мисp*—мѣшать; но этимологія сомнительна, тѣмъ болѣе, что самый глаголъ *мисp* въ Санскритѣ второобразный. Также сомнительна приведенная въ текстѣ этимологія слова Ассуръ; но фактъ, что населеніе древняго Египта и Ассиріи было смѣшанное, кажется вѣрнымъ. *Изд.*

[2]) Такъ въ подлинникѣ: вѣроятно въ этомъ мѣстѣ какая-нибудь ошибка. *Изд.*

Мы безпрестанно слышимъ: какъ могла младенчествующая механика поднять громады камней, предъ которыми усовершенствованная наука признаетъ свое безсиліе? Какъ могли слабые суда древней торговли переплыть бурныя моря и покорять волны океана безъ компаса, безъ знанія географіи, почти безъ астрономіи? Какъ могло такое чудное развитіе философской мысли ознаменовать первые шаги человѣческаго ума? Критика не даетъ отвѣта и, увлеченная духомъ мелкаго сомнѣнія, предпочитаетъ свои бѣдныя умствованія самымъ яснымъ свидѣтельствамъ дѣйствительнаго міра. Отъ того-то всякій разсказъ о дальнемъ странствованіи или смѣломъ мореплаваніи долженъ быть сказкою; всякій писанный памятникъ, дышащій свѣжестью глубокой мысли и полнотой поэтическаго чувства, долженъ быть подлогомъ. Дѣтство, и жалкое дѣтство! Спросите у мореходца и у механика: что̀ легче, на бѣдной ли ладьѣ достигнуть изъ Финикіи береговъ Ирландіи и отъ Гибральтарскаго пролива переплыть Атлантическій океанъ до Антильскихъ острововъ, или поднять массы гранита въ десять тысячъ пудовъ вѣса на высоту пирамиды съ помощію каната и рычага? Спросите у внутренняго чувства человѣка, что̀ вѣроятнѣе: писанныя ли поэмы, оставленныя намъ древнимъ міромъ, или архитектурныя поэмы, передъ которыми Европеецъ преклоняется съ благоговѣйнымъ удивленіемъ на пустынныхъ берегахъ Нила и въ глубинѣ вѣковыхъ лѣсовъ Мексики и Индустана? Мы не должны и не можемъ измѣрять по себѣ вѣка глубокой древности. Семья человѣческая, развившаяся отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, чуждая ихъ знаніямъ и страстямъ, ограничивала всю свою дѣятельность какою-нибудь одною цѣлію, опредѣленною характеромъ мѣстности, нуждою, первоначальною прихотью, вѣрованіемъ или внутреннимъ строемъ ума. Какъ ребенокъ поощренный неожиданною удачей случайнаго опыта, народъ стремился всѣми силами своего воображенія по начатому пути. Самолюбіе разгоралось отъ успѣха, и холодный разумъ наполнялся всѣмъ жаромъ, всею энергіею страсти. Тогда еще жили народы жизнью общею: не писанными законами, не мертвымъ обычаемъ, не хитростью политическаго устройства связаны были между собою лица составлявшія общество, но единствомъ мысли, воли и быта. Слово *семья человѣческая* было не слово, а дѣло. Кровное родство связывало людей, родство физіономіи, внутренней организаціи, жизни тѣлесной и духовной. Гдѣ же теперь можемъ мы найти мѣрило для могучихъ явленій этой эпохи? Намъ одно остается: не вмѣшивать своихъ дѣтскихъ сомнѣній въ исторію древности и судить по колоссальнымъ остаткамъ о колоссальномъ цѣломъ, котораго время не пощадило. Мы должны понять, что теперь строятъ Левъ X-й или Людовикъ XIV-й, что теперь путешествуютъ Кукъ или Лапейрузъ; а что тогда пирамида строилась всѣмъ Египтомъ, путешествіе предпринималось всей Финикіей, задача философіи разрѣшалась всѣмъ Индустаномъ (сѣвернымъ), задача правленія была помысломъ всего Китая. Каждый народъ имѣлъ свою исключительную страсть, и для достиженія своей цѣли (будь она физическая или умственная) народъ возставалъ какъ мужъ единъ. Вся поэзія, весь разгулъ, всѣ радости Кушита были въ томъ, что онъ землю разрѣзывалъ рѣками, выкапывалъ моря, поднималъ горы на воздухъ и покорялъ рѣзцу упрямую твердость порфировъ и базальтовъ. За то старый Вавилонъ, котораго стѣны были выше теперешнихъ башенъ, а башни остались сказочнымъ преданіемъ всего человѣчества, Вавилонъ помнилъ, что онъ построенъ Нимвродомъ Кушитомъ. За то южный Индустанъ, страна, въ которой пещеры роскошнѣе самыхъ богатыхъ храмовъ и дворцовъ, и въ которой цѣлые города (Мавалипурамъ или Магалипуръ) высѣчены въ камнѣ безумной фантазіей забытаго народа, южный Индустанъ напоминаетъ намъ въ имени Мизоръ градостроительнаго Мизра, брата Кушева. За то вездѣ, гдѣ храмъ, или обелискъ, или пещера ужасаютъ васъ какимъ-то буйствомъ исполинскихъ размѣровъ, вы говорите: это слѣдъ Кушита, вдавившійся въ камень, это рука Кушита, разсѣкшая горы.—Жизнь, счастіе, любовь, все для Финикійца было въ борьбѣ съ волнами. Напрасно бы мы стали спрашивать, какой цѣли онъ ищетъ за моремъ, какихъ богатствъ ожидаетъ въ награду за труды, зачѣмъ онъ цѣлые четыре года своей жизни посвящаетъ на обходъ горящихъ береговъ Африки? Онъ переплываетъ моря потому, что онъ не можетъ жить не переплывши ихъ, и Эринъ населяется его колоніями, бури мыса Доброй Надежды щадятъ корабли его, и монеты Финикійскія зарываются въ глубину пустынь Американскихъ, чтобы изумить несмѣлое воображеніе людей XIX-го вѣка. Китай въ отношеніи науки государственной тоже, что Финикія въ мореходствѣ и Египетъ въ зодчествѣ. Раскройте его лѣтопись, взгляните на духъ его древнихъ философовъ, на характеръ его литературы, и вы поймете тридцативѣковое существованіе имперіи. Нужна поэзія, чтобы узнать исторію; нужно чувство художественной, т. е. чисто-человѣческой истины, чтобы угадать могущество односторонней энергіи, одушевлявшей милліоны людей. Одностихійность народовъ—вотъ разгадка древности и ея чудесъ.

Древность олицетворяетъ племя, какъ органическую единицу, въ имени одного человѣка.—Разборъ басень объ Ираклѣ и др.

Органическій составъ, замѣчаемый каждымъ племенемъ во всякомъ другомъ племени, объясняетъ намъ всеобщую привычку олицетворять народы. Для древнихъ не было Скиѳовъ, или Европейцевъ, или Эѳіоповъ; но былъ Гогъ, или Туръ, или Яванъ, или Мешегъ, или Тубалъ (Иверецъ), или Кушъ. Въ простой и поэтической формѣ соединялось темное преданіе о семейномъ началѣ съ опредѣленіемъ физіономическаго единства семей. И теперь, послѣ столькихъ вѣковъ, измѣнившихъ родъ людской, послѣ дробленія и смѣшенія повсемѣстнаго, наше воображеніе невольно предпочитаетъ живость и силу древняго олицетворенія вялости множественнаго числа въ названіи народовъ или географической сухости, замѣняющей имена людей именами земель.

До сихъ поръ еще слишкомъ мало обратили вниманія на эту миѳическую форму древнихъ преданій. Еслибы ее изучили тщательнѣе, многое бы объяснилось и приняло смыслъ историческій въ самыхъ баснословныхъ сказаніяхъ о жизни героевъ-народовъ. Ираклъ Финикійскій (Мелькартъ), царь морей, долженъ былъ непремѣнно сражаться съ богатырями, сынами земли. Представитель просвѣщенія высшаго, онъ долженъ былъ поражать дикую силу прибрежныхъ жителей усовершенствованнымъ оружіемъ—стрѣлами; и отъ этого въ синкретической Греціи можно отличить Иракла, стрѣльца-Семита, отъ Алькида, борца и па́личника Пеласгическаго. Въ лабиринтѣ сказокъ, которыми Эллины опутали эти два лица совершенно разнородныя, весьма замѣчателенъ разсказъ о битвѣ Иракла на берегахъ Галліи, на каменномъ полѣ, противъ двухъ братьевъ-исполиновъ Лигура и Альбина. Юпитеръ, какъ извѣстно, спасъ утомленнаго героя и замѣнилъ его истощенный колчанъ цѣлымъ градомъ огромныхъ камней, подъ которыми погибли великаны. Этотъ миѳъ подаетъ поводъ къ двумъ замѣчаніямъ. Во-первыхъ, Иракль, поработитель морей, долженъ быть въ постоянной враждѣ съ Посейдономъ, и враги его должны быть подъ покровительствомъ олицетвореннаго моря; сверхъ того, онъ мореплаватель,—и автохтоны береговъ могутъ быть также, въ сравненіи съ нимъ, сынами земли. Обѣ формы находятся постоянно нъ разсказахъ объ Ираклѣ-Мелькартѣ, стрѣльцѣ. Во-вторыхъ, имена его противниковъ на землѣ Галлійской не имѣютъ ничего сходнаго въ именами Кельтовъ. Одно изъ нихъ, *Альбинъ*, постоянно сопровождаетъ Иберское племя: на Кавказѣ Иберія и Альбанія, на Адріатикѣ Эпиръ и Альбанія, на островахъ Британскихъ, колонизированныхъ выходцами изъ Иберской Гишпаніи, названія Альбинъ, Альбіонъ, Альбанія встрѣчаются безпрестанно. Другое имя, Лигуръ, также замѣчательно. Подъ нимъ были извѣстны Венеды Генуэзскіе; оно перенесено Венедами Аквитанскими на ихъ главную рѣку; оно же отзывается въ именахъ древнихъ Лигіевъ, потомъ Ляховъ, Заляховъ, Подляховъ и пр. Не находится ли въ двухъ великанахъ *Лигуръ* и *Альбинъ* доказательство, что Иберцы и Венеды были единственными жителями южной Галліи въ то далекое время, когда она въ первый разъ увидѣла паруса Финикійскіе? Безспорно, въ позднѣйшую эпоху Венеды отодвинули на Западъ черноволосыхъ Иберцевъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ имена мѣстностей въ южной Франціи и преданіе о томъ, какъ *Сру*, *Срвъ* (Сербъ) съ своими дружинами опустошилъ И-беръ и заставилъ жителей бѣжать за море за океанъ; но тогда они еще жили дружно, добрыми сосѣдями, и противъ пришельцевъ возставали общими силами. Такое толкованіе миѳа совершенно согласно съ разсказами отца Греческой исторіи, многовѣдущаго старца Геродота*). При немъ (слѣдственно лѣтъ за 500 до Р. Х.), нога Кельта еще не топтала береговъ Средиземнаго моря.—Впрочемъ характеры героевъ-народовъ еще болѣе заслуживаютъ изученія, чѣмъ самыя имена. Кровожадный Зогакъ, или Дзогакъ или Догакъ поражаетъ Иранцевъ волшебствомъ; онъ отличается болѣе хитростью, чѣмъ силою: между нимъ и простотою Афразіаба-Туранца нѣтъ ничего общаго. Ежедневныя

---

*) Если авторъ имѣлъ въ виду Геродота (Кліо, 163), то не легко объяснить, какъ онъ ему далъ такое толкованіе. Другихъ подходящихъ мѣстъ у него повидимому нѣтъ. *Изд.*

жертвы человѣческія пріобрѣтаютъ для него покровительство адскихъ силъ: лукавый змѣй ему совѣтникъ и защитникъ. Онъ весь окруженъ мракомъ, блескомъ и силою магическихъ чаръ. Узнали ли вы кровавые алтари Арамеи, просвѣщеніе гордаго Вавилона и мистическую змѣю, которой никогда не забывала земля Ханаанская?

Время, въ которое народы являлись еще съ опредѣленною и страстною личностью, вотъ истинное героическое время. Позднѣйшія поколѣнія, не понимая мысли своихъ предковъ и не видя древняго единства, дѣйствительно принимали имена героевъ-народовъ за исполиновъ-людей и украшали прихотливою поэзіею простоту первоначальныхъ сказаній. Такъ создались миѳы объ Ираклѣ, Кадмѣ, Египтѣ, Данаѣ, Джемшидѣ, Афразіабѣ, Раванѣ, Догакѣ, Манко-капакѣ, Діонизіи, Белѣ, Ассурѣ и прочихъ. Вскорѣ перемѣшались правдивыя преданія съ пустымъ вымысломъ, и въ хаосѣ древнихъ басень трудно различить другъ отъ друга выдуманныя имена людей отъ именъ вождей, сохранившихся въ памяти народовъ, отъ боговъ и олицетворенныхъ вѣрованій, отъ героевъ и олицетворенныхъ семей. Впрочемъ тутъ, какъ вездѣ, одно чувство истины человѣческой служитъ и судьею, и мѣриломъ.

Смѣшеніе племенныхъ стихій происходитъ органически и рождаетъ явленія, имѣющія самобытный характеръ.—Примѣръ: древняя Греція, Англія и Франція.

Устранивъ общую и великую ошибку критиковъ, отыскивающихъ чистыя племена въ позднее время, когда уже составлялись лѣтописи историческія, мы должны обратить вниманіе на другой источникъ заблужденій. Когда въ народѣ нашли два начала или болѣе, критика требуетъ, чтобы каждое явленіе въ этомъ народѣ, каждая черта его физіономіи, каждый обычай или повѣріе отвѣчали прямо и несомнѣнно которому нибудь изъ предположенныхъ началъ. Какъ скоро является черта новая или оригинальная, которая не представляетъ своей ясной родословной, тотчасъ родится предположеніе о другомъ, неизвѣстномъ и самобытномъ началѣ. Это одно изъ основаній системы автохтонства. Самое простое разсужденіе приводитъ насъ къ заключенію совершенно иному.

Семьи людей не соединяются одна съ другою какъ мертвыя вещества природы неорганической. Смѣшеніе ихъ не похоже на каменные агломераты или на рѣзкія наслоенія горныхъ породъ. Стихіи человѣческія не вкрапляются другъ въ друга, не срастаются какимъ нибудь механическимъ соприкосновеніемъ. Это начала огненныя и творческія: это жизнь и духъ. Новая личность является въ мірѣ,—младенецъ, котораго физіономія представляетъ безспорное свидѣтельство своего начала въ оттискѣ родовыхъ типовъ, но который въ тоже время носитъ признаки собственной самобытной, мыслящей и вольной души.

Такъ отъ стихій Африканской и Иранской долженъ былъ произойти въ Индіи оригинальный и новый строй жизни, равно чуждый обѣимъ странамъ; такъ смѣшеніе Кельто-Галла, Франко-Германца и Эллино-Римлянина произвело народъ, который сходенъ съ своими праотцами и въ тоже время замѣчателенъ рѣзкою оригинальностью характера. Такъ древняя Эллада, сліяніе началъ Египетскаго и Финикійскаго съ Индо-Германскимъ пелазгизмомъ, напоминаетъ намъ Финикію по смѣлости мореплаванія, не доходящей однако до героическаго порыва Тира или Сидона; напоминаетъ намъ типъ Кушитскій по любви къ зодчеству, высказанной уже въ самыхъ раннихъ миѳахъ, но далеко уступающей исполинскому разгулу фантазіи Египетской; наконецъ, духомъ воинственной свободы принадлежитъ вполнѣ къ семьямъ Европейскимъ. Но она ни отъ кого не заимствовала своей чистой любви къ красотѣ, философіи прямо-человѣческой, и вѣры по преимуществу человѣкообразной: это ея исключительная и неотъемлемая собственность. Должны ли мы признать эту оригинальную характеристику за доказательство самобытности свободной отъ всякаго чужеземнаго вліянія? Такое заключеніе было бы приговоромъ неразумнаго произвола. Чувство человѣческаго достоинства и его свободы, чувство принадлежащее по преимуществу землѣ Европейской, соединяясь съ практическимъ направленіемъ ума и съ духомъ религіозности восточной, облеченной въ таинственное величіе формъ, не должно ли было представить намъ въ результатѣ своемъ человѣкообразность въ вѣрѣ, логическое развитіе философіи и безграничное поклоненіе стройности и красотѣ? Замѣтимъ, что въ Элладѣ самой, не смотря на общую гармонію ея духа, стихіи силы и воинственности отличаютъ народы происхожденія сѣвернаго, а духъ зодчества и искусства, миѳы исполненные таинственности и герои-странствователи обозначаютъ слѣдъ Египтянъ и Финикіянъ. Спарта создана потомками Иракла Пелазгическаго, не мореходца-стрѣльца, но дикаго борца Ѳессалійскихъ горъ. Тотъ же Сѣверъ посылаетъ на Троянское побоише быстроногаго, свѣтловласаго Ахилла, совершеннѣйшій идеалъ красоты въ силѣ и силы въ красотѣ. Тотъ же Сѣверъ сокрушаетъ наконецъ, мечомъ Александра, всю эту прелестную, но разъединенную жизнь Эллады. Между тѣмъ племена, высылавшія колоніи свои на отдаленные берега Галліи и Африки, болѣе или менѣе хранятъ память о древнихъ сношеніяхъ съ Финикіею. Миѳъ Персея и его крылатаго коня, посѣтившаго края земли, мѣста, гдѣ Атлантъ подпираетъ небо, принадлежитъ безспорно Сирійскому Востоку. Зодчество развилось съ особеннымъ блескомъ тамъ, гдѣ пріютились Египетскіе бѣглецы, и никогда искусства не проникали во внутренность земли Эллинской; а Ѳивы, старый центръ мирнаго синкретизма Греціи и ея политическаго союза (Дельфы и съѣздъ Амфиктіононъ), Ѳивы, основанныя Семитомъ Кадмомъ и носящія имя древней царицы Нильскихъ береговъ, воскрешаютъ въ себѣ Иракла-горца, облекаютъ его характеромъ Мелькарта и рождаютъ Вакха-Діониза, представителя движенія Кушитовъ отъ краевъ Африки до страны при-Гангесской. Такъ въ самобытной Элладѣ еще выдаются черты составныхъ ея стихій и въ тоже время сливаются въ новый общій и оригинальный строй. Прекрасна Эллада; но воображеніе менѣе изумляется ея гармонической дѣятельности, чѣмъ страстной односторонности древнихъ народовъ, развившихъ свои дѣвственныя силы въ уединеніи.

Жизненная сила свободна въ своихъ проявленіяхъ. Соединеніе нѣсколькихъ началъ не есть, какъ я уже сказалъ, ни агломерація механическая, ни ариѳметическій итогъ. Данныя служатъ основою и точками отправленія для умственныхъ трудовъ человѣка, но они не сковываютъ его творческой личности, а подчиняются ея законамъ. Связь между предшествующимъ и послѣдующимъ въ мірѣ духовномъ не похожа на мертвую зависимость дѣйствія отъ причины въ мірѣ физическомъ. Отъ этого мы видимъ, что въ разныхъ странахъ соединеніе однѣхъ и тѣхъ же стихій производитъ явленія совершенно различныя: напр., Англія и Франція представляютъ намъ одинъ и тотъ же племенной составъ изъ Германца, Кельта-Кумри и Римлянина, а между тѣмъ физіономіи народовъ совершенно отличны одна отъ другой во всѣхъ отрасляхъ быта политическаго, религіознаго или словеснаго. Этотъ ясный примѣръ долженъ быть памятенъ при изслѣдованіяхъ историческихъ, и мы не должны требовать отъ міра древняго математической строгости, которую рѣшительно отвергаетъ міръ современный.

Такъ подпочва Славянская, соединенная съ наслоеніемъ Германскимъ, дала совершенно разные результаты въ горахъ Альпійскихъ и на приморьяхъ Балтики; такъ смѣшеніе началъ Финскихъ и Средне-Азійскихъ произвело народы, повидимому совершенно разнородные,—Венгра и Чуваша.

Преобладаніе личности и прихотливой фантазіи у народовъ древнихъ. — Примѣръ: характеръ Скиѳовъ и Татаръ и др. Характеръ Рима противоположенъ характеру всѣхъ народовъ древности: общество безъ предковъ, служащее одной идеѣ пользы.

Вообще, думая о вѣкахъ отдаленныхъ, о вѣкахъ безъискусственнаго быта, мы склонны ожидать отъ нихъ простоты и однообразія. Это, по моему мнѣнію, великая ошибка. Разумъ просвѣщенный повинуется логическому закону и его строгой послѣдовательности. Младенческій умъ менѣе покоренъ; онъ дружнѣе съ воображеніемъ, онъ затѣйливѣе и разнообразнѣе. Въ немъ преобладаетъ личность, т.-е. страсть и произволъ. Менѣе прикованный къ пользѣ вещественной или къ идеѣ добра, которую мы грубо облекли въ бѣдную форму выгоды частной и общей, онъ охотно повинуется соблазну всякой блестящей мысли, всякой мечты, внушенной потребностью вѣрованія, всякаго призрака, рожденнаго славолюбивою гордостью. Простота древности не есть простота логики, свойственная холодному разуму книжныхъ отшельниковъ, но простота поэзіи, доступная суду художника, сроднившагося съ разнообразіемъ творенья Божьяго и быта людскаго.

Древнія свидѣтельства о Скиѳахъ служатъ разительнымъ примѣромъ прихотливости дѣтскаго чувства. перенесеннаго на широкое поприще міровыхъ событій. „Не для добычи и не для власти стремятся они къ завоеваніямъ“*). Не требуютъ они ни золота, ни земли, ни рабовъ. Власть ихъ кротка, оброки легки. Они ищутъ побѣды не для плодовъ ея, а для того, чтобы побѣжденные признали ихъ превосходство въ бояхъ. И эту жажду славы, рыцарскую, безкорыстную встрѣчаемъ мы при самыхъ первыхъ началахъ исторіи въ племени, котораго грубые нравы не озарялись еще ни слабѣйшимъ лучомъ просвѣщенія. И за этимъ-то призракомъ стремился народъ отъ береговъ Оби и Иртыша черезъ Приволжскія и Донскія степи, отодвигая Славянъ-Гетовъ, Вудиновъ и Гелоновъ въ Заднѣпровскія топи и лѣса, унося своимъ бурнымъ потокомъ слѣды древняго владычества Киммерійскаго, прорывая Кавказскую снѣжную преграду, затопляя всѣ страны Ирана, Иверіи, Ассиріи и Финикіи, попирая силу, и просвѣщеніе, и роскошь Востока и унижая гордость Египта, въ которомъ путешественники XIX-го вѣка находятъ еще муміи обвернутыя въ бересту,—быть можетъ старый слѣдъ сѣвернаго нашествія. И послѣ столькихъ подвиговъ и столькихъ побѣдъ, Скиѳъ-побѣдитель, не соблазненный ни роскошью, ни блескомъ, довольный гордымъ сознаніемъ своего мужества, продолжаетъ свою бѣдную кочевую жизнь въ виду баснословныхъ сокровищъ Вавилона и Экбатана и требуетъ отъ Ассиріянина и Индѣйца только смиренія и поклона. Коварство Мидянина Кіяксара прекратило этотъ поэтическій порывъ воинственнаго славолюбія; но осмилѣтнее владычество Скиѳовъ во всей югозападной Азіи должно служить урокомъ для критика, требующаго разумной цѣли во всѣхъ явленіяхъ древней исторіи. Семнадцатью вѣками позже проснулась опять буйная душа Скиѳскихъ племенъ и ужаснула міръ завоеваніями, предъ которыми мелки всѣ подвиги Александра, Кесаря и проповѣдниковъ Корана. Россіи памятна эта баня крови, изъ которой она вышла, можетъ быть, съ началами духовнаго искаженія, но безспорно съ сознаніемъ своей вещественной силы. Не даромъ примѣшались къ Скиѳамъ чуждыя стихіи. Воины Темуджина и Тимуръ-Аксака не

---

*) Откуда взята эта цитата? По смыслу своему она напоминаетъ отзывъ Страбона о Скиѳахъ (VII, с. 4). Геродотъ говоритъ наоборотъ, что изгнаніе ихъ Кіаксаромъ было вызвано ихъ грабительствомъ. *Изд*

представляютъ чистаго и рѣзкаго характера древнихъ завоевателей Ирана: они уже жадны къ корысти и прибыльной власти. Но зародышъ ихъ колоссальнаго могущества находится въ славолюбіи воинственномъ, развившемся еще во времена до-историческія. Величественное лицо Чингиса, презирающаго всякую роскошь и живущаго для одного сознанія своей непобѣдимости, стоитъ изученія художниковъ, сочувствующихъ величію человѣческому даже въ его заблужденіяхъ. Изъ него и изъ сличенія исторіи Монголовъ съ исторіей Скиѳовъ мы поймемъ, что Скиѳскому племени искони принадлежало безуміе славы воинской, какъ Египту безуміе зодчества, Финикіи безуміе мореплаванія, а Китаю безуміе логическаго построенія государственнаго [1]).

Въ наше время уже почти безполезно доказывать, что Скиѳы были вѣтвью Тибетскаго или Финно-Татарскаго корня. Незнаніе этой истины принадлежитъ отсталой учености Англіи и Франціи. Малѣйшее вниманіе при чтеніи Геродота или Гиппократа достаточно бы было для убѣжденія человѣка безпристрастнаго, но я прибавлю къ розысканіямъ Германскихъ критиковъ только слѣдующее примѣчаніе. Скиѳы жили нѣсколько времени на берегахъ Азовскаго моря (*мори маруса* [2]), слово съ корнями Славянскими и принадлежащее въ языку Славянскому, также какъ *Донъ*, *Дунай*, *ярый Донъ*, *Берестенъ* [3]) и проч.). Имя Скиѳское этого моря было Тамеринда, т.-е., говорятъ древніе, какъ будто начало воды; имя земли ихъ осталось въ безчисленныхъ свидѣтельствахъ—*Тамар-така* и *Таматарка*, наша *Тмуторокань*; имя родоначальника ихъ—*Таргитаосъ* или *Турги-таосъ*. Въ діалектахъ Татаръ при-Обскихъ эти имена значатъ: корень волны, т.-е. море (*Тамеръ-индъ*), корень хлѣба, т.-е. земля (*Тамеръ-турхенъ*, въ которомъ соединяются и Греческая и Славянская форма), и громъ, съ которымъ, какъ извѣстно, Татарскія, орды приписывали себѣ особое сродство (*Тенгри-таушъ* отъ словъ: небо и голосъ).

---

[1]) Слово „безуміе“ явно употреблено въ смыслѣ страсти, которая есть въ сущности нѣчто, не поддающееся уму. *Изд.*

[2]) Вѣроятно ошибка автора.

[3]) Т.-е. Борисѳенъ. *Изд.*

Всѣ частныя явленія во всякую эпоху человѣчества тогда только дѣлаются понятными, когда мы поняли уже характеръ самой эпохи. Точно также всякій фактъ въ исторіи народа тогда только ясенъ, когда мы внутренно сочувствуемъ духу народа. Такъ, въ древности одно государство и, какъ мнѣ кажется, только одно, представляетъ намъ олицетворенную идею пользы, которая болѣе или менѣе управляетъ всѣми народами современными намъ. Это государство—суровый, желѣзный Римъ, для котораго высшій законъ, высшая необходимость, высшая святыня сосредоточивалась въ одно слово *Respublica*.

Не должно смѣшивать понятія о *Respublica*, понятія холоднаго и сухаго, съ дѣтскимъ, но теплымъ чувствомъ, заставлявшимъ Китайца искать рѣшенія высокой задачи—государства нравственнаго, развитаго разумно. Тупыя головы искали Рима въ Россіи. Сущая нелѣпость. Послѣ Христіанства нѣтъ уже возможнаго Рима; но онъ, безспорно, отзывается въ жизни Англіи болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Совершенная односторонность направленія Римскаго дала ему не только чудесную крѣпость, побѣдившую всѣхъ его соперниковъ, но и поэтическое величіе, передъ которымъ меркнетъ вся слава державъ древнихъ и новыхъ... Трудно сказать, отъ чего Римляне получили этотъ исключительный типъ, чуждый другимъ древнимъ народамъ; но я замѣчу, что всѣ миѳы его и полумиѳическія лѣтописи въ одномъ согласны: Римъ былъ созданіемъ бѣглецовъ Лаціума и принятъ въ союзъ Латинскій невольнымъ согласіемъ другихъ городовъ. Его стѣны служили убѣжищемъ для воинственныхъ выходцевъ земли Сабинской и для просвѣщенныхъ изгнанниковъ аристократіи Этрусской. Такимъ образомъ возросъ городъ безъ предковъ, слѣдовательно безъ святыни: вещественная польза и самохраненіе стали его богами, и Юпитеръ отступилъ передъ Терминомъ. Замѣчательно, что Англія (не какъ народъ, а какъ государство) есть также земля безъ предковъ. Франція и Гишпанія подобно Англіи основаны завоевателями. Но эти завоеватели, Франки и Готѳы, были народы въ дружинномъ устройствѣ, одни, Норманы Вильгельмовы, были дружина безродная.

Римъ, какъ замѣчено выше, былъ исключеніемъ. Начало всѣхъ его дѣйствій былъ разсчетъ выгодъ государственныхъ. Это былъ мужъ зрѣлый, безродный эгоистъ, въ толпѣ племенъ-младенцевъ. Такова тайна его торжествъ. Но именно потому, что онъ былъ исключеніемъ, мы не должны вносить въ сужденіе о другихъ народахъ того логическаго правила, которое служитъ закономъ исторіи Римской. Разумъ неизмѣнно слѣдуетъ по избранной стезѣ къ опредѣленной цѣли; въ инстинктивномъ эгоизмѣ, стремящемся къ своей личной выгодѣ, есть непогрѣшимая логика, которая вѣрнѣе всякаго разсчета; но прихотливость страстей и воображенія не знаетъ ни разсчетовъ, ни постоянства въ путяхъ своихъ: для нея равно завлекательны плоды Юга или долгіе дни Сѣвера, вольный разгулъ степнаго кочевья или глубина лѣсовъ, приволье звѣролова.

Такъ между дикарями Сѣверной Америки иныя племена отказывались отъ всѣхъ правъ свободы и самосохраненія, чтобы пользоваться миромъ и тишиною; другія бросали свои исконныя жилища и приносили въ жертву всѣ выгоды жизни и самую жизнь, чтобы не потерпѣть на себѣ ниже тѣни чуждой власти. Такъ Славянскіе народы, безъ сомнѣнія, соглашались носить имена Германскихъ, Сарматскихъ и Кельтскихъ властителей, а Аланская гордость не боялась самой кровопролитной войны, чтобы только заставить другое племя носить названіе Алановъ. Этотъ фактъ, не подверженный никакому сомнѣнію и доказанный многочисленными свидѣльствами, подаетъ поводъ предположить, что Ятвяги, иначе Ятвинги, или Языги-Метанасты (вѣроятно Метатанаисты т.-е. Придунайскіе) нисколько не принадлежали къ корню Сарматскому. Я знаю, что многіе критики сомнѣваются въ единствѣ Языговъ и Ятвяговъ; да въ чемъ не сомнѣваются? Оба имени совершенно согласны между собою, ибо мы имѣемъ весь переходъ отъ слова *Языгъ* черезъ *Ядвингъ* и *Ятвингъ* въ *Ятвягъ*. Жилища ихъ послѣ перехода изъ ихъ восточной родины тѣже: именно на Югъ отъ Сарматскихъ (Аланскихъ, Алаунскихъ) горъ, не доходя до Карпатовъ. Прозвище Языговъ-Метанастовъ можетъ относиться къ Западной Двинѣ, въ Средніе вѣка Дуна, у Питеаса Танаисъ (т.-е. Дунай), точно также какъ и къ Дону. Наконецъ, нѣтъ ни малѣйшей причины, и ниже тѣни какой нибудь дѣльной причины, предполагать, что Ятвяги и Языги не одно и тоже. Первое же мѣсто жительства Языговъ и древнихъ Зиговъ совершенно одно и тоже, именно предгорье Кавказское и прибрежье Эвксина. Теперь оно принадлежитъ Кабардинскимъ *Адиге* (заключающимъ въ себѣ Кабарду, Абазеховъ, Шадусовъ, Шапсуговъ и др.). Конечно, одно сходство именъ не достаточно для утвержденія, что *Адиге*, старые *Языги* и древніе *Зиги* одно и тоже; но нельзя не замѣтить, что ближайшіе ихъ сосѣди на Кавказѣ и, кажется, одноплеменники были Самогеи (*Сагиты*) и что земля Ятвяговъ окружена со всѣхъ сторонъ областями, носящими имена Самогитіи, Жмуди и тому подобными, также и то, что Самоѣдія сѣверная по происхожденію жителей отъ племени Лаговъ и по главной своей рѣкѣ Печорѣ напоминаетъ Самогею Кавказскую, которой главная рѣка была также Питсора. Языкъ теперешнихъ *Адиге* имѣетъ всѣ примѣты и корни Финскихъ нарѣчій и въ тоже время самобытность, показывающую, что онъ развился и получилъ окончательную форму вдали отъ другихъ нарѣчій одноначальныхъ съ нимъ. Но такъ какъ въ продолженіе многихъ вѣковъ онъ подвергся вліянію сосѣднихъ народовъ, совершенно чуждыхъ ему по происхожденію, можно предположить съ вѣроятностью, что во время движенія Языговъ къ Двинѣ онъ былъ ближе къ общей Финской нормѣ, чѣмъ теперь, и этимъ самымъ объяснить примѣсь Финскихъ словъ къ словамъ Славянскимъ и Готѳскимъ въ языкахъ Жмуди, Летголы и Самогитіи. Очевидно, изученіе всѣхъ этихъ нарѣчій не довольно совершенно, чтобы можно на немъ основать теорію нѣсколько твердую; но по крайней мѣрѣ сходство цѣлой группы именъ Кавказскихъ съ именами племенъ сѣверной и сѣверо-западной Россіи весьма замѣчательно. Движеніе этихъ народовъ объясняется легко силою потока Сарматскаго, увлекшаго ихъ за собою, также какъ онъ увлекъ Вановъ-Славянъ въ Скандинавію. Прозвище Сарматовъ и даже Алановъ, которое древними приписывается къ названію Языговъ, совершенно удовлетворительно оправдывается тщеславнымъ обычаемъ Сарматовъ, навязывавшихъ свое имя побѣжденнымъ сосѣдямъ. Мысль же, что Ятвяги не могли быть Языгами Задонскими потому, что эти Языги бросались на Дунай,—не стоитъ опроверженія. Сподвижники Ѳеодорика Великаго не могли бы быть Готѳами, потому что Испанія завоевана также Готѳами! Во всякомъ случаѣ знаніе наше о характерѣ Сарматовъ дало бы намъ средство объяснить соединеніе имени ихъ съ примѣтами народа, совершенно чуждаго Иранскому корню.

Впрочемъ я предлагаю мнѣніе свое объ Языгахъ Литовскихъ только какъ догадку не совсѣмъ невѣроятную и объясняющую многіе историческіе вопросы.

Произволъ преобладаетъ въ дѣйствіяхъ народовъ древности (особенно въ ихъ переселеніяхъ); онъ имѣетъ свои законы, но законы эти для насъ большею частію тайна. — Миграціямъ древнихъ народовъ способствовало незнаніе отдаленныхъ странъ и басни объ нихъ.

Общій характеръ произвола, свойственный всѣмъ младенчествующимъ народамъ, содержитъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ самый обыкновенный, предлагаемый пытливою критикою простодушной старинѣ: «съ какою цѣлью и для чего сдѣлано то-то; какое намѣреніе управляло такимъ-то дѣйствіемъ или переходомъ племени?» Безспорно, самый произволъ имѣетъ свои законы, которыми могутъ объясниться явленія, повидимому, самыя неразумныя; но какова бы ни была гордость нашего ума, мы должны признаться, что многіе факты древности останутся вѣчными загадками для насъ. Оно было: мы это знаемъ. Отчего оно могло быть: намъ никогда не дастся узнать. Довольно для насъ и того, что, сжившись мыслью съ вѣками отдаленными, мы поймемъ возможность историческихъ происшествій, доказанныхъ преданіемъ или памятниками, или живыми обломками разбросанныхъ народовъ. Болѣе требовать мы не должны.

Это въ особенности относится къ первоначальнымъ расселеніямъ. Невозможно отыскать имъ сколько нибудь дѣльныхъ причинъ. Думать, что они начались отъ тѣсноты колыбельныхъ жилищъ, значило бы допустить въ исторіи явную нелѣпость, противную фактамъ самымъ очевиднымъ. Приписывать ихъ взаимному нажиму племенъ было бы и произвольно, и невѣроятно. До сихъ поръ пустыни Африки еще представляютъ лишній просторъ ея жителямъ, и конечно Патагонецъ могъ бы свободно бродить по безконечнымъ лѣсамъ тропической Америки и не чувствовать необходимости переселенія къ Магелланову проливу и на мертвую почву Огненной земли. Автохтонства же, какъ я уже сказалъ, допустить нельзя по той простой причинѣ, что мы постоянно замѣчаемъ явныя разногласія между народами сами близкими по мѣсту жительства и явное родство между племенами самыми отдаленными. Во всемъ замѣтна какая-то неугомонная потребность движенія, какая-то страстная жажда человѣка завладѣть какъ можно скорѣе всѣмъ пространствомъ міра земнаго, назначеннаго быть его обителью и поприщемъ его многообразной дѣятельности.

Какія бы ни были мечты и надежды первыхъ странствователей, нельзя сомнѣваться, что ими управляло счастливое незнаніе формы земли и ея климатическихъ раздѣленій. Умный Геродотъ и многіе изъ его современниковъ еще вѣрили, что солнце переходитъ отъ Сѣвера къ Югу, или отъ Юга къ Сѣверу, чтобы избѣгнуть излишнихъ жаровъ или удалиться отъ непріятнаго вліянія холодныхъ вѣтровъ. По ихъ мнѣнію, на далекомъ Сѣверѣ могла быть страна блаженства и теплоты умѣренной и неизмѣнной, страна любимая богами, одаряющими ея жителей вѣчной тишиною, долгожизненностью, счастіемъ и зрѣніемъ безсмертной славы небожителей. Гомеръ думалъ тоже самое объ Эѳіопахъ, и даже многими вѣками позже Геродота, въ просвѣщенномъ Римѣ, великій бытописатель его Тацитъ разсказываетъ такую же басню о льдистой землѣ, лежащей на Сѣверъ за Скандинавіею и Квенландіею. Такое глубокое невѣжество въ такую позднюю эпоху объясняетъ произвольное разселеніе племенъ, удалившихся на дальній Сѣверъ или къ южнымъ оконечностямъ Африки и Америки во времена до-историческія.

Далекое и неизвѣстное представляется въ одинаковомъ видѣ младенчествующимъ народамъ и лицамъ. Вдали можетъ быть рай земной или пустыня, населенная чудовищами, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть тоже самое, что вблизи. Такой простой истинѣ не повѣритъ ни одинъ ребенокъ: она слишкомъ вѣроятна для фантазіи, требующей невѣроятнаго и сказочнаго. Трудно угадать, въ какой образъ воображенiе каждаго народа облекало неизвѣстную земную даль, въ сiянiе или въ ужасъ; но почти навѣрное можно утвердить, что если эта даль была страшна и въ тоже время лежала на продолженiи пути народнаго, самое движенiе народа было невольное; напротивъ того, путь, который кончается сiянiемъ жилищъ божественныхъ, вѣроятно былъ избранъ выборомъ вольнымъ.

Прибавлю для объясненiя своей мысли, что неволя проявляется не только у племени побѣжденнаго и бѣгущаго, но она же даетъ свой характеръ миѳамъ племени мирнаго, завоевывающаго не по страсти къ завоеванiямъ, но по необходимости собственной обороны.

Миѳическiя представленiя древнихъ народовъ объ ихъ колыбели даютъ ключъ къ объясненiю причинъ ихъ выселенiя. — Примѣръ: миѳы Зендавесты о первоначальной родинѣ людей.

Можно сказать утвердительно, что колыбель народа, имъ покинутая, или часть пути, имъ пройденнаго исподоволь, никогда не представится въ его памяти какъ земля чудовищъ и страха. Это было бы противно поэтической логикѣ человѣческой души. Если переселенiе было вольное, первоначальная родина представляется землею людей и судебъ обыкновенныхъ; если переселенiе было слѣдствiемъ тяжкой необходимости, старая родина обращается въ землю обѣтованную, въ землю любимую богами и свѣтилами небесными.

Приложенiе этаго простаго правила къ миѳологiи Индiи и Персiи даетъ результаты совершенно согласные со всѣми другими выводами здравой критики. Для учениковъ Зердушта земля первоначальная святая, Арьянем-Ваэджо (Aryanem-vaêjo); въ ней начало блага и свѣта, въ ней поднимается до небесъ голова *Аль-борджа*, на которомъ живутъ лучезарные *Изеды* и вѣчно сiяетъ солнце, эмблема Ормузда. *Аль-борджъ*, на землѣ, которая поддерживается его корнями, есть изображенiе самаго высшаго неба, жилища перворожденнаго Ормузда (Агура-Маздао) и всемогущихъ Амшаспантовъ. Въ горахъ же Гиммалаи и Инду-кху, по словамъ Ктезiя, передающаго намъ Персидскiя сказки, живетъ *Мартихора* (человѣкоубійца), явный символъ злыхъ духовъ, и всѣ враждебныя человѣку силы, и всѣ чудовища, какія только могла придумать испуганная фантазія Иранцевъ. Для поклонниковъ Брахмы, Гиммалай и Инду-кху есть жилище вѣчныхъ боговъ. Тамъ и перворожденный вѣчности Брахманъ (старая форма *Брахма* напоминаетъ Изеда Бахрамъ, а *Брахманъ* Амшаспанта *Бахмана* *), и Индра, начальникъ духовъ небесныхъ, и праотецъ Касьяана и праведники Якшасы. Югъ Индіи наполненъ силами, враждующими противъ боговъ. Тамъ Бали, гордый градостроитель Баалъ (Кушитъ Вавилонскій) и Ракшасы съ ихъ начальникомъ *Раваною*, поработившимъ небесныхъ боговъ и принудившихъ самого *Сиву* все разрушающаго (не Тифонъ ли?) быть покорнымъ привратникомъ въ его волшебномъ дворцѣ. За горами Инду-кху Индѣйцы полагаютъ варваровъ Млечховъ, Явановъ и прочихъ; но это только народы чуждые имъ по вѣрѣ, а не по человѣческому характеру. Въ нихъ нѣтъ ничего сверхъ-естественнаго и фантастическаго. Это, очевидно, жители земли извѣстной и перешедшие уже изъ богатаго міра басни въ

---

*) Хомяковъ относительно Зендскаго языка и Зендской религіи пользовался только, какъ видно, трудомъ Анкетиля-дю-Перона, который первый открылъ Европѣ Зендавесту и издалъ переводъ ея, основанный на преданіяхъ и толкованіяхъ Парсовъ. Дальнѣйшая критическая разработка памятниковъ религіи Зороастровой, начавшаяся съ 1833 года изданіемъ книги Бюрнуфа „Commentaire sur le Yaçna“, ускользнула отъ вниманія автора, да и по большей части относится къ времени, когда эти страницы были уже написаны. Вслѣдствіе того, чтеніе нѣкоторыхъ Зендскихъ именъ, заимствованное Хомяковымъ у Анкетиля, и основанныя имъ на такомъ чтеніи этимологіи, въ настоящее время оказываются неточными. Такъ, напримѣръ, дѣйствительная Зендская форма имени *Бахрамъ* была *Веретражда*, имени *Бахманъ—Вохумана*; возстановленныя въ своемъ первоначальномъ видѣ, оба эти имени, разумѣется, уже не могутъ допустить сближеніе съ Индійскимъ *Брахмою*. Приводимыя авторомъ, нѣсколько ниже, имена земель Иранскихъ, о сотвореніи которыхъ говорится въ Вендидадѣ, читаются въ подлинномъ текстѣ слѣдующимъ образомъ (Vendidad Sade, по изданію Брокгауза, стр. 50): Airyauem vaijô; Cugdhô, Môurem, Bâchdim, Niçâim (мы ихъ приводимъ здѣсь какъ въ текстѣ, въ формѣ винительнаго падежа); объясненіе этихъ именъ, предлагаемое новѣйшими изслѣдователями, разнится отъ объясненія Хомякова и указываетъ скорѣе на восточную часть Иранской страны. Что касается, наконецъ, до горы, называемой Парсами *Альборджъ*, то древнее Зендское имя ея было: Гара-березайти, что значитъ слово-въ-слово: „гора высокая“. *Изд.*

простой міръ географіи. Вся поэзія Индіи служитъ доказательствомъ этого факта, и достаточно прочесть поэму о смерти Кала-Яваны, чтобы въ немъ убѣдиться. Выводъ изъ всѣхъ нашихъ данныхъ очень ясенъ. Всѣ слова, напоминающія первоначальную страну Мидійскаго племени (Арьяна), находятся около западной горной твердыни. Таковы *Аріяна*, *Ейранъ* (нынѣ Гиланъ), *Ма-зенд-иранъ*, *Иранъ* (Осетинскій) и проч.; тутъ же земля святого огня, *Адербиджанъ* (отъ *атаръ*, первоначальный огонь); тутъ же цѣлый рядъ горъ носящихъ имя *Аль-борджъ*: отъ *Эльбруса* Кавказскаго до Демавенда считается не менѣе пяти отдѣльныхъ главъ того же названія и, кажется, оно принадлежало хребту Кавказа и его Дагестанскому и Мазендеранскому продолженіямъ. Разсказъ Вендидада о порядкѣ сотворенія земель Иранскихъ слишкомъ поздно сложенъ, слишкомъ запутанъ и нелѣпъ, чтобы можно было основать на немъ какое бы то ни было мнѣніе; сверхъ того онъ писанъ уже (даже предполагая, что это разсказъ самого Зердушта) Вактрійцемъ или Согдіанцемъ. За всѣмъ тѣмъ онъ все еще болѣе указываетъ на Западъ, чѣмъ на Востокъ, за исключеніемъ слова Согдо, вставленнаго мѣстнымъ самолюбіемъ писателя (*Эріене*, *Муръ*, Муганскій округъ, *Бакди*, Баку, *Низа*, оконечности Мидійскаго хребта). Самый Альборджъ въ этомъ позднемъ сборникѣ уже потерялъ свое настоящее значеніе и обратился изъ горы опредѣленной въ идеалъ горы, на которой солнце восходитъ и садится. Упрямая память народовъ вѣрнѣе полу-ученыхъ рукописей. Она намъ указываетъ на настоящій Аль-борджъ въ Эльбрусахъ Дагестанскихъ и Кавказскихъ, хотя уже давно забытъ смыслъ имени (*высокій святой*) и давно измѣнились всѣ нарѣчія пригорныхъ жителей. Въ тоже время Ктезій ясно показываетъ намъ, что Востокъ и Юго-востокъ Персидскаго царства былъ для Персіянъ землею неизвѣстною и грозною Движеніе съ Запада на Востокъ явно; но еще яснѣе продолжается оно въ миѳахъ Индіи, по которымъ, очевидно, первоначальное отечество владычествующихъ кастъ (Брахмановъ и Кшатрій) было въ Пенджабѣ, а еще древнѣе въ горахъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ. Движеніе всего племени было не произвольное. Великъ былъ натискъ Туранцевъ и жестока власть Эвфратскихъ Семитовъ: грустно было Иранцу бросать свою родину и искать убѣжища въ странахъ неизвѣстныхъ. Отъ того-то устрашенное воображеніе всегда представляло ему впереди борьбу съ чудовищами и злыми духами, а память окружала колыбель, невольно покинутую, всѣмъ сіяніемъ богоизбраннаго рая. Это совершенно согласно съ сравненіемъ учрежденій Ирана и Индустана.

Въ изслѣдованіяхъ историческихъ чаще встрѣчаются преданія, показывающія переселенія невольныя, чѣмъ другія. Причина весьма проста. Намъ мало сохранилось разсказовъ отъ глубокой древности, отъ эпохи веселаго движенія племенъ, устремившихся по призыву внутренняго голоса во всѣ края земли, еще ненаселенной. Къ этому времени относится, вѣроятно, большая часть миѳовъ объ Атлантидахъ и о блаженныхъ островахъ, которыхъ бы мы напрасно стали искать въ одной какой-нибудь мѣстности. Вѣроятно, басни такого рода сохранялись долѣе въ народахъ предпріимчивыхъ и мало склонныхъ къ осѣдлой жизни. Онѣ почти неизвѣстны Римлянамъ, совсѣмъ не существуютъ у Иранцевъ (Мидо-Персидскихъ) и по всѣмъ примѣтамъ переданы Эллинамъ смѣлыми мореходцами Финикійскими.

У новѣйшихъ народовъ Европы нѣтъ ничего подобнаго. Сказка объ Эльдорадо, давно забытое наслѣдство первоначальныхъ племенъ, ожила было на нѣсколько времени въ Средніе Вѣка послѣ великаго подвига Христофора Колумба; но въ воскресеніи старой сказки была какая-то искусственность и неискренность. Древнія же преданія Германцевъ болѣе или менѣе указываютъ на Востокъ и заставляютъ думать, что переселеніе этой вѣтви Иранцевъ было невольное. Для Славянъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Нашимъ сказкамъ Востокъ знако́мъ, но онъ является безъ опредѣленной физіономіи. Наши чудеса за моремъ, за океаномъ; въ нихъ говоритъ старый завѣтъ Вендскаго мореходца. Было однакоже въ Россіи одно происшествіе, о которомъ считаю нужнымъ упомянуть. Въ 1822 году прошла въ простомъ народѣ молва, что за границею Оренбургской губерніи, гдѣ-то далеко, есть сырная земля и въ ней рѣка Дарья, кисельные берега, молочная струя. Нельзя не узнать Сыръ-Дарьи, Кизиль-Дарьи и Молокъ-Дарьи. Народъ въ губерніяхъ Орловской, Пензенской, Симбирской и другихъ такъ искренно повѣрилъ этой сказкѣ, что цѣлыя селенія поднялись въ далекій путь и нахлынули на Оренбургскую губернію. Правительство было принуждено употребить мѣры строгости противъ этого чуднаго пробужденія духа старины. Трудно сказать, какъ могла такая сказка подѣйствовать такъ сильно на воображеніе Русскаго крестьянина-домосѣда? Живетъ ли еще въ хатахъ какое-нибудь старое преданіе? Такое предположеніе кажется не невѣроятнымъ, и до сихъ поръ я не могъ подмѣтить ни одного взгляда сожалѣнія, брошеннаго Славяниномъ на страну восточную. Первоначальное переселеніе было, кажется, совершенно произвольно.

Ходъ сухопутныхъ переселеній древнихъ племенъ. — Первая эпоха: мирное разселеніе.

Побудительныя причины первыхъ миграцій неизвѣстны, но понятны. Возможность этихъ миграцій сухимъ путемъ точно также понятна. Земля была обширною пустынею, богатою лѣсами и пажитями. Народы-переселенцы были звѣроловами или пастухами. Движеніе было быстро, разселеніе безпорядочно, семьи немногочисленны. Составились людскіе оазисы въ безлюдномъ пространствѣ. Отъ этого одно и тоже племя могло мало-по-малу раздѣлиться на многія нарѣчія, довольно ярко отличающіяся другъ отъ друга. Отъ этого, безъ всякаго сопротивленія и безъ всякаго насилія, другое племя могло втѣсниться въ пустыни, раздѣляющія первые оазисы, и представить намъ черезполосность народностей, которую мы такъ часто замѣчаемъ въ древности. Напримѣръ, семьи Германцевъ, Volcae (Volk) Tectosages, Arecomici и Cavares, издревле встрѣчаются между Славянъ, Кельтовъ и Пелазговъ.

Такимъ образомъ Германецъ-звѣроловъ могъ жить рядомъ съ Славяниномъ-хлѣбопашцемъ и торговцемъ, и жить съ нимъ ладно и мирно. Одному нужны были степь, или морской берегъ, или луговое приволье; другому лѣсъ и горныя вершины. Тогда-то вѣроятно составилась большая часть мѣшаныхъ семей и, по закону свободнаго развитія, свойственнаго природѣ человѣческой, возникло множество народовъ двустихійныхъ, которыхъ цѣль въ жизни человѣчества примирять слишкомъ рѣзкія разногласія чистыхъ племенъ а въ наукѣ — приводить въ отчаяніе кропотливыхъ критиковъ. Таковы въ Европѣ Вандалы, Фризы, Герулы, Бои и другіе. Таковы въ Азіи почти всѣ отдѣльныя отрасли вѣтвей Финно-Турецкой и Тибетской.

Простое размышленіе о вѣроятномъ ходѣ колонизацій сухопутныхъ объясняетъ намъ, какъ по землѣ уже населенной могли странствовать новые переселенцы и не оставить ни въ сказкахъ, ни въ исторіи памяти о войнахъ съ старожилами. Этимъ же самымъ объясняются и тѣ случаи, когда мы замѣчаемъ, что послѣ переселенія цѣлаго народа, жители, остающіеся въ покинутой странѣ, представляютъ характеръ совершенно чуждый выходцамъ: фактъ безпрестанно повторяющійся въ исторіи пяти столѣтій послѣ Р. Х.

Если бы теперь могли повториться старыя миграціи племенъ, и если бы Русскія селенія въ 1822 году дѣйствительно перекочевали изъ Тамбовской и Пензенской губерній на берега Сыръ Дарьи, какъ они было собрались: оставленныя ими земли представили бы намъ самый ясный типъ Финской семьи, и ученымъ пришлось бы, въ силу системъ, теперь существующихъ, розыскать, какъ это чудо совершилось. Родились бы непремѣнно три системы: 1-я, Финны выгнали Руссовъ изъ Тамбовской и Пензенской губерній; 2-я, Финны пришли въ опустѣлую страну; 3-я, Руссы Тамбовской и Пензенской губерній были дѣйствительно Финнами, но они ославянились во время перехода на берега Сыръ-Дарьи. Не тѣже ли выводы всечасно повторяются на счетъ Бургундцевъ, вышедшихъ дѣйствительно изъ Славянскаго поморья, и на счетъ Чеховъ, покрывшихъ всю Богемію послѣ выхода Квадовъ и Маркманновъ (Германскихъ Краинцевъ). Въ настоящемъ понимать должно прошедшее.

Допустивъ возможность мирной черезполосности, которой мы находимъ множество примѣровъ въ Германіи и Галліи (Венеды, Морины и Менапіи между Кельтовъ въ Вандеѣ, тѣже Морины и Менапіи въ Бельгіи между Бэолговъ, Тевтоны между Разенъ въ Этруріи *) и другіе, и возможность мирнаго стран-

---

*) Авторъ имѣетъ въ виду Тевтоновъ или Тевтановъ, которые, по свидѣтельству Плинія (Hist. Nat. III, 8) и другихъ древнихъ писателей, были основателями Пизы въ Этруріи. *Изд.*

ствованія племенъ Кельтскихъ и Германскихъ по старымъ жильямъ Славянскимъ, я долженъ прибавить, что всѣ эти примѣры относятся ко временамъ самымъ отдаленнымъ, о которыхъ мало осталось свѣдѣній достовѣрныхъ.

„Пропустите насъ мирно“, говоритъ Израиль, ведомый Моисеемъ и Іисусомъ Навиномъ, жителямъ границъ Палестинскихъ; но тѣ уже не соглашаются. Есть еще нѣсколько подобныхъ преданій даже въ Европѣ, и они заслуживаютъ вниманія, какъ послѣдніе отзывы древняго простодушнаго быта. По нашимъ понятіямъ, отказъ Филистимлянъ очень разсудителенъ, но въ тоже время просьба Израильтянъ очень естественна. Они помнили, какъ предки ихъ, Израиль и сыны его, свободно кочевали по землѣ Ханаанской.

Вторая эпоха: мирное разселеніе замѣняется насильственными переселеніями. — Признаки этой эпохи въ миграціяхъ древнихъ племенъ. — Вліяніе такихъ переселеній на древнія Славянскія племена.

Вскорѣ измѣнились отношенія народовъ. Люди множились и требовали все бо̀льшаго и бо̀льшаго простора. Отношенія сосѣдей приняли характеръ враждебный. Завоевательный духъ далъ смѣшенію племенъ форму наслоенія, въ которой одно сдѣлалось лицомъ подчиненнымъ, а другое властительнымъ, какъ мы это замѣчаемъ у Вандаловъ и у Болгаръ Приволжскихъ: слабыя семьи, несогласныя на повиновеніе или рабство, были выгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ.

Такъ старые Китайскіе памятники свидѣтельствуютъ, что по случаю раздоровъ и ослабленія *Великихъ Юети* (*Массагеты*, ихъ же очевидно Китайцы называютъ и *Великими Ванами*) между ними поселились чуждые имъ Као-та и Тухо-ло и взяли надъ ними власть и силу. Это объясняетъ всѣ загадки исторіи Гуннской. Такъ, съ другой стороны, мы видимъ, что Бэолги, долго терпѣвъ внутри страны, ими занятой, Менапіевъ и Мориновъ, наконецъ вытѣснили ихъ и заставили удалиться вверхъ по теченію Рейна, гдѣ они мало-по-малу были уничтожены или поглощены массою Кельтскихъ и Германскихъ народовъ; но, вѣроятно, отъ нихъ (если не отъ Вариновъ) остались по Рейну названія урочищъ и рѣчекъ: Вышница, Рейница, Сырница и тому подобныя.

Въ эту вторую эпоху начали составляться союзы или, лучше сказать, скопленія семей близкихъ другъ къ другу по внутреннему родству духа и наружному родству языка и физіономіи. Германецъ нажималъ на Славянина болѣе, чѣмъ на брата своего Германца. Финнъ-Туранецъ налегалъ своею силою скорѣе на чуждый ему Иранъ, чѣмъ на своихъ единоплеменниковъ. Побѣжденныя малочисленныя семьи, встрѣчая сперва случайно, или отыскавъ съ намѣреніемъ другія семьи, съ которыми можно было имъ говорить и думать заодно, становились твердою ногою на новыхъ густонаселенныхъ жилищахъ. Стихіи раздѣлились бо́льшими массами, и борьба приняла бо́льшіе размѣры. Но семьи, отрѣзанныя случайностью первоначальныхъ жилищъ отъ своей родни, погибли или покорились.

Очевидно, что для побѣжденныхъ и бѣгущихъ выборъ новаго жилища не былъ свободнымъ. Они должны были довольствоваться всѣмъ, что̀ только оставалось отъ трапезы побѣдителя; но опытъ вѣковъ доказалъ намъ, какъ мало человѣкъ склоненъ полагать добровольный предѣлъ своимъ завоеваніямъ и какъ жажда стяжанія растетъ съ каждымъ успѣхомъ; наученные исторіею и знаніемъ міра современнаго, мы можемъ смѣло утвердить, что и въ старину побѣдитель только того не бралъ, чего взять не могъ, или въ чемъ не находилъ никакой пользы для себя. Отъ этого, видя племя, живущее въ непроходимыхъ топяхъ или на неприступныхъ скалахъ, между тѣмъ какъ у него передъ глазами разстилаются широкія равнины съ богатствомъ луговъ, лѣсовъ и полей, мы говоримъ: это народъ побѣжденный, искавшій спасенія, а не приволья.

Нашествіе Финно-Турецкихъ Венгровъ-Мадьяровъ на Славянскія земли представляетъ намъ самое ясное приложеніе сказаннаго правила. Венгры не уничтожили и не поработили Славянъ. Они выдавили ихъ изо всей прекрасной равнины Придунайской въ ущелія Карпатовъ, гдѣ и теперь живутъ Хорваты, Русняки, Горалы и Словаки. То, что̀ совершилось въ позднія времена и на маломъ пространствѣ Венгріи, было повтореніемъ происшествій, случившихся въ доисторическія времена на всемъ пространствѣ средней Европы и Сѣверной Италіи. Простой взглядъ на карту древняго міра послужитъ достаточнымъ доказательствомъ этой истины. На самомъ крайнемъ Западѣ, отличаясь отъ Кельтовъ обычаями, языкомъ и характеромъ, живутъ Вендскія племена (*Венды*, *Анты*, *Унилы*, *Менапіи*, *Морины*, *Нантуаты*, *Верагры*, *Сербы*). Тутъ была земля болотъ, лѣсовъ и рѣкъ, земля нерадостная и незаманчивая для Кельтовъ; но войны революціи и борьба Вандеи со всѣми силами вскипѣвшей Франціи, доказали, какъ надежно было убѣжище старыхъ Славянъ. На Югѣ тѣже племена (Гориты Лузаты, Руссы и пр.) въ своемъ Пригорьѣ (Perigord), Погорьѣ (Bigorre), Когорьѣ (Cahors), Кологорьѣ (Calagorris) и Загорьѣ (Sigurris), въ своихъ дикихъ твердыняхъ Пиринейскихъ, нашли спасеніе отъ натиска Кельтскаго, между тѣмъ какъ отступающіе Иверцы охотно отдавали имъ безплодныя скалы и присоединялись къ главной массѣ Иверскаго народа, населяющаго весь просторъ Гишпанскаго полуострова. Ближе къ Востоку, болота Ронскаго устья съ островами Piplas и Blascon или Leucate (Поплесье и Блескунъ) и снѣжныя Альпы Савои и Пьемонта долго охраняли свободу Венетовъ Лигурійскихъ, Лузіевъ (Lysii), Залузіевъ (Silysii), Залѣсія (Salasii), Нантуатовъ, Верагровъ и другихъ, отъ насилія воинственныхъ сосѣдей. Долго Антіумъ (городъ Антовъ, нынѣшняя Генуя) цвѣлъ торговлею и своебытностью народною, между тѣмъ какъ бо́льшая часть береговъ Родана (Эридана) и беззащитная сторона западная уже перешли во власть Галловъ, оставивъ намъ только въ старомъ имени города Арль (Thelina, *долина*), въ Виндаліумѣ и Віеннѣ Аллоброговъ, въ рѣкахъ Ериданъ, Скорасъ или Прыгунъ (Isère) и пр. память о прежнихъ жителяхъ. Точно тоже скажу я обо всемъ хребтѣ Альпійскомъ, на которомъ Славяне—*Венды Великіе* (Vindelici), *Краинцы* (Carni) и прочіе противились нажиму Германіи, упираясь на южную свою братью и связывая безпрерывною цѣпью Венетовъ Лигуріи и Адріатики. Въ горы Боіогемскія, на скаты Альповъ Баварскихъ и Паннонскихъ удалились и Боіи (кажется, семья мѣшаная), вытѣсненные изъ Галліи чистыми Галлами. Еще далѣе, черезъ всю Хорватію и Венгрію, черезъ все прибережье Днѣпра (Бористенъ, *Березина* или лучше *Берестѣнъ*), по Эридану (Вислѣ), по Танаису (Двинѣ), Вудины, Ляхи, Залиги, Венды Великіе (иначе *Васци* или *Велетабы*, вящшіе или величавые) и Венды Поморскіе держались бодро и вольно противъ нападенія западныхъ Германцевъ и восточныхъ Скиѳовъ, находя защиту и спасеніе въ крутизнѣ горъ или въ непроходимости болотъ, какъ въ нашъ вѣкъ Симинолы Флоридскіе, безполезно осаждаемые оружіемъ, золотомъ, просвѣщеніемъ и собаками Американцевъ. Южные берега Вендскаго Блата, которые недавно еще были перерѣзаны цѣпью озеръ, связанныхъ между собою глубокими топями, представляютъ намъ опять цѣлый рядъ именъ урочищъ, городовъ, рѣкъ и земель Славянскихъ до самыхъ Менапіевъ и Мориновъ, которыхъ мы видѣли въ союзѣ Вендовъ Прилуарскихъ и которыхъ опять находимъ въ болотахъ Рейнскаго устья между враждебными Бэолгами. Взгляните пристально на этотъ рядъ земель, которыя какъ будто не созданы для человѣческаго жилья, вспомните Венгрію и поймите судьбу всего племени.

Тѣже самыя правила, простыя и согласныя съ логикою человѣческихъ инстинктовъ, помогаютъ намъ въ объясненіи темнаго вопроса историческаго: кто были Этруски? Давно уже всѣ убѣждены въ томъ, что не одна стихія входила въ составъ Этрурскаго народа и что Тиррены Мало-Азійскіе, принесшіе въ Италію зародышъ просвѣщенія художественнаго, не были одно и тоже съ Тусками, пришедшими съ Сѣвера, вѣроятно тѣми же Тевтанами или Тевтонами, которыхъ мы находимъ около теперешняго Ливорна и которыхъ древніе писатели по ошибкѣ называли Греческою колоніею. Признавая Этрусковъ за смѣшанное племя, мы не находимъ ни въ Тирренскомъ, ни въ Тусскомъ началѣ объясненія имени Разена и многихъ особенностей въ развитіи народа. Остатковъ языка Этрусскаго у насъ слишкомъ мало, чтобы намъ положиться на ихъ совершенно произвольное толкованіе и дѣлать изъ него шаткіе выводы; но нельзя не признаться, что большая часть названій мѣстныхъ и городскихъ приводитъ насъ къ догадкѣ о третьей и главной стихіи, вошедшей въ составъ Этруріи, именно о стихіи Славянской. Города: Антіумъ, въ которомъ отзывается имя Антовъ, Клузіумъ (*ключъ*, напоминающій Ключъ Иллирійскій), Кортона или Гортина, Перузія (Порушіе), Ангара (Угарье), Кластидіумъ иначе Кластиціумъ (Клястицы), Спина (нынѣ *Dorso di Spina*); рѣки

Арнусъ (Ярный), Цецина (Теченъ), озеро Клузина (Ключино) и многія другія имена чисто Славянскія. Но очевидно этихъ примѣтъ слишкомъ мало. Обратимъ вниманіе на другія два обстоятельства, которыя гораздо важнѣе: 1-е) никогда въ самое цвѣтущее время своего величія, во время своей предпріимчивости военной, Разены не нападали на Венетовъ; 2-е) когда Кельты и Римляне разрушили нѣкогда сильный и богатый союзъ городовъ Этрурскихъ, тѣ изъ Разенъ, которые предпочли свободу въ странѣ бѣдной рабству въ приволіи Этрурскомъ, пробились сквозь землю Галловъ Цизальпинскихъ и нашли убѣжище у Вендовъ Великихъ (Vindelici). Тутъ, въ ущеліяхъ неприступныхъ, выстроили они новый городъ Ретсунъ *) (*Разенъ* или *Раженъ* отъ *ражій)* и долго еще боролись противъ исполинскаго могущества Рима, составляя съ Венетами гордый союзъ. Трудно повѣрить, чтобы непобѣдимые Венды имъ уступили землю поневолѣ; еще труднѣе, чтобы Разены, пробивась сквозь всю силу Кельтовъ, искали новой войны, а не гостепріимства племени родного. Этимъ вопросъ едва ли не разрѣшается удовлетворительно.

Племена звѣроловов и пастуховъ склонны къ миграціямъ; землевладѣльцы не легко мѣняютъ жилища. — Примѣръ: противоположность Кельтовъ и Германцевъ съ Славянами въ древности.

Мы видѣли, какія жилища предоставляются отъ побѣдителей изгнаннымъ народамъ: намъ также легко понять, какіе народы охотнѣе удаляются отъ насилія чужеземнаго. Пастухъ и звѣроловъ не дорожатъ своей родиною. Почва не улучшена ихъ трудами, лѣсныя чищобы не созданы ихъ неутомимой борьбою съ природою. Нѣтъ у нихъ ни селъ, ни городовъ торговыхъ; нѣтъ, наконецъ, никакихъ цѣпей, связующихъ человѣка съ землею, на которой онъ родился и жилъ. Когда наступаютъ враждебныя племена, пастухъ и звѣроловъ сражаются, и въ случаѣ пораженія охотно бѣгутъ въ другіе края.

---

*) Здѣсь авторъ, который, какъ было замѣчено, писалъ все по памяти, впалъ повидимому въ ошибку: города, носящаго такое названіе, мы не могли отыскать въ древнихъ источникахъ. Сравни однако O. Müller, die Etrusc, 163. *Изд.*

Имъ вездѣ хорошо, гдѣ только есть просторъ, да лугъ для пастбища, да лѣсъ для добычи. Если нѣтъ у нихъ въ сосѣдствѣ пустыни готовой, они сами сдѣлаются завоевателями и создадутъ пустыню.

Такъ передъ Скиѳами бѣгутъ Кимвры, иные на Югъ, черезъ приморье Эвксинское и низкіе уступы западнаго Кавказа, Имеретію, Гуріель и Лазику, въ Малую Азію, которую они опустошаютъ; другіе на Западъ, черезъ теперешнюю Польшу, сѣверную Германію, гдѣ Кимврическій полуостровъ свидѣтельствуетъ о ихъ странствованіи, и черезъ сѣверную Галлію въ острова Британскіе, на которыхъ имя Кумри до сихъ поръ обозначаетъ до-Римскаго старожила. Точно также передъ натискомъ Чингисовыхъ Монголовъ поднимаются всѣ волны Финскія и Турецкія и затопляютъ на время страну, которой Богъ судилъ быть царствомъ Русскимъ.

Участь народа земледѣльческаго совсѣмъ иная. Приходитъ время, когда просвѣщеніе общественное соединяетъ его въ массу крѣпкую и ненарушимую. Объ него разбивается завоевательный натискъ дикаря кочевого, и удачный отпоръ мало по-малу расширяетъ вѣчно угрожаемыя границы. Такова судьба Россіи и Китая, которые мирною сохой побѣдили мечи сосѣднихъ племенъ. Но эта сила проявляется не рано. Въ началѣ обществъ, землепашцы - домостроители, сохраняя еще простоту быта патріархальнаго и не слившись въ формы сильныхъ и вѣковыхъ государствъ, легко дѣлаются добычею воинственныхъ звѣролововъ или пастуховъ. Утомленные борьбою съ племенами, вѣчно готовыми къ разбою и войнѣ, и въ тоже время привязанные къ землѣ своей неразрывными узами привычки и труда, они мѣняютъ прежнюю свободу на смиренную подчиненность или на безусловное рабство. Побѣдители дорожатъ ими какъ слугами кроткими и трудолюбивыми, какъ чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и полезнымъ животнымъ. Имъ препоручаетъ воинъ соху, которую онъ презираетъ, и домашнюю работу, къ которой онъ неспособенъ. Побѣжденнаго же воина, если онъ не убѣжалъ отъ побоища, предаютъ смерти, какъ недостойнаго свободы и неспособнаго къ рабству.

Когда мы вспомнимъ, что всѣ слова, касающіяся домохозяйства и земледѣльчества, приняты Германцами отъ Славянъ, и что Вендскія Иллирія и Паннонія кормили Грецію хлѣбами своими въ голодное время гораздо прежде Р. Х., намъ понятенъ будетъ стародавній характеръ Славянъ. Когда мы вспомнимъ распространеніе племени Вендовъ по всей средней Европѣ до Атлантическаго моря, мы не станемъ удивляться тому, что имя Серба или Славянина сдѣлалось во всѣхъ нарѣчіяхъ Европы однозначительнымъ съ именемъ раба (servus, sclavus и т. д.), или имя Венда—съ названіемъ приписнаго къ землѣ Вандала. Это можно уже угадать a priori, и въ подтвержденіе моего мнѣнія, самый древній портретъ Славянина встрѣчается въ группѣ Ніобы, въ дядькѣ-рабѣ.

Но, какъ я уже сказалъ, не всѣ согласны промѣнять свободу, купленную кровью, на спокойное уничиженіе рабства: многіе оставляютъ поля, дома и родину и бѣгутъ въ горы и болота, гдѣ они являются ожесточенными, почти непобѣдимыми бойцами. Это люди избранные, это лучшій цвѣтъ побѣжденнаго племени. Оттого-то горные народы Лигуріи, Винделикіи и Иллиріи такъ долго утомляли упрямство завоевательнаго Рима, между тѣмъ какъ ихъ же братья, Славяне, давно продавались на всѣхъ торгахъ Европы, или пахали землю для Кельта, Германца или Эллино-Римлянина. Точно также Кумри нѣсколько вѣковъ защищали свою независимость въ Корнваллисѣ и Кумберландѣ (земля Кумри) противъ Саксонцевъ и Норманцевъ и сохранили свою народность въ Валлисѣ и Шотландскомъ загорьѣ.—Нѣтъ сомнѣнія, что бывали случаи, когда побѣдители, побѣжденные въ свою очередь возстаніемъ старожиловъ или новымъ нашествіемъ, были также принуждены искать убѣжища въ неприступности горныхъ ущелій, какъ, напримѣръ, Ногаи въ Кавказѣ; но эти случаи гораздо рѣже встрѣчаются въ исторіи и никогда не могутъ объяснить населеніе длиннаго хребта или длинной полосы болотъ.

Я увѣренъ, что, сообразивъ все сказанное мною и повѣривъ оное при свѣтѣ простаго человѣческаго разума, никому не придетъ въ голову вообразить, что Вендъ-Славянинъ пришелъ въ Европу послѣ Германца и Кельта, и что онъ перепрыгивалъ съ горки на горку, отъ Иллиріи до Пиренеевъ, какъ сайга Альпійская, или какъ чибисъ перелеталъ съ болотца на болотце, отъ Прусскаго поморья до низовья устья Луарскаго. Я знаю, что мнѣніе, что Славяне, коренные старожилы всей Европы, градостроители и землепашцы, вытѣснены были или порабощены Кельтами и Германцами-завоевателями, покажется слишкомъ новымъ и поэтому очень страннымъ. Я знаю и то, что наше Русское смиреніе не легко повѣритъ системѣ Русской и что ученость Запада не охотно приметъ ученіе, выдуманное не имъ самимъ. Но что́ дѣлать? Придется повѣрить и принять не нынче, такъ завтра. Нельзя же долго вѣрить, что послѣдніе переселенцы изъ Азіи, Венды, пробирались между народами чуждыми по мхамъ горнымъ и топямъ низовымъ изъ безкорыстной любви къ камнямъ и болотамъ. Нельзя и тому вѣрить, что Венды не Славяне, что Антаибъ и Бантаибъ Нѣмцевъ не земля Славянская, что Анты и Венды Маврикія не Славяне, что Венды Иллирійскіе не Славяне и что вся эта цѣпь городовъ, областей, рѣкъ и озеръ, носящая имя Вендовъ и начинающаяся изъ безспорно-Славянской Венетіи, не доказываетъ Славянскаго населенія. Можно бы было противъ моего мнѣнія предложить другую догадку, довольно вѣроятную на первый взглядъ: это то, что Венеды-мореходцы забросили свои колоніи далеко на Западъ отъ восточной родины своей. Но эта догадка не выдержитъ строгаго разбора. Ею не объясняется ни жительство Вендовъ по всему хребту Альпійскому, ни присутствіе слѣдовъ Славянства въ средиземіяхъ Кельтскомъ и Германскомъ, ни показанія древнихъ писателей о томъ, что Венеты суть *gens omnium longe antiquissima* *), ни общее употребленіе словъ Сербъ, Склабъ и Вандалъ въ смыслѣ приписнаго къ землѣ или раба. Одно мнѣніе уцѣлѣетъ, потому что одно согласно съ истиною человѣческою и съ обычнымъ ходомъ народныхъ судебъ.

---

*) Авторъ, какъ кажется, имѣлъ тутъ въ виду свидѣтельство Полибія (II, 17) о древности происхожденія Италійскихъ Венетовъ и своеобразности ихъ языка: γένος... πάνυ παλαιόν... τοῖς μὲν ἔθεσι καὶ τῶ κόσμῳ βραχὺ διαφέροντες Κελτῶν γλώττῃ δ'ἀλλοίᾳ χρώμενοι. *Изд:*

Примѣненіе открываемыхъ въ Европѣ законовъ переселенія народовъ къ Китаю и Индіи.

Приложеніе тѣхъ же критическихъ правилъ, съ помощію которыхъ мы могли привесть въ ясную и простую систему стародавнюю исторію средней Европы, поможетъ другимъ изыскателямъ открыть истину касательно древней Индіи, Китая, Тибета и земель, по которымъ кочуютъ Эскимосы или Чукчи. Большая часть старыхъ системъ, созданныхъ книжными отшельниками и мелочною кропотливостью, исчезнутъ и забудутся.

Такимъ образомъ старожиловъ Китайскихъ придется искать не въ Китайцахъ, а въ дикаряхъ Міао-се. Это очень ясно видно изъ самыхъ древнихъ преданій, гдѣ уже Міао представлены какъ непокорные и варварскіе жители горныхъ хребтовъ, отвергающіе благодѣяніе просвѣщенія. Такъ въ Индіи признать надобно будетъ за автохтоновъ не то племя, которое принесло съ собою сокровища мысли и зародыши богатой литературы Санскритской, но этотъ рядъ изгнанниковъ, которые населяютъ вершину Гаутовъ отъ самыхъ равнинъ Сѣвернаго Индустана до мыса Коморинскаго и отличаются языкомъ, нравами и наружностью отъ обитателей долинъ. Гонды, Канды, Колы, Суры, Бгиндервары, Бгилы, Пугары, Пулинды, Барбары, Савары, Еруляры, Тудасы—народы малочисленные, почти неизвѣстные западнымъ колонистамъ, но безспорно принадлежащіе къ одной и той же семьѣ и поэтому составляющіе значительную массу людей, кои не могли проникнуть такъ глубоко на Югъ по дикому хребту горъ, довольствуясь безводными вершинами и не распространяя своей власти на роскошное приволье береговыхъ скатовъ. Очевидно, въ нихъ находимъ мы старожиловъ до-Гангесскаго полуострова. Иные путешественники думали видѣть въ нихъ признаки Тибетскаго происхожденія, другіе замѣчаютъ сходство съ народами племени чернаго, вѣроятно Африканскаго. Судя по преданіямъ, сохранившимся въ поэмахъ героическаго вѣка Индіи, можно предположить, что завоеватели сѣверные, въ продолженіи борьбы своей съ южными Шиваитами (Кушитами), находили союзниковъ въ коренныхъ туземцахъ, и что поэтому горные жители должны имѣть бо́льшее сродство съ племенемъ желтымъ, чѣмъ съ черными пришельцами [1]). Если же курчавые и чернолицые народы встрѣчаются между ними, то это исключенiе легко объясняется позднѣйшимъ бѣгствомъ побѣжденныхъ Кушитовъ, искавшихъ также убѣжища въ ущельяхъ, слабо занятыхъ остатками утѣсненнаго желтаго племени. Много еще нужно изслѣдованiй, чтобы привести въ ясность всѣ темныя части древности Индустанской; но теперь уже можно убѣдиться въ слѣдующихъ истинахъ. Народъ сѣверный, принадлежащiй къ вѣтви Иранской, не оставилъ никакихъ памятниковъ зодчества. Это въ характерѣ Иранцевъ. Они не могли сдѣлаться строителями на Югѣ, если бы не встрѣтили народа, у котораго зодчество было уже совершенствовано. Троглодитство храмовъ несогласно съ характеромъ явнаго свѣтопоклоненiя, изъ котораго возникъ Брахманизмъ. Деспотизмъ священнаго класса не можетъ объяснить существованiя громадныхъ храмовъ и пещеръ, во-первыхъ потому, что онъ не восходитъ въ глубокую древность, ибо его начало означено позднимъ миѳомъ о Парасу-Рамѣ, 8-мъ аватарѣ [2]) Вишну; во-вторыхъ потому, что деспотизмъ Брахмановъ не могъ принять направленiя, противнаго духу древней вѣры; въ-третьихъ потому, что Брахманы до сихъ поръ гнушаются этими остатками забытой старины. Народъ, принесшiй съ собою зародышъ Брахманизма, шелъ съ Сѣверо-запада, отъ Пенджаба: народъ, принесшiй съ собою зодчество не въ младенческомъ возрастѣ, но въ высокомъ развитiи, пришелъ съ Запада и обозначилъ свои первые шаги подземными храмами на островахъ. Между двумя племенами происходила долгая и упрямая борьба, кончившаяся побѣдою сѣверныхъ пришельцевъ и воспѣтая въ поэмахъ о Чандра-Рамѣ. Побѣда имѣла послѣдствiемъ преобладанiе Брахмановъ, смѣшенiе стихiй просвѣщенiя Иранскаго и Кушитскаго и смѣшенiе племенъ, отъ котораго жители Индiи приняли наружность совершенно сходную съ Мулатомъ, и именно съ Мулатомъ при смѣшеніи двухъ бѣлолицыхъ поколѣній съ однимъ чернымъ. Такова средняя мѣра Индіи; но въ сѣверной части ея преобладаніе бѣлой стихіи сильнѣе, а въ южной является физіономія Мулата при равномъ смѣшеніи поколѣній чернаго и бѣлаго. Горные же жители Гаутовъ, за исключеніемъ небольшого остатка чернаго племени, заброшеннаго въ Гауты или даже отогнаннаго случайностями войны въ за-Гангесскій хребетъ, не принадлежатъ ни къ Иранцамъ, съ которыми они не сочувствуютъ, ни къ Кушитамъ, которыхъ святилища имъ чужды. Они суть явный остатокъ первоначальныхъ туземцевъ желтаго племени, загнанный въ горы колоніею Кушитскою и поэтому вступившій въ союзъ съ Иранцами противъ своихъ притѣснителей, т.-е. владѣльцевъ южной Индіи, въ героическую эпоху Рамы-завоевателя. Данныя, которыя уже извѣстны всему ученому міру, должны были давно привести къ этимъ простымъ заключеніямъ; но несчастная страсть къ системамъ апріористическимъ и дѣтскій вопросъ: „какъ могла Африка заѣхать въ Индію?“ заставляли до сихъ поръ строить цѣлый рядъ нелѣпыхъ гипотезъ на зло всѣмъ фактамъ и всѣмъ законамъ критики исторической. Скоро придетъ время, когда надъ этими учеными и мертвыми системами будутъ смѣяться, какъ мы смѣемся теперь надъ полуучеными догадками, любимымъ грѣхомъ писателей Среднихъ Вѣковъ, и тогда даже книжники не будутъ стыдиться признавать за правду то, чтó такъ ярко бросается въ глаза безпристрастному искателю правды человѣческой, не считающему за обязанность быть исключительно грамматикомъ или миѳологомъ, но позволяющему себѣ смотрѣть на людей, какъ ихъ Богъ создалъ, т.-е. въ общности ихъ физіономіи умственной и физической.

---

[1]) Это самое мнѣнiе о сродствѣ коренныхъ жителей Индiйскаго полуострова съ желтымъ или Туранскимъ племенемъ въ послѣднiе года появилось и въ западной наукѣ и начинаетъ въ ней приниматься, благодаря въ особенности трудамъ извѣстнаго Оксфордскаго профессора Макса Миллера, который основалъ его на сходствѣ строенiя языковъ у этихъ народовъ. *Изд.*

[2]) Т.-е. воплощенiи. *Изд.*

Можетъ быть, найдутся люди, которые, признавъ первоначальное желтое населеніе Индіи и развитіе двухъ просвѣщеній разностороннихъ, захотятъ, для избѣжанія заморскихъ Кушитовъ, привязать двѣ системы религіознаго и умственнаго развитія къ двумъ системамъ рѣкъ, именно Брахманизмъ мыслящій — къ Гангесу, и Шиваизмъ строительный—къ Индусу, такъ какъ дѣйствительно Кашміръ представляетъ довольно много пещеръ: то для устраненія искушенія прибавлю нѣсколько словъ. И эта догадка неудовлетворительна. Пенджабъ на Индусѣ считается родиною Брахманизма въ преданіяхъ. Кашмирскіе храмы, кажется, не принадлежатъ къ глубокой древности. Между Кашмиромъ и Бомбеемъ нѣтъ памятниковъ, обозначающихъ движеніе народа строительнаго. Индія древняя дѣлилась по своему характеру не на западную и восточную, а на сѣверную и южную, которыхъ примѣрными границами были Нербудда и Маганадди. Это ясно изъ всѣхъ преданій и древнихъ поэмъ. Наконецъ (и это всего важнѣе) движеніе къ Индусу не объясняетъ ни островнаго положенія древнѣйшихъ храмовъ, ни Мулатской наружности Индѣйцевъ: ибо бѣлое племя, смѣшавшись съ бѣлымъ или даже съ желтымъ, производитъ черное только изрѣдка въ кабинетахъ ученыхъ, а никогда на Божьемъ свѣтѣ. Если бы однакоже пещеры при-Индусскія и оказались древнѣе, чѣмъ намъ кажутся, то гидравлическія работы, о которыхъ хранится память въ долинѣ Кашмирской, преданія о западномъ происхожденіи Афгановъ и имя Куша-двина (земля Куша *), должны будутъ навести на мысль, что смѣлая колонія Кушитовъ, поднявшись по Индусу на Сѣверо-востокъ, составляла нѣсколько времени полу-Африканскій оазисъ въ землѣ, по которой Иранцы шли съ Сѣверо-запада на Югъ и Юго-востокъ.

Характеръ переселенія народовъ въ степныхъ пространствахъ.

Легко отыскивать первоначальныхъ жителей земель, въ которыхъ природа приготовила для побѣжденныхъ надежныя убѣжища; но по этому самому трудно воскрешать лѣтописи беззащитныхъ степей, а въ особенности степей неудобныхъ для землепашества. На нихъ, какъ на морѣ, нѣтъ слѣдовъ человѣческихъ. Завоеватель кочуетъ по нимъ свободно, старожилъ отходитъ въ даль; вешнею травою заростаетъ осеннее побоище, и всѣ признаки старины пропадаютъ безвозвратно. Исторію степей, какъ исторію морей, приходится угадывать по виду и населенію окраинъ и береговъ.

Оттого-то смѣшно допрашивать Киргизскую землю или наше междурѣчіе Волги и Днѣпра объ ихъ коренныхъ населенцахъ. Вѣ-

---

*) Куша или Куша-двина была одной изъ семи великихъ странъ, изъ которыхъ, по представленію древнихъ Индусовъ, началась земля. *Изд.*

роятно, Киргизы не имѣютъ ничего общаго съ Массагетами *(Геты Великіе,* иначе *Ваны Великіе,* или *Юей-ти Великіе, Та-юей-ти,* по Китайцамъ, сосѣди и родня Азамъ южнымъ и Азамъ сѣвернымъ) и, безъ всякаго спора, между Днѣпромъ и Волгою нельзя подсмотрѣть ни малѣйшаго слѣда кочевыхъ Скиѳовъ Геродотовыхъ или древнѣйшихъ Киммерійцевъ. Точно также, почти все пространство Сибири, за исключеніемъ горныхъ областей, нѣсколько разъ перемѣняло владѣльцевъ своихъ, хотя можно утвердительно сказать, что они всегда принадлежали къ желтому племени, до Русскаго завоеванія.

Поэтому нужна величайшая осторожность при изслѣдованіи старины степной. Почти за общія правила можно принять: 1-е, что во время движенія народовъ жители степей чаще перемѣнялись, чѣмъ жители странъ лѣсистыхъ или разрѣзанныхъ горными цѣпями; 2-е, что измѣненіе это было полнѣе. Весьма подозрительно постоянство въ названіи большихъ равнинъ и ихъ кочевого населенія. Оно едва ли не всегда указываетъ на ошибочное мнѣніе писателей, переносившихъ на новыхъ пришельцевъ имена знакомыя имъ изъ преданій прежняго времени, или на полуученость, безмысленно повторявшую слова географовъ древнѣйшихъ съ намѣреніемъ похвастаться знаніемъ источниковъ письменныхъ, или на неизвѣстность названій многихъ рѣкъ и урочищъ, заставлявшую вѣрить неизмѣнности самихъ народовъ.

Когда Скиѳы исчезаютъ изъ списка племенъ Европейскихъ, историки сами признаются, что ихъ уже давно не было и что они были вытѣснены восточными Аланами и западными Гетами и Даками. Точно также имя Гетовъ Великихъ на Востокѣ очевидно переживаетъ ихъ существованіе и обозначаетъ новыхъ населенцевъ стараго Массагетскаго гнѣзда. Впрочемъ, кажется, не все племя откочевало, а часть его еще продолжала жить подъ именемъ Саковъ (Да-hіа) около двухъ главныхъ притоковъ Арала. Еще бóльшимъ ошибкамъ можно подвергнуться, слѣдуя указаніямъ восточныхъ писателей, въ особенности Китайцевъ. Вѣковая твердость учрежденій имперіи и привычка къ неизмѣннымъ постановленіямъ, пріобрѣтенная народомъ, часто мѣшаетъ ученымъ Китайцамъ вѣрить переворотамъ, случавшимся въ странахъ менѣе образованныхъ, и отъ этого они охотно называютъ перемѣною именъ то, что́ было дѣйствительно перемѣною цѣлыхъ племенъ. Напримѣръ, показаніе о поочередномъ преобладаніи и Славянъ, и Сарматовъ выражается у нихъ слѣдующимъ образомъ: „За царствомъ А-манъ (Арменія) живутъ Сипинъ, которыхъ земля въ позднѣйшее время приняла имя Лай-вей-куе (Лазика? или Малая Азія, отъ имени города Лаодикея?). На Сѣверъ отъ нихъ область великихъ *Азовъ* (Сарматовъ, нынѣ Осетовъ), ограниченная съ западной стороны болотами непроходимыми (Заднѣпровья?), а съ сѣверной моремъ Сѣвернымъ. Въ старину назывались они *Ан-тсаи* (Анты). Во время второй династіи Ханъ они себя назвали *А-лан-на* (Аланы), при вторыхъ Веи—*Ѳе-су* (Ѳир-си? Ага-Ѳирси?), и также *Вен-на-ша* (безспорно Венеты)“. Должно однакоже замѣтить и то, что Китайцы, по особенному уваженію къ ученымъ заслугамъ, почти никогда не признаютъ ошибокъ въ писателяхъ древнихъ и что, узнавъ настоящее имя народа, искаженное въ первоначальныхъ описаніяхъ, они выдумываютъ перерожденіе племени, чтобы оправдать старое свое правописаніе. Такъ, напр., они говорятъ: „Іе-ѳа происходитъ отъ Юей-ти“, когда это очевидно одно и тоже имя, т.-е. то самое, которое Грекамъ извѣстно въ формѣ Геты. Вей-тси самъ говорилъ съ людьми этого поколѣнія и слышалъ отъ нихъ, что они себя называютъ Іеѳіанъ. *Анъ*, *ане*, *аненъ*, *аніе*—весьма обыкновенное окончаніе множественнаго у народовъ Индо-Германскихъ, къ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали *Геты*, *Да-гіа*, *Саки* и *Массагеты* восточные, точно также какъ *Геты*, *Даки и Саки* Придунайскіе. Тѣ, которымъ покажется мнѣніе мое насчетъ Европейскихъ Гетовъ и Даковъ сомнительнымъ, могутъ съѣздить въ Римъ и посмотрѣть на Трояновъ столбъ.

Съ другой стороны, степныя области, мало сохраняющія слѣды старины глубокой, представляютъ изслѣдователю ту выгоду, что кочевой характеръ ихъ жителей спасалъ побѣжденныхъ отъ смѣси съ завоевателями и побѣдителей отъ смѣси съ рабами. Племя еще чистое, вступивъ въ просторъ степей, могло сохранять свою чистоту на многіе вѣка. Въ этомъ отношеніи есть сходство между вліяніемъ крутыхъ хребтовъ и огромныхъ равнинъ.

Таковыя общія правила, выведенныя изъ характера мѣстностей и дѣйствія ихъ на характеры народовъ; они такъ ясны, что примѣровъ не нужно для доказательства. Но въ тоже время не должно забывать, что исключенія возможны и что продолжительныя войны и частые переходы народовъ могутъ ввести стихіи мѣшанныя въ населеніе степей, точно также какъ и въ населеніе горъ.

Очевидно, междурѣчіе Евфрата и Тигра и цѣпь Альпійская отъ самаго ската Генуэзскаго до границъ Стиріи и Крайны не представляютъ уже надежныхъ указаній для древности. Тоже самое скажемъ объ южной Россіи и о цѣпяхъ, разсѣкающихъ Малую Азію; но обыкновенно, что когда наступаетъ время смѣшенія, то горцы болѣе сохраняютъ въ правахъ и языкѣ остатковъ старины, чѣмъ жители степные. Одни подвижнѣе и легче уходятъ отъ иноземцевъ, другіе упорнѣе и крѣпче сохраняютъ свою личность.

Третья эпоха въ жизни древнихъ племенъ: эпоха внутренняго броженія. — Разнообразіе его стихій и законовъ.

Послѣ двухъ эпохъ, разселенія черезполоснаго и мирнаго, и переселенія воинственнаго, перемѣшавшаго стихіи или сплотившаго ихъ въ крѣпкія массы, эпохъ, представившихъ намъ сперва смѣшеніе иныхъ семей, а потомъ почти всеобщій фактъ наслоенія, наступаетъ время безпрестанныхъ броженій и новыхъ органическихъ явленій въ жизни народовъ. Прежніе законы продолжаютъ дѣйствовать, но къ нимъ присоединяются новые законы и новыя силы, живыя и многостороннія, которыхъ дѣйствія a priori оцѣнять и разсчитывать почти невозможно. Умственныя способности, упрямство племеннаго характера, вдохновеніе славы, теплая вѣра, привычка къ общественному быту и государственному устройству, всѣ страсти, словомъ все то, въ чемъ состоитъ личность человѣка и народа, перемѣшивается и сливается въ неуловимомъ волненіи, котораго не можетъ прослѣдить исторія, но котораго результаты перемѣняютъ видъ міра и весьма часто разногласятъ съ выводами изъ началъ чисто-вещественныхъ.

Критика никогда не принимаетъ въ соображеніе разнообразія человѣческихъ данныхъ. Ученому, привыкшему къ труду надъ мертвою буквою, надъ грубымъ фактомъ, записаннымъ у какого-нибудь лѣтописца или вырѣзаннымъ на какомъ-нибудь памятникѣ, недоступны всѣ эти тайны внутренней жизни духовной. Въ общемъ мнѣніи историковъ-изслѣдователей преобладаетъ какой-то матеріализмъ, принимающій въ расчетъ силу, число, власть и больше ничего. Впрочемъ всякій народъ для нихъ одно и тоже, что и другой народъ, т.-е. безхарактерное скопленіе людей-цифръ, подлежащее вѣчному ариѳметическому закону, или масса, повинующаяся вѣчнымъ правиламъ механики. Такъ и должно быть для книжныхъ отшельниковъ; но для людей, безпристрастно изучающихъ современное человѣчество, такъ быть не должно. Новыя точки зрѣнія, утвержденныя въ предшествующихъ замѣчаніяхъ, и безпристрастный взглядъ на бытъ людской дадутъ наукѣ новое направленіе и ясный смыслъ.

Факты забываются, но страсти и инстинкты прошедшаго упорно хранятся народами.

Люди скоро забываютъ прошедшее, т.-е. факты и ихъ подробности, но упорно и долго держатъ въ памяти главные очерки старины, облекая ихъ иногда въ миѳическій покровъ, а еще долѣе и еще упорнѣе держатъ они въ душѣ своей слѣды страстей, волновавшихъ предковъ ихъ въ вѣка прожитые и забытые. Не умираютъ ни хорошіе, ни дурные зародыши, закинутые прошлою жизнью. Французскій дворянинъ, еле знающій грамотѣ и конечно чуждый всякому историческому знанію, называлъ простолюдина vilain, презиралъ roturier, какъ твореніе низшее. Злое сѣмя, брошенное завоевательнымъ характеромъ Франковъ, давало злые плоды еще черезъ тысячу двѣсти лѣтъ.

Мнѣ случилось разговарить въ Швейцаріи съ образованнымъ Шотландцемъ, Пуританиномъ, весьма равнодушнымъ ко всѣмъ формамъ вѣроисповѣданія. Разговоръ коснулся возможнаго сближенія Реформатства и Восточной церкви. Послѣ долгаго спора, въ которомъ я доказывалъ, что такое сближеніе не было бы противно характеру церкви Греческой, Шотландецъ всплеснулъ руками и вскрикнулъ: „Ахъ, если бы это было, Папа лопнулъ бы со злости!“ Вотъ народная память старины. Впрочемъ, всѣ тѣ, которые знаютъ Англичанъ-старообрядцевъ, могли сдѣлать такія замѣчанія на счетъ ихъ глубокой ненависти къ Ирландіи.

Народы завоевательные сохраняютъ въ своемъ характерѣ гордость и исключительность; народы земледѣльческіе чужды аристократическаго духа и воспріимчивы къ чужому, оттого способны къ перерожденію. Примѣръ: Славяне сравнительно съ нѣкоторыми другими народами. — Значеніе этого закона для объясненія исторіи Славянъ.

Народы завоевательные, по первоначальному своему характеру, сохраняютъ навсегда чувство гордости личной и презрѣніе не только ко всему побѣжденному, но и ко всему чуждому. Таковъ Монголецъ, таковъ былъ Кельтъ, таковъ Турокъ. Это чувство презрѣнія къ чужому долго сохраняетъ народность ихъ. Побѣдители, они угнетаютъ порабощенныхъ и не смѣшиваются съ ними; побѣжденные, они упорно противятся вліянію побѣдителей и хранятъ въ душѣ инстинкты, зарожденные въ нихъ вѣками старинной славы.

Можетъ быть, этимъ объясняется сила народности въ племенахъ Скиѳскихъ, т.-е. Финно-Тибетскихъ. Впрочемъ просторъ степей и кочевая жизнь также способствуютъ къ сохраненію ихъ родового характера.

Народы земледѣльческіе ближе къ общечеловѣческимъ началамъ. На нихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго призрѣнія къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе.

Германецъ во всѣхъ странахъ свѣта сохраняетъ мечту своего благороднаго происхожденія и живетъ между иноземцами въ гордомъ одиночествѣ; но этотъ характеръ еще болѣе развился въ Германцѣ за-Рейнскомъ. Готѳ-Гишпанецъ и Норманъ-Англичанинъ могутъ считаться совершенными представителями родоваго тщеславія. Ни одинъ Англичанинъ не знаетъ нарѣчій Кельтическихъ, а Англія (съ Шотландіею и Ирландіею) считаетъ почти равное число Кельтовъ-Кумріевъ и Саксо-Норманцевъ. Ни одинъ Американецъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ южныхъ старо-Гишпанскихъ владѣніяхъ не говоритъ языкомъ краснокожихъ; а между тѣмъ они вездѣ, а особенно на Югѣ, находятся въ безпрерывномъ соприкосновеніи. Мадьяръ и Нѣмецъ Венгерскій почти никогда не говорятъ языкомъ своихъ угнетенныхъ одноземцевъ, Словаковъ, и даже флегматическій толстякъ болотъ Голландіи смотритъ въ своихъ колоніяхъ на туземцевъ, какъ на племя созданное Богомъ для служенія и рабства, какъ человѣкообразнаго скота, а не человѣка.

Для насъ, старыхъ Славянъ, мирныхъ тружениковъ земли, такая гордость непонятна. Словакъ почти всегда говоритъ свободно по-мадьярски и по-нѣмецки. Русскій смотритъ на всѣ народы, замежеванные въ безконечныя границы Сѣвернаго царства, какъ на братьевъ своихъ, и даже Сибиряки на своихъ вечернихъ бесѣдахъ часто употребляютъ языкъ кочевыхъ сосѣдей своихъ, Якутовъ и Бурятъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго крестьянинъ женится на Татаркѣ или Мордовкѣ, и Россія называетъ своею славою и радостію правнука Негра Ганнибала, тогда какъ свободолюбивые проповѣдники равенства въ Америкѣ отказали бы ему въ правѣ гражданства и даже брака на бѣлоликой дочери прачки Нѣмецкой или Англійскаго мясника. Я знаю, что нашимъ западнымъ сосѣдямъ смиреніе наше кажется униженіемъ; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видѣть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость Германскую, надѣясь найти въ нихъ защиту отъ вліянія иноземнаго и будущее развитіе гражданской свободы (на манеръ Англійскій) и проч. и проч. Но чуждая стихія не срастется съ духовнымъ складомъ Славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратства и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братіею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно. Но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и неумирающая: зародышъ будущей жизни міровой—не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ, труженникъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію.

Но самая способность сочувствовать всѣмъ видамъ человѣческаго развитія, принимать впечатлѣнія внѣшнія и сживаться съ жизнью иноплеменниковъ лишаетъ земледѣльца упорнаго характера личности, неизмѣнно сохраняющей свои первоначальныя черты. Борьба ихъ противъ стихіи менѣе уступчивой и менѣе гибкой кончается почти всегда уступкою врожденныхъ, коренныхъ стихій. Тотъ, кто охотно говоритъ на языкѣ чужомъ, охотно забываетъ свой собственный языкъ. Тотъ, кто принялъ языкъ чужой, принялъ въ себя волшебную силу чужой мысли, воплотившейся въ звуки: онъ отдалъ душу свою подъ вѣчную опеку; онъ заковалъ ее въ невидимую, но неразторгаемую цѣпь; онъ схоронилъ всю свою старую жизнь, нравственную, умственную и бытовую.

Изъ этого можно заключить о нелѣпости системы, заставляющей теперешнее Славянство возникнуть изъ перерожденія Германца, Финна или Турка въ Славянина. Я уже упомянулъ объ ней, какъ противной всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и всѣму свидѣтельству современнаго міра: ясно, что она точно также противна апріористическимъ выводамъ здравой критики исторической. Еще разъ долженъ я напомнить, что весь Сѣверовостокъ Германіи до Эльбы былъ Славянскій на памяти человѣческой, что завоеваніе Германское не могло быть и, какъ извѣстно, не было истребленіемъ народа, но порабщеніемъ его; а между тѣмъ гдѣ же слѣды Славянства? Ихъ почти нѣтъ. Не прошло еще ста лѣтъ тому, какъ въ землѣ Старогрaдской (Altenburg) складывали пѣсни Славянскія, а теперь и ученые тамошніе не въ состояніи ихъ понять. Все народонаселеніе переродилось, и теперь не вѣрилось бы Славянству всего края, если бы память объ немъ не была такъ свѣжа. А этотъ край цѣлая треть Германіи и болѣе. Гдѣ слѣды Славянства въ землѣ Венетской на Западъ Адріатическаго моря? Урочища хранятъ старыя имена. Трупъ гордой Венеціи своимъ именемъ свидѣтельствуетъ о Славянскомъ грунтѣ, на которомъ она выросла; но живыхъ остатковъ старожиловъ не ищите. Государство Чеховъ, оспоривавшее первенство у Австріи и долго сохранявшее свое правленіе по волѣ, старинѣ и обычаю, до половины онѣмечилось и спасается теперь только случайнымъ пробужденіемъ Славянскаго духа. Босняцкіе родичи или бояре хвалятся тѣмъ, что они-то и есть настоящіе Турки. Молдавія и Валахія говорятъ какимъ-то нарѣчіемъ, похожимъ на Романскія, между тѣмъ какъ всѣ имена мѣстныя и особенно церковно-служебный языкъ показываютъ древнее преобладаніе Славянской стихіи. Между тѣмъ, Финнъ, Татаринъ и Нѣмецъ на землѣ Русской хранятъ свой бытъ, свою физіономію и свой языкъ. Вотъ факты ясные и согласные съ теоріею.

Отнынѣ впередъ смѣшно и нелѣпо будетъ говорить о переливѣ чужаго племени въ Славянскую форму; и когда будущій критикъ найдетъ слѣды Славянства ясные въ именахъ урочищъ, рѣкъ, городовъ и прочемъ, въ странахъ, не представляющихъ другихъ Славянскихъ примѣтъ, онъ не позволитъ себѣ пустаго вопроса; „Какъ могли они переродиться?“ Они переродились въ Вандеѣ, какъ въ восточной Ломбардіи; они переродились въ Этруріи, какъ въ Альтенбургѣ, въ Провансѣ, какъ въ Саксоніи и Брауншвейгѣ. Они переродились потому, что таковъ ихъ характеръ плебейскій, труженическій, чисто-человѣческій, готовый ко всякому развитію, способный воспріять всякую форму, но не охваченный еще рѣзкою чертою личности неизмѣнной.

Племя земледѣльческое, отказавшись отъ своей народности для народности племени завоевательнаго, имѣетъ со своей стороны на него вліяніе. Примѣръ: онѣмеченные Славяне и др.

Изъ того, что народъ земледѣльческій легко принимаетъ весь образъ своихъ завоевателей и уступаетъ имъ отличительныя черты собственнаго быта, не должно думать, чтобы духъ народный погибалъ безъ слѣда. Этотъ слѣдъ теменъ и неусмотримъ въ подробностяхъ. Нѣтъ фактовъ отдѣльныхъ, изъ которыхъ бы можно воскресить старину; но дѣйствительно не все изчезло безъ пользы для міра. Человѣкъ, увлеченный силою мысли чужой или энергіей чужого направленія, не вполнѣ еще теряетъ свою собственную дѣятельность. Чужая мысль, имъ воспринятая и передѣланная, получаетъ новые оттѣнки, зависящіе отъ его личности. Ладъ мысли собственной сливается съ пріобрѣтенною; строй души сообщаетъ новому употребленію силъ ея особенное направленіе, въ которомъ примиряются склонности врожденныя и страсти привитыя. Для человѣчества проявляется лицо новое, котораго дѣятельность часто приноситъ богатые и здоровые плоды.

Таковъ былъ Египетъ послѣ эллинизаціи: онъ обогатилъ науку Неоплатонизмомъ, явленіемъ полезнымъ во многихъ отношеніяхъ. Таково смѣшеніе Голландскихъ поселеній съ массою Англійскихъ колоній за Атлантическимъ океаномъ: отъ него многіе штаты получили особенный характеръ, который до сихъ поръ составляетъ едва ли не лучшую сторону Сѣверо-Американской республики. Такова, наконецъ, вся сѣверо-восточная Германія, именно та часть Германіи, на которую Нѣмцы глядятъ съ благодарностью за прошедшіе подвиги, съ надеждою на будущіе. Вглядитесь въ Пруссію, въ Поморье Балтики, во всю страну до-Эльбскую. Узнàете ли вы направленіе аристократическое Германцевъ въ демократизмѣ Прусскомъ? Узнаете ли вы Германское рыцарство въ торговой Ганзѣ, которой вольные города владѣли морями и правили судьбой Даніи и Швеціи, также какъ въ старину Славянскія племена этаго берега нѣсколько времени держали подъ своею строгою опекою воинственныхъ Скандинавовъ (по признанію древнихъ хроникъ и между прочимъ компилатора Саксона)? Узнáете ли вы характеръ

Германскій въ республиканскомъ устройствѣ союзниковъ древняго нашего Новгорода? Въ собственной Германіи есть ли хоть что нибудь похожаго на это торжество мирныхъ началъ? За то и теперь, когда Поморяне забыли, что они были отраслью семьи Славянской, у нихъ еще живетъ Вендскій духъ труда и торговли. У нихъ еще Нѣмецъ южный учится тайнамъ просвѣщеннаго земледѣлія, также какъ въ старину Германецъ занималъ отъ Славянъ всѣ слова, касающіяся земледѣлія, и многія слова, принадлежащія къ домохозяйству. Вглядитесь въ нынѣшнюю жизнь людей, и вы поймете, почему Ганза была въ дружбѣ съ Псковомъ и Новгородомъ, почему пословица о Новгородскомъ могуществѣ гордо повторялась въ городахъ Нѣмецкихъ, почему Любчане были милыми гостями въ нашихъ торговыхъ столицахъ, а наши купцы были приняты въ Любекѣ (Любичѣ), какъ братья родные. Вглядитесь въ старину, и вамъ ясны будутъ прекрасные результаты Славянскаго, чисто-человѣческаго начала, воспринятаго завоевательнымъ духомъ Германцевъ и согрѣтаго ихъ дѣятельною энергіей.

Возвратъ отъ современнаго къ прошедшему представляетъ еще слѣдующій выводъ. Чистыхъ Германцевъ въ Германіи, за вычетомъ Славянской части, и Германцевъ внѣ Германіи, по вѣроятному исчисленію дружинъ Франкскихъ, Готѳскихъ, Бургундскихъ и пр., перешедшихъ за Рейнъ, за Альпы и за море, невозможно насчитать болѣе 75 милліоновъ. Чистыхъ Славянъ въ наше время болѣе этого числа. Примемъ въ соображеніе несчастное положеніе племенъ Славянскихъ, выдержавшихъ безпрестанные напоры Азіи и купившихъ своею кровію спасеніе Европы отъ натиска Турокъ, Монголовъ и народовъ Скиѳскихъ. Вспомнимъ всю эту трагическую судьбу, эту страдальческую жизнь въ Россіи, Венгріи, Сербіи и Иллиріи, наконецъ вездѣ, гдѣ только есть Славяне современные; прибавимъ къ расчету нашему земли безспорно-Славянскія, сдѣлавшіяся Нѣмецкими или Итальянскими, и намъ представится ясно и несомнѣнно огромное числительное превосходство семьи Славянской надъ Германскою и Кельтическою въ вѣка глубокой древности. Всѣ эти выводы, согласуясь съ безконечными слѣдами Славянства на самыхъ дальнихъ краяхъ Западной Европы, сливаются въ одинъ окончательный выводъ, уже нѣсколько разъ повторенный мною. — Да отчего же древніе не говорятъ о старожилахъ Запада? Древніе, говоря о народѣ, всегда подразумѣваютъ правящую и державную касту. Кто станетъ говорить о рабахъ? Или лучше, древніе безпрестанно говорятъ объ нихъ; но мы принимаемъ имя народа угнетеннаго за имя состоянія, до котораго онъ былъ униженъ.

Стремленіе къ свободѣ побуждаетъ завоеванныхъ перерождаться въ народность побѣдителей.

Есть въ душѣ человѣческой неизгладимое чувство гордости,—гордости, которая призываетъ человѣка подниматься выше состоянія даннаго ему судьбою. Оно не равносильно во всѣхъ людяхъ и во всѣхъ народахъ, но оно присутствуетъ въ каждомъ народѣ. Много надобно страданій и уничиженія, чтобы усыпить надолго эту страсть въ цѣломъ многочисленномъ сословіи. Къ счастію человѣчества, примѣры людей, которые, подобно Индійскимъ Паріямъ, безропотно носятъ тяжелое иго презрѣнія и рабства, весьма рѣдки, и даже можно предположить, что кромѣ ложнаго направленія чувства вѣры ничто не можетъ дать такого ужаснаго результата. Народы же нѣсколько образованные, принявъ надъ собою власть чужую, насильственную, стараются или свергнуть ее, или сравняться съ побѣдителями посредствомъ сдѣлокъ мирныхъ и постепенныхъ. Къ первому средству склоннѣе племена, имѣющія рѣзкую и неуклончивую личность, ко второму — племена, сохранившія первоначальную способность принимать всякую форму развитія и всякое умственное направленіе.

Такъ Славяне Прусскіе онѣмечились, а все полу-Финское крестьянство Остзейскихъ нашихъ губерній сохранило свою физіономію, нравы и языкъ по неспособности къ принятію чужаго образа или по предпочтенію своебытной народности въ рабствѣ — свободѣ, купленной подражаніемъ угнетателямъ-врагамъ.

Условія перерожденія народовъ: 1-е) нравственное обаяніе, а не числительный перевѣсъ побѣдителей; 2-е) возможность сближенія, обусловленная сродствомъ народностей и степенью общественнаго равенства побѣжденныхъ съ побѣдителями. Нѣкоторые примѣры, между прочимъ изъ исторіи Англіи.

Очевидно, что, при перерожденіи народа или при поглощеніи его личности, числительное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ ничего не значитъ. Милліоны могутъ уступить тысячамъ свою умственную и нравственную жизнь, такъ же какъ они уступаютъ имъ свою политическую и гражданскую свободу. Законамъ вещественнымъ излишней важности приписывать не должно.

Горсть Римлянъ завоевала Галлію и Иберію (Гишпанію), и скоро не осталось почти ни малѣйшаго слѣда чисто-Кельтскаго или Иберскаго, особенно въ Югѣ Галліи и въ Востокѣ Гишпаніи. Блескъ просвѣщенія, слава имени Римскаго, величіе государственнаго устройства, однимъ словомъ все, чѣмъ могъ гордиться Римлянинъ, соединилось, чтобы заманить коренныхъ жителей къ подражанію своимъ новымъ властелинамъ. Полнѣйшее перерожденіе нѣкоторыхъ частей западныхъ областей имперіи можно приписать съ вѣроятностью характеру ихъ населенія. Иберецъ, какъ старожилъ мирный, вѣроятно представлялъ туже способность подражанія, какъ и Вендъ-Славянинъ, котораго мы прослѣдили отъ Альповъ Лигурійскихъ до Пиринеевъ и Океана. Этимъ гораздо лучше объясняется высокая степень просвѣщенія, до котораго достигли восточная Гишпанія и южная Галлія, чѣмъ всѣми догадками извѣстныхъ мнѣ писателей. Стихія Кельтская была весьма слаба на Югѣ отъ горъ Оверни. Большая часть народа, т.-е. весь классъ тружениковъ, завоеванныхъ Кельтами, говорилъ языкомъ близкимъ къ языку Италіи, принадлежалъ къ одной и той же отрасли человѣческой семьи, сочувствовалъ съ ладомъ Эллино-Римскаго ума и не дорожилъ народностью своею. Можетъ быть, Кельтъ въ самой Галліи былъ болѣе чуждъ землѣ, на которой онъ жилъ, чѣмъ легіоны Кесаря; безспорно онъ былъ болѣе ихъ чуждъ народной почвѣ, на которой легло Кельтическое наслоеніе. Ни одинъ наблюдатель, даже пристрастный, даже враждебный моему мнѣнію, не отвергнетъ этого яснаго факта: сѣверная Галлія никогда не теряла вполнѣ своей народности, южная сдѣлалась совершеннымъ продолженіемъ Италіи. Но этотъ фактъ совершенно согласенъ съ прочими нашими историческими данными и съ ихъ общимъ выводомъ. Горная же Гишпанія уцѣлѣла по свойству всѣхъ горныхъ странъ служить убѣжищемъ гонимымъ племенамъ.

Перерожденіе тѣмъ легче и тѣмъ полнѣе, чѣмъ ближе другъ другу характеры побѣдителей и побѣжденныхъ. Пруссія и Поморье Славянское приняли всѣ формы жизни Нѣмецкой, а полу-Финское населеніе Остзейскихъ губерній борется упорно и безъ уступокъ противъ вліянія Германіи, поочередно представленной рыцарями, Даніею и Швеціею. Стихіи Германскія и Эллино-Римскія легче сплавлялись другъ съ другомъ чѣмъ съ Кельтическимъ или вообще Азіатскимъ началомъ... Такихъ истинъ доказывать не нужно: объ нихъ споръ невозможенъ.

Но должно вспомнить, что власть и сила недостаточны для перерожденія племени побѣжденнаго. Благородная гордость человѣка тогда только мирится съ его повелителемъ, когда видитъ въ немъ существо достойное власти. Побѣдители просвѣщенные всегда находятъ подданныхъ покорныхъ и готовыхъ промѣнять преданіе своей грубой старины на новые примѣры лучшей жизни. Такъ Западъ Европы принимаетъ весь бытъ Римскій, между тѣмъ какъ Эллада и Востокъ, болѣе просвѣщенные, чѣмъ самые Римляне, налагаютъ свою умственную печать на своихъ завоевателей.

Впрочемъ власть Римская была легка: она уничтожала самобытность государствъ и враждовала противъ политической свободы, но оставляла людямъ ихъ свободу личную. Народъ подчиненный, но не лишенный правъ личныхъ, охотнѣе переходитъ къ нравамъ и обычаямъ преобладающаго племени, чѣмъ тотъ, который обращенъ въ состояніе непосредственнаго вассальства; вассалъ—охотнѣе, чѣмъ приписной къ землѣ; приписной къ землѣ—охотнѣе, чѣмъ рабъ. Чѣмъ разстояніе между подручникомъ и властителемъ меньше, тѣмъ возможнѣе соперничество и соревнованіе, которое служитъ тайнымъ двигателемъ подражанія. Рабъ не можетъ ни подражать, ни усовершенствоваться, ни даже желать усовершенствованія: онъ можетъ только ненавидѣть и мстить за свою обиду, за свои страданія и за нарушеніе всякой человѣческой правды въ его лицѣ.

Если бы въ С. Доминго Негры были вольные, они приняли бы языкъ и обычаи и весь бытъ Французовъ. Это доказывается ихъ теперешнимъ обезьяничествомъ. Вырвавшись изъ рабства, они перерѣзали тѣхъ, которымъ стали бы поклоняться, если бы не носили такъ долго ярма, наложеннаго наглымъ насиліемъ на беззащитную слабость. Всякая революція въ себѣ предполагаетъ предшествовавшее беззаконіе. Взрывъ страсти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ужаснѣе было иго, противъ котораго она возстаетъ. Преступленіе ея и жестокость необходимо обусловлены преступленіемъ и жестокостью власти, и нисколько не зависятъ отъ трудностей и опасности самой борьбы. Кровь лилась во всѣхъ концахъ Англіи во время войны Карла I-го и Длиннаго Парламента; плахи свидѣтельствовали о мщеніи народномъ. Революція воцарилась во Франціи безъ боя и безъ сопротивленія, кромѣ Вандеи; а между тѣмъ убійства Сентябрскія, Ліонскія разстрѣливанія, Нантскія утопленія и всякая подробность, всякій день, почти всякій часъ несчастныхъ годовъ отъ 92-го до 94-го будутъ храниться въ лѣтописяхъ человѣчества, какъ воспоминанія ненавистныя и отвратительныя, и сама Франція будетъ еще долго носить клеймо стыда за все то, что́ она сдѣлала, и за все то, что́ она терпѣла. Я знаю, что законы до-революціонные далеко не объясняютъ ужасовъ ея; но законъ — буква и слово мертвое, а разгадка въ жизненномъ обычаѣ страны. Гордость презирающая угнетала, гордость униженная мстила, и не должно забывать, что оплеуха тяжелѣе сабельнаго удара. Преступленіе противу гражданственности объясняется предшествовавшимъ преступленіемъ противу человѣчества. Le vilain имѣлъ право мстить. Онъ могъ бы простить, да зачѣмъ? Его этому не учили.

При смѣшеніи разнородныхъ началъ и появленіи новыхъ сложныхъ народовъ дѣйствуютъ тѣже самые законы, какъ и при поглощеніи одной личности другою. Преобладаніе котораго нибудь начала весьма часто не опредѣляется числительнымъ отношеніемъ пришельцевъ къ старожиламъ. Такъ, напр., вліяніе Норманновъ на общій составъ Англійскаго языка и государства весьма значительно, между тѣмъ какъ количество Норманновъ было ничтожно. Сами же Норманны были уже племя смѣшанное, не имѣвшее самобытности истинной. Но историки завоеванія, кажется, изъ вида упустили несомнѣнное присутствіе полу-Римскаго населенія въ Англійскихъ городахъ и сочувствіе его съ товарищами Вильгельма, говорившими нарѣчіемъ Романскимъ.—Власть и энергія, данныя побѣдою, также недостаточны для объясненія подобныхъ явленій; ибо все Германское совершенно исчезло въ смѣшеніи Франковъ съ полу-Римскимъ населеніемъ Галліи, кромѣ гордости и крутаго нрава, свойственнаго завоевателямъ. Точно также характеръ Туранцевъ, наводнившихъ Иранъ, мало-по-малу исчезаетъ передъ силою просвѣщенія, издревле принадлежавшаго старожиламъ Мидійскаго племени. Кажется, почти во всѣхъ случаяхъ дѣятельность умственная есть главнѣйшее условіе, опредѣляющее относительное вліяніе племенныхъ началъ при ихъ сліяніи въ форму народа или государства.

Тайная борьба мысли и жизни внутренней въ обществахъ, составленныхъ изъ двухъ или болѣе разнородныхъ стихій, часто уходитъ отъ самаго наблюдательнаго взора; но въ тоже время она представляетъ факты поучительные и открывающіе намъ законы, еще неизвѣстные, гармоніи звуковъ, мысли, быта и стремленій человѣческихъ. До сихъ поръ никто не изслѣдовалъ въ этомъ отношеніи исторію Англіи, Англіи не политической, не литературной, не мыслящей, но Англіи въ полнотѣ всѣхъ ея силъ. Разверните Шекспира и его современниковъ, потомъ Мильтона и Попа; сочтите слова, раздѣленныя по ихъ этимологіямъ, обороты по ихъ коренному началу синтаксическому и мысли по ихъ характеристическимъ источникамъ, и сравните обѣ эпохи. Тотъ же ли это языкъ, таже ли эта жизнь умственная, таже ли эта земля? Куда дѣвались смѣлые германизмы, самобытность сѣвернаго нарѣчія, самобытность свободной мысли, живой разгулъ фантазіи? Куда слова Саксонскаго языка, жесткія, крутыя, краткія, энергическія, не окованныя цѣпью мертваго риторства, не заклейменныя вялою словесностью умирающаго Рима, не выбитыя книжными отшельниками въ ихъ педантскихъ лабораторіяхъ? Все это исчезло. Изо ста словъ языка Спенсера или Шекспира едва ли не 75 древне-Саксонскихъ; изо ста словъ въ Мильтонѣ и Попѣ едва ли не 75 Латинскихъ и Романскихъ. Такое поочередное преобладаніе одной стихіи нельзя объяснить хронологическимъ порядкомъ писателей; ибо позднѣйшая литература, именно богатая эпоха нашихъ Англійскихъ современниковъ, гораздо ближе къ своимъ древнимъ предшественникамъ, чѣмъ вѣкъ Карла II-го и Анны. Можно замѣтить, что всегда презрѣніе къ формамъ мысли романтической (въ этомъ случаѣ — Германскаго Христіанства) проявляется въ одной мѣрѣ съ презрѣніемъ къ Саксонскому архаизму и съ стремленіемъ къ подражательному лжеклассицизму въ смыслѣ и словѣ. Если сравнить бытъ политическій этихъ временъ, то сличеніе дастъ тѣже самые результаты. Славное правленіе Елисаветы обличаетъ стремленіе болѣе согласное съ духомъ государствъ новѣйшихъ, чѣмъ царствованія Карла и Анны; а въ нашъ вѣкъ замѣтенъ опять возвратъ къ преданіямъ или, лучше сказать, инстинктамъ самобытной старины Англо-Саксонской. Но кромѣ этого поочереднаго преобладанія двухъ началъ въ развитіи историческомъ, можно еще замѣтить ихъ вліяніе на лица современныя и правильное соотношеніе между формами языка и формою мысли у Мура, Скотта, Байрона, Кольриджа и другихъ, смотря по ихъ духовному ладу. Способъ критическій, предлагаемый мною для гармоническаго изображенія всѣхъ явленій жизни великаго народа Англійскаго, наведетъ на заключенія новыя и поможетъ намъ всмотрѣться глубже во внутреннюю дѣятельность человѣческихъ обществъ. Мало государствъ представляютъ столько данныхъ для такой анатоміи, сколько Англія; но знаніе, пріобрѣтенное сличеніемъ этихъ данныхъ въ одномъ случаѣ, поможетъ намъ понять и тѣ явленія въ другихъ государствахъ, которыя остаются неразгаданными по недостатку литературныхъ, историческихъ и бытовыхъ памятниковъ.

Можетъ быть, сильное дѣйствіе малообразованныхъ Норманновъ на Саксонское населеніе, которое, по мнѣнію многихъ, было просвѣщеннѣе своихъ завоевателей, покажется противнымъ правиламъ, выше изложеннымъ мною; но, во-первыхъ, это превосходство Саксонцевъ весьма сомнительно; во-вторыхъ, Норманны, основывая государство отдѣльное, не отторгались отъ мысленнаго Романскаго союза и, слѣдственно, дѣйствовали не собственною силою, а силою всей системы западной, между тѣмъ какъ старые Англы были совершенно оторваны отъ своей Германской семьи; и наконецъ, вліяніе Норманновъ было подкрѣплено всѣмъ могуществомъ церкви западной, имѣвшей устройство болѣе политическое, чѣмъ духовное, и порядокъ болѣе боевой, чѣмъ соборный. Стремленіе Саксонцевъ къ независимости отъ іерархіи Римской и благосклонность Римскаго престола къ беззаконію Вильгельма и его преемниковъ извѣстны и не требуютъ доказательствъ.

Съ другой стороны, народы земледѣльческіе, имѣющіе крѣпкое логическое устройство государственное, поглощаютъ своихъ завоевателей, особенно когда стихіи ихъ разнородныя. — Примѣръ: Китай въ отношеніи къ Монголамъ и Манжурамъ.

Народы земледѣльческіе, какъ выше сказано, болѣе подвержены завоеванію внѣшнему, порабощенію и перерожденію; потому самому, что въ нихъ болѣе общечеловѣческаго начала, чѣмъ рѣзкой личности племенъ воинственныхъ. Исключенія изъ этого общаго правила встрѣчаются во многихъ случаяхъ и требуютъ особенныхъ поясненій. Во-первыхъ, говоря о народѣ побѣжденномъ, еще не принимали мы въ соображеніе государства, развитаго логически изъ коренныхъ стремленій самаго племени и, слѣдственно, получающаго отъ нихъ и дающаго имъ вѣковѣчную твердость; во-вторыхъ, говоря о побѣдителяхъ, мы не различали между движеніемъ одной завоевательной семьи, которой энергія непреодолима, и потопомъ разноначальныхъ народовъ, увлеченныхъ внѣшнею силою. Дѣйствіе ихъ разрушительно и обширно, но непродолжительно.

Такъ держава Чингиса, сокрушившая всю Азію, сама весьма скоро распалась на части; а Китай земледѣльческій, но устроенный государственно и логически на высокихъ и самобытныхъ началахъ, пересоздалъ своихъ завоевателей, далъ дикому Монголу духъ и направленіе чисто-Китайскіе. Этому служатъ великолѣпнымъ свидѣтельствомъ гидравлическія и общеполезныя работы Монгольской династіи. Хотя наводненіе Монгольскихъ полчищъ захватило почти всю Азію, но видно изъ его осадковъ, что число Монголовъ настоящихъ было весьма незначительно. Сорокавѣковой Китай, исполинское зданіе политической односторонней страсти, произвелъ на Монгола, Манжура и на всѣхъ своихъ завоевателей тоже самое впечатлѣніе, которымъ проникнутъ путешественникъ Европейскій, вступившій въ безконечную глубину гранитныхъ храмовъ древняго строителя—Кушита. Странны линіи строенія, уродливы украшенія, нелѣпо божество, царствующее во храмѣ; но трепетъ невольный уничтожаетъ зрителя и даетъ ему чувствовать всю ничтожность его бѣдной личности. Таково волшебство твореній односторонней силы племени первобытнаго. Таковъ Китай и его дѣйствіе на кочевыя толпы верхне-Азійскія. Государственность стройная есть уже просвѣщеніе, и просвѣщеніе высокое: оно должно было уничтожить нестройную дѣятельность всякой воинственной орды. Государственность строгая есть слава, и слава достойная значенія человѣческой природы: она должна была дать побѣжденному твердость въ борьбѣ духовной и доставить ему окончательное торжество. Но Славянскія племена долго сохраняли привязанность къ простотѣ быта семейнаго и какое-то отвращеніе отъ соединенія въ большія благоустроенныя массы; просвѣщеніе ихъ, хотя безспорно высшее, чѣмъ грубое невѣжество Германца и Кельта, не имѣло истинной энергіи, а общественное устройство было безсвязно и непрочно; они должны были слиться съ пришельцами или совершенно переродиться по ихъ образцу.

Мы видѣли при столкновеніи Китайскаго и верхне-Азійскаго начáла всю силу Китайской государственности; она покорила себѣ характеръ новаго правленія, но упрямое сопротивленіе воинственнаго духа сохранило неприкосновенною личность народовъ Монгольскаго и Манжурскаго. Монголы изгнаны и покорены. Манжуры изгонятся или уничтожатся; но во всякомъ случаѣ должно отдать справедливость могуществу ихъ кореннаго направленія, не смотря на его измѣненіе новою религіозною стихіею.

Совокупность дѣйствія составныхъ стихій народа, взаимныя ихъ уступки и совоплощеніе.—Примѣръ: характеръ Французскаго народа.

Въ эпоху внутренняго боренія народовъ смѣшанныхъ, всѣ стороны жизни духовной дѣйствуютъ въ совокупности, единовременно или поочередно. Результаты боренія должны быть разнообразны и непредвидимы. Одно племя, поглощая другое почти безъ слѣда, въ тоже время можетъ утратить часть своего характера и принять многія черты отъ уничтоженной личности. Это тайная сдѣлка, которой примѣры не рѣдки: смѣшеніе народовъ есть не что иное, какъ произведеніе взаимныхъ уступокъ и взаимныхъ пріобрѣтеній. Но хотя всѣ эти явленія кажутся опредѣленными и доступными наблюдательному взору, хотя они повинуются какимъ-то законамъ яснымъ и формальнымъ,—духъ жизни проникаетъ всѣ части великаго цѣлаго, духъ свободы человѣческой присутствуетъ при каждомъ внутреннемъ движеніи общества, и потому трудъ критика, который бы вздумалъ разложить существующее на составныя части, взятыя цѣликомъ изъ прошедшаго, былъ бы безполезенъ и смѣшонъ. Мелочная кропотливость, гоняющаяся за всѣми подробностями, теряетъ изъ виду общій объемъ народныхъ физіономій и затемняетъ всякую истину историческую.

Вѣтреная самоувѣренность Кельта, гордое аристократство Германца и бытовая сухость Римскаго характера слились въ одно въ составѣ Француза; но кто возмется отдѣлить каждое начало и прослѣдить его въ сложныхъ явленіяхъ общественной жизни Франціи? Врагъ всякой власти формальной и постоянной, Французъ не можетъ жить безъ самоизбранной власти, которая управляла бы его мыслями и напередъ опредѣляла, какъ ему думать и дѣйствовать [1]. Ему нуженъ авторитетъ (autorité), кумиръ, которому онъ могъ бы поклоняться, или оракулъ, который избавилъ бы отъ умственнаго труда. Не трогайте Аристотелева ученія, не то студенты Парижскаго университета [2] сожгутъ васъ. Послѣ того не касайтесь имени Наполеона, не то васъ закидаетъ каменьями тотъ самый народъ, который отрекся отъ него въ 14-мъ году и бросилъ почти безъ боя въ 15-мъ. И теперь не признавайте никакого положительнаго правила, никакого глубокаго чувства, никакой святой истины: вы для Француза будете un homme très-fort. Но попробуйте возстать противъ лицъ, не признавайте величія того имени, которое написано на знамени какой-нибудь партіи, Французъ взглянетъ на васъ косо и отойдетъ: вы для него непонятны. Отсутствіе всякой художественности, всякаго поэтическаго начала отличаетъ Француза отъ всѣхъ Европейцевъ; сухость мысли, мертвая условность, поглотившая всѣ лучшія стремленія души, скудость фантазіи, безчувственность къ стройному и прекрасному, ясно свидѣтельствуютъ о вліяніи древняго Рима, совершеннѣйшаго представителя вещественной силы, холоднаго расчета и положительной выгоды. Между тѣмъ, способность къ увлеченію, безразсудный порывъ за всякимъ блескомъ, истиннымъ или ложнымъ, отнимаютъ у Франціи характеръ постоянства и величія, которымъ Римъ запечатлѣлъ всѣ свои дѣла и лѣтописи своей славы. Много-страдавшая, часто побѣжденная, долго рабствовавшая у пришельцевъ южныхъ и восточныхъ, Франція пріобрѣла благородное сочувствіе къ страданіямъ другихъ народовъ; но въ тоже время гордость завоевателя Германца и самодовольное чванство Кельта не позволяютъ ей ни изучить, ни понять ничего чужаго. Отъ этого ея сочувствіе безсмысленно, непродолжительно и безплодно. При всѣхъ недостаткахъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ Галла, Римлянина и безнравственнаго Франка, сила такихъ стихій не могла произвести цѣлаго ничтожнаго или незначительнаго для исторіи человѣчества. Франція занимаетъ въ ней мѣсто почетное и превосходитъ почти всѣ другія страны міра разнообразіемъ и многосторонностію своихъ стремленій. Поэтому самому невозможно ее разложить на составныя начáла; ибо, какъ я уже сказалъ, наслоеніе человѣческихъ породъ не повинуется законамъ механики, но производитъ личность новую и, слѣдственно, новое свободное развитіе духовной жизни. За всѣмъ тѣмъ, нельзя не замѣтить разительной разницы между составными частями Франціи. Югъ и Западъ ея отличаются своимъ характеромъ отъ Востока и Сѣвера. Бытъ дикаря Франка, бытъ зáмковъ и укрѣпленныхъ гнѣздъ насилія постоянно преобладаетъ во всѣхъ областяхъ по сю сторону Луары и Овернскихъ горъ, кромѣ самобытной Бретани. Сподвижники Хлодовига (Clovis) были безспорно самые отвратительные выходцы изъ лѣсовъ Германіи: грабители, клятвопреступники, люди безъ души и безъ сердца, люди заклейменные всею мерзостью разврата, люди со всѣми пороками и почти безъ всякихъ добродѣтелей. Но желѣзная воля Германца, воспитанная и закаленная въ постоянной борьбѣ съ легіонами Рима, не являлась ни въ одномъ племени съ такою энергіею, какъ во Франкахъ. Можетъ быть, если бы царь Вестготѳовъ во время Хлодовига былъ не изнѣженый сибаритъ, а мужъ силы и доблести, какъ Ѳеодорикъ Великій (Дитрихъ), иная бы была участь провинцій Галлійскихъ. Готѳы были борцы равносильные Франкамъ; но послѣ паденія до-Пиренейскаго царства Вестотѳовъ, сѣверныя области должны были надолго управлять судьбою Франціи и налагать на нее печать своего характера. Такъ и было. Тотъ, кто прочелъ исторію первой династіи, свидѣтельства ея лѣтописцевъ и показанія современныхъ чужеземцевъ, признаетъ истину характера, приписаннаго нами Меровингамъ и ихъ дружинамъ. Тотъ, кто сколько нибудь вглядѣлся въ первые законы и первое устройство Франціи, не могъ не замѣтить преобладанія дикой личности, враждебной общежительности и городовому устройству. Въ это время нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы прослѣдить внутреннюю жизнь западныхъ областей между Луарою и Гаронною; для насъ довольно современнаго наблюденія и свидѣтельствъ, разбросанныхъ въ запискахъ разныхъ эпохъ, чтобы понять, какъ кроткій и человѣческій характеръ Венедовъ, Антовъ и другихъ народовъ Славянскихъ смягчилъ свирѣпую власть Франка и ввелъ тотъ патріархальный бытъ, въ которомъ владѣлецъ-тиранъ сдѣлался покровителемъ, рабъ сдѣлался труженникомъ добровольнымъ, и цѣпь любви связала правителей и подвластныхъ. Вотъ объясненіе Вандеи и характера, съ которымъ она явилась во время революціи. Но вліяніе западныхъ областей на судьбу Франціи было почти ничтожно. Югъ, т. е. берега Роны и Средиземнаго моря и предгоріе Пиренейское за Гаронною, одинъ соперничествовалъ и противодѣйствовалъ сѣверному Франку.

---

[1] Писано за много лѣтъ до Февральской республики и Наполеона III. *Изд.*

[2] Авторъ говоритъ, разумѣется, о временахъ старой Сорбонны. *Изд.*

Кромѣ Готѳа тутъ является Бургундецъ, племя, на которое мало обращали вниманія писатели ученаго Запада. Самое имя Бургундцевъ требуетъ поясненій и можетъ навести на заключенія новыя. Это Германецъ-горожанинъ, сочетаніе словъ непонятное въ такое время, когда Германцевъ-горожанъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Дѣйствительно, Турокъ или Германецъ или Монголъ-горожанинъ въ древности точно такая же безсмыслица, какъ въ наше время Готтентотъ или краснокожій-градостроитель. Это фактъ безспорный, если есть хотя малѣйшій смыслъ въ исторіи, хотя искра правды въ сказаніяхъ Римлянъ и Грековъ объ Европѣ, Иранцевъ и Китайцевъ объ Азіи. Между тѣмъ, мы уже видѣли примѣръ Турка, живущаго въ городахъ, и городахъ богатыхъ и торговыхъ, т. е.

Булгара-властелина въ землѣ Волжскихъ Саклабовъ (Славянъ), и разгадали эту простую загадку. Объясненіе Бургундскаго имени точно также просто. Племя это, какъ извѣстно, составлено изъ двухъ началъ: изъ колонизированныхъ Германцевъ, которые во время общаго волненія народовъ бросили свои невольныя жилища и ворвались въ южныя области, и изъ отдѣльнаго поколѣнія Бургундцевъ, т. е. горожанъ, жившихъ около Одера въ Славянскомъ поморьѣ. Первые были плѣнники Римскихъ укрѣпленныхъ лагерей при Рейнѣ, другіе были хозяева чужихъ, Вендскихъ городовъ на Балтійскомъ берегѣ, въ землѣ, ими завоеванной, но землѣ искони Славянской и торговой. Такимъ образомъ исчезаетъ мнимое противорѣчіе между именемъ Бургундцевъ и извѣстными нравами Германскаго племени. Стародавнее существованіе городовъ въ поморьѣ Прусскомъ доказано многими древними свидѣтельствами и въ особенности Птоломеемъ. Критики Нѣмецкіе признали это существованіе; но, во-первыхъ, не связали съ нимъ имени Бургундцевъ, хотя находятъ первобытное жилище ихъ при устьяхъ Одера; во-вторыхъ, напали на несчастную мысль приписать строеніе торговыхъ мѣстъ выселенцамъ изъ Галліи, Кельтамъ при-Вислянскимъ. Я не спорю, что Кельты были при Вислѣ; думаю даже, что примѣсь Кельтовъ дала отчасти Ляхамъ не-Славянскій характеръ теперешнихъ Поляковъ, ихъ родовое чванство и неспособность къ сочувствію съ великою семьею ихъ братьевъ, западныхъ Чеховъ и восточныхъ Руссовъ. Я думаю, что если бы Поляки были чистые Славяне, или по крайней мѣрѣ безъ большой примѣси Кельтовъ, никогда бы Болеславы и ихъ преемники не стали вымаливать у Германскихъ императоровъ позволенія губить и уничтожать своихъ единоплеменниковъ Лютичей, Ободритовъ и Поморянъ; никогда Польша не стала бы противъ общаго Славянскаго дѣла и измѣною своею не рѣшила въ пользу Германцевъ борьбы ихъ съ Славянами въ то время, когда уже болѣе половины Германіи было завоевано и когда Генрихъ II-й (прозванный Святымъ) умиралъ съ горести, видя неизбѣжное паденіе имперіи передъ возставшею силою Славянства. И такъ, я признаю присутствіе Кельтовъ въ землѣ Польской и приписываю ему многія особенности характера и нарѣчія Польскаго (напр. легкомысліе и носовое произношеніе буквы *н*); но во-первыхъ, я не вѣрю тому, чтобы эти Кельты были выходцами Галліи, а полагаю, кажется, съ бо́льшею вѣроятностью, что они были осталыми семьями Кимвровъ (Кумри или Киммеріянъ), одноплеменниковъ Кельтамъ, жившимъ въ мирной черезполосности съ Славянами; во-вторыхъ, не могу предположить безъ ясныхъ доказательствъ градостроителя-Кельта, точно также какъ и Германца. Мы знаемъ, что вездѣ, гдѣ онъ жилъ безъ примѣси, тамъ онъ не заводился городами и совсѣмъ не думалъ о торговлѣ. Это ясно видно изъ описанія сѣверной Галліи и Британіи при Кесарѣ и послѣ него. Всѣ слѣды Кельтовъ и всѣ примѣты ихъ жительства на землѣ Польской далеко отъ моря; а города, по которымъ Германцы назвались Бургундцами, были въ самомъ поморьѣ, гдѣ все отзывается чистымъ Славянствомъ и гдѣ всегда жилъ духъ промышленности и торговли, отъ старины до нашихъ дней. Болѣе объясненій не нужно.—Второе начало Бургундскаго народа было составлено изъ Германцевъ, завоевавшихъ городà Прусскаго, т. е. Славянскаго поморья, и увлеченныхъ въ свою очередь общимъ движеніемъ сѣверныхъ дикарей, или изгнанныхъ местью Славянскою въ годину потока Гунскаго. Какъ бы то ни было, они вышли изъ своихъ временныхъ жилищъ измѣненными въ жизни и въ нравахъ. Въ ихъ языкѣ, на которомъ король назывался *Гендиносъ* и первосвященникъ *Синистъ* (едва ли не thanist, тоже, что́ thane *) видны слѣды Финскаго и Кельтскаго сосѣдства, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ слѣды Славянскаго быта. Искушеніе городской жизни подѣйствовало на грубаго Германца; онъ пришелъ уже къ берегамъ Рейна и Роны, готовый ко всему Римскому и просвѣщенному. Общія же привычки и нѣкоторое согласіе въ обычаяхъ, почерпнутыхъ отъ житья въ лучшихъ общественныхъ формахъ, слили въ одно цѣлое выходцевъ изъ Римскихъ колоній и изъ торговаго поморья Прусскаго. Такимъ образомъ на Югѣ Франціи составилось

---

*) См. Марцеллина: hendinus, sinistus. Первое изъ этихъ названій соотвѣтствуетъ Готскому *kindins* начальникъ (такъ переводится въ Новомъ Завѣтѣ слово *игемонъ*), второе—Готскому *sinista* старшій (πρεσβύτερος, Grimm, deutsche Rechtsalterthümer, 2-ое изд., стр. 229, 267. Съ Англійскимъ *thane* (Англо-Саксон. *thagen*) это слово не имѣетъ сродства. *Изд.*

противодѣйствіе Сѣверу: городъ вступилъ въ борьбу съ замкомъ. Долго сила и могущество воли, отличавшія Франковъ, противились мирному завоеванію просвѣщенія и общежительности, которое медленно двигалось на Сѣверъ изъ земель Бургундскихъ и Готскихъ, отъ Средиземнаго моря, Роны и Пиренеевъ. Между тѣмъ преданія Римской старины, вліяніе мѣстныхъ выгодъ, а можетъ быть и остатки древней торговли Мориновъ и Менапіевъ окружили уже устья Рейна богатыми торговыми городами. Наконецъ, мракъ невѣжества, дикій аристократизмъ и бытъ феодальный уступили началамъ просвѣщенія и человѣчества, — Франція преобразовалась, стихіи перемѣшались и слились въ одну общую дѣятельность. Любопытно было бы слѣдить за такимъ движеніемъ устройства и духа южнаго, распространяющагося по всему царству, за взаимными уступками стихій, до окончательной побѣды просвѣщенія; но замѣчательно, что она искажена безнравственностью первыхъ завоевателей и что въ тоже время неоспоримая энергія ихъ души отзывается въ преобладаніи сѣверныхъ областей надъ южными, въ политическомъ и правительственномъ смыслѣ.

Представляя такимъ образомъ почти неизбѣжное развитіе общества, я въ тоже время упомянулъ о случайности, поставившей на престолъ Франковъ свирѣпую силу Хлодовига и его дѣтей и вручившей судьбу Готѳовъ не рукамъ Ѳеодорика Великаго, но изнѣженнымъ и развратнымъ сибаритамъ. Тутъ нѣтъ противорѣчія. Геніальная душа Картезія (Descartes) была случайность; но развитіе его мысли, перешедшей въ идеализмъ школъ Германскихъ и въ сенсуализмъ философіи Французской, не есть уже случайность, а строгій выводъ изъ противоположнаго характера двухъ сосѣднихъ странъ. Такъ мирится свобода съ логической послѣдовательностію, всякая же исключительность есть односторонность и ложь.

Народы живутъ, находясь подъ преобладаніемъ разныхъ началъ поочередно. — Примѣры: изъ исторіи Франціи, Китая, Персіи и въ особенности Германіи, также изъ современнаго развитія Россіи.

Вообще, гармоническаго развитія искать въ исторіи не должно. Народъ растетъ какъ человѣкъ, подвигаясь не вдругъ по всѣмъ направленіямъ духа, но находясь всегда подъ преобладаніемъ одного какаго-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли. Однакоже преобладаніе одной стороны не есть ни смерть, ни даже совершенное усыпленіе всѣхъ другихъ. Всѣ силы продолжаютъ дѣйствовать незамѣтно на бытъ общества, измѣняя мало-по-малу самое направленіе силы первенствующей временно. Отъ этаго-то и происходитъ весьма обыкновенное явленіе поочередности въ умственномъ или политическомъ стремленіи народовъ и внезапное пробужденіе такихъ началъ, которыя казались совершенно подавленными.

Мы видѣли въ Англіи намеки на это очередное дѣйствіе силъ: мы могли замѣтить тоже самое въ борьбѣ южной и сѣверной Франціи. Прибавимъ еще, что прежде революціи, когда сосредоточенная власть государства уравнивала или скрывала тайное дѣйствіе народныхъ стихій, никто не могъ угадать продолжающуюся борьбу Галло-Готѳовъ и Бургундцевъ противъ сильнѣйшихъ Франковъ. Пришла революція: власть прежняя, вѣковая исчезла: открылось поле страстямъ и энергіямъ забытымъ, и опять Сѣверъ Франкскій наступилъ ногою на Бургундскій и Готѳскій Югъ, нагло сосредоточивая всѣ права, уничтожая и воздвигая престолъ, измѣняя во благо или во зло правительственныя формы, рѣшая наконецъ судьбу государства не какъ сотрудникъ своихъ южныхъ братій въ дѣлѣ общемъ, но какъ ихъ безспорный владыка. Парижъ есть истинный представитель областей на сѣверѣ Луары и Оверни и своевольный опекунъ всей государственной жизни.—Точно также, не смотря на упорную борьбу, южный Китай напрасно отстаивалъ свою самобытность и всегда былъ принужденъ уступить дѣятельной силѣ Сѣвера, принявшаго на себя большую смѣсь завоевательныхъ народовъ; но за то направленіе нравственное и отвлеченное въ общежитіи государственномъ, кажется, происходило изъ областей на Югѣ отъ Гоанго и своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ по временамъ обновляло духомъ истинно-человѣческимъ государство, каменѣвшее въ грубой формальности вещественной власти. Колебаніе Индіи между Иранскимъ стремленіемъ къ умственному совершенствованію и Кушитскимъ развитіемъ жизни тѣлесной болѣе можетъ быть угадано, чѣмъ выказано опредѣлительно. Въ Персіи поочередное преобладаніе чисто-Иранскаго начала и Туранской примѣси въ Арсакидахъ, Сассанидахъ, Турецкихъ династіяхъ и южномъ просвѣщенномъ характерѣ слишкомъ явно и не требуетъ объясненія. Но самый разительный примѣръ пробудившихся силъ встрѣчается намъ въ Германіи. Земля строгаго и завоевательнаго Католицизма покоряетъ себѣ полудикія племена Славянъ при-Эльбскихъ и при-Одерскихъ. Языкъ народный забытъ, свобода побѣжденныхъ уничтожена, самобытность пропала безъ слѣда, и что же? Едва въ странѣ полу-католической (ибо никогда Славяне не принимали въ себя духа Римской церкви *), едва въ Богеміи раздался голосъ Гусса, великаго мученика за мысль, совѣсть и свободу вѣры, — сѣверо-восточная Германія отзывается на призывъ духа человѣческаго и вырывается изъ оковъ мысленной неволи. Я не вхожу въ разсмотрѣніе сравнительнаго достоинства вѣроисповѣданій, не разсматриваю вопроса о томъ, вѣренъ ли былъ путь, избранный новыми учителями или, увлеченный въ борьбу и сдѣлавшись реформаторомъ, не впалъ ли Лютеръ въ односторонность враждебную истинѣ; но обращаю особенное вниманіе только на то обстоятельство, что христіане, которыхъ Католицизмъ не пріобрѣлъ словомъ, а завоевалъ мечемъ, возстали противъ него и оторвали у него цѣлую, едва ли не лучшую половину его владѣній. Пробужденіе умственной жизни произошло довольно поздно, но народы воспитываются медленно; и нужно было Германіи достигнуть высокаго просвѣщенія прежде, чѣмъ чисто-человѣческое начало Славянское могло найти отзывъ въ племени, которое было богато одарено всѣми способностями души, но приняло характеръ односторонности отъ судьбы воинственной и завоевательной.—Исторія Протестантства во Франціи довольно любопытна. Оно было принято съ жаромъ въ народѣ, который готовъ все новое принимать за прекрасное и истинное; оно было забыто скоро потому, что Франція требуетъ умственной опеки, а въ реформатствѣ не у кого спросить: „что истина и что ложь?“ Нѣтъ въ немъ живаго, всегда наличнаго авторитета, и ночь Св. Варѳоломея, вѣчно памятная въ спискѣ великихъ человѣческихъ преступленій, рѣшила споръ въ пользу Католицизма, между тѣмъ какъ во всякой другой странѣ ужасы ея могли бы обратить все народонаселеніе къ Женевскому ученію. Мы должны замѣтить вообще, что

---

*) Это не можетъ быть сказано безъ ограниченія (Польша). *Изд.*

всякое общество, принимающее свое просвѣщеніе извнѣ, поддается началу чужому и почти никогда не можетъ въ тоже время развивать свою мысль собственную, коренную; но когда оно возмужаетъ въ области ума, тогда оно возвращается къ познанію своихъ внутреннихъ богатствъ и начинаетъ жизнь новую, самобытную, важную не только для него, но и для всего человѣчества. Такъ Россія, увлеченная бурнымъ движеніемъ дикихъ вѣковъ и соблазномъ западной науки, давно живетъ жизнію чуждою и несогласною съ ея настоящимъ характеромъ. Она утратила свое мирное братолюбіе въ раздорахъ удѣльныхъ, свое устройство гражданское въ возрастающей силѣ князей и особенно великокняжескихъ престоловъ, свою областную жизнь въ потопѣ Монгольскомъ, свой чисто-демократическій ладъ въ борьбѣ съ аристократическою Польшею, свой семейный бытъ и самостоятельную, хотя ограниченную, образованность въ развитіи мыслей, чувствъ и учрежденій, перенесенныхъ съ почвы Германской и Латинской. Наконецъ, при всемъ вещественномъ могуществѣ и наружномъ блескѣ, она представлялась глазамъ наблюдателя глубоко, вполнѣ, безъ возврата искаженною. Пришло ей время узнать себя, и отовсюду, нежданно-негаданно, пробиваются ростки старыхъ корней, которые считались погибшими, и народная жизнь является со всѣми признаками личности самобытной. Я знаю, что до сихъ поръ все ограничивается формою наружною и не знаю, въ какихъ предѣлахъ остановится новое развитіе, но явленіе частное и неполное уже весьма важно: оно свидѣтельствуетъ объ живомъ источникѣ, текущемъ подъ вѣковыми льдами.

Значеніе нравственныхъ законовъ въ судьбѣ народовъ. — Плоды господства и рабства. — Нравственное искаженіе господствующихъ глубже, чѣмъ нравственное искаженіе порабощенныхъ.—Нѣсколько примѣровъ.

Я сказалъ, что въ изслѣдованіяхъ объ эпохѣ внутренняго броженія, послѣдовавшаго за наслоеніемъ племенъ, невозможно принять въ соображеніе всѣ способности ума и всѣ качества души человѣческой. Но то, что́ невозможно въ общемъ, теоретическомъ обзорѣ исторической науки, дѣлается необходимымъ въ разсказѣ о судьбахъ какого-нибудь народа отдѣльнаго, или даже въ повѣствованіи о жизни всего человѣчества. Нравственное усовершенствованіе или искаженіе такъ же важно, какъ измѣненіе законовъ общественныхъ, какъ расширеніе или стѣсненіе круга знаній положительныхъ, какъ увеличеніе или упадокъ силъ физическихъ. Все связано, все находится въ условіяхъ взаимнаго дѣйствія и боренія. Первое оскорбленіе, нанесенное человѣкомъ человѣку или племенемъ племени, закидываетъ въ душу злое начало вражды и вызываетъ наружу тайные зародыши порока. По чудному закону нравственнаго міра, обидчикъ болѣе ненавидитъ обиженнаго, чѣмъ обиженный своего притѣснителя. Обѣ стороны подвергаются нравственной порчѣ; но сѣмя зла сильнѣе развивается въ самомъ сѣятелѣ, чѣмъ въ почвѣ, невольно подвергающейся его вредному влiянію. Таковъ уставъ вѣчной правды.

Я знаю, что много писано и разсказано объ ужасахъ, сопровождавшихъ возмущеніе народовъ противъ власти чужой; но я вызываю всякаго безпристрастнаго судью, всякаго читателя, у котораго понятія не спутаны ложною системою, пусть они скажутъ, равнялись ли когда-нибудь преступленія племени освобождающаго себя съ злодѣйствами племени завоевывающаго. Сицилійскія вечерни, Санъ-Домингскій бунтъ невольниковъ, возстаніе Сербіи или Греціи противъ Турокъ, Швеціи противъ власти Датской, Ирландіи противъ Англо-Нордманскаго ига, Россіи противъ Монголовъ могутъ ли сколько-нибудь сравниться съ горами изъ человѣческихъ головъ, насыпанныхъ передъ престолами Тимуровъ и Чингисовъ, съ грудами вырванныхъ глазъ, съ опьяненіемъ злости Турецкой при Магометѣ II-мъ и всѣхъ первыхъ Оттоманахъ, съ неистовствомъ рыцарей въ земляхъ Прусскихъ и Летскихъ, съ преданіемъ дѣтей на съѣденіе псамъ Крестоносцами въ южныхъ Славянскихъ земляхъ, съ рѣзнею Индѣйцевъ въ Мексикѣ и Перу, съ варварствомъ Норманновъ въ Англіи и Англо-Нормандцевъ въ Ирландіи? Я скажу болѣе: не только первые утѣснители, но и потомки ихъ въ дальнѣйшемъ коленѣ носятъ это клеймо первоначальной злобы. Такъ Польша и Литва ненавидѣли Россію, когда Россія еще была передъ ними чиста и неповинна (смотрите всѣ сказанія о времени Самозванцевъ); такъ Англичанинъ враждебнѣе къ Ирландцу, чѣмъ Ирландецъ къ Англичанину; такъ Славянинъ протягиваетъ дружески руку Германцу, а Германецъ радъ бы опять на него замахнуться мечѣмъ, — да поздно: старый плебей Европы выросъ не подъ мочь сосѣду.

Народъ порабощенный впитываетъ въ себя много злыхъ началъ: душа падаетъ подъ тяжестью оковъ, связывающихъ тѣло, и не можетъ уже развивать мысли истинно-человѣческой. Но господство—еще худшій наставникъ, чѣмъ рабство, и глубокій развратъ побѣдителей мститъ за несчастіе побѣжденныхъ. Этотъ законъ важенъ для исторіи, но его проявленія не вездѣ равно ясны. Зараза нравственной порчи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣснѣе злое начало соединено съ жизнію лицъ, составляющихъ общество, и поэтому подчиненность цѣлаго племени другому племени менѣе гибельна, чѣмъ раздѣлъ покоренныхъ, отданныхъ въ полную власть завоевателямъ. Въ первомъ случаѣ рабство и господство представляются каждому отдѣльному лицу, какъ понятія отвлеченныя, связанныя съ общимъ государственнымъ устройствомъ; во второмъ — они входятъ въ самый бытъ людей, присутствуютъ при каждомъ шагѣ въ развитіи умственномъ и физическомъ, отравляютъ каждое чувство отъ младенчества до старости и не оставляютъ человѣку ни одного убѣжища, гдѣ бы онъ могъ сохранить святыню внутренняго чувства отъ оскверняющаго прикосновенія факта, противнаго человѣческой природѣ. Таково вліяніе учрежденій, основанныхъ на грубомъ правѣ силы, и чѣмъ долѣе они продолжаютъ дѣйствовать, тѣмъ глубже корни разврата вростаютъ въ душу человѣческую.

Отношеніе рабства государственнаго къ рабству частному можно замѣтить изъ сравненія Брахмана Остъ-индскаго и Креола Антильскаго. Оба развращены, оба утратили способность понимать вполнѣ истину человѣческую; но Брахманъ еще спасъ много святыхъ чувствъ въ душѣ своей, а западный торгашъ человѣческимъ мясомъ весь деспотъ и палачъ. Разница между началомъ законовъ, повидимому сходныхъ между собою, очень ясно обозначается самыхъ вліяніемъ ихъ на характеры народные. Тому лѣтъ двадцать, крѣпостное право имѣло одинаковую силу въ губерніяхъ собственно-Русскихъ и Остзейскихъ; теперь крестьяне Остзейскіе свободны, а право крѣпостное еще продолжаетъ дѣйствовать въ Россіи. Казалось бы, что помѣщикъ Русскій далѣе отъ своихъ крестьянъ, чѣмъ Курляндецъ или Лифляндецъ отъ своихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ; между тѣмъ дочь выслужившагося солдата вступаетъ въ семейство княжеское, и сынъ идетъ наравнѣ съ потомками Рюрика. Спрашивается: какія услуги, какіе подвиги доблести и величія душевнаго могутъ дать сыну Латыша или Эста право просить руки высокорожденной дворянки чисто-баронской крови? На этотъ вопросъ даже отвѣчать нельзя, ибо такая мысль не можетъ войти въ голову ни потомку Нѣмецкаго рыцаря, ни потомку многострадавшаго Лета. А отчего? Оттого, что въ Россіи крѣпостное право есть не что иное, какъ грубая полицейская мѣра, выдуманная нуждою государственною, но не уничтожившая братства человѣческаго, а въ Германскомъ поморьѣ оно было кореннымъ зломъ, связаннымъ съ завоеваніемъ и насиліемъ племеннымъ. Въ Россіи оно плодъ невѣжества, а тамъ—преступленія.

Значеніе вѣры въ исторіи народовъ; вѣра опредѣляетъ характеръ ихъ просвѣщенія и развитія.

Первый и главный предметъ, на который должно обратиться вниманіе историческаго критика, есть народная вѣра. Выньте Христіанство изъ исторіи Европы и Буддаизмъ изъ Азіи, и вы уже не поймете ничего ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Этотъ неоспоримый фактъ повторялся съ большею или меньшею силою на цѣломъ земномъ шарѣ въ продолженіе всѣхъ вѣковъ. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются мѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры. Въ миѳахъ ея живетъ преданіе о стародавнихъ движеніяхъ племенъ, въ легендахъ—самая картина ихъ нравственнаго и общественнаго быта, въ таинствахъ—полный міръ ихъ умственнаго развитія. Вѣра первобытныхъ народовъ опредѣляла ихъ историческую судьбу; исторія обратилась въ религіозный миѳъ и только въ немъ сохранилась для насъ. Таково общее правило, отъ котораго должны отправляться всѣ изслѣдователи древности.

Степень ясности представленія о первыхъ людяхъ есть мѣрило относительной древности отдѣльной жизни народа. Примѣръ: Эдда.

Чѣмъ яснѣе выказывается память о началахъ человѣчества, въ какой бы формѣ она ни являлась, тѣмъ древнѣе преданіе и отдѣльная жизнь народа. Такъ Скандинавская Эдда уже потому принадлежитъ ко времени довольно новому, что миѳъ о первыхъ людяхъ въ ней совершенно теменъ и безсмысленъ. Дѣйствительно въ Эддѣ остались только такія преданія, которыхъ древность не восходитъ далѣе двухъ-трехъ вѣковъ до Р. Х.; но отъ этого-то она особенно поучительна для насъ, точно также, какъ въ языкознаніи всего любопытнѣе именно тѣ языки, которые менѣе всѣхъ обращали на себя вниманіе ученыхъ, языки грубой смѣси (lingua franca). Такъ какъ всѣ ихъ составныя части намъ совершенно извѣстны и весь процессъ составленія происходилъ на нашу память и почти на нашихъ глазахъ, мы можемъ уловить на самомъ дѣлѣ трудъ умственный, посредствомъ котораго создаются новыя нарѣчія и потомъ понять его даже тамъ, гдѣ у насъ недостаетъ вѣрныхъ первоначальныхъ данныхъ. Миѳологія Эдды идетъ уже объ руку съ положительною исторіею другихъ народовъ, и ясное познаніе отношеній ея къ происшествіямъ намъ извѣстнымъ даетъ намъ ключъ къ символическому языку и къ синкретизму религій во времена самыя отдаленныя.

Системы и предубѣжденія искажаютъ оцѣнку древнѣйшихъ формъ вѣры. Примѣръ такой ошибки въ сужденіи о началахъ религіи Индѣйской.

Ни въ какой части науки такъ ярко не выказывался духъ системъ и апріоризма, какъ въ разысканіяхъ о древнѣйшихъ формахъ вѣры. Всякій видѣлъ въ нихъ именно то, что ему хотѣлось найти, отъ самаго грубаго фетишизма до самой возвышенной философіи и до истинъ христіанскаго откровенія. Страсть такъ легко обманываетъ людей, что невозможно означить предѣлъ, на которомъ ошибка систематика перестаетъ быть невольною; но тотъ, кто слѣдилъ со вниманіемъ и безпристрастіемъ разысканія западныхъ ученыхъ, едва ли повѣритъ, чтобы всѣ заблужденія ихъ не были совершенно чужды тайныхъ побужденій, не совсѣмъ похвальныхъ.

Надобно было много хитрости, чтобы дорыться до простаго поклоненія стихіямъ въ остаткахъ древнихъ Ведъ; надобно было еще болѣе легковѣрія, чтобы принять такое открытіе безъ смѣха. Я знаю, что глубокая древность этихъ книгъ недавно подверглась сомнѣніямъ и что критика успѣла доказать въ нихъ множество вставокъ и измѣненій, принадлежащихъ къ временамъ весьма позднимъ. Позволительно не видать старой основы, въ которую врѣзаны миѳы новаго издѣлія, позволительно отвергать ея важность и не признавать въ ней одинъ изъ самыхъ древнихъ письменыхъ памятниковъ умственной жизни народовъ, позволительно также (хотя не совсѣмъ согласно съ строгими изслѣдованіями филологіи) приписывать ей древность такую глубокую, что объ ней и подумать страшно и, если угодно, считать Веды (какъ нѣкоторые Мослемы— Коранъ) одновѣчными міру; но непозволительно видѣть въ Ведахъ, какъ иные ученые, священныя книги народа погруженнаго въ грубое поклоненіе стихіямъ. Даже въ тѣхъ немногихъ отрывкахъ, которые переведены или напечатаны въ Европѣ, характеръ Ведъ выказывается такъ ясно въ видѣ пантеизма, соединеннаго съ самосознаніемъ божественной или всемірной мысли, что невозможно добросовѣстному критику принять первоначальный Брахманизмъ за религію стихійную. Сухая ограниченность многоученаго книжничества не достаточна для объясненія этой ошибки; она объясняется только страстною вѣрою въ систему о первобытномъ невѣжествѣ человѣческаго рода, а еще лучше страхомъ, съ которымъ систематики глядятъ на всякій признакъ древняго монотеистическаго преданія. Опроверженіе почти не нужно противъ мнѣнія, котораго защищать невозможно и которое само по себѣ должно упасть передъ чувствомъ истины человѣческой. Если стихійное поклоненіе дошло уже до высокаго понятія о самосознаніи божественнаго духа въ Брахмѣ, тотъ же самый ходъ ума не могъ произвести въ результатѣ своемъ уродливое смѣшеніе многобожія и пантеизма, которое въ позднѣйше время составляетъ религію Индіи. Но если первоначальное единобожіе допустило въ себѣ почтеніе или поклоненіе силамъ видимаго міра, какъ иконамъ (образамъ) невидимаго духа (а такова религія Ведъ), тоже самое умственное паденіе должно было довести до безумія многобожія Индѣйскаго, въ которомъ проявляется постоянная борьба между грубою вещественностью и пантеистическимъ символизмомъ. Такимъ образомъ мы находимъ въ одно время характеръ первой вѣры въ Индіи, причину ея искаженія и причину той упорной строгости, съ которою Мозаисмъ преслѣдуетъ всякое символическое поклоненіе Единому Богу: ему ясна была слабость младенчествующаго разума человѣческаго и падкость его ко всему вещественному. Духовное же направленіе основнаго Брахманизма понятно изъ самаго имени *Брахмъ*, въ которомъ коренную мысль составляетъ движеніе или жизнь. Впрочемъ тутъ же мы видимъ, что это великое имя уже искажено перестановкою буквъ. *Абхрамъ*, неподвижный, есть соединеніе *а* отрицательнаго и кореннаго *Бхрамъ*, а не *Брахмъ*. Въ коренномъ *Бхрамъ* находится Зендское *Бехрамъ* (Ицедъ, отраженіе Амшаспанта Бахмана), а по отсѣченіи окончанія на *амъ*—*Бхръ*, основа Славянскаго *Бхъ* или *Бъ* [1]). Такимъ образомъ понятіе о движеніи, т.-е. видимомъ проявленіи жизни внутренней, искони представляется намъ какъ символъ высшаго существа, у трехъ отраслей Индо-Германской семьи, у за-Индскаго Иранца, у Иранца Зендскаго и у Славянина.

Въ тоже самое время другая данная не позволяетъ намъ принять это слово за выводъ изъ грубыхъ формъ стихійнаго поклоненія. Таинственное названіе самого Брахмы, несказанное имя, которое въ себѣ содержитъ всю мудрость міра, всю глубину созерцанія и всѣ творческія силы, есть слово *Омъ* или *Умъ*, тоже самое, которое до сихъ поръ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ обозначаетъ всю полноту духовнаго міра [2]). Бхрамъ (позже Брахмъ), движеніе, міровая жизнь видимая, есть уже символъ невидимой жизни духа, *ума;* потомъ онъ переходитъ въ образы силъ частныхъ и, наконецъ, въ олицетворенія политеистическія. Такимъ образомъ критическое изслѣдованіе доводитъ насъ опять до разультата, найденнаго простотою чувства въ общемъ характерѣ Ведъ. Впрочемъ мы уже можемъ понять изъ предыдущаго, что окончательное искаженіе первоначальной мысли чистой происходило не изъ Иранскаго источника, а принадлежало другому началу просвѣщенія, принесенному Кушитскимъ населеніемъ южной Индіи. Его представитель не духовный Брахмъ, а Сива или Мага-дэва, котораго имя „Великій Дэвъ“, уже заключаетъ въ себѣ характеръ многобожія.

---

[1]) Дѣлаемое авторомъ производство имени *Брахма* отъ корня означающаго движеніе и жизнь (корень этотъ Санскритское *врх*, въ Ведахъ *брх*, расти и взращать), кажется не подлежащимъ никакому сомнѣнію; но предположеніе о перестановкѣ звуковъ въ этомъ корнѣ не подтверждается дальнѣйшими изслѣдованіями. Что же касается до Славянскаго слова *Богъ*, то самъ авторъ, какъ читатели увидятъ ниже, отказался отъ предлагаемой здѣсь этимологіи и нашелъ другое производство, повторяемое имъ также въ его „Сравненіи Русскихъ словъ съ Санскритскими“. О настоящей Зендской формѣ имени *Бехрамъ* мы уже упомянули въ примѣч. къ стр. 85-й. *Изд.*

[2]) Впослѣдствіе авторъ нашелъ такое сопоставленіе неосновательнымъ, ибо не внесъ его въ свое „Сравненіе Русскихъ Словъ съ Санскритскими“ 1855 г. *Изд.*

Древность поклоненія свѣтиламъ небеснымъ; но оно не господствовало у всѣхъ народовъ.—При какихъ условіяхъ являлось звѣздопоклонство.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ самаго ранняго времени сіяніе тѣлъ небесныхъ было предметомъ поклоненія для человѣческаго невѣжества. Живое воображеніе первыхъ жителей земли было поражено великолѣпнымъ зрѣлищемъ звѣзднаго неба, постоянствомъ его явленій, въ сравненіи съ измѣнчивостью всего земнаго, и стройнымъ движеніемъ негаснущихъ и нестарѣющихъ свѣтилъ. Суевѣріе народовъ назвало ихъ правителями міра и свѣтлыми царями и воями небесными. Но это чувство обожанія не развивалось съ равною силою во всѣхъ племенахъ и во всѣхъ мѣстностяхъ. Цабеизмъ принадлежитъ въ особенности Семитамъ и безводнымъ странамъ юго-западной Азіи. Отъ этого онъ не входитъ, какъ главная составная часть, въ синкретизмъ Индіи, Греціи и Рима; но выдается какъ одно изъ составныхъ началъ религій Аравійской, Финикійской, Халдейской и Мидійской, болѣе или менѣе преобладая или подчиняясь другимъ разрядамъ мысли, именно вещественности и стихійности въ Финикіи и въ Вавилонѣ, нравственному единобожію въ Аравіи и настоящемъ Иранѣ.

Вообще должно предположить, что поклоненіе звѣздамъ могло родиться или распространиться только въ такихъ странахъ, въ которыхъ сухой воздухъ и ясныя ночи позволяютъ звѣздамъ свѣтить и глазамъ любоваться на ихъ сіяніе. Когда племя переходитъ въ другой край, подъ навѣсъ сѣверныхъ тумановъ или въ густоту тропическихъ паровъ, оно скоро забываетъ свою прежнюю религію и замѣняетъ холодный свѣтъ ночныхъ созвѣздій предметами живыми, близкими и дѣйствующими прямо на бытовую пользу или на наслажденіе вещественное. Ни въ Скандинавіи, ни у Кельтовъ, ни у Турецкихъ и Монгольскихъ народовъ не находимъ почти никакихъ слѣдовъ Цабеизма. Въ Египтѣ онъ составляетъ часть миѳологіи, и часть важную, но, кажется, привитую къ религіи чисто-стихiйной и принесенную изъ сухой степи Аравiйской и изъ земли Семитовъ Финикiйскихъ. Въ Индустанѣ тотъ же самый Цабеизмъ составляетъ весьма малую примѣсь въ разнообразномъ и нестройномъ синкретизмѣ, созданномъ смѣсью племенъ Иранскаго, Кушитскаго и средне-Азiйскаго. Въ Ведахъ, древнѣйшемъ памятникѣ Индустанскаго вѣрованiя, встрѣчаемъ мы самый слабый отзвукъ или самый блѣдный оттѣнокъ отживщаго или еще не возросшаго звѣздопоклонства. Наконецъ, смѣло можно сказать, что кромѣ настоящаго Ирана и Аравiи нигдѣ оно не составляло главной основы вѣры.

Звѣздопоклонство не могло быть первоначальною религiею человѣчества.

Простое разсужденiе показываетъ, что, какое бы ни было начало древнихъ религiй, духовное ли единобожiе, или отвлеченный пантеизмъ, или грубая стихiйность, ни въ какомъ случаѣ тихое сiянiе звѣздъ, равнодушныхъ и неприкосновенныхъ къ дѣламъ человѣческимъ, не могло быть первою точкою отправленiя для теплоты чувства нравственнаго или для глубины мысли, стремящейся къ знанiю, или для вещественной любви и дѣтскаго страха. Цабеизмъ относится по всѣхъ преданiямъ къ одной изъ самыхъ раннихъ эпохъ, но далеко не восходитъ до перваго возраста человѣческаго рода. Имена созвѣздiй, плодъ прихотливаго воображенiя, безсвязное отраженiе предметовъ земныхъ и жизни суетливой, явно свидѣтельствуютъ объ истинѣ этого мнѣнiя. Отрицать ее значитъ отрицать истину здраваго разума и неиспорченнаго чувства.

Трудно повѣрить, чтобы семь звѣздъ около сѣвернаго полюса представляли немудрствующему глазу дикаря разительное сходство съ медвѣдицей, а другiя семь звѣздъ съ медвѣженкомъ; трудно, даже съ помощiю небесныхъ картъ, разсмотрѣть черты собачьей физiономiи въ Сирiусѣ или Прокiонѣ, и нужно большое усилiе воображенiя, чтобы узнать въ звѣздѣ бараній носъ или бычачiй глазъ или колокъ древняго гудка (лиры). Всѣ эти разряды безспорно новы, но начало ихъ весьма сомнительно. Они могли быть слѣдствiемъ миѳологiи, уже полной и развитой, и эмблемами боговъ, признанныхъ людскимъ суевѣрiемъ. Каждому изъ могущихъ существъ, которымъ человѣкъ поклонялся, отводилъ онъ область или жилище въ безмятежномъ небѣ и давалъ этимъ областямъ имя тѣхъ животныхъ, или даже мертвыхъ предметовъ, которые въ особенности посвящены новопризнанному хозяину небеснаго удѣла. Это мнѣніе довольно вѣроятно, и если оно согласно съ истиною, Индія и Египетъ должны отказаться отъ всякаго права на древнюю уранографію, въ которой нѣтъ ни крокодиловъ, ни кинокефаловъ, ни слоновъ, ни павлиновъ, ни скарабеевъ, ни фениксовъ, словомъ никакихъ признаковъ Нильскаго или Гангесскаго происхожденія. Такимъ образомъ невозможность кореннаго звѣздопоклонства въ странахъ, соединяющихъ жаръ и сырость, подтверждается наблюденіемъ надъ именами созвѣздій. Но въ тоже время самый раздѣлъ неба на божественныя области дѣлается невѣроятнымъ, потому что эмблемы уранографіи не совпадаютъ ни съ какою извѣстною миѳологіею въ ея главныхъ, характеристическихъ чертахъ. Тамъ мы не находимъ ни голубя Вавилонскаго, ни Греческаго орла, ни столбовъ Мелькарта, ни серпа въ его міровомъ значеніи и должны отказаться отъ мнѣнія, казавшагося вѣроятнымъ на первый взглядъ, тѣмъ болѣе, что небознаніе процвѣтало наиболѣе въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ многобожіе весьма сомнительно, именно на берегахъ Каспія, на скатахъ Демавенца и въ Зендскомъ Иранѣ.

Поклоненіе отдѣльнымъ планетамъ и звѣздамъ предшествовало поклоненію созвѣздіямъ. Вѣроятное происхожденіе распредѣленія и наименованія созвѣздій.

Можно смѣло утвердить, что отдѣльныя звѣзды были предметомъ поклоненія прежде созвѣздій, а нѣкоторыя планеты, по своей особенной яркости, прежде всѣхъ звѣздъ. Но для того, чтобы отдѣлить самыя блестящія свѣтила отъ другихъ меньшихъ, надобно было привести въ ясность всю систему неба; надобно было ввести порядокъ и строй въ разнообразную безконечность свѣтилъ. Вотъ вѣроятное начало уранографіи. Религія обнимала все Небо (Ураносъ и, вѣроятно, Ваалъ первоначальный) въ своемъ поклоненіи; дѣтское чувство любви привязывалось къ самымъ свѣтлымъ точкамъ въ пространствѣ, а рождающаяся ученость распредѣляла ихъ въ произвольномъ и затѣйливомъ сцѣпленіи. Не миѳы религіозные перешли въ карту небесную, но самая карта небесная перешла въ религіозный миѳъ: система полуученая искажала вѣру, вѣра освящала произвольность первоначальной системы, и понятія людей наполнялись нестройною смѣсью знанія, основаннаго на наблюденіи, и сказокъ, происшедшихъ отъ недоразумѣнія.

Прибавимъ еще, что въ такое время, когда грамотность не существовала или начиналась, невозможно было передать небознаніе иначе, какъ въ сказочномъ видѣ. Всѣ, болѣе или менѣе удачные, опыты для облегченія труда въ передачѣ наукъ и для усовершенствованія памяти, основывались на необходимости знаковъ условныхъ, связанныхъ въ одно цѣлое произвольное, но имѣющее полноту отдѣльнаго смысла. Мысль человѣка живетъ, и отъ этого она принимаетъ все живое и отвергаетъ все мертвое. Описаніе есть вещество и смерть, разсказъ есть духъ и жизнь. Отъ того мысль человѣка принимаетъ и помнитъ разсказъ; отъ того мудрость стародавнихъ временъ передавала описаніе въ видѣ повѣсти. Конечно, много заблужденій введено въ міръ этою методою; но какъ обвинять людей, у которыхъ не было ни граверовъ, ни литографическихъ станковъ?

Звѣздопоклонству предшествовало поклоненіе солнцу; но оно тоже не есть первоначальная религія человѣчества. — Незначительность древняго солнцепоклонства.

Прежде звѣздопоклонства должно было уже существовать поклоненіе двумъ великимъ свѣтиламъ, Солнцу и Лунѣ: таковъ естественный ходъ мысли. Характеръ божественный былъ имъ приписанъ, вѣроятно, въ одно время; но солнцу принадлежало неоспоримое первенство, и тѣ религіи, въ которыхъ оба свѣтила являются равными, уже вышли изъ эпохи простоты и очевидно носятъ на себѣ слѣды умствованія. Блѣдный свѣтъ мѣсяца, его непостоянный видъ, его безсиліе въ отношеніи всѣхъ явленій жизни земной, не давали ему никакого права на равенство съ солнцемъ; и дѣйствительно, онъ пользовался этимъ равенствомъ только тамъ, гдѣ уже не поклонялись ни Солнцу, ни Лунѣ, а божествамъ, изображеннымъ въ лунѣ и солнцѣ. Но тамъ Венера и Юпитеръ, или Канопъ, или Сиріусъ были одинаково предметомъ обожанія по прихоти народнаго воображенія, а не по видимой важности ихъ въ міровомъ порядкѣ. Легко можно бы было предположить, что служеніе солнцу, какъ высшему богу, было первоначальною религіею народовъ: гдѣ тотъ предметъ въ природѣ, который бы съ нимъ равнялся блескомъ и величіемъ? Утромъ, или въ полдень, или на закатѣ, оно ходитъ по небесамъ, какъ царь всѣхъ небесъ, оно глядитъ на землю какъ владыка всей земли. Гдѣ, кромѣ солнца, такое соединеніе силы вѣчно-дѣятельной и неизмѣнности вѣчно-спокойной? Во всѣ времена года и во всѣ года, то оживляя, то уничтожая жизнь, оно представляется творцомъ и разрушителемъ, но всегда полнымъ хозяиномъ міра и вѣковъ. За всѣмъ тѣмъ, безъ натяжекъ, и большихъ натяжекъ, невозможно возводить всѣ вѣры къ солнцепоклонству, и не только не всѣ, но даже весьма немногія носятъ на себѣ слѣдъ этой мнимой первоначальной формы.

Въ Греціи и Римѣ солнце ничего не значитъ въ общей миѳологической системѣ; въ Скандинавіи его главное занятіе уходить отъ волчка (или волченка, въ сравненіи съ Фенриромъ), который собирается его проглотить; въ остаткахъ Славянскихъ суевѣрій о немъ совсѣмъ не говорится, ибо даже Свѣтовидъ, по Латышской формѣ Swantovit т.-е. Святовитъ (—ый) не представляетъ *) ничего общаго съ идеею солнца. Въ отзывахъ древне-Китайскихъ и средне-Азійскихъ вѣръ тоже равнодушіе къ нему. Въ Индіи, Веды объ немъ упоминаютъ только наравнѣ съ другими силами, и Сурья всегда является божествомъ служебнымъ; даже воплощеніе Вишну-Солнца или Кришна (если это дѣйствительно солнце) показываетъ по мѣсту своему въ аватарахъ (онъ осьмой) эпоху довольно позднюю. Въ Магизмѣ нельзя ему назначить ни важнаго, ни даже опредѣленнаго значенія. Остается кинуться на Финикію, Египетъ и Вавилонъ, благо тутъ темно, и систематикамъ разгулъ; всякій признакъ сколько-нибудь близкій къ идеѣ свѣта и силы пойдетъ за доказательство ясное: пирамиды,—это огонь, слѣд. солнце; алтарь на высокомъ мѣстѣ близокъ къ небу, слѣд. къ солнцу; имя *свѣтлый* значитъ солнце, потому что оно свѣтло; *господинъ* значитъ солнце, потому что оно божество; *сильный* значитъ солнце, по-

---

*) Авторъ предполагаетъ, что имя это было простое прилагательное *святовитый*, произведенное отъ слова *святой*. *Изд.*

тому что оно сильно, и такъ далѣе, до совершеннаго окончанія системы астрономической со всѣми ея подробностями, въ которой только не достаетъ досрочія равноденствій. Такимъ образомъ, Ваалъ солнце, Озирисъ—солнце, Мелькартъ — солнце; иной лѣтнее, иной осеннее, иной вешнее. Все очень ясно и удовлетворительно. Одного не достаетъ, имени самого солнца, котораго нигдѣ не встрѣчаемъ, какъ будто оно недостойно такого божества или такого свѣтила. Это одно обстоятельство должно бы навести на великія сомнѣнія; но ученые вообще берегутъ сомнѣніе для событій, а вѣру—для своихъ мнѣній. Какъ бы то ни было, нигдѣ нельзя показать ни у одного народа, кромѣ Перувіанцевъ, безспорнаго тождества между собственнымъ именемъ великаго свѣтила и именемъ главнаго божества.

Двѣ эпохи въ солнцепоклонствѣ.—Изобрѣтеніе зодіакальныхъ знаковъ. — Китай, Индія и Средняя Азія заимствовали ихъ, съ нѣкоторыми другими отраслями знанія, у Западныхъ народовъ.

Солнцепоклонство имѣло двѣ эпохи: эпоху совершеннаго невѣжества, когда люди замѣчали только самыя прямыя дѣйствія жара и свѣта на всю природу, и эпоху полуучености, когда годовое движеніе божества вошло въ кругъ человѣческаго знанія. Вторая эпоха уже предполагаетъ описаніе неба и зодіакальныхъ знаковъ. Въ соприкосновеніи солнца и звѣзднаго неба именно должна была появиться необходимость расписать звѣзды и раздѣлить созвѣздія.

Величественная неподвижность Полярной звѣзды не обращала на себя особеннаго вниманія древности, и сказочный міръ тѣмъ богаче, чѣмъ ближе къ солнечному пути.

Раздѣлъ созвѣздій былъ необходимъ для наблюденія надъ годовымъ ходомъ солнца; но количество частей и названіе знаковъ было совершенно произвольно. А такъ какъ дѣйствительно нѣтъ ни малѣйшаго соотношенія между извѣстными отдѣлами неба и ихъ именами, мы можемъ сказать не обинуясь, что всѣ названія одинакія (или символы одинакіе) у народовъ розныхъ должно признать самобытными только въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и пришлыми во всѣхъ другихъ. Но даже, при различіи именъ, остается одинакое число знаковъ; а такъ какъ оно тоже произвольно, мы должны принять за безспорную истину, что первоначальное наблюденіе надъ зодіакомъ было сдѣлано однимъ какимъ-нибудь племенемъ, а отъ него уже сообщено другимъ. Данныхъ у насъ нѣтъ, чтобы опредѣлить, какому именно племени принадлежитъ честь этого перваго шага въ небознаніи; но съ достовѣренностью можно сказать, что она не могла принадлежать большей части народовъ, которымъ ее поочередно приписывали, напримѣръ, ни Китаю, ни Индіи, ни Средне-Азійскимъ ордамъ.

Китай, по собственнымъ преданіямъ, занялъ астрономическія знанія изъ Индіи и безспорно взялъ отъ Запада правильную эру, эру Набонассара, съ которою начинаются всѣ наблюденія нѣсколько порядочныя какъ надъ ходомъ свѣтилъ, такъ и надъ затмѣніями. Индія имѣетъ также мало правъ на изобрѣтеніе зодіака, какъ и Китай. Его нельзя, безъ явнаго безсмыслія, приписать такой странѣ, въ который лунный годъ постоянно оспаривалъ первенство у солнечнаго, въ которой большая часть праздниковъ основана на годосчисленіи лунномъ и въ которой явные признаки показываютъ, что наблюденія надъ ходомъ луны древнѣе наблюденій надъ ходомъ солнца. Что касается Средней Азіи, то новѣйшія изслѣдованія уже доказали всѣмъ людямъ просвѣщеннымъ и безпристрастнымъ, что возвышенная твердыня Гиммалая мало обогатила свѣтъ учеными открытіями. Все, что́ похоже на образованность, какъ-то грамотность, нача̀ла астрономіи и даже вѣра, взято Тибетцами отъ своихъ южныхъ или западныхъ сосѣдей. Можно сказать утвердительно, что вліяніе Ирана и Ассиріи на восточную Азію еще слишкомъ мало оцѣнено. Сказанія Китайцевъ, преданія о путешествіяхъ мудраго Лао-тсеу за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. по западнымъ странамъ, безспорные слѣды эры Ассирійской въ Китаѣ, все это наводитъ насъ на путь, по которому должно идти далѣе, чтобы представить себѣ сколько-нибудь вѣрно первоначальное развитіе образованности и жизни умственной (отчасти политической) въ самой глубокой древности. И теперь, видя, что первая правильная эра въ Индіи, эра Викрамадитьи, послѣдовала за борьбою за-Индскаго царства съ Эллинскимъ и Эллино-Скиѳскимъ царствомъ, иначе съ Яванами, Саками и Ванадами, мы можемъ уже подозрѣвить сильное участіе Эллинской образованности въ развитіи нѣкоторыхъ наукъ въ Индустанѣ.

Пустынная Аравія, по кочевому быту жителей и по бѣдности просвѣщенія, едва ли можетъ войти въ соперничество съ Ираномъ, Халдеею и Египтомъ даже въ области открытій астрономическихъ, не смотря на выгоды сухого климата и яснаго неба. Египетъ многими учеными считается вѣроятною родиною зодіака и годосчисленія ученаго. Памятники и вѣковые іероглифы дѣйствительно свидѣтельствуютъ о древности знаній астрономическихъ на берегахъ Нила; но Египетъ (Мизраимъ, т. е. земля смѣшенія) столько разъ былъ завоеванъ Кушитами Эѳіопскими, Гиксосами Аравійскими и другими сосѣдними народами, что нѣтъ причинъ признавать за самобытную всякую науку, которой слѣды встрѣчаются на пирамидахъ или обелискахъ. Нѣтъ ни признаковъ, ни преданій объ астрономическихъ свѣдѣніяхъ племени Эѳіопскаго; нѣтъ въ зодіакѣ никакихъ примѣтъ, связывающихъ символическій языкъ зодіака съ верховьями Нила, и поэтому можно въ изслѣдованіяхъ о началахъ небознанія отстранить народы Абиссинскіе и Эѳіопскіе. На землѣ Египетской Озирисъ во многихъ миѳахъ представляется съ яснымъ характеромъ солнца; но въ религіи мѣшанной, какъ и самое племя, исповѣдывавшее ее, это ничего не значитъ. Климатъ же Египта, безъ всякаго сомнѣнія, не даетъ повода къ дѣленію года на 12 знаковъ или мѣсяцевъ, дѣленію, проистекшему изъ первоначальнаго познанія четырехъ временъ года, которое служитъ основаніемъ самымъ древнимъ лѣтоисчисленіямъ и безконечному числу миѳовъ. Въ Египтѣ это дѣленіе неестественно, хотя оно и засвидѣтельствовано зодіаками.

Замѣтимъ, что въ Индіи оно издревле совсѣмъ не существовало. Это ясно изъ того, что знаки или мѣсяцы были соединены въ парныя группы (т. е. въ 60-дневные большіе мѣсяцы), также какъ и въ Китаѣ; а такое дѣленіе противно идеѣ о четырехъ временахъ года, ибо на каждое пришлось бы по полутору двумѣсячью.

Солнцепоклонство и изобрѣтеніе зодіака не могли также принадлежать Египту.— Ихъ родина —Халдея. —Связь солнцепоклонства съ именемъ Баала; значеніе этого имени.

Но сверхъ того невозможно признать солнцепоклонство первобытною вѣрою Египтянъ уже и потому, что нѣтъ никакой, видимой связи между теченіемъ солнца и ходомъ земного, т. е. хлѣбопашественнаго года. Египетъ, какъ замѣчено даже древними, есть твореніе Нила. Его періодическій разливъ и благодатные осадки покрываютъ ежегодно слоями плодороднаго ила песчаные и безплодные берега; но гдѣ же зависимость разлива отъ движенія солнца по эклиптикѣ? Нашъ просвѣщенный вѣкъ не открылъ ея, древность объ ней не знала, и поэтому, безъ нарушенія истины человѣческой, нельзя предполагать, чтобы младенчествующій народъ принялъ за всемогущее божество свѣтило, которое не было полнымъ царемъ природы. Сверхъ того, зима, т. е. царство влажной и холодной стихіи, начало жизни и растительности въ землѣ Египта, не могла бы являться, какъ она является въ древнихъ миѳахъ, эпохою горести и страданія. Такой взглядъ на природу переноситъ насъ безспорно въ тѣ страны, въ которыхъ зима не только безплодна сама по себѣ, но и не приготовляетъ видимо будущаго плодородія полей. Это Иранъ, т. е. вся полоса отъ Арменіи и верхней Халдеи до высотъ Кандагара.

Не нужно приводить доказательствъ тому, что плачъ всеобщій сопровождалъ время поворота солнечнаго къ зимѣ, время солнечнаго умаленія, время побѣды злыхъ началъ: про это и спорить никто не станетъ. Не нужно также входить въ подробныя розысканія и сравненія праздниковъ Финикійскаго берега, именно Адонизіаковъ, съ празднествами и миѳами объ Озирисѣ, объ ящикѣ, въ который онъ былъ заключенъ Тифономъ и который отысканъ Изидою при западномъ устьѣ Нила. Мы знаемъ, что перенесеніе Финикійскихъ символическихъ сказокъ ни почву Египетскую безспорно и что критика фактическая подтверждаетъ вполнѣ простой апріористическій выводъ, основанный на простомъ сравненіи временъ года съ поочередностью плача и радости приличною климату сѣверной Сиріи, но несогласною съ природою Египта.

Зодіакъ и описаніе солнечнаго пути принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, той самой странѣ, которая въ древности славилась своими астрономическими открытіями, и упорные труды ученой Германіи не подвергли еще ни малѣйшему сомнѣнію правъ Халдеи на первоначальное знаніе звѣздной системы. Жить подъ открытымъ небомъ, любоваться на его красоту, видѣть подъ собою безконечный просторъ земли и надъ собою безконечный просторъ воздуха, вотъ въ чемъ было счастіе и радость Иранца. Не ему ли слѣдовало замѣтить ходъ свѣтилъ, которыхъ движеніе онъ слѣдилъ съ такою любовію? Да и самая эта любовь была уже живымъ поклоненіемъ духа величію надземныхъ явленій или тайнымъ инстинктомъ ничтожности земного передъ небеснымъ. Въ этой чертѣ, которой намъ не представляетъ ни Египетъ, ни Индія, мы видимъ причину солнцепоклонства первоначальнаго. Солнцепоклонству ученому нужно было болѣе, именно положительное, т. е. вещественное, просвѣщеніе. Оно явилось при встрѣчахъ Кушита и Иранца въ климатѣ сухомъ, въ странѣ, которая по своему характеру призывала людей болѣе къ созерцанію и размышленію, чѣмъ къ жизни роскошной и сладострастію.

Таковы свидѣтельства древности. Сынъ Куша строитъ Вавилонъ на равнинахъ Евфратскихъ. Безумный*) каменосѣчецъ Африки складываетъ груду кирпичей, передъ которою исчезаютъ даже размѣры зданій Индіи и Египта, и сѣверный Халдей на высотѣ рукозданной горы слѣдитъ за движеніемъ божественныхъ свѣтилъ. Ассирія, т. е. Ниневія и Вавилонъ, учатъ всю землю таинственному знанію астрономіи, которой начало, можетъ быть, принадлежитъ области, лежащей далѣе отъ Южнаго и Средиземнаго моря, — Мидіи или Бактріи.

Произвольность названій, данныхъ знакамъ эклиптики приводитъ невольно къ той мысли, что въ нихъ заключается іероглифы, выдуманные для облегченія памяти и для опредѣленія отношеній годового движенія солнца къ явленіямъ земнымъ. По этимъ отношеніямъ можно было бы отыскать съ нѣкоторою достовѣрностью самое мѣсто, въ которомъ началась уранографія. Но для такого изслѣдованія у насъ не достаетъ

---

*) Въ смыслѣ „страстный“. *Изд.*

полнаго званія быта и жизни древнихъ народовъ; а еще болѣе недостаетъ знанія самыхъ первоначальныхъ названій зодіака. Наука перешла въ миѳы; но миѳъ создалъ новый міръ, который вкрался въ науку и измѣнилъ ея простоту. Кирпичи Вавилона для насъ молчатъ и вѣроятно не выскажутъ своей тайны нашимъ потомкамъ *). Намъ остаются для разрѣшенія вопроса единогласныя сказанія древнихъ о глубокихъ астрономическихъ знаніяхъ Халдеи и о сословіяхъ Ассирійскихъ звѣздочетовъ, распространеніе Мидо-Вавилонскаго года по всей Азіи, важная, можно сказать, рѣшительная эра Набонассара, которой вліяніе явно до самой глубины Китайскаго Востока, и вѣрное понятіе о характерѣ климатовъ, народовъ и религій Иранскихъ въ сравненіи съ южными: этого довольно. Вопросъ разрѣшенъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго критика столько, сколько нужно для науки исторической, плодотворной и живой, а не мертвой и кропотливой.

То самое, что́ сказано было выше о звѣздномъ небѣ, должны мы сказать и объ зодіакѣ. Описаніе, по общему свойству ума человѣческаго и потребностямъ памяти, должно было принять видъ разсказа. Можно еще прослѣдить нѣкоторыя названія знаковъ и замѣтить ихъ разительное сходство съ жизнію климатовъ при-Каспійскаго и Месопотамскаго, сходство гораздо бо́льшее, чѣмъ съ природою Африки или Индіи; можно также понять немудрствующимъ умомъ, что названія эти были даны народомъ соединяющимъ жизнь земледѣльца въ равной степени съ жизнью пастуха и звѣролова; но невозможно разрѣшить всѣ подробности вопроса. Зодіакъ служилъ основаніемъ небесной сказкѣ, т. е. небесному описанію; но живая сила сказочной формы должна была измѣнить, и безъ сомнѣнія измѣнила, нѣкоторыя названія, прибавляя или убавляя символы для красоты формы поэтической и живописной. Знанія переходили отъ народа къ народу: всякій прибавлялъ свою крупицу и въ тоже время измѣнялъ полученное имъ достояніе согласно съ своею мѣстностью; а первый изобрѣтатель, пользуясь усовершенствованіемъ науки въ землѣ сосѣдней,

---

*) Чтеніе клинообразныхъ надписей началось основательно съ 50-хъ годовъ XIX вѣка. *Изд.*

принималъ измѣненія безполезныя вмѣстѣ съ улучшеніями истинными.

Имена владыкъ въ миѳологіи Зендской не совпадаютъ съ именами самаго солнца въ языкѣ народномъ, и поэтому можно усомниться въ тождествѣ солнца съ Миѳрою или Ормуздомъ. Самыя формы, въ которыя облечены эти духовныя божества, не представляютъ явнаго сношенія съ вещественнымъ свѣтиломъ. Мы не можемъ безъ излишней смѣлости приписать землѣ Зендской солнцепоклонство исключительное или даже опредѣленное; но Халдея въ этомъ отношеніи представляетъ гораздо болѣе вѣроятностей. Хотя имя *Ваалъ-Велъ* или *Баалъ-Белъ*, не есть собственное названіе солнца, но значеніе его *великій, свѣтлый* и *благой*, также какъ и *Элъ* (господинъ), можетъ легко быть принято за священное прозвище. Въ тоже время всѣ показанія древнихъ согласно утверждаютъ мнѣніе о важности солнца, какъ главнѣйшаго предмета поклоненія Ассирійцевъ.

Слово Балъ или Белъ, также какъ Валъ и Велъ, принадлежитъ Индо-Германской отрасли языковъ, а Элъ съ придыхательною относится къ Семитической, между которою и Индо-Германскою Ассирійскія нарѣчія вмѣстѣ съ Пехлеви и Парси составляютъ переходъ, такимъ образомъ, что Ассирійскія ближе къ Семитству, а Пехлеви и Парси къ Иранству. Въ самой Халдеѣ обѣ формы, Белъ и Элла почти однозначительныя, показываютъ родство со всѣми окружными племенами. Замѣтимъ также, что Гелъ, Элъ, Іолъ, Юлъ проходятъ почти весь міръ отъ Кельтской Галліи до береговъ Амура, до острововъ Тихаго океана и Мексики, сохраняя свое таинственное значеніе, какъ добро у Венгровъ, какъ годъ у Татаръ, какъ солнце на островахъ Дружества (Элаа), какъ духъ у Мексиканцевъ (Іолъ-истъ). Въ тоже время другая форма Велъ или Белъ и Балъ звучитъ въ Индіи не только въ языкѣ народномъ, но и въ миѳологическихъ названіяхъ Бали и Бали-Рама, въ Германскомъ Welt, walten, Gewalt, въ Греческомъ βελτιων, можетъ быть въ Латинскомъ velox, но особенно въ богатомъ развитіи Славянскаго *велій* съ его безконечными выводами, и *бѣлый* какъ свѣтлый и благой.

Просвѣщеніе раннихъ вѣковъ передавалось не книгами и не журналами, но живою рѣчью и живыми сношеніями народовъ. Молодое человѣчество жадно впитывало въ себя всякую новую мысль и всякое новое знаніе. Сказочная наука переходила по всей землѣ, привязываясь къ главному своему лицу Ваалу, котораго имя было понятно всѣмъ племенамъ, по свойству слова кореннаго, звучащаго таинственно во всѣхъ нарѣчіяхъ. Касты ученыя или высшія принимали знаніе со всѣми его символами, потому что символы, соединившіеся въ цѣлый и полный миѳъ, даютъ мысли прочность и неизмѣнность; они говоренное письмо, имѣющее жизненную силу, чуждую самой мысли, но вспомогательную для нея; они замѣна грамотѣ писанной. Касты темныя принимали ложныя понятія религіозныя и, мало-по-малу, смѣшивая идею солнца съ идеею своего мѣстнаго божества, окружали свою прежнюю вѣру обрядами, получающими смыслъ только отъ солнцепоклонства.

Русскимъ можно лучше другихъ народовъ Европы понять переходъ сагъ (сказаній) въ миѳы. Мы еще недавно вышли изъ эпохи легковѣрной простоты и затѣйливой сказочности. Это время далеко для всѣхъ другихъ. Чуть-чуть не на нашу память слово *сорока* (птица и женская рубашка) дало поводъ къ сказкамъ, связаннымъ съ лицами историческими и даже святыми, сказкамъ, которыя еще теперь повторяются въ Москвѣ. Одна изъ нихъ объясняется щеголеватостью иностранки-лжецарицы; другая — особеннымъ уставомъ одного изъ древнѣйшихъ нашихъ монастырей.

Кстати прибавлю, что самое названіе птицы не есть собственное, а метафорическое: *сорока* въ смыслѣ пестрой или нарядной. Дѣйствительно, отъ птицы-*сороки* нѣтъ (сколько мнѣ извѣстно) Славянскихъ выводныхъ названій, а слово *пѣгій* наводитъ на весьма простое заключеніе, что коренное имя самой птицы было *пѣга*, общее многимъ Индо-Германскимъ нарѣчіямъ. *Сорока* же въ смыслѣ женской рубашки такъ древне и общепринято, что оно передано отъ насъ сосѣдямъ нашимъ Шведамъ въ формѣ саркъ, хотя коренное Славянское начало ясно высказано въ *оторока*, *узорочный* и пр. *Сорока* значило рубашка нарядная.

Какъ скоро мы признали возможнымъ распространеніе истиннаго солнцепоклонства или его видимыхъ, т. е. обрядныхъ, признаковъ, мы уже не имѣемъ права по однимъ обрядамъ, окружающимъ таинства народной вѣры, судить объ ея первоначальномъ смыслѣ и, безъ всякихъ другихъ данныхъ, приводить къ одному началу всѣ миѳологіи отъ Мексики и Перу до Египта и Скандинавіи. Систематическій апріоризмъ, принимающій грубую чувственность и дикое невѣжество за первобытное состояніе человѣческаго рода и выводящій всякое чувство религіозное изъ однихъ ощущеній холода и тепла, темноты и свѣта, уже неприличенъ просвѣщенію нашего вѣка: онъ много-много былъ годенъ для XVIII-го столѣтія и его полуученыхъ проповѣдниковъ. Мы требуемъ не мнѣнія, а фактовъ, и не мертвыхъ фактовъ, а духа жизни и мысли, проявлявшагося въ нихъ. Очеркъ религій входитъ какъ составная часть въ физіологію народовъ, и каждая отдѣльная черта получаетъ свой смыслъ только въ совокупности всѣхъ другихъ.

Такъ поклоненіе змѣямъ идетъ отъ самой Палестины или Египта до глубины Китая; но, очевидно, нѣтъ никакаго сходства между змѣею Семитическою, эмблемою мудрости, вѣчно измѣняющейся жизни и силы движенія отвлеченной (т. е безъ особенныхъ органовъ движенія) и змѣею Индостанскою или Гималайскою (*нага*), которая, кажется, вышла изъ непонятнаго слова *нада* рѣка *), тоже что Бахаръ въ Абиссиніи. Впрочемъ нельзя также не замѣтить, что впослѣдствіи времени понятія Семитическое и Тибетское были соединены или, лучше сказать, смѣшаны.

Вѣроисповѣданія должны быть изучаемы въ связи съ цѣлымъ умственнымъ строемъ народовъ.

Вѣроисповѣданія слѣдуетъ, также какъ и племена, отыскивать по ихъ живымъ остаткамъ; но тутъ критикѣ представляется трудъ еще огромнѣйшій. Племена смѣшались, но по большей части сохранились. Религіи старыя по большей части исчезли безъ слѣдовъ передъ новыми сильными и многообъемлющими вѣрами. Хотя слѣдовъ видимыхъ не осталось, но осталась та жизнь или, лучше сказать, тотъ строй умственной жизни, который въ старину опредѣлялъ мѣстную вѣру, а теперь даетъ особенный храктеръ каждому отдѣлу большихъ круговъ религіозныхъ.

---

*) Хотя поклоненіе змѣямъ распространено было по всему Индостану, но главное его средоточіе — Тибетъ и его горный хребетъ. Вспомнимъ, что вся жизнь народовъ горныхъ сжимается въ узкихъ долинахъ, а всякая долина есть ложе или созданіе рѣки. Вотъ объясненіе слова *нага* и мнимаго змѣепоклонства.

Памятники исторіи религій. — Значеніе характера памятниковъ зодчества. — Древнѣйшіе принадлежатъ Эѳіопіи (библейскому Кушу). Ихъ хронологическое отношеніе къ памятникамъ Египта и южной Индіи.

Магометанизмъ Ирана не есть Исламъ Египта и Турціи; Буддаизмъ Китая не похожъ на ученіе Санкритскаго Шакья-Муни, и даже Христіанство, при всей его чистотѣ, при его возвышенности надъ всякою человѣческою личностью, принимаетъ разные виды у Славянина, у Романца, или Тевтона. Новая вѣра не измѣнена старою, но индивидуальность народовъ не теряетъ своихъ правъ, точно такъ же какъ и индивидуальность людей.

Для исторіи религій мы имѣемъ болѣе основъ, чѣмъ для исторіи государствъ. Кромѣ тѣхъ письменныхъ памятниковъ, о которыхъ было говорено, т. е. лѣтописей Еврейскихъ, Китайскихъ, Греческихъ, Цейлонскихъ и Римскихъ, мы имѣемъ отрывки поэзіи и законоположеній, остатки зодчества и обломки ваянія, которые, можетъ быть, древнѣе всѣхъ лѣтописей. Почти безполезные для исторіи, они раскрываютъ цѣлый міръ религіозныхъ и философскихъ мыслей, который важнѣе разсказа о бывшихъ государствахъ. Ниневія исчезла безъ слѣдовъ, и отъ всей славы Ассура осталось только поле покрытое кирпичами съ непонятными знаками: поэтому, какія бы ни были права югозападной Азіи на древность въ зодчествѣ, мы должны оставить ихъ безъ вниманія. Между Египтомъ, Эѳіопіей и Индіей остается сомнительный споръ; но всякій, кто прослѣдилъ безпристрастно ходъ подземныхъ памятниковъ Индіи, основное ихъ начало, усовершенствованіе по мѣрѣ отдаленія отъ морскаго берега и разногласіе копанныхъ храмовъ съ жизнію народа не-троглодитскаго, всякій, кто замѣтилъ, что эти храмы связаны съ системою религіи чувственной и жестокой и съ системою племени почти чернаго, уже призналъ новость памятниковъ зодчества Индустанскаго въ сравненіи съ храмами и обелисками Куша и Мисраима. Точно такое же разсужденіе ведетъ насъ къ подобному заключенію въ спорѣ Египта и Эѳіопіи. Чѣмъ далѣе зданіе къ истоку Нила, тѣмъ оно простѣе и ближе къ стилю пещерному, тѣмъ сходнѣе храмъ (жилище Божіе) съ человѣческимъ жилищемъ, и тѣмъ первобытнѣе и одностройнѣе форма. Чѣмъ болѣе проникаемъ на Сѣверъ, въ долину Египетскую, тѣмъ смѣлѣе строеніе выростаетъ изъ земли. Пещера уже не вырывается, а складывается изъ каменныхъ массъ, и таинственный монолитъ, уходя въ глубину святилища, свидѣтельствуетъ и о древнѣйшей формѣ храма, и о новыхъ усовершенствованіяхъ зодчества. Эѳіопія есть безспорная колыбель Египта политическаго и религіознаго.

Постепенность, съ которой столицы сперва возникаютъ на Югѣ и подаются мало-по-малу къ среднему и потомъ къ нижнему Египту, приводитъ насъ къ такому же заключенію; а заключеніе это снова подтверждается южнымъ происхожденіемъ Озириса и сѣвернымъ началомъ враждебнаго Тифона, бога чуждаго, которому пріятны люди бѣлокурые и рыжеволосые. Очевидно, что знойный Египетъ не могъ бояться вѣтровъ, дующихъ отъ Средиземнаго моря и приносящихъ съ собою отрадную прохладу: онъ боялся людей чуждыхъ, сѣверныхъ, племени рыжеволосаго.

Такимъ образомъ признавъ Эѳіопію, страну библейскаго Куша, хранительницею древнѣйшихъ памятниковъ зодчества, мы должны бы отыскать эпоху, къ которой можно отнести ея храмы, обелиски и пирамиды. Они очевидно принадлежатъ разнымъ вѣкамъ. Большая часть изъ нихъ относится ко временамъ довольно позднимъ; но нѣкоторые храмы должны предшествовать строенію стовратыхъ Ѳивъ, а пещеры еще древнѣе зданій. Самые Ѳивы, по приблизительному исчисленію слоевъ ила, служащаго основаніемъ ихъ стройнымъ громадамъ *), принадлежатъ къ 27 или 29-му столѣтію до Р. Х., т. е.

---

*) Вѣроятно авторъ не точно выразился. Исчисленіе слоевъ для опредѣленія времени построенія должно вестись обратнымъ порядкомъ. Древнѣйшій храмъ въ Ѳивахъ относится къ концу третьяго тысячелѣтія до Р. Х. *Изд.*

къ пятому, а можетъ быть седьмому вѣку до Авраама, нашедшаго уже роскошь и силу Фараоновъ на Египетскомъ престолѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія древности Эѳіопскихъ памятниковъ. Мероэ не представляетъ для хронологіи той геологической лѣтописи, которую находимъ въ Діосполисѣ.

Если Ѳивы значили *Діосполисъ*, т. е. градъ Юпитера или, по идеямъ Грека, вышняго Бога, мы невольно должны предположить, что этотъ Богъ не носилъ имени Озириса, и тогда замѣчаемъ сходство его названія съ формою главнаго божества пещерныхъ храмовъ въ Кушитскомъ Индустанѣ, великаго Дэва Шивы—разрушителя (*шива* или *шибъ*, или *сива сибъ—ѳиве* или *ѳивъ*).

Хотя остатки искусства Кушитовъ Эѳіопскихъ восходятъ, можетъ быть, до 35-го вѣка прежде Р. Х., т. е. до 17-го прежде Библіи, первой письменной лѣтописи человѣческой, они не могутъ, по отсутствію всякихъ объяснительныхъ преданій и разсказовъ, также какъ и по бѣдности въ изваяніяхъ и іероглифахъ, представить намъ значительныхъ пособій при изученіи современной имъ религіи. Древнѣйшими каменными письменами религіи должны мы признать памятники Ѳивъ и ихъ неисчетные іероглифы, твореніе вѣковъ до-Авраамовскихъ, т. е. 10-го или 11-го столѣтія до-библейскаго *).

Элефанта, Эллора и проч. по своей формѣ пещерной должны бы принадлежать ко времени, предшествовавшему строенію Ѳивъ, но не предшествовавшему первоначальнымъ храмамъ Египта, обратившимся впослѣдствіи въ некрополисы. Однакоже ихъ огромные размѣры, стройный и часто богатый стиль (я говорю о линіяхъ, а не объ украшеніяхъ, которыя могли быть произведеніемъ позднѣйшаго вѣка) заставляютъ отнести ихъ къ эпохѣ позднѣйшей, можетъ быть къ вѣку Авраама, или къ переселенію Израиля въ Египетъ. Если, какъ и должно предполагать, Кушиты Индустанскіе были выходцами изъ Эѳіопіи, а не Египта, то весьма понятно, почему они держались чистой пещерной формы, когда братья ихъ уже созидали ве-

---

*) Вѣроятно описка. *Изд.*

ликолѣпные подземные памятники въ странѣ смѣшенія, въ Мисраимѣ Фараоновъ.

Письменные источники исторіи религіи; но они не могутъ дать полнаго понятія о вѣрѣ народа.—Религію народа можно понять только взглядомъ на всю его жизнь и историческое его развитіе.

Трудно или лучше сказать невозможно прослѣдить всѣ остатки зодчества и ваянія древнихъ; но смѣло можно утвердить, что каменныя изображенія мысли религіозной далеко предшествуютъ всѣмъ отрывкамъ мысли, облеченной въ слово, на которыхъ можно намъ основать изслѣдованіе о вѣкахъ доисторическихъ. Поэзія Индіи, ея глубокомысленныя Веды, ея законы, приписанные древнѣйшему изъ людей—*Ману* (*Mann*, *Mensch мужъ*, и т. д.) и ея поэмы, прославляющія подвиги раннихъ героевъ, прослывшихъ аватарами Вишну, принадлежатъ эпохѣ поздней въ сравненіи съ храмами сѣверо-восточной Африки и южнаго Индустана. Даже тѣ произведенія, которыя, какъ Веды, восходятъ по своему содержанію къ самой глубокой древности, измѣнились въ формахъ языка и изложенія. Камень не истлѣваетъ и не перемѣняетъ своей наружности; слово человѣческое, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, принимаетъ въ себя новые образы и новыя мысли. Такова судьба всѣхъ произведеній не писанныхъ, а ввѣренныхъ памяти людской; такова въ особенности судьба всѣхъ ученій, заключенныхъ въ формахъ отрывчатыхъ и несвязныхъ.

Произведенія, имѣющія въ себѣ послѣдовательность и связь, гораздо менѣе подвержены искаженію: писанныя еще менѣе. Однако по мѣрѣ того, какъ языкъ измѣняется, какъ народъ удаляется отъ своихъ древнихъ понятій, и происшествія разсказанныя теряются въ глубинѣ времени прошедшаго, преданія словесныя или писанныя принимаютъ въ себя новыя слова, которыя служатъ часто невѣрнымъ переводомъ для словъ устарѣвшихъ: новыя толкованія для мыслей, которыя перестали быть понятными, новыя, часто произвольныя, объясненія для происшествій, темно сохранившихся въ народной молвѣ. Примѣчанія съ полей переходятъ въ текстъ, и дополнительныя вставки разрушаютъ простоту первоначальной повѣсти. Даже весьма нерѣдко два-три разсказа однаго и того же происшествія, изъ которыхъ каждый приноровленъ къ разному времени и разной мѣстности, соединяются въ одно цѣлое совѣстливымъ собирателемъ, предпочитающимъ излишество и даже противорѣчіе потерѣ свѣдѣнія, которое можетъ находиться въ текстѣ искаженномъ и не находиться въ другихъ исправнѣйшихъ. Замѣтимъ, что чѣмъ древнѣе и темнѣе произведеніе исторіи или поэзіи, тѣмъ болѣе оно требуетъ поясненій, и что поясненія дѣлаются языкомъ современнымъ и безъ архаизмовъ; такимъ образомъ, когда комментаріи вкрадутся въ текстъ, произведеніе десятивѣковое не представитъ поверхностному критику даже примѣтъ двухвѣковаго существованія, и безъ парадокса можно предположить, что чѣмъ новѣе твореніе, тѣмъ менѣе въ немъ найдется формъ совершенно новыхъ.

Источники для исторіи вѣръ богаче и древнѣе, чѣмъ для исторіи племенъ и народовъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, изслѣдованія о религіяхъ труднѣе всѣхъ другихъ изслѣдованій. Памятники каменные получаютъ смыслъ только отъ памятниковъ словесныхъ; памятники же словесные представляютъ обыкновенно только одну часть религіозной жизни, мнѣніе одной касты и умственное развитіе въ одномъ слоѣ общества.

До плѣненія Вавилонскаго много ли Евреевъ понимало Ветхій Завѣтъ? Не была ли Іудея полна алтарями Вааловъ, и Набо, и Астарты, и всѣми идолопоклонствами сосѣднихъ народовъ? Грубая вѣра, засвидѣтельствованная уродливыми изваяніями, животною жизнію и неистовствомъ разврата у подданныхъ Фараоновъ, или Птоломеевъ, не могла быть вѣрою просвѣщеннаго сословія жрецовъ; и свѣтлый Магизмъ Зендавесты, въ которомъ слышенъ какой-то отзвукъ Библіи и какое-то предчувствіе Новаго Завѣта, конечно не заключалъ въ себѣ всѣхъ суевѣрій и всей религіи Мидянъ или Персіянъ. Смѣшно бы было судить по сектѣ Лао-тсеу или по ученикамъ *Фо* въ Китаѣ о настоящемъ ученіи Будды и Лао-тсеу, или по Ведамъ о современной имъ вѣрѣ Индустана.

Приложенный къ Ведамъ календарь указываетъ, кажется, на 14-й вѣкъ до Р. Х., если этотъ календарь не поддѣлка позднѣйшаго времени, также какъ затмѣнія въ хроникахъ Китая восходятъ до 7-го вѣка. Веды безспорно старше законовъ Ману и всѣхъ прочихъ произведеній Индѣйской словесности: это уже доказывается всѣми формами языка и отсутствіемъ *а*, усиливающаго въ началѣ большей части словъ; но во всякомъ случаѣ, такъ какъ Веды не должны считаться твореніемъ одного человѣка, то приложенный къ нимъ календарь могъ бы только обозначать годъ, въ которомъ ихъ первый списокъ составленъ или торжественно освященъ. 32 вѣковая древность переноситъ насъ въ эпоху близкую основанія царства Израильскаго и, кажется, невозможно отнести ихъ къ ближайшему времени, по сличенію начала Буддаизма съ полнымъ развитіемъ Брахманства. Но тогда, когда Веды были закономъ для лучшихъ душъ, кто скажетъ, передъ какими чудовищами поклонялся народъ?

Такимъ образомъ, все писанное еще не даетъ яснаго понятія о состояніи вѣры въ древнія времена; изваянія же и произведенія зодчества не представляютъ полнаго смысла потому, что идолъ и символъ другъ на друга совершенно похожи по наружности и совершенно разнятся въ ихъ внутреннемъ характерѣ. Религію можно понять единственно по взгляду на всю жизнь народа и на полное его историческое развитіе.

Ко всѣмъ трудностямъ изслѣдованій о вѣроисповѣданіяхъ и о смыслѣ памятниковъ должно прибавить и то обстоятельство, что весьма часто изображенія на стѣнахъ храма не относятся къ вѣку самаго строенія, а содержатъ въ себѣ миѳы совершенно чуждые поколѣніямъ, воздвигнувшимъ храмъ. Въ Египтѣ это доказано безчисленными примѣрами, въ Индіи также и, по всей вѣроятности, даже многія изваянія, которыя почитаются древнѣйшими и современными зданіямъ, не выдержатъ строгой критики. Барельефы, живопись и всѣ украшенія—тѣже напольныя толкованія, вкравшіяся въ рукопись, но совершенно враждебныя ея простотѣ и истинѣ.

Древнѣйшіе памятники Персіи, Израиля и Индіи представляютъ совмѣстное существованіе въ народѣ двухъ религій, высшей и низшей.

Зенд-авеста признаётъ уже въ Иранѣ другую религію, религію поклоняющуюся Дэвамъ. Мозаисмъ возстаетъ противъ современнаго ему идолопоклонства. Древнѣйшая редакція Ведъ безспорно не древнѣе храмовъ многобожія. Одинъ Китай не представляетъ въ своихъ преданіяхъ никакого яснаго показанія о вѣрѣ грубой и унизительной для достоинства человѣческаго. Тіангъ (небо) представляется въ нихъ единственнымъ предметомъ обожанія. Если бы колоссъ Восточной Азіи не имѣлъ никакаго другаго достоинства, онъ уже поэтому заслужилъ бы свою сорокавѣковую древность.

Въ первую, древнѣйшую эпоху исторіи Азіатскихъ народовъ, мы находимъ у нихъ высокое и чистое понятіе о божествѣ: Индія, Персія, Израиль и Китай.

Невозможно рѣшительно утвердить, какая форма вѣрованія прежде всѣхъ появилась на землѣ; но смѣло можно сказать, что предположеніе о первоначальномъ служеніи стихіямъ совершенно ни на чемъ не основано и менѣе всѣхъ вѣроятно. Оно выдумано не добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ разумомъ, а невѣжествомъ и страстію; оно поддерживается слѣпою вѣрою въ старыя системы, на зло всѣмъ отзывамъ глубокой старины, на зло новооткрытымъ памятникамъ и духу просвѣщенной критики. Апріоризмъ въ исторіи, апріоризмъ безъ всякихъ основаній дѣльныхъ, безъ всякой гармоніи съ извѣстнымъ намъ ходомъ развитія человѣческаго, казался бы невозможнымъ въ наше время; а онъ все еще живетъ и сохраняетъ почетное мѣсто въ наукѣ, которую искажаетъ. Кто объяснитъ эту загадку?

Какъ бы ни началось изслѣдованіе, отъ нашего ли времени (мимо вліянія Христіанства), или ab ovo, т. е. отъ остатковъ стародавнихъ вѣковъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы понятія о вѣрѣ шли совершенствуясь постоянно; и слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго права предполагать, что древнѣйшія формы были въ тоже время самыми грубыми. Являлись изрѣдка на землѣ люди, освѣщенные свыше вдохновеніемъ прямымъ или благодатью высокаго разума, раздавались голоса, призывающіе къ лучшей жизни, проповѣдывались ученія, полныя глубокаго смысла и истины; но теченіе вѣковъ всегда помрачало новооткрытую правду, и человѣчество не подавалось впередъ по стезѣ духовнаго просвѣщенія. Гдѣ же доказательства первоначальнаго варварства?

Слово человѣческое весьма недостаточно, чтобы выразить мысль: духовность непремѣнно является въ образѣ вещественномъ. Послѣ столькихъ трудовъ надъ языкомъ и столькихъ усилій, чтобы отдѣлить сущность мысли отъ ея грубой оболочки, мы еще не сдѣлали ни шага впередъ. Всѣ слова, выражающія идею духа, содержатъ въ себѣ корни, относящіеся къ природѣ видимой и осязаемой. Поэтому, когда мы изслѣдованія свои возводимъ въ глубокую древность, мы не имѣемъ никакаго права требовать отъ нея точности выраженій, которой она напрасно бы стала требовать отъ насъ. Эта мысль должна бы представиться систематическимъ защитникамъ служенія стихійнаго и удержать ихъ въ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ словъ, оборотовъ и даже опредѣленій, которыя встрѣчаются въ остаткахъ письменности древней; но, къ несчастію, люди, которые посвятили себя изученію всего стараго, считаютъ себя въ правѣ не обращать вниманія ни на что современное.

Можно допустить, что опредѣленіе высшаго Бога въ Ведахъ часто похоже на опредѣленіе вещественнаго атома; но этого уже достаточно, чтобы понять чисто-духовный характеръ идеи: ибо сила божественная не могла быть представлена въ видѣ безконечно малаго пространства человѣкомъ не признающимъ духовнаго начала нашего вещественнаго. Брахмъ, или Бхрамъ, А-бхрамъ (вѣчно-подвижный—вѣчно-покойный) есть одно изъ самыхъ чистыхъ, самыхъ высокихъ выраженій духа или лучше сказать самосознанія. Зеруана-Акерене, не представляющее опредѣленной личности, переходитъ и у Зендскаго племени въ Агура-Маздао (Господинъ, Богъ великій), и потомъ уже созидаетъ низшія формы міра видимаго. Изъ этаго самаго понятно, что первая степень при переходѣ изъ состоянія отвлеченности безличной въ многообразіе вселенной (т. е. въ Агура-Маздао) представляла ученикамъ Зердушта самую высокую идею духовности, какую только могли вмѣстить въ себѣ ихъ понятія. Слово Тіангъ или небо, какъ сила параллельная силѣ земли, менѣе ясно выказываетъ внутреннее убѣжденіе древняго Китайца до появленія ученія Лао-тсеу или поклоненія чистому разуму (Тао). Но смыслъ Тіангъ (неба) опредѣляется нравственнымъ направленіемъ всѣхъ его предполагаемыхъ дѣйствій, постоянною подчиненностію земли, святостью высоко-человѣческаго служенія и, особенно, легкостью перехода отъ Тіанга къ Тао, который болѣе носитъ характеръ поясненія старой идеи Тіангъ, чѣмъ нововведеннаго понятія. — О Мозаизмѣ я считаю излишнимъ говорить: объ немъ уже довольно говорено учеными всей Европы. Я скажу только, что тотъ, кто прочелъ первыя строки книги Бытія и принялъ Бога Моисеева за вещественнаго, или мѣстнаго, или человѣкообразнаго Бога, тотъ вообще долженъ отказаться отъ всякаго чтенія: онъ можетъ разбирать и даже кое-какъ понимать отдѣльныя слова, но, конечно, не можетъ понять двухъ словъ сряду.

Вторая эпоха въ исторіи религій: огрубѣніе первоначальныхъ чистыхъ понятій, господство вещественности. Памятники Греціи представляютъ характеръ этой эпохи и сохранили только слабые слѣды первоначальныхъ религіозныхъ понятій.

Обзоръ всѣхъ древнѣйшихъ ученій представляетъ намъ человѣчество на высокой степени религіознаго образованія. Таковы ли ученія позднѣйшія? Вторая эпоха есть эпоха униженія, огрубѣнія понятій, одичанія жизни. Поклоненіе Небу, до реформы Лао-тсеу, принимаетъ уже въ себя начала растлѣнія. Мозаизмъ почти гибнетъ въ борьбѣ съ идолопоклонствомъ, ученіе Зердушта переходитъ въ поклоненіе огню видимому и Митрѣ плотскому; наконецъ Веды, искаженныя учеными и забытыя народомъ, являются въ исторіи Индустанскихъ религій, какъ обломокъ лучшаго міра умственнаго, совершенно чуждаго безумію позднѣйшаго многобожія, какъ укоризненное слово, оставленное великими предками въ обличеніе развратному потомству. Если бы была позволительна какая-нибудь система, основанная на фактахъ отдѣльныхъ и не принимающая въ соображеніе всего развитія человѣческаго, мы могли бы уже теперь признать единобожіе или всебожіе съ самосознаніемъ за первоначальную вѣру всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ Азіи.

Поэмы Гомера и Гезіода не даютъ намъ такаго выгоднаго понятія о религіяхъ южной Европы или племени Эллинскаго. Человѣкообразное представленіе божества, грубая вещественность въ служеніи, отсутствіе почти всякаго нравственнаго начала въ сказкахъ миѳическихъ, торжество силы и красоты тѣлесной, и наконецъ почти совершенная безчувственность поэтовъ къ идеѣ правды и добра, вотъ характеръ поэзіи Эллинской. Изрѣдка просвѣчивается сквозь духовный мракъ и нестройный хаосъ какой-то лучъ стародавней вѣры забытой; но этотъ слабый признакъ недостаточенъ для разрѣшенія задачи о первоначальномъ ученіи въ Элладѣ. Сомнительные гимны также мало удовлетворяютъ любопытство, какъ и поэмы, и Грецiя была бы совершенно безплодна для изслѣдованій о древнихъ ученіяхъ, если бы восточные миѳы не проглядывали въ Гезіодѣ и не подтверждали выводовъ, основанныхъ на памятникахъ другихъ народовъ. Какъ бы то ни было, можно утвердительно сказать, что первая религія въ Элладѣ, также какъ въ Китаѣ, признавала два божества или два божественныхъ полюса—небо и землю. Было ли это служеніе нравственное и духовное, или грубое и вещественное, мы не знаемъ; было ли оно даже Эллинское, или чуждое, мы не можемъ сказать; но нельзя не замѣтить, что три цикла, Ураносъ, Кроносъ и Зевсъ, наводятъ невольно на религію свѣта, стихій и человѣческаго образа.

Всѣ извѣстныя намъ религіи древности распредѣляются на три разряда. Единобожіе, многобожіе.—Второстепенное значеніе дуализма.

Добросовѣстное сличеніе всего извѣстнаго намъ даетъ слѣдующій выводъ. Всѣ религіи древности при первомъ мерцаніи историческаго свѣта представляются раздѣленными на три всеобъемлющіе разряда. Греція, Италія, Египетъ, Сирія и южная Индія преданы идолопоклонству и многобожію; сѣверная Индія признаетъ всебожіе, но съ личностью всеобщаго самосознанія (пантеизмъ теистическій); Израиль, Иранъ Зендскій и Китай поклоняются одному началу и источнику всего сущаго. Вѣры другихъ племенъ для насъ загадка, которая объясняется только изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ и изъ догадокъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Дуализмъ мною исключенъ изъ этихъ главныхъ разрядовъ по слѣдующей причинѣ. Онъ дѣлится на два направленія: дуализмъ, заключающій въ себѣ идею полярности мирной и производящей, и дуализмъ, содержащій въ себѣ борьбу началъ противоположныхъ по ихъ нравственному характеру. Представителю зла никогда не поклонялись, и поэтому религіи, въ которыхъ развито коренное понятіе о зломъ началѣ, носятъ печать двойственности (дуализма), а не двубожія (дуоѳеизмъ). Иранецъ признаетъ Ангро-Манью и Агура-Маздао, но поклоняется только послѣднему и надѣется на его окончательную побѣду: онъ единобожникъ*). Въ Египтѣ Тифонъ не от-

---

*) К. А. Коссовичъ отвергаетъ исконный дуализмъ у Иранцевъ, ср. Insrciptiones Pale-Persicae. *Изд.*

нимаетъ ни одного поклонника у свѣтлаго Озириса, хотя изрѣдка страхъ народный приносилъ ему жертвы умилостивляющія; вообще же имя Тифона преслѣдовалось проклятіями и поруганіемъ, и многобожіе Египтянъ опредѣляется не антагонизмомъ Тифона, а развитіемъ вѣры Озирисовой. Итакъ, мы видимъ, что единственныя двѣ страны, въ которыхъ мы встрѣчаемъ двойственность началъ враждебныхъ, Иранъ и Мизраимъ, принадлежатъ къ двумъ религіямъ совершенно различнымъ, именно къ единобожію и многобожію, не смотря на общій ихъ дуализмъ. Есть критики, которые къ вѣрамъ дуалистическимъ приписывали Грецію и Израиль. Явное смѣшеніе понятій. Тифонъ — начало и владыка равный Озирису; Агриманъ часто побѣждаетъ Ормузда, хотя долженъ пасть въ концѣ вѣковъ. Оба, т. е. Тифонъ и Агриманъ, братья своимъ противникамъ, дѣти-близнецы безличнаго начала Зеруана-Акерене или Кнефа. Сатана (см. всю Библію и особенно книгу Іова) есть злой рабъ, котораго дѣйствія подчинены законамъ, предписаннымъ отъ высшаго Бога. Онъ что-то въ отношеніи къ человѣку; онъ ничего въ отношеніи къ Богу. Греція помнитъ какую-то борьбу, какаго-то Тифона, какихъ-то Титановъ, но это пѣсня старины. Былъ ли въ Элладѣ когда-нибудь дуализмъ Иранскій, или простая борьба разныхъ вѣръ, изображенная въ поэтическомъ миѳѣ, или символическіе разсказы о силахъ природы, мы сказать не можемъ; но въ религіи уже развитой по собственно-Эллинскому духу, нѣтъ и тѣни нравственной двойственности. Дуализмъ полярный въ Китаѣ есть только дуализмъ мнимый. Земля передъ Небомъ совершенно ничтожна, и это доказывается безспорно тѣмъ, что издревле императоръ одному себѣ предоставляетъ право жертвоприношенія Небу. Владыка всѣхъ людей, онъ одинъ достоинъ поклоняться владыкѣ міра. Китаецъ—древній однобожникъ, такъ же какъ Иранецъ. А въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ полярность бросила корни глубокіе и составляетъ начало основное, мы находимъ уже не дуализмъ, а многобожіе. Третье начало—Горусъ или цѣлый рядъ боговъ, какъ въ Греціи дѣти Хроноса и Земли,—непремѣнно дополняетъ, такъ сказать, семейную картину двухъ первобытныхъ мирныхъ началъ, и цѣлая система боговъ мгновенно наполняетъ пространство вселенной. Такъ оно было, такъ оно должно было быть; и отъ этого дуоѳеизмъ полярный, также какъ и дуализмъ антагонистическій, можетъ считаться подраздѣленіемъ, но не долженъ занимать мѣста въ общихъ разрядахъ.

При самомъ началѣ исторіи мы встрѣчаемъ уже религіи смѣшанныя. Примѣры.

Вообще мы должны начать изслѣдованіе объ вѣрахъ тѣмъ самымъ замѣчаніемъ, съ котораго начали изслѣдованіе о племенахъ. Самый первый лучъ исторіи падаетъ уже на народы мѣшанные; самый первый лучъ ея освѣщаетъ также и религіи составныя. Но мы признаемъ еще болѣе. Сліяніе понятій религіозныхъ должно было явиться ранѣе, чѣмъ смѣшеніе племенъ. Началамъ вещественнымъ нужны сосѣдство и соприкосновеніе вещественное; начала духовныя не знаютъ разстояній.

Тогда, когда народы еще не вступили въ борьбу и не попали на счастливую мысль, что всѣмъ людямъ на землѣ тѣсно, избранники судьбы могли уже переходить отъ племени къ племени, влекомые похвальнымъ любопытствомъ или старою памятью о братствѣ человѣческомъ. Народъ принималъ безпаспортнаго гостя изъ далекой страны радушно и ласково, и пришелецъ возвращался въ свою родину, обогатившись новыми понятіями и оплодотворивъ понятія гостепріимныхъ своихъ хозяевъ. Сѣмя мысленное переносилось въ словѣ изъ края въ край земли, и синкретизмъ религіозный возникалъ изъ духовнаго размѣна. Вѣроятно, много было доисторическихъ Пиѳагоровъ, Лао-тсеу и Анахарсисовъ. Имена ихъ неизвѣстны, и дѣйствія на умъ согражданъ и иноплеменниковъ останутся вѣчною тайною; но сходство между ученіемъ разума (Тао) и Пиѳагорействомъ, распространеніе Буддаизма за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., согласіе между всѣми астрономическими символами въ земляхъ отдаленныхъ, а особенно, преданія о путешествіяхъ боговъ подкрѣпляютъ мнѣніе о древнемъ синкретизмѣ религій и философій; ибо въ вѣка молодости человѣческой неизвѣстенъ еще былъ раздоръ между мудростію и вѣнцомъ ея—вѣрою.

Кромѣ грубаго сращенія разныхъ миѳологій и обрядовъ, должно было происходить взаимное проникновеніе смысла и символа между разнородными ученіями о высшемъ началѣ. Такъ единобожіе принимало въ себя поклоненіе духамъ служебнымъ, всебожіе давало рѣзкую личность отвлеченному понятію міровой души, и многобожіе приписывало свойство всеобщей сущности начальнику своего Олимпа.

„Все, что ты видишь, въ чемъ движешься и живешь—это Зевсъ“, говоритъ Эллино-Римлянинъ; а между тѣмъ Китаецъ мало-по-малу начинаетъ строить алтари духамъ воздушнымъ, Иранецъ забываетъ Амшаспантовъ и приноситъ свои поклоненія служебнымъ Изедамъ*), а Брахманъ въ Ведахъ уже упоминаетъ о Сивѣ и Вишну. Эти имена, не получившія своего настоящаго значенія, являются какъ злые призраки, грозящіе первоначальной чистотѣ ученія, какъ формы опредѣленныя, вводящія многобожіе въ систему пантеистическую и долженствующія обратить чистое самопознаніе Брахмы въ отдѣльную, человѣкообразную и тревожную личность. Когда дѣйствіе развитія синкретистическаго исполнилось, когда миѳологія многобожеская овладѣла всѣмъ Индустаномъ, неудовлетворенная потребность глубоко-философской вѣры создала новое начало, Пара-Брахму, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ и первобытность Брахманизма, и его упадокъ, и жизненное его вліяніе на умственный ладъ Индѣйца.

Мы уже замѣтили разительное сходство Южной Индіи и Кушитской Африки въ направленіи зодчества и художествъ; видѣли, что Сиваизмъ былъ религіею простою и одноначальною, а не сектою Брахманизма (иначе бы Сиваизмъ перевелъ съ собою Брахманское начало въ Мероэ и Ѳивы), и должны были придти къ заключенію, что Шивъ или Сивъ, царствующій на божественномъ *Меру*, есть тотъ самый богъ, который пришелъ изъ Эѳіопскаго *Мероэ* и далъ имя свое *Ѳивъ* Діосполису, граду Мизраимскаго Зевса. Наконецъ, по всѣмъ законамъ критики безпристрастной и здравой, принимающей факты доказанные и отвергающей умствованія произвольныя, мы сочли себя въ правѣ признать Сиву, какъ божество южное, принятое послѣ долгой борьбы въ Брахманизмъ Иранскихъ переселенцевъ на берегахъ Гангеса и Индуса. Параллельное проявленіе въ Ведахъ этого имени съ именемъ Вишну можетъ навести на мысль, что въ тоже самое время, когда южные сосѣди Брахмановъ изъ-за Нербудды вводили къ нимъ зародышъ новаго служенія,

---

*) Древніе „Язата“, духи низшаго разряда. *Изд.*

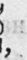
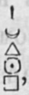
охотно принятаго добродушіемъ младенческаго синкретизма, другое ученіе проникло въ Индустанъ съ Сѣвера. Я выдаю догадку только за догадку. Прибавлю даже, что многое въ миѳахъ о Вишну указываетъ на Сѣверо-востокъ и на море; но съ другой стороны постоянно—сѣверная колыбель дѣятельности аватаровъ Вишну и коренное происхожденіе слова отъ *высъ*, *вышній* (Вишну) указываютъ отчасти на тотъ узелъ, въ которомъ раздѣлилась вѣтвь Санскритская отъ Вендской, т. е. на встрѣчу Инду-кху и Гиммалая. Быть можетъ, племя Сѣверо-Индустанское, не проснувшееся къ чувству вражды и хранящее свое чистое и самобытное служеніе, готово было признать божественныя права Сивы Кушитскаго и Вышняго Славянскаго, и не подозрѣвало еще всеобъемлющихъ требованій новыхъ стихій и новыхъ ученій. Повторяю, что это одна догадка; но она не покажется слишкомъ смѣлою, когда мы разсмотримъ всѣ слѣды прежняго сношенія между двумя племенами, которыя вѣка откинули на противоположные концы земли.

Отсутствіе вѣрнаго пониманія въ показаніяхъ древнихъ о религіяхъ чужихъ народовъ. Живой художественный смыслъ и здравый разумъ, при сочувствіи ко всѣмъ проявленіямъ человѣческаго духа, могутъ дать намъ понятіе о характерѣ древнихъ религій, не оставившихъ по себѣ письменныхъ памятниковъ. Открывается сродство религій народовъ отдаленныхъ. Примѣры: Славяне и Индія, Евреи и Ассирія, Иранъ и т. д.

Безъ всякаго сомнѣнія, исторія разнообразныхъ и богатыхъ миѳологій Сиріи, Финикіи, Египта и Вавилона раскрыла бы намъ многія тайны, которыхъ разрѣшеніе останется только предположеніемъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ; но трудно узнать истину отъ Грека, безчувственнаго къ глубокому смыслу миѳологій Восточныхъ, и невозможно изъяснить что-либо по краткимъ выраженіямъ пророковъ Еврейскихъ, для которыхъ всякое поклоненіе было мерзостью, кромѣ служенія единому Господу—*Элогимъ Адонаи*. Вѣра просвѣщенныхъ Этрусковъ еще меньше можетъ быть предметомъ изслѣдованій. Вещественный Римъ, тупой ко всему духовному, чуждый всякому чувству вѣры, понималъ въ мышленіи только приложеніе практическое, а въ богословіи только наружный обрядъ, связующій гражданъ въ единство служенія *(religio)*, точно также какъ законъ связывалъ ихъ въ единство государства. Онъ не умѣлъ ничего сказать намъ ни о древнихъ миѳологіяхъ Италіи, ни о Галлахъ, съ которыми его борьба продолжалась безъ малаго четыре вѣка, ни о Германцахъ, которыхъ пята должна была его сокрушить. Только самый народъ можетъ говорить дѣльно о своей вѣрѣ, какъ человѣкъ о своихъ мысляхъ и чувствахъ. Сторонній разсказчикъ всегда впадаетъ въ ошибки вольныя или невольныя.

Посмотрите на нашъ вѣкъ критическій и просвѣщенный, послушайте толкованія Западныхъ христіанъ объ ихъ Восточныхъ братьяхъ, и вы посмѣетесь или пожалѣете о человѣческой ограниченности.

Народы, отъ которыхъ не осталось памятниковъ письменныхъ, были бы совершенно мертвы для исторіи духовной человѣчества, если бы опытъ вѣковъ не училъ насъ всеобщей логикѣ души. Съ помощію аналогій, памятниковъ художественныхъ, свидѣтельствъ разныхъ вѣковъ и племенъ, мы можемъ часто возсоздавать, если не миѳологіи подробныя, объ утратѣ которыхъ нечего и жалѣть, то духъ ученій, который необходимъ для вѣрнаго понятія о жизни древней. Но въ этомъ трудѣ болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ нужна чистота истины художественной или человѣческой, сочувствіе со всякими проявленіями жизни умственной и вѣрный взглядъ на физіономіи народовъ въ сложности ихъ быта и дѣятельности. Языкознаніе, этимологія и вся копотливость учености только приготовляютъ данныя и пестрятъ науку безконечными подробностями; стройная сила здраваго разума слагаетъ распавшіеся кирпичи въ зданіи и разсѣянныя кости въ полные ȯстовы; живая сила здраваго чувства возвращаетъ зданію смыслъ, а ȯстову жизнь.

Мы должны замѣтить, что общій обзоръ миѳологій приводитъ къ любопытнымъ сближеніямъ, на которыя еще мало обращено вниманія. Система Эллино-Римская представляетъ одну разительную черту, отдѣляющую ее отъ всѣхъ другихъ: это художественное человѣкообразіе, котораго мы нигдѣ не встрѣчаемъ, не смотря на любовь другихъ народовъ къ художествамъ (напр. Египтянъ, Индѣйцевъ и пр.). Иранъ и Египетъ развиваютъ, въ формахъ совершенно противоположныхъ, идею враждебной двойственности. Всѣ дикія племена Сѣверной Азіи склонны къ неясному всебожію. Все племя черное ограничиваетъ свои понятія нелѣпостью фетишизма. Австралія и Южная Америка живутъ въ какомъ-то тупомъ равнодушіи ко всякой вѣрѣ. Это же равнодушіе отзывается въ Сѣверной Америкѣ, но смѣшивается съ слабымъ отзывомъ о духовности высшаго начала. Сиро-Финикійскіе народы развиваютъ полную систему звѣздопоклонства, соединенную со всѣмъ неистовствомъ разврата и съ безуміемъ кровожадности. Къ ней привязывается миѳологія Средней Америки, представляющая точно тѣже черты, кромѣ нравственнаго растлѣнія, и невольно наводитъ на мысль о какихъ-то древнихъ сношеніяхъ. Южная Галлія своими кровавыми жертвами свидѣтельствуетъ о вліяніи понятій Семитическихъ, которыхъ отзвуки слабѣютъ по мѣрѣ удаленія къ Сѣверу. Міръ Германскій, кромѣ Скандинавіи, безличностью своихъ боговъ напоминаетъ Иранъ, и въ Скандинавіи развиваетъ даже начало двойственности, измѣненное внѣшнимъ смѣшеніемъ отъ Юго-востока. Наконецъ, Индія и земли Славянскія представляютъ разительное сходство въ изображеніи боговъ. Было ли при томъ сродство духовное, мы не можемъ сказать; но безъ всякаго сомнѣнія, только міръ Славянскій и Индѣйскій поражаютъ насъ уродливымъ соединеніемъ образа человѣческаго съ чисто-символическимъ множествомъ головъ, рукъ и ногъ. Египетъ не знаетъ этого страннаго типа. Тамъ головы и оконечности птицъ и животныхъ сливаются съ формами человѣческими; но головы и руки не множатся, какъ въ Арконѣ и Бенаресѣ. Вѣроятно, что самое соединеніе разнородныхъ формъ произошло въ Египтѣ отъ простаго обращенія символическихъ украшеній въ тѣ части тѣла, которыя ими украшались: шлемъ сдѣлался головою и обувь ногою. Китай въ своихъ преданіяхъ сохранилъ память о миѳологіи, похожей на Египетскую, точно также какъ Египетское начало письменъ іероглифическихъ сдѣлалось основою грамоты Китайской. Греція въ Бріареѣ и его сторукой братьѣ не признавала боговъ и едва ли признавала что нибудь, кромѣ поэтическаго образа волнъ или непокорныхъ силъ міровыхъ. Только Славянамъ и Индустанцамъ пришла мысль ставить на свои алтари трехъ-четырехъ и пяти-главыхъ боговъ. Такое сходство не можетъ быть приписано случаю: оно подтверждаетъ выводы, основанные на сродствѣ языковъ, на ихъ общемъ строѣ и ладѣ, и не должно быть поставлено въ одинъ разрядъ съ случайнымъ однозвучіемъ именъ, напримѣръ: Сивы Индустанскаго и Сивы Славянскаго. Сива, богъ сѣва или сѣянія, встрѣчается также у Саксонцевъ вмѣстѣ съ Чернобогомъ, и также, какъ Чернобогъ, безъ всякаго сомнѣнія, доказываетъ сильное вліяніе племени Славянскаго на характеръ Саксонцевъ, который совершенно отличается отъ другихъ Германскихъ народовъ. Я надѣюсь, что самый упорный Германофилъ не поспоритъ въ происхожденіи словъ Сива отъ *сѣять, сѣвъ*, и Чернобога отъ *черный богъ*. Можетъ быть, ученые, признавши наконецъ изъ этихъ примѣровъ вліяніе Славянства на духовное развитіе Германіи, поймутъ примѣсь обычаевъ Славянскихъ въ жизни Саксонцевъ и, находя въ исторіи древней *гептархіи* слово *виттага* (Русское *вѣче* отъ *вѣщать)* и въ застольныхъ обрядахъ слово *васгейль* изъ *вашъ* Славянскаго и Германскаго *гейль*, перестанутъ говорить о вліяніи дикихъ Германцевъ на просвѣщеніе осѣдлыхъ Славянъ и примутся за объясненіе истинное, т. е. діаметрально противоположное прежнимъ системамъ. Какъ бы ни рѣшился этотъ вопросъ,—постоянное созвучіе Индіи съ міромъ Славянскимъ отзывается, кромѣ языка, въ миѳологіи, и позднѣе, въ формѣ храмостроительства съ главами. Эта форма, которая въ Европѣ принадлежитъ только Россіи, въ Азіи принадлежитъ собственно Индіи, и изъ Индіи уже перешла въ Иранъ, вслѣдствіе нападенія Мухаммеданъ, вѣроятно Газневидовъ, на за-Индусскій край. До сихъ поръ, кажется, неизвѣстно въ Иранѣ или земляхъ Мухаммеданскихъ ни одно строеніе съ главами, которому можно бы было приписать болѣе осьмивѣковой давности, а обычай завоевателей похищать изъ Индіи каменосѣчцевъ и строителей доказывается всѣми разсказами о войнахъ Газневидовъ, Гуридовъ и позднѣйшихъ Тимуридовъ. Глава же въ самой Индіи, хотя и принадлежитъ безъ различія всѣмъ исповѣданіямъ, но происходитъ, по моему мнѣнію, отъ символическаго водянаго пузыря учениковъ Будды. Таковъ, мнѣ кажется, смыслъ лѣтописей Сингалезскихъ, когда онѣ говорятъ: „такой-то царь выстроилъ столько-то храмовъ съ таинственнымъ пузыремъ“. Это мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что на нашихъ старыхъ церквахъ обыкновенно крестъ поддерживается фигурою полумѣсяца на кубѣ: , а иногда полумѣсяца на шарѣ и кубѣ: , которая совершенно соотвѣтствуетъ буддаистической эмблемѣ пяти стихій, т. е. полумѣсяцу съ огонькомъ на треугольникѣ, шарѣ и кубѣ: , встрѣчаемой на всѣхъ *ступахъ* или *дагобахъ*. Глава нашихъ храмовъ не должна быть объяснена отдѣльно отъ полумѣсяца, ни полумѣсяцъ отдѣльно отъ главы. Они взаимно служатъ другъ другу толкованіемъ и въ тоже время объясняютъ существованіе множества старинныхъ сказокъ Русскихъ, которыхъ безспорный источникъ въ Индіи, и вмѣстѣ съ характеристическимъ многоголовіемъ уродливыхъ идоловъ и съ коренньмъ сродствомъ всѣхъ звуковъ и формъ языковъ (а не грамматикъ) Славянскихъ и Санскритскихъ, должны убѣдить насъ въ истинѣ, которую я уже высказалъ: именно въ томъ, что племена Славянское и Санскритское не только вѣтви одного корня, но отдѣлились изъ одного узла, въ одномъ и томъ же возрастѣ великаго дерева. Впрочемъ, такъ какъ всякая односторонность сама въ себѣ уже заключаетъ ложь, надобно принимать племенное, первоначальное сродство за единственную причину всѣхъ параллельныхъ явленій; многое можно приписать синкретизму позднѣйшему, мыслямъ привитымъ, сношеніямъ торговымъ, или происхожденію самихъ художниковъ, которые приходили невольно къ намъ отъ Гангеса, переходя черезъ руки Турецкихъ и Финскихъ племенъ; но самая способность принимать одну форму и отвергать другую основана на коренномъ сходствѣ духовнаго строя.—Въ сводѣ религій мы не упомянули о Ветхомъ Завѣтѣ народа Израильскаго. Онъ стоитъ отдѣленъ и чистъ, полонъ самостоятельной простоты и вѣры глубокой, основанный не на умствованіи, а на духѣ жизни и преданія. Нельзя однако не замѣтить, что народъ Еврейскій (т. е. его избранники), чуждый всѣмъ другимъ народамъ и всѣмъ другимъ вѣрамъ, показываетъ иногда сочувствіе и даже какую-то любовь къ племенамъ, о которыхъ мы имѣемъ неполныя свидѣтельства. Много государствъ гибло въ безпрестанныхъ борьбахъ Ирана и Куша, Финикіи и Египта; много городовъ исчезало съ лица земли, и надъ ними гремѣла гроза пророческихъ проклятій; но когда гнѣвъ Божій готовилъ гибель Ниневіи, проснулись въ душѣ святаго Израильтянина жалость и горе; пророкъ пришелъ въ городъ Ассирійцевъ-завоевателей проповѣдывать слово покаянія и слово примиренія. На это ученые не обратили вниманія, а фактъ стоилъ изслѣдованія и изслѣдованія не грамматическаго, не Французско-скептическаго, а безстрастнаго и ученаго. Какъ бы ни стали смотрѣть на повѣствованіе объ Іонѣ-пророкѣ, какъ на происшествіе истинное или на поэтическую сагу, выводъ остается одинъ и тотъ же въ главной чертѣ. Египту не проповѣдывали покаянія, слуга вышняго Бога не приходилъ учить народъ Тира и Сидона, пророкъ не плакалъ о паденіи Вавилона. Отчего же такая нѣжность къ Ниневіи? Отъ союзовъ политическихъ? Цари дружились со всѣми сосѣдними народами, и съ Египтомъ, котораго союзъ не спасъ Израиля, и съ Финикіей, которая на корабляхъ своихъ возила купцовъ Еврейскихъ; но избранники Божіи не благословляли этихъ союзовъ. Одно только духовное сродство, связь племенная и религіозная, могли внушить мысль или сагу о проповѣди. Очевидно, что, не смотря на частыя войны и на грозу Санхериба, какой-то тайный союзъ соединялъ Израиля съ верховьями Ефрата и Тигра. Много свидѣтельствъ осталось намъ о томъ, что Ассирійцы уничтожали храмы и идолы другихъ народовъ, рубили священные лѣса и враждовали не только противъ народовъ, но и противъ религій чужихъ. Этотъ характеръ связываетъ исторію Ассиріи съ исторіею Ирана и наводитъ на предположеніе, что Ниневія болѣе принадлежала системѣ вѣрованій Зендскихъ, чѣмъ къ Сиро-Финикійской. Имя бога Низраха *), которому поклонялся Санхерибъ, ничего не доказываетъ; это частность, которой смыслъ не можетъ быть объясненъ нами, но частности исчезаютъ передъ общими физіономіями. Сочувствіе Персіи въ лицѣ Кира и Дарія съ остатками страдавшаго Израиля, вражда Камбиза противъ кумировъ Египта и, особенно, благородная и чисто-человѣческая черта сына Гистаспова, требовавшаго отъ Карѳагена отмѣны человѣческихъ жертвоприношеній, черта достойная души христіанской, не болѣе ли поясняютъ намъ духъ вѣры Иранской, чѣмъ темные разсказы Геродота и Ктезія? И точно такъ, какъ благосклонность

---

*) 2 Царствъ 19, 37. *Изд.*

владѣтелей Персіи къ Іудеѣ свидѣтельствуетъ о чистотѣ вѣры Зендской, такъ точно нѣжность пророка Израильскаго къ Ниневіи показываетъ, что Ассирія менѣе всѣхъ другихъ сосѣднихъ странъ погружена была въ идолопоклонство, или, по крайней мѣрѣ, болѣе другихъ сохраняла еще память о старинѣ и о святости духовнаго начала. Даже въ самомъ Вавилонѣ слышится какой-то отзывъ горной Халдеи; но южное вліяніе уже помрачило преданія, принесенныя съ Сѣвера, и многосложный синкретизмъ возникъ изъ сліянія разнородныхъ понятій. Во всякомъ случаѣ, праздникъ скиній, который сезъ сомнѣнія древнѣе Кира и Кіаксаровъ Мидійскихъ, и который педантствомъ ученыхъ стараго времени былъ нелѣпо объясняемъ изъ случайнаго сходства имени скиніи и народа Саковъ, принадлежалъ всѣмъ племенамъ, ведущимъ начало свое отъ береговъ Каспійскаго моря и отъ цѣпи Арарата или Демавенда. Много разврата вмѣшалось въ нравы народовъ Халдейскихъ, много мерзости помрачило общее праздество Иранцевъ, Ассирійцевъ, Вавилонянъ и Евреевъ; но самое праздество Саковъ было все-таки торжественнымъ воспоминаніемъ той эпохи, когда кочующіе пастыри пришли еще чистые и боголюбивые въ страну, населенную уже Кушитами градостроителями и рабами вещественнаго служенія.

Основные законы при изученіи древнихъ религій: 1) ихъ синкретизмъ; поводы къ нему.

Вѣра, какъ мы сказали, есть совершеннѣйшій плодъ народнаго образованія, крайній и высшій предѣлъ его развитія. Ложная или истинная, она въ себѣ заключаетъ весь міръ помысловъ и чувствъ человѣческихъ. Поэтому всѣ понятія, всѣ страсти, вся жизнь получаютъ отъ нея особенный характеръ; поэтому и они въ свою очередь напечатлѣваютъ на ней неизгладимые слѣды свои.—Синкретизмъ религіозный принимаетъ въ себѣ всѣ оттѣнки быта и мысли. Въ немъ отзываются вражда и страхъ, любовь и надежда: Олимпъ древній открывается для одного божества, потому что оно божество дружелюбнаго сосѣда, а для другого, потому, что оно покровительствуетъ грознымъ полчищамъ воинственныхъ дикарей. Перваго надобно угостить за добро и ласку, а второго подкупить, чтобы онъ не дѣлалъ вреда. Такъ напр. Римляне вызывали жертвами боговъ, владыкъ непріятельской земли или города. Иной символъ принимался потому, что онъ представлялъ глубокое призваніе души къ благу нравственному; другой потому, что онъ изображалъ непреодолимое влеченіе къ чувственному наслажденію. Наконецъ, все величіе и красота вселенной, все высокое спокойствіе и чистота неба мало-помалу принимаютъ въ себѣ отраженіе нестройнаго хаоса и бурныхъ волненій души, увлекаемой въ противоположныя направленія разумомъ и страстями.

Нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, чтобы Саксонцы были когда-нибудь принуждены насиліемъ Славянскимъ поклоняться Чернобогу. Этотъ кумиръ былъ ими занятъ отъ мирныхъ сосѣдей, а можетъ быть отъ завоеваннаго племени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Саксонцы долго хозяйничали въ землѣ Славянской, и едва ли Варины, которыхъ они поработили на берегахъ Рейна, не были Славянскою семьею, проникнувшею далеко на Западъ. Имъ, если не древнѣйшимъ Моринамъ и Менапіямъ, должно, кажется, приписать множество урочищъ въ Рейнской долинѣ съ Славянскими именами, о которыхъ мы говорили. Точно также Римляне брали себѣ боговъ отовсюду и, въ тоже время, распространяли поклоненіе своему Юпитеру, или Нептуну, или Фавну и такъ далѣе. Точно тоже, вѣроятно, происходило и въ земляхъ менѣе извѣстныхъ во времена отдаленныя; и во многихъ отношеніяхъ безконечное число боговъ Индѣйскихъ напоминаетъ ту эпоху, когда Римъ давалъ въ своихъ храмахъ право гражданства всей миѳологіи всѣхъ извѣстныхъ ему народовъ, и когда Греки ставили алтарь неизвѣстному богу для того, чтобы всякій неизвѣстный богъ могъ принять этотъ алтарь за свой. Христіанство положило предѣлъ безумію Рима и Греціи; но при другихъ обстоятельствахъ синкретизмъ могъ бы у нихъ представить такую же связь и послѣдовательность, какъ и въ Индустанѣ. Въ Брахманизмѣ трудно, хотя и не совсѣмъ невозможно, отдѣлить его составныя стихіи; но въ Будданзмѣ, не смотря на строгость и логическое развитіе системы, очень легко отыскать множество священныхъ именъ и преданій, совершенно чуждыхъ основной вѣрѣ и принятыхъ въ довольно позднія времена. Такъ имя Хормузда, какъ высшаго служебнаго духа, принадлежитъ Ирану и эпохѣ, въ которой уже утрачена была первоначальная форма Зендская; такъ, въ другихъ мѣстностяхъ, Брахма, которому Буддаисты поручаютъ туже должность, т. е. міроправителя, свидѣтельствуетъ о вліяніи Брахманизма, между тѣмъ какъ въ довольно древней рукописи на нарѣчіи Магахъ, отысканной Англичанами въ Сѣверномъ Индустанѣ, замѣтно соединеніе евангельскаго разсказа о Срѣтеніи и повѣсти о томъ, какъ Чандра-Рама натянулъ въ первый разъ свой побѣдоносный лукъ. Но оба разсказа о святомъ старцѣ Симеонѣ и о богатырѣ Рамѣ вставлены въ исторію Шакья-муни, древнѣйшаго основателя или реформатора Буддаизма. Въ лѣтописяхъ народа Израильскаго, которому было предназначено хранить чистую идею о единомъ Богѣ и котораго склонности безпрестанно влекли къ самому грубому многобожію, особенно видно стремленіе присвоивать себѣ всѣ кумиры народовъ сосѣднихъ. Онъ воюетъ противъ Аммонитовъ и Моабитовъ и ставитъ алтари Молоху и Камосу; онъ заключаетъ дружескіе союзы съ Финикіею и наполняетъ храмы свои идолами Ваала и Астарты. А съ другой стороны, Индѣецъ-пантеистъ не находитъ въ себѣ ни одного инстинкта плотскаго и ни одного призыва духовнаго, котораго бы онъ не призналъ за высшее, внѣшнее ему, начало. Желаніе мудрости и просвѣщенія олицетворяется для него въ Буддѣ, дикая страсть къ наслажденію и къ убійству дѣлается предметомъ поклоненія въ образѣ Дурги или Кали.

2) Въ синкретизмѣ миѳологическомъ коренныя божества народа удерживаютъ первое мѣсто, принятыя извнѣ являются служебными.—Примѣры и разборъ нѣкоторыхъ фактовъ миѳологіи Германской.

Для того, чтобы самый важный завѣтъ вѣковъ древнихъ вѣкамъ позднѣйшимъ,—религія помогла намъ раскрыть историческое развитіе народовъ, надобно отстранять всякую исключительную систему и отыскивать простые законы синкретизма. Однимъ изъ первыхъ правилъ можно принять то, что главное божество народа незавоеваннаго и необращеннаго въ чужую вѣру, есть божество, признанное самобытною мыслію народа, или остатокъ его первоначальныхъ преданій. Боги чуждые вводятся въ старую систему; но никогда племенное самолюбіе не отдаетъ имъ перваго мѣста въ миѳологическомъ мірѣ. Таково требованіе простаго разума.

Евреи поклонялись многимъ идоламъ, но никогда не вытѣсняли Адонаи-Iегову и не отдавали передъ нимъ первенства Молоху или Дагону или Камосу. Пророки, какъ служители высшаго Бога, были бы всегда въ уваженiи у самыхъ развратныхъ царей, если бы согласились на совмѣстничество другихъ религiй съ поклоненiемъ древнему вождю народа Израильскаго. Тѣ, которые читали Библiю и не поняли этого простаго смысла всѣхъ ея разсказовъ, не возмужали еще для исторической критики. Чувство, не испорченное филогическими тонкостями и излишнимъ потребленiемъ книжной пищи, не можетъ ни на минуту усомниться въ первобытности Еврейскаго преданiя о верховномъ духѣ, котораго имя, можетъ быть, измѣнялось въ теченiи вѣковъ, или лучше сказать, не измѣнялось, но облекалось въ покровы болѣе или менѣе прозрачные. Имя же въ религiяхъ коренныхъ не важно потому, что оно обыкновенно содержитъ въ себѣ только смыслъ власти, или свѣта, или чистоты: таковы Агура-Маздао, или Бхрамъ, или Брахмъ, или Ваалъ (свѣтлый) или Молохъ (господинъ) или Саръ (владыка) и такъ далѣе. Оно получаетъ важность только при передачѣ отъ народа къ народу. Такимъ образомъ находимъ мы, что Велесъ у Литовцевъ, второклассный богъ тѣней, есть заемъ, сдѣланный Литовцами у Сѣверно-Русскихъ Славянъ, и что Чернобогъ и Сива, взятые Саксонцами у Славянъ поморскихъ или при-Рейнскихъ, никогда не равнялись важностью съ кореннымъ Вотаномъ и не входили въ родословныя росписи царей. У Римлянъ или Грековъ божества, принятыя въ Олимпъ синкретизмомъ позднѣйшимъ, всегда являлись силами второстепенными въ сравненiи съ первоначальнымъ Зевесомъ или Юпитеромъ (отецъ Ю, который напоминаетъ Финскаго Ю-*маилу*, отъ кореннаго *ю* и *маилъ*, лучъ и свѣтъ въ нѣкоторыхъ при-Волжскихъ нарѣчiяхъ). Хормузда вошелъ также въ систему Буддаизма, какъ мы сказали, лицемъ служебнымъ. По этому правилу мы можемъ смѣло утверждать, что Брахма, Ваалъ и Вотанъ были первобытными и коренными божествами племенъ Индустанскаго, Ассирiйскаго и Скандинавскаго. Брахма, мало-по-малу стѣсненный чуждыми богами Вишну и Шива, удерживаетъ свои права подъ новою формою Пара-Брахма, который въ смыслѣ миѳологическомъ представляется источникомъ Брахмы, но для мыслящаго критика есть существо новое, выдуманное приверженцами Брахманизма, чтобы сохранить первенство стараго имени. Точно также двойственность Ваала, который въ послѣдній вѣкъ Ассиріи является въ одно время Вааломъ служебнымъ, такъ сказать бытовымъ, и Вааломъ отвлеченнымъ, почти безличнымъ, предшествующимъ системѣ тріадъ, доказываетъ, что въ миѳологію Вавилонскую вкрались уже начала чуждыя и что жрецы, хранители самобытности народной, искали для стараго утѣсненнаго бога убѣжища въ неопредѣленности до-міроваго существованія *). Отъ этого и прозвище Вотана или Одена, Альфатеръ, ясно показываетъ, что божество обще-Скандинавское устояло противъ напора Азовъ и Вановъ, хотя и оно, можетъ быть не принадлежало племени Германскому. Отсутствіе всѣхъ другихъ боговъ Скандинавіи въ народахъ, вышедшихъ изъ-за Балтійскаго полуострова на поприще дѣятельности Европейской, Готѳовъ, Лонгобардовъ, Саксовъ и другихъ, общее ихъ поклоненіе Водену, Одину, Вотану или Вуотану, исключаетъ это верховное божество изъ синкретическаго Олимпа Азовъ, Вановъ и Іотуновъ, представляемыхъ Тгоромъ, Ніордромъ и Тиромъ, и возводитъ его къ тѣмъ древнимъ вѣкамъ, когда Азъ-завоеватель и его союзникъ Вендъ не ступили еще на землю Готѳскую. Гораздо труднѣе опредѣлить, принадлежалъ ли Воданъ собственно Готѳской миѳологіи. Звукъ имени Отанъ заставилъ бы его отнести къ религіи Азовъ и искать въ немъ обще-Мидійской формы Отанесъ; но это предположеніе отстраняется замѣчаніемъ нашимъ о присутствіи Вотана во всѣхъ Готѳскихъ миѳологіяхъ, которымъ Азы совсѣмъ неизвѣстны. Ближе и положительнѣе можно бы было отслѣдить его происхожденіе по родословной, которая находится въ хаосѣ Эдды. Нѣтъ сомнѣнія, что многосложный Асгардъ и его исторія представляютъ нестройную смѣсь разнородныхъ стихій, въ которыхъ трудно добиться толка; но одно безспорно: связь Одена съ Азами весьма слаба даже по

---

*) Можно даже съ достовѣрностью опредѣлить, откуда приходили чуждыя стихіи, противъ которыхъ боролся первоначальный Ваализмъ. Имена Тауѳа, Даха и Аоса указываютъ на системы Египто-Финикійскую, Хананитскую и Сѣверно-Финикійскую въ лицахъ Таута, Дагона и Іао. Переходъ Таута въ мать боговъ и богини Дагонъ въ мужеское начало Дахосъ не долженъ удивлять просвѣщеннаго критика миѳологіи. *Изд.*

разсказамъ Эдды, хотя онъ и называется ихъ отцомъ, и мѣсто Одена, въ общей космогоніи и въ отношеніяхъ его въ первоявленному Имеру, весьма неопредѣленно. Онъ принадлежитъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ павшей системѣ религіозной. Однакоже не должно терять изъ виду, чтъ въ Эддѣ Оденъ—братъ Велія и Вея и сынъ Бури. Три послѣднія имени исчезаютъ потомъ безъ слѣда и не обращали, кажется, на себя ничьего вниманія. Германцы въ нихъ толка не нашли; но всякій Славянинъ или всякій знающій Славянскіе языки пойметъ простое иносказаніе. У Бури было трое сыновей: Воденъ, Велій и Вей (вѣющій). Не ясно ли, что эти дѣти—просто качества Бури? Вода, вѣтеръ и сила. Я знаю, какъ обманчивы чисто-этимологическіе выводы; но ими пренебрегать не должно, когда они сходятся съ простотою истины, основанной на знаніи племенныхъ характеровъ. Примѣръ Саксонцевъ доказалъ намъ духовное вліяніе Славянъ на Германцевъ. Родовая черта Германцевъ, склонность къ безформенности въ религіи, засвидѣтельствованная Римлянами и недавно еще отозвавшаяся въ направленіи Реформы, даетъ поводъ думать, чтоони такъ же мало опредѣляли имя божества, какъ и образъ его. Вотъ почему они могли дать верховному божеству имя иноязычное, занятое изъ понятій племени склоннаго къ образамъ опредѣленнымъ (къ морфизму), сохраняя между тѣмъ высокую идею объ общемъ началѣ—Альфатерѣ. Эта догадка подтверждается взглядомъ на религію Германцевъ Тацитовыхъ. Основатель рода ихъ Манъ, лицо божественное, сынъ бога Туискона. Невозможно не узнать въ Туисконѣ слова Теутискъ, которое сдѣлалось общимъ именемъ всего племени Германскаго. Такъ какъ ему нѣтъ корня, сколько нибудь извѣстнаго, въ языкахъ Нѣмецкихъ, то мы поневолѣ должны допустить начало миѳическое и принять за основаніе слово Теутъ, изъ котораго легко выводятся формы Теутиско (Tuisco) и Teutsch, имя древнихъ Теутоновъ. Между тѣмъ мы находимъ, что Кельтскій или Галлійскій богъ, которому приносились кровавыя человѣческія жертвы, назывался Теут-атесъ. изъ *Теудъ* и *ата*, звука коренного въ смыслѣ *Отецъ* почти на всѣхъ нарѣчіяхъ. Слово же *Теудъ*, въ разныхъ вѣтвяхъ Финскаго языка на Сѣверѣ значитъ тоже самое, что Манъ на Нѣмецкомъ, т.-е. человѣкъ, и соотвѣтствуетъ Бретанской формѣ *тудъ*, люди.

Вотъ несомнѣнный корень названія Тіудъ для Финновъ, изъ котораго замысловатость Славянская сдѣлала Чудь (также какъ *Нѣмецъ* изъ Неметовъ восточнаго Германскаго племени и *Язығъ* изъ Зиговъ или Адиге), чтобы дать смыслъ понятный непонятному имени сосѣда-иноплеменца. Точно также Славяне разсказывали Страбону или купцамъ, отъ которыхъ онъ получилъ это извѣстіе, что *Сарматы* одѣвались въ *сыромятныя* кожи. Трудно послѣ такого сближенія, основаннаго на безхитростномъ и, такъ сказать, невольномъ показаніи Славянъ, не признать, что слово Тіудъ или Теутъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ занято ими отъ Кельтовъ, ихъ старинныхъ насильниковъ по свидѣтельству Цезаря, и обращено ими въ названіе верховнаго божества или человѣка-первообраза. Тогда бы мы пришли къ простому заключенію, что Германцы, дикіе жители лѣсовъ, воинственные звѣроловы, склонные къ аморфизму въ религіи, приняли на Сѣверѣ, отъ Славянъ, Водена (брата Велія и Вея и сына Бури), а на Югѣ, отъ Кельтовъ, Теуда (отца людей, *мановъ*), какъ названіе для божества, дотолѣ безыменнаго. Во всякомъ случаѣ, я прибавлю, что въ такомъ толкованіи для Германцевъ болѣе чести, чѣмъ безчестія, хотя критика историческая и не должна заботиться о дѣтскомъ самолюбіи народовъ. Примѣръ Скандинавовъ, давшихъ иноязычное имя безыменному богу, не противно первому правилу, изложенному нами; какъ скоро же имя Водена укоренилось и сдѣлалось народнымъ, оно уже никогда не уступало первенства нововводимымъ богамъ *).

3) Характеръ божества отражаетъ въ себѣ характеръ племени и сохраняется при переходѣ къ другому племени. Примѣры. Слѣды племенныхъ отношеній въ миѳологіи Скандинавской и разборъ ея.

Характеръ божества болѣе или менѣе согласуется съ характеромъ народа, который ему поклоняется. Иначе быть не можетъ. Покуда люди не поставятся выше самихъ себя благодѣяніемъ духовнаго просвѣщенія, они въ богѣ будутъ воображать только себя въ большихъ размѣрахъ. Общечеловѣ-

---

*) Поэтому, когда въ двухъ миѳологіяхъ встрѣчается одно и тоже имя, въ одной какъ первостепенное, въ другой какъ подчиненное, мы можемъ сказать почти утвердительно, что у первой оно самобытное, а у второй заемное. *Изд.*

ческое, чистый образъ Бога, для нихъ недосягаемо, и невѣжественное желаніе быть богоподобными заставляетъ ихъ дѣлать божество человѣкоподобнымъ со всѣми примѣтами несовершеннаго, т.-е. племенного, человѣческаго развитія.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи даже ходъ мысли современной, въ землѣ, которой безспорно принадлежитъ до сихъ поръ первое мѣсто въ лѣстницѣ просвѣщенія. Углубившись въ умственный трудъ и ограничивъ почти всю дѣятельность свою наукою всеиспытующаго разума, она обращаетъ самое божество во всемірный субъектъ, во всевѣдѣніе: быть—это мыслить (положеніе справедливое, когда всякое духовное дѣйствіе называется мыслію) приняло ограниченный, смыслъ: быть—это знать.

Когда на идею разъ наложена печать мѣстности, а на лицо миѳическое печать племени, переходъ идеи или лица въ другую систему не измѣняетъ образа, принятаго первоначально, и въ многосложныхъ синкретизмахъ древности можно иногда очень легко отыскать отечество божества по отношеніямъ характера его къ характеру извѣстныхъ племенъ. Чѣмъ мирнѣе и легче составлялось сліяніе народовъ или религій, тѣмъ чище и неизмѣннѣе сохранялись черты, наложенныя воображеніемъ изобрѣтателей какого-нибудь миѳа; но даже при сліяніи, послѣдовавшемъ за борьбою, и борьбою упорною, родовые признаки не теряютъ своего значенія и своей опредѣлительности.

Вакхъ въ Элладѣ сохраняетъ характеръ чисто-южный. Я говорю впрочемъ о Діонизѣ, а не Вакхѣ Ѳракійскомъ; ибо миѳъ Вакха Ѳракійскаго, т.-е. пришедшаго или изъ Ѳракіи, или черезъ Ѳракію, ограничивается весьма немногимъ, и пополненъ, какъ кажется, сказками изъ Арамейскихъ или, лучше сказать, полу-Кушитскихъ религій. Чисто-символическое рожденіе Аѳины должно поразить всякаго художника, какъ совершенно чуждое характеру Эллинскому; но дальнѣйшее развитіе его принадлежитъ безспорно Элладѣ. Говоря объ Аѳинѣ, я считаю необходимымъ замѣтить, что ея происхожденіе представляетъ величайшія затрудненія. Сходство съ Нейѳъ указываетъ на Египетъ; прозвище сѣроглазой или бѣлоликой (ибо оба толкованія можно найти въ *глаукописъ*) напоминаетъ племена сѣверныя. Простота и многозначительность символа чисто-духовнаго указывают на Иранскій Востокъ, котораго древніе жители были также бѣлокуры и сѣроглазы (Мидяне). Весь же разсказъ объ ней заставляетъ предполагать, что миѳъ объ Аѳинѣ, такъ же какъ миѳы объ Вакхѣ и Прозерпинѣ, былъ первоначально тѣмъ, что я назвалъ говореннымъ іероглифомъ, принятымъ въ смыслѣ буквальномъ матеріальною грубостью низшихъ классовъ и позднѣйшихъ временъ. Соотвѣтствующая Аѳинѣ Минерва явно обозначаетъ свой символическій характеръ Индо-Германскимъ корнемъ (*ман* Санскритскимъ, meinen Нѣмецкимъ и *мню* Славянскимъ). Во всякомъ случаѣ, первоначальной Аѳины должно искать не въ стихійныхъ религіяхъ, а Вакха смѣшно бы было искать въ мыслящемъ Иранѣ.— Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что Скандинавскій синкретизмъ представляетъ самые ясные и поучительные примѣры боговъ, сохранившихъ первоначальные и ясные отпечатки племенъ. Асгардъ представляетъ въ себѣ три стихіи, совершенно отличныя другъ отъ друга: Азы, Ваны и Іотуны соединены въ одну миѳологическую систему. Объ Азахъ и ихъ характерѣ, выраженномъ въ Ѳорѣ, мы уже говорили. Іотуны представлены Тиромъ, сыномъ Тіасса. Въ его лицѣ соединена простота добродушнаго Финна съ безстрашіемъ не Германца, а Кельта, который шелъ на бой голый и почти безоружный (таковы свидѣтельства Римлянъ о Галлахъ вообще и объ ихъ удалыхъ *гезатахъ*). Доблесть высокая могла ввести въ Олимпъ воинственныхъ Аланъ-Азовъ, представителей народа чуждаго; но рука Тира, откушенная Фенриромъ, носитъ на себѣ клеймо народа побѣжденнаго. Впрочемъ, можно предположить не безъ вѣроятности, что Тиръ есть тотъ же Ѳоръ, перешедшій въ вѣру Финновъ отъ Алановъ и снова возвратившійся къ Аланамъ, не узнавшимъ своего стараго владыку. Тиру соотвѣтствуетъ Фрейръ, благородный, прекрасный, но лишенный своего побѣдоноснаго меча за гордое желаніе раздѣлить престолъ Одина. Въ немъ тоже виденъ побѣжденный народъ, народъ нѣкогда свободный (frei), подавленный непреодолимою силою Азовъ и принятый подъ кроткое покровительство ихъ союзниковъ Вановъ. Не вытерпѣло благородное племя подчиненности и униженія. Утѣсненное на Сѣверѣ, оно вылило въ Европу потокъ своихъ избранныхъ храбрецовъ. Готѳы и Саксы и Лонгобарды переплыли „Вендское блато“ и пошли искать на Югѣ свободы и славы, въ которой отказывало имъ прежнее отечество. Тамъ нашли они и славу, и власть, оставивъ своихъ единоплеменцевъ подъ щитомъ сильныхъ Вановъ. Въ Ванахъ видно и могущество, и кротость. Отношенія ихъ къ Азамъ—отношенія равнаго къ равному. Долго сражались они и, утомленные, заключили союзъ на честномъ условіи. Азъ Генеръ отданъ въ залогъ Ванамъ въ замѣнъ Вана Ніордра. Нѣтъ ни малѣйшаго слѣда побѣды ни съ одной, ни съ другой стороны. Равны были бойцы, но характеры ихъ совершенно различны. Добродушіе и богатство, любовь къ промысламъ и къ тишинѣ быта семейнаго, вотъ отличительныя черты племени Ванскаго. Если вы его еще не узнали, оно само себя выскажетъ: оно любитъ приволье морей и влагу прибрежнаго раздолья, оно не терпитъ (тамъ, гдѣ свободно) горныхъ вершинъ и дикости лѣсовъ, враждебныхъ хлѣбопашеству. Ніордръ не можетъ жить въ горныхъ чертогахъ своей жены Скади и удаляется отъ нея къ своимъ любимымъ волнамъ. Если вы и теперь его не узнали, онъ скажетъ вамъ, что родина его не Асгардъ, а Ванагеймъ или, еще опредѣлительнѣе, Нео-тунъ (изъ *neu* и *tun*, *Zaun* Германскій, *тынъ* Славянскій, *тунъ* Кельтскій, ограда), Новоградъ, тотъ самый древній Новый-городъ, который платилъ дань Эрманарику, а потомъ великому вождю Гунновъ и о которомъ упоминаетъ Іорнандъ подъ именемъ Navego *). Небо Вановъ, Ванагеймъ, выше земли людской, Манагейма, и ниже неба Аланскаго, Азагейма. Азы въ Скандинавіи были племенемъ царствующимъ, и вліяніе Вановъ было только достаточно, чтобы охранять своею всечеловѣческою любовью побѣжденнаго Фрейра, обезоруженнаго Готѳа. Небо Вановъ бѣдно, но только въ Скандинавіи. Самая немногочисленность этого племени боговъ показываетъ, что у нихъ другая родина, гдѣ силы ихъ достаточны для борьбы съ Азами. Впрочемъ, кромѣ Ніордра есть другое важное лицо, которое здравая критика должна причислить къ Ванамъ. Это царь пировъ, другъ пѣсень, мудрости и правды (in vino veritas), Браги. Его чаша первая въ застольной бесѣдѣ. Хотя его и называютъ сыномъ Одина, но я уже сказалъ, что отношеніе

---

*) Iornand, гл. XXIII. *Изд.*

Одина къ Асгарду и Ванагейму слишкомъ неясно, чтобы изъ этого вывесть какую нибудь твердую родословную. Характеръ Браги такъ ясно сходится съ описаніемъ Вановъ вообще, онъ такъ далекъ отъ всякой воинственной дѣятельности, что мы никакъ не можемъ его отнести къ Азамъ. Чаша его, давно забытая въ Скандинавіи, все еще веселитъ сердце Русскаго простолюдина, и имя стараго Браги (коренное Славянское отъ *брожу, броженіе*) до сихъ поръ означаетъ нашу пьяную радость и нашъ привилегированный развратъ. Фрейръ, какъ я уже сказалъ, есть дѣйствительно не сынъ, а пріемышъ Вановъ. Имя его, которое мы находимъ въ смыслѣ любовника у Чеховъ, вкралось къ нимъ отъ сосѣднихъ Германцевъ и, по этимологіи своей, совершенно чуждо Славянскимъ нарѣчіямъ. Но это нисколько не относится къ его подругѣ, красѣ Асгарда, богинѣ вещественной красоты. Она безспорно принадлежитъ Ванамъ. Венеты Иллирійскіе служили ей подъ названіемъ Фригіи. Римляне приняли ее подъ названіемъ Вендской (Vener, иначе Venus), наконецъ ей же поклонялись Скандинавы, называя ее Фрея и Ванадисъ (Венусъ, богиня Вановъ). Фрею можно считать представительницею Вендской миѳологіи болѣе, чѣмъ Ніордра. Она стоитъ наравнѣ съ Одиномъ и беретъ на свою долю половину убитыхъ въ сраженіяхъ,—воспоминаніе старыхъ битвъ, когда поровну падало Азовъ и Вановъ: ибо очевидно, что хотя первоначальный царь Азовъ есть Аза-Ѳоръ, но въ послѣдствіи времени они усвоили себѣ и приписали къ своему племени общаго владыку Скандинавіи, Водена. Впрочемъ, должно замѣтить, что самая подруга Одина, Фригга, почти исчезаетъ передъ подругою Фрейра, и можно предположить, что онѣ первоначально составляли одно и тоже лице и раздѣлились въ разныя эпохи миѳологическаго и народнаго наслоенія. Общее же ихъ начало—Златая Жена (Золотая Баба, Златовласая Венера, у Грековъ Афродита), можетъ быть, принятая Славянами отъ Закавказцевъ, можетъ быть принесенная ими изъ ихъ Закаспійскаго отечества, но во всякомъ случаѣ введенная именно ими въ Римскую и Сѣверную миѳологію и сохранившая имя богини Вановъ, Венусъ, Ванадисъ. Такое поклоненіе прилично было народу хлѣбопашному и торговому, кроткому и склонному болѣе къ беззаботности вещественной, чѣмъ къ напряженію умственнаго труда.

Другіе изслѣдователи, можетъ быть, покажутъ, было ли какое нибудь сношеніе между Золотою Бабою и Бабою-Ягою, между именемъ Яга-баба (жена-Яга) и Фриггою (Фру-Игга, Иггъ—имя Одина), и рѣшатъ споръ между этою этимологіею и другими (какъ-то Яга-баба, лѣсная женщина, отъ Финскаго Заволжскаго *ягъ*, боръ, или Акъ-баба, бѣлая женщина, отъ Финно-Турецкаго *акъ* бѣлый); можетъ быть, удастся изслѣдователямъ рѣшить вопросъ о томъ, произошла ли Золотая Баба отъ Диды Финикійской, и не ее ли поютъ наши пѣсни подъ названіемъ Дидо Лада (Дидолюбовная), или не пришла ли Яга-баба съ своею нелѣпою ступою отъ границъ Кашемира, гдѣ ей кланялись подъ именемъ Ситы и Лакшми, жены Вишну, и гдѣ ея храмы назывались *ступа* (теперешнее имя храма Будаистическаго въ Кабулѣ; въ другихъ мѣстахъ они зовутся дагобами)? Такія изслѣдованія требуютъ многихъ данныхъ, которыя для насъ еще недоступны; но главный вопросъ о миѳологіи Скандинавской рѣшенъ характерами Вановъ, Азовъ и Іотуновъ, соотвѣтствующими вполнѣ личностямъ Финской, Славянской въ ея чистой Вендской формѣ, и Аланъ-Азской*). Глаза открытые для истины обнимутъ однимъ взглядомъ простоту и историческую стройность этой системы. Вся прошедшая жизнь Скандинавіи въ ней отпечатлѣлась; борьба съ Финнами, свобода Готѳская, принятіе Готѳами имени собственнаго для бога безъименнаго отъ Славянъ-Вендовъ Прибалтійскихъ, наконецъ нашествіе великихъ Аланъ-Азовъ и ихъ непобѣжденныхъ враговъ, а потомъ союзниковъ—Вановъ. Мирно и согласно воцарились эти племена на Скандинавскомъ небѣ; мирно и дружно жили они нѣсколько времени на землѣ; но ихъ союзъ—утомленіе равныхъ борцевъ, а не дружба единокровныхъ. Они опять разойдутся, но не вступятъ уже въ прежній гибельный бой. Когда настанутъ сумерки боговъ, когда міръ сгоритъ въ огнѣ Суртура, и новый лучезарный міръ воскреснетъ изъ пепла, заложники союза, Генеръ и Ніордръ, возвратятся къ своимъ единокровнымъ; и мудрый Ванъ, и непобѣдимый Азъ заживутъ опять блаженно и весело въ разныхъ небесахъ подъ покровомъ вѣчнаго Отца-Альфатера. Миѳологія облекла въ прозрачную одежду сказки

---

*) Пропущено заключительное слово. *Изд.*

историческую повѣсть, смѣшавъ ее съ духовными и вещественными символами прежнихъ глубокомысленныхъ религій.

Въ нашъ вѣкъ, послѣ столькихъ розысканій, смѣшно еще видѣть въ Азахъ и Ванахъ чистыя идеи о божественныхъ силахъ, что-то въ родѣ Титанидовъ и Хронидовъ. Но бѣглый обзоръ всей системы представляетъ намъ неожиданно рѣзкій выводъ. Скандинавія по справедливости должна называться *Аза-Вана-геймъ*, а на другомъ концѣ свѣта, подъ другимъ небомъ, земля Кабульская называется у племени Санскритскаго Аза-Ванна-двипа, и эти двѣ страны связываются непрерывною цѣпью одноименныхъ народовъ. Принимать Азовъ и Вановъ за созданіе воображенія Скандинавскаго также разумно, какъ считать Вавилонъ, или Ниневію, или Спарту чистыми миѳами. Это народы, но какіе? Вѣтви какого корня? Мы уже знаемъ путь Аланъ-Азовъ отъ Кавказа до Скандинавіи; возвращаясь по немъ, мы находимъ около верховьевъ Волги Аланскія горы, теперешнюю Алаунскую плоскую возвышенность, и подлѣ нихъ на берегахъ Западной Двины (Дуная, Дуны), подручниковъ Сарматскихъ, Азъ-Зиговъ (Кавказцевъ Адиге, смѣшанныхъ съ Азами, Язами Аланскими); далѣе, спускаясь по теченію царственной Волги, встрѣчаемъ мы Птоломеевыхъ Азіотовъ, Азміянъ и Еримовъ (Азы и Эріене) подъ общимъ именемъ Алановъ, о которыхъ Китайцы говорятъ, что они назывались Великими Азами, а при династіи Ханъ приняли названіе А-лан-на и владѣли безконечнымъ пространствомъ земли, ограниченнымъ съ Сѣвера великимъ моремъ (Ледовитымъ), а съ Запада большими болотами (вѣроятно, *блатомъ* Азовъ, болотами за-Днѣпровскими и *Блатомъ* Вендскимъ). Въ Кавказѣ живые и воинственные остатки этого Восточно-Мидійскаго племени извѣстны нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Ясовъ, а намъ подъ именемъ Осетовъ. За Кавказомъ Арабскіе путешественники знаютъ храбрыхъ Алановъ, которыхъ земля цвѣтетъ какъ садъ, орошаемая искусственными потоками (черта Иранская); въ Мазендеранѣ онѣ извѣстны Персіянамъ какъ храбрые горцы, которыхъ городъ Аспрусъ (Азбургъ) долго противостоялъ усиліямъ Кай-Кавуса и защищенъ былъ Дивъ-Афидомъ (Бѣлый Дивъ, побѣжденный Рустемомъ и заключенный имъ въ пещеру горы Демавендъ по преданіямъ Ирана, воспѣтымъ въ Шахъ-Намахъ-Несръ). Далѣе на Востокъ и Юго-востокъ встрѣчаютъ они насъ въ лѣтописяхъ

Китайскихъ подъ именемъ Азовъ Южныхъ, которыхъ столица Аланъми, городъ Алановъ (не отъ слова ли *михъ*—великій, какъ въ Миѳра—Великій Ѳра?); и наконецъ, поэтическая словесность Индіи показываетъ намъ крайній ихъ слѣдъ на Юго-востокѣ въ теперешнемъ Кабулѣ, иначе землѣ Азовъ и Вановъ (Аза-Вана-двипа). Не миѳъ ли все это, у Русскихъ лѣтописцевъ, у Грековъ, Римлянъ, у Персіянъ, у Китайцевъ, которые съ ними воевали, мирились и вели торговлю? Не миѳъ ли всѣ народы міра?—Не менѣе ясно можемъ мы отслѣдить и другое племя, Вановъ. На Сѣверѣ, землю ихъ знаютъ Финны Карелы подъ именемъ Вэнэ-ма: это наша Россія. Скандинавцы называютъ ее Неотунъ (отчизна Ніордра и Фригги, Новгородъ). Далѣе на Югъ, Греки и Римляне сражаются съ Вендами (Славянами, искусными плавать, сражаться на водахъ, нырять и переправляться черезъ рѣки, см. Маврикія и Прокопія); на Юго-востокъ, между Днѣпромъ и Волгою, Китайскіе лѣтописцы знаютъ, что они поочередно съ Азами давали названіе свое всей землѣ, которая сперва называлась страна Та-Азовъ (Азовъ Великихъ), потомъ Ан-тсаи или Ан-цаи (Анты), потомъ А-лан-на, потомъ Ѳе-су или Вен-на-ша. Эта страна связывается посредствомъ сѣвернаго берега Каспія и Арала, на которомъ живутъ Птоломеевы Сербы и Валы (Хвалисы нашихъ лѣтописцевъ, одноплеменники Булгарамъ, давшіе названіе Хвалисскому морю) и Карпы,—съ землею восточною, Великихъ Вановъ, о которыхъ Китайцы оставили намъ безчисленныя свидѣтельства. Замѣтимъ, что въ миѳахъ Скандинавіи славится имя Вала (сына Одина и Ринды, княжны изъ земли Вендской), мстителя за смерть Бальдера. Хвалисы не были ли племенемъ мѣшаннымъ? Великіе Ваны, Китайскіе *Та-ванъ* столько же извѣстны Индустанцамъ, сколько Ваны Сѣверные Финнамъ. Книги Санскритскія, саги ихъ и поэмы наполнены именемъ этихъ Вановъ. Земля ихъ, Вахни-станъ, лежитъ на Сѣверъ отъ Кушъ-двипы (Кашмира), около скатовъ Памира, также какъ и въ показаніяхъ Китайцевъ; и Ваны, нѣсколько разъ врывавшіеся въ Индустанъ, покорили его при царѣ своемъ Кала-Явана, котораго Кришна побѣдилъ только хитростью. И эти Ваны, извѣстные Грекамъ подъ именемъ Венедовъ, Китайцамъ подъ именемъ Вен-на-ша и Та-ванъ, называются въ Санскритскихъ поэмахъ Ванады.

Кажется, и это не миѳъ, а народъ.

И такъ мы прослѣдили эти два племени, которыя имѣли такое сильное вліяніе на всю жизнь Ирана и Индіи, а на Сѣверѣ создали новыя государства, богатыя славою и историческимъ развитіемъ. Но представляя такъ ясно и неоспоримо фактъ ихъ движенія, я нимало не думаю утверждать, чтобы вся миѳологія Скандинавіи ограничивалась иносказательною повѣстью о движеніи народовъ съ Юга на Сѣверъ. Такія одностороннія системы не достойны современной науки. Широкій объемъ религіи синкретической принялъ въ себя исторію и сохранилъ ее намъ въ видѣ миѳа; но онъ окружилъ ее прелестями поэзіи, символами науки астрономической, глубокомысленными думами философическаго умозрѣнія и старыми преданіями, завѣщанными дѣтствомъ рода человѣческаго временамъ позднѣйшимъ. Народы сдѣлались богами, но не одни народы. Строгость мысли и разгулъ воображенія наполнили сѣверное небо чудными существами, которыя питаются „силой земною, моремъ прохладнымъ, медомъ пѣвцевъ“ (Пѣснь Гиндлу)*). Мы только отыскали историческую стихію племенъ, съ которою тѣсно связана вся духовная жизнь составнаго народа. Характеръ самыхъ миѳовъ находится въ совершенной гармоніи, какъ я уже сказалъ, съ духомъ народовъ и носитъ всегда отпечатокъ своей первоначальной родины. Азы, въ которыхъ мы уже знаемъ Осетовъ и Алановъ и въ которыхъ лѣтописи Китайскія намъ ясно представляютъ Парѳянъ по мѣсту жительства, по исторіи и по обычаямъ, Азы являются всегда и вездѣ съ одною и тою же личностью рѣзкою и опредѣленною: это воинъ гордый, славолюбивый, жадный къ власти и завоеваніямъ, воинъ нѣкогда просвѣщенный и достигшій высокаго развитія духовнаго, потомъ одичалый, но сохранившій даже на Сѣверѣ благородныя черты Иранской физіономіи. Китайцы знаютъ ихъ на Югѣ, какъ племя стрѣлковъ, воинственныхъ и безпокойныхъ; Персіяне, въ своихъ поэтическихъ преданіяхъ, спасаются отъ нихъ только непобѣдимою силою Рустема; Аравитяне, наши лѣтописцы и мы видимъ ихъ бодрыми и смѣлыми жителями ущелій Кавказскихъ; Греки и Римляне говорятъ о гордыхъ и непобѣдимыхъ полкахъ Алановъ Сарматскихъ (Азовъ) и объ ихъ красотѣ. Наконецъ, Азы миѳологіи Скандинавской суть высочайшій идеалъ

---

*) Ссылка на эту пѣснь Эдды относится не къ записаннымъ, какъ могло бы казаться, изъ нея словамъ, а къ перечисленію „небожителей“. *Изд.*

неутомимаго воина, которому небо представляется въ видѣ никогда не перестающей битвы. Мы знаемъ характеръ ихъ, ихъ исторію и ихъ колыбель, именно Мазендеранъ и юго-восточный берегъ Каспія. Къ Индустану (когда бы здравая критика даже и не доказывала, что оттуда никогда никто на Сѣверо-востокъ не выходилъ) они принадлежать не могутъ, ибо въ Кабулѣ они уже являются какъ племя мѣшанное *(Аза-Вана)* и не выходящее изъ Индіи, а врывающееся въ нее, вѣроятно во время великаго нашествія Ванадовъ, воспѣтаго въ поэмѣ о смерти Кала-Явана. Сверхъ того, имена вождей ихъ (т. е. Сарматскихъ) чисто-Иранскія во всѣхъ историкахъ Запада; божество ихъ—*Ѳоръ* (Тхоръ) есть Ѳра Великій, Мих-ѳра; и всякій безпристрастный читатель признаетъ эту истину при сравненіи Эдды съ Зендавестою, при сличеніи обязанностей и дѣйствій Миѳры и Аза-Ѳора, ихъ таинственнаго вооруженія молотомъ и ихъ постояннаго сраженія противъ змѣи Агримановой или Мисгардской. Наконецъ, можно бы найти въ имени сына Ѳора, Магни или Могни, котораго младенческая сила освобождаетъ отца отъ тяжести великана,—магизмъ, окончательное развитіе Миѳраизма. Соображая нашествіе Киммерійцевъ на Малую Азію и Скиѳовъ, ихъ побѣдителей, на Иранъ, съ появленіемъ Сарматовъ (Азовъ) на низовьяхъ Волги, мы можемъ опредѣлить почти съ математическою точностью время, когда племя Азовъ перешло Кавказъ: оно относится къ VII-му вѣку до Р. Х. Долгія и упорныя битвы должны были до того времени происходить въ ущеліяхъ Кавказскихъ, около Желѣзныхъ и Каспійскихъ воротъ, между Иранскими и сѣверными удальцами. Память объ этой Кавказской стѣнѣ, о которой столько преданій осталось на Востокѣ, перенесена была на Сѣверъ, на крайнюю границу царства Сарматовъ, границу, которой они достигли вѣроятно лѣтъ за сто до Р. Х. Эта эпоха опредѣляется тоже съ совершенною достовѣрностью посредствомъ сравненія свидѣтельствъ Плинія, Птоломея и другихъ съ переходомъ въ Германію утѣсненныхъ Готѳовъ и Лангобардовъ; не поклонявшихся Тору (хотя, можетъ быть, и прежде того были уже Готѳскія поселенія на Балтійскомъ поморьѣ).—Но миѳъ о стѣнѣ Каспійской помогаетъ намъ опредѣлить съ ясностью другое племя. Борьба происходитъ въ миѳологіи между Азами и Іотунами, которыхъ имя находимъ мы до сихъ поръ въ Ютландѣ или Іотландѣ. Борьба историческая должна была происходить между Киммерійцами (Кимри, Кумри) и Аланами на Кавказѣ, ибо позднѣйшіе Скиѳы не удержали Иранскаго напора. Ютландія же или Іотландъ называлась еще у древнихъ (также какъ Крымъ) полуостровомъ Кимврическимъ. Вотъ ясное свидѣтельство, что Іотуны суть не что иное, какъ безстрашные Кимри или Киммерійцы, соперники Азовъ у Каспійскихъ воротъ, изгнанные Скиѳами и бѣжавшіе на Западъ по сѣверной Германіи и Вендскому поморію до края Европы; тѣже самые Кимри, передъ которыми трепеталъ Римъ, но которые уступили побѣду сильнѣйшимъ Аза-Ванамъ и представляются въ Асгардѣ въ лицѣ безрукаго Тира. Такъ какъ, очевидно, Кельто-Кумрійцы не были поглощены племенами Азовъ, Вановъ или Готѳовъ, остается еще вопросъ: отношеніе Тира къ Іотунамъ не представляетъ ли единоплеменности Финновъ и Кимри и не указываетъ ли оно въ тоже время на Кимрическій корень Кавказскихъ *Адиге* (Зиги), отъ которыхъ составилось имя *Язъ-Зиговъ*, какъ имя Кельтъ-Иберовъ или Аза-Вановъ и другихъ?

Ваны, въ которыхъ мы уже узнали Славянъ, представляютъ намъ также самую ясную характеристику. Сильные Азы, богатые Ваны, говоритъ Эдда постоянно. Не нужно мнѣ повторять уже давно извѣстныя свидѣтельства о Вендской торговлѣ; но прибавлю, что Индѣйскія преданія, представляя намъ доказательства временнаго духа завоеванія у Ванадовъ, въ тоже время описываютъ и Кала-Явану и его подданныхъ (Вановъ), какъ людей кроткихъ и просвѣщенныхъ. Китайцы свидѣтельствуютъ иногда объ великомъ пространствѣ царства Ванскаго (*Та-Вановъ*, Вендовъ Великихъ), иногда о томъ, какъ вся земля Ванская составлена изъ безконечнаго числа малыхъ общинъ; но всегда повторяютъ одну и туже черту: народъ недикій и сильно торговый. Наконецъ, даже въ нашъ вѣкъ, послѣ столькихъ переворотовъ и столькихъ бѣдствій, послѣ утраты языка и жизни народной, труженикъ старо-Ванской земли, Сартъ, вассалъ Турецкаго завоевателя, еще сохранилъ свою любовь къ мирному прибытку и помнитъ свой путь на Сѣверо-востокъ. Должно ли прибавить другую черту Ванской физіономіи, любовь къ круговой чашѣ? Китайцамъ она была извѣстна; ибо нарочно для торговцевъ Ванскихъ сѣяли Китайцы какое-то растеніе *по-тао*, изъ которыхъ иначе, находимъ мы до сихъ поръ въ Ютландъ или Іоткотораго Ваны дѣлали крѣпкій напитокъ. Видно, они изъ своей родины принесли на Сѣверъ кубокъ Браги, радость сѣверныхъ пировъ.

Труднѣе опредѣлить время движенія Вановъ на Западъ. Было ли оно современно съ движеніемъ Азовъ? Въ такомъ случаѣ мы бы должны признать двѣ миграціи Вендовъ: первую, предшествовавшую всѣмъ другимъ переходамъ изъ Азіи въ среднюю Европу и которую мы такъ безспорно прослѣдили до Атлантическаго океана, и вторую, единовременную со вступленіемъ Алановъ-Сарматовъ въ Приволжскую степь. Этимъ объяснилось бы раздѣленіе языка Славянскаго на два нарѣчія и большее сходство Санскритскаго языка съ восточно, чѣмъ съ западно-Славянскимъ. Впрочемъ, такъ какъ путь Вановъ разнится отъ пути Аланскаго, ибо одни шли сѣвернымъ берегомъ Каспія и степью Киргизскою, а другіе (Сарматы) южнымъ берегомъ Каспія и долинами Кавказскими: мы не имѣемъ права утверждать единовременность ихъ движенія, и даже по разселенію Вендскому можно полагать съ достовѣрностью, что вступленіе Вендовъ (восточныхъ Иранцевъ) въ Европу предшествовало миграціи Азовъ и что земля ихъ была разрѣзана воинственнымъ народомъ средне-Иранскихъ выходцевъ. Когда общими ихъ силами Скиѳы (вытѣснившіе Кимровъ) были въ свою очередь откинуты за Уральскій хребетъ или за Волгу, оба племени снова пришли въ безпрестанныя столкновенія, также какъ и на первоначальной своей родинѣ. Тогда начались долгія и упорныя битвы, въ которыхъ ни тотъ, ни другой народъ не одолѣлъ и которыя кончились союзомъ политическимъ и религіознымъ. Тогда возобновилось явленіе древнихъ вѣковъ, и Азы съ Ванами вступили ровнымъ шагомъ въ Скандинавію, такъ какъ они встарину уже вступили въ Кабулъ подъ именемъ Аза-вана (не тоже ли чтó Яз-ванъ или Яваны, которыхъ едва ли можно принимать за Грековъ? Впрочемъ, это этимологія сомнительная). Безъ всякаго сомнѣнія, многочисленность Ванскаго племени могла бы легко восторжествовать надъ Аланами; но мы не должны забывать, что Венды, предпріимчивые и разсчетливые торговцы, были мало способны соединяться въ плотную массу и сосредоточивать свои силы въ государственныхъ формахъ. Какъ бы то ни было, мы можемъ понять, что Азы, по внутренней гармоніи характеровъ, легко срослись съ Готѳами-

Германцами на Сѣверѣ, также какъ и на Югѣ въ Гишпанскомъ полуостровѣ, и вытѣснили мало-по-малу стихію Славянскую; но послѣдній ударъ, нанесенный вліянію Гардарика (Россіи) на Свеонію, есть безспорно битва при Бравалле, въ которой Сигурдъ Рингъ одержалъ побѣду надъ Гаральдомъ Гильдетандомъ и силами восточными. Данія гораздо долѣе оставалась въ зависимости отъ поморья Славянскаго (это ясно изъ Саксона и изъ притязаній Ганзы въ началѣ Бургомистрской войны), и долго, долго еще Скандинавы то платили дань Поморянамъ, то воевали съ ними, то учились морскому удальству въ Славянскомъ Юлинѣ, центрѣ поморскаго козачества и родинѣ Пальна-Токи, первообраза Телля Швейцарскаго. Не Германская и не Скандинавская сила сокрушила могущество западныхъ Славянъ: послѣ Оттоновъ (при Генрихѣ Святомъ) они брали дань съ сѣвернаго полуострова, грозили уничтоженіемъ имперіи Германской, владѣли Балтійскимъ моремъ. Ихъ сокрушили ихъ же братья, полу-Кельтскіе Ляхи, и безчувственное властолюбіе Болеславовъ *).

Такова трагическая судьба Славянскихъ племенъ: таково передъ ними преступленіе Польши!

Простой и безпристрастный разборъ миѳовъ и печати, наложенной на нихъ характеромъ племенъ, навели насъ на путь, по которому разрѣшились всѣ вопросы, касающіеся до древняго Сѣвера, и развилась стройно и ясно исторія двухъ могучихъ племенъ, которыхъ лѣтописи и сказанія до насъ не доходили. Одно изъ нихъ дало Скандинавіи духъ силы военной и связности государственной съ религіей Миѳры и дуализмомъ Иранскимъ. Другое бросило въ народахъ Германскихъ сѣмена торговли и предпріимчивости, которою Норманны прославились на моряхъ, вмѣстѣ съ поклоненіемъ богинѣ красоты, которую Римляне узнали подъ именемъ Фригга-

---

*) Что древняя Польша отдала въ руки Германіи своихъ сосѣдей и ближайшихъ соплеменниковъ, Славянъ Прибалтійскихъ, и не только не поддержала ихъ въ отчаянной борьбѣ, которую они вели за свою независимость, но сама даже содѣйствовала ихъ гибели, это фактъ историческій; но предположеніе о Кельтской примѣси въ Ляхахъ, принадлежащее автору вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими современными ему писателями, едва ли оправдывается при болѣе подробномъ знакомствѣ съ свидѣтельствами о Польской старинѣ. *Изд.*

Венусъ, а Скандинавы подъ именемъ Фрія-Ванадисъ. Системы, основанныя на апріоризмѣ, односторонности и этимологическихъ сплетняхъ, падутъ; но истина нашлась легко и свободно въ добросовѣстномъ сводѣ фактовъ и показаній разныхъ народовъ, а особенно въ человѣческомъ изученіи людскихъ племенъ съ ихъ физіономіею бытовою и религіозною.

Иногда божество, переходя къ другому племени, мѣняетъ свой характеръ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождающихъ этотъ переходъ.—Примѣры: миѳы о Семирамидѣ и др.

Впрочемъ, лице миѳическое не всегда представляетъ собою характеръ того народа, котораго воображеніемъ оно создано. Переходя въ другой миѳологическій міръ, оно къ прежнему своему значенію присоединяетъ еще новый характеръ, зависящій отъ отношеній народа изобрѣтателя и народа, принявшаго чуждое божество. Когда племя шло на брань, нося на знаменахъ своихъ изображеніе своего невидимаго покровителя, устрашенный непріятель принималъ въ свой Олимпъ грозное божество и старался не только умилостивить, но и переманить его на свою сторону. Мы говорили уже объ этомъ явленіи, весьма обыкновенномъ въ древности; но легко понять, что чувство страха, внушеннаго первоначально оружіемъ завоевателей, оставалось навсегда въ памяти побѣжденныхъ, и мысль о грозѣ военной неразрывно связывалась съ понятіемъ о богѣ, новопринятомъ въ старую систему.

Этого обстоятельства не должно терять изъ виду при изслѣдованіяхъ миѳологическихъ въ ихъ историческомъ смыслѣ. Начало зла не должны мы всегда принимать собственно за начало зла, но за изображеніе вражды. Божество благое, покровительствующее племени непріятельскому, казалось неразборчивому взгляду древняго народа божествомъ грознымъ и уничтожающимъ. Такова логика непросвѣщеннаго чувства; но его проявленіе не всегда одинаково. Иногда, и даже очень часто, чуждый богъ дѣлался символомъ всего враждебнаго; иногда онъ сохранялъ аттрибуты добраго духа и только принималъ эмблемы воинственныя, чуждыя его первоначальному характеру.

„Страшенъ мечъ голубицы и разрушительна сила ея“, говоритъ пророкъ народа Еврейскаго. Давно уже всѣмъ извѣстно, что эти слова относятся къ Вавилону, и что голубица есть символъ таинственной покровительницы южно-Ассирійскаго царства, Семирамиды, изъ которой время позднѣйшее, привыкшее къ антропоморфизму и къ поклоненію героямъ, сдѣлало какую-то древнюю небывалую царицу. Невозможно сказать утвердительно, чтобы никогда не было въ Ассиріи великой правительницы съ колоссальнымъ геніемъ и непреклонною волею, смѣлой въ предпріятіяхъ и счастливой въ войнѣ; невозможно сказать, чтобы, по обычаю, которому мы знаемъ много примѣровъ, она не приняла имени народнаго божества и не утратила своего собственнаго названія въ новомъ прозвищѣ. Все это могло быть, и даже вѣроятно было; но принимать Семирамиду за чисто-историческое лицо и не узнавать въ ней божества Ассирійскаго, вкравшагося въ исторію по общему ходу мыслей на Востокѣ, а не перешедшаго изъ исторіи въ миѳъ по обычаю Запада, уже не позволительно при теперешнемъ состояніи критики. Странное сочетаніе меча и голубицы есть фактъ весьма разительный и объясняющій многое въ развитіи миѳологій. Израиль, уже принявшій въ себя идею чистаго единобожія, не приносилъ жертвъ богинѣ Ассирійской, хотя онъ нѣсколько времени поклонялся ея матери *Деркето*; но другой народъ, болѣе склонный къ синкретизму религіозному, принялъ бы ее, безспорно, съ аттрибутомъ меча. Самое простое разсужденіе и взглядъ на символъ голубицы, который вездѣ принадлежалъ богинѣ любви, приводятъ къ тому заключенію, что Семирамида была именно въ древности представительницею любви и красоты. Это ясно изъ ея изображеній, найденныхъ на обломкахъ памятниковъ Вавилонскихъ, и еще болѣе изъ всего разсказа, который древніе выдаютъ намъ за ея исторію. Трудно предположить, чтобы ей былъ первоначально приписанъ воинственный характеръ; трудно повѣрить, чтобы голубь былъ избранъ символомъ для богини вооруженной. Такое смѣшеніе несогласно съ простымъ развитіемъ человѣческихъ понятій; но такъ какъ Ассирія не высылала мирныхъ колоній, какъ Финикія, а мечемъ распространяла свои владѣнія, изображеніе ея покровительницы являлось съ оружіемъ у другихъ народовъ. Скажемъ болѣе: свидѣтельства древнихъ почти единогласны въ томъ, что сначала Халдеи (а Семирамида-Астарта есть богиня Халдейская, это ясно изъ ея отношеній къ Нину) не имѣли у себя кумировъ, но приняли ихъ вѣроятно отъ западныхъ и юго-западныхъ сосѣдей. Поэтому легко понять, что они свое собственное божество стали изображить такъ, какъ оно представлялось сначала испуганному воображенію племенъ Сиро-Финикійскихъ. Астарта Халдейская, принятая въ систему, въ которой Деркето Ханаанская была лицемъ первенствующимъ, поставлена была на степень низшую, въ отношеніяхъ подчиненности дочери къ матери; но потомъ, съ распространеніемъ власти Ассирійской, торжество ея было представлено въ символахъ, противорѣчащихъ сагѣ, выдуманной самолюбіемъ Ханаанитовъ, и составилось странное сліяніе понятій и изоображеній. Мирная богиня, богиня-голубица, явилась съ копьемъ въ рукѣ, и нога дочери попирала кумиръ своей мнимой матери. Вотъ, какъ мнѣ кажется, самое естественное толкованіе Астарты-Семирамиды или Венеры въ ея Пафосскомъ изображеніи и вооруженной Венеры въ Лакедемонѣ, гдѣ она была, безспорно, божествомъ не народнымъ, а принятымъ извнѣ. Такимъ же образомъ, вѣроятно, должно объяснять вооруженіе сѣверной богини, пришедшей въ Элладу изъ земли Славянской, богини, которая, по родословной своей и характеристикѣ, кажется совершенно отличною отъ Афродиты, но которую можно узнать, по рожденію на островѣ, по символу молодаго мѣсяца и особенно по имени, за туже Венеру: Венусъ, Вана-дисъ, Дисъ-вана, Діана. Впрочемъ, я знаю, какъ шатко всякое мнѣніе, основанное на одной этимологіи, и долженъ признаться, что имя Діаны можетъ быть объяснено или формою Дисъ-вана, или корнемъ Дѣва, что совершенно согласно съ словомъ Парθеносъ, или словомъ Сіяна, съ переходомъ *с* въ *д*, какъ Даки и Саки. Во всякомъ случаѣ, трудно отрицать ея Славянское происхожденіе и не замѣтить сходства съ Венерою Дунайскою (Дунай, какъ мы видѣли, тотъ же Донъ), Венусъ-Танаитисъ. Кажется, можно утверждать безъ ошибки, что эта за-Евксинская Діана смѣшана съ Малоазійскою Артемидою, вслѣдствіе позднѣйшаго срощенія разныхъ миθологій. По тому самому правилу, по которому мы видимъ, что Сиро-Финикійскіе народы дали копье Астартѣ Ассирійской, по которому Ґреки дали лукъ и стрѣлы богинѣ Славянъ Задунайскихъ, а Скандинавы отдѣлили Винадасъ-Фреѣ половину убитыхъ въ сраженіи,—

мы можемъ судить, что Римляне вооружили бы божество Вановъ-Венетовъ, Венусъ, если бы первоначальныя отношенія ихъ къ Славянскому племени не были совершенно дружественными. Безоружность Венеры-Фриги указываетъ намъ на старую связь Рима и Илліріи, подтвержденную общею сказкою о Троянскомъ происхожденіи и принятіемъ Венетовъ въ число гражданъ и сенаторовъ Римскихъ, едва ли не прежде всѣхъ другихъ племенъ. Впрочемъ, вражда такъ рано началась между народами, что мало найдется боговъ, которые бы не взялись за оружіе, или для нападенія, или для собственной защиты. Даже кроткое и глубокомысленное лице Брахмы искажено цѣлымъ арсеналомъ стрѣлъ, и копій, и мечей, хотя онъ рѣдко ими самъ владѣетъ, а только даетъ ихъ на прокатъ своимъ любимцамъ.

Борьба религій напечатлѣвается на характерѣ божествъ и понятіяхъ о нихъ.— Примѣры: сказаніе о поклоненіи Евреевъ Тифону; отношенія Тифона къ Озирису и другіе миѳы, свидѣтельствующіе о борьбѣ духовной религіи народовъ сѣверныхъ, Иранскихъ, и стихійной религіи народовъ южныхъ, Кушитовъ.

Двѣ религіи, основанныя на противоположныхъ началахъ, не могутъ слиться въ мирное единство безъ упорной борьбы; но, во время борьбы, оба враждующія начала искажаются, то излишнею напряженностью, то взаимными уступками. Понятно, что чисто-духовная вѣра должна смотрѣть на вещественность какъ на корень всякаго зла; но таково достоинство души человѣческой, что поклонникъ стихій едва ли можетъ принять бога духовнаго за представителя злаго начала. Вѣроятно, такое мнѣніе и не могло бы родиться при здравомъ развитіи понятій; но разумъ дѣйствуетъ свободно только въ удаленіи отъ страстей, а вражда живетъ на землѣ искони. Чистый образъ божества, который нашелъ бы созвучіе въ душѣ всѣхъ людей, внушалъ отвращеніе и страхъ, потому что онъ казался покровителемъ племени враждебнаго, и ненависть къ людямъ переходила въ ненависть къ предмету ихъ поклоненія. Отъ этого, когда мы видимъ дуализмъ развитый или въ зародышѣ у какого-нибудь народа, мы должны разсмотрѣть начало божества благаго и по его характеру узнать, какая именно сторона жизни и духа выражается въ мнимомъ божествѣ зла; вѣрить же на слово показаніямъ древнихъ писателей, ослѣпленныхъ одностороннимъ направленіемъ мысли, безразсудно и непростительно; а къ несчастію, почти всѣ критики впадаютъ въ эту ошибку, и наука, вѣчно перебирая хаосъ фактовъ, разсказанныхъ кое-какъ, не можетъ никакъ ихъ привести въ стройное и органическое цѣлое.

Гностики, какъ всѣмъ извѣстно, признававшіе ветхозавѣтнаго Саваоѳа за духа зла, очевидно почерпнули свое странное ученіе изъ Египетскаго (можетъ быть и Ханаанскаго) источника. Поклоненіе Евреевъ Тифону засвидѣтельствовано писателями древности, слѣдовавшими показанію Египтянъ Вообще такое мнѣніе считается ошибкою, плодомъ недостаточной критики и сбивчиваго понятія, а можетъ быть и выдумкою злой клеветы. Но, прежде чѣмъ мы произнесемъ приговоръ, надобно еще узнать, какая мысль первоначально выражена была Тифономъ, и не совпала ли она съ идеею божества, которому поклонялись Евреи. Критики начинаютъ съ того, что признаютъ Тифона за олицетвореніе зла, и потомъ отвергаютъ всякое сходство между нимъ и Іеговою. Гораздо естественнѣе и разумнѣе бы было сперва признать сходство и посмотрѣть, не выводится ли изъ него настоящій характеръ Озирисова брата и врага. Мы видѣли, что памятники Египта были произведеніемъ духа, развившагося около верховьевъ Нила, въ землѣ Кушитской; что просвѣщеніе Египта шло съ Юга и мало-по-малу подвигалось на Сѣверъ, составляя новыя царства и приходя въ соприкосновеніе съ стихіями чуждыми; что самые таинственные образы религіи были почерпнуты изъ природы южной, и самыя таинственныя святилища, монолиты, которые были скрыты отъ непосвященныхъ взоровъ, вырывались изъ скалъ родной Эѳіопіи. Самое имя Ѳивъ (Діосполисъ) открыло намъ единство Зевса, т. е. высшаго бога Египетскаго, съ Сивою, сыномъ или владѣтелемъ горной области Мероэ. Это сходство подтверждается древнимъ именемъ Мероэ, Саба или Шева, и опровергаетъ безсмысленное показаніе, будто бы имя Мероэ дано Шевѣ завоевателемъ Камбизомъ. Духъ страсти вещественной, духъ стихійнаго служенія проявляется во всѣхъ очеркахъ религіи Египетской. Знойное солнце экватора свѣтило надъ колыбелью Озирисовой миѳологіи (Шиваизма), роскошная растительность экватора осѣняла ее. Подвигаясь къ Сѣверу, она встрѣтила другія мысли и чувства, рожденныя другимъ небомъ и другою духовною жизнью; она ихъ встрѣтила не дружественно, а враждебно, потому что они принесены были племенами кочевыми и воинственными, народами открывавшими себѣ путь мечемъ на далекій Югъ. Къ несчастію, высокое направленіе мысли сѣверной было соединено съ безпокойною гордостью, требующею повиновенія отъ всѣхъ другихъ народовъ, а благородное племя не принимаетъ вооруженнаго апостольства. Эта истина доказана легкимъ введеніемъ Христіанства въ Россію и кровавою борьбою Поморья Славянскаго противъ Германскихъ проповѣдниковъ-меченосцевъ. Тифонизмъ былъ преобладающею религіею при Гиксосахъ и сопровождался человѣческими жертвоприношеніями. Гиксосовъ же, кто бы они ни были, нельзя не признавать за пришельцевъ сѣверо-восточныхъ. Тифону посвящены были постоянно въ Египтѣ люди бѣлокурые и рыжіе, между тѣмъ какъ животныя рыжія были эмблемами божественныхъ силъ Озирисовыхъ. Наконецъ, Сѣверъ былъ для Египтянъ областью ненавистною, Тифоническою, море сѣверное было моремъ проклятымъ, Тифоническимъ, между тѣмъ какъ сотни Египетскихъ кораблей бороздили южный Океанъ и его заливы. Конечно не холодъ Сѣвера, не благодатная свѣжесть вѣтра морскаго были такъ ненавистны жителямъ знойной долины Нильской, не рѣдкость бѣлокурыхъ и рыжихъ людей внушала Египтянамъ отвращеніе отъ нихъ, отвращеніе, соединенное со страхомъ (ибо мы знаемъ, что во всѣхъ земляхъ, гдѣ большинство черноволосыхъ, рыжіе въ почетѣ). Память старыхъ обидъ, стараго угнетенія, нашествія изъ сѣверныхъ странъ выговаривается во всемъ, что только касается Тифона. Съ этимъ сопряжена вражда противъ быта кочеваго и пастушескаго, которой древность засвидѣтельствована Моисеемъ. Я знаю, что самая матеріальная потребность хлѣбопашества должна была удалять пастуховъ изъ узкаго пространства, оплодотворяемаго Ниломъ, и не обратилъ бы вниманія на ненависть Египтянъ къ пастухамъ, если бы она не соединилась съ миѳическими указаніями на нашествіе сѣверныхъ Тифонидовъ, рыжевласыхъ и кочевыхъ. Легко было прослѣдить Сиваизмъ въ Индіи отъ берега юго-западнаго, т. е. обращеннаго къ Африкѣ, до внутренности земли: этотъ слѣдъ живетъ въ памятникахъ, въ подземныхъ храмахъ, въ миѳахъ, въ сказкахъ и въ отношеніяхъ Брахманизма къ Раванѣ, Шиваитскому храмостроителю по преданію самихъ Индѣйцевъ. Легко было отыскать колыбель Сивы въ Мероэ (Меру) или Шева и слѣдить за его ходомъ на Сѣверъ до его столицы Ѳивъ въ верхнемъ Египтѣ, узнать характеръ его ученія, наконецъ, составить себѣ полное и ясное понятіе о движеніи народа Кушитскаго и мысли Кушитской и объ его огромномъ вліяніи на всю древнію жизнь. Но тутъ мы имѣли много данныхъ положительныхъ, особенно же самое имя, сохранившееся неизмѣннымъ въ продолженіе сорока вѣковъ. Имя же Тифона исчезаетъ за границами Египта, или является въ религіяхъ синкретическихъ лицемъ второстепеннымъ, безъ опредѣленной жизни и, еще хуже, съ такими явными признаками Египетскаго вліянія, что наши понятія объ немъ нимало не уясняются.

Представляется другой путь для достиженія цѣли: мы должны его прослѣдить. Показанія древнихъ о вѣрѣ Евреевъ трояки: Евреи покланяются Ираклу, Хроносу, Тифону. Первое очень важно; оно относится ко времени довольно отдаленному, ибо на немъ должно быть основано предположеніе Спартанцевъ объ общемъ ихъ происхожденіи и предположенный союзъ Спарты и Израиля, уваженіе Александра къ Іерусалиму и благосклонность его къ Евреямъ; наконецъ, самое имя Иракла, которое представляется одночащимъ съ именемъ Израиля и содержитъ въ себѣ смыслъ силы Божіей: Гер-кулъ или Гер-алке. Но очевидно, сходство съ Иракломъ принадлежитъ не богу, а родоначальнику народа, и поэтому понятія язычниковъ объ Еврейской религіи должно искать не въ имени Иракла, а въ Хроносѣ и Тифонѣ. Между Иракломъ и Тифономъ находимъ мы только одну точку соприкосновенія: это ихъ происхожденіе изъ Сѣвера, ибо какъ объ Тифонѣ свидѣтельствуютъ Египетскіе миѳы, такъ Финикійскіе представляютъ намъ сѣвернаго Иракла, негодующаго на изнѣженность и развратъ религіи Адонической. Между Хроносомъ и Тифономъ находится одна только общая черта, именно вооруженіе ихъ таинственнымъ серпомъ. Такъ какъ не нашлось еще ничего сходнаго между Іеговою и изображеніями Хроноса или Тифона, намъ остается обратить вниманіе не на самые символы, а на внутренній ихъ смыслъ. Серпъ Хроноса и Тифона представляетъ вражду противу силы производительной въ природѣ вещественной, вражду, которая многообразно высказывается во всѣхъ миѳахъ о Хроносѣ. Я знаю, что этотъ характеръ былъ до сихъ поръ объясняемъ, какъ иносказаніе о разрушительной силѣ времени; но такое объясненіе не содержитъ въ себѣ тождества двухъ лицъ совершенно различныхъ, именно Хроноса и Тифона, и основано на произволѣ толкователей. Тифонъ, какъ видно изъ всего, что намъ сообщено объ немъ древними, считался врагомъ не однаго какого нибудь бога, но всего языческаго Олимпа; нашествіе же его было отъ Сѣвера, и поэтому бѣгство боговъ перенесло ихъ всѣхъ въ Египетъ, гдѣ они кое-какъ попрятались отъ него до окончательной побѣды Зевса. Торжество Тифона вездѣ, какъ въ Египтѣ, такъ и въ Греціи, которая по своему пересказывала сказки Египта, выражается однимъ и тѣмъ же: уничтоженіемъ силы плодотворной въ природѣ, его пораженіе—возвратомъ утраченныхъ силъ. Чего не видали въ Тифонѣ? И хаосъ, и буйство стихій, и Сѣверъ, и пустынный вѣтеръ, и море, и песокъ, словомъ все. Всѣ эти толкованія отчасти справедливы, но только отчасти. Безспорно, Тифонъ есть олицетвореніе Сѣвера, но не въ смыслѣ холода, а въ смыслѣ нашествія бѣлокурыхъ, Тифонидовъ, иновѣрцевъ, не-Шиваитовъ; онъ же олицетвореніе знойной пустыни, но только въ смыслѣ разрушенія и опустошенія. Вообще же имя его есть только символъ другой вѣры, враждебной размноженію жизни вещественной и роскоши чувственнаго развитія. Человѣкъ осужденъ на смерть и долженъ быть выкупленъ, чтобы имѣть право на жизнь,—но только въ смыслѣ животной жизни, а не духовной. Таково понятіе Евреевъ: оно ясно изъ всего Ветхаго Завѣта для тѣхъ, которымъ доступна истина художественная; а для тѣхъ, которые не вдругъ понимаютъ смыслъ цѣлаго ученія и требуютъ непремѣнно факта и доказательства юридическаго, оно выводится изъ того, что, кромѣ человѣка, выкупается изъ животныхъ только одинъ оселъ, символъ вещественнаго разврата. Козелъ, который представляетъ тоже буйство наклонностей чувственныхъ, подвергается также весьма часто смертному приговору въ законѣ Евреевъ. Такимъ образомъ опредѣляется строго и несомнѣнно духъ завѣта Моисеевскаго—вражда противъ видимаго міра. Вотъ сходство Іеговы и Тифона, и отъ этаго всякій параллелизмъ между Израилемъ и Мизраимомъ есть уже прямая и явная нелѣпость, и какія ни были сношенія между государствами, внутренній духъ ихъ былъ въ постоянной и непримиримой борьбѣ, выраженной гнѣвнымъ словомъ пророковъ и благосклонностью ихъ къ врагамъ Египта. Я знаю, что оселъ считался иногда и на берегахъ Нила животнымъ ненавистнымъ; но истины должно искать въ вѣрахъ одноначальныхъ и опредѣленныхъ, а не въ смутномъ хаосѣ синкретизма и не въ такой землѣ, въ которой Тифонизмъ былъ нѣсколько времени преобладающею вѣрою. Слабый слѣдъ прежней завоевательной религіи могъ уцѣлѣть въ торжествѣ древнѣйшаго мѣстнаго Шиваизма, но нисколько не даетъ намъ права сомнѣваться въ истинѣ характеровъ, выведенныхъ не изъ частныхъ и случайныхъ данныхъ, а изъ общаго объема двухъ разноначальныхъ ученій и изъ самаго показанія древнихъ. Было время, не оставившее о себѣ прямыхъ свидѣтельствъ, когда въ землѣ Мизраима, въ странѣ смѣшенія, мирно стояли алтари бога сѣвернаго, духовнаго и южнаго, вещественнаго. Это представлено братствомъ Озириса и Тифона; но когда восторжествовала стихія южная, народная, и вытѣснила завоевателей (если Гиксосы были дѣйствительно завоевателями, что̀ весьма сомнительно) или, по крайней мѣрѣ, иноземцевъ, враждебныхъ народности Египетской,— Шива-Озирисъ и Іегова-Тифонъ стали другъ противъ друга въ рѣзкой противоположности и непримиримой враждѣ, одинъ окруженный цѣлымъ міромъ боговъ и роскошью силы плодотворной, другой въ строгомъ уединеніи, гнѣвный и не благословляющій явленій земной природы. Между Тифономъ, Агриманомъ и Локи, тремя представителями злаго начала въ трехъ дуалистическихъ религіяхъ древности, замѣтна великая разность и въ тоже время одно разительное сходство, именно братство ихъ съ представителями добра: Озирисомъ, Оромаздомъ и Воденомъ. О Тифонѣ и Агриманѣ это уже извѣстно; прибавимъ, что и объ Локи точно также ясны показанія Скандинавской миѳологіи, хотя онѣ содержатся въ немногихъ отрывчатыхъ мѣстахъ древнихъ религіозныхъ пѣсень. Впрочемъ, дуализмъ Персидскій, развившійся изъ глубокаго самобытнаго воззрѣнія на міръ, основанъ весь на нравственной идеѣ добра и зла и не представляетъ ни малѣйшаго слѣда срощенія двухъ ученій, нѣкогда царствовавшихъ мирно и дружественно. Искони Агриманъ врагъ брату своему Оромазду; но Тифонъ былъ когда-то другомъ Озириса, съ которымъ они вмѣстѣ пиры пировали. А объ Локи сказано: „не поминай тѣхъ дней, когда Локи былъ братомъ Одина, и тѣхъ дѣлъ, которыя они вмѣстѣ совершили“. Впрочемъ, этимъ ограничивается все общее между Локи и Тифономъ, и если позволительно какое-нибудь предположеніе, основанное на простой этимологической догадкѣ, Локи былъ бы скорѣе представителемъ вещественности, чѣмъ духовности (отъ *лока* Санкритскаго — міръ въ смыслѣ пространства, области существованія). Но не должно полагать слишкомъ много важности въ однозвучіи словъ, можетъ быть, случайномъ, тѣмъ болѣе, что Локи содержитъ въ себѣ корень *лоіъ* и *лукъ*, представляющій смыслъ обмана въ нарѣчіяхъ Германскихъ и Славянскихъ. Впрочемъ, дуализмъ, явный въ Египтѣ, оставилъ слѣды весьма замѣтные во всѣхъ юго-западныхъ религіяхъ Азіи. Мы можемъ признать главными представителями двухъ враждебныхъ началъ: Иракла, соотвѣтствующаго Хроносу-Тифону, и Адониса, соотвѣтствующаго Озирису-Шивѣ. Но обѣ религіи слились въ одно цѣлое, и синкретизмъ поглотилъ въ себѣ всѣ отличительныя черты враждебныхъ боговъ. Геркулесъ или Ираклъ представлялъ въ первой эпохѣ жизни религіозной таинственное олицетвореніе строгой духовности, осуждающей развратъ и упоеніе чувственною жизнію. Его первыя борьбы противъ Кентавровъ, служителей Вакха, противъ Омфалы-Милитты и Діаны-Артемиды и противъ религіи Адонической, опредѣляютъ первоначальный характеръ его служенія. Съ Сѣвера шла эта вѣра, подвигаясь вмѣстѣ съ воинственными выходцами Кавказско-Араратской твердыни, принося съ собою начала нравственности и символъ чистаго небеснаго огня. Встрѣча ея съ другими народами, поклонниками вѣры стихійной, и смѣшеніе племенъ и вѣръ, составили весь этотъ многообразный хаосъ ученій, который извѣстенъ намъ изъ свидѣтельствъ и памятниковъ древнихъ и который изъ Ассиріи и Сиро-Финикійской земли распространился на Западъ до концевъ Европы и береговъ Атлантики. Имя Геръ (господинъ) тоже, что имя Элъ или Велъ, перешедшее въ Мел-ехъ, было общимъ знакомъ огнепоклоненія духовнаго, которое исказилось на Юго-западѣ сліяніемъ съ Кушитскимъ началомъ, но сохранилось чистымъ и неизмѣннымъ въ своемъ восточно-Иранскомъ развитіи. Халдеи помнили свое сѣверное отечество; Евреи сохранили въ чистотѣ и духъ своего ученія, и разсказъ о своемъ переходѣ въ южную страну; наконецъ Финикіяне представляютъ ясное и несомнѣнное доказательство своего происхожденія, въ имени своего первоначальнаго божества *Мел-карѳъ*. Невозможно человѣку, нѣсколько знакомому съ ходомъ мыслей, религій и языковъ, считать окончаніе этого слово *арѳъ* за простое пополненіе звука *Мелкъ;* невозможно также считать его за прилагательное. Камни и надписи, разобранныя ученою догадливостью Германцевъ, показываютъ намъ, какъ коренное имя божества Финикійскаго, звукъ Велъ (тоже, чтò Мелъ): имя же главной колоніи Финикійской, *Карѳаго*, и толкованіе Августина „село Сатурна", также какъ рожденіе Карѳаго отъ Тирскаго Иракла, представляютъ намъ слово *Карѳъ* какъ самостоятельное и отдѣльное отъ всякаго другаго. Принимать же въ переводѣ Августина слово *Карѳъ* за городъ, а *аго* за имя бога, противно здравому разуму и аналогіямъ. Конечно, не въ Финикіи и не на границахъ Аравіи должны мы искать объясненія этого слова, до сихъ поръ непонятнаго: но простой взглядъ на географію, гдѣ Карталиніей до сихъ поръ называется южная область Грузинская, сличеніе названія областнаго съ мнѣніемъ Грузинцевъ, которые считаютъ слово *Карѳъ* или *Картхъ* древнѣйшимъ именемъ своего отечества, сходство этого показанія съ несомнѣннымъ движеніемъ Кавказско-Араратскаго племени на Югъ, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что *Мел-Карѳъ* есть не что иное, какъ Велъ Иверскій или Карталинскій, тоже чтò Геркулесъ. Трудно не допустить этого вывода, въ которомъ доводы этимологическіе составляютъ только вспомогательную и дополнительную часть доводовъ, основанныхъ на характерѣ племенъ и религій. Источникъ служенія чистаго вышнему, духовному Богу открытъ нами и поставленъ внѣ всякаго спора. Мы поняли дѣятельность западно-Иранскаго центра (съ которымъ безспорно связывается происхожденіе племенъ Германскихъ съ ихъ воинственными склонностями и отвлеченнымъ мышленіемъ); мы поняли движеніе выходцевъ, переселившихся въ землю Ханаанскую; намъ легко усмотрѣть и то, какъ скоро и какъ глубоко исказилось первоначальное ученіе подъ вліяніемъ южнаго стихійнаго начала. Соблазнъ роскошной, вещественной жизни увлекъ племена, воспитанныя въ строгой простотѣ гористаго края и сравнительно бѣдной земли. Ираклъ не долго противился искушенію чувственныхъ наслажденій. Внутренняя борьба выражалась въ ожесточеніи религій, но не могла спасти душевной святыни. Шиваизмъ, побѣжденный силою меча, плѣнилъ своихъ побѣдителей силой соблазновъ. Ираклъ палъ, но духъ негодованія и раскаянія возсталъ противъ собственнаго уничиженія и зажегъ очистительный костеръ, на которомъ сынъ Зевса искупилъ свою слабость.

Такое воззрѣніе на движенія народовъ объясняетъ намъ слова Еврейскаго законодателя: „въ то время землю сію населяли Хананиты" *). Критики принимали этотъ текстъ или за вставку, или за доказательство позднѣйшей редакціи Пятикнижія, или за недомолвку, въ которой недостаетъ нарѣчія *уже*. Смыслъ очень простъ: тогда еще не начинались сѣверныя миграціи. Палестина была населена чистыми Хамидами или родомъ Хананскимъ; но Евреи, возвращающіеся изъ Египта, нашли уже смѣшеніе народовъ, и племя первожителей было измѣнено приливомъ отъ Арарата и Кавказа. Въ томъ же историческомъ развитіи судебъ юго-западной Азіи находимъ мы разгадку черезполоснаго преобладанія огнепоклоненія и служенія стихійнаго въ Малой Азіи и Финикіи; въ немъ же и источникъ разнообразія въ характерѣ племенъ и городовъ, которыми уже въ древности покрыты были восточные берега Средиземнаго моря и цѣпь Ливанская съ ея отрогами. Такъ, наприм., Тиръ Геркулесовъ представляетъ намъ воинственную предпріимчивость, а Сидонъ, который помнитъ свое южное происхожденіе, представляетъ роскошную чувственность. Въ этомъ же и объясненіе постояннаго совпаденія Тирскаго мореплаванія и его торговли съ именами странъ напоминающихъ Иверію Кавказскую: Гишпанія (Иберія) и Ирландія (Иберніа, Іерна). Но, со временемъ, племя смѣшанное приняло характеръ самостоятельный и, сильное своимъ морскимъ владычествомъ, боролось съ равнымъ успѣхомъ противъ Юга и Сѣвера. *Тамирасъ*, отецъ *Мелькарѳа* (явное олицетвореніе Сѣвера: вспомнимъ корень Скиѳскій *Тамеръ*, имена Ѳамаръ, Ѳамирисъ и прочія), побѣжденъ Понтусомъ, а Діонисъ Кушитскій или Аравійскій уступаетъ побѣду Посейдону Беритскому. Истина про-

---

*) Бытія 12, 6. *Изд.*

свѣчиваетъ сквозь покровъ сказки и сквозь нескладные разсказы Эллиновъ и Римлянъ.

Вражда народовъ исказила первобытную природу ихъ и бросила сѣмена, принесшія слишкомъ богатые плоды по всей землѣ. Религія, совершеннѣйшее отраженіе внутренняго строя или разстройства души, должна была подвергнуться всѣмъ вліяніямъ быта политическаго и жизни нравственной. Мысль развивается мирно и кротко, переходя изъ внутренняго созерцанія во внѣшніе образы и обряды; но при встрѣчѣ мысли чуждой она прекращаетъ свое творческое движеніе и вступаетъ въ борьбу наступательную или оборонительную, въ которой исчезаетъ мгновенно вся красота и гармонія ея первобытной, свободной дѣятельности. Она увлекается за разумные предѣлы своего законнаго развитія и впадаетъ въ невольную, неизбѣжную односторонность.

Такъ на Западѣ упорная битва Церкви противъ Аріанства положила начало ученію Римско-Католическому, и постановленія Толедскихъ соборовъ разорвали мирное единство христіанскаго ученія.

Борьба противоположныхъ религій рождаетъ односторонность и фанатизмъ; кровожадность, страстность.—Борьба и сліяніе сѣверной, духовной религіи Иранской съ южною, стихійною религіею Кушитскою; результаты этой борьбы и сліянія въ Индіи, въ юго-западной Азіи.

Но когда чуждая мысль представлена народомъ враждебнымъ, когда кровавыя распри заклеймили всю жизнь и всѣ помыслы людей печатью взаимной ненависти, тогда уже мысли обращаются въ страсти, и одностороннее развитіе души доходитъ до изступленія кровожаднаго фанатизма. Вѣра истинная и глубокая не измѣняется подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но гдѣ же вѣра? Душа человѣческая вѣчно колебалась между суевѣріемъ, выходящимъ изъ необходимости вѣрованія, и невѣріемъ, рожденнымъ строгими и законными требованіями разума. Всѣ религіи носили этотъ двоякій характеръ, и чѣмъ болѣе въ нихъ входило внѣшнихъ и случайныхъ измѣненій, чѣмъ болѣе онѣ отрывались отъ простоты и исторической твердости преданія, тѣмъ болѣе онѣ становились шаткими и ненадежными. Большая часть религій есть нечто иное, какъ мнѣніе, прикидывающееся вѣрою. Но чѣмъ слабѣе религія, чѣмъ менѣе она связана съ внутреннимъ святилищемъ души, тѣмъ легче она переходитъ въ область страсти. Тотъ, кто своей вѣрѣ плохо вѣритъ, обыкновенно отстаиваетъ ее съ неистовствомъ.

Востокъ Греческій, живо принявшій въ глубину разума ученіе соборовъ, защищалъ его словомъ философскимъ и проповѣдью христіанскою; Западъ, одѣвшій жизнь свою въ Христіанство, но не проникнувшій въ него душею и чувствомъ, сражался противъ ученій чуждыхъ кострами и желѣзомъ. Вѣра, знающая свою силу, терпѣлива и кротка. Шаткое полувѣрованіе чувствуетъ свою слабость и ищетъ спасенія въ опьянѣніи гнѣва. Равнодушіе совершенное приходитъ въ эпоху позднѣйшую.

Легко можно замѣтить, что вездѣ, гдѣ религіи удалены отъ борьбы, онѣ сохраняютъ характеръ человѣколюбія или, по крайней мѣрѣ, незлобія. Разгаръ всѣхъ злыхъ страстей, кровожадность, человѣческія жертвы и вся мерзость фанатизма владычествуютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ было столкновеніе племенъ и вѣръ разнородныхъ. Небо всякой миѳологіи есть, какъ мы уже сказали, отраженіе земли, и злость людей выражается злостью боговъ. Отъ этого, если мы видимъ свирѣпую религію и не видимъ мѣстной борьбы, то мы должны предположить колоніальное начало народа, и искать его колыбели въ странѣ, гдѣ свирѣпствовали религіозныя войны. Такъ, Карѳагенскіе обряды явно указываютъ на другую родину, и мы могли бы признать Карѳагенъ за колонію по этому одному признаку, когда бы мы не имѣли другихъ положительныхъ свидѣтельствъ.

Такъ самый Шиваизмъ, который въ своемъ развитіи перешелъ всѣ границы нравственныя и разумныя, представляется намъ въ колыбели своей, Эѳіопіи, кроткимъ и безстрастнымъ. Гомеръ называетъ Эѳіопцевъ праведными; Санхоніатонъ говоритъ, что братъ *Мизора* (тоже, что *Мизраимъ*, Египетъ) былъ *Садикъ* (праведникъ). Мы, по самому родству, не можемъ не узнать въ Садикѣ Библейскаго Куша, брата Мизраимова. Сверхъ того, свидѣтельства древнихъ согласны на счетъ незлобиваго характера Эѳіопцевъ, не смотря на ихъ войны съ Египтомъ; можетъ быть, этимъ свойствамъ народа и преданіямъ Еврейскимъ должно приписать скорое обращеніе Эѳіопіи въ Христіанство. Этотъ же Шиваизмъ въ Индустанѣ окруженъ всѣми ужасами безумной свирѣпости и бѣснующагося сладострастія. Если бы мы еще не знали съ достовѣрностью колыбели Шиваизма, если бы имя Шева или Себа, сохранившееся въ стольких мѣстностяхъ, не могло намъ служить вѣрнымъ признакомъ распространенія Шиваизма отъ самаго Эѳіопскаго Мероэ до береговъ Гангеса и до поэтической Эллады, въ которой Вакхъ или Діонисъ назывался Сабейскимъ, то уже одно отсутствіе Брахманизма во всѣхъ внѣ-Индѣйскихъ религіяхъ и присутствіе въ нихъ Вишнуизма и Шиваизма представили бы намъ несомнѣнное доказательство истины, уже высказанной нами, именно того, что Брахма, и одинъ только Брахма, принадлежитъ первому развитію Индустана; Шива и Вишну пришельцы отъ юга Кушитскаго и сѣвера Ванскаго. Отъ этого-то и произошла напряженная и страстная восторженность двухъ ученій, привившихся къ Брахманизму послѣ кровопролитной и долгой вражды. Миѳы древней Индіи исполнены указаній на времена или, лучше сказать, на вѣка прошедшихъ распрей. Онѣ выражены въ сказкахъ о стотысящелѣтней борьбѣ Брахмы съ Шивою, въ которой дѣло рѣшается Пара-Брахмой, и съ Вишну, въ которой судьею дѣлается Шива. Впрочемъ, это только указанія для читателей, понимающихъ общій характеръ историческихъ происшествій, а не доказательства для искателей свидѣтельствъ законныхъ и записанныхъ по указной формѣ въ архивы присутственныхъ мѣстъ; ибо я знаю, что борьба между тремя лицами Индѣйской Тримурти разсказывается разными образами, смотря по сектамъ, къ которымъ принадлежали сочинители легендъ. Одно обстоятельство остается несомнѣннымъ: то, что Шива съ сердцовъ отрубилъ одну изъ головъ стараго Брахмы. Памятники писанные и памятники ваянія въ этомъ согласны. Смыслъ самаго миѳа очень простъ. Шива есть огонь, разумѣется не духовный, а стихійный. Брахма пятью головами своими представляетъ пять стихій (землю, воду, воздухъ, огонь и эѳиръ); введеніе Шиваизма похищало у него стихію огня и оставляло его при четырехъ. Разсказъ понятенъ. Но Шиваизмъ, какъ всякая религія полная, не могъ довольствоваться второстепеннымъ и частнымъ значеніемъ: онъ потребовалъ власти нераздѣльной или, по крайней мѣрѣ, первенства. Кровь лилась и лилась долго; окончательное же примиреніе, спасшее Брахманизмъ отъ погибели, было произведено новымъ началомъ Вишнуизма, чуждымъ первоначальной духовной простотѣ вѣры, но еще болѣе чуждымъ грубому Шиваизму. Впрочемъ, лицо Брахмы уже потеряло навсегда свое высокое, человѣческое значеніе, а Шива (Магадева, великій Дивъ) развилъ въ логической строгости все безуміе, скрытно присущее въ поклоненіи стихіямъ, весь разгулъ сладострастія и злости, котораго устыдилась бы природа человѣческая, если бы она уже не опьянѣла отъ пролитой крови. То самое, что происходило въ Индіи, повторилось при столкновеніи Геракла-Хроноса-Тифона, духовнаго бога, съ Озиридомъ-Шевою-Діонисомъ, стихійнымъ владыкою. Но упорство сѣвернаго племени, воинственный его духъ и вещественная сила, дали Гераклу почти совершенную побѣду надъ Вакхомъ. Лица Адониса, Камоса и прочіе представители однаго и того же начала, скрытаго подъ разными прилагательными, сдѣлались ничтожными передъ преобладающимъ началомъ, которое скрывалось подъ прилагательнымъ *Вела Ассирійскаго*, *Вела Иверскаго* (*Мель-Каръ* и просто *Каръ*, Иверецъ) или *Молоха*. Позднѣйшіе вѣка и Греческіе писатели приняли всѣ прилагательныя за собственныя имена, всѣ имена за разнообразныя лица божественныя и оставили намъ цѣлый хаосъ безтолковыхъ показаній. Сказочная и человѣкообразная Эллада не имѣла жизни духовной, т.-е. религіозной, кромѣ той, которая уцѣлѣла въ таинствахъ. Ей непонятна была духовная жизнь Востока. Римъ, бытовой, вещественный, выдумавшій слово *религія* (связь) вмѣсто вѣры, еще менѣе могъ разогнать мракъ, накинутый огрубѣвшими вѣками на глубокомысленныя сказанія древнихъ временъ. Къ счастію, уцѣлѣли священныя книги народа Израильскаго; но если бы ихъ не было, кто бы составилъ себѣ хотя малѣйшее понятіе о законѣ Моисеевомъ по разсказу о поклоненіи Евреевъ Ираклу, Хроносу или Тифону? По безпонятливости Эллиновъ и Римлянъ въ этомъ случаѣ мы можемъ судить о невѣрности ихъ показаній во всѣхъ другихъ. Впрочемъ, я уже сказалъ, что, не смотря на свою безтолковость, этотъ взглядъ на религію Евреевъ довольно вѣренъ; но, признавая его вѣрность, мы въ тоже время должны догадаться, какъ неясно было понятіе Европейскихъ писателей о вѣрахъ Азіатскихъ. Эллины и Римляне застали уже религіозную мысль въ ея паденіи, въ ея чернонародномъ искаженіи, и никогда не возвышались до высоты, на которой она стояла въ глубокой древности. Отъ того самаго и стремленіе религіозное никогда не развивалось у нихъ въ большомъ размѣрѣ или съ большою напряженностью. Но тѣ страны, въ которыхъ прозошла первая жаркая схватка Кушитизма стихійнаго съ духовностью западно-Иранскою, Вавилонія, Финикія и Аравія съ одной стороны, Индустанъ съ другой, сдѣлались гнѣздомъ вѣчнаго волненія религіознаго, колыбелью всей истины и всей лжи для цѣлаго міра. Стоитъ только заглянуть въ любую географію, чтобы съ этимъ согласиться. Самое поверхностное разсужденіе показываетъ, что одна стихія Еврейская, брошенная въ хаосѣ вещественныхъ служеній, достаточна была, чтобы произвести сильное броженіе во всей массѣ народовъ: тотъ, кто вздумалъ бы это отрицать, призналъ бы себя неспособнымъ судить о дѣйствіи великихъ человѣческихъ мыслей. Но мы не имѣемъ никакаго права отрицать сходство Евраизма съ другими ученіями, вышедшими изъ того же Кавказско-Араратскаго центра, тогда какъ намъ сохранились на этотъ счетъ слова многихъ древнихъ писателей и внутреннее свидѣтельство, извлекаемое изъ отвращенія Ассирійской вѣры отъ идоловъ, изъ сочувствія пророковъ къ судьбѣ Ниневіи и изъ вражды Тифона и Хроноса противъ вещественной производительности. Хроносъ же и Ираклъ, или, лучше сказать, тѣ Финикійскіе боги, которые у Грековъ обозначены этими именами; очевидно одно и тоже. Таковъ выводъ изъ Карѳагенскаго богослуженія. Можно понять, какъ горячо подъ небомъ Палестины и Сиріи разгорѣлась распря религіозная, соединенная съ распрею народною, какъ неистово сражались два начала духовныя, перешедшія изъ мысли въ страсть, и въ страсть, которой наша Европа не знаетъ, которой нашъ Сѣверъ понять не можетъ. Шиваизмъ палъ, но только по имени своихъ представителей; по духу же, погибло поклоненіе Ираклу. Презрѣніе къ вещественной природѣ, высокое чувство души, просящей возврата въ лучшую и чистѣйшую область, или гордое требованіе воли, стремящейся въ міръ воображаемый, въ міръ покорный человѣку, а не повелѣвающій ему, это презрѣніе приняло символъ грубый и вещественный. Презрѣніе отстраняло отъ себя власть земной природы; въ упоеніи борьбы, оно сдѣлалось враждою и стало уничтожать самую природу въ ея производительныхъ силахъ. Отъ обрѣзанія перешли къ скопленію, отъ скопленія къ убійству. Хроносъ и Тифонъ вооружились таинственнымъ серпомъ противъ Ураноса и Зевса; Хроносъ пожиралъ дѣтей своихъ, Ираклъ-Молохъ, въ раскаленныхъ рукахъ, сжигалъ сотни младенцевъ. Но природа тѣлесная непобѣдима для носящихъ образъ тѣлесный: чѣмъ неистовѣе было нападеніе, тѣмъ невозможнѣе было торжество. Гордый духъ, презиравшій грязь земную, погружался въ туже грязь, вымоченную кровью. Такъ было; да иначе и быть не могло. Костеръ мученика—торжество вѣры, крестовый походъ — ея могила. Миѳъ духовный утратилъ свою духовность, и кровожадный Ираклъ заступилъ мѣсто чувственнаго Шивы-Діониса. Но кровь пролитая заражаетъ душу не однимъ какимъ-нибудь порокомъ; она ее развращаетъ всю и во всемъ ея объемѣ. Любовь плотская ходитъ объ руку съ плотскою ненавистью: растлѣніе народовъ всегда сопровождаетъ свирѣпость. Посмотрите на Іоанна IV, на Гейнриха VIII, на Магомета II, на Тиверія, на Крестоносцевъ, на Гишпанцевъ въ Америкѣ, на Карѳагенянъ и на Ассирію. Мимо побѣжденнаго Шивы, мимо побѣдителя Иракла вкрадывалось мало-по-малу божество стихійное, представленное въ образѣ женскомъ. Изида вступала на престолъ, съ котораго свергнутъ былъ Озирисъ. Соблазнъ разврата смягчалъ вражду племенъ сѣверныхъ, и въ Деркето, въ Милиттѣ, въ Наамѣ, въ Саламбо, въ Танитѣ, въ Тиргатѣ побѣдители Шивы поклонялись тому же Шивѣ, только подъ другимъ именемъ, подъ которымъ они его не узнавали. Но въ самой родинѣ поклоненія духовнаго бой возобновился. Женское изображеніе вещественныхъ силъ природы встрѣчено на твердыняхъ Арарата и Тавра упорною враждою племенъ, сохранившихъ остатки первобытной чистоты. Омфала, Амазонки, Артемида поочередно сражались противъ Иракла, и опять полилась кровь, и опять исказились всѣ понятія человѣческія на новой сценѣ, пока не положили мирнаго договора на томъ условіи, что Омфала будетъ царствовать съ Иракломъ, съ тѣмъ только, чтобы она отъ него взяла свирѣпость для поправленія своей нравственности, а онъ принялъ отъ нея рзвратъ для смягченія своей жестокости. Конечно, это не было дѣломъ договора, но безмолвнаго согласія, тайной сдѣлки между худшими страстями души, что-то похожее на постановленія западныхъ соборовъ во время Крестовыхъ походовъ противъ Альбигойцевъ, Сарацинъ, Славянскихъ идолопоклонниковъ на Сѣверѣ или Славянскихъ восточныхъ церквей въ Иллиріи и Далматіи. Новая исторія учить, какъ понимать древнюю: новые ужасы должны намъ внушать снисходительность къ преступленіямъ старины, и безуміе христіанъ служитъ оправданіемъ для развратнаго служенія Милиттѣ или Сандуну, для кроваваго служенія Молоху или Кивелѣ.

Общія же выводы изъ сличенія религій слѣдущіе. Религіи достигаютъ крайняго своего искаженія при враждебной встрѣчѣ двухъ племенъ и двухъ религіозныхъ началъ, и отъ этого Сирія и Индустанъ, гдѣ борьба была особенно продолжительна, представляютъ намъ примѣръ самыхъ отвратительныхъ ученій, которыхъ не знаетъ ни Эѳіопія, колыбель Шиваизма, ни даже Египетъ, гдѣ онъ торжествовалъ вполнѣ. Начало стихійное, служеніе чисто-вещественное, пришло съ Юга съ племенами Шиваитскими, которыхъ родина Эѳіопія, Шева-Мероэ; путь его обозначенъ именемъ Ѳивэ (Сива), Діосполисъ въ Египтѣ, Ѳивэ въ Греціи, прозвищемъ Вакха Сабейскаго, безпрестаннымъ повтореніемъ слова Саба или Шева, какъ имени мѣстностей по всѣмъ берегамъ Аравіи, и повтореніемъ того же слова въ племени Куша, сына Хамова - Сева, Сабтахъ, Себтека и Шеба;—названіемъ бога Сива въ Индіи и именемъ Целебскихъ острововъ, которые самые жители зовутъ Сабу или Себу. Эта религія была одноначальная, но олицетворенная въ органической полярности, и не содержала въ себѣ чуждой примѣси Брахманизма или духовности, которыя болѣе или менѣе привились къ ней въ Индіи и Сиро-Финикіи. Представителями ея были Діонисосъ (Деванаши), Шива, Озирисъ и проч., какъ мужское начало, и Бгавани, Изида, Милитта и другія, какъ женское начало. Первобытный ея характеръ—кроткое, но безстыдное повиновеніе всѣмъ вещественнымъ склонностямъ, впрочемъ не чуждое того нравственнаго доброжелательства къ другимъ, которое прельщало Европейцевъ на Отагейте и которое, вѣроятно, заслужило Эѳіоплянамъ прозвище праведныхъ. Развитіе религіи было художественное, т.-е. строительное.

Колыбель ея есть колыбель зодчества пещернаго, перенесеннаго изъ троглодитской Эѳіопіи въ Египетъ и Индію, не видавшіе его младенчества. Даже въ отдаленной Америкѣ, всѣ памятники зодчества напоминаютъ или Африканскую колыбель по формамъ или Шиваизмъ по эмблемамъ. Начало духовное, служеніе мысли отвлеченной (не философской, но нравственной) шло изъ сѣверо-восточнаго Ирана, котораго центръ Кавказско-Араратская твердыня. Путь этого ученія обозначается на Востокъ разсказами Зендавесты, которыхъ источникъ мы уже нашли на скатахъ Мазендеранской цѣли, т.-е. Арарата и Демавенда: на Югъ—живымъ и опредѣленнымъ свидѣтельствомъ Евреевъ, отношеніемъ нѣсколькихъ Иверій къ Финикіи и имени бога Финикійскаго къ Иверской Карталиніи; на Юго-востокъ—торжествами Ассирійскаго меча, опустошившаго берега Индуса; наконецъ, на Западъ—путешествіями Геракла, котораго имя вмѣшивается во всѣ родословныя царей Малой Азіи. Эта религія была также одноначальною и не содержала въ себѣ никакой примѣси стихійности или полярности органической, которая позднѣе привилась къ ней вездѣ, куда она ни проникла, кромѣ центральнаго и западнаго Ирана, Палестины Еврейской и, можетъ быть, слишкомъ мало извѣстной Германіи. Впрочемъ, въ служеніи нравственно-духовному божеству лежалъ зародышъ дуализма антагонистическаго, который проглядываетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, скрывается подъ разными сказкими о гибели Иракла отъ измѣны и развивается богато въ самобытномъ ученіи Зердушта или Зороастра. Представителями этой религіи были Эль и Велъ или Ваалъ, Гераклъ, Хроносъ или Тифонъ, и богъ добра въ Зендавестѣ, котораго первоначальное имя едва ли не было Миг-геръ. Всѣ же эти имена суть не что иное, какъ прилагательныя, выражающія одно и тоже понятіе.—Характеръ религіи духовной есть строгое и гордое отчужденіе отъ вещественности, легко переходящее въ фанатизмъ, но возвышающее и очищающее душу отъ чувственныхъ склонностей. Развитіе ея философское и поэтическое, но не художественное. Страны, гдѣ она процвѣтала, не оставили намъ ни одного древняго памятника, и зодчество процвѣтало только при встрѣчѣ стихій Иранской и Кушитской; но оно принимало характеръ новый и чуждый своему южному началу. На твердыхъ основахъ, врытыхъ въ землю искусствомъ каменосѣчца Кушита, мысль Иранская воздвигала гордую башню, напоминающую ея стремленія къ высшей жизни духовной. Этихъ направленій не должно принимать за любовь къ символу. Инстинкты души высказываются безсознательно, и племя Германское вдвигало въ небесную глубину смѣлую рѣзьбу своихъ стрѣльчатыхъ колоколень, не думая о согласіи зодчества среднихъ вѣковъ съ будущами развитіями мысли въ Шеллингахъ и Шиллерахъ: а все-таки это согласіе существуетъ. Иранизмъ оставилъ намъ Зендавесту и пѣсни Еврейскихъ пророковъ и даже Ведъ, хотя никогда въ Индіи начало нравственно-духовное не развивалось вполнѣ. Но вездѣ, гдѣ онъ освобождался отъ примѣси и близкаго вліянія Кушитскаго, онъ освобождался отъ страсти къ рукозданнымъ памятникамъ и очищался мало-по-малу отъ пороковъ зарожденныхъ борьбою; Гишпанія и Ирландія не представляютъ намъ въ своихъ преданіяхъ никакихъ воспоминаній, возмущающихъ душу человѣческую. Въ Мексикѣ можно угадать бо̀льшее вліяніе южной Азіи, чѣмъ западной Европы; это будетъ со временемъ неоспоримымъ фактомъ, когда вникнутъ въ сходство памятниковъ и особенно изображеній на памятникахъ Мексиканскихъ съ духомъ и эмблемами Шиваитскими. Тогда замѣтятъ, что развратъ и кровожадность, которыми взаимно другъ друга заразили начала Кушитское и Иранское, сильнѣе прививались къ религіи южной и легче изгонялись изъ сѣверной, врожденнымъ стремленіемъ человѣка къ нравственному добру. Источникъ же искаженія религіознаго, какъ и искаженія отношеній человѣка къ человѣку или сословія къ сословію—враждебное столкновеніе племенъ.

Борьба противоположныхъ религій доводитъ ихъ до крайнихъ логическихъ выводовъ, до которыхъ человѣкъ иначе боялся бы дойти.

Мы уже сказали, что мысль, при встрѣчѣ съ мыслью чуждою, получаетъ характеръ страсти, разстроивающій стройность ея первобытной жизни. Всякое религіозное начало древности было одностороннее; но душа человѣческая, во время быта мирнаго и разумнаго, одарена тайнымъ ясновидѣніемъ, которое не позволяетъ ей увлекаться строгостью логическаго вывода за предѣлы здраваго смысла. Ходъ мысли, развитіе принятыхъ данныхъ, требуютъ еще однаго шага; но этотъ шагъ приводитъ къ нелѣпости: человѣкъ останавливается и нагоняетъ на себя произвольную слѣпоту; онъ не видитъ требованій своего ученія, чтобы не признать ложности его основаній, или не нарушить добраго согласія между своимъ личнымъ разумомъ и своимъ обще-человѣческимъ чувствомъ. Но возмутите жизнь горячею распрею, волненіемъ страсти,—и роковой шагъ будетъ сдѣланъ поневолѣ, или собственною недогадливостью, или догадливостью противника. Поэтому, равная опасность угрожала религіямъ, основаннымъ на рабскомъ повиновеніи требованіямъ вещества и на гордомъ самодовольствѣ духа.

Впрочемъ, опасность тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе религіозное начало имѣетъ притязанія на умственную послѣдовательность и на всемірную полноту. Поклонники факта (а таково ученіе стихійное) требуютъ и имѣютъ право требовать отъ поклонниковъ разума неумолимой строгости въ выводахъ и удовлетворительнаго отвѣта на всѣ задачи жизни. Тотъ, кто отнимаетъ у меня видимое и замѣняетъ его невидимымъ, долженъ представить мнѣ новозданный міръ, такой же полный и органически-стройный, какъ тотъ вещественный міръ, которому я служу; иначе онъ не правъ. Эту тайную силу матеріализма можно прослѣдить во всей умственной жизни человѣчества; но замѣчательнѣйшій примѣръ его требованій встрѣчается въ Индустанѣ. Шиваиты обвиняютъ Брахманизмъ въ матеріальности. Брахма, чистый, духовный, прельщается дочерью своею Маіею (*мая*—обманъ, призракъ) и производитъ видимый міръ. Не насмѣшка ли это надъ здравымъ смысломъ? Не униженіе ли божества? и проч. и проч. Шиваизмъ торжествуетъ въ своей фактической истинѣ, ибо Шива имѣетъ характеръ необходимости, а Брахма представляетъ разумную свободу. Какіе бы, впрочемъ, ни были ошибки и преступленія, въ которыя вовлеченъ былъ родъ человѣческій этою горячею борьбою мнѣній религіозныхъ и началъ философическихъ, мы не можемъ роптать на неумолимыя требованія ума, уничтожающаго всякое притязаніе лжи или частной истины, — которая есть тоже ложь, — на права, принадлежащія толькой полной и совершенной истинѣ. Страхъ испытанія принадлежитъ сомнѣнію; нападающіе же на ложь служатъ правдѣ. Доводящіе одностороннюю систему до крайней нелѣпости ея логическаго развитія служатъ человѣчеству.

Гдѣ нѣтъ насильственной борьбы, жажда истины вызываетъ противодѣйствіе односторонности религіозной. Оттого двѣ религіи, противоположныя другъ другу, но вышедшія изъ одного общаго начала, могутъ существовать совмѣстно въ странѣ. Разборъ отношеній Буддаизма къ Шиваизму, ихъ внутреннее сродство.

Не должно смѣшивать борьбу мыслей, происшедшую изъ случайнаго и внѣшняго столкновенія, съ противодѣйствіемъ, вызваннымъ неудовлетворенною жаждою истины. Между ними коренное различіе и только мнимое сходство. Когда созрѣетъ ложь и потребуетъ своего обличенія, оно является тихое и кроткое, призванное убѣжденіемъ людей и привѣтствуемое ихъ одобреніемъ. Такое противодѣйствіе неизбѣжно и обыкновенно не сопровождается печальными явленіями, которыя мы видѣли при встрѣчѣ Иранской и Кушитской стихій. Столкновеніе внѣшнее раздражаетъ потому, что оно не имѣетъ въ себѣ характера необходимости; противодѣйствіе, рожденное внутреннею дѣятельностью духа въ человѣкѣ или народѣ, кажется ему самому пріобрѣтеніемъ и шагомъ впередъ, хотя бы оно раздвоило душу или общество.

Впрочемъ, я говорю только о противодѣйствіи противъ мнѣнія и вѣры, а не противъ выгодъ вещественныхъ. Выгоды не знаютъ терпимости. Буддаизмъ изгнанъ изъ Индіи не вѣрою, а расчетомъ Брахмановъ, у которыхъ онъ отнималъ богатство и власть.

Чѣмъ сильнѣе развилось какое нибудь начало одностороннее, тѣмъ неизбѣжнѣе является его отрицаніе. Вотъ объясненіе факта, весьма обыкновеннаго въ исторіи рода человѣческаго: соединенія и мирнаго соединенія въ одной мѣстности друхъ религіозныхъ убѣжденій, совершенно противуположныхъ двугъ другу.

Отъ этого, самый строгій аскетизмъ является въ земляхъ, которыя болѣе другихъ заклеймены развратомъ нравовъ; отъ этого Финикія, Палестина и Египетъ были родиною пустынниковъ, удивлявшихъ міръ строгостью своего отшельничества. Безбожіе самое наглое въ Европѣ принадлежитъ системѣ Романской, отличающейся своимъ суевѣрнымъ характеромъ, и Шиваитскіе Іоги превосходятъ самихъ Брахмановъ изступленіемъ своихъ произвольныхъ мученій. Какое-то параллельное движеніе въ Индустанѣ двухъ религій, повидимому враждебныхъ между собою (Буддаизма и Шиваизма), поражаетъ даже поверхностнаго наблюдателя. Такъ, напримѣръ, Цейланъ (или Сингала, или Ланка) принадлежитъ въ наше время міру Буддаистскому, а Равана, миѳическій герой Цейлана и Южной Индіи, представляетъ намъ древняго Шиваита-храмостроителя: въ этомъ согласны всѣ преданія мѣстныя (я не говорю о сѣверно-Санскритскихъ поэмахъ. Прослѣдивъ внимательно памятники, принадлежащіе къ системѣ Кушитской, т.-е. пещеры, монолиты и храмы вырѣзанные въ скалахъ, мы должны придти къ слѣдующему заключенію. Буддаизмъ шелъ съ Шиваизмомъ рука объ руку: одна пещера Буддѣ, другая Мага-Девѣ, одинъ храмъ Буддѣ, другой Шивѣ, и эти отношенія встрѣчаютъ насъ при самомъ первомъ шагѣ западныхъ колонистовъ на прибрежные острова Индіи и исчезаютъ только во всеобщемъ сліяніи Сѣвера и Юга за Нербуддою и Маганаддіемъ. Мирно и дружественно идутъ грубый символъ Шивы и дагоба Будды, часто обманывая путешественника своимъ сходствомъ и постоянно удивляя его своимъ нежданнымъ сосѣдствомъ. Всѣ тѣже фактическіе признаки, которые явно указываютъ на Африканское происхожденіе Шиваизма, относятся къ Буддаизму; таковы: пещерное служеніе, при отсутствіи троглодитскаго быта въ Индустанѣ; постепенное развитіе зодчества отъ береговъ внутрь земли, присутствіе на памятникахъ эмблемъ и изображеній чуждыхъ южному Индустану и принадлежащихъ по преимуществу Африкѣ (напр. льва съ его Африканскими примѣтами, которыя не похожи на льва Гузератскаго, Felis leo guzeratensis); совершенное разногласіе типа религіознаго, высказаннаго памятниками зодческими, съ типомъ, выраженнымъ памятниками словесности Санскритской, и наконецъ, коренное различіе между умственными и тѣлесными физіономіями двухъ племенъ, сѣвернаго и южнаго, изъ которыхъ одно увѣковѣчило свою страну трудомъ словеснымъ и письменнымъ, другое торжествомъ надъ твердостью гранита и порфира.

Съ одной стороны, мы должны однакоже прибавить, во первыхъ, что Буддаизмъ не представляетъ того чисто-Африканскаго характера, который такъ явенъ въ Шиваизмѣ и важнѣе для человѣка, понимающаго историческую истину, чѣмъ всѣ фактическія примѣты; и во-вторыхъ, что Буддаизмъ не связанъ съ Африкою, такъ какъ Шиваизмъ, безпрерывною цѣпью именъ племенъ, областей или городовъ. Съ другой стороны, въ современной намъ Ѳеіопіи встрѣчаемъ мы несомнѣнное доказательство древняго служенія Буддѣ въ имени колдуновъ (*буда* на языкѣ Амгара) и особенно въ томъ же названіи, данномъ духамъ пещернымъ (явное сходство съ Буддаизмомъ Индѣйскимъ). Христіане признаютъ ихъ духами обмана и зла. Разсматривая физіономію изображеній Будды, мы находимъ нѣкоторый порядокъ въ ея измѣненіи. Въ за-Гангесскомъ полуостровѣ типъ ея чисто-Китайскій, въ Китаѣ средне-Азійскій, а въ средней Азіи Индустанскій, т.-е. всегда типъ той земли, изъ которой приходило ученіе Будды (и оно согласно съ самымъ движеніемъ Буддаизма). Таково указаніе почти всѣхъ памятниковъ, и оно согласно съ самымъ движеніемъ Буддаизма, обозначеннымъ въ мистическомъ поклоненіи слѣду Божества *(прабатъ)*, точно также какъ съ постояннымъ смѣшеніемъ самаго бога и его проповѣдниковъ. Въ самомъ Индустанѣ, какъ ни трудятся ученые, чтобы запутать простой вопросъ и ясное дѣло, въ самомъ Индустанѣ вся наружность Буддаическихъ кумировъ, слегка приплюснутый носъ, толстыя губы и добродушный видъ, оттопыренныя и оттянутыя уши, курчавые и плотно къ головѣ прилегшіе волосы, однимъ словомъ, все напоминаетъ, а иногда живо представляетъ, типъ Негритянскій, не въ уродливой рѣзкости, но въ какой-то обще-человѣческой идеализаціи. Идолы Египетскіе, также какъ и историческіе барельефы, не представляютъ ничего подобнаго; но величественные и до сихъ поръ не объясненные сторожи Египетскихъ храмовъ, сфинксы, которые внушаютъ даже человѣку нашего времени невольное чувство почтенія и страха и въ которыхъ нельзя не угадывать любимцевъ божества и безмолвныхъ хранителей его вѣчной тайны, — сфинксы представляютъ тѣже черты, тотъ же окладъ лица, толстыя губы, приплюснутый носъ, какъ и Будда, а особенно тотъ же кроткодобродушный видъ и тоже неподражаемое выраженіе любви или, по крайней мѣрѣ, благоволенія ко всѣмъ. Взглянувъ на Будду или Сфинкса, вспоминаешь праведныхъ Эѳіоповъ Гомера и Садика, праведнаго брата Мизраимова. Можетъ быть, ни одинъ Европейскій художникъ не могъ бы изобразить этотъ характеръ съ такою простотою и съ такимъ совершенствомъ. Причина весьма проста: она въ душѣ и въ физіономіи Негра, который отъ всѣхъ другихъ племенъ столько же отличается добродушіемъ, сколько и склонностью къ чувственности. Въ немъ положены природою зародыши и Шиваитскаго служенія стихіямъ, и Буддаистическаго первобытнаго ученія, въ которомъ главная черта—благоволеніе ко всему сущему. Трудно, я въ этомъ согласенъ, трудно предположить какое нибудь начало просвѣщенія, исходящее изъ чернаго племени. Но во первыхъ, Кушиты могли быть племенемъ мѣшаннымъ, Мулатскимъ; во-вторыхъ, способность Негра къ художническому образованію безспорна, хотя въ немъ нѣтъ никакаго стремленія къ умственному труду, въ смыслѣ мышленія отвлеченнаго. Буддаизмъ же могъ занять, и безспорно занялъ, свое философское развитіе отъ Брахманизма и окончательно образовался довольно постепеннымъ дѣйствіемъ реформаторовъ, Шакья-муни около 1000 лѣтъ до Р. Х., Гаутама лѣтъ за 600 до Р. Х., и наконецъ ученыхъ, жившихъ передъ самымъ появленіемъ Христіанства. Кромѣ того, онъ въ ученіи и въ миѳахъ носитъ безчисленные слѣды синкретизма или, лучше сказать, компиляціи изо всего, что попадалось подъ руку ревностнымъ проповѣдникамъ. Такъ, они втянули въ Буддаизмъ и Хормузда и Брахму, и Индру, и всѣхъ боговъ Индустана. Такъ, въ легендѣ, писанной на языкѣ Магахъ, о которой говоритъ Ремюза въ переводѣ путешествій Буддаистовъ Китайскихъ, соединенъ разсказъ о томъ, какъ Чандра-Рама натянулъ исполинскій лукъ, и Евангельскій разсказъ о Срѣтеніи, и оба приписаны Шакья-муни. Поэтому мы не должны стихію философскую почитать основною частью Буддаизма, а вводною и позднѣйшею; самое же ученіе есть только пантеизмъ, признавшій собственное свое ничтожество и погрузившійся въ эпикурейство лѣниваго, но добродушнаго созерцанія. Мы должны замѣтить, что Буддаизмъ связанъ съ пещернымъ поклоненіемъ еще тѣснѣе, чѣмъ самый Шиваизмъ. Во первыхъ, это ясно уже изъ того, что оно сопровождало его въ самое позднее время и переходило съ нимъ повсюду, въ Кашмиръ, и оттуда въ Китай, гдѣ *дверь храма* называется *дверью холма*, и даже въ за-Гангесскій полуостровъ и, кажется, дошло до отдаленныхъ береговъ Японіи, хотя тамъ уже весьма мало слѣдовъ осталось отъ этаго первобытнаго троглодитизма. Во-вторыхъ, даже секты, отторгнувшіяся отъ Буддаизма, сохранили таинственность пещеръ. Таковы, напримѣръ, Яйны, которымъ принадлежатъ прекрасные памятники Панду-Ленскіе. Ни въ какомъ отношеніи не должны мы и не можемъ принимать Буддаизмъ за реформу древнѣйшаго Брахманства. Я не говорю уже о нелѣпомъ мнѣніи считавшихъ его за корень Брахманства; оно уже исчезло, какъ исчезнутъ почти всѣ системы современныя, взятыя не изъ фактовъ, а изъ произвола ученыхъ. Буддаизмъ есть плодъ Шиваизма, его изнанка, покой отъ его бурной жизни, неподвижное созерцаніе его безпорядочной и безсмысленной дѣятельности. Они издревле всегда шли вмѣстѣ безъ вражды и безъ столкновенія, потому что они родились въ одной и той же странѣ, отъ одного и того же строя души. Отъ этаго Будда въ Индустанѣ носитъ часто имя Нараяна, *заморскаго* или *морскаго*; отъ этого ихъ древніе храмы всегда стоятъ рядомъ (тутъ дѣло не объ аршинахъ), отъ этого въ легендѣ Матіяндра, иначе Локивара, Падмапати свидѣтельствуетъ о связи Шиво-Унгизма и Буддаизма; отъ этого же въ отечествѣ Шиваизма, въ царствѣ Шева-Мероэ, находится и самая область, давшая имя Саманству, земля Саманъ, которой смѣшно искать новаго производства, и давшая даже имя самому Буддѣ на южной оконечности Азіи, въ формѣ Самано-Кодомъ. Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить показанія древнихъ (едва ли не Страбона), что Кадмъ царствовалъ въ Эѳіопіи. Не смѣшеніе ли это понятій, происшедшее изъ непонятныхъ названій? Я знаю, что чѣмъ яснѣе и убѣдительнѣе становится эта связь Индіи съ восточной оконечностью Африки, тѣмъ упорнѣе старая система будетъ притягивать всѣ факты къ подтвержденію мнимой первобытности Индустанскаго образованія; поэтому прибавлю: когда въ одной землѣ мы видимъ два начала образованности при двухъ началахъ языка и племенныхъ примѣтъ, и видимъ каждое изъ этихъ началъ развившимся чисто и отдѣльно въ двухъ другихъ странахъ, то должно первую считать смѣсью, а другія двѣ коренными. Нельзя предположить, чтобы судьба раздѣлила Индустанъ слѣдующимъ образомъ: вы, курчавые черныши, идите въ Африку и несите туда Будду и Шиву, а Брахмы не трогайте; возьмите съ собой такія-то идеи художестенныя и такіе-то корни словъ, а стремленіе мыслительное и литературное и такіе-то корни вы оставьте дома; они пойдутъ въ придачу къ Брахманизму, преобразованному и къ семьямъ бѣлоликимъ и длинноволосымъ, и я ихъ отправлю за Инду-Кху въ Иранъ и далѣе, далѣе до края земли. Этаго быть не могло; это возможно въ кабинетахъ ученыхъ, но не на Божьемъ свѣтѣ. Есть даже надежда, что критики Нѣмецкіе когда нибудь сознаются, что не Индія расплылась въ Африку и Иранъ, а что Иранъ и Африка сплылись въ Индіи *), составляя міръ сѣверный, собственно такъ называемый Индустанъ, и міръ южный, Декканъ, Дакшана двипа, Десная земля, такъ названная потому, что Югъ былъ на правой рукѣ у племени Санскритскаго, шедшаго съ Сѣверо-запада на Востокъ и Юго-востокъ.

Мы можемъ замѣтить, что отношенія Шивы и Будды совершенно различны отъ отношеній Шивы и Тифона. Колыбель поклоненія Ираклу-Тифону не имѣетъ ничего общаго съ землями, которымъ принадлежитъ Шиваизмъ; ходъ распространенія религіи совершенно противуположенъ; первыя встрѣчи враждебны, и характеръ религій въ самыхъ основныхъ чертахъ непримиримъ. Сѣверное начало не похоже на лѣниво-созерцательное ученіе Будды; оно исполнено дѣятельности, предпріимчивости и силы. Въ немъ стремленіе къ завоеванію и побѣдѣ. Великое же и могучее развитіе Буддаизма принадлежитъ не ему самому, но животворной примѣси Брахманизма, глубоко измѣнившей весь его составъ и давшей ему органическую цѣлость.

Одностороннее развитіе отвлеченности въ религіи сопровождается въ низшихъ слояхъ народа самымъ грубымъ матеріализмомъ, Фетишизмомъ. Примѣры: Египетъ, Китай, Индія и др.

Но кромѣ естественнаго противодѣйствія односторонней мысли, которое есть не что иное какъ таже мысль въ отрицаніи, должно вспомнить, что просвѣщеніе не можетъ въ рав-

---

*) Этотъ взглядъ на древнюю Индію нынѣ уже признанъ наукою за несомнѣнную истину. *Изд.*

ной степени проникать всѣ слои общества и что самыя отвлеченныя начала могутъ принадлежать религіямъ повидимому самымъ грубымъ; ибо писатели иноземные говорятъ о томъ, что̀ имъ бросается въ глаза въ народномъ бытѣ, и рѣдко (если даже когда нибудь) знаютъ тайну святыни, порученной въ храненіе избранникамъ общества. Чѣмъ болѣе ученіе религіозное получаетъ одностороннее развитіе отвлеченности, неприлагаемой къ жизни, тѣмъ болѣе народъ можетъ и долженъ впадать въ самое грубое поклоненіе всему, что̀ связано съ его вещественной жизнію. Ему нужны предметы, къ которымъ бы привязалась неумирающая въ немъ потребность вѣрованія; а глубокомысленные выводы разсудка, создавшаго стройную систему пантеизма, уничтожили въ его глазахъ всякую разницу между предметами. Равнодушное равенство поглотило въ себѣ всѣ естественныя различія между великимъ и малымъ, уродливымъ и прекраснымъ, небеснымъ и земнымъ. Какое же должно быть послѣдствіе? Оно ясно. Высшіе въ обществѣ умы доходятъ, мало-по-малу, до поклоненія мысли, знанію, бытію безусловному и неопредѣленному, наконецъ до самоуничтоженія мысли, до Нигилизма, а въ тоже время—народъ доходитъ по другой лѣстницѣ до Фетишизма.

Недавно, въ землѣ, въ который просвѣщеніе достигало высочайшаго современнаго развитія, писатель изъ философской школы, считающейся представительницею этаго просвѣщенія, предлагалъ не смѣясь поклоненіе великимъ людямъ. Мысль очень не дурна, и жаль, что ее холодно принимаютъ: она моглабы бы вести къ презабавнымъ результатамъ; а вѣдь Французы рѣшили, что свѣтъ становится скучнымъ. Такъ и въ Египтѣ, народъ покланялся быкамъ, козламъ, котамъ и всякому гаду водяному и всякой травкѣ полевой, а мудрость Египетская славилась искони и до самаго уничтоженія царства. Такъ, родина Буддаизма, Эѳіопія есть въ тоже время вѣроятная колыбель Фетишизма, и теперь Китай представляетъ намъ, въ низшихъ слояхъ народа, наклонность къ тому же самому паденію умственному. Между тѣмъ какъ мандаринъ или ученый не находитъ Бога уже нигдѣ, работникъ и хлѣбопашецъ находятъ его вездѣ. Англичанинъ подарилъ Китайцу бюстъ Наполеона; этотъ бюстъ былъ проданъ въ другія руки и сдѣлался наконецъ кумиромъ. Вотъ фактъ засвидѣтельствованный и почти не подверженный сомнѣнію. Дѣйствительно, самое грубое суевѣріе вездѣ сопровождаетъ Буддаизмъ, который въ своемъ крайнемъ развитіи представляетъ намъ разумную и самодовольную систему безвѣрія или вѣры въ Нигилизмъ. Впрочемъ, онъ самъ уже высказываетъ это двойное стремленіе въ законномъ раздѣленіи на ученіе малое и большее. Амулеты и талисманы вездѣ сопровождаютъ его, а амулетъ есть будущій фетишъ. Замѣтно тоже самое направленіе въ Шиваизмѣ, ибо весь характеръ Фетишизма въ Индустанѣ происходитъ отъ него. Разныя рудры, лингамы, четки, значки и весь нелѣпый сборъ талисмановъ, которыми такъ богата Индія, связаны не съ служеніемъ Брахмѣ и Вишну, а съ неяснымъ служеніемъ Мага-Девѣ, хотя и его сѣверные соперники приняли подъ свое покровительство часть этихъ бредней, чуждыхъ первобытному Брахманизму. Сфинксъ при храмѣ Египетскомъ и Будда, неразлучный товарищъ Шиваизма въ южномъ Индустанѣ, эти два лица, которыхъ сходство такъ разительно по чертамъ и особенно по характеру физіономій, параллельное движеніе двухъ религій, склонность Шиваизма переходить въ ученіе о таинственномъ ничтожествѣ (таковъ крайній предѣлъ Іогизма) и склонность Буддаизма переходить въ самую грубую вещественность, приводятъ къ предположенію, что Буддаизмъ былъ основаніемъ той тайной мудрости Египта и Ѳіопіи, о которой древніе такъ много говорили, между тѣмъ какъ Шиваизмъ былъ закономъ народа. Точно въ томъ же порядкѣ и съ тѣмъ же значеніемъ появились они въ Индустанѣ; но при встрѣчѣ съ Брахмаизмомъ вскипѣла война, послѣдствіемъ которой было привитіе Шиваизма къ Брахманизму и изгнаніе Буддаизма. Послѣ долгой борьбы вещественность и духовность могли слиться; но два ученія, равно отвлеченныя, равно гордыя своей отвлеченностью, равно принадлежащія высшимъ сословіямъ, но совершенно противоположныя по своимъ кореннымъ началамъ, не могли ужиться рядомъ: которое нибудь должно было пасть. Восторжествовали Брахманы, а изгнанные Шаманы или Саманейцы завоевали полміра.

Вообще о Буддаизмѣ должно замѣтить, что онъ постоянно соединяетъ въ себѣ самыя противоположныя крайности: Нигилизмъ, освященный ученіемъ религіознымъ, и Фетишизмъ, основанный на понятіяхъ самыхъ отвлеченныхъ, уничтоженіе кастъ и составленіе цѣлаго народа жрецовъ; наконецъ, отчужденіе отъ міра и жизни практической и, въ тоже время, основаніе власти ѳеократической въ Ламаизмѣ Тибетскомъ и Японскомъ. Послѣдняя черта живо напоминаетъ Эѳіопію, и борьба царей свѣтскихъ и духовныхъ одинаково происходила въ этихъ двухъ странахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга на полъ-окружности земли.

Основное дѣленіе древнихъ религій истекаетъ изъ началъ свободы и необходимости. Свобода выражается идеею творчества, необходимость идеею рожденія. Проявленія началъ свободы и необходимости въ религіяхъ Иранскихъ и Кушитскихъ; религіи мѣшанныя.

Безпристрастный разборъ древнихъ религій даетъ намъ новое правило для ихъ кореннаго раздѣленія: отстраняя случайности изложенія и формы, въ которыхъ онѣ дошли до насъ, мы находимъ, что главный ихъ характеръ опредѣляется не числомъ боговъ и не обрядами богослуженія и даже не категоріями ума (знающаго), но категоріями воли. Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго, въ разныхъ образахъ, сосредоточиваются всѣ мысли человѣка. Въ языкѣ религіи, переносящей въ невидимое небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыка-человѣкъ, свобода выражается твореніемъ, а необходимость—рожденіемъ. Едва ли можно было найти какіе нибудь символы болѣе вѣрные для олицетворенія этихъ отвлеченныхъ идей. Рожденіе представляетъ самому грубому уму неотъемлемую присущность необходимости, неволи, точно таже какъ актъ творенія представляетъ самое живое и ясное свидѣтельство духовной свободы или, лучше сказать, воли (ибо свобода—понятіе отрицательное, а воля положительное). Признакъ наружный, и до сихъ поръ не обращавшій на себя вниманія ученыхъ, будетъ служить явной примѣтой первоначальнаго смысла въ ученіяхъ, искаженныхъ позднѣйшими прививками и опутанныхъ безсмысленною сѣтію поэтическихъ сказокъ и религіозныхъ легендъ.

Довольно этихъ немногихъ словъ, чтобы понять всю нелѣпость мнѣнія, выводящаго Еврейское служеніе всесотворшему Богу, т.-е.

великой идеѣ духа свободнаго, изъ служенія Египетскаго всеродшей Изидѣ, т.-е. идеѣ самосозидающагося вещества. Нельзя обвинять людей ученыхъ и посвятившихъ себя неблагодарному труду надъ мертвыми остатками древности въ ошибкахъ произвольныхъ; но дурныя привычки ума, ложныя системы и сухая копотливость, пріобрѣтенная въ книжномъ ученіи Запада, до того затемняютъ всѣ понятія, что безпристрастный судія могъ бы произнести строгій приговоръ въ явной недобросовѣстности, тогда какъ ошибка ученаго происходила отъ невольнаго, но и незлобнаго, ограниченія разумныхъ способностей, данныхъ человѣку. Такъ, Германскій критикъ книги Бытія, сравнивая слова ветхозавѣтныя „рекъ Господь: да будетъ свѣтъ, и былъ свѣтъ“ съ выпискою изъ книгъ Санскритскихъ „и подумалъ Тотъ (*Тадъ*—таинственное имя Творца, еще не выражавшагося въ твореніи): хочу чтобы были міры, и вотъ они были“—отдаетъ преимущество послѣднему тексту. Нѣтъ человѣка съ здравымъ смысломъ и съ неиспорченнымъ разумомъ, который бы не чувствовалъ огромную разницу между двумя выраженіями, изъ которыхъ одно носитъ на себѣ печать философскаго умствованія и искусственности въ выраженіи, а другое всѣ признаки вѣрованія глубокаго и неподражаемой простоты. Трудъ размышленія, жизнь въ мірѣ отвлеченностей, также явно высказываются въ Санскритскомъ писателѣ, какъ вѣра безусловная и безъискуственная живо выражается въ Моисеѣ. „Вотъ, какъ я понимаю Бога“, говоритъ одинъ; „вотъ, какъ явился міръ“, говоритъ другой. Тотъ хочетъ васъ удивить и поразить, другой не думаетъ ни объ васъ, ни о себѣ, ни даже о величіи Божіемъ. Онъ васъ не удивляетъ потому, что самъ не удивляется. Да и чему удивляться? Вѣдь это слово не его, а слово предковъ, взросшее съ самимъ Моисеемъ, сжившееся съ его жизнію и такое же простое, какъ разсказъ о вседневныхъ событіяхъ міра. Живость и свѣжесть преданія, благоуханіе весны человѣческой дышатъ въ словѣ ветхозавѣтномъ. Я говорю теперь не языкомъ того или другаго ученія, той или другой вѣры, но языкомъ простаго разума и здравой критики. Вообще, безполезенъ трудъ нападенія на ошибки мелкія и частныя; но я привелъ этотъ промахъ ученаго, прославленнаго своими трудами въ Германіи, для того, чтобы показать, какъ одностороннее направленіе ума изсушаетъ и уродуетъ врожденныя способности. Слѣпота учености жалка и смѣшна.

Вражда между началомъ Еврейскимъ и Кушитскимъ выражалась, какъ мы видѣли, во всемъ развитіи жизни Израильской. И послѣ паденія самаго Израиля, много времени послѣ паденія Египта, она выразилась еще живѣе въ ученіи Гностиковъ и именно Гностиковъ Офитовъ, прямыхъ и безспорныхъ наслѣдниковъ Египетской и Финикійской мысли. Хотя они уже стыдились прежнихъ грубыхъ понятій, хотя они отчасти отвергли двойственность органическую, слишкомъ нагло оскорбляющую чувство человѣческое; но прежній владыка народа Израильскаго (Саваоѳъ) все-таки представляется имъ какъ начало злое, и злое именно потому, что оно творящее-свободное, и потому, что оно призываетъ свое твореніе къ свободной духовной жизни. Отъ того-то, для нихъ змѣй, призвавшій людей къ жизни вещественной, къ покорности законамъ міра необходимости, змѣй есть посланникъ высшаго, добраго начала. Гнозисъ есть знаніе, но не знаніе свободы; а знаніе необходимости. Происхожденія его изъ Египто-Финикійской системы доказывать не нужно: оно ясно и неоспоримо; но въ немъ особенно замѣчателенъ символъ змѣи. Во всѣхъ религіяхъ чисто-Иранскихъ змѣя представляетъ зло, въ Кушитскихъ — добро. Но въ Иранизмѣ этотъ символъ, кажется, просто вводный и принятъ или какъ олицетвореніе враждебнаго Кушитства, или какъ остатокъ древнѣйшаго преданія; въ Кушитствѣ же онъ первобытный и коренной. Кнефъ изображенъ змѣей, Сурмубель также; вся Финикія и Вавилонъ поклонялись змѣямъ, Мага-Дева держитъ въ рукахъ *корба ди капелло*, самую ядовитую изъ змѣй Индустанскихъ, весь Деканъ наполненъ миѳами о богоугодныхъ змѣяхъ (это принадлежитъ Шиваизму); змѣи служатъ Буддѣ и принимаютъ его ученіе съ радостію. Я знаю, что многоглавая змѣя вошла и въ миѳы объ Вишну; но тутъ ею изображается только вода. Я знаю, что змѣя была приписана и Тифону въ Египтѣ; но это путанница позднѣйшаго времени, которая по этому самому не заслуживаетъ никакого вниманія и совершенно исчезаетъ въ общемъ обычаѣ изображать доброе начало въ образѣ змѣи. Такова змѣя Кнефа, Изиды, Таута и прочія. Запутанность же понятій, вслѣдствіе которой Тифонъ получилъ туже эмблему, какую имѣло и доброе начало, происходило отъ примиренія религій, вслѣдствіе котораго утратилась память объ ихъ первоначальномъ смыслѣ. Въ сосѣднемъ народѣ злое начало изображено символомъ змѣи; а мы переносимъ тотъ же символъ къ духу зла у себя, забывъ, что его начало злое было то, которое мы считали добрымъ. Отвлеченныя идеи о добрѣ и злѣ уцѣлѣли, но безпамятность вѣковъ отчасти изгладила коренное различіе въ характерѣ боговъ, которые у каждаго народа считались добрыми или злыми. Впрочемъ, Иранское начало упорнѣе сохранило вражду противъ змѣи, и Геркулесъ (съ Гидрою), Аполлонъ (съ Пиѳономъ), Миѳра (съ змѣею Агримана), Вишну-Кришна (съ дракономъ), Аза-Ѳоръ (съ змѣею Мисгардскою) всегда представляли глубокую вражду сѣвернаго духа противъ Кушитской эмблемы. Эта вражда менѣе ясно высказывается въ Индіи, потому что синкретизмъ Индіи былъ полнѣе и нравственно безсмысленнѣе, хотя стройнѣе логически. Трудно сказать, почему именно змѣя была признана изображеніемъ божества; но фактъ существуетъ и неоспоримъ. Онъ сопровождалъ Кушитское развитіе вездѣ, гдѣ оно сохранило нѣкоторую опредѣленность; онъ перешелъ въ почтеніе Негровъ къ змѣямъ и, вѣроятно, перенесся черезъ ширину океановъ съ тѣми мореплавателями древности, которыхъ смѣлыя путешествія для насъ непостижимы. Есть произволъ въ каждомъ заблужденіи, а произволъ трудно угадать; но можетъ быть, дѣтская поэзія первобытныхъ народовъ Юга находила въ движеніяхъ, быстрыхъ какъ стрѣла, безъ видимыхъ органовъ движенія, въ инстинктахъ хитрыхъ безъ всякаго замѣтнаго орудія инстинктовъ, въ тонкости ощущеній при слабости наружныхъ проводниковъ ощущенія, наконецъ въ прихотливомъ и веселомъ избыткѣ жизни змѣи какой-то образъ всей этой богатой міровой жизни, которая проявляется въ малѣйшихъ подробностяхъ органической природы, бьется въ самыхъ мелкихъ ея жилахъ и скрываетъ отъ насъ свое таинственное средоточіе и вседвижущее сердце. Такое понятіе и такое воззрѣніе можно допустить въ стихійномъ служеніи. Мысль же, довольно распространенная, о томъ, что змѣя Иранская была какимъ-то астрономическимъ знакомъ, какимъ-то изображеніемъ зимы, такъ ничтожна, что не стоитъ ее опровергать: она почти нигдѣ не прилагается и, слѣдственно, нигдѣ не должна быть приложена; она не имѣетъ никакаго сношенія съ поклоненіемъ змѣѣ и съ ея значеніемъ въ мірѣ Кушитскомъ; наконецъ, она существуетъ въ наукѣ только потому, что какой-то систематикъ ее высказалъ, а ученымъ недостало досуга и терпѣнія ее порядочно прослѣдить. Такія мысли являются и принимаются нѣсколько времени за неоспоримыя, по какой-то мнимой ясности и совершенной простотѣ. Онѣ всегда напоминаютъ гипотезу Дегиня о тождествѣ Гунновъ и Гіонгъ-ну. Никто и сомнѣваться въ ней не смѣлъ. Что говорить! Свѣтлѣе солнца, тверже пирамидъ; кто-то невзначай на нее дунулъ,—и слѣдовъ ея не осталось. Впрочемъ, скажу мимоходомъ, что это не уменьшаетъ достоинства трудовъ Дегиня и не объясняетъ слѣпоты его преемниковъ, которые до сихъ поръ не замѣчаютъ ни города Хунабъ на Волгѣ, гдѣ-то около Казани, подлѣ Аланской земли, ни разсказовъ Скандинавскихъ о томъ, что Гуннія была городомъ безконечно великимъ (это значитъ, что Гунны не совсѣмъ же были кочевымъ народомъ), ни опредѣлительнаго показанія Китайцевъ, которые знаютъ землю или народъ Уна-о на Юго-востокъ отъ Каспія и Арала, между Ванами Великими (Та-ванъ) и южными Азами (Ан-зи), т.-е. въ общемъ гнѣздѣ Вановъ (Вендовъ) и Азовъ (Сарматовъ). Кажется, изъ этаго можно бы кое-что понять.—Змѣя, какъ мы видѣли, принадлежала коренному характера Кушитскаго символизма и въ немъ получаетъ свое истинное значеніе, точно также, какъ она намъ обьясняетъ и самую тайну его первобытнаго направленія и взаимныя отношенія между имъ и религіями Иранскими. Исключительный фактъ мѣднаго змія въ пустынѣ у Израильтянъ не долженъ былъ принятъ въ соображеніе, во-первыхъ, по его исключительности; во-вторыхъ, по возможности временнаго синкретизма двухъ религій, и въ-третьихъ, потому, что сами Евреи находили ему множество толкованій, и благочестивый царь Эзекія уничтожилъ его. Оставимъ мелочи въ сторонѣ! Онѣ вообще недостойны науки и не могутъ имѣть мѣста при изслѣдованія о предметѣ всеобщей важности, каковъ символъ змѣи въ большей части древнихъ религій. Микроскопомъ можно разсмотрѣть каплю воды, но не все теченіе Волги.—Змѣй или драконъ должны обратить особенное вниманіе наше въ религіозномъ развитіи Восточной Азіи, начиная отъ Индустанскихъ и Тибетскихъ горъ до Тихаго Океана.

Къ несчастію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ насчетъ вѣрованій у Міао или варваровъ, населяющихъ южный и юго-западный Китай; но, по крайней мѣрѣ, намъ уже извѣстно съ достовѣрностью, что у самихъ Китайцевъ драконъ есть эмблема высшей мудрости и силы. Миѳическіе ихъ герои и полу-боги весьма часто изображаются съ туловищемъ, переходящимъ въ форму змѣинаго хвоста, и даже съ человѣческими головами и змѣинымъ тѣломъ: очевидно, не Буддаизмъ ввелъ съ собою такой странный вымыселъ, Онъ въ Китаѣ гораздо древнѣе самаго ученія *Фо*; но позволительно думать, и даже довольно вѣроятно, что Буддаизмъ новый есть въ Китаѣ, а также въ Индіи, только реформа или возобновленіе старобытнаго, почти забытаго ученія. Во всякомъ случаѣ, уваженіе къ образу дракона связано съ преданіями о поклоненіи змѣямъ въ долинахъ Тибета и на всемъ протяженіи его горной твердыни. Отношеніе змѣистой формы рѣкъ въ ущеліяхъ къ миѳическимъ разсказамъ о змѣеобразныхъ духахъ, которыхъ жилище въ озерахъ и въ подводныхъ чертогахъ, уже было обьяснено, также какъ и вѣроятно смѣшеніе слова *нагаръ* (*нахаръ* тоже что Бахръ, въ Абиссиніи и Эѳіопіи) съ словомъ *нага* *); но нельзя не предположить, что возможное смѣшеніе понятій перешло въ самую миѳологію только при появленіи такой религіи, въ которой змѣя была дѣйствительнымъ предметомъ поклоненія. Этотъ фактъ тѣсно связанъ съ переселеніемъ въ горы Гималайскія племени чернаго и курчаваго, котораго слѣды и многочисленные остатки до нашего времени поражаютъ внимательнаго путешественника. Кажется, что почтеніе къ змѣѣ или дракону еще тѣснѣе связано съ Буддаизмомъ, чѣмъ съ самымъ Шиваизмомъ, хотя весьма трудно раздѣлить эти двѣ системы или эти двѣ стороны одной и той же системы; но многія вѣроятности ведутъ къ тому заключенію, что въ образованіи Кушитскомъ племя черное еще болѣе было склонно къ кроткому поклоненію Буддѣ, чѣмъ къ дикому служенію Шивѣ, между тѣмъ какъ пламенныя страсти Мулата (мѣшаннаго Арамейца) менѣе сочувствовали созерцательному, чѣмъ дѣятельному и буйному направленію религіи. Жалкая и слабая змѣя сѣверныхъ климатовъ не позволяетъ намъ предположить, чтобы она когда нибудь могла

---

*) По-санскритски змѣя. *Изд.*

самобытно возвыситься до того важнаго мѣста, которое она занимаетъ во всѣхъ миѳологіяхъ, или какъ предметъ ненависти, или какъ изображеніе высшаго божества. Самый Иранъ, отечество Азовъ и Скандинавской вѣры, Халдеевъ и Вавилонской религіи, Зендскаго племени и Миѳраизма, не представляетъ еще формы змѣи въ томъ огромномъ развитіи, въ которомъ она могла поразить воображеніе народовъ-младенцевъ. Африка и душный жаръ пригорій Абиссинскихъ, Индустанъ и роскошная растительность долинъ Гиммалайскихъ или Цейлонскихъ, съ огромными удавами и анакондами и съ безконечнымъ разнообразіемъ породъ, достигающихъ размѣровъ почти баснословныхъ, или блистающихъ всею прелестью металлическихъ отливовъ, или ужасающихъ неизбѣжною смертельностью яда, заключеннаго въ тѣлѣ ничтожномъ,—вотъ вѣроятное отечество змѣи миѳологической. Но мы уже видѣли, что Шиваизмъ и Буддаизмъ принадлежатъ безспорно Кушитскому началу и связаны съ змѣепоклоненіемъ; и такъ, въ Индіи смѣшно бы было искать его колыбели, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ никакихъ сношеній съ Брахманизмомъ. Между тѣмъ, совершенная или почти совершенная безполезность змѣи для рода человѣческаго и ея злая дѣятельность внушаютъ невольное сомнѣніе, какъ могла родиться мысль представить доброе начало подъ видомъ враждебнаго животнаго? Отвѣтъ простъ: или мысль эта основана на преданіи, утратившемъ свой смыслъ, или божество Кушита не заключало въ себѣ нравственной идеи благости, но простое и грубое понятіе о силѣ. Иначе мы вопроса не можемъ разрѣшить, и это рѣшеніе вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ даннымъ науки фактической. Таковъ характеръ Кушитства. Со временемъ вещественность потеряла свои исключительныя права; человѣкъ, воспитанный силами собственнаго разума или сближеніемъ съ племенами достигшими высшей степени развитія, дошелъ до духовности, т.-е. до отвлеченности отъ вещества; но никогда уже не могъ онъ вырваться изъ тѣхъ цѣпей, которыми было оковано его младенческое направленіе. Первыя данныя его были вещественныя, первыя понятія его приняли форму согласную съ неизмѣнными дѣйствіями наружной природы, а не съ вольнымъ творчествомъ внутренняго духа. Этой печати, принятой его дѣтствомъ, онъ уже стереть не могъ. Шиваизмъ дошелъ до тонкости Аристотелевой философіи, Шиваизмъ обвинилъ Брахму въ вещественности и въ любви его къ призраку (*Мая*), въ утратѣ собственнаго достоинства; все это было, но онъ не понялъ, и понять не могъ, свободной дѣятельности заключенной въ Брахманизмѣ. Брахма, униженный миѳами, любитъ и творитъ: это свобода; Шива, въ высшемъ своемъ развитіи, ненавидитъ и творитъ: это крайнее, это самое поэтическое и самое дерзкое выраженіе необходимости, перенесенной въ міръ отвлеченностей и умозрѣній *). Вотъ ключъ развитія Кушитскаго, вотъ коренное направленіе его, чисто-вещественное, воздвигнувшее столь гигантскихъ памятниковъ въ зодчествѣ и ваяніи и не завѣщавшее намъ ни однаго слова, вдохновеннаго поэзіею или проникнутаго животворною мыслію. Буддаизмъ достигаетъ, какъ мы сказали, высокой духовности, но только въ смыслѣ отвлеченности отъ вещества. Въ этой духовности нѣтъ самобытнаго и живаго двигателя; она есть ничто иное, какъ отрицаніе, возведенное до религіознаго значенія. Отъ этого, его высшее торжество выражается самоуничтоженіемъ; и, не смотря на всѣ хитрости западныхъ толкователей, на всѣ сомнѣнія, порожденныя высшимъ просвѣщеніемъ нашего ума, которому не вѣрится существованіе религіи, основанной на Нигилизмѣ, ученіе буддаистовъ было и есть служеніе небытію. Бытіе видимое съ его измѣнчивостью, съ его страстями, съ его неправдами, требовало противодѣйствія: оно явилось. Но потому самому, что оно было противодѣйствіе, оно, въ своей отрицательности, сохранило характеръ того положительнаго начала, которымъ оно было вызвано, характеръ неволи. Я знаю, что оно скрыло грубую вещественность, изъ которой оно родилось, и замѣнило призракомъ эманаціи ясную форму рожденія; но эти уловки ничего не значатъ въ глазахъ здраваго разума. Типъ первоначальный сохранился упорно и неизгладимо. Буддаизмъ точно также подчиненъ необходимости (я говорю о высшемъ ученіи), точно также лишенъ нравственнаго двигателя, какъ и Шиваизмъ; но то, что являлось въ веществѣ подъ призракомъ жизни (ибо вещество есть дѣйствительная область необходимости), обличило свою безжизненность, когда перешло въ область духа

---

*) Шива, какъ предполагаетъ Benfey (ср. Indien въ лекс. Ersch und Gruber, стр. 179) означаетъ der Wachser, die durch Wachsthum sich entfaltende Natur. *Изд.*

творческаго и не приняло въ себя начала свободно-творящаго. Религія, какъ уже сказано, есть крайній предѣлъ всего мышленія человѣческаго: явно или тайно, разумно или инстинктивно, она въ себѣ всегда заключаетъ полный и окончательный выводъ изъ его духовной жизни. Отъ этаго, при всѣхъ случайностяхъ миѳа и легенды, выдумки и преданія, она всегда отражаетъ все сцѣпленіе его умственнаго развитія и облекаетъ въ таинственные образы строгіе законы его безсознательной діалектики. Тѣ самыя явленія, которыя встрѣтились намъ при изученіи Кушитскаго вещественнаго служенія, должны повториться, и дѣйствительно повторяются, во всѣхъ философіяхъ, исторически или логически возникшихъ изъ матеріализма или изъ воззрѣнія на неизмѣнную послѣдовательность видимой природы или познающаго ума, который есть не что иное, какъ зеркало познаваемаго міра. Тайное ученіе о необходимости проглядывало и пребывало во всѣхъ измѣненіяхъ философической формы, будь она скепсисомъ или догмою, анализомъ или синтезомъ. Система опровергаемая возникала снова въ системѣ опровергающей, по закону прямаго антагонизма; и послѣ безконечныхъ толковъ о сущности, бытіи, знаемомъ, знающемъ и знаніи, всѣ усилія самаго смѣлаго разума могли дойти только до вывода отрицательнаго, до самоуничтоженія необходимости въ сознаніи. Но такъ какъ отрицаніе не удовлетворяло всѣмъ требованіямъ ума, свобода отрицательная объявила мнимыя права на достоинство воли, и назвала себя свободнымъ сознаніемъ необходимости: бѣдная логическая увертка, выведенная упорнымъ трудомъ Германскаго мышленія изъ логическихъ, т.-е. необходимыхъ, законовъ вещественно-умственнаго міра. Правая или неправая, эта философія получила свое полное и законное развитіе; но самолюбивое умствованіе нашего времени не должно пренебрегать глубокимъ смысломъ обрядности вѣковъ доисторическихъ. Кушитство, въ своемъ отвлеченномъ направленіи, должно было уже издревле переходить въ совершенную безличность Верховнаго Существа, въ Пантеизмъ. Но самый Пантеизмъ получалъ непремѣнно два развитія противоположныя: онъ просто фактъ всеобщей жизненности (это окончательное развитіе Шиваизма) или идея, отражающая этотъ фактъ, благоволящая ко всему, и ко всему равно, слѣдственно лишенная всякаго нравственнаго значенія,—это собственно Буддаизмъ. Въ немъ есть благоволеніе, и весьма ясно выраженное; но въ немъ нѣтъ любви и быть не могло. Далѣе, таже самая идея, отвлекаясь болѣе и болѣе отъ всего сущаго, должна была или уничтожить совершенно всякое понятіе о божествѣ, или перенести его въ такую неопредѣленную область, что умъ и чувство человѣческое не могли находить въ немъ ни точки опоры, ни прямаго и положительнаго смысла. Съ другой стороны, врожденная склонность къ добру, предоставленная самой себѣ и воспитанная до нѣкоторой степени кроткимъ благоволеніемъ Буддаизма, наводила на идею стройности, гармоніи съ міромъ и строгой формальности логическаго устройства въ обществѣ и государствѣ. Всѣ эти эпохи дѣйствительно прожиты Китаемъ. Положительное и законами одобренное равнодушіе ко всему, что мы привыкли (впрочемъ довольно неопредѣленно) называть чувствомъ религіознымъ и ко всякому даже духовному представленію Высшаго Начала; желаніе осуществить въ себѣ и въ государствѣ полное и гармоническое изображеніе видимаго и разумнаго міра; наконецъ, строгая формальность, закованная въ логическіе законы и враждебная всякому произволу и даже всякой свободѣ,—все это находимъ мы въ атеистическимъ ученіи великаго Конг-фу-тсеу, въ правилѣ, что человѣкъ долженъ въ себѣ сосредоточивать гармонію земли и неба *), въ цѣли, предписанной законами государству, которое обязано изображать всю полноту вселенной, и во всей жизни умственной, семейной и политической Китая. Этимъ объясняются его матеріальный бытъ и неизмѣнное стремленіе къ положительнымъ выгодамъ гражданина; ибо въ нихъ спасалась врожденная святыня души человѣческой. Этимъ же объясняются и угнетеніе всякаго свободнаго порыва, холодная сухость формъ, упрямое почтеніе къ преданію, бѣдность поэзіи и мертвенность воображенія, изуродованіе души человѣческой и возвеличеніе общественной жизни, наконецъ, все величіе и слава, все дѣтство и духовная нищета Китая. Отличительныя черты его физіономіи зависятъ безспорно не отъ одного вліянія религіи, но и отъ свойствъ умнаго и мыслящаго племени, которымъ населенъ Востокъ Азіи. Впрочемъ, должно замѣтить, что полнаго и свободнаго развитія Буддаизма во всей его строгой послѣдовательности должно искать именно въ такихъ

---

*) Ср. Pauthier, Confucius. 67. § 5.

земляхъ, въ которыхъ онъ не встрѣчалъ другой равносильной стихіи религіозной и въ которую онъ перешелъ безъ примѣси Шиваизма. Общее мнѣніе ученаго міра и самихъ Китайцевъ предполагаетъ, что ученіе Фо было введено въ Китаѣ незадолго до Р. Х. и утвердилось въ немъ уже въ первомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Это фактъ, и фактъ неоспоримый; но онъ точно также малозначителенъ для историческихъ розысканій, какъ и мнимое рожденіе Буддаизма въ Индустанѣ при Гаутамѣ за 600 лѣтъ или при Шакья-Муни за 1000 лѣтъ до Р. Х. Отслѣдивъ Африканское происхожденіе Будды и параллельный ходъ его служенія съ Шиваизмомъ, убѣдясь въ томъ, что собственно не Индустанъ, а южный Деканъ былъ первымъ его жилищемъ на Востокѣ, и признавъ величественныя пещеры на Малабарскомъ берегѣ и въ Гаутскихъ ущеліяхъ за стародавнія его святилища, мы уже не можемъ вѣрить началу Буддаизма въ земляхъ, лежащихъ на Сѣверъ отъ Нербудды или въ при-Гангесскихъ областяхъ. Шакья-Муни и Гаутама (если они точно два разныя лица[1]) являются намъ только реформаторами и ревностными проповѣдниками древняго ученія полу-забытаго и возобновленнаго съ примѣсью новой стихіи, именно Брахмано-философской. Новый Индѣйскій Буддаизмъ долженъ былъ принять характеръ мѣстности, въ которой онъ родился, и во многомъ измѣнить свою первоначальную физіономію. Но намъ уже не позволительно считать Шакья-Муни основателемъ ученія Буддаическаго, точно также, какъ смѣшно бы было Иранскую религію связывать съ реформаторомъ, написавшимъ Зендавесту и извѣстнымъ подъ именами Зердушта, Зердохта или Зороастра, именами вѣроятно выдуманными. Самые миѳы о Буддахъ древнѣйшихъ и общее мнѣніе, что Шакья-Муни былъ не что иное какъ *аватаръ*[2]) Будды невидимаго явно указываютъ на Буддаизмъ, предшествовавшій его рожденію, точно также, какъ понятіе о Вишну должно было предшествовать его первому человѣческому аватару; ибо въ обоихъ божествахъ заключается не чисто философическая, но опредѣленно-религіозная мысль. Мертвые камни южной Индіи разсказываютъ намъ тайну, повѣренную имъ смѣлыми зодчими древности, и опровергаютъ показанія позднѣйшей письменности. Но въ Китаѣ памятниковъ было мало, и эти памятники были ничтожны, вѣроятно, отъ разсудительно-разсчетливаго характера племени, которое въ каждомъ дѣлѣ требуетъ только полезной цѣли. За всѣмъ тѣмъ, весьма многое указываетъ на сильное вліяніе Кушитскаго начала: преданіе о троглодитизмѣ и служеніи въ пещерахъ до времени Тсе-тше-чи, названіе дверей храма дверями холма, уваженіе къ формѣ змѣи, которая вмѣшана во всѣ первоначальные миѳы, величайшее сходство въ коренныхъ знакахъ мысли съ системою іероглифическихъ письменъ и, можетъ быть даже, самое имя божественнаго духа, просвѣтителя человѣчества, Фо-ги, которое напоминаетъ позднѣйшую форму имени Будды, Фо, хотя послѣдняя безспорно возникла изъ сокращенія двусложнаго слова. Невозможно пропустить безъ замѣчанія нѣкоторое сходство въ миѳахъ о Фо-ги съ пѣснями Калевалы о Вейнемейенѣ и характеристическую важность, приписанную въ обоихъ случаяхъ гармоніи музыкальной и пяти-струнной арфѣ, изображающей вѣроятно таинственное согласіе человѣка пяти-чувственнаго и міра пяти-стихійнаго; но общій миѳъ, доказывающій происхожденіе изъ однаго и того же центра, т.-е. отъ Средне-Азійской твердыни, нимало не уничтожаетъ возможности вліянія чуждаго, юго-западнаго. Хотя извѣстное преданіе Индѣйцевъ о томъ, что Китай населенъ выходцами изъ Индіи, не заслуживаетъ вниманія и ничего не доказываетъ кромѣ хвастливости народа (точно также, какъ Гишпанская сказка о томъ, какъ Бернардъ Карпіо задушилъ Роланда), однакоже, по многимъ даннымъ, невозможно отвергать довольно древнее вліяніе Индустана на умственную жизнь Китая. Сверхъ того, хотя имя Фо-ги и напоминаетъ позднѣйшаго Фо-Будду, разсказъ объ немъ нисколько не согласуется съ остальными миѳами и системами Китайской религіи*). Кушитство могло принять въ себя и освятить старую символическую сказку, принадлежавшую другому ученію. Мы не должны ни пренебрегать этимъ согласіемъ сказаній Китая и Финской Карелы, ни приписывать ему излишней важности; но, основываясь на ясныхъ указаніяхъ, которыя намъ представлены первоначальною таинственностью троглодитизма, змѣепоклоненіемъ, іероглифическимъ началомъ письменъ и чернымъ и курчавымъ населеніемъ южныхъ горъ Китая, мы имѣемъ полное право утверждать, что отдаленнѣйшій Востокъ Азіи, въ эпоху доисторическую, получилъ таинственное ученіе Кушитскаго міра, логическую отвлеченность, которая въ позднѣйшихъ вѣкахъ извѣстна стала подъ названіемъ Буддаизма, но уже издревле, хотя безъименная, доставила Эѳіопіи славу праведности, а Египетскимъ жрецамъ славу мудрости. Жизнь новаго Буддаизма на Востокѣ явно показываетъ, какъ одна и таже система склонна переходить съ одной стороны въ ученіе о нигилизмѣ, а съ другой во всѣ нелѣпости поклоненія фетишамъ. То, что̀ представляется намъ единовременно въ одной землѣ, развивалось въ двухъ странахъ, раздѣленныхъ безконечностью морей и твердынею материковъ, на берегахъ Янтсе-кіанга и Нигера. Безпечность Негра, его случайное одичаніе въ знойномъ просторѣ Африки, недостатокъ связи между отдѣльными поколѣніями и уничтоженіе жреческаго сословія оставили отъ Буддаизма только самый грубый и жалкій его осадокъ, Фетишизмъ. Внимательное изученіе этого служенія, которое представляетъ намъ человѣка на самой низкой степени умственной жизни, даетъ важные результаты. Фетишъ весьма часто не есть предметъ, взятый изъ природы и облеченный въ божественность дѣтскимъ страхомъ людей, но предметъ рукодѣланный, плодъ человѣческаго произвола, произвольно признанный за святыню. Фетишъ въ этомъ видѣ ясно представляетъ крайнее искаженіе амулета, а амулетъ получаетъ свой смыслъ только въ символическомъ языкѣ многообъемлющихъ миѳологій.—Мы видѣли, что стихійное служеніе развивалось въ двухъ видахъ, въ страстномъ и вещественномъ Шиваизмѣ, въ отвлеченномъ и созерцательномъ Буддаизмѣ, и переходило всю лѣстницу человѣческихъ заблужденій, отъ служенія рукодѣланному фетишу до торжественнаго поклоненія святынѣ небытія; но вездѣ и во всѣ эпохи сохранило оно одну и туже основную мысль: жизнь есть необходимость, и необходимость, такъ сказать, внѣшняя духу мыслящему. Но этотъ духъ въ ней закованъ, и ему остается или признать ее безпрекословно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. Въ первомъ случаѣ добра нравственнаго нѣтъ, потому что идея добра несовмѣстна съ идеею рабства, а свобода невозможна; въ другомъ нѣтъ добра нравственнаго, потому что свобода духа возможна только въ удаленіи отъ всякаго дѣйствія, ибо дѣйствіе завлекаетъ ее въ міръ необходимости, а свобода, не проявляясь, остается въ области небытія. Таковъ смыслъ Кушитскаго ученія во всемъ его развитіи; но мы видѣли изъ примѣра Китая, что добрыя чувства души умѣютъ себѣ выгородить частицу жизни, въ которой они еще высказываются, и можемъ быть увѣрены, что тоже самое повторялось вездѣ. Каковы бы ни были заблужденія ума, есть въ духѣ человѣческомъ сила, не повинующаяся ложнымъ выводамъ односторонняго ученія. Поэтому, во всякой религіи мы должны отдѣлять то, что̀ составляетъ коренную ея особенность, ея логическую основу, отъ того что̀ въ нее введено синкретизмомъ чувства, разсудка или воображенія. Въ Буддаизмѣ отъ самаго Буддаизма отличаются рѣзко миѳы, внесенные Брахманствомъ, Сабеизмомъ или Несторіанствомъ. Таковы сказки затѣйливой географіи міровъ, взятыя изъ Брахманскихъ ученій, и роскошь адскихъ мученій *), въ которой видно искаженіе христіанскихъ преданій. Нелѣпая смѣсь всѣхъ вѣрованій, привитыхъ къ коренному невѣрію, къ религіи небытія, представляетъ жалкій и смѣшной сборъ самыхъ противоложныхъ понятій, Ламаизма, Нигилизма и Фетишизма,—но не намъ смѣяться. Оглянемся на Европу.

---

[1]) Неопредѣленность времени жизни Будды объясняетъ возможность сомнѣнія въ тождествѣ этихъ лицъ. Теперь въ немъ уже не сомнѣваются. *Изд.*

[2]) Воплощеніе. *Изд.*

---

*) Ср. т. VI, стр. 87 и сл. *Изд.*

Иранъ, какъ мы уже сказали, основалъ свое вѣрованіе на другомъ началѣ, на преданіи о свободѣ или на внутреннемъ сознаніи ея. Кушитовъ мы должны угадывать; Иранцы сами себя высказываютъ. Первое мѣсто между ихъ показаніями, по древности, опредѣленности и простотѣ, занимаютъ писанія народа Израильскаго; второе безспорно принадлежитъ Брахманизму, не смотря на безсмысленную примѣсь другихъ религій; наконецъ, третье ясно выраженное понятіе о свободѣ нравственной заключается въ книгахъ, приписанныхъ Зердушту. Области же, въ которыхъ оно утратилось въ безхарактерномъ синкретизмѣ, Вавилонъ, Ассирія, Финикія и Эллада, доставляютъ критикѣ только немногіе намеки на первоначальныя вѣрованія, но не содержатъ въ себѣ ничего истинно-органическаго.—Шиваизмъ стихійный былъ, какъ мы сказали, изображенъ дуализмомъ производящимъ, символомъ грубой необходимости; Буддаизмъ созерцательный принялъ форму эманаціи непроизвольной, слѣдственно необходимой. Ясно и рѣшительно отправ-

---

*) Чуждое чистому Буддаизму. Burnouf, Lotus. 1, 544.

ляясь отъ начала совершенно чуждаго системѣ Кушитской, Иранская религія возводитъ все видимое и частно-живущее къ вѣчносущему духу, давая ему разныя названія, смотря по мѣстности, характеру языковъ и направленію младенческой мысли человѣка. Богъ, въ значеніи Творца, есть основная характеристическая черта Иранства. Свобода положена началомъ, благо нравственное—высокою цѣлію всякаго дробнаго бытія. Двойство антагонистическое не могло не войти въ область вѣры Иранской: Сатана, Локи, Агриманъ, Асуры обозначаютъ борьбу зла противъ добра. Но двойство антагонистическое не имѣетъ того характера независимости и равенства, которое мы находимъ въ двойствѣ полярномъ и органическомъ. Даже тогда, когда представитель зла не является возмутившимся твореніемъ всемогущей благости, онъ все-таки лице второстепенное, опредѣленное на конечное разрушеніе. Представитель добра есть посланникъ и изображеніе первоначальной силы, дающей несомнѣнную побѣду добру надъ зломъ. Альфатеръ торжествуетъ, когда вселенная сгараетъ въ огнѣ Суртура, и изъ пепла возстаютъ его святые любимцы, непричастные злу и неправдѣ, чистый Балдуръ и младенецъ Могни и другія лица первоначальной миѳологіи, которыя не осквернены безнравственными миѳами позднѣйшаго синкретизма. Духовная истина не пощадила ни силы Аза-Тора, ни высоко-поэтическаго лица Водена, ни всего сказочнаго пантеона Скандинавскаго. Послѣ міра страстей и борьбы, погибшаго вмѣстѣ съ своими богами, возрожденъ міръ тишины и любви, и съ высотъ новаго неба кроткій взоръ Альфатера сіяетъ надъ новою лучшею землею. Менѣе опредѣленъ смыслъ Зеруана-Акерене *). Это слово отзывается умствованіемъ и отвлеченностью; оно не представляетъ лица миѳическаго и дѣйствующаго. Равенство Агримана и Оромазда кажется безспорнымъ; но, послѣ краткой побѣды, Агриманъ долженъ погибнуть или покориться (толкованія различны). Первоначальная мысль высказана ясно, и всесозидающее могущество добра признано безспорно, также какъ и основ-

---

*) Часто встрѣчающееся въ Зендавестѣ, въ формѣ винительнаго падежа (*зрванем-акаранем*), названіе первоначальнаго бытія. Оно значитъ *безпредѣльное* или *несозданное время*. *Изд.*

ный характеръ свободы. Еще духовнѣе и совершеннѣе Брахма, еще чище является въ немъ свободно-творящій духъ, еще ничтожнѣе враги его Асуры (часто носящіе образъ змѣи). Таково древнее ученіе, для всякаго безпристрастнаго критика; но Веды уже переходятъ въ область умствованія, и многіе не умѣли узнать идеи нравственнаго блага въ многословіи пантеистической философіи. Брахма есть все, что̀ есть; въ немъ все возможное и все сущее: это правда, но всебожіе не уничтожаетъ его личнаго самосознанія и, заключая въ себѣ всю полноту бытія, онъ не перестаетъ быть живымъ и вольнымъ творцемъ и началомъ добра. Такое воззрѣніе на пантеизмъ Брахманскій (который, впрочемъ, впослѣдствіи совершенно измѣнился) помогаетъ намъ понять разницу его съ пантеизмомъ Кушитскимъ въ его высшемъ развитіи. Будда есть духъ сознающій, первоначальный, но невольный въ своихъ дѣйствіяхъ. Отъ него истекаетъ міръ въ своемъ дробномъ и вещественномъ проявленіи. Этотъ міръ есть всесущій Шива, страстный, дѣятельный, роскошествующій въ избыткѣ жизненныхъ силъ, который самъ сдѣлался предметомъ поклоненія во всѣхъ религіяхъ чисто-стихійныхъ. Будда же, предметъ служенія для посвященныхъ, высшее начало, скорбная и безсильная духовность, получаетъ свое самосознаніе безпрестанно въ человѣкѣ и, почувствовавъ свое рабство, безпрестанно уходитъ въ область небытія, спасающую его отъ ига необходимаго и тѣлеснаго. Вѣчное воплощеніе Будды въ человѣкѣ обратилось въ мнѣніе о постоянномъ воплощеніи его въ одномъ какомъ-нибудь человѣкѣ, въ жалкую глупость Ламаизма. Изъ этаго видно, что Пантеизмъ есть стихія вводная въ ученіи Брахмы, личнаго и свободнаго, и основная въ безличномъ Буддѣ и вещественномъ Шивѣ, живыхъ образахъ внѣшней необходимости. Буддаизмъ и Брахманизмъ многообразно сливались и измѣняли другъ друга; но внимательное наблюденіе ихъ характеристическаго различія показываетъ намъ, что они выросли на разныхъ почвахъ и первоначально ничего общаго между собою не имѣли. Общность же духа, также какъ и изученіе древнѣйшихъ памятниковъ, обличаетъ единство Буддаизма и Шиваизма, изъ которыхъ первый былъ реакціею противъ втораго, но по закону прямаго антагонизма не измѣнялъ коренныхъ началъ и оставался въ области необходимости, выраженной рожденіемъ въ Шивѣ и эманаціей въ Буддѣ. Важность и, такъ сказать, основность полярнаго двойства въ Кушитствѣ сохранилась даже въ хаотическомъ сплавѣ, который называется вѣрованіемъ Индустанскимъ: Сарасвати совершенно ничтожна; Лакшми, граціозно-нравственное лицо, принадлежитъ поэзіи, а не ученію религіозному; Бгавани же есть многочисленное понятіе, оспаривающее первенство у самого Шивы. Въ Египтѣ важность Изиды по крайней мѣрѣ равняется Озирису, и отсутствіе лица ей подобнаго въ Тифонизмѣ подтверждаетъ вполнѣ не-Кушитское происхожденіе Тифона. Органическая полярность называется въ системѣ Брахманской силою (Сакти) божества. Выраженіе это, по философическому своему значенію, явно принадлежитъ многомыслившему племени Санскритскому; но самое представленіе о силѣ, воплощенной въ образѣ женскомъ, совершенно чуждо и первоначальному Брахманству, и ученію Ведъ. Сарасвати, жена, сила Брахмы, есть не что иное, какъ подражаніе Дургѣ-Бгавани *), и вѣроятно даже простая передѣлка прозвища, эпитета религіознаго, въ которомъ можно разобрать Иранскіе корни *саръ*, *ссаръ*, *ссеръ*, *царь*, и *сватъ*, *свѣтъ*, *святъ* (Саръ-Сватъ, Царь святъ). Въ Вишнуизмѣ же Лакшми есть уже не простое подражаніе, но синкретизмъ, принявшій органическую стройность, хотя лишенный всякаго философическаго смысла.

Въ системахъ мѣшанныхъ трудно отыскать первобытныя начала, тѣмъ болѣе, что о Финикійцахъ и Ассирійцахъ мы имѣемъ весьма неполныя свѣдѣнія. Отношенія Евреевъ къ сильному Ниневійскому царству заставляютъ насъ предполагать въ немъ преобладаніе Иранскаго начала, искаженнаго въ лицѣ Низраха или Нергаля. Вавилонъ представляетъ въ своихъ миѳахъ тоже срощеніе двухъ началъ, которое явно въ его памятникахъ и во всемъ его бытѣ. Такъ сказка о полурыбѣ Оаннесѣ, приплывшемъ съ моря учить людей всякой премудрости, указываетъ на колонизацію съ Юга Кушитскаго и совершенно согласна съ преданіемъ Ветхо-завѣтнымъ о Кушѣ, Вавилонскомъ строителѣ; между тѣмъ, разсказъ о потопѣ въ своихъ подробностяхъ согласенъ съ сѣвернымъ происхожденіемъ воинственныхъ Халдеевъ. Цѣлый рядъ эманацій или рожденій, ко-

---

*) *Дурга* и *Бгавани*—имена жены Шивы.

торый является въ видѣ тріадъ, совершенно принадлежитъ Кушитской системѣ; но первоначальный Велъ, въ своемъ уединенномъ величіи, тѣсно связанъ съ ученіемъ Иранскимъ. Кушитскій характеръ, кажется, еще болѣе преобладаетъ въ Финикіи, хотя имя верховнаго божества (Иракла-Кроноса) принадлежало Иранскому міру 1). Въ поэтической же Элладѣ новое стремленіе человѣкообразной религіи, соединившись съ запутанностью многосложнаго синкретизма, уничтожило всѣ опредѣленныя черты первобытныхъ боговъ. Ихъ физіономіи неуловимы для критики; онѣ безпрестанно измѣняются, исчезаютъ и воскресаютъ снова по прихоти пластическаго воображенія художниковъ и отражаютъ въ себѣ безпокойный бытъ и безпрестанныя борьбы въ маломъ размѣрѣ, которыми полна исторія Эллиновъ. Такъ, напр., Зевсъ, сынъ и врагъ Кроноса, есть вѣроятно тотъ же Финикійскій Кроносъ, усвоенный Куретами и принявшій у нихъ болѣе человѣческій образъ, между тѣмъ какъ вражда его съ Кроносомъ обозначаетъ побѣду Куретовъ и Эллиновъ надъ Финикійцами. Можно въ Греческомъ Олимпѣ различить, хотя съ трудомъ, божества, представляющія Иранъ, отъ тѣхъ, въ которыхъ воплотился Кушъ; но отдѣлить самыя ученія одно отъ другого уже совершенно невозможно. Свобода утратила свой нравственный смыслъ и сдѣлалась произволомъ; необходимость утратила единство личнаго представленія и сдѣлалась простою и неясною отвлеченностью. Обыкновенное рожденіе боговъ принадлежитъ общей Шиваитской системѣ; рожденіе безъ отца или матери относится къ понятію объ эманаціяхъ. Съ другой стороны, характеръ свободы преобладаетъ въ поэмахъ Гомерическихъ и выражается всемогуществомъ Зевса и миѳомъ золотой цѣпи. Можно бы даже подумать, что Гомеру чуждо было ученіе о необходимости, если бы въ словахъ Ириды Посейдону не было видно, что власть Парки 2), покровительствующей перворожденнымъ (странный доводъ въ пользу маіоратствъ) страшнѣе Посейдону, чѣмъ сила Зевса. Объ Римѣ говорить нечего. Тамъ не было никакой системы, никакаго ученія. Тамъ было не органическое соединеніе, а грубый сплавъ миѳологій. Тамъ не было вѣрованія, а государственная обрядность, гражданственная связь, *religio*, *church and state*.

---

1) Мелькарга?

2) У Гомера Μοῖραι. Ил. XV, 204. Ερινύες Preller, G. M. 330. 520. *Изд.*

Довольно замѣчательно, что всѣ ученія, сохранившія въ себѣ остатокъ свободнаго Иранскаго начала, также сохранили преданія о великомъ измѣненіи жизни земной, которое мы называемъ всемірнымъ потопомъ. У Индѣйцевъ въ Брахманизмѣ (и именно въ немъ) подробный разсказъ о томъ, какъ Ману (человѣкъ, т. е. человѣкъ праведный) былъ спасенъ самимъ Брахмою отъ бездны водъ, поглотившихъ землю; въ Вавилонѣ тотъ же разсказъ о Ксисуѳрѣ, спасенномъ помощію бога Хона (Кроноса, Еврейскаго Іеговы), у Израильтянъ тоже; тоже, хотя менѣе ясно, у Иранцевъ и Азовъ, выселенцевъ Ирана. Въ Вишнуизмѣ тоже самое повторяется въ миѳѣ о воплощеніи Вишну для спасенія земли и священныхъ книгъ, увлеченныхъ злымъ духомъ въ морскую глубину. Вишну обличаетъ во многомъ сѣверное свое происхожденіе. Впрочемъ изученіе этой части миѳологіи Индустанской даетъ любопытное указаніе на ходъ миѳовъ, на измѣненіе понятій посредствомъ дурно истолкованныхъ символовъ, и на выдумку новыхъ сказокъ для объясненія гіероглифовъ, которыхъ смыслъ былъ утраченъ; въ общемъ же движеніи человѣческой мысли, въ ея религіозномъ развитіи, практическій Вишнуизмъ далеко не имѣетъ важности коренныхъ ученій Брахманскихъ и Шиваитскихъ, въ которыхъ все практическое и обрядное имѣетъ основу логическую и отвлеченную.

Начало свободы есть существенное свойство религій Иранскихъ; начало необходимости—религій Кушитскихъ. Первое — корень единобожія, второе — всебожія. Пантеизмъ Иранскій, его отличіе отъ Кушитскаго, переходъ въ многобожіе. Характеристика религіи Эллинской.

Свобода и необходимость, проявленныя въ образахъ творенія и рожденія, составляютъ внутреннее зерно религій Иранской и Кушитской и служатъ началомъ, съ одной стороны, единобожію, съ другой всебожію (моноѳеизмъ и панѳеизмъ). Но единобожіе, переходя въ положительныя формулы философіи, легко измѣнялось и сливалось съ понятіями пантеистическими. Все твореніе есть тотъ же творецъ; Зевсъ есть все то, что̀ ты видишь, все то, что̀ движется; Брахма есть все во всемъ, и такъ далѣе. Вотъ основа пантеизма Иранскаго, который сливается съ системою Кушитскою. Нѣтъ сомнѣнія, что логическое развитіе мысли влечетъ человѣка къ пантеизму; ибо логика есть собственно наука проявленій, а свобода (коренъ единобожія) не проявляется или, проявившись, теряетъ свой характеръ. Но внутреннее сознаніе или стародавнее, первобытное преданіе, на которомъ возрасталъ Иранизмъ, сохраняло права свободно-творящаго духа въ личности божества, и Брахма, творящій по любви, совершенно отличенъ отъ Шивы, творящаго по неволѣ. Обѣ системы переходили въ многобожіе, но каждая давала свое направленіе или свой смыслъ новоявившимся богамъ: отъ одной они получали характеръ силы физической, отъ другой—характеръ воли нравственной.

Не нужно распространять эту мысль и объяснять ее примѣрами. Діонисосъ Кушитскій и Аполлонъ Иранскій представляютъ въ себѣ такіе противоположные типы, что безпристрастный изслѣдователь не можетъ выводить ихъ изъ одной системы религіозной; но не должно забывать, что многобожіе и человѣкообразное представленіе боговъ уничтожаютъ большую часть первоначальныхъ примѣтъ и сливаютъ разныя ученія въ общій безсмысленный хаосъ.

Пантеизмъ коренной, религія необходимости, признаётъ поневолѣ частныя и временныя личности, ибо чувство самосознанія сильнѣе всякаго умствованія. Въ тоже время, онъ охотно отрицаетъ личность общаго міроваго чувствилища, личность всепознающаго духа (таковъ Буддаизмъ), и поэтому самому свободнѣе переходитъ въ многобожіе, чѣмъ коренной монотеизмъ. Можно даже предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что единобожіе никогда не переходило въ многобожіе иначе, какъ при встрѣчѣ и прививкѣ пантеистскихъ понятій. По крайней мѣрѣ въ Индустанѣ политеизмъ зависитъ по большей части отъ развитія ученія Шиваитскаго. Брахма и Вишну являются отдѣльно, одинъ въ своемъ творческомъ величіи, другой въ своей человѣческой дѣятельности, повторяя образъ свой въ символическихъ и историческихъ аватарахъ; Шива дробится и множится въ цѣломъ поколѣніи боговъ, часто оспаривающихъ первенство у своего родоначальника. Изъ нихъ главные, Ганеша, Картикея, имѣютъ своихъ приверженцевъ, которые считаютъ ихъ первоначальными силами и ставятъ выше самого Магадева. Въ Египтѣ всѣ боги (а ихъ было довольно) связаны съ Озирисомъ и Изидою, а Тифону (какъ слѣдовало по его характеру Иранскаго представителя) не дано ни жены, ни племени, исключая миѳъ о томъ, какъ онъ соблазнилъ Изиду. Символъ необходимости, рожденія, велъ прямо къ многобожію, точно также, какъ онъ имѣлъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ поклоненіе производительной силѣ въ мірѣ вещественномъ.

Очевидно, что человѣкообразіе (антропоморфизмъ), также какъ и всѣ заблужденія религіозной потребности, легче прививаются къ пантеизму, чѣмъ къ единобожію. Въ самомъ символѣ необходимости, рожденіи, лежитъ уже будущее развитіе человѣкообразное, какъ скоро онъ усвоится народомъ чувствительнымъ къ пластической красотѣ. Такъ и было въ земляхъ Эллинскихъ. Съ другой стороны, самое благородство этой формы и уваженіе человѣка къ своему внутреннему достоинству не позволяли началу стихійному развиваться во всей своей грубой наглости. Поклоненіе божеству, изображенному стройнымъ кумиромъ Діаны или величественнымъ лицемъ Зевса Олимпійскаго, не могло сопровождаться варварскими обрядами, которые безчестили храмъ осьмирукаго или птицеголоваго бога. Жертвы человѣческія не были обыкновенными въ Элладѣ и рано исчезаютъ изъ ея религіозной исторіи, хотя слѣдъ ихъ и преданія долго сохранялись въ памяти народа. Такъ, напр., Вакху въ Беотіи приносили ежегодно въ жертву отрока, который въ позднѣйшее время былъ замѣненъ козленкомъ. Кажется, новое вліяніе Востока, послѣ паденія Эллинской самобытности, ввело въ Элладу забытый обычай человѣческихъ жертвоприношеній *), также какъ оно опять зажгло въ Африкѣ угасшій фанатизмъ Вааловыхъ поклонниковъ; но это было не надолго. Многобожіе вспыхнуло со всѣми своими отвратительными обрядами противъ всепоглощающей силы Христіанства и исчезло изъ Эллино-Римскаго міра. Впрочемъ, уже сказано, что жестокость не была кореннымъ порокомъ Кушитскаго служенія. Можетъ быть, она развивалась изъ ученія Иранскаго, враждебнаго всякой вещественно-органической жизни, и была связана съ его искаженіемъ; но она безспорно легко вкрадывалась и въ стихійную религію, совершенно чуждую положительнымъ нравственнымъ началамъ. Образъ человѣка, избранный въ Элладѣ ти-

---

*) Непонятно что̀ имѣлъ авторъ въ виду въ этихъ словахъ. *Изд.*

помъ всего божественнаго, облагораживалъ всю религію. Внутреннее сознаніе свободы въ человѣкѣ отражалось въ свободномъ характерѣ самихъ боговъ; но свобода, исходящая изъ понятія о частной и мелкой личности, а не изъ высокаго и нравственнаго понятія о первоначальномъ творчествѣ, заклеймена была всею шаткостью личнаго произвола. Изъ самой неопредѣленности коренныхъ идей, перешедшихъ въ живые образы и утратившихъ свое значеніе отъ внутренней силы жизни, заключенной въ образахъ, избранныхъ Эллинскимъ воображеніемъ,—выводится легкость, съ какою всякое божество могло умѣститься въ человѣкообразномъ соборѣ Олимпа. Бѣдность основной мысли производила богатство видимыхъ формъ. Сверхъ того, не должно забывать, что Эллада, составленная изъ мелкихъ отдѣльныхъ племенъ, не имѣвшая сильнаго самобытнаго направленія, получила все свое просвѣщеніе и все свое умственное богатство извнѣ. Поздно появилась она на сценѣ дѣятельности мировой. Иранское племя, которое служило основаніемъ всему народонаселенію, успѣло одичать и огрубѣть прежде, чѣмъ оно пришло въ новое соприкосновеніе съ Востокомъ и Югомъ. Въ тѣсномъ и гористомъ полуостровѣ Эллинскомъ не встрѣчались сильныя волны племенъ, могучія начала первобытныхъ религій въ полномъ своемъ разливѣ; не было жаркой схватки и отчаянной борьбы, которыя произвели въ Индустанѣ и на берегахъ Евфрата столько величественныхъ явленій въ исторіи и многозначительныхъ измѣненій въ человѣческихъ думахъ. Тутъ не становились лицомъ къ лицу Кушитъ и Иранецъ во всей чистотѣ и опредѣленности коренныхъ своихъ характеровъ; мало по малу, безъ потрясеній и сильныхъ переворотовъ, почти не замѣтно, черезъ береговыя гавани и горныя долины, всачивались двѣ противоположныя стихіи просвѣщенія въ безцвѣтную среду, которая еще не сознавала своей живой и оригинальной личности. Пріобрѣтенное извнѣ перерабатывалось внутреннею дѣятельностью Эллинскаго духа и созидало новое цѣлое, полное красоты и прелести, но лишенное глубокомыслія и страсти. Религіозныхъ войнъ не знала Эллада. Въ самыхъ раннихъ эпохахъ ея развитія слышны какіе-то легкіе отголоски частныхъ стычекъ между поколѣніями, принявшими поклоненіе Вакха (Діонисоса Кушитскаго) и Аполлона (Иранскаго). Таковъ, вѣроятно, миѳъ объ убіеніи Орфея, который, сошествіемъ въ адъ, напоминастъ Иракла—побѣдителя смерти, и Музагета; но эти слабые отзывы грозы, гремѣвшей на Востокѣ, не заслуживаютъ вниманія. Общая среда отнимала всю силу, такъ сказать, всю ѣдкость внѣшнихъ приливовъ: легкіе вскипы и пѣна знаменовали встрѣчу, ознаменованную въ Азіи бурями и волканами. Къ этому должно прибавить и то, что самыя стихіи религіозныя утратили свою первобытную рѣзкость прежде, чѣмъ онѣ коснулись Эллады. Смѣшеніе ученій въ Финикіи, Сиріи и Малой Азіи предшествовало распространенію просвѣщенія въ Европѣ. Между Иракломъ и Озирисомъ, или Діонисосомъ, или Астартою, не могло уже быть той вражды, которая существовала между ихъ первообразами. Равнодушіе и терпимость заступили мѣсто изступленнаго фанатизма. Племена смѣшивались, занимали другъ у друга устройство гражданское, часть быта домашняго и практическія знанія. Отовсюду возникали мелкіе центры общественности и складочныя мѣста для разнородныхъ святынь. Не нужно опровергать мнѣніе ученыхъ, пристрастныхъ къ системѣ автохтонства и присвоивающихъ Элладѣ славу самороднаго развитія. Эта система не выдерживаетъ никакаго разбора и содержитъ въ себѣ отрицаніе всякой исторической критики; заблужденіе минутное не заслуживаетъ дѣльнаго спора.—Вся поэзія древняя, всѣ первые памятники словесности полны показаній о колоніяхъ, приносившихъ на материкъ Греціи или на ея острова свою образованность и свои вещественныя силы. Разсказы о Данаѣ, братѣ Египта, о Кадмѣ, о Танталѣ, о Кекропсѣ, о потомствѣ Миноса (Эакидахъ) связаны со всѣми измѣненіями въ ранней судьбѣ областей и съ родословными домовъ, прославившихся въ позднѣйшіе вѣка. Геродотъ, котораго вѣрный взглядъ на земли, почти неизвѣстныя, оцѣненъ и оправданъ всѣми новѣйшими изслѣдователями, не обинуясь приписываетъ Финикійцамъ введеніе грамотности въ Элладу. Самый характеръ памятниковъ, принадлежащихъ баснословнымъ временамъ, указываетъ на умственное направленіе, чуждое послѣдовавшему развитію. Таковы гидравлическія работы, которыя встрѣчаются намъ въ младенчествѣ просвѣщенія Эллинскаго и вѣчно останутся загадкою для упрямыхъ приверженцевъ его туземнаго начала. Со всѣхъ сторонъ, какъ уже сказано, возникали мелкія общества съ многосложными и синкретическими религіями.

Вездѣ были свои пантеоны и свои мѣстные миѳы; но въ самомъ сердцѣ Эллады, въ области, охраняющей съ Сѣвера входъ Пелопонеса, на перепутіи всѣхъ движеній народовъ южныхъ и сѣверныхъ, невольно останавливается вниманіе наше общимъ Греческимъ пантеономъ, общею святынею, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ боговъ и всѣхъ миѳовъ. Ѳивы, которыхъ имя уже одно такъ явно напоминаетъ Египетскую столицу, стовратную царицу Нильской долины, Ѳивы вмѣщаютъ въ себѣ всѣ стихіи, разнообразно развившіяся во всѣхъ прочихъ областяхъ. Таинственный сфинксъ Египта задаетъ Эдипу свои затѣйливыя загадки и открываетъ цѣлый рядъ трагическихъ происшествій, въ которыхъ царствуетъ строгая и неумолимая судьба; окрестности Копаиса удивляютъ насъ слѣдами канализаціи достойной Кушитскаго трудолюбія; Кадмъ Финикіецъ сѣетъ зубы дракона, и самъ въ глубокой старости принимаетъ видъ змѣи вмѣстѣ съ своею божественною подругою Гармоніею, которой имя принадлежитъ миѳологіи восточной. Пещера великаго прорицателя, всезнавшаго Трофонія, напоминаетъ пещерное служеніе Шиваитовъ; глубокая таинственность, кровавая необходимость правитъ судьбами этого города, менѣе всѣхъ Эллинскаго изъ всѣхъ Эллинскихъ городовъ. Въ Ѳивахъ все еще дышетъ Югомъ и Юго-Востокомъ. Душа не освободилась отъ тяжелаго ига вещественныхъ силъ. При чтеніи этихъ чудныхъ миѳовъ о Кадмѣ и Эдипѣ и Тирезіи, при вспоминаніи объ обрядахъ собственно-Ѳивской религіи, чувствуешь, что еще ходишь не подъ яснымъ небомъ, не по благодатной землѣ, внушившей столько чудно-свѣтлыхъ пѣсень, но подъ сводомъ пещеръ и по каменному помосту, въ мірѣ безмолвнаго каменосѣчца Кушита. Это доказательство началъ жизни Беотійской сильнѣе всякихъ сомнѣній, порожденныхъ избыткомъ буквенной учености. Выводъ, основанный на общей гармоніи древне-Ѳивской жизни, подтверждается всѣми подробностями. Такъ, въ числѣ седьми воротъ города, посвященныхъ разнымъ богамъ, находимъ мы ворота Огигеса и не можемъ уже считать его человѣкомъ по тому кругу, въ которомъ встрѣчаемъ имя его. Между тѣмъ, онъ очевидно чуждъ Эллинскому Олимпу, какъ божественному, такъ и героическому. Происхожденіе же его объясняется другимъ именемъ, Онки, которой посвящены были седьмые ворота Тира и которая извѣстна намъ какъ богиня Финикійскаго берега, однозначительная съ Сигою. Кадмъ, изобрѣтатель письменъ, ясно представляетъ намъ преданіе древнее о прибытіи поселенцевъ Финикійскихъ въ Ѳивы, вѣроятно основанныя Египетскими колонистами. Кадмъ не утратилъ своей важности даже въ то время, когда Эллада утратила свою духовную жизнь. Кадмонъ встрѣчается намъ въ системахъ восточныхъ мистиковъ какъ таинственное прозвище Адама (Адамъ Кадмонъ [1]). Смѣшно бы было выводить это имя изъ Эллинскихъ сказокъ, но непозволительно Эллинскую сказку отрывать отъ первоначальнаго миѳа восточнаго. Кадмъ, по словамъ Страбона, жилъ также и въ Эѳіопіи (землѣ Куша библейскаго). Сидонъ и многіе другіе города Финикійскаго союза выводили свое начало отъ юго-восточныхъ пришельцевъ, жившихъ на берегахъ Персидскаго залива, и поэтому связывали свои преданія съ преданіемъ библейскимъ объ основаніи Вавилона Кушитами. Показаніе это подтверждается и тѣмъ, что восточной берегъ Средиземнаго моря, начиная отъ границъ Египта, также назывался Эѳіопіею, между тѣмъ какъ сѣверная часть Сиріи называлась Леуко-Сирія (Бѣлосирія). Различіе племенъ очевидно. Самое простое размышленіе приводитъ насъ къ тому выводу, что Кадмъ, Кадмосъ или Кадмонъ было священнымъ названіемъ племени, которое мы назвали Кушитскимъ, и принадлежало верховью Нила,—землѣ, которую признали мы колыбелью Буддаизма и Шиваизма, землѣ Саманской. Имя Будды, *Самано-Кодомъ*, и *Саманейцевъ* подтверждаетъ нашъ выводъ и объясняетъ имя Готамы [2]), которое далеко не имѣетъ личной опредѣленности историческаго Шакья-муни. Въ миѳѣ о Кадмѣ Греческомъ вниманіе наше должно остановиться на другомъ обстоятельствѣ, весьма важномъ. Жители Ѳивъ выросли изъ зубовъ змѣи, Кадмъ въ старости сдѣлался змѣею. Тутъ видны и уваженіе къ змѣѣ, и апоѳеозъ, чисто въ духѣ Кушитской религіи и совершенно внѣ позднѣйшаго Эллинства. Убіеніе змѣя Кадмомъ представляется или какъ искаженіе первоначальнаго разсказа, или какъ миѳъ восточный о самопожертвованіи божества. Послѣднее толкованіе вѣроятнѣе.—Темное и безсмысленное [1]) преданіе о Трофоніи связывается съ пещернымъ богопоклоненіемъ и, можетъ быть, болѣе относится къ Египетскому имени Ѳивъ, чѣмъ къ позднѣйшему Кадму; но въ сказкѣ о Беотійскомъ прорицателѣ Тирезіи видны опять слѣды змѣи, какъ символа мудрости, и какое-то соперничество Иры и Зевса [2]), напоминающее равенство Изиды и Озириса и борьбу ихъ поклоненія подъ Индустанскими формами Шивы и Бгавани, т.-е. ту органическую полярность, которую Эллины приняли за споръ о первенствѣ въ грубо-вещественной любви.—Послѣ свода фактовъ и миѳовъ, ясно опредѣляющихъ восточный источникъ просвѣщенія Беотійскаго, не позволительно сомнѣваться въ первоначальной колонизаціи; но синкретизмъ является позднѣе. Долго Ѳивы боролись, чтобы сохранить достоинство первостепенной области въ Элладѣ, и открывали ворота свои чуждымъ богамъ и чуждымъ понятіямъ. Такъ старались они себѣ усвоить Иранскаго Иракла, и это было не трудно поклонникамъ Иракла (Мель-Карѳа), введеннаго въ систему Финикійскую первенствомъ полу-Иверскаго города Тира [3]). Точно также слили они Вакха, котораго миѳъ обличаетъ вліяніе племенъ и языковъ сѣверныхъ, съ Діонизосомъ южнымъ, которому въ Потніи [4]) ежегодно приносился въ жертву отрокъ или младенецъ. Близость обще-Эллинскаго святилища (Дельфы въ Ѳокидѣ) указываетъ на центральную важность всей области и на то, какъ новые алтари новымъ богамъ вступали въ соперничество съ старыми. Тоже скажемъ и о судѣ Амфиктіоновъ, и тоже, наконецъ, объ общемъ Греческомъ ополченіи для рѣшенія вопросовъ частно-Беотійскихъ. Ѳивы пали. Трудно опредѣлить причину ихъ паденія; но, кажется она заключалась именно въ томъ, что упорство характера чуждаго не могло вполнѣ покориться развивающемуся эллинству. Отъ этого власть Ѳивъ перешла къ Аргосу, получившему также свое просвѣщеніе изъ земель Кушитскихъ (таковъ смыслъ миѳа о Данаѣ), но рано перешедшему подъ власть собственно-Эллинской стихіи. Съ Аргосомъ связаны вся повѣсть о ранней судьбѣ Эллады и начало Греческаго мореплаванія; ибо корабль Арго именемъ своимъ подтверждаетъ разсказъ о томъ, что первообразъ его былъ доставленъ

---

[1]) Кадмонъ, на языкахъ Семитическихъ, значитъ *первоначальный*, *древній*. *Изд*.

[2]) Самонокодемъ—Сіамское названіе Будды. Какъ это названіе, такъ и Готама не вполнѣ уясненнаго происхожденія. Саманейцы—Буддійскіе созерцатели. *Изд.*

---

[1]) Этимъ словомъ выражается вѣроятно безсвязность преданій о Трофоніи, недостаточная осмысленность ихъ. *Изд.*

[2]) Авторъ почитаетъ Тиръ полу-Иверскимъ вслѣдствіе культа Мелькарта, котораго онъ считаетъ Иверскимъ Иракломъ. *Изд.*

[3]) Vollständiges Wörterbuch d. Myth. aller Nationen s. v. Teresias, Vollmer. 1839. Этой книгой не рѣдко пользовался авторъ. *Изд.*

[4]) Городъ Беотіи между Ѳивами и Песареей, Павзаній, 9, 8, 1. *Изд.*

Данаемъ, братомъ Египта, южнымъ пришельцемъ въ Аргосскую землю. Почти нѣтъ въ Элладѣ приморскаго города, который бы въ миѳахъ о своемъ младенчествѣ не сохранилъ доказательствъ, что начало просвѣщенія получено имъ извнѣ. Такъ напр. Аѳины въ имени своемъ и въ имени своей покровительницы представляютъ ясное указаніе на мирное вліяніе Египта, олицетвореннаго въ Аѳинѣ (Нейѳъ), Египетскомъ божествѣ. Но ни одинъ городъ, ни одна область, по полнотѣ, общности и ясному характеру своихъ миѳовъ, не можетъ оспаривать первенства у Беотіи. Всѣ прочіе миѳы принадлежатъ какой нибудь ограниченной мѣстности; Беотія въ своемъ всеобъемлющемъ синкретизмѣ воплощаетъ всю исторію первоначальной образованности Греческой и неоспоримо свидѣтельствуетъ объ ея Египто-Финикійскихъ источникахъ. Но другіе приливы позднѣйшіе уничтожили рѣзкость характера южнаго и наполнили весь полуостровъ новыми поселенцами Иранскаго происхожденія, съ ясною фантазіею, съ чувствомъ красоты въ мысли и словѣ, съ могуществомъ духа воинственнаго и съ склонностью къ поклоненію свободно-творящей волѣ. Критъ, принявшій свои религіозныя понятія изъ Кушитскаго начала и сохранившій объ немъ память въ разсказахъ о Зевсовой пещерѣ, о Лабиринтѣ, о мѣдномъ великанѣ (раскаленный истуканъ Молоха) [1]), первый освободился собственною силою изъ-подъ чужого ига и началъ борьбу противъ своихъ просвѣтителей. Борьба была успѣшна. Критъ освобожденный преслѣдовалъ южныхъ пришельцевъ на берегахъ Эллады и нѣсколько времени владѣлъ значительною частію ея приморья, какъ восточнаго, такъ и западнаго, въ Элладѣ и Этоліи. Изъ Крита началось, какъ сказано, возрожденіе Эллады. Торжественно и гордо поднялся полетъ благороднаго племени: Дедалъ вырвался изъ темнаго Лабиринта на просторъ вольнаго неба. Впрочемъ Дедалъ уже не есть эмблема умственой жизни Критской, но самобытной жизни самой Эллады, освобождающейся отъ преобладанія полу-Финикійскаго Крита. Окончательная эпоха свободы выражена побѣдою Тезея надъ Минотавромъ и надъ Ѳивами. Куреты [2]) замѣнили Зевсомъ древняго Кроноса, Куреты свергли съ себя оковы южныхъ насильниковъ; но никогда не могли они освободиться отъ клейма, наложеннаго на нихъ характеромъ южной религіи. Миѳы Куретовъ носятъ на себѣ отпечатокъ таинственной и кровожадной Финикіи.

---

[1]) Τάλως—одно изъ божествъ Крита. *Изд.*

[2]) Вмѣсто Критяне. Куреты, не Критяне, встрѣчаются въ миѳѣ о Мелеагрѣ. *Изд.*

Мѣдь звучитъ въ ихъ таинствахъ и напоминаетъ звонъ кимваловъ, покрывавшихъ плачъ младенцевъ, приносимыхъ въ жертву Молоху; мѣдь облекаетъ члены ихъ героевъ и полубоговъ и свидѣтельствуетъ о народѣ, занимавшемся разработкою рудниковъ. Минотавръ пожираетъ юношей и дѣвъ, присылаемыхъ въ дань владѣтелю Крита; Идоменей приноситъ сына въ жертву разгнѣванному морю, и баснословные вожди Куретовъ дѣлаются у Грековъ адскими судіями (таковы Миносъ, Радамантъ и даже Эакъ). Критъ составляетъ историческій переходъ отъ Финикіи къ Элладѣ. Въ немъ началъ развиваться антропоморфизмъ (человѣкообразіе); въ Элладѣ онъ получилъ совершенную самостоятельность и пластическую красоту. Необъяснимый законъ, дающій вездѣ побѣду Сѣверу надъ Югомъ, исполнился въ Греціи такъ же, какъ онъ исполнился въ борьбѣ Персіи съ Египтомъ, Рима съ Карѳагеномъ, Турка съ Аравитяномъ, Германца съ Римляниномъ. Звѣриная кожа, палица и мечъ Иранца вытѣсняли панцырь и стрѣлу Кушита. Изчезло поклоненіе змѣѣ, закрылись таинственныя пещеры, нѣкогда служившія святынею даже на приморьѣ Эпира и Иллиріи (пещера Кадма на Адріатическомъ берегу извѣстна до нашего времени). Ираклы и Аполлоны пошли войною противу драконовъ; на горныхъ вершинахъ поднялись алтари, и каменныя ограды, и легкіе храмы свѣтлыхъ Иранскихъ боговъ. Въ подробностямъ трудно прослѣдить этотъ переходъ, ибо синкретизмъ начался не въ Элладѣ, а въ земляхъ Азіатскихъ; но въ большихъ массахъ, въ религіозныхъ группахъ характеръ служенія ясенъ и не подверженъ сомнѣнію. Сцена борьбы между Зевсомъ и великанами переносилась съ мѣста на мѣсто по прихоти народовъ и пѣвцовъ; но никогда могилы побѣжденныхъ Титановъ и змѣеногихъ Гигантовъ не были помѣщены въ сѣверныхъ странахъ. Это указаніе весьма важно, между тѣмъ какъ имя Иранскаго Тифона, перенесенное на побѣжденныхъ Кушитовъ, показываетъ только запутанность понятій, уже слившихся и смѣшавшихся при ихъ первоначальной встрѣчѣ въ земляхъ между Тигрисомъ и Средиземнымъ моремъ. Никогда не должно терять изъ виду, что одни и тѣже боги шли въ Грецію съ Сѣвера и Юга: тотъ же Иракль, таже Діана, таже Афродита; но при всемъ смѣшеніи и сплавленіи религій, Ираклъ сѣверный, Вакхъ и пр. совершенно отличны отъ Иракла-Мелькарта, Діонизоса Сабейскаго и другихъ боговъ Кушитскихъ. Гордый Алкидъ, смѣло покрытый кожей убитаго льва, попирающій побѣжденнаго дракона, сражающійся съ Амазонками, пренебрегающій изнѣженнымъ служеніемъ Адониса, Алкидъ, вольный горецъ Ѳессаліи или даже Иверіи, конечно не одно лицо съ Иракломъ Діодора, закованнымъ въ мѣдный панцырь и покровительствующимъ волшебству и таинствамъ ночнымъ*). Источникъ служенія одинъ, первобытное лицо одно; но Тиръ наложилъ уже на своего бога клеймо южной мысли, а богъ Эллиновъ сохранилъ свою нравственную свободу, и побѣжденный соблазномъ вещественной жизни взошелъ на очистительный костеръ. Если бы мы еще могли сомнѣваться въ началѣ этого служенія, то имя отца Ираклова, Персея (ибо таковъ старинный миѳъ объ его происхожденіи) разрѣшило бы всѣ сомнѣнія. Не нужно доказывать, что послѣднее вторженіе народовъ, заселившихъ Элладу, было съ Сѣвера. Но съ нѣкоторою вѣроятностью можно сказать, что это племя (именно Эллины) пришло съ Сѣверо-Запада. Гористая преграда Ѳессаліи удерживала нѣсколько времени движеніе ихъ на Югъ. Въ Эпирѣ основали они власть свою и, тутъ окрѣпнувъ въ силахъ и составивъ подвижныя дружины, ворвались они въ землю первобытныхъ Пеласговъ и вытѣсняли ихъ мало-по-малу въ неприступную твердыню горъ, гдѣ долго оставались они непокоренными. Такова была Аркадія, часть Ѳессаліи (Пеласгіотисъ) и другія области, не заманивающія властолюбія завоевателя. Преданіе о пришествіи Ѳессалійцевъ изъ Эпира сохранилъ намъ Геродотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самые Эллины были одноплеменники прежнимъ Пеласгамъ, и невозможно опредѣлить ихъ настоящія отношенія. Быть можетъ, разница между ними была ничтожна; но кажется, что Эллины позднѣе оставили свой родной Иранъ и чище сохраняли коренной характеръ племени. Какъ бы то ни было, первоначальное святилище Эллиновъ, лѣсъ Додонскаго Діоса, имена Элловъ или Гелловъ и Селловъ, Эллады, Геллы и Эллопіи, мѣстностью своею, сохраненною намъ въ свидѣтельствахъ всѣхъ древнихъ писателей, опредѣляютъ страну, изъ которой вступили они въ первобытное жилище Пеласговъ. Безполезно бы было слѣдить всякій шагъ семьи, которой суждено было занять такое важное мѣсто въ исторіи человѣчества и развить столько богатствъ въ мірѣ мысли и искусства; но знаніе двухъ началъ, изъ которыхъ возникло Эллинское просвѣщеніе, объясняетъ всѣ послѣдующія явленія его. Элладѣ суждена была великая слава: Элладѣ суждено было представить міру величественное зрѣлище народа немногочисленнаго, но измѣнившаго всѣ отношенія между народами силою присущаго въ немъ духа. Но изученіе древней Эллады не приноситъ никакихъ плодовъ изслѣдователю первобытной исторіи просвѣщенія. Не въ ея тѣсныхъ долинахъ, не въ ея мелкихъ областяхъ, прорѣзанныхъ заливами моря и крутыми отрогами горъ, составились громады племенъ и массы религіозныхъ понятій, обнявшихъ весь шаръ земной своею могущею дѣятельностью. Для нихъ нуженъ былъ просторъ степей Азіи и Африки, прибережья ихъ безконечныхъ рѣкъ и скаты ихъ огромныхъ твердынь. Тутъ источникъ и начало, тутъ колыбель древняго міра. Элладѣ принадлежитъ окончательное сліяніе двухъ религій, уже прожившихъ эпоху синкретизма; ей принадлежатъ вполнѣ безсмысленность и мелкость понятій религіозныхъ, служеніе красотѣ и образу человѣческому и величіе дѣятельности политической. Это ея собственность; но мысль отвлеченная, облекшаяся въ вѣрованія, шла съ Востока и Юга и, можетъ быть, обозначала свое происхожденіе въ именахъ Зевсъ (Шивъ Кушитскій) или Діосъ (Дивъ Иранскій), соединенныхъ Эллинами въ одномъ и томъ же лицѣ.

---

*) VII, 176.

Вообще, не должно забывать, что земля Эллиновъ заключалась въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Ѳракія уже принадлежала другой системѣ, Иллирія также; даже Македонія была для Эллина полуварварскою страною. Отношенія Грековъ къ Ѳракіи, взаимная ихъ вражда, союзъ Ѳракійцевъ съ Троянами во время великой борьбы, воспѣтой Гомеромъ, отсутствіе всякаго воспоминанія, связывающаго младенчество Греціи съ областями на Сѣверъ отъ Македоніи, все доказываетъ, что племя Ѳракійское совершено чуждо Эллинамъ. Очевидно, что слѣды поселеній Греческихъ на берегахъ Гебра, на скатахъ Гема и Родопа, принадлежатъ тому времени, когда, стѣсненные въ маломъ пространствѣ Эллады, Греки вооруженною рукою стали расширять ея предѣлы и высылать колоніи на Сѣверъ и Югъ, за горы и за моря. Ѳракія же сама, и въ этомъ намъ порукою Геродотъ, принадлежала къ системи Иллирійской и при-Дунайской; ибо онъ говоритъ [1]): „Өракійцы, послѣ Индѣйцевъ, самое многочисленное племя на землѣ; они бы были, по моему мнѣнію, сильнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, если бъ соединились подъ однимъ начальникомъ; но это невозможно. У нихъ имена разныя, но законы и обычаи почти вездѣ тѣже". Эти слова были бы необъяснимы, если бы сѣверные сосѣди Греціи принадлежали разнымъ племенамъ и не были подраздѣленіями одной великой семьи, бросившей свои колоніи за Геллеспонтъ подъ именемъ Фриговъ или Фригійцевъ и основавшей богато-торговые города, которыхъ главою была великая Троя. Безспорно, съ именемъ Фригійцевъ связано преданіе о Фриксосѣ, изгнанномъ изъ царства своего отца Аѳамаса; преданіе же объясняется жительствомъ народа сѣвернаго, *Атамановъ*, на границахъ Эпира. Это была смѣлая колонія Иллирійцевъ, врѣзавшаяся въ Элладу, но снова выгнанная и удалившаяся частью въ горы западныя, частью за море въ Малую Азію, тѣмъ самымъ путемъ, по которому вступили Эллины въ Европу, т.-е. черезъ Геллеспонтъ. Въ послѣдствіи времени, миѳы о Фригахъ и Эллинахъ перепутались у рапсодовъ и въ памяти народной. Сѣверныя горы Македоніи были, очевидно, крайнимъ предѣломъ собственно-Эллинскихъ племенъ, и въ Малой Азіи южный берегъ Эвксина не принадлежалъ имъ, точно также какъ и сѣверо-западный уголъ земли, на которомъ основана была Троя.—Труднѣе опредѣлить границу и настоящее значеніе Пеласговъ. Смѣло можно утверждать, что нарѣчіе ихъ было главнымъ основаніемъ языка извѣстнаго подъ именемъ Эллинскаго; ибо сходство нарѣчій Италійскихъ съ обще-Греческимъ, т.-е. писаннымъ, зависѣло отъ первоначальнаго Пеласгическаго корня. Сходство это въ Римѣ могло бы быть объяснено примѣсью Этрурской стихіи, но такое объясненіе не касается другихъ поколѣній, Латинскаго, Сабинскаго и прочихъ. Бѣдные остатки южно-Италійскихъ нарѣчій, сохраненные въ древнихъ писателяхъ или на каменныхъ памятникахъ, указываютъ на великую разницу Пеласгическаго и Славянскаго начала въ языкѣ, хотя оба принадлежатъ къ системѣ Иранской. Такъ, форма окончанія въ спряженіяхъ на est или ust, преобладаніе буквы f и какая-то грубость коренныхъ звуковъ ставятъ Пеласгическое нарѣчіе ближе къ Западно-Иранскому или Германскому, чѣмъ къ

---

[1]) Herodoti Terpsichore, V, 3. *Изд.*

Восточно-Иранскому, т.-е. Славянскому. Мягкость и полнозвучіе Эллинскаго языка, также какъ жительство древнихъ Эллиновъ въ сосѣдствѣ Иллиріи, Пэоніи и Ѳракіи, наводятъ на предположеніе, что они были народомъ мѣшаннымъ и принявшимъ много Славянской стихіи въ свой Пеласгическій составъ. Не это ли выражается любовью Эндиміона (кажется первообраза Эллиновъ) и Діаны? Артемида восточная, таинственная представительница силъ міровыхъ, не входитъ въ кругъ этого миѳа, перенесеннаго въ Малую Азію позднѣйшимъ невѣжествомъ или Фригійскою колоніею. Діана же первоначальная, стройная красавица, стрѣлометательница, царица горъ, вооруженная Венера, имѣетъ свое настоящее пребываніе на сѣверѣ Эллады, въ Иперборейской Истріи, гдѣ, по Пиндару, она останавливаетъ погоню Геракла за златорогою ланью, или въ Пэоніи на берегахъ Стримона (теперешній Струмень, отъ *струя, стремень*), или въ горахъ Гема и Родопа, гдѣ она носитъ весьма важное и опредѣлительное прозвище Вендисъ или Вендея (Вендская [1]). Очевидно, вся полоса отъ Адріатическаго (Ядранскаго) моря до Чернаго и до пролива Константинопольскаго и Пропонтиды (*Моръморское* [2]) входила въ одну, ничѣмъ непрерванную, систему, которой представители въ Малой Азіи были Фриги (отъ Фриги Вендской) и Троя — *Пергамосъ*. Имя Ванадисъ, слѣдственно Венусъ, выводили изъ корня *ван, вено* (Индо-Германское *любезный*). Такое толкованіе имѣетъ за себя много вѣроятностей; но оно уничтожается отношеніемъ Фреи-Фригги къ Ніордру Вану, и слѣдственно введеніемъ ея въ міръ Вендскій: ибо уже доказано, что имя Вановъ, также какъ и имя Азовъ, есть имя исторически-народное, а не религіозно-миѳическое. Заключеніе же о Фриггѣ Сѣверной разрѣшаетъ вопросъ о Фриггѣ Иллирійской (Венусъ, Вендская) и о Діанѣ Вендской (Ѳракійская *Вендисъ* или *Вендея*). Имя этой богини, союзъ Венеры и Діаны для защиты Пергама въ Иліадѣ, разсказъ бѣлокурыхъ Пэоніевъ объ ихъ Троянскомъ происхожденіи [3]), имя ихъ столицы *Доберъ*, обычаи, хлѣбопашественный бытъ, за который Аѳины поставили статую ихъ царю Аудалеону *(Удалый)*[1]), разсказъ Иллирійскихъ Венедовъ о томъ, что и они также пришли изъ Трои, созвучіе именъ городовыхъ, областныхъ и рѣчныхъ, наконецъ, современное намъ жительство безпримѣсныхъ Славянъ во всей этой странѣ, разрѣшаютъ вопросъ о древнемъ Славянствѣ Ѳракійцевъ и переходѣ Западно-Иранскаго (Пеласгическаго, полу-Германскаго) нарѣчія въ Эллинскій языкъ. Должно замѣтить, что въ синкретизмѣ миѳологіи Греческой, за исключеніемъ начала Кушитскаго, всѣ божества женскія принадлежатъ къ системѣ Вендской. Точно тоже видѣли мы и въ Скандинавіи, гдѣ, за весьма малыми исключеніями, всѣ богини носятъ отпечатокъ Славянства. Даже жена Аза-Ѳора *Сивъ*[2]), именемъ своимъ и значеніемъ миѳическимъ, также какъ и названіемъ дочери, *Труда* (трудъ), безспорно принадлежитъ къ кругу боговъ земледѣльческихъ, Ванскихъ. Ея характеръ повлекъ за собою нѣкоторое измѣненіе въ смыслѣ самого поклоненія Ѳору, который попался невзначай въ божество, покровительствующее земледѣлію: поучительный и ясный урокъ для изслѣдователей древней миѳологіи; онъ показываетъ всю прихотливость синкретизма.—Необъясненною и необъяснимою останется причина Вендскаго названія богинь какъ въ Скандинавіи, такъ и въ системѣ Эллино-Римской, за исключеніемъ тѣхъ, которыя приняты изъ миѳологіи южной. Это[3]) совершенно противно характеру чисто-Иранскому. Была ли въ Славянскихъ религіяхъ примѣсь Кушитскаго, вещественнаго служенія, принятая Ванами (Вендами) въ ихъ первобытныхъ жилищахъ на Сѣверѣ отъ Кашмира (Кушъдвипа), и двойственность органическая, полярная, соблазнила ли нашихъ маломыслившихъ праотцевъ, болѣе склонныхъ къ простодушному развитію вещественнаго быта, чѣмъ къ жизни ума и духа? Предположеніе вѣроятное, но не довольно доказанное для принятія въ историческую систему. Во всякомъ случаѣ, фактъ, нами замѣченный, входитъ въ разрядъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ высказывается сочувствіе міра Славянскаго съ міромъ Индустанскимъ.

---

[1]) Ср. праздникъ Вендидей, распространившійся особенно въ Аттикѣ чрезъ Ѳракійскихъ рабовъ. *Изд.*

[2]) Авторъ, очевидно, намекаетъ на имя Пропонтиды—*Мармара*, изъ чего мы сдѣлали „Мраморное море“. *Изд.*

[3]) Геродотъ Ѵ. 13.

---

[1]) Добезосъ, иначе Домеросъ, между Амфинописомъ и Филиппами. Царь Аудалеонъ жилъ въ эпоху Діадоковъ. *Изд*.

[2]) Grimm, Deutsche M. 286. Труда—Thrudr. *Изд*.

[3]) Т.-е. существованіе женскихъ божествъ. *Изд*.

Религіи Эллино-Римскія, какъ выше сказано, представляютъ полное сліяніе Иранства и Кушитства, но съ утратою отличительнаго духа въ составныхъ частяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что южное начало имѣло болѣе вліянія на Эллиновъ, чѣмъ сѣверное; ибо основныя формы, органическая полярность, рожденіе боговъ и отсутствіе нравственнаго смысла въ миѳологіи важнѣе именъ, взятыхъ изъ системы Иранской. Вѣроятно въ Ассиріи и Вавилоніи было тоже, что въ Греціи, съ тою разницею, что Ваалъ сохранилъ въ мысли Ассирійской величіе и силу, которыхъ не имѣлъ ни Зевсъ, ни Аполлонъ, ни Ираклъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, чувство изящнаго и стройнаго спасало Грековъ отъ глубокаго униженія нравственнаго, которымъ былъ заклейменъ бытъ Халдеи и Вавилоніи. Изученіе же Эллады, важное въ смыслѣ исторіи художества, философіи и гражданственности, ничтожное въ смыслѣ религіи и племенъ, представляетъ намъ ясный примѣръ жизни оригинальной и самостоятельной, развившейся изъ стихій чуждыхъ и вѣрованій прививныхъ. При столькихъ памятникахъ просвѣщенія, при столькихъ остаткахъ поэзіи, единственной въ мірѣ, и философіи, не уступающей ни Индустану, ни Германіи, замѣчательно въ Эллинской словесности отсутствіе книгъ религіозныхъ и даже молитвъ. Индія и Иранъ оставили намъ полныя собранія законовъ божественныхъ; Финикія, Египетъ и Ассирія имѣли свои таинственныя книги, о которыхъ свидѣтельствуютъ сами писатели Греческіе. Греція же и не чувствовала нужды знать, чему она вѣрила и чему нѣтъ, и даже, вѣрила ли чему нибудь. Поэты слагали праздничныя пѣсни и гимны во славу боговъ народныхъ, точно также, какъ стихи въ похвалу героевъ-побѣдителей на полѣ битвы, или кучеровъ да бойцевъ, торжествовавшихъ на играхъ Олимпійскихъ; но ни одно теплое слово, ни одно желаніе надземнаго блага, ни одна молитва сердечная, какъ у Евреевъ, или умственная, какъ у Брахмановъ, не вырвались изъ души Эллина. Въ значеніи религіозномъ Греція и Римъ ниже самого Китая. Такое противорѣчіе, такая бѣдность при столькихъ богатствахъ, были бы необъяснимы, еслибъ синкретизмъ, составившійся изъ самыхъ разнородныхъ частей и пришедшій въ эпоху утомленія послѣ бурь, волновавшихъ земли Иранскія и Кушитскія, не объяснялъ намъ всей этой загадки. Коегдѣ на границахъ Эллады, на прибрежьѣ ея морей и на островахъ, къ которымъ приставали гости восточные, произносились шопотомъ слова таинственныя и совершались обряды недоступные праздному любопытству народа; но вся эта таинственность оставалась чуждою собственно-Эллинской жизни, свѣтлой, веселой, наслаждающейся міромъ, признающей его какъ фактъ и не заботящейся объ его идеѣ. Таинства вѣроятно дѣлились на нѣсколько ученій, и безспорно, на два главные разряда. Служеніе Вакху, Кабирамъ, Гекатѣ происходило отъ вліянія южнаго; но другая стихія преобладада въ служеніи Гераклу или Аполлону. Эсхилъ, который едва избѣжалъ смерти за разоблаченіе Элевзинской тайны, высказалъ намъ ее вполнѣ. Промиѳей, прикованный къ скалѣ Кавказской (сѣверной) богами Кушитскими, богами строгой необходимости, Зевсомъ — судьбою, Меркуріемъ—мудростью вещественною и Вулканомъ—огнемъ земнымъ (Шива, Ѳаутъ и Ифестосъ-Фѳоаксъ), Промиѳей есть символъ бѣдной человѣческой свободы, нравственнаго закона въ цѣпяхъ стихійнаго міра. Придетъ день, и сѣверное божество, нравственная свобода высшаго міра, Гераклъ, разорветъ эту цѣпь и дастъ волю и просторъ чувству духовнаго добра. Но про все это Грецiя не хотѣла знать. Не трогай нашихъ боговъ, потому именно, что они гнилы; не говори о невидимомъ, потому что оно потревожитъ тихую стройность видимаго міра: вотъ правило Эллады, вотъ законъ условный, который налилъ чашу смертную одному философу, изгонялъ другихъ и грозилъ каменьями богоизбраннымъ головамъ Эсхила и Софокла *). Равнодушіе религіозное очень далеко отъ терпимости. Политеизмъ (многобожіе) готовъ былъ принять всѣхъ боговъ, но онъ жестоко ополчался противъ Одного Бога: это понятно. Антропоморфизмъ (человѣкообразіе) имѣетъ всю наружность произвола, но смыслъ его есть необходимость. Система Эллино-Римская принадлежитъ Кушитскому разряду по своему духу, также какъ и по формѣ, хотя она приняла въ подробностяхъ столько же сѣверныхъ, сколько и южныхъ стихій.

Меньшее развитіе религіознаго характера въ Европѣ (кромѣ Кельтовъ), чѣмъ въ Азіи, связано также съ отсутствіемъ жреческой касты. Для человѣчества должно было придти время возмужалости и призванія къ познанію всѣхъ истинъ духа и божества: тогда

---

*) Софоклъ не былъ обвиненъ въ томъ, въ чемъ обвинялся Эсхилъ. Возбужденіе противъ него судебнаго преслѣдованія было чисто-семейнаго свойства. *Изд.*

касты должны были исчезнуть передъ освобожденіемъ мысли и свѣтомъ всепроникающаго просвѣщенія; но во время человѣческаго младенчества нужны были хранители преданія и служители умозрѣнія. Отъ дѣдовъ къ потомкамъ, отъ вѣковъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ переходило неизмѣнное сокровище истины или заблужденія; но самое заблужденіе сохраняло важность и пріобрѣтало строгость глубокомыслія логическаго въ этой наслѣдственной передачѣ, въ этомъ посвященіи жизни личной и родовой общему человѣческому дѣлу. Религіозная жизнь въ Европѣ начинается съ Христіанства. Она въ Африкѣ не существуетъ кромѣ Египта и Ѳеіопіи; въ Америкѣ, т. е. Мексикѣ и Перу, она является не самобытною по памятникамъ и по преданіямъ туземцевъ. Южная Азія и сѣверо-восточный уголъ Африки одни жили искони всею полнотою мысли духовной. Тутъ первый разсвѣтъ исторіи застаетъ уже касты жрецовъ. Тутъ могли искажаться преданія, но за то только тутъ могли они существовать.

Религіи свободы и необходимости переходятъ въ систему эманацій. Она основана на началѣ необходимости, принявшемъ отвлеченную форму. Древность и повсемѣстность ея. Одна религія Еврейская остается чуждою понятію объ эманаціи. Смыслъ Еврейскаго преданія о паденіи человѣка и сказанія о Хамѣ.

Обѣ противуположныя религіи, необходимости и свободы, сливаясь мало по малу, измѣнялись взаимными уступками и теряли свою рѣзкую физіономію. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума человѣческаго. Миѳическій ея символъ, рожденіе, годный для младенчествующаго ума, былъ вытѣсненъ изъ вѣрованія просвѣщеннаго. Съ другой стороны, смѣлый догматъ творенія, основанный на коренной идеѣ свободы, не могъ удержаться при синкретизмѣ; свобода не имѣетъ проявленія, ибо законъ проявленнаго есть необходимость. Вѣра могла принимать свободную волю творящаго духа за основу всего; но вѣра простодушная, основанная на твердости преданія или на искренности сознанія внутренняго, исчезаетъ при нелѣпомъ сбродѣ разноначальныхъ повѣрій, такъ же какъ и въ логическомъ построеніи отвлеченностей. Всеобъемлющее требованіе ея не подается на условныя сдѣлки; творческая безусловность ея не возсозидается систематическимъ умствованіемъ. Между грубовещественнымъ началомъ Кушитскимъ и самостоятельною духовностью Иранства изобрѣтена была средняя система, система *эманацій*, что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя, не имѣющее никакого присущаго и яснаго значенія, кромѣ значенія логической послѣдовательности, т.-е. необходимаго и постепеннаго развитія. Эманація есть тоже рожденіе, но съ полярностью скрытою. Въ ней было торжество начала Кушитскаго, въ формѣ нѣсколько просвѣщенной. Допущеніе нравственнаго начала при эманаціонной системѣ было бызсмыслицею; ибо зло истекало изъ общаго источника бытія, такъ же какъ и добро, слѣдовательно, одинаково съ добромъ, первобытно присутствовало въ этомъ источникѣ.

Слово *изобрѣтеніе* не должно принимать въ смыслѣ изобрѣтеннаго съ разсчетомъ, съ цѣлію. Инстинктивныя дѣйствія ума имѣютъ столько же права на это названіе, какъ и обдуманныя открытія разсудка. Мнимо-свѣтлая мысль, мирящая двѣ крайности, между которыми волнуется неуспокоенная душа, является передъ нею какъ вдохновеніе и овладѣваетъ присущею въ ней потребностью вѣры; между тѣмъ она, дѣйствительно, только плодъ скрытаго логическаго вывода или неясной уступки каждаго изъ борющихся началъ. Такова мысль объ эманаціяхъ.

До появленія въ мірѣ новаго великаго ученія, передъ которымъ исчезли или исчезаютъ всѣ древнія вѣрованія, эманаціи были послѣднею степенью умственнаго развитія. Буддаизмъ, Брахманство, Шиваизмъ Египетскій, Ваализмъ Финикійскій, Зороастровъ Миѳраизмъ, наконецъ даже человѣкообразная религія Эллино-Римская, всѣ сливались и исчезали въ общей системѣ истеченія. Древняя Ассирія въ своихъ Тріадахъ, изліяніяхъ первоначальнаго Вела; Гностики въ своихъ Эонахъ, Нео-Платоники въ своемъ философическомъ умозрѣніи о самобытныхъ идеяхъ, принадлежали къ одной и той же всемірной школѣ. Еврейская вѣра стояла одна неприкосновенна и непоколебима, чуждаясь умствованій и страстей человѣческихъ и крѣпко опираясь на твердую основу преданія. Ограниченная и неполная, связанная съ случайностями племени и области, она не могла распространить своей власти далеко за предѣлы народа Израильскаго; но по крайней мѣрѣ она сохраняла чистую и неизмѣнную вѣру въ свободу духовную: ибо новая каббала съ своими бреднями не принадлежитъ къ системѣ Еврейской. (Это прививка позднѣйшаго времени къ дереву, которое уже принесло свой плодъ).

Эманаціи не казались противными единобожію творящему; скажемъ болѣе: мысль о твореніи, пріискивая себѣ выраженія логическаго и ученаго, попадаетъ почти необходимо на это слово или на другое однозначащее (напр. развитіе, моменты и тому подобныя). Въ тоже самое время незамѣтно допущено единство сущности, и пантеизмъ вкрался подъ покровомъ самаго невиннаго слова. Въ многобожіи основою было первоначальное всебожіе, т.-е. религія необходимости. Просвѣщеніе возстановило зданіе, разрушенное бурною жизнію народовъ, затемнившею первоначальныя понятія и разстроившею строгое развитіе основныхъ положеній. Политеизмъ умирающій переходилъ опять въ пантеизмъ. Этаго доказывать не нужно въ нашъ вѣкъ, уже богатый знаніемъ фактовъ историческихъ. Но необходимость, принятая не такъ, какъ данная наглядная, а какъ выводъ изъ умозрѣнія, не могла оставаться въ грубой формѣ необходимости внѣшней, которая поражаетъ насъ въ вещественномъ мірѣ; она должна была принять форму Спинозистической, внутренней необходимости (*разумное развитіе* философическихъ школъ—*истеченіе* въ области религій). Символъ эманаціи замѣнилъ символъ рожденія; но оба символа заключаютъ въ себѣ только сравненія, какъ всякій символизмъ (или какъ всякій мистицизмъ въ философіи). Сравненіе же, заимствованное изъ вещественнаго, оставалось всегда подъ кореннымъ условіемъ вещественности, подъ условіемъ необходимости. Кушитское начало торжествовало въ измѣненномъ образѣ.

Ясныя показанія о системѣ эманацій относятся къ глубокой древности. Таково рожденіе Минервы или Аѳины, которую нельзя не считать божествомъ южнымъ *) по имени ея въ Элладѣ, по прозвищамъ, привязывающимъ ее къ берегу Африканскому и по участію

---

*) Главнымъ сторонникамъ Египетскаго происхожденія Аѳины въ Германской наукѣ былъ Крейцеръ (Символика). *Изд.*

Ифеста въ ея появленіи на свѣтъ. Таково же и рожденіе самого Ифеста (Вулкана): ибо къ нему, гораздо болѣе, чѣмъ къ Аресу, относится миѳъ о рожденіи безъ отца, и этимъ миѳомъ объясняется изгнаніе его изъ небесной области разгнѣваннымъ Зевсомъ. Въ обоихъ случаяхъ замѣтенъ переводъ эманаціи на языкъ антропоморфизма, и въ тоже время замѣтенъ опять слѣдъ борьбы между двумя данными въ органической полярности (Шива и Бгавани), между невидимою силою, которая все созидаетъ, и видимою вещественностью, изъ которой все созидается.—Скажемъ мимоходомъ, что толкованіе слова *главкопис*ъ [1]) въ смыслѣ свѣтлоликая, свѣтлая, вѣроятнѣе, чѣмъ въ смыслѣ сѣроглазая: ибо Аѳина не принадлежитъ сѣверной системѣ, и бѣлокурость могла ей быть приписана только вслѣдствіе позднѣйшей ошибки. За Трою стоятъ, очевидно, всѣ боги Сѣвера Вендскаго, за Эллиновъ всѣ боги Юга. Вотъ данная, которая разрѣшаетъ вопросъ о происхожденіи Троянъ. Зевсъ ни къ кому не благоволитъ въ особенности: онъ безстрастенъ, какъ судьба и высокъ, какъ законъ нравственный; ибо чувство правды не гибло даже въ развратѣ многобожія и въ религіяхъ необходимости. Онъ иначе и быть не могъ, ибо онъ принадлежалъ обоимъ мірамъ, въ качествѣ Зевса и Діоса, въ качествѣ Аммона Сабейскаго и Вроміоса, *Громій* [2]). Странно, какъ Нѣмецкая ученость не замѣтила группировки боговъ Иліады, которая содержитъ такое ясное историческое показаніе насчетъ всей Троянской войны и значенія самой Трои. Гераклъ и Тезей представляютъ освобожденіе Эллады отъ Юга; Мелеагръ, Аргонавты, Троянская война представляютъ противодѣйствіе Сѣверу. Но, разумѣется, это вѣрно въ общемъ обзорѣ, а не въ прививныхъ подробностяхъ. Такъ, напр., въ Иліадѣ Аресъ не принадлежитъ къ божествамъ Вендскимъ, а къ Западно-Иранскимъ. Вражда же Посейдона (хотя онъ и безъ того относится къ богамъ южнымъ) есть не что иное, какъ вражда его ко всѣмъ мореплавателямъ.

---

[1]) Постоянный эпитетъ Аѳины у Греческихъ поэтовъ. *Изд.*

[2]) Зевсъ не имѣлъ прозвища Βρόμιος, а Κεραύνιος. Первый эпидетъ прпнадлежитъ Діонису. Можетъ быть, это простая ошибка автора, или онъ перенесъ сознательно на Зевса эпитетъ свойственный божеству, которое было тоже Діосъ и нечуждое сходству съ нимъ коренному. *Изд.*

Отъ того Посейдонъ представленъ не только какъ врагъ, но и какъ рабъ Трои: онъ выстроилъ ея неприступныя твердыни.— Аѳина, Ифестъ, можетъ быть, Аресъ въ миѳологіи Эллинской представляютъ, какъ уже сказано, антропоморфическій переводъ эманаціи: этотъ фактъ, самъ по себѣ неважный, какъ и вся безсмыслица Эллинской религіи, заслуживаетъ вниманія, какъ неоспоримое доказательство системы эманаціонной въ глубокой древности и въ такихъ странахъ, которыхъ безглагольность оставила бы насъ въ совершенномъ невѣдѣніи, если бы Греція не помогла проникнуть въ ихъ тайны. Очевидно, что міръ Кушитскій, т.-е. Египетъ и Финикія, и полу-Иранская Ассирія съ Вавилономъ гораздо прежде Гомера соединяли систему грубо-вещественнаго произведенія съ системою эманацій. Тоже самое повторяется въ Индустанѣ. Веды еще не переведены, и поэтому трудно судить о подробностяхъ ученія, въ нихъ заключеннаго; но ихъ комментаріи и книги, пополняющія этотъ древній сборникъ первоначальныхъ вѣрованій касты Брахманской, представляютъ намъ переходъ творчества въ эманацію. „Брахма хотѣлъ, чтобы были міры, и вотъ—они были“. Эти слова принадлежатъ еще чисто-Иранскому характеру. Брахма творецъ. Съ другой стороны, Брахма ставитъ передъ собою возможность частнаго бытія (призракъ бытія, *Мая*), переходитъ самъ въ эту низшую степень существованія и дѣлается міромъ, т.-е. призракомъ міра отдѣльнаго, который въ дѣйствительности есть тотъ же Брахма и отдѣльнаго существованія не имѣетъ. Очевидно, идея свободы уже утрачена; ибо то, что было свободнымъ въ Брахмѣ, дѣлается невольнымъ въ частныхъ его отраженіяхъ. Но и въ немъ самомъ допущена неполнота бытія, пополняемая міромъ; а это пополненіе носитъ тоже клеймо необходимаго, уничтожая свободу въ самомъ источникѣ свободы. Впрочемъ, такое искаженіе было безсознательно; но въ немъ уже заключалась система эманаціи, соединенная съ пантеизмомъ. Съ другой стороны, Шива вещественно производитъ вселенную союзомъ съ Бгавана (или Сати): это еще чистая стихійность въ грубѣйшемъ ея выраженіи. Но Бгавани есть только сила Шивы, его проявленіе (это потомъ перенесено на Брахму и Сарасвати, на Вишну и Лакшми), проявленіе, изъ него же исходящее. Опять эманація положена въ начало стихійнаго пантеизма, такъ же какъ она положена въ начало духовнаго пантеизма. Не нужно говорить о другой системѣ, которая всё связываетъ съ Вишну. Она не что иное, какъ безцвѣтное подражаніе предъидущимъ, хотя поэзія облекла ее въ величественные образы откровенія Кришны, которымъ словесность другихъ народовъ не представляетъ ничего подобнаго. Важнѣе система, гдѣ общій источникъ всего сущаго олицетворенъ въ женскомъ началѣ, передъ которымъ исчезаетъ самъ Мага-Дева, упавшій на степень проявленія первобытной Бгавани или Дурги. Тутъ вещественный характеръ стихійности высказывается вполнѣ, ибо женское начало было искони символомъ чувственнаго міра. Въ религіи женскаго начала Шива (сила) есть эманація вещества; въ религіи мужскаго начала Бгавани (вещество) есть эманація силы: въ обоихъ случаяхъ—служеніе чисто-стихійное и признающее коренную необходимость; но безспорно, поклоненіе Бгавани, какъ первобыту, есть крайнее и окончательное выраженіе грубаго матеріализма. Безполезно бы было показывать, что система эманацій не ограничивается отношеніемъ Шивы и Бгавани, и что она распространяется на послѣдующія ихъ проявленія, на Ганешу, Картикею и другихъ. Послѣдователи какаго-нибудь ученія политеистическаго не могутъ имѣть никакаго понятія объ отвлеченной основѣ его. Вся религія распадается на нелѣпыя частности, на безсмысленные обряды. Индѣецъ низшихъ классовъ едва ли выше, въ этомъ отношеніи, Негра, не знающаго другаго бога, кромѣ рукодѣланнаго фетиша. Таковъ онъ въ брахманизмѣ, въ служеніи Вишну, въ шиваизмѣ или въ сектѣ поклонниковъ Кали-Бгавани. За всѣмъ тѣмъ, хотя идолопоклонство во всѣхъ случаяхъ унизило его душу и исказило ея нравственную жизнь, все еще огромное разстояніе раздѣляетъ Вишнуита отъ Ѳуга. Всѣ степени униженія духовнаго, одна за одной, должны быть пройдены человѣкомъ, прежде чѣмъ онъ признаетъ за единственную святыню тотъ кумиръ, который первоначально представлялъ безнравственность стихійнаго и чувственнаго бытія. Клеймо, наложенное на ученіе, вожглось неизгладимо и будетъ лежать на немъ, покуда самое ученіе не исчезнетъ изъ ряда современныхъ фактовъ и не причтется къ глупостямъ прошедшаго времени. Упрямство этаго духа религіи, сохраняющаго свои права даже при совершенномъ невѣжествѣ народа, который ничего не знаетъ кромѣ видимыхъ эмблемъ, въ высшей степени поучительно. Оно показываетъ, что, не смотря на измѣненіе формъ и на утрату ихъ первобытнаго смысла, характеръ обрядовъ и нравственный бытъ людей обличаетъ источникъ и значеніе религіи. Самый раздоръ Шивы и Кали содержитъ вѣрнѣйшее доказательство ихъ необходимаго соединенія въ одной органической полярности. Брахманизмъ и вишнуизмъ не знаютъ такихъ домашнихъ раздоровъ въ своихъ Олимпахъ.—Мы видѣли, какъ система эманацій мало-по-малу вкрадывается въ ученіе Иранскаго Брахмы и Кушитскаго Мага-Девы; въ среднемъ и примирительномъ вишнуизмѣ она преобладаетъ еще болѣе, ибо любимое изображеніе Вишну, изъ котораго выходитъ цвѣтъ лотуса, заключающій къ себѣ все дальнѣйшіе развитіе вселенной, не имѣетъ никакаго значенія внѣ этой системы. Такія же изображенія находимъ мы и въ шиваизмѣ, и въ брахманизмѣ; но они далеко не такъ обыкновенны и не такъ важны. Буддаизмъ имѣетъ двѣ формы: первая—пантеизма атеистическаго, т.-е. безличнаго, въ которомъ факты связаны на живую нитку фактомъ необходимости; въ этомъ призракѣ ученія ходятъ какіе-то призраки существъ и проглядываютъ призраки эманацій. Другая форма опредѣлительнѣе: это пантеизмъ, принявшій отъ брахманства личность общаго духа; въ немъ цѣлый міръ представляетъ сцѣпленіе эманацій, сходящихъ отъ высшей, отвлеченной и безформенной мысли до безжизненнаго вещества. Таковъ общій взглядъ на буддаизмъ. Съ нимъ несогласны многія подробности священныхъ книгъ; но не должно искать совершеннаго согласія въ ученіи, впитавшемъ въ себя столько разнородныхъ стихій.—Иранъ Мидійскій, утверждавшій свою религію на прямо-нравственной основѣ, болѣе другихъ сохранилъ ее отъ примѣси чуждой идеи; но въ позднѣйшее время весьма замѣтно паденіе настоящаго зороастризма, т.-е. служенія Оромазду, передъ служеніемъ второстепенному Миѳрѣ, которое составляло переходъ къ системѣ Кушитской и замѣняло твореніе изліяніемъ или эманаціею. Это уже, очевидно, искаженіе; но, съ другой стороны, должно признаться, что самая рѣзкость двухъ міровъ, надземнаго и подземнаго, по ихъ неизмѣннымъ характерамъ добра и зла, приготовляетъ переходъ къ системѣ эманаціонной, оставляя только на мірѣ земномъ печать сотвореннаго, т.-е. свободнаго: ибо мыслящая сила сотворенная есть отдѣльная, самосозидающая свою волю; въ понятіи же объ эманаціи лежитъ понятіе о единствѣ субстанціи, какъ вещественной, такъ и нравственной, т.-е. полная зависимость истекающаго отъ своего источника, и слѣдовательно согласіе духовное между второстепеннымъ существомъ и его первобытомъ. Поэтому Агриманъ и человѣкъ могли быть твореніями Оромазда; но средніе Амшаспанды, Изеды и ихъ подземные противники были скорѣе истеченіями изъ двухъ враждебныхъ духовъ, чѣмъ твореніями[1]). Поэтому также есть толкователи Зендавесты, которые предполагали возвратъ Агримана къ добру съ уничтоженіемъ его міра; ибо онъ самъ свободно золъ и можетъ исправиться, а міръ его есть изліяніе его во время злой его дѣятельности, выраженіе его злости, уже не имѣющее въ себѣ собственной свободы, и долженъ погибнуть съ возратомъ Агримана въ міръ благой дѣятельности Оромаздовой. Весьма тонкая черта отдѣляетъ эманацію отъ творенія. Въ одномъ предполагается появленіе новаго существа съ новыми силами и новымъ началомъ жизни духовной, въ другомъ только дробленіе перваго существа. Въ созданномъ духѣ необходима присущность свободы; въ исшедшемъ свобода не явно невозможна, но и не необходимо присущна. Жизнь нравственная допускалась или не допускалась въ эманаціяхъ, смотря по первоначальному направленію народной мысли. Но слово *твореніе*, будучи совершенно чуждо видимому ходу вещественнаго міра, заключаетъ въ себѣ законы совершенно отличные отъ законовъ вещества; а слово *эманація* принадлежитъ кругу понятій чисто-вещественныхъ и невольно влечетъ за собою цѣлый рядъ законовъ, основанныхъ на коренной идеѣ необходимости. Зендавеста уже содержала зародышъ системы эманаціонной; но миѳраизмъ, усвоивающій ее вполнѣ, представлялъ упадокъ духа Иранскаго и допускалъ нравственное искаженіе, которое, какъ извѣстно, сопровождало служеніе и таинства Миѳры[2]).—Многообразны были измѣненія ученія о развитіи міра посредствомъ послѣдовательнаго исхожденія Эоновъ; въ него допускалось смѣшеніе съ ученіемъ о твореніи и съ ученіемъ о полярномъ двойствѣ. Оттого Эоны являлись то одинокими существами, представляющими послѣдовательную лѣстницу духовнаго развитія, то четами, соединяющими духовное развитіе съ наружною формою вещественной производительности. Примѣры и тому и другому находятся въ разныхъ подраздѣленіяхъ Гнозы. Въ преданіяхъ же о религіи Вавилонской, кромѣ первоначальнаго Вела, видимъ мы цѣлый рядъ Тріадъ. Трудно опредѣлить прямое отношеніе между всѣми этими божествами, которыхъ имена и слабые очерки проглядываютъ сквозь покровъ Эллинскихъ, весьма неясныхъ, представленій о Востокѣ [1]); но второе появленіе Вела, какъ замыкающаго цѣпь Тріадъ, не позволяетъ предполагать между ними другаго отношенія кромѣ эманаціоннаго. Въ тоже время, женскія и мужскія имена, соединенныя въ этой миѳологіи, указываютъ на какую-то систему болѣе вещественную, чѣмъ духовную, или вообще на разноначальный синкретизмъ. Но одиночество первобытнаго [2]) Вела и свидѣтельство древнихъ показываютъ, что прежняя религія Ассирійская, до вліянія Кушитскаго, основана была на понятіи о всемогущемъ Творцѣ, между тѣмъ какъ очевидная связь всѣхъ религій Сиріи, Финикіи и Вавилона доказываетъ намъ, что общепринятая форма примиренія между ученіями южнымъ и сѣвернымъ была неопредѣленная форма эманацій. Таково было вѣрованіе высшихъ кастъ, посвященныхъ въ таинства; но низшія были погружены въ самую грубую чувственность и во всѣ мерзости чисто-стихійнаго служенія. Невозможно не замѣтить сходства ранней Эллинской святыни, Дія Додонскаго, съ обрядами и символами, принадлежащими Халдеѣ. Тоже гаданіе по шуму вѣтра въ вершинахъ вѣковыхъ дубовъ и чинаровъ, тоже отсутствіе кумировъ, и таже святость голубя въ лѣсной обители Дія и въ великолѣпномъ храмѣ Вела. Голубь не былъ собственно изображеніемъ Діоны: въ этомъ свидѣтелями писатели Эллинскіе; ибо служеніе Діонѣ вмѣстѣ съ Зевсомъ принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей. Голубь не былъ изображеніемъ Астарты, ибо никогда бы строго-духовный пророкъ Израиля не употребилъ формы: „грозенъ мечъ голубицы“ [3]), если бъ голубь былъ только эмблемою Астарты. Вѣрное понятіе о характерѣ Еврейскихъ писателей не позволяетъ допустить выраженія страха или почтенія передъ чуждыми богами. Голубь принадлежалъ первоначальному преданію, сохраненному у Израильтянъ, былъ потомъ принятъ за символъ воздуха и Дія или Вела, какъ бога небеснаго, и наконецъ отданъ въ собственность богинѣ, перешедшей изъ Кушитскаго въ Иранское ученіе, богинѣ звѣзднаго неба. Смыслъ голубя, какъ символа воздуха или синяго неба, уже и изъ того понятенъ, что Додонскіе голуби были черные, т.-е. сизые. Велъ—небо и Астарта звѣздная на Вавилонскихъ кирпичикахъ и цилиндрахъ представляются очень часто, одинъ съ круглымъ зеркаломъ (по моему мнѣнію, эмблема свѣтила вообще и солнца, какъ свѣтила по преимуществу), Астарта съ двумя передъ нею горящими подсвѣчниками, изъ которыхъ одинъ большой горитъ лучистою звѣздою; а Велъ меньшій — молодымъ мѣсяцемъ. Это дѣтское изображеніе величія небеснаго бога, по понятіямъ, достойно Ирана и даже Израиля. На другихъ обломкахъ находятся изображенія тѣхъ же божественныхъ лицъ, грозящихъ рыбамъ, или уничтожающихъ рыбъ, или попирающихъ полурыбу, полу-женщину. Преданіе о потопѣ высказывается довольно ясно. Ваалъ-Хонъ небесный гонитъ воды, изображенныя рыбою. На одномъ изъ этихъ алегорическихъ рисунковъ замѣтенъ даже позади Ваала неполный образъ человѣка малаго роста, который долженъ, кажется, относится къ Ксисуѳру. Во всякомъ случаѣ, единство Ваала Вавилонскаго и Ваала-Хона, согнавшаго воды и спасшаго человѣчество, несомнѣнно; и голубица, принадлежавшая въ позднѣйшее время Діонѣ и Астартѣ, по праву возвращается Дію Додонскому и Велу, согласно съ преданіемъ ветхозавѣтнымъ и съ показаніемъ древнихъ писателей.

---

[1]) Агурамазда именуется творцемъ духовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Эпитетъ ahuradata „созданный Агурой“ почти всегда прилагается къ Веретрагна-Бехрамъ. *Изд.*

[2]) Это направленіе культа Митры развилось, какъ теперь думаютъ, въ Мидійскомъ магизмѣ. *Изд.*

---

[1]) Разработка памятниковъ Ассиро-Вавилонской культуры только что началась, когда это было писано. *Изд.*

[2]) Въ настоящее время почитаютъ этимъ первоначальнымъ божествомъ „Илу“. *Изд.*

[3]) Іер. XXV. 38. Въ Русск. пер. „отъ пламеннаго гнѣва Его“, но другое чтеніе: „отъ ярости голубицы“. *Изд.*

Мы видѣли, какъ два ученія противуположныя, Восточно-Иранское и Кушитское, мирились и сливались въ безцвѣтной системѣ эманацій и какъ эта система проникла въ оба ученія, измѣняя ихъ первоначальную рѣзкость. Въ ней исчезала навсегда и безъ возврата строгая духовность вѣры въ свободу; но необходимость, какъ мы сказали, принимала только другой видъ, переходя изъ внѣшней во внутреннюю. Коренной перемѣны въ ней не было.

Оттого религіи Кушитскія представляютъ намъ вездѣ какую-то дикую насмѣшку надъ новымъ безсмысленнымъ ученіемъ. Между тѣмъ какъ Иранское начало облекаетъ эманацію въ благородный символъ вооруженной Паллады, исходящей изъ головы Дія-Зевеса, вещественный шиваизмъ въ Индіи, грубо-вещественное служеніе Ифесту въ Греціи и почти всѣ другіе отдѣлы кушитства избрали самооскверненіе символомъ эманаціи. Не нужно упоминать о сказкахъ Индіи, Греціи и Малой Азіи, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Шивы, Бгавани, Иры, Кивелы, Ифеста и прочихъ; но сказаніе о рожденіи Эрихтона очень важно, потому что оно вводитъ Аѳинскую жизнь въ кругъ южнаго и Финикійскаго вліянія. Около этого сказанія соединяются Пандіонъ [1] (всебогъ, таинственное названіе міра въ системѣ южнаго всебожія), Кекропсъ змѣеногій, слѣдовательно Кушитъ, и два божества, Аѳина (Нейѳъ) и Ифестъ (Фѳоаксъ), также Кушитскія; въ немъ является таинственный ящикъ Изиды и Бгавани, тотъ же ящикъ, въ которомъ Беотійцы носили Діонизіевъ фаллосъ; наконецъ, является опять Гермесъ (Таутъ), какъ любовникъ дочери Кекропса. Гермесъ носитъ прозвище Кадма; Кадмъ—мужъ Гармоніи, т.-е. Герме-оніи. Скипетръ Гермеса (бога подземнаго) есть змѣеувитый кадуцей, и всѣ эти имена и эмблемы снова толпятся около Аѳинъ, какъ они собраны были въ Ѳивахъ. Не ясенъ ли слѣдъ перваго Кушитскаго просвѣщенія, когда еще не развивался въ Элладѣ духъ Сѣвера, попирающій змѣю? — Замѣтить должно, что отъ любви Аѳины и Ифеста родился сынъ, Аполлонъ Патроосъ, между тѣмъ какъ въ Ѳивахъ поклонялись Аполлону подъ именемъ Онкеіосъ[2]), слѣдовательно признавали его также за сына Онки, той же Онки или Минервы. Аѳина же сама, дочь моря и жена Ифеста, очевидно таже Венера[3]), но вооруженная и отдѣленная отъ Афродиты-Діоны только мѣстнымъ названіемъ. Пора замѣнить изученіе подробностей изученіемъ характеристики религіозной и не искать большой правды въ дѣтскихъ попыткахъ синкретизма.

Не смотря на всю безцвѣтность эманаціонной системы и на безсмыслицы человѣкообразнаго многобожія, добросовѣстная и просвѣщенная критика никогда не должна терять изъ виду первыхъ основаній двухъ главныхъ религій, раздѣлявшихъ дѣтство человѣчества. Упорныя начала необходимости и свободы продолжали жизнь свою еще долго послѣ ихъ соединенія въ разнообразныхъ миѳологіяхъ древняго міра. Вражда безпрестанно проглядываетъ сквозь покровы мнимаго примиренія, и духъ нравственной свободы, побѣжденный логическою послѣдовательностью вещественнаго кушитства, часто облекалъ въ таинственные миѳы свои надежды на будущее торжество; между тѣмъ какъ ученіе необходимости старалось пріобрѣсти недоступное ему нравственное достоинство и возвысить признаніе неволи до самопроизвольной и смиренной покорности.

---

[1]) Сынъ Кекропса. *Изд.*

[2]) Авторъ, кажется, ошибся, сказавъ, что Аполлонъ Патроосъ (божество дѣйствительно Аттическое) почитался сыномъ Аѳины и Гефеста. Таковымъ почитался Эрихтоній. Аполлонъ Онкеіосъ, по Павзанію, имѣлъ храмъ въ Аркадіи. *Изд.*

[3]) Ср. Preller, Gr. Myth. 216. *Изд.*

Такъ, въ Индустанѣ окончательная побѣда десятаго аватара Вишну и въ Иранѣ пришествіе послѣдняго пророка [1]) предобразуютъ гибель міра стихійнаго и просвѣтленіе міра духовнаго. Такъ, въ Греціи освобожденіе Промиѳея и обѣщанное рожденіе бога, передъ которымъ исчезнетъ сила Олимпійскихъ боговъ, должны возвратить человѣчеству утраченное счастіе. Имя богини Мете или Метисъ, отъ которой родится побѣдитель Зевса, царь неба и земли, совершенно чуждо всѣмъ другимъ Эллинскимъ миѳамъ. Оно звучитъ какъ отголосокъ инаго племени и инаго, лучшаго вѣрованія, полное тайныхъ силъ и глубокаго значенія. Съ другой стороны, мы видимъ въ Гностикахъ-Офитахъ, отъявленныхъ врагахъ свободы, не смотря на всю безнравственность ихъ вѣрованія, стремленіе къ его облагороженію посредствомъ возврата человѣческой души къ первобытному источнику Эоновъ. До сихъ поръ еще не обращали вниманія на разительное сходство ученія Гностическаго съ разсказомъ о Промиѳеѣ. Оно очень важно, потому что доказываетъ древность Гнозы, въ которой высказывается весь смыслъ змѣепоклоненія и кушитства, и въ тоже время подтверждаетъ яснымъ доводомъ всѣ другіе признаки сношеній между Элладою и Египто-Финикійскими областями. Эонъ Саваоѳъ [2]) творитъ родъ человѣческій въ состояніи свободы и духовной независимости. Это возмущеніе прекращается посланникомъ высшаго Эона, змѣемъ. Онъ искушеніемъ плода вещественнаго, даннаго первой женѣ, вводитъ человѣка въ область вещества и зависимости. Промиѳей, сотворивъ человѣческую чету, запрещаетъ ей кланяться богамъ и принимать отъ нихъ дары. Онъ ставитъ ее, также какъ и Саваоѳъ, въ состояніе независимости. Устрашенные боги присылаютъ первой женѣ, Пандорѣ, ящикъ съ гибельными дарами, которые ее соблазняютъ.

---

[1]) Сезіоша, по-зендски Саошьянта. *Изд.*

[2]) Творецъ людей у Офитовъ назывался не Саваоѳъ, а Ялдбаоѳъ. *Изд.*

Боги Олимпа являются искусителями, какъ высшій Эонъ въ Гнозѣ. Ихъ дары сводятъ человѣка съ высокой степени, на которой онъ былъ поставленъ, изъ свободы въ рабство. Ящикъ, по инымъ сказаніямъ, передается Пандорѣ змѣеносцемъ Гермесомъ, Кадмомъ, зміемъ Кушитскимъ (ибо характеръ Гермеса, кромѣ прочихъ явныхъ признаковъ, опредѣляется враждою его съ Аполлономъ). Наконецъ, самый даръ, ящикъ, есть тотъ же священный символъ вещественно-производительнаго начала, который извѣстенъ намъ по рожденію Эрихтона, по обрядамъ Діониса Ѳивскаго, Изиды, Шивы, Адониса и пр. Не явно ли повтореніе Гностическаго миѳа? Прибавимъ еще, что Промиѳей не принадлежитъ къ роду Олимпійцевъ, но къ непокорнымъ Титанидамъ, и долженъ быть врагомъ южнаго начала, къ которому привита была вся миѳологія Греціи; ибо хотя Эллину уже неизвѣстно было истинное значеніе Тифона и его сподвижниковъ, но Египетъ или Финикія, откуда приходила повѣсть о Промиѳеѣ, никогда вполнѣ не забывали ихъ происхожденія. Никогда эта повѣсть не входила въ систему Греческаго вѣрованія, никогда родъ человѣческій не былъ связанъ мѣстнымъ Эллинскимъ преданіемъ съ четою, твореніемъ рукъ Промиѳеевыхъ. Вотъ новое доказательство его иноземной колыбели. Но въ Элладѣ существовали два направленія, и отъ этого развязка трагедіи Промиѳеевой была двоякая. Въ одной торжествуютъ боги, и побѣжденный Промиѳей, смиривъ свою гордость, соглашается носить всегда знакъ рабства, кольцо изъ камня и желѣза: это выраженіе чувства Кушитскаго. Въ другой Промиѳей еще не освобожденъ, онъ не покоряется, но ждетъ исполненія своего оракула, торжественнаго мгновенія, когда родится сынъ Меты (Мети или Метисъ), и расторгнутся всѣ цѣпи, приковывающія его къ Кавказу, а людей, имъ созданныхъ, къ власти Олимпійскихъ боговъ. Это преданіе Ирана. Очевидно, Гностики не думали о Промиѳеѣ и не почерпали ничего изъ Эллинской сказки: основой обоимъ миѳамъ было преданіе, сохраненное въ Ветхомъ Завѣтѣ. Гностики же сами, не отвергавшіе Новаго Завѣта, но отвергавшіе все Еврейское, были выраженіемъ Египто-Финикійскаго ученія, старающагося привиться къ Христіанству. Поклоненіе змѣѣ, вещественность, признанная за проявленіе высшаго духа, а свобода духовная, понятая какъ возмущеніе, были наслѣдствомъ стараго кушитства, сохраненаго Гностиками и живущаго до сихъ поръ въ ихъ вѣковой родинѣ, на горныхъ скатахъ приморскаго Ливана.

Для того, чтобы ясно понять эти отношенія, облеченныя въ образы религіозные, должно вглядѣться съ самый смыслъ преданія Еврейскаго. Онъ объясняется изъ полнаго объема самаго ученія. Человѣкъ былъ сотворенъ съ полною свободою и съ правомъ ею пользоваться; міръ былъ чистымъ и выраженіемъ чистой божественной мысли. Злоупотребленіе человѣческой свободы (т.-е. произволъ человѣческій) создало новый міръ грубаго вещества и вещественной необходимости. Освобожденіе человѣка есть возвратъ его къ чистой разумной свободѣ. Вотъ характеръ Иранства, враждебнаго змѣѣ и чувственности. Кушитство представляло систему не полярно противоположную, но основанную на началахъ совершенно чуждыхъ ученію Еврейскому; ибо въ одномъ необходимость чувственнаго міра допускалась какъ вѣчно разумная, въ другомъ какъ временная и злая. У насъ нѣтъ памятниковъ, въ которыхъ бы выражалась мысль Ирана или Куша на счетъ враждебной религіи. Древность не завѣщала намъ твореній аналитическихъ: въ ней все синтезъ. Одно изученіе книгъ Моисея и Израильскихъ пророковъ освѣщаетъ этотъ мракъ. Безпрестанно возвращающееся предписаніе сыновьямъ не открывать наготы своихъ родителей указываетъ на презрѣніе первобытнаго Израиля къ чувственной жизни. Въ этомъ правилѣ, безъ сомнѣнія, заключается заповѣдь почтенія къ родителямъ; но форма заповѣди опредѣляетъ коренную мысль: вещественная производительность есть униженіе человѣку,—и такъ не обнажай униженія отца своего или предка. Смѣшно бы было видѣть въ ней выводъ изъ преданія о Хамѣ. Преданіе связано съ духовнымъ строемъ вѣрованія, но не служитъ ему источникомъ; сказаніе же о Ноѣ, до сихъ поръ не оцѣненное здравою критикою, бросаетъ яркій свѣтъ на все отношеніе между двумя ученіями. Въ немъ ясно высказывается тайна ихъ вражды. Упоенный незнакомою силою винограднаго сока, Ной засыпаетъ подъ навѣсомъ своего шатра, безчувственный и обнаженный. Хамъ, смѣясь, призываетъ братьевъ; но богоизбранные Симъ и Яфетъ скрываютъ подъ мантіей невольный позоръ родителя. Слѣдуютъ благословенія двумъ старшимъ братьямъ и тяжкая казнь меньшому и его потомкамъ. Отдѣльно взятое, это сказаніе не имѣетъ никакаго значенія кромѣ простодушнаго урока непокорнымъ дѣтямъ. Въ связи съ исторіей человѣчества, оно было истолковано, какъ жалкая попытка бѣлоликаго писателя, объясняющаго черный цвѣтъ Африканцевъ. Такое толкованіе не стóитъ опроверженія. Смыслъ наказанія можетъ быть темнымъ, но характеръ преступленія ясенъ и опредѣляетъ взглядъ Еврея на міръ Кушитскій. Дѣти Хама, кромѣ Пута, котораго мѣстность неизвѣстна, населяютъ Ѳеіопію, Египетъ, Южную Вавилонію и Палестину. Хамъ не выходитъ изъ повиновенія у отца, не оскорбляетъ его власти. Онъ смѣется надъ его упоеніемъ и его наготою: онъ смѣется потому, что его собственное нравственное чувство не оскорблено. Въ его смѣхѣ есть сочувствіе съ міромъ вещественнаго упоенія. Братья прикрываютъ позоръ отца потому, что признаютъ его, какъ позоръ. Зародышъ міра Кушитскаго представленъ въ безыскусственности религіознаго сказанія. Этотъ міръ, смѣясь, обнажилъ передъ человѣчествомъ чувственную жизнь его и праздновалъ наглыя празднества винодателя Діониса. Этотъ міръ опредѣленъ однимъ словомъ: онъ не зналъ стыда. Преступленіе потомковъ изображено преступленіемъ родоначальника, также какъ все человѣчество изображено Ноемъ (или Ноахомъ). Въ величественной простотѣ своего синтеза пророкъ Израиля заключилъ весь анализъ религіи, противъ которой обращена его законодательная дѣятельность. Древнѣйшій историческій памятникъ человѣческой словесности заключаетъ въ себѣ самую вѣрную данную для исторіи духовнаго раздора, разорвавшаго младенчество человѣческаго рода. Отзывы Еврейскаго преданія, какъ мы уже видѣли, слышны въ самыхъ темныхъ системахъ вѣрованія, въ земляхъ самыхъ чуждыхъ Израилю. Показаніе этаго народа служитъ окончательнымъ пополненіемъ фактовъ, опредѣляющихъ отношенія Кушита и Иранца. Въ немъ разгадка надеждъ и обѣщаній, сохраненныхъ Индустаномъ, Мидіей и Элладою Иранскою; въ немъ преданіе паденія, принятаго за торжество Гнозою Палестинскою, Египтомъ и Кушитскою Элладою; въ немъ сказаніе о змѣѣ объясняетъ противоположный символизмъ двухъ системъ, обнявшихъ всю землю, а сказаніе о дѣтяхъ Ноя показываетъ вѣрность объясненія.

Религіозное развитіе древняго человѣчества сосредоточено въ юго-западной Азіи и сѣверо-восточной Африкѣ.—Скудость духовной жизни у другихъ народовъ. Въ народахъ крайняго Сѣвера замѣтно коренное начало единобожія.—Племя Полинезійское представляетъ вліяніе Африки.—Характеристика древнихъ Американскихъ государствъ и народовъ.

Вдали отъ всемірной борьбы между двумя рѣзкими и отвлеченными началами необходимости и свободы, тихо и безсмысленно влачилась жизнь духовная одичавшихъ семей, утратившихъ достоинство религіознаго развитія. Въ темныхъ образахъ, въ темныхъ сказаніяхъ, въ темныхъ представленіяхъ о чемъ-то сверхземномъ и безусловномъ, заключался какой-то слабый отголосокъ лучшаго духовнаго быта, едва слышный въ умственномъ снѣ племенъ, равнодушныхъ къ невидимому и занятыхъ только ближайшими, вещественными потребностями. Къ этимъ племенамъ доходили изрѣдка богатства мысли чистой или искаженной, но во всякомъ случаѣ пробуждающей сокровенную дѣятельность ума. Любознательные путешественники, предпріимчивые купцы и смѣлые колонисты переносили на Сѣверъ и на Югъ, къ народамъ, кочующимъ по вольному простору малонаселенной земли, понятія и религіи, развившіяся въ благодатныхъ странахъ южной Азіи около колыбели иранства и кушитства. На самыхъ отдаленныхъ точкахъ земного шара повторялись попытки нескладнаго синкретизма, какъ въ Греціи и Италіи, или неправильное броженіе, то просыпающееся, то впадающее снова въ безчувственный сонъ. Воинственныя или мирныя соприкосновенія отдѣльныхъ поколѣній и различіе именъ, которыми у каждаго изъ нихъ называлось верховное существо, имѣли уже необходимымъ послѣдствіемъ слабыя начала многобожія, или лучше сказать, склонность къ нему; ибо, собственно, многобожіе нигдѣ не существовало безъ примѣси кушитства. Положительныя знанія наши объ тѣхъ странахъ, до которыхъ не могло дойти вліяніе просвѣщенія Египетскаго или Финикійскаго, показываютъ въ кочевыхъ жителяхъ сѣверной Сибири, сѣверной Америки и острововъ, соединяющихъ оба материка, какую-то грубую беззаботность о мірѣ божественныхъ мыслей, но въ тоже время коренное понятіе единобожія, съ признаніемъ однаго или двухъ или множества служебныхъ духовъ. Мы не имѣемъ права предполагать въ древности у этихъ народовъ характеръ религіозный, противный современному.

Мы видѣли взглядъ пророка Ветхо-Завѣтнаго на ближайшихъ сосѣдей народа Еврейскаго и поняли всю важность его показанія; мы не должны также пренебрегать его взглядомъ на отдаленныя племена, приписанныя имъ къ родамъ Яфета и Сима. Обоимъ изречено благословеніе, но не обоимъ равное. Быть можетъ, предпочтеніе Симу объясняется происхожденіемъ самихъ Евреевъ; быть можетъ, Израильтяне находили менѣе религіозныхъ началъ, сходныхъ съ своимъ ученіемъ, въ поколѣніяхъ, которыхъ радоначальникомъ они считали Яфета. Разрѣшеніе вопроса могло бы повести къ ясному познанію человѣческаго просвѣщенія въ эпоху Моисея; но у насъ данныхъ недостаетъ для успѣха въ этомъ дѣлѣ. Ясно только, что Яфетиды считались племенемъ сѣвернымъ, а Семиты племенемъ, окружающимъ землю Ханаанскую со всѣхъ сторонъ, кромѣ Запада, и смѣшавшимся съ Хамидами во многихъ мѣстностяхъ, въ земляхъ Лудъ, Ассуръ, Себа и Гавила; но изъ нихъ намъ извѣстна только Ассирія. Семитическое начало въ Ассиріи оправдываетъ намъ позднѣйшій разсказъ другаго учителя, проповѣдывавшаго покаяніе въ роскошной Ниневіи, или предполагавшаго возможность такой проповѣди. Всѣ попытки для объясненія народовъ, исчисленныхъ въ древнѣйшей ихъ переписи, остались до сихъ поръ безполезны, и прибавимъ, что даже смыслъ слова Яванъ, принятаго за Элладу, подверженъ великому сомнѣнію; ибо хотя Грекамъ въ позднѣйшую эпоху дѣйствительно давалось это имя, но по памятникамъ словесности Санскритской, Яваны, кажется, совершенно совпадаютъ съ Ванадами.

Ванады и Ваны Индустана, Та-ванъ Китайцевъ и Ваны, Венды сѣверной Европы, представляютъ намъ только разныя формы однаго и того же имени, которое, въ соединеніи съ именемъ Азовъ, составило названіе Афганистана, *Аза-Вана*. Вспомнимъ еще, что Азъ и Альфъ однозначащи въ Скандинавской поэзіи; ибо мнѣніе, смѣшивающее Альфовъ съ Ванами, совершенно ложно, и въ пѣснѣ о сватовствѣ Фрейра его посланникъ говоритъ: „Я не изъ сильныхъ Азовъ, тоже, что̀ Альфы, я не изъ мудрыхъ Вановъ“, и т. д. При этомъ измѣненіи слова Азъ, мы получаемъ составное Альф-Ванъ, ясно тоже, что̀ Аф-ганъ. Не тоже ли составное имя Аз,-или Яз-ванъ перешло въ Яванъ? Это ближе чѣмъ Іонія. Но кто скажетъ, имѣетъ ли Яванъ Моисеевъ какое-нибудь сношеніе съ *Явана* Санскритскимъ?

Есть нѣсколько вѣроятности въ толкованіи слова *Мадаи*, какъ означающаго племя Мидійское. Сведя его съ Яванъ (будь они Эллины или Венды), мы имѣемъ двѣ отрасли такъ-называемаго Индо-Германскаго корня въ числѣ Яфетидовъ, и видимъ, что онъ представляется въ географіи Ветхаго Завѣта разрѣзаннымъ на двѣ области, Азіатскую и Европейскую, между которыми втѣснились Ассуръ и, можетъ быть, Арамъ Семитскіе. Не должно приписыватъ излишней важности этому показанію, и нельзя его оставлять совсѣмъ безъ вниманія: оно согласно со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ народовъ, которое во всѣ вѣка показываетъ намъ бо̀льшее сродство Европы съ Ирано-Индійскою системою, чѣмъ съ Армяно-Сирійскими племенами. Какъ бы то ни было, въ Моисеѣ нѣтъ слѣда религіозной вражды между Израилемъ и сѣверными народами, между тѣмъ какъ Ханаанъ и Египетъ являются ему гнѣздомъ разврата и чувственнаго безумія.

Позднѣйшіе писатели не даютъ намъ никакаго отчета о религіяхъ странъ, лежащихъ внѣ того пространства, которое заключало въ себѣ двѣ враждебныя стихіи Ирана и Куша. Набѣги Скиѳовъ на Персію, Вавилонію и Палестину, Кимвровъ или Киммерійцевъ на Малую Азію, Кельтовъ на Элладу и Италію, за-Каспійскихъ Туранцевъ на Иранъ, обогащаютъ исторію племенъ, но безплодны для исторіи вѣрованій. Китай, практическій и глубоко равнодушный къ отвлеченной жизни духа, не даетъ намъ ни малѣйшихъ данныхъ, кромѣ какихъ-то уродливыхъ картинокъ, въ которыхъ будто бы представлены боги Міаосовъ. Индія не знаетъ своей исторіи и ни слова не можетъ сказать объ остальномъ мірѣ. Замѣтно въ нѣкоторыхъ поэтическихъ сказкахъ, что Индустанцы предполагали своихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей поклонниками той же Брахманской системы; по крайней мѣрѣ это замѣтно въ Гаривансѣ. Видно также, что имъ что-то было извѣстно объ огнеслуженіи Иранскомъ (Калаявана приноситъ жертву огню); но самыя произведенія, изъ которыхъ можно почерпать эти бѣдныя свѣдѣнія, не принадлежатъ къ глубокой древности.

Такъ, напримѣръ, разсказъ о ссорѣ между великимъ царемъ, обладателемъ міра, Висва-Митра и брахманомъ Васишта за символическую корову, о побѣдѣ безоружнаго брахмана и о пламенномъ покаяніи, посредствомъ котораго царь изъ касты кшатрія достигаетъ брахманскаго достоинства, разсказъ, которому приписывали великую древность, потому что онъ находится въ Рамаянѣ и Магабаратѣ и содержитъ мысль о возможности перехода изъ касты въ касту,—не смотря на все это, есть произведеніе довольно поздняго времени (т.-е. по-Македонскаго) и содержитъ простой нравственный или религіозный апологъ. Корова, за которую царь предлагаетъ брахману тысячи и тысячи стадъ и всѣ богатства, которыя могли быть придуманы воображеніемъ Индустанскимъ, представляетъ смиренную силу власти духовной, на которую хотѣли посягнуть воины. За этимъ преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. Варвары одни за другими выходятъ изъ нѣдръ земли по велѣнію Брахмы и плачу его смиренныхъ служителей. Земля Вактрійская, Персія, Греція присылаютъ своихъ безчисленныхъ воиновъ. Индія за преступную гордость царей наказывается нашествіемъ иноземцевъ-завоевателей; но всѣ они гибнутъ побѣжденные мечемъ непобѣдимыхъ кшатріевъ. Тогда загорается ярость самого брахмана, и сила вещественная гибнетъ, спаленная огнемъ силы духовной. Немощенъ воинъ передъ брахманомъ, немощно оружіе всѣхъ боговъ, даже Мага-Девы и Вишну, передъ словомъ ученія и словомъ проклятія, невидимыми оружіями Брахмы. Миѳъ простой, призывающій къ смиренію передъ хранителями мудрости религіозной и относящійся къ такому времени, когда потоки сѣверо-западныхъ народовъ перестали врываться въ Индустанъ, т.-е. къ промежутку между Пароянами и Аравитянами. Можно даже предположить, что нравоучительный апологъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ до насъ дошелъ, не древнѣе побѣды брахманства надъ буддаизмомъ, т.-е.

третьяго или четвертаго вѣка послѣ Р. Х., слѣдовательно гораздо моложе Рамаяны, хотя разсказываетъ происшествіе, которое должно бы было предшествовать жизни Рамачандра. Очѣвидно, тутъ лица историческія приняты не какъ лица, а какъ основа для аполога. Впрочемъ, всѣ творенія Индустанской поэзіи, которыхъ древность не подвержена сомнѣнію, молчатъ о внѣ-Индустанскихъ богахъ.

У Скиѳовъ, которыхъ Греки смѣшивали съ народомъ Саковъ, совершенно инаго происхожденія, нашли мы имя божества Таргитаосъ (Тенгри-Таушъ), которое явно представляетъ форму доселѣ существующую *), Тенгри, въ смыслѣ бога или неба. Слишкомъ смѣло было бы по такой слабой примѣтѣ предположить, что постоянство имени есть признакъ постоянства религіозной мысли; но съ другой стороны, отвѣтъ Скиѳскихъ посланниковъ Александру: «мы только однаго боимся, какъ бы небо не упало намъ на голову», принятый Греками какъ хвастовство, едва ли не указываетъ также на поклоненіе небу какъ высшему богу. Тоже самое желтое племя на восточномъ краю Азіи, въ просвѣщенномъ Китаѣ, признавало Ѳіангъ (небо) за первое начало всего; а нельзя не узнать въ Ѳіангъ корень слова Тенгри. Вездѣ присутствуетъ понятіе единобожія, и ни одно свидѣтельство не опровергаетъ этаго предположенія.—Сѣверная оконечность Америки, безспорно населенная Финскими племенами, принадлежащими къ средне-Азійскому отдѣленію народовъ, но давно уже оторвавшаяся отъ материка Азіатскаго, представляетъ туже первоначальную духовность вѣрованія и туже слабость въ его развитіи. На протяженіи двѣнадцати тысячъ верстъ, раздѣляющихъ Огненную Землю отъ новооткрытыхъ береговъ и острововъ Сѣвернаго океана, живетъ несчетное множество отдѣльныхъ человѣческихъ семей, потерянныхъ въ глуши безвыходнаго лѣса или безграничной степи, разрозненныхъ величайшими рѣками всего міра, непроходимымъ моремъ озеръ и болотъ и горами, которыхъ снѣжная высота уступаетъ только Гималайской твердынѣ. Всякое общеніе и единство между этими семьями

---

*) Въ языкахъ Тюркскихъ. *Изд.*

потеряно. Сѣмя словесное разрослось такъ своевольно, такъ прихотливо, что трудъ этимолога для одной Америки превзошелъ бы всѣ труды этимологовъ остальной земли. Измѣненія въ очеркахъ лица, въ складѣ тѣла и въ цвѣтѣ кожи также многочисленны, какъ и въ формѣ нарѣчій; физіономіи переходятъ отъ оклада Финскаго и Турецкаго почти до Африканскаго; цвѣтъ отъ свѣтложелтаго почти до чернаго. При всемъ томъ, съ большей или меньшей чистотою выдаются двѣ стихіи, уже знакомыя намъ по другимъ материкамъ. Мулатъ Иранскаго или Семитическаго племени съ Негромъ даетъ всѣ видоизмѣненія, замѣченныя въ Египтѣ, Абиссиніи и Индіи; ибо преобладаніе очерковъ бѣлаго рода, соединеніе съ преобладаніемъ темнаго цвѣта кожи, объясняется тѣмъ, что бѣлоликіе народы, отъ дѣйствія климата и солнца, уже получаютъ сильный нагаръ, и что одно поколѣніе Негровъ при смѣшеніи съ тремя поколѣніями Аравитянъ или Южно-Иранцевъ даетъ такаго же смуглаго Мулата, какъ и при смѣшеніи съ однимъ поколѣніемъ Европейцевъ; но черты теряютъ почти весь свой Негрскій характеръ. Отъ этого тамъ, гдѣ около экватора племя представляетъ обыкновенныя черты Мулата и признаки равнаго смѣшенія стихій, тамъ цвѣтъ его приближается къ чисто-Негритянскому. Это простая, наглядная истина, въ которой невозможно сомнѣваться и которая давно бы уже была признана, если бы односторонняя система, отыскивающая въ Индустанѣ колыбель бѣлаго племени, не скрывала отъ ученыхъ глазъ самыхъ ясныхъ и безспорныхъ фактовъ. Но до сихъ поръ обращали вниманіе только на Мулата изъ бѣлаго и чернаго племени, и поэтому видѣли въ Полинезійцѣ особенный родъ людей, которымъ необходимъ коренной родоначальникъ. Безполезно бы было строить теоріи и разсуждать о возможности смѣлыхъ мореплаваній въ такой глубокой древности, въ которой, по мнѣнію многихъ знатковъ этого дѣла, человѣкъ еще долженъ былъ ходигь на четвереньках; но должно сказать, что если бы догадались, что желтое племя можетъ, такъ же какъ и бѣлое, соединяться съ чернымъ, давно бы замѣтили, что эта смѣсь въ разныхъ степеняхъ даетъ всѣ очерки и цвѣтъ Полинезійца, Папу или Австралійца.

Про это надобно спросить у любаго живописца. Всякій изъ нихъ, взглянувъ на этого колченогаго дикаря, съ толстыми губами и широкимъ ртомъ, съ выпятившимися и вытянутыми ушами, съ рѣдкими волосами на бородѣ и на тѣлѣ, съ приплюснутымъ носомъ, съ выдающимися скулами, съ жирными, черными, иногда вьющимися, иногда висящими, волосами на головѣ, и съ коричневою кожею, которая представляетъ счастливое сочетаніе охры съ черноземомъ или жженою костью, скажетъ вамъ не обинуясь: это Мулатъ изъ Негра и Финна.—Но возможность еще не доказываетъ факта.

Очевидно, что предположеніе самобытнаго оливковаго племени (даже самое названіе нисколько не выражаетъ особенности типа Полинезійскаго) остается предположеніемъ совершенно произвольнымъ и также мало содержитъ въ себѣ коренной истины, какъ названіе зеленой краски первоначальною. Религіозное его развитіе, неопредѣленное и грубое, но содержащее въ себѣ основу чисто-стихійную или вещественную, находится также въ логической (хотя бы и случайной) связи съ строгимъ развитіемъ кушитства въ формахъ буддаизма, ѳиваизма и фетишизма. Есть нѣсколько острововъ на безконечномъ просторѣ Тихаго океана, въ которыхъ отзывается начало Средне-Азійское въ лицахъ, также какъ и въ вѣрованіяхъ; есть даже нѣкоторые слабые отзывы корня общаго съ Семитами и Иранцами, напр. въ словѣ *Эла* и *Элаа*, означающемъ иногда солнце, иногда Бога, или **Тіи** въ смыслѣ духовъ; но Отагейти, съ своею чувственною жизнію, кровожадность Новой Зеландіи и ея мрачная религія, остатки строеній, превышающихъ теперешнюю силу и способности одичавшихъ островитянъ, фетишизмъ и таинственность, не имѣющая нравственнаго характера, сродство нѣкоторыхъ нарѣчій и великая обрядность, при недостаткѣ религіознаго смысла, все связываетъ Полинезію болѣе съ системою Африки, чѣмъ съ жизнію Средней Азіи.

Материкъ Американскій, весьма недавно поступившій въ область просвѣщенія и знанія человѣческаго, давно уже посѣщенный безстрашными судами сѣверныхъ удальцевъ (еще въ концѣ десятаго вѣка), можетъ быть еще ранѣе оставившій о себѣ преданіе въ памяти южныхъ народовъ подъ именемъ Атлантиды, этотъ материкъ представляетъ намъ въ глубокомъ Сѣверѣ племя, совершенно сходное съ Сѣверно- или Средне-Азійскимъ. При теперешнемъ состояніи науки, уже не позволительно сомнѣваться въ тождествѣ Лабрадорцевъ, Гренландцевъ, жителей Алеуто-Курильской системы и Сѣверо-восточной Сибири. Лица, языкъ, обычаи, все обличаетъ ихъ родовое единство. Вопросъ же объ ихъ переселеніи и о томъ, какъ они перебрались съ острова на островъ отъ береговъ Камчатки до береговъ Америки, останется навсегда неразрѣшеннымъ и недостойнымъ разрѣшенія. Частный фактъ получаетъ значеніе историческое только въ связи съ судьбою всего человѣчества. Когда онъ признанъ и понятъ въ своей общности, подробности его годны только для празднаго досуга ученыхъ; для міра—исторія его уже извѣстна. Характеръ религіи, если можно дать такое названіе темнымъ сказаніямъ дикихъ племенъ, совершенно сходенъ съ вѣрою тѣхъ Сибирскихъ народовъ, которые не приняли въ себя Буддаистскаго шаманства. По крайней мѣрѣ, явнаго буддаизма въ нихъ никто не замѣчалъ, и должно предположить, что время ихъ переселенія древнѣе распространенія Кушитскаго начала на Сѣверо-Востокѣ, и что нравственная духовность ихъ вѣрованія происходитъ отъ древняго общаго источника, не измѣненнаго еще никакою чуждою примѣсью.

Собственно-Американское племя, несправедливо названное краснокожимъ, занимаетъ весь материкъ, кромѣ сѣверной оконечности.

Признавая невѣрность прозвища краснокожихъ, мы не должны приписывать излишней важности названіямъ, такъ сказать, живописнымъ. Дѣйствительно, тѣ которые, многословно толковали объ этомъ словѣ, забывали, что Европейцевъ звали бѣлыми и Негровъ черными. Хороша бѣлизна и чернота! Такія прозвища содержатъ только относительно правду, и на этотъ счетъ можно повѣрить простолюдинамъ. Ихъ чувство рѣдко обманываетъ въ наглядныхъ наблюденіяхъ.

Всѣ подраздѣленія Американскихъ народовъ, не смотря на довольно значительныя разницы между ними, очевидно принадлежатъ къ одному типу. Делаваръ, Ботокуди и Патагонецъ представляютъ между собою различія рѣзкія, но эти различія встрѣчаются вездѣ и во всѣхъ вѣтвяхъ одного племени. Въ Америкѣ весьма часто нарѣчія двухъ поколѣній поражаютъ своимъ сходствомъ, а физіономіи своимъ несходствомъ; весьма часто, на оборотъ, — сходство физіономій сопровождается несходствомъ нарѣчій; но складъ лица менѣе подверженъ измѣненіямъ, чѣмъ слово (образъ мысли человѣческой, но также и произвола человѣческаго). Слегка орлиный носъ, довольно полныя губы, рѣдкіе и жидкіе волосы, лобъ откинутый назадъ, выдавшіяся скулы, малыя и тонко очерченныя оконечности, отличаютъ всѣхъ краснокожихъ. Цвѣтъ ихъ, внѣ Америки, замѣченъ на иныхъ островахъ подъ - экваторной Полинезіи и, кажется, вездѣ есть признакъ бѣлоликой примѣси къ Мулату племенъ желтаго и чернаго. Вообще, всѣ наружныя примѣты также мало оправдываютъ самостоятельность Американской или красной отрасли человѣчества, какъ и Полинезійской или оливковой. Но повторимъ, что возможность есть во всякомъ случаѣ только поводъ къ сомнѣнію, а не къ положенію догматическому.

Средняя Америка одна представляетъ намъ религіозный центръ съ опредѣленнымъ характеромъ и замѣчательнымъ развитіемъ. Мексика и Перу, Азтеки и Тольтеки, Инкасы и Москосы *) оставили по себѣ слѣды вѣрованія, образовавшагося въ полную систему, и памятники достойные сравненія съ Индустаномъ и Египтомъ. Письменныя показанія завоевателей, размочившихъ кровью землю, открытую благороднымъ подвигомъ Христофора Колумба, и затоптавшихъ въ кровавую грязь крестъ, принесенный Колумбомъ, заслуживаютъ столько же вѣры, сколько дѣла ихъ заслуживаютъ славы. У мертвыхъ камней должны мы спрашивать отвѣта о прошедшемъ бытѣ Американскихъ народовъ; свидѣтельство Европейцевъ служитъ развѣ къ пополненію нашихъ свѣдѣній. Только ясное понятіе о характерѣ двухъ первоначальныхъ вѣрованій можетъ уяснить намъ мракъ, покрывающій древность Америки, а взглядъ на

---

*) Или Муискасы: древле-культурный народъ, сосѣдній съ Перуанцами. *Изд.*

ея памятники можетъ подтвердить выводы, сдѣланные изъ сличенія религій, давно уже извѣстныхъ.

Позволительно еще говорить о туземствѣ краснокожихъ; но смѣшно говорить о туземномъ началѣ ихъ религіознаго просвѣщенія. Тождественность—не обрядовъ, которые ничего не значатъ, потому что одинъ и тотъ же обрядъ получаетъ разные смыслы отъ своей обстановки, но тождественность характера между Средней Америкой и областями Кушитскаго образованія поражаютъ самаго невнимательнаго наблюдателя. Тѣже громады храмовъ и зданій, тоже безуміе каменосѣчцевъ, тѣже формы въ своей второй эпохѣ, т.-е. въ переходѣ отъ пещеры къ пирамидѣ съ сохраненіемъ глубокихъ таинственныхъ святилищъ, тоже неистовство разврата, тоже поклоненіе производительной силѣ вещества, и особенно таже святость змѣя, которая такъ рѣзко отдѣляетъ Египто-Финикійскій міръ отъ Иранскаго. Первоначальное поклоненіе змѣю, какъ астрономическому символу, есть, какъ мы уже сказали, безмыслица, не заслуживающая опроверженія. Изъ этаго совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ змѣй не перешелъ въ звѣздную повѣсть (первая форма ученаго описанія); напротивъ, символическая важность его на землѣ должна была дать ему и въ небѣ мѣсто не послѣднее; но это дѣло позднѣйшаго знанія. Въ Мексикѣ змѣй не принадлежитъ еще астрономіи: онъ сохраняетъ свое первоначальное, высоко-философское значеніе. Шиваизмъ, кромѣ имени (но имя ничего не значитъ, ибо оно только прозвище), не измѣнился. Фаллосъ и змѣй, безстыдство и вещественность, знакомыя намъ издревле по сказаніямъ Израиля и памятникамъ ваянія, опять встрѣчаютъ насъ на развалинахъ Мексиканскаго царства. Имя великаго бога содержитъ въ себѣ коренное слово *змѣя*. Символъ грозной богини опять змѣя [1]). Добро и зло нравственное еще не входили въ систему религіи. Поклоняются жизни, только жизни одной, только вещественно проявляющейся силѣ. Не нужно далеко слѣдить это сравненіе; не нужно показывать, что во многихъ мѣстахъ даже сохранилась память о борьбѣ двухъ органическихъ полюсовъ, Шивы и Кали, Зевса и Иры, изображенныхъ, между прочимъ, домашнимъ раздоромъ стараго Бохака или Цухе и его молодой жены Хіу [2]). Такихъ признаковъ множество;

---

[1]) Ср. Gesch. der Amer. Urrelig. Müller. 481 и сл. (1855 г.). *Изд.*

[2]) Сказаніе Муискасовъ. *Изд.*

но тотъ, кому уже извѣстенъ ходъ древнихъ религій вообще, отыщетъ ихъ легко и пойметъ внутренній смыслъ всей системы. Поистинѣ, хотя змѣя и довольно значительное животное, красивое, разнообразное и страшное, но выборъ ея, какъ эмблемы, не такъ уже простъ и естественъ, чтобы всякому народу, выходящему изъ безсмыслія дикой жизни къ просвѣщенію ума, надобно было непремѣнно наткнуться на него. Глубокое значеніе этаго отвлеченнаго символа, въ которомъ олицетворена сила необходимо-живущаго вещества, сдѣлалось понятнымъ для насъ черезъ изученіе двухъ враждебныхъ вѣръ, родившихся на верховьяхъ Евфрата и Нила; самый символъ открываетъ намъ основу забытой религіи, нѣкогда царствовавшей въ Средней Америкѣ. Первоначальное преданіе, сохраненное въ древнѣйшемъ изъ письменныхъ памятниковъ, обнимаетъ собою всѣ эти вѣры и само выказываетъ свой глубоко-таинственный смыслъ, скрытый подъ разнообразіемъ измѣняющагося миѳа, но всегда дающій миѳу опредѣленный характеръ начала свободно-творящаго и нравственнаго, или необходимо-производящаго, закованнаго въ вещественныя узы и чуждаго всякой свободы и всякаго нравственнаго значенія. Африка живетъ въ Америкѣ передачею духа и ученія, безспорно—передачею и племеннаго своего начала. Исчезаніе шиваизма и именно Шивы, съ именами Саба или Сабу, по мѣрѣ того, какъ міръ острововъ рѣдѣетъ на безграничности Тихаго океана, не должно насъ удивлять. Присутствіе имени важно, отсутствіе его ничего не значитъ; ибо названія боговъ мѣняются легко, не измѣняя коренной идеи: Кали, Бгавани, Дурга, Рудра, Шива, Магадева въ самой Индіи употребляются почти безъ разбора. Съ измѣненіями языка, съ привитіемъ новой мысли, можетъ измѣниться имя верховнаго бога и исчезнуть безъ слѣда изъ народной памяти. Мексиканскій Вотанъ, котораго конечно не выдумали Европейцы, носитъ на себѣ всѣ отпечатки Будды Азіатскаго (Фо-та Китайскій). Описаніе его лица, сохраненное преданіемъ, его странствованія, такъ живо напоминающія бродящую жизнь будаизма, связь его со змѣемъ (ибо онъ самъ себя назвалъ змѣемъ), цвѣтъ одежды, данной имъ сословію (не кастѣ) жрецовъ и въ которомъ преобладаютъ священныя краски Буддаистовъ, желтая и черная, болѣе же всего собственное его показаніе о себѣ, что онъ третій Вотанъ, показаніе, въ которомъ отзывается мнѣніе о безпрерывномъ аватарѣ великихъ пророковъ буддаизма и о періодическихъ воплощеніяхъ самого Будды, все это не позволяетъ намъ сомнѣваться въ тождествѣ имени Вотанъ и того таинственнаго имени, которое изъ нѣдръ земли Кушитской проникло въ Индію, Тибетъ, Китай, Японію и острова Юго-восточнаго моря, призывая всѣ племена людскія къ одному знамени: пантеизма *). Тѣ, которымъ буддаизмъ кажется реформою Брахманскаго ученія или самобытною вѣрою, созданною философскимъ направленіемъ Индустана, тѣ, которымъ Будда является въ непремѣнной связи съ кроткимъ и созерцательнымъ развитіемъ новаго буддаизма, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, подъ тѣнію широколиственной пальмы, тѣ не могутъ уже понять имени Вотана въ жестокой системѣ Мексиканской вѣры и въ столь кровожадныхъ обрядахъ, что они безъ всякаго преувеличенія были пагубнѣе для человѣчества, чѣмъ постоянная моровая язва. Для тѣхъ, которые поняли, что буддаизмъ первоначальный былъ постояннымъ спутникомъ шиваизма, таинственною изнанкою этой чисто-вещественной религіи, ясенъ смыслъ загадки, представленной намъ Мексикою. Будда не разставался съ Шивою даже тогда, когда шиваизмъ освирѣпѣлъ въ борьбѣ своей съ иранствомъ. Можетъ быть, слова Кабреры: „Вотанъ говорилъ, что онъ Хивимъ“, показываютъ даже связь словъ Будда и Шива: ибо, хотя переходъ звука *х* въ *ш* и казался сомнительнымъ нѣкоторымъ Германскимъ ученымъ, онъ не подверженъ сомнѣнію для знающаго Славянскій языкъ. Обратный переходъ точно также возможенъ. Соединеніе же Будды-Вотана и кровожаднаго шиваизма оправдываетъ бѣдныхъ брахмановъ, которыхъ обвиняли въ клеветѣ, когда они говорили про буддаизмъ: „это была вѣра людей *настика* (безбожниковъ), дозволяющая человѣческія жертвоприношенія“. На повѣрку, брахманы знали дѣло лучше своихъ критиковъ.—Принявъ такимъ образомъ древность будо-шиваизма въ Средней Америкѣ и убѣдившись, что онъ уже введенъ былъ въ своемъ искаженномъ видѣ, т. е. въ эпоху раздраженія, произведеннаго долгою борьбою съ Западно-Иранскою вѣрою, мы не думаемъ отрицать вторичнаго вторженія буддаизма въ Мексику и Перу, хотя оно нисколько еще не дока-

---

*) А. Гумбольдтъ держался мнѣнія о тождествѣ Будды и Вотана. *Изд.*

зано и только основано на сильной вѣроятности. Движенія народовъ Американскихъ, сколько они намъ извѣстны, представляютъ величайшее сходство съ такими же явленіями на Азіатскомъ и Европейскомъ материкѣ. Нашествіе Сѣвера на Югъ и почти постоянное торжество Сѣвера, удаленіе побѣжденныхъ въ страны неудобныя для жительства человѣческаго, одичаніе побѣжденныхъ и освирѣпѣніе побѣдителей, вражда, начинающаяся отъ самолюбія или корыстолюбія племенъ, и всѣ пороки, развивающіеся отъ жаркаго пара человѣческой крови, все это въ Америкѣ, какъ и вездѣ. Только должно замѣтить, что подъ-экваторныя горы не служили, или рѣдко служили, убѣжищемъ для побѣжденныхъ народовъ. Свѣжесть вольныхъ высотъ и ихъ здоровый климатъ были слишкомъ сильною заманкою для побѣдителей. Такова причина, почему богатыя равнины на вершинѣ горныхъ хребтовъ и свѣтлыя ихъ озера дѣлались центромъ самыхъ образованныхъ государствъ. Такова причина, почему Югъ и Сѣверъ Америки не имѣютъ ничего подобнаго аристократическому раздѣленію народовъ, а центральныя области представляютъ сильное развитіе этаго начала. Были вездѣ нашествія и напоры племенъ другъ на друга; но дикари легко мѣняли свои кочевья и удалялись въ другія привольныя страны. Осѣдлыя и уже образованныя поколѣнія перешейка, соединяющаго сѣверный и южный полуострова, также и жители Перуанской твердыни, нелегко разставались съ своей благословенной родиной. Побѣжденные, они склонялись подъ иго и падали на степень касты плебейской. Этотъ простой фактъ объясняетъ сохраненіе преданій довольно подробныхъ о судьбахъ народовъ, давно исчезнувшихъ. Преданія сохранялись плебеями, и исторія прежняго Тольтекскаго царства жила въ памяти Индѣйцевъ Мексики, уже покоренныхъ воинственными Азтеками. Трудно опредѣлить хронологію незаписанныхъ происшествій; но нельзя отрицать замѣчательный синхронизмъ въ основаніи Перуанскаго государства и въ первомъ нашествіи поколѣній Азтекскаго племени на упадающее царство Тольтековъ. Быть можетъ, этотъ синхронизмъ не совершенно случайный; ибо трудно считать Инкасовъ (или Инка) за потомковъ одного завоевателя. По крайней мѣрѣ, огромное ихъ размноженіе въ короткій срокъ приписанный ихъ царствованію, очень невѣроятно, и можно бы предположить, что Инка было названіемъ цѣлой миграціи, принесшей съ Сѣвера, въ область Куско и Лимы, обычаи, образованность и гражданское устройство своей родины, изъ которой они были изгнаны или междоусобицей или начинающимся вторженіемъ иноземцевъ. Движенія Хихимековъ, Нахуальтековъ, Акольхуановъ и Азтековъ къ Югу не были единовременны, но послѣдовательны; завоеванія ихъ были медленны, и сплавленіе ихъ въ одно могучее царство относится ко времени довольно позднему, въ сравненіи съ первымъ ихъ нашествіемъ. Къ промежутку между паденіемъ Тольтекскаго государства и возстановленіемъ новаго, павшаго въ послѣдствіи предъ силою вооруженныхъ дикарей Гишпаніи, можно бы отнести миграцію Инковъ и основаніе Перуанской державы [1]). Но съ другой стороны, преданіе мѣстное о бѣлизнѣ и не-Индѣйскомъ складѣ Манко-Капака [2]) ничѣмъ не опровергнуто; оно даже подтверждается бѣлизною всей Инкасской семьи, не смотря на попытки объяснить это отличіе единственно вліяніемъ довольства и удаленія отъ всякаго труда. Мексиканецъ не могъ бы показаться бѣлымъ человѣкомъ въ глазахъ Перуанца, тогда какъ разница цвѣта между ними почти ничтожна. Почти невозможно отрицать нетуземное происхожденіе царственнаго дома у Перуанцевъ; но примѣты, по которымъ должно бы было опредѣлить его родину, такъ неясны, что изъ нихъ ничего положительнаго извлечь нельзя. Къ какому бы племени ни относились Инки, очевидно они менѣе представляютъ данныхъ для разрѣшенія вопросовъ о первобытномъ просвѣщеніи и населеніи Америки, чѣмъ преданія, сохраненныя въ Мексикѣ. Развитіе сабеизма не имѣетъ рѣзкаго характера, который замѣченъ въ Мексиканской религіи; оно могло быть послѣдствіемъ первыхъ познаній астрономическихъ, поразившихъ воображеніе невѣжественнаго народа. Языкъ Квихуа, введенный насильно Инками, носитъ на себѣ весь отпечатокъ туземства, но на этомъ нельзя основать предположенія о туземствѣ самой семьи. Власть ея распространялась мало-по-малу, а поэтому языкомъ придворнымъ или государственнымъ могло сдѣлаться нарѣчіе перваго округа, признавшаго власть ея. За всѣмъ тѣмъ, изученіе языка Квихуа и чуждыхъ словъ, вкравшихся въ него, дало бы, вѣроятно, средство опредѣлить самую родину историческаго Манко-Капака; но этотъ трудъ еще не начатъ, и во всякомъ случаѣ результаты его могутъ имѣть только частную, а не общеисторическую важность. Огромные труды, предпринятые или исполненные родомъ Инка, заслуживаютъ нашего вниманія. Ихъ большая дорога превосходитъ почти всѣ другіе памятники, подобные ей. Горы прорѣзаны, громады камней, утвержденныхъ на днѣ болотъ и овраговъ, обезпечиваютъ сообщеніе двухъ великолѣпныхъ столицъ; зданія, посвященныя богослуженію, освящаютъ дѣло государственной мудрости; внутри и на краяхъ царства поднимаются почти несокрушимые валы крѣпостей, грозившихъ дикимъ и враждебнымъ племенамъ, и все это совершено въ такое короткое время и въ такихъ исполинскихъ размѣрахъ, что изумленный Европеецъ платитъ памяти погребеннаго рода царей невольную дань почтенія. Но замѣтимъ, что строительный характеръ въ Перу такъ же мало имѣетъ первобытной самостоятельности, какъ его религія. Зданіе, посвященное общей пользѣ, заслуживаетъ похвалу; огромность его обличаетъ силу воли и могущество устройства общественнаго. Римъ, Китай, и въ нашъ вѣкъ Англія, представляютъ безспорно образцы достойные подражанія; но самая польза зданія указываетъ уже на позднюю эпоху въ человѣческомъ развитіи. Маленькая пещера, вырытая безъ нужды въ гранитныхъ нѣдрахъ пустынной горы, болѣе свидѣтельствуетъ о зодческомъ стремленіи народа, чѣмъ милліоны кубическихъ саженей камня, поднятые крѣпостнымъ валомъ или погруженные въ морскую глубину для защиты торговыхъ кораблей. Пещеру вырылъ жаръ страсти, твердыня крѣпости или пристани создана расчетливостью ума. Въ Перу преобладаетъ государство; въ Мексикѣ самое государство, очевидно, подчинено вѣрѣ. Перу, по своему устройству, по своей внутренней жизни, болѣе чѣмъ Мексика, напоминаетъ Восточную Азію. Суровое государство, кроткая вѣра, отсутствіе аристократизма (кромѣ царскаго рода), личность принесенная въ жертву обществу, царь-первосвященникъ, все это принадлежитъ столько же государству Американскому, какъ и Китаю. Мексика во всѣхъ отношеніяхъ носитъ клеймо южныхъ Азіатскихъ странъ или Египта. Воинственная аристократія, могущество цѣлаго народа жрецовъ, кровавая и развратная религія, силы народа, посвященныя сооруженію великолѣпныхъ, но безполезныхъ зданій, глубокія пещеры, вырытыя человѣческою рукою, жертвы человѣческія, все напоминаетъ чисто-Шиваитское государство. Съ другой стороны, должно признать, что нарѣчія Мексиканскія, грубыя, склонныя къ учащенію согласныхъ, къ одногласности и почти лишенныя грамматическихъ измѣненій, ближе къ характеру Восточно-Азіатскому; а языкъ Квихуа мягкостью, гибкостью и грамматическимъ своимъ строеніемъ напоминаетъ южную и юго-западную Азію. Но всему этому не должно приписывать излишней важности. Большее или меньшее преобладаніе одной стихіи въ языкѣ, соединенное съ преобладаніемъ противоположной стихіи въ религіи, понятно въ земляхъ, которыхъ населеніе имѣетъ два источника, сѣверный, т. е. народовъ Средне-Азійскихъ, и западный, т. е. народовъ Юго-Азійскихъ, между тѣмъ какъ религія была одна и таже, Кушитская, въ разныхъ своихъ развитіяхъ, т. е. будаизма и шиваизма. Въ землѣ Инкасской незамѣтно завоеванія, основывающаго государство, а только завоеваніе, распространяющее его: этимъ объясняется отсутствіе коренной аристократіи. Народъ и формы языка менѣе представляютъ сходства съ ближайшею Японіею и Китаемъ, чѣмъ съ дальнею системою западной Полинезіи. Въ исторіи Перу нѣтъ борьбы религіозной: это простая повѣсть о племени, одичавшемъ на свободномъ просторѣ населенной страны, и тихо вызванномъ къ лучшей жизни общественнаго быта дѣйствіемъ неизвѣстнаго просвѣтителя, пробудившаго дремлющую силу ума и принесшаго съ собою безцвѣтную вѣру сабеизма. Таже самая религія замѣтна и въ областяхъ, лежащихъ на Сѣверъ и Сѣверо-востокъ отъ Перуанскаго царства; но вѣра, также какъ и просвѣщеніе, рода Тунка безспорно гораздо древнѣе рода Инка и потому можетъ считаться источникомъ Перуанской образованности. Съ другой стороны, самые Тунка, хвалившіеся глубокою древностью, которой начало относилось по ихъ преданію къ пятому или шестому вѣку до Р. Х., говорили, что вѣра принесена къ нимъ изъ восточныхъ равнинъ, бѣлоликимъ пришельцемъ, божественнымъ Бохикою. Не указаніе ли это на сабеизмъ Востока, на солнцепоклонство Финикіянъ или ихъ Иверскихъ колоній (Гишпаніи и Ирландіи)? Хотя дѣйствительно у Тунка власти жреческая и царская были раздѣлены; но выходецъ изъ ихъ страны, потомокъ бѣлоликаго Бохики, переходя въ землю чуждую, долженъ былъ ихъ соединить въ своемъ лицѣ и дать новоустроенному государству въ Лимѣ ту силу сосредоточенія и ту слабость религіознаго начала, которыя мы въ немъ замѣчаемъ.—Иная была судьба Мексики. Въ ней нѣсколько разъ возникало и гибло просвѣщеніе; въ ней происходила вѣковая борьба племенъ, вѣроятно и религій: ибо преданіе сохранило память о какомъ-то кроткомъ служеніи, предшествовавшемъ кровожадной вѣрѣ Азтековъ. Новѣйшія открытія помогаютъ намъ угадывать несмѣтное богатство художественныхъ произведеній и историческихъ памятниковъ древней Мексики. Несокрушимые пирамиды и храмы свидѣтельствуютъ о славѣ мизраима: но какъ мало осталось отъ этихъ каменныхъ скрижалей его исторіи! Тоже и въ Средней Америкѣ. Пирамида Холулы представляетъ толщу равную (если не бо̀льшую по огромности основанія) Хеопсову гробу; цѣлые города, посвященные богослуженію, еще уцѣлѣли: путешественникъ удивляется стѣнамъ, которыхъ каждый камень вѣсомъ своимъ равняется обелискамъ Нильскихъ береговъ: но что̀ все это въ сравненіи съ сокровищами, погибшими въ войнахъ междоусобныхъ и иноземныхъ, скрытыми на днѣ озеръ, подъ слоями истлѣвшихъ растеній или въ непроходимомъ мракѣ вѣковыхъ лѣсовъ! Вѣроятно, погибшее не равнялось исполинскими размѣрами съ уцѣлѣвшимъ. Египетъ не создавалъ ничего огромнѣе своихъ пирамидъ или Өивскихъ храмовъ; Холула, Тестихуаканъ, Попотла и другіе сохранили вполнѣ доказательство предпріимчиваго зодчества прежнихъ Мексиканцевъ; но историческая важность памятника не размѣряется саженью. Маленькій бюстъ или урна съ рѣзьбою, или нагрудный амулетъ часто представляютъ для изученія древности данныя, которыхъ бы мы напрасно стали искать въ колоссахъ зодчества. За всѣмъ тѣмъ, разнообразіе типовъ въ изображеніяхъ человѣческихъ и разнообразіе самаго художества, грубость или совершенство произведеній, ли́ца, которыя носятъ на себѣ весь характеръ Американскаго туземца, или очерки Сундскаго населенія, или обликъ Средне-Азійскаго племени во всей его чистотѣ, доказываютъ безспорно, что издревле Америка была землею колоній, а Мексика сценою сильнаго столкновенія народовъ. Сомнѣніе, съ которымъ мелочная ученость и придирчивый скептицизмъ говорили о смѣлости доисторическихъ Колумбовъ, сомнѣніе, которое давно уже не существуетъ для безпристрастнаго и просвѣщеннаго ума, разрѣшено окончательно: Европа должна смиренно признать величіе эпохи, въ которой она сама еще не начинала жить, а Азія и Африка, теперь одичавшія, уже высылали свои колоніи за безпредѣльность океановъ на берега Австраліи, Полинезіи или Америки. Недавно смѣялись надъ самолюбіемъ Шведовъ и Датчанъ, которые приписывали себѣ открытіе новаго материка прежде Колумба; теперь это открытіе доказано, и мы знаемъ, что Біорнъ Асбрандсонъ, удалой сподвижникъ Вендскаго Пальна-Токи въ Юлинскомъ казачествѣ, былъ цѣлыхъ 30 лѣтъ военачальникомъ племени краснокожихъ или Эскимосовъ Лабрадорскихъ. Смѣялись надъ преданіями Ирландіи и Валлиса о западныхъ странахъ, имъ извѣстныхъ, объ островахъ св. Брандана и путешествіи Мадока-Апъ-Кисъ *); и это опять доказано свидѣтельствомъ Скандинавовъ и Аре-Марсона, который въ X-мъ вѣкѣ уже нашелъ въ Америкѣ давнишнюю Ирландскую колонію и землю Великую Ирландію. Странная судьба! Голодъ и угнетеніе человѣколюбивыхъ Англичанъ заставляютъ опять дѣтей Зеленаго острова искать спасенія въ землѣ, открытой ихъ вольными предками. Колонизація частная признана, нѣкоторыя стихіи ея открыты. Не должно забывать, что тоже дыханіе вѣтра, которое гнало бѣдныя суда Эрина и Свитіода черезъ океанъ Атлантическій, наполняло паруса Семитовъ и Кушитовъ; а конечно, береговые разбои Норманновъ менѣе давали имъ права достигнуть отдаленной Америки, чѣмъ предпріимчивость Финикійцевъ, давно уже оплывавшихъ Африку, или смѣлость моряковъ Индѣйскаго моря, торговавшихъ съ Китаемъ и Японіею и населявшихъ колоніями своими острова, раскинутые по Восточному океану.—Мексика, какъ мы сказали, имѣла форму правленія, составленную изъ ѳеократіи и аристократіи. Первая была плодомъ религіозной идеи, принесенной извнѣ; вторая имѣла корень свой въ завоеваніи. Азтеки покорили землю Тольтекскую, и прежніе жители сдѣлались низшею кастою. Бѣгство ихъ на Югъ ограничилось, безспорно, только частнымъ выселеніемъ, котораго слѣды еще не открыты, но, можетъ быть, найдутся въ Ароканцахъ или въ Патагонцахъ, оправдывающихъ

---

[1]) Полагаютъ, что царство Тольтековъ пало около 1051 г. Азтеки господствовали около ста лѣтъ. *Изд.*

[2]) Борода не свойственна вообще Американскимъ племенамъ. *Изд.*

---

*) По мнѣнію Catlin'a (N. Amer. Indians) Манданы было то племя, которое приняло культуру Европейскую, а самое имя ихъ онъ производитъ отъ Мадока. *Изд.*

старые разсказы объ огромномъ ростѣ Тольтековъ. Но самые Тольтеки были пришельцы съ Сѣвера и застали уже Мексику населенную другими племенами просвѣщенными; ибо Вотанъ и его религія, даже по Клавигеру, кажется древнѣе Тольтекскаго государства [1]), а много причинъ заставляютъ ихъ отнести къ эпохѣ еще ранѣе. Тольтеки были, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣе своихъ грубыхъ побѣдителей. Вѣра ихъ, чисто Кушитская, не была тою человѣческою рѣзнею, которую Гишпанцы застали и оправдали еще ужаснѣйшею рѣзнею. Большая часть зданій уцѣлѣвшихъ принадлежитъ еще Тольтекамъ, и весьма замѣтно, что художества у нихъ были болѣе усовершенствованы, чѣмъ въ позднѣйшее время. Вѣроятно даже, во время владычества Азтековъ, подвластнымъ Тольтекамъ были предоставлены всѣ ремесла и искусства, или по крайней мѣрѣ побѣдители занимали свое матеріальное просвѣщеніе отъ побѣжденныхъ: ибо на Сѣверъ отъ Мексиканскаго царства нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобнаго развитія. Въ долинѣ величественнаго Мешасебе и его притоковъ разсѣяны остатки строительства древняго, курганы, дороги, крѣпости, даже нѣкоторыя каменныя насыпи въ два и три яруса, указывающія на жилища народа образованнаго [2]); но все это напоминаетъ сѣверную Азію и не показываетъ религіознаго или художественнаго направленія. Многочисленность остатковъ опровергаетъ предположеніе о колоніи бѣлыхъ людей, пришедшихъ съ Востока. Сильное бѣлое племя не могло бы исчезнуть безъ слѣдовъ въ теперешнемъ населеніи Америки; а Карибы, которые сами себя называли бѣлыми, народъ морскихъ разбойниковъ, гроза островов и прибрежій морскихъ, едва ли когда-нибудь жили въ средиземіяхъ. Они пришли, по всѣмъ примѣтамъ, изъ Флориды и теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ и подвигались на Югъ, воюя, опустошая и кочуя по морской волнѣ, но не созидая себѣ прочнаго и устроеннаго жилища. Преданіе о томъ, что прежніе жильцы долинъ Мешасебе, Миссури и Арканзасъ двинулись на Югъ, заслуживаетъ вниманія. Хвастовство теперешнихъ дикарей о томъ, что это образованное племя бѣжало передъ ними, не совсѣмъ вѣроятно; но можно предположить, что тутъ была колыбель до-Европейскихъ завоевателей Мексики. На Югъ и Юго-востокъ Мексиканскаго царства, въ Юкатанѣ и Гватималѣ, мы находимъ тотъ же типъ, какъ и въ самой Мексикѣ; но религія не искажена была такою отвратительною кровожадностью. Памятники, богатые и украшенные разнообразною рѣзьбою, представляютъ меньшіе размѣры и простѣйшія формы. Народъ, покоренный нѣкогда Азтеками, не принадлежитъ племени Тольтекскому и, по всей вѣроятности, составлялъ коренное населеніе, которое было древнѣе самаго Тольтекскаго царства. Между любопытными ваяніями нѣкогда славнаго Палемке*) особенно замѣчательно множество рельефныхъ изображеній, которыхъ типъ отличается отъ теперешняго населенія Америки. Длинная голова, крутой орлиный носъ, высокій и круто назадъ откинутый лобъ, толстыя и слегка отвисшія губы, тонкая шея; ростъ высокій и гибкій, выраженіе лица воинственно-суровое: вотъ признаки этаго типа. Нѣмецкіе ученые видятъ въ немъ типъ Турецкій, характеризованный у Китайцевъ прозвищемъ конскихъ головъ. Ошибка довольна смѣшная! Такихъ Турокъ отъ роду не бывало, кромѣ тѣхъ земель, въ которыхъ Турки уже не Турки, а постояннымъ смѣшеніемъ съ племенами Семитическими измѣнили совершенно свою физіономію. Принимать Турка Европейскаго, Мало-Азійскаго, Армянскаго, Карабагскаго или Персидскаго за образецъ Турка все тоже, что считать Кариба племенемъ чернымъ потому, что въ южной Америкѣ Карибы, вырѣзавъ всѣхъ мужчинъ и взявъ себѣ женъ, мало по малу переродились и представили странное явленіе, повторявшееся нѣкогда на Кавказѣ,—народа, у котораго два нарѣчія, одно женское, другое мужское. Очевидно, описаніе Турка Китайскаго представляетъ намъ очерки совершенно чуждые коренному Турку, который безспорно принадлежитъ Финской семьѣ. Остается предположить, что Китайцы узнали вѣтвь Турецкую уже смѣшанною или, что Турки коренные суть отрасль Семитовъ, переселившаяся или загнанная въ Среднюю Азію. Древность описанія и нѣкоторые отзвуки языка Турецкаго, какъ въ корняхъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ, оправдывали бы предположеніе о Семитическомъ ихъ происхожденіи; но во всякомъ случаѣ, дѣло бы шло о Туркахъ первоначальныхъ и весьма сомнительныхъ, а не о теперешнихъ Средне-Азійскихъ Туркахъ, которые одни только могутъ быть приняты въ соображеніе. Памятники Палемке представляютъ не Турецкій, но Семитическій типъ, до сихъ поръ явный въ Армянахъ, отчасти въ настоящихъ Грузинахъ, а особенно въ Евреяхъ.

---

[1]) Вотана считаютъ богомъ древнѣйшихъ обитателей, „Маіаевъ". *Изд.*

[2]) Ср. Catlin, N. Am. Indians 2 т. 259. *Изд.*

---

*) Авторъ пользовался здѣсь книгой Incidents of travel in Jucatan, Stephens 1843 г. *Изд.*

т.-е. въ семьѣ Араратской. Древность его доказана Египетскимъ портретомъ Ровоама, побѣжденнаго Фараономъ[1]), и хотя фигуры въ ваяніяхъ Американскихъ сравнительно весьма грубо обрисованы, но сходство коренное неоспоримо. Если бы цвѣтъ кожи былъ сохраненъ, то вопросъ бы былъ разрѣшенъ; но нельзя полагаться на твердость краски, подверженной вліянію воздуха въ продолженіе столькихъ вѣковъ; отсутствіе же бороды не должно считаться отрицательнымъ признакомъ. Во всякомъ случаѣ, жители Юкатана и Гватималы уже не похожи на эти старые портреты. Народъ прежній исчезъ съ лица земли или измѣнился отъ примѣси другихъ племенъ; но нѣтъ сомнѣнія, что Мексика въ древности составляла одно цѣлое съ южными пограничными областями. Тольтеки, также какъ и позднѣйшіе Азтеки, были пришельцами съ Сѣвера и по всей вѣроятности составляли одно племя, подвинувшееся на Югъ въ двѣ разныя эпохи. Окончаніе имени народнаго, также и самое сохраненіе древнихъ преданій, не смотря на нашествіе Азтековъ, могутъ служить достаточными доказательствами. И такъ, мы видимъ на Югѣ отъ Мексики полное развитіе строительнаго Кушитскаго направленія и Кушитской религіи, можетъ быть, даже изображеніе самихъ пришельцевъ съ Востока, Семитовъ, принявшихъ издревле вѣрованіе Кушитское (Финикійцевъ). На Сѣверѣ жили другіе народы, образованные, но не представляющіе опредѣленнаго религіознаго характера; далѣе кочевали темныя племена, Лени-Ленапы, Ирокезы, Симинолы и другіе, которыхъ Европейцы теперь вытѣснили изъ Соединенныхъ Штатовъ, и наконецъ, еще далѣе, Эскимосы, чисто-Азіатскіе, разсѣяны были по всему Лабрадору, Канадѣ и вдоль всѣхъ рѣкъ и озеръ, которыхъ непрерывная сѣть покрываетъ всю сѣверную Америку. Воинственные Индѣйцы болѣе и болѣе оттѣсняли слабыхъ Эскимосовъ къ полярнымъ льдамъ и въ тоже время подвигались на Югъ и врѣзывались въ земли, уже населенныя народами образованными. Жестокая борьба должна была предшествовать покоренію. Вражда народовъ въ Америкѣ, какъ и въ Азіи, должна была искажать ихъ характеръ и развивать всѣ худшія страсти души человѣческой. Весь Западъ Америки, отъ самаго перешейка Панамскаго до теперешнихъ[2]) колоній Россіи, гуще населенный и болѣе образованный, чѣмъ Востокъ, представляетъ намъ цѣпь дикарей и людоѣдовъ, у которыхъ замѣтны слѣды какаго-то матеріальнаго, грубаго просвѣщенія. Но къ враждѣ народной присоединялась безспорно и вражда религіозная. Населеніе сѣверное, въ которомъ замѣтно духовное начало вѣры, встрѣчалось съ населеніемъ, пришедшимъ съ Юга и принесшимъ съ собою зародыши служенія Кушитскаго. Народы смѣшивались, религіи боролись, и на высотѣ горнаго хребта Кордильерскаго повторялись тѣже явленія кровожадности и разврата, которыя мы видѣли при встрѣчѣ Ирана и Куша между Евфратомъ и Ливаномъ и съ, можетъ быть, еще ужаснѣйшею силою. Совершенное искаженіе всей души человѣческой послѣдовало тѣмъ быстрѣе, что колонисты приставали къ берегамъ, уже глубоко развращенные прежнею жизнію на родинѣ. Шиво-Буддаисты южной Азіи и Сундской системы, также какъ и выходцы изъ областей окружающихъ Средиземное море, приносили не зародышъ страстей, не зародышъ порчи религіозной, но уже пороки развитые и вѣрованіе, погрязшее въ мерзости жизни животной, раздраженной сопротивленіемъ Иранскаго духа. Встрѣча Семита Палестинскаго, изображеннаго на памятникахъ Юкатана, и Кушита Индустанскаго или Полинезійскаго могла быть мирною, сходство ихъ развитія могло слить ихъ въ одинъ ладъ жизни; но новое столкновеніе съ сѣвернымъ племенемъ, сохранившимъ еще первобытное поклоненіе началу свободы, должно было сопровождаться новымъ изступленіемъ, новымъ порывомъ свирѣпости въ религіи и въ бытѣ, и ужасами, которымъ остальной міръ не представлялъ ничего подобнаго. Такъ и было. Поколѣнія встрѣтились на сѣверныхъ границахъ Мексики и на восточныхъ берегахъ Тихаго океана, и человѣкъ узналъ, какъ близко онъ можетъ дойти до дикаго звѣря, сохраняя наружные признаки общественной образованности. Самые Финикіяне, принявшіе вполнѣ духъ религіи, рожденной въ Африкѣ, никогда не выказывали страсти къ зодчеству, которая обозначаетъ почти вездѣ слѣды Кушитовъ. Вещественность вѣры южной и ожесточеніе страстей принадлежали имъ вполнѣ; но примѣсь сабеизма и односторонность стремленія торговаго и мореплавательнаго удаляли ихъ отъ трудовъ народа зодческаго, который каменными корнями связываетъ себя съ землею и каменными сводами отдѣляетъ себя отъ свода небеснаго. Зодчество пришло въ Америку съ другими племенами. Не Семиты увѣковѣчили на стѣнахъ Паленке типъ Семитической физіономіи. Темныя племена Полинезійскія рыли глубокія пещеры въ Мексикѣ и Перу, строили храмы и воздвигали ярусныя пирамиды, которыхъ первообразы встрѣчаются намъ въ Индіи и на Сундскихъ островахъ. Миѳъ Буддаическій шелъ съ Запада, и Вотанъ достигалъ Америки черезъ Тихій океанъ, между тѣмъ какъ разсказъ о плывучемъ островѣ Тирѣ, остановленномъ жертвенною кровію, переносился въ Мексику чрезъ Атлантическій океанъ вмѣстѣ съ поклоненіемъ вѣчному путнику небесъ, Солнцу-Владыкѣ; а на дальнемъ Сѣверѣ, по холодной цѣпи Алеутскихъ острововъ, вливалась въ Америку стихія желтаго Средне-Азійскаго племени, смѣшиваясь съ южнымъ началомъ, часто завоевывая его области, но вѣчной борьбою раздражая его бѣшеныя страсти. Впрочемъ, очевидно, колонизація Полинезійская была многочисленнѣе и сильнѣе Средне-Азійской.

---

[1]) Хотя мнѣніе Шамполіона, что въ этой надписи изображенъ Ровоамъ (Іуда Мелекъ) теперь оставлено, но типъ изображеннаго несомнѣнно Семитическій. *Изд.*

[2]) Бывшихъ. *Изд.*

Удаляясь отъ своихъ центровъ, религіозныя начала, Иранское и Кушитское, слабѣютъ. — Дикари Африки и Америки; племена крайняго Сѣвера. — Средняя полоса народовъ, между Ираномъ и племенамн крайняго Сѣвера, развиваетъ антропоморфизмъ; сущность его. — Значеніе въ Индіи Вишну. — Древніе Венды (Славяне) въ Азіи и Европѣ; антропоморфическій характеръ ихъ религіи. — Ихъ вліяніе на древній міръ.

Великіе центры мысленной дѣятельности человѣческой, Иранъ и Сѣверо-востокъ Африки, распространяли жизнь и движеніе по всей землѣ. Но лучи этой мысли темнѣли, отдаляясь отъ своихъ источниковъ; теплота жизни, кипѣвшей въ раннихъ поселеніяхъ, исчезла, по мѣрѣ, какъ колоніи утопали въ пространствѣ пустынь и отрывались отъ взаимнаго общенія. Иранская духовность терялась въ совершенной неопредѣленности и переходила изъ религіи въ простую потребность религіознаго чувства; форма исчезала. Кушитское ученіе, логически связное и полное, распадалось на безсмысленныя частности, на символы и амулеты, которыхъ смыслъ забывался, и сходило до степени фетишизма: оставались формы, забывалось содержаніе.

Такъ поклоненіе змѣѣ, утративъ свой смыслъ, переходило по какому-то сходству образа и характера, въ поклоненіе крокодилу или акулѣ. Такъ напр. въ Сандвичевой группѣ, на островѣ Вату, барствовала акула, которую жители кормили съ благоговѣніемъ, иногда мясомъ человѣческимъ: на Сундскихъ островахъ вѣрятъ, что при рожденіи всякаго человѣка рождается ему близнецъ, крокодилъ (*судара*), и человѣкъ обязанъ поклоняться своему зубастому брату. Этотъ фактъ очень важенъ, потому что онъ даетъ намъ явное и неоспоримое доказательство связи между югомъ Индіи и Мексикою, гдѣ барельефы представляютъ намъ людей колѣнопреклоненныхъ передъ крокодиломъ, въ которомъ легко узнать не жалкаго крокодила Америки, но грозу подъ-экваторныхъ рѣкъ стараго материка. Впрочемъ, не нужно доказательствъ для факта уже признаннаго. Фигуры львовъ и крокодиловъ, чуждыхъ Америкѣ, одежда изваянная на памятникахъ, портреты, которыхъ оригиналы нигдѣ жить не могли кромѣ Японіи или Китая, изображеніе оружія, и именно огнестрѣльныхъ трубочекъ, которыя до сихъ поръ употребляются дикарями Австралійскими, наконецъ довольно полныя преданія, всѣ эти признаки, безчисленные и неоспоримые, сильнѣе и убѣдительнѣе хартій и свидѣтельствъ писанныхъ. Но всего важнѣе самый характеръ физіономій и движеніе народовъ во времена еще близкія къ нашей эпохѣ. Таковы миграція изъ острова Питкернъ и совершенная перемѣна племени на островѣ Пасхи, самомъ одинокомъ изо всѣхъ человѣческихъ жилищъ. Шиво-Буддаизмъ, рожденный въ Африкѣ, не могъ ограничиться тѣсною своею родиною на истокахъ Нила. Мы видѣли, какъ онъ распространился по всему югу Азіи и морямъ ея; труднѣе прослѣдить его движеніе на Западъ по степямъ Африки и его постепенный переходъ въ фетишизмъ. Много примѣтъ изглажено введеніемъ Корана и завоеваніями Аравитянъ, тѣмъ болѣе что мусульманство призвало подъ свои знамена лучшія племена, у которыхъ преданія религіозныя и историческія могли сохраняться съ нѣкоторою полнотою. Слишкомъ мало извѣстны намъ внутреннія области Африки, защищенныя до сихъ поръ знойнымъ и нездоровымъ климатомъ и дикою подозрительностью Негровъ, не постигнувшихъ еще вполнѣ права бѣлолицыхъ народовъ отнимать у нихъ землю около мыса Доброй Надежды и торговать ихъ мясомъ на берегахъ Сенегала. Трудно сказать, сохраняются ли въ пустыняхъ какіе-нибудь памятники стараго зодчества; объ нихъ нѣтъ еще никакого слуха, и можно сомнѣваться, чтобы они когда нибудь существовали. Племя Негровъ, не чуждое художественной способности, едва ли могло развиться вдали отъ всякаго соприкосновенія съ другими семьями, и образованность, рожденная въ украйнѣ племенъ (Эѳіопіи, Египтѣ), не распространяла далеко своего вліянія на безпримѣснаго Негра и даже на тѣ народы, которые были безспорно въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Абиссиніею и, можетъ быть, изъ нея происходили. Послѣдніе несомнѣнные слѣды памятниковъ, принадлежащихъ Кушитской системѣ, находимъ мы весьма недалеко отъ Нильской долины, въ древнемъ святилищѣ Юпитера Аммона: самое же теперешнее имя оазиса, неизвѣстное писателямъ Римскимъ и Греческимъ, но конечно не выдуманное въ новѣйшую эпоху, а коренное и народное, Сивахъ, подтверждаетъ вполнѣ объясненіе, данное имени Ѳивъ. *Сивахъ* или *Сива*, выходецъ изъ Мероэ, есть именно тотъ высшій богъ, тотъ Зевсъ-Хаммонъ, который далъ названіе Діосполису Египетскому (Ѳивамъ) и Аммоніуму (Сиваху). Дальнѣйшіе памятники по берегу Средиземнаго моря принадлежатъ не самобытному развитію народовъ, но колонистамъ, вышедшимъ изъ Финикіи въ глубокой древности и связывавшимъ преданія свои съ землею Ханаанскою. Христіане первыхъ вѣковъ относили ихъ бѣгство къ завоеваніямъ народа Израильскаго и особенно Іисуса сына Навина; но мелкій размѣръ этой войны и побѣдъ Израиля не позволяетъ такаго толкованія. Во всякомъ случаѣ, никакихъ зданій древнѣе Карѳагенской власти мы не знаемъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Африки; но за то, на самой западной ея оконечности, въ островахъ Канарійскихъ, нѣкогда населенныхъ Африканскимъ племенемъ Гуановъ *), мы находимъ опять троглодитизмъ и Египетскую бальзамировку тѣлъ, которая снова появляется за Атлантическимъ океаномъ у полубѣлыхъ Карибовъ. По всѣмъ свидѣтельствамъ древнихъ очевидно, что характеръ религіозный народовъ, населяющихъ Сахару и прибрежье Средиземнаго моря, былъ не чуждъ началу Кушитскому и выходилъ изъ той же системы, изъ которой истекала Финикійская и Египетская религіи. Самые же остатки этихъ племенъ, Тиббо, Туарики и Берберы, явно нарѣчіемъ своимъ связы-

---

*) Гуанчовъ. *Изд.*

ваются съ нарѣчіемъ Амгара, точно также какъ Шеллухи и, можетъ быть, Моро (не Аравійскіе Мавры) нарѣчіемъ своимъ (*Амацирнъ*) и многими своими обычаями принадлежатъ къ Абиссинской отрасли, говорящей языкомъ *Гедзъ**). Они сами себя въ южномъ Марокко называютъ *Лудай*, въ оазисѣ Гвалата — *Лудая* и называютъ *Лудамаръ* жилище свое, окраину великой пустыни. Лица ихъ представляютъ смѣсь двухъ типовъ и объясняютъ, можетъ быть, полу-Семитовъ, полу-Хамидовъ. *Лудимъ* Моисея и народъ *Лудимъ* искусный въ стрѣльбѣ и союзный Мизраиму, о которомъ говорятъ Іеремія и Исаія. Это толкованіе ближе, чѣмъ Лидійцы, къ которымъ вообще относится слово *Лудъ*. Другія семьи Африканскія, со всѣми ихъ подраздѣленіями, представляютъ намъ болѣе или менѣе чистый Негрскій типъ и слѣды вліянія Абиссинскаго, которое особенно замѣтно въ Мандингахъ и Ашантіяхъ. Разобщеніе народовъ и пустынная жизнь убили начала образованности; но буддаизмъ вездѣ преобладаетъ въ своей низшей формѣ, фетишизмѣ и змѣя постоянно является предметомъ суевѣрнаго поклоненія. Невозможно не замѣтить сходства какъ въ физическихъ очеркахъ и особенно въ почти черномъ цвѣтѣ кожи, такъ и во многихъ обычаяхъ и бытѣ восточныхъ племенъ южной Америки и западныхъ племенъ Африки; но въ лѣсахъ Америки разобщеніе семей и слѣдственно одичаніе ихъ еще разительнѣе, чѣмъ въ пустыняхъ Африканскихъ. Впрочемъ, трудно объяснить возможность переселенія заморскаго въ народахъ, которыхъ исторія не знала мореходными. Естественно и понятно переселеніе болѣе образованныхъ Шеллуховъ или Гуановъ, которыхъ мы знаемъ островитянами и слѣдственно мореплавателями; понятно, какъ примѣсь Скандинавской или Эринской стихіи къ Африканскимъ выходцамъ составила поколѣніе морскихъ завоевателей Карибовъ; но движеніе собственно чернаго племени черезъ Атлантическій океанъ совершенно необъяснимо, если мы не предположимъ, что оно было увлечено примѣромъ Семитовъ, которыхъ явный слѣдъ находимъ мы на памятникахъ Гватималы и Юкатана и вѣроятное вліяніе — въ сабеизмѣ народовъ, населяющихъ южное прибрежье Антильскаго моря, и въ странѣ писанныхъ скалъ около Ориноко. Во всякомъ случаѣ, должно признать, что вліяніе Африки и Европы на древнюю Америку ничтожно въ сравненіи съ вліяніемъ Полинезіи и восточной Азіи, точно также, какъ и восточное населеніе Америки ничтожно въ сравненіи съ западнымъ. По скатамъ Андскимъ, на ихъ богатыхъ нагоріяхъ и въ ихъ роскошныхъ долинахъ, развились образованность и жизнь государственная, поднялись памятники, сохранялись древняя письменность Китайская въ Мексиканскихъ *Квиппо* *) и буддошиваизмъ въ строгой формальности религіи. На Востокѣ—кочевая жизнь безъ смысла и безъ формы, люди безъ связи и безъ общества, въ вѣрѣ темные отзывы Кушитскаго фетишизма или сабеизма Финикійскаго. Даже самые Туписы (или Тупины), могучее и нѣкогда образованное племя, явно принадлежатъ западному пригорью и удалилась на Востокъ отъ напора другихъ болѣе воинственныхъ народовъ, оставляя за собою мелкія отрасли (каковы Агуа и другіе), обозначающія ихъ старую родину. Одно только обстоятельство, весьма разительное, составляетъ какую-то связь между всѣми этими дикарями, не знающими ничего другъ о другѣ и не понимающими даже нарѣчія ближайшихъ своихъ сосѣдей: это всеобщее преданіе о потопѣ, которое сохранилось почти отъ льдовъ Гренландіи до льдовъ Огненной Земли. Даже безсмысленный людоѣдъ Ботокуди, который стоитъ организацією своею и понятіями не выше Австралійца и лѣснаго Кафра, и тотъ разсказываетъ, какъ погибала земля отъ разлива водъ, и одна чета спаслась на вершинѣ деревъ и снова населила высохшую землю. Начало Кушитское, вѣроятно избранное внутреннимъ сочувствіемъ младенческихъ народовъ, развиваясь далѣе и далѣе, бросило зародышъ того глубокаго униженія духовнаго, которое мы замѣчаемъ въ южныхъ поколѣніяхъ. Въ самомъ своемъ одичаніи, утративъ память стараго просвѣщенія и полной системы религіозной, семьи сѣверныя сохранили еще какое-то человѣческое достоинство, и такъ сказать, взглядъ, обращенный къ небесамъ. Полярный Финнъ, или сѣверный Турокъ, или Монголъ наполнили весь міръ присутствіемъ невидимаго духа, поклоняясь ему подъ разными именами, и никогда не доходили до тупоумнаго отчужденія отъ начала невидимо-присущаго въ душѣ человѣческой и въ покровахъ видимаго міра.

---

*) Языкъ Амгара Семитическаго, а Гедзъ Хамитическаго корня. *Изд*.

Довольно замѣчательно, что между чисто-духовнымъ Ираномъ и

---

*) Письменность шнуро-узловая, всего болѣе развитая у Перуанцевъ. *Изд.*

сѣверными племенами, у которыхъ религія совершенно лишена всякой положительной формы, замѣтна широкая полоса племенъ, которымъ принадлежитъ антропоморфизмъ религіозный. Эта полоса начинается отъ Гималая и Инду-Кху и, обнимая съ сѣвера Иранъ, Кавказъ, прибережье Чернаго моря, долину Дуная, горы Ѳракійскія, Иллирію и сѣверную Италію, исчезаетъ въ темномъ мірѣ Кельтовъ и Иберцевъ. Очевидно, характеръ антропоморфизма занятъ ею не отъ западнаго Ирана или отъ Араратской системы, которая, напротивъ того, теряетъ свою чистоту приближаясь къ ней, и не отъ Эллады или племенъ Италійскихъ, которыя сами представляютъ синкретизмъ, составленный уже изъ чистаго кушитства стихійнаго и сѣвернаго человѣкоозразія, съ примѣсью слабыхъ оттѣнковъ чисто-духовного иранства. Полоса народовъ, у которыхъ развивался антропоморфизмъ, могла или создать его самобытно, или, принявъ его отъ сосѣдняго Индустана, развить его и дать ему окончательную полноту видимо-стройной системы. Послѣднее предположеніе содержитъ много невѣроятнаго. Мы видѣли въ Индустанѣ встрѣчу двухъ образованныхъ племенъ и двухъ ученій ясныхъ и строгихъ, соотвѣтствующихъ этимъ племенамъ. Сліяніе вѣръ, послѣдовавшее за борьбою, не могло перейти прямо въ человѣкообразную религію, которая въ своей основѣ разнится отъ обоихъ коренныхъ началъ. Человѣкообразіе слишкомъ тѣсно для глубокомысленнаго, для философствующаго Индустанца; оно даже такъ несвойственно ему, что никогда не существовало въ Индустанѣ въ нѣсколько-чистомъ видѣ. Конечно, извѣстно, что Джайны поклоняются великимъ людямъ; но въ нихъ это только измѣненіе буддаизма и нисколько не имѣетъ сношенія съ антропоморфизмомъ самаго божества; начало же ихъ есть чистый атеизмъ, или ученіе о необходимости, опредѣленное словами ихъ же мудрецовъ: „какъ трава несѣянная произрастаетъ отъ внутренней силы земли, такъ жизнь безначальная вѣчно проявляется въ силахъ, присущихъ всему естеству“. Въ джаинствѣ мы видимъ тотъ же буддаизмъ съ его неизмѣнною основою и съ его понятіемъ о вѣчномъ аватарѣ Будды въ человѣкѣ, перешедшій въ ученіе объ аватарѣ въ нѣкоторыхъ людяхъ, т.-е. начало ламизма, но не приведеное въ органическую систему. Этотъ переходъ, нѣсколько странный въ языкахъ богатыхъ грамматическими формами, очень понятенъ въ языкахъ, которые, подобно Славянскому, Латинскому и многимъ Средне-Азійскимъ, не могутъ выразить разницу между именами существительными въ ихъ опредѣленномъ и неопредѣленномъ положеніи. Ламизмъ и джаинство разнствуютъ отъ будаизма только тѣмъ, что они принимаютъ воплощеніе Будды въ иныхъ личностяхъ человѣческихъ, а не во всѣхъ (*un*, *ein*, *a* человѣкъ, а не *le*, *der*, *the* человѣкъ). Это не есть еще человѣкообразіе Перваго Начала въ его коренномъ свойствѣ. Религія Вишнуитовъ гораздо болѣе представляетъ характеръ антропоморфизма; она не имѣетъ ничего общаго съ брахманствомъ и шиваизмомъ. Она принята Брахманами какъ начало чуждое и низкое, но ближайшее къ служенію свободѣ, чѣмъ Шиваизмъ. Брахманство, чистое и высокое, не удовлетворяло потребностямъ грубаго большинства; оно не имѣло видимаго образа и представленія. Вѣроятно даже оно не имѣло храмовъ, также какъ и первоначальное иранство. Свидѣтельство объ этомъ сохранено въ многозначащемъ миѳѣ Шиваитовъ, перешедшемъ послѣ того и къ поклонникамъ Вишну. Долго боролись Шива (или Вишну) и Брахма о первенствѣ; сотни вѣковъ проходили въ этой безплодной борьбѣ. Наконецъ, явился передъ ними огненный столбъ, несказанный Пара-брахмъ. Тогда соперники согласились того признать первымъ, кто первый достигнетъ вершины или основанія столба. Орломъ поднялся Брахма въ высоту, вепремъ сталъ Шива (или Вишну) врываться въ глубину. Быстрѣе молніи и мысли человѣческой были движенія боговъ; но сотни вѣковъ прошли, и утомленные враги возвратились, не достигнувъ своей цѣли. Честолюбивый Брахма солгалъ: онъ сказалъ, что глаза его видѣли вершину безконечнаго столба, и за эту ложь былъ наказанъ тѣмъ, что не имѣлъ уже храмовъ на землѣ. Въ этомъ важномъ сказаніи заключается свидѣтельство о чисто-Иранскомъ характерѣ брахманизма и взглядъ вещественнаго Шиваита на духовную гордость Иранца. Это сказаніе есть завѣтъ стараго времени. Такъ было, такъ должно было быть. Вишну спасъ Брахму отъ совершеннаго паденія. Только принятіемъ новой стихіи, не-разумной, не-логической, но поэтической и совершенно враждебной брахманству, могло оно спастись отъ завоеваній искушенія Кушитскаго. Такъ явился Вишну въ Индустанѣ; но онъ явился какъ чужеземецъ, какъ пришелецъ съ Сѣвера: онъ рѣшилъ борьбу боговъ и, какъ счастливый соперникъ Шивы, распространилъ власть свою до южной оконечности Индустанскаго полуострова, примиряя и сливая въ одно цѣлое три системы разнородныя. На первый взглядъ, Вишну представляется въ такихъ же формахъ, какъ и другіе боги Индіи. Его четыре руки, уродливый цвѣтъ тѣла и другія примѣты указывали бы въ немъ на представителя отвлеченной мысли; но мы должны отстранить всѣ измѣненія первоначальнаго типа, введенныя страстію Индустанцевъ къ отвлеченностямъ. Вишну не представляетъ въ себѣ никакаго яснаго и опредѣленнаго понятія: онъ не олицетвореніе, онъ лицо. Характеръ его, сомнительный въ немъ самомъ, выражаетъ свою совершенную человѣкообразность въ его подругѣ Лакшми. Всѣ три божества, составляющія Тримурти, сопровождаются своими силами (*сакти*) въ женскомъ видѣ. Таково толкованіе Индустанскаго педантства. Но здравая критика должна его отвергнуть. Кали есть необходимо-органическій полюсъ Шивы: она служитъ ему пополненіемъ, безъ котораго Шива ничего не значитъ. Сарасвати придана въ подруги Брахмѣ, но она совершенно чужда системѣ Брахманской и дѣлается простымъ призракомъ при малѣйшемъ разсмотрѣніи. Лакшми необходима для Вишну: она не призракъ, но она и не представленіе обще-органическаго двойства. Кали въ отношеніи къ Рудрѣ *) есть или полюсъ вещественный въ общности мысли, или грубая самка въ мірѣ образовъ. Лакшми уже не то: она женщина, она идеалъ женщины; она не полюсъ и не самка, но неразлучная и вѣрная подруга Вишну въ горѣ и радости, въ небѣ и на землѣ. Ея женственность представляетъ намъ данную для опредѣленія характеръ Вишну. Онъ не отвлеченность природы или духа, но представитель человѣческой дѣятельности и человѣческой жизни, возведенныхъ въ достоинство божественное. Индія уже отняла у него самостоятельность и опредѣленность образа; она исказила его первоначальную наружность, но не посягнула на красоту его подруги, и въ ней обличаетъ коренную человѣкообразность самаго Вишну. На него вообще критика глядитъ какъ на произведеніе туземнаго чувства и туземнаго воображенія, и оттого онъ остается такимъ же туманнымъ и

---

*) Другое названіе Шивы. *Изд.*

безсмысленнымъ лицомъ, какъ и Шива или Брахма, взятые отдѣльно или въ синкретизмѣ Индустанскомъ, безъ соображенія съ ихъ источниками, Ираномъ или Кушемъ. До сихъ поръ, Брахма, Шива и Вишну не что́ иное, какъ болѣе или менѣе уродливыя фигуры, которыя получаютъ отъ ученой прихоти разныя должности или прозвища. Они обязаны представлять собою или время, или солнце, или что нибудь другое, о чемъ и не мечтала Индія, или должны взять на себя порученіе творить, разрушать и сохранять, смотря по требованіямъ миѳа, который или объясняемъ, или ученыхъ, которые объясняютъ. Съ такими толкованіями исторія человѣческаго просвѣщенія не далеко уѣдетъ. Величественнымъ образомъ духовнаго Брахмы и вещественнаго Шивы, представителямъ двухъ главныхъ религіозныхъ началъ, возвращено ихъ значеніе; Вишну заслуживаетъ также изученія, хотя онъ не имѣетъ равной съ ними общечеловѣческой важности. Во-первыхъ, не должно терять изъ виду, что онъ болѣе всѣхъ искаженъ, потому что онъ менѣе имѣлъ логической опредѣленности, и что его лицо, не представляющее отвлеченнаго значенія, должно было подвергнуться великимъ измѣненіямъ отъ философскаго направленія мысли Индустанской; вовторыхъ, потому что онъ служитъ основаніемъ прихотливому міру поэзіи между тѣмъ какъ Брахма оставался въ строгой области философіи, а Магадева въ бытовомъ и обрядномъ кругѣ, часто измѣняющемъ свои формы, но твердо сохраняющемъ ихъ тайный смыслъ. Вотъ причина, почему Вишну, не смотря на бо́льшее сродство съ Брахмой (сродство человѣческаго произвола съ свободою чистаго духа), получилъ аттрибуты, которые могли бы его отнести, при поверхностномъ наблюденіи, къ міру Кушитскому. Такова змѣя, на которой онъ всегда покоится. Эта змѣя не имѣетъ ничего общаго съ кобра-капелло, настоящею змѣею Рудры. Эта змѣя—многоглавый уродъ. Лежащій на ней Вишну, прозвищемъ своимъ *Нараяна* (морской), объясняетъ намъ самую змѣю, представительницу водъ, и множество ея головъ, представляющихъ рѣчные источники. Простой языкъ символическій (описательная повѣсть) далъ рѣкамъ безсмысленныя змѣиныя головы и выдумалъ безсмысленный миѳъ, чтобы объяснить синій цвѣтъ моря, котораго владыкою былъ Вишну. Мы опять видимъ идеалъ красоты, Лакшми, Венеру, Фриггу, въ тѣсномъ союзѣ съ морскимъ богомъ, Ніордромъ, Океаномъ или Вишну. Отношеніе Вишну и Шивы другъ къ другу и къ Брахмѣ опредѣляютъ мѣсто и значеніе Брахмы въ миѳологіи Индустана. Нѣтъ сказаній объ войнѣ Шивы и Вишну, между тѣмъ какъ борьба Шиваитовъ съ Вишнуитами занимаетъ весь первый періодъ героической исторіи въ поэмахъ Магабаратѣ и Рамаянѣ. Но дѣйствительно, это была война племенъ, а не вѣръ. Безцвѣтное человѣкообразіе Вишну не было въ прямой противоположности съ шиваизмомъ; поэтому и война между ними была не прямая, а косвенная, въ лицѣ ихъ поклонниковъ, война такъ сказать миѳологическаго хвастовства, а не религіозныхъ началъ. Не такъ было съ Брахмою. Лицомъ къ лицу схватился съ нимъ враждебный Шива; потомъ, (по примѣру Шивы), и Вишну. Оба у Брахмы отнимаютъ первенство, черезъ это самое признавая его первенство и его первородство въ Индустанѣ. Парабрахма рѣшаетъ споръ въ пользу Шивы, наказывая гордость Брахманскаго любознанія. Шива потомъ рѣшаетъ споръ въ пользу Вишну, показывая, черезъ это самое, подражательность въ позднѣйшемъ миѳѣ и относительную молодость вишнуизма. Мы видѣли, что лицо Вишну, какъ ни было искажено страстію Индѣйцевъ къ символизму, сохранило свою красоту въ Лакшми, его подругѣ; прибавимъ, что даже въ немъ самомъ какая-то врожденная красота побѣждаетъ всѣ позднѣйшія искаженія и представляетъ намъ идеалъ образа человѣческаго въ Рамѣ и Кришнѣ. Иранскій же характеръ его сохраняется въ благой дѣятельности, въ спасеніи міра отъ пучины водъ (преданіе чуждое настоящему кушитству) и многими сходствами въ аттрибутахъ съ Миѳрою и Аза-Ѳоромъ. Но онъ дѣйствительно не Ѳоръ и не Миѳра: онъ не выходецъ изъ западнаго, а сынъ восточнаго Ирана, царь волнъ морскихъ, окруженный источниками многоводныхъ рѣкъ, но въ тоже время отголосокъ человѣкообразной вѣры, отечествомъ которой мы должны признать полосу земель отъ Бактріи до Лигуріи. Намъ уже извѣстно населеніе этой полосы: оно въ братствѣ съ началомъ Иранскаго племени, но не одинаково съ нимъ. Вѣтви раздѣлились въ глубокой древности, и Бактрія, коренное жилище Вановъ, Ванаша, Ванада или Венда—именемъ своимъ (котораго корень *Бахтеръ*, Востокъ) доказываетъ истину, уже извѣстную намъ:

западное происхожденіе собственно-Вендскаго народа. Мы уже прослѣдили Вендское разселеніе до самой западной оконечности средней Европы. Права Славянъ считать Вендовъ своими предками неоспоримы для всякаго здравомыслящаго критика. Дожно или исключить имя Вендовъ изо всѣхъ историческихъ памятниковъ, или признать его однозначащимъ съ Славянами, или отвергнуть всѣ законы самой критики исторической; ибо нѣтъ ни одного остатка Вендскаго племени, нѣтъ ни одного обломка народа, носящаго имя Вендское, на Сѣверѣ, Югѣ или въ срединѣ Европы, который бы не былъ чисто-Славянскимъ народомъ. Въ этой полосѣ находимъ мы корень антропоморфизма, и въ ней же самое начало имени Вишну (*Вышній*). Впрочемъ, близкое сродство и братство нарѣчій Санскритскихъ и Славянскихъ дѣлаетъ шаткимъ всякій этимологическій выводъ. Какъ бы то ни было, но Вишну, также какъ и Брахма, есть божество Сѣвера. Начало шиваизма и Буддаизма въ Индіи было на Югѣ, завоеванія его шли къ Сѣверу. Корень брахманства и вишнуизма былъ на Сѣверѣ, завоеванія ихъ шли къ Югу. Въ основѣ своей вишнуизмъ и брахманство нисколько не разнятся. Разница вся въ развитіи. Мыслящее направленіе западнаго Ирана и Санскритской семьи сохранило чистоту духовной вѣры. Бытовой характеръ Вендскаго Востока (Бактріи) измѣнилъ его и далъ духу первобытному образъ и очерки мыслящаго существа земнаго, человѣка. Добродушное и поверхностное легковѣріе старо-Славянскихъ народовъ приняло въ буквальномъ смыслѣ слова преданія Иранскаго о первыхъ сношеніяхъ Творца и творенія, и Вышній Богъ явился какъ дольный царь земли съ руками, ногами и лицомъ. Вотъ простой корень антропоморфизма. Но этотъ антропоморфизмъ не связанъ необходимо съ художественнымъ развитіемъ, и безплодное начало не можетъ даже оставить по себѣ слѣдовъ, увѣковѣченныхъ искусствомъ. Такъ въ Элладѣ идеалы боговъ въ образѣ человѣческомъ пришли съ Сѣвера, но самыя изображенія ихъ появились уже подъ вдохновеніемъ южнаго неба *). Одно только племя Этруское, котораго Вендское начало весьма вѣроятно (я говорю о подпочвѣ, Разенахъ, а не о Тускахъ или

---

*) Авторъ видимо отличаетъ антропоморфизмъ представленія отъ внѣшняго выраженія, которое могло быть символизмомъ, перешедшимъ въ антропоморфизмъ художественный. *Изд.*

Тирренахъ) развилось художественно; но кажется, и это развитіе принадлежитъ южно-Кушитской стихіи, привезенной колоніею Тирренскою, а не первобытной основѣ. Между Вишну и представителями сѣверной миѳологіи въ Эллино-Римской системѣ много общаго. Главная же ихъ характеристическая черта есть постоянная вражда противъ Дракона, которую мы находимъ даже въ миѳахъ о Кришнѣ (не смотря на его мнимую змѣю), и борьба съ злыми духами или исполинами мрака, которая въ Индустанѣ принадлежитъ Вишну и одному Вишну: ибо сраженія Мага-Девы или Дурги противъ Асуровъ нисколько не входятъ, какъ необходимая черта, въ шиваизмъ; напротивъ того, мы часто видимъ Асуровъ въ какой-то зависимости отъ Шивы и подъ его покровительствомъ.

Мы видимъ, что вишнуизмъ не принадлежитъ ни туземному развитію Индустана, ни его первобытнымъ ученіямъ, и что онъ не могъ даже сохранить на берегахъ Ганга кореннаго характера антропоморфическаго. Онъ вошелъ въ Индустанъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ мечомъ сѣверо-западныхъ Вендовъ (Ванада). Точно также, это поклоненіе подъ разными именами прошло по всей полосѣ Вендской и, само не развиваясь, развило въ другихъ народахъ художественный синкретизмъ въ религіи. Вотъ объясненіе разительнаго сходства между многими подробностями миѳологіи Эллинской и Индѣйской, между тѣмъ какъ области Зендскія и Семитическія, раздѣляющія племя Эллинское отъ Санскритскаго, не показываютъ ничего общаго съ чисто-антропоморфическою частію этихъ миѳологій Раздѣленіе было ясное, безспорное, рѣзкое между Индомъ и Средиземнымъ моремъ; но была такая же явная и безспорная связь на сѣверѣ Каспія и Эвксина посредствомъ однаго племени, разселившагося по всему этому пространству и пустившаго отпрыски свои черезъ Индъ и Инду-Кху съ одной стороны, черезъ Гемъ и Пеней съ другой. Безспорно, имя одной семьи или однаго поколѣнія, случайно сходное съ другимъ, живущимъ за тридевять земель, ничего не доказываетъ; но позволительно ли критикѣ сомнѣваться въ тождествѣ двухъ народовъ одноименныхъ, раздѣленныхъ на нѣсколько вѣтвей, также одноименныхъ, хотя бы между ними была полная четверть земной окружности? Сомнѣніе не было ли бы совершенною безсмыслицею, когда пространство, отдѣляющее одинъ изъ этихъ народовъ отъ другаго, наполнено слѣдами ихъ? Таково бы было сомнѣніе о тождествѣ жителей древней Бактріи и племени, давшаго имя Дунаю и человѣческую жизнь его пустыннымъ берегамъ. Мы уже видѣли свидѣтельства древнихъ о Вендахъ, или Ванахъ, или Ванада при-Каспійскихъ: мы узнали Славянство при-Волжскихъ Булгаръ, за-Волжскихъ Карповъ, Валовъ и другихъ поколѣній, и, наконецъ, по именамъ рѣкъ, мы опредѣлили Славянство жителей при-Донскихъ и при-Днѣпровскихъ. Прибавимъ еще доказательство ясное этой истины, доказательство, основанное на древнемъ названіи Днѣпра — *Бористенъ*, на словѣ, сохраненномъ изъ стараго языка, и на обычаѣ, до сихъ поръ существующемъ въ Малороссійскихъ областяхъ. Но вспомнимъ, что критика должна вникать въ смыслъ писателей древнихъ и не требовать отъ нихъ отчетливаго выраженія мысли, которое принадлежитъ нашей эпохѣ. Неизвѣстный сочинитель книги о рѣкахъ говоритъ о Бористенѣ*) „Эта рѣка (Березина, или лучше, Берестень или Берестина) называется прибережными жителями сыномъ ихъ бога Беросса; а народъ имѣетъ привычку натирать себѣ тѣло сокомъ растенія Беросса для защиты отъ холода, и сокъ этотъ называется масломъ Беросса; Бероссъ же похожъ на капусту“, и прочій вздоръ автора или вздоръ переписчика. Сквозь всѣ сказки и безсмыслицы Грека не явно ли слѣдующее: что Борисѳенъ получилъ названіе отъ березы (*берестень*, по формѣ *береста*), что старые при-Днѣпровцы натирались, также какъ и новые, дегтемъ, и что деготь также уже выгонялся, какъ и теперь, изъ растенія, называемаго березою? Не явно ли, что народъ не измѣнился съ самой глубокой древности въ нашихъ южныхъ степяхъ и что Славянинъ есть старожилъ и первоселенецъ земель при-Эвксинскихъ? Такимъ образомъ, связавъ безпрерывною цѣпію берега Дуная и истоки Сыръ-Дарьи, мы находимъ на ея оконечностяхъ двѣ купы семей человѣческихъ, совершенно одноименныхъ. Въ землѣ Бактрійской и на Сѣверъ отъ нея—Да-hia (Саки, можетъ быть позднѣйшіе Хака), Іеѳа (иначе Іуей-ти, Геты Великіе) и Ванада (иначе Ваны Великіе). Въ землѣ при-Дунайской тѣже Даки (иначе Саки), тѣже Геты, тѣже Венды. Этаго довольно для людей безпристрастныхъ и здравомысленныхъ. Другимъ ничего не объяснишь.

Простая жизнь труженика-землепашца, тихій бытъ семейный, отсутствіе кастъ аристократическихъ и жреческихъ: вотъ характери-

---

*) Pseudo-Plut. Авторъ отнесъ ошибочно къ Борисѳену, чтò разсказано о Тинаисѣ: καλοῦσι--βηρωσσοῦ ἔλαιον. *Изд.*

стика Венда, не подвергавшагося сильному вліянію чуждаго племени. Таковы Та-ваны Китайскіе, таковы Пэоны[1]), таковы Славяне въ ихъ преданіяхъ Краинскихъ, Польскихъ и Чешскихъ о первомъ выборѣ царей. Религіозное глубокомысліе имъ чуждо, но сказочный міръ имъ близокъ. До сихъ поръ еще народъ въ своемъ живописномъ и простомъ разговорѣ даетъ какую-то человѣческую дѣятельность всякой силѣ, видимой въ природѣ. Этого не нужно доказывать тому, кто прислушался къ рѣчи простолюдина, или знакомъ съ его поговорками или загадками, къ несчастію почти забытыми. Таковъ, можетъ быть, одинъ изъ источниковъ человѣкообразія въ религіи. То. что̀ было сначала повѣстью (поучительною или просто описательною), обращалось въ миѳъ отъ соприкосновенія съ міромъ, оживленнымъ сильнымъ религіознымъ стремленіемъ, особенно съ міромъ ученій Кушитскихъ, чистыхъ или смѣшанныхъ. Догадка эта подтверждается многими примѣрами, изъ которыхъ иные весьма разительны. Въ Элладѣ Діонизосъ южный слился съ Вакхомъ сѣвернымъ, явно пришедшимъ изъ Славянской Ѳракіи. Винодѣліе во Ѳракіи было въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. Къ несчастію, прибавить должно тоже и объ употребленіи вина[2]). Старая старина Несторовская говорила, что Славянину вино веселіе; новые вѣка не опровергаютъ показанія древности. Въ землѣ Вендовъ Галлійскихъ замѣчено тоже самое пьянство, замѣнявшее хлѣбную или виноградную силу одуреніемъ белены. Страна Вановъ Бактрійскихъ, славившаяся виноградами, славилась также и пьнствомъ жителей; отъ нихъ и для нихъ пересаженъ виноградъ въ Китай, чтобы ихъ караваны находили на пути свое привычное наслажденіе. *По-тао* (виноградъ, иначе *пу-то*, вѣроятно отъ *питія*) сажался подлѣ харчевень придорожныхъ, точно также какъ *мо-со* сѣяли для лошадей Та-ванскихъ каравановъ[3]). Эллада, можетъ быть узнала эту роскошь отъ Ѳракіи, также какъ Китай отъ Бактріи. Во всякомъ случаѣ, сомнѣнія нѣтъ, что глубокія чаши Ѳракійцевъ наполнялись не водою. Миѳъ о Вакхѣ и его рожденіи всѣмъ извѣстенъ. Разборъ миѳа даетъ простой разсказъ о томъ, какъ спѣетъ виноградъ и какъ онъ приготовляется къ винодѣлію въ земляхъ, въ которыхъ употребляется вино изъ полуизюма, какъ это водится въ старо-Славянскихъ областяхъ. Отецъ Вакха—воздухъ и свѣтъ, Дій или день, мать его—Семела. Трудно не узнать въ ней *землю* и Славянское имя земли, особенно когда вспомнимъ, что Беотія, усвоившая себѣ Өракійскую сказку, признавала Семелу богиней земли *). Виноградъ спѣетъ послѣ всѣхъ растеній, тогда, когда лѣтній зной и сушь ранней осени попалили землю: Семела сгараетъ отъ лучей дневныхъ, отъ Діева огня. Но виноградъ еще не поспѣлъ къ винодѣлію, и Дій, воздухъ, принимаетъ его въ свою ляжку (въ нижній слой воздуха) для того, чтобы созрѣлъ лучшій плодъ земной. Можетъ быть даже, Греческое μηρὸς есть только искаженіе древне Славянскаго слова *бедро* или *беро* (*берце*, отъ колѣна къ ступнѣ). Во всякомъ случаѣ, мы узнаёмъ сушеніе винограда, и видимъ, что потомъ молодость Вакха поручается воспитанію козлоногихъ Силеновъ. По характеру Русской сказки и загадки, козлоногій Силенъ явно представляетъ теперешній бурдюкъ (прежній мѣхъ изъ козьей кожи съ ногами) и долженъ былъ соединять черты человѣка и козла,—можетъ быть, съ именемъ, означающимъ *силу*. Вотъ простая и добродушная повѣсть о Сѣверномъ Вакхѣ, который слитъ потомъ Греческою фантазіею съ многозначащимъ, страстнымъ и развратнымъ Діонизомъ—Шивою Юга. Точно также разлагается весь первоначальный миѳъ о Прозерпинѣ; ибо таково, вѣроятно, было древнее имя Персефоны, или лучше сказать, такова богиня, соединенная въ одно лице съ Персефоною Восточною. Прозерпина же даетъ намъ коренной смыслъ свой въ *proserpo*, *про-зябу* (—аю), и въ миѳѣ содержится простая сказка о пшеницѣ, сказка явно подтвержденная Элевксинскимъ символомъ Прозерпины, пшеничнымъ колосомъ. Быть можетъ, предразсудки западной учености и даже нѣкоторыя страсти давнишнія и наслѣдственныя возстанутъ противъ неожиданной важности Славянскаго племени въ исторіи міра. Давно бы пора догадаться, что многочисленнѣйшее изо всѣхъ племенъ человѣческихъ (я говорю, по языку), кромѣ Китайскаго, должно было имѣть огромное вліяніе на всю жизнь человѣчества и мелкихъ его семей. Но если бы могли еще оставаться сомнѣнія въ томъ, что населеніе Иллиріи, Өракіи и

---

[1]) Говоря о Пэонійцахъ, авторъ м. б. имѣлъ въ виду разсказъ Геродота о поводахъ переселенія ихъ въ Азію Даріемъ и о томъ, что они пили нѣчто въ родѣ браги βρῦτον, по Аристотелю. *Изд.*

[2]) Ср. Pauly Real-Enc. 6. 2. 1895. *Изд.*

[3]) Арх. Іакинѳъ О нар. 3 ч. 59 стр. Виноградъ привезенъ въ Китай въ 125 г. до Р. Х. изъ Средней Азіи. См. его же Опис. Китая 43 стр. I т. *Изд.*

---

*) Какъ богиня, она называлась Θυώνη. *Изд.*

при-Эвксинскихъ областей было искони чисто-Славянскимъ, если бы болѣзнь системъ априорическихъ до того не затемнила зрѣнія нашей западной братьи, что она не могла бы различить простой яркой истины въ мiровомъ размѣрѣ, то связь земель при-Гебрскихъ (Вепрь), при-Струменскихъ и при-Дунайскихъ съ Азiатскимъ берегомъ Эгейскаго моря, и родство Вендовъ, Мизiйцевъ и Ѳракiйцевъ съ Мизiйцами, Ликiйцами и Троею должны разогнать всякое сомнѣнiе, самое упрямое, самое болѣзненное. Мы уже видѣли единство Трои съ Венедiею, выраженное въ божественныхъ защитникахъ Пергама, видѣли Венеру (Вендскую Фриггу или Фрею), вооруженную или безоружную, всегдашнею покровительницею Вендовъ Троянскихъ, Иллирiйскихъ, Ѳракiйскихъ, и ихъ колонiи—Римскаго *уруба* (urbs, срубъ). Остается обратить вниманiе на четыре памятника древней грамотности Мало-Азiйской. Въ нихъ находимъ мы полное и убѣдительное свидѣтельство Славянства Троянской земли и невѣжества западныхъ грамотѣевъ, которые съ 1833-го года до сихъ поръ не узнали Европейскаго языка въ надписи, вѣрно разобранной и почти вѣрно прочтенной смѣтливымъ глазомъ Гротефенда, которому за то честь и слава. Въ Ликiи, землѣ явно Троянской, найдены четыре надписи, изъ которыхъ одна двуязычная, кажется, въ Мирахъ Ликiйскихъ [1]), городѣ, котораго великiй епископъ издавна болѣе всѣхъ превозносится добродушнымъ преданiемъ народа Русскаго. Въ этихъ надписяхъ, которыхъ древность неоспариваема и несомнѣнна, содержанiе одно и тоже. Смыслъ ихъ ясенъ по явному назначенiю самихъ памятниковъ и по Греческому переводу; предметъ ихъ — обозначенiе того рода, которому принадлежалъ гробовой склепъ. Текстъ Греческiй значитъ: «Гробъ сей выстроилъ такой-то, себѣ, женѣ своей и дочерямъ или дѣтямъ своимъ“. Текстъ Ликiйскiй составленъ изъ слѣдующихъ звуковъ: „*Ибiени пренафа мите пренафати* (имя) *хеппе, ладе ихбе си тедiеми ихбей* [2]). Такова общая форма: въ подробностяхъ каждая надпись нѣсколько отличается отъ другихъ. Вся первая часть до имени сомнительна, хотя можно бы угадать въ словахъ *пренафе* и *пренафати* корни *пре* (совершенно) и *нафе* (новый). Гробъ *новый, обновить*, представляетъ форму нечуждую Славянству; *Мите*, въ смыслѣ повелѣлъ, не указываетъ корня Славянскаго, но формою своею съ предположеннымъ удареніемъ на *те*, также не противно характеру языковъ Славянскихъ (велѣ, летѣ и т. д.); *пренафати* или *пренафети*, если даже оно и не имѣетъ значенія *преновити* (выстроить заново), явно уже показываетъ чисто-Славянскую форму глагола въ безличной существительности. Наконецъ, вся надпись отъ имени до конца такъ явно Славянская что нечего объ этомъ и толковать. Должно однакоже вспомнить, что *х* въ *хеппе*, можетъ быть, выражаетъ звукъ *ш*, или представляетъ провинціализмъ, какъ въ Россіи иные діалекты замѣняютъ *ш* звукомъ *х* (*захибить* вмѣсто *зашибить* и т. д.), или обозначаетъ переходъ изъ Славянскаго *с* въ Греческую аспирацію по правилу почти всеобщему. Въ словѣ *тедіеми* мы видимъ или перестановку согласныхъ, или звукъ *ч*, выраженный знакомъ *т*, и

---

[1]) Авторъ впалъ здѣсь въ ошибку: надпись найдена близъ древняго города Лимиры. *Изд.*

[2]) Мы слышали отъ покойнаго автора, что онъ эту Ликiйскую надпись заимствовалъ изъ какого-то Англiйскаго сочиненiя о Малой Азiи, заглавiя котораго уже не могъ припомнить. Вѣроятно, это была книга: „Walpole's Travels in various countries of the East“, или „A journal written during an excursion in Asia Minor, by Charles Fellows. 1838“. Но со времени открытiя надписей Англiйскими путешественниками, онѣ сдѣлались предметомъ раз-

---

ныхъ изысканій, и чтеніе ихъ, первоначально предложенное Гротефендомъ, признано неудовлетворительнымъ. Помѣщаемъ здѣсь приводимую авторомъ двуязычную надпись въ томъ видѣ, какъ ее читаетъ знаменитый оріенталистъ Лассенъ (Ueber die Lykischen Inschriften und die alten Sprachen Kleinasiens, въ Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. X). Греческій текстъ слѣдующій: τὸ μνημα ηοδε εποιησε Σιδαριος Παιννιος ὕιος ἑαυτωι και γυναικι και ὕιωι Πυβιαλη. Ликійскій текстъ, по чтенію Лассена: êwêiya êraþezeya mête prinabatu Sedêreya Pênê tedêeme ûrppe êtle êûwe sê lade êûwse tedêeme êûwe....lêyê. При сличеніи этого текста съ тѣмъ, который былъ въ виду у Хомякова, читатель замѣтитъ, какъ велика между ними разница; впрочемъ и чтеніе Лассена не можетъ быть принято за окончательно установленное, и въ настоящее время оно во многомъ отвергается Блауомъ (Blau: Das albanesische als Hülfsmittel zur Erklärung der Lykischen Inschriften, въ томъ же періодическомъ изданіи, т. XVII); такъ, вмѣсто êûwe, Блау читаетъ ethve, вмѣсто ûrppe—thrue и т. под. Этотъ ученый подкрѣпляетъ свое мнѣніе о сродствѣ языка древнихъ Ликійскихъ надписей съ нынѣшнимъ Албанскимъ весьма сильными доказательствами, историческими и лингвистическими. Къ сожалѣнію, въ то время, когда писалъ покойный авторъ Европа почти не имѣла никакихъ свѣдѣній объ Албанцахъ и ихъ языкѣ, и онъ не могъ внести въ свое сочиненіе тѣхъ важныхъ результатовъ, которые достигаются, при помощи этого языка, въ объясненіи происхожденія и племенныхъ отношеній сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей древняго Эллинскаго міра. *Гильф.*

слѣдовательно, вся вторая часть не представляетъ намъ ни однаго сомнительнаго слова. *Хеппе*, *шеппе* или *сеппе*=себѣ, *ладе*=ладѣ, *ихбе*=ихъ или его, *си*=со, *тедіе ми*=дѣтями (чадіями), *ихбей*=ихъ. Вотъ доказательство безспорное даже для тѣхъ, которые требуютъ непременно свидѣтельстъ маклерскихъ и судебныхъ. Мы видимъ, что Гомеръ не даромъ знаетъ около Трои Энетовъ или Генетовъ (Венетовъ), что многіе древніе не даромъ помѣщаютъ Венетовъ въ Малой Азіи, что указанія миѳологіи неошибочны, и что Ликійцы, Ликія, представляютъ намъ только вторую часть общаго Вендскаго имени, переводеннаго Китайцами въ *Та-ванъ* (*Венды Великіе, Винде-лики*). Надпись Карійская, изуродованная и не разобранная, указываетъ на то, что Троянское просвѣщеніе и нарѣчіе распространяли свое дѣйствіе и далѣе еще на Югъ, но уже слабѣе передъ другими могучими стихіями[1]. Такимъ образомъ, признавъ съ достовѣрностью сильное вліяніе Вендскаго міра на міръ Эллинскій, мы должны допустить, что начала, какъ словесныя, такъ и религіозныя, придали всей Элладѣ великое сходство съ Славянскими племенами и что множество миѳовъ древнихъ, связанныхъ съ Ѳракіею, выражаютъ переселеніе антропоморфическаго характера отъ Эвксина и береговъ Дуная на Югъ. Прежде уже было замѣчено, что религія Иранская, чисто-духовная, и Кушитская, чисто-стихійная и символическая, не имѣютъ еще въ себѣ собственно направленія человѣкообразнаго, хотя оно отчасти проявляется въ памятникахъ Египта. Самыя древнія представленія боговъ Финикійскихъ, Сирійскихъ и Мало-Азійскихъ и представленія тѣхъ же боговъ въ Элладѣ не имѣютъ ничего сходнаго съ антропоморфизмомъ. По большей части, мы находимъ столбы, пирамиды, конусы, простые камни или уродливыя фигуры, какъ Артемиду Эфесскую, или получеловѣка-полузмѣю[2], какъ Гермеса и такъ далѣе. Египетъ оставилъ намъ образы боговъ въ очертаніяхъ человѣческихъ, но сліяніе аттрибута съ формами тѣла явно указываетъ на символизмъ самаго тѣла человѣческаго, и слѣдовательно не допускаетъ полнаго развитія антропоморфизма. Образъ человѣка во всей его красотѣ является въ Греціи съ элементомъ сѣвернымъ. Артемида, Діана Вендская (*Вендисъ*, при-Донская, *Танаитисъ*, или Таврическая

---

[1] Авторъ сближаетъ Трою съ Ѳракійскими племенами; къ нимъ же м. б. принадлежали и Карійцы Orig. Eur. Dieffenbach, 58. *Изд.*

[2] Переходъ отъ древняго способа изображенія боговъ къ человѣкообразію явствуетъ на пр. въ образованіи т. н. Гермовъ. Что подразумѣваетъ авторъ: Гермесъ — получеловѣкъ-полузмѣя? М. б. Гермеса Кадмила Беотійскаго. *Изд.*

(дѣва, *Парѳеносъ*) замѣняетъ многогрудую Артемиду символическаго Востока строгой прелестью и дѣвственной стройностью формъ. Вакхъ, молодой, прекрасный, съ веселой улыбкою и слегка отуманеннымъ взоромъ, является на мѣсто таинственнаго ящика и уродливыхъ изображеній Діониза. Наконецъ Аполлонъ, свѣтлоглавый, свѣтловласый, совершеннѣйшій типъ мужественной красоты, и Афродита, осуществленный идеалъ женской прелести, обозначаютъ полное развитіе художественнаго антропоморфизма. Конечно, не у Вендовъ родилось искусство, не они научили Грековъ высѣкать изъ камня божественныя формы, оживленныя поэтическою мыслію; но характеръ ихъ простодушной вѣры, перенесшей вполнѣ человѣка въ міръ высшій и надземный, далъ рѣзцу, полученному Эллиномъ отъ южнаго Кушита, высокую задачу, разрѣшенную Фидіемъ и Праксителемъ, и далъ поэтической фантазіи народа стремленіе, развитое слѣпцомъ Іонійскимъ. Вспомнимъ пѣвучесть самаго пѣвучаго изо всѣхъ народовъ, народа Славянскаго, и вспомнимъ также, что Ѳракія была родиною баснословнаго Орфея. Не та ли была судьба Славянскаго племени, чтобы оно оживляло и пробуждало дремлющія стихіи въ другихъ народахъ, а само оставалось безъ славы и памятниковъ, съ какими-то полустремленіями, не достигающими никакой цѣли, и съ какою-то полужизнію, похожею на сонъ? Быть можетъ, эта полу-жизнь, эти полустремленія суть врожденный порокъ всей семьи Славянской. Быть можетъ, они только слѣдствіе излишнихъ потребностей внутренняго духа, неспособнаго къ развитію одностороннему и просящаго полной жизненной гармоніи, для которой еще не созрѣло человѣчество. О, если бы это было! Во всякомъ случаѣ, мы не должны и не имѣемъ права отрицать ни сильнаго вліянія Вендовъ на Элладу, ни глубокаго сочувствія Славянъ съ Эллинами. Вспомнимъ хоть одно: Россія и Славянскій міръ одни только приняли, или по крайней мѣрѣ сохранили, великій завѣтъ обновленнаго Востока, жизнь вѣры и ученія, которая не могла привиться къ другимъ Европейскимъ племенамъ. — Всѣ боги, покровительствовавшіе Троѣ, были богами сѣверныхъ Вановъ. Должно бы ожидать, что предводителемъ ихъ будетъ богъ морской, отецъ Афродиты; но память о происшествіяхъ Троянской войны отчасти утратилась. Многія преданія потеряли свою ясность, и во времена Гомера Посейдонъ Финикійскій (Беритскій въ особенности) —Шива вооруженный трезубцемъ,—уже былъ признанъ владыкою морей. Быть можетъ, и это весьма вѣроятно, древній богъ утративъ прежнюю славу и прежніе алтари, скрылся на краю свѣта въ лицѣ Океаноса, родоначальника или пѣстуна боговъ. Прочія божества не только издревле были жителями при-Эвксинскими, но и въ позднѣйшія времена продолжали соединять какою-то цѣпью религіознаго единства земли Славянскія съ Элладою, возмужавшею, самостоятельною и торжествующею. Такъ, напр., святилища Аполлона и Діаны получали ежегодныя, или по крайней мѣрѣ частыя приношенія отъ Гиперборейцевъ, и эти приношенія, состоящія изъ плодовъ земныхъ, конечно присылались не отъ кочующихъ народовъ, но отъ осѣдлыхъ землепашцевъ1). Славянскія племена, которыя по своему коренному характеру не были ни завоевательными, ни жестокими, но кроткими представителями общечеловѣческихъ началъ, не должны бы были имѣть покровителей свирѣпыхъ и кровожадныхъ. Дѣйствительно, большая часть боговъ, охраняющихъ Трою, суть боги мира и тишины. Но столкновенія народовъ и войны давнишнія заразили уже самихъ Славянъ страстями, чуждыми ихъ первобытному типу, и Аресъ, безумный и свирѣпый, стоитъ въ одномъ ополченіи съ Фебомъ, покровителемъ всякаго стройнаго развитія, и съ кроткою Афродитою. Нельзя не признать его за сѣвернаго бога не потому только, что онъ защитникъ Трои, а потому, что онъ постоянно находится въ дружбѣ съ Аполлономъ и какъ будто подъ его покровительствомъ (такъ напр. Аполлонъ убиваетъ2) стрѣлами исполиновъ Алоидовъ, побѣдившихъ и сковавшихъ Ареса), между тѣмъ какъ тотъ же Аполлонъ находится въ постоянной враждѣ съ Кушитскими богами, съ Эрміемъ и Діонисомъ и часто даже Посейдономъ3). Впрочемъ, трудно и, я скажу болѣе, невозможно отличить собственно-Вендскихъ боговъ отъ боговъ Иранскихъ. Безпрерывное соприкосновеніе этого племени съ семьями Западно-Иранскими, по всему протяженію его жилищъ отъ Бактріи до Пропонтиды, не могло не сообщить ему множества религіозныхъ началъ Ирана, тѣмъ болѣе, что самое основаніе вѣры было общее. Антропоморфизмъ есть дѣтское ученіе о божествѣ: въ немъ нѣтъ

---

1) Pauly R. Enc. Der Mythus v. d. Hypp, hängt also offenfar mit denA pollin. Cultus selbst zusamnen und ist keine blose poet. Ausgeburt einer relativ späteren Zeit. *Изд.*

2) По другому преданію убиваетъ ихъ Артемида. *Изд.*

3) Т. е. съ ними, во сколько они представляютъ элементы Кушитскіе, иначе выраженіе „постоянно“ б. не вѣрно, ибо напр. борьбу Аполлона съ Діонисомъ можно усмотрѣть лишь въ миѳѣ о Марзіасѣ. *Изд.*

опредѣленно-философскаго начала. Оно можетъ точно также сливаться съ Иранствомъ, какъ и съ Кушитствомъ, съ ученіемъ о свободѣ, какъ и съ служеніемъ необходимости. Свидѣтельство Прокопія и Маврикія о позднѣйшихъ Славянахъ, характеръ антропоморфизма Вишнуитскаго, характеръ Эллинскихъ боговъ, происходящихъ изъ областей Вендскихъ, наконецъ, даже странная и до сихъ поръ непонятная война позднѣйшихъ богатырей противъ Змѣя-Горыныча (черта общая во всемъ Иранскомъ Сѣверѣ), однимъ словомъ, всѣ признаки доказываютъ, что вѣра древне-Славянская была только искаженіемъ глубокомысленнаго и чисто-духовнаго Иранства, переводъ божественной мысли на сказочный языкъ. Постоянныя сношенія, дружественныя, враждебныя или торговыя, Вендовъ съ своими южными сосѣдями, сливали мало-по-малу вѣры и народы между собою. Были мѣшанныя семьи, были общіе боги. Такъ, напр., пѣтухъ посвященъ Аресу въ Элладѣ; пѣтухъ служитъ изображеніемъ Нергала, бога войны въ Ассиріи; три пѣтуха, свѣтлый, красный и ржавый, даютъ знакъ послѣдней битвы боговъ Скандинавскихъ въ роковой день освобожденія Локи; наконецъ, вся Пруссія полу-Славянская и Славянское приморье Балтики поклонялись пѣтуху, и этимъ поклоненіемъ (по словамъ Гейнриха Латыша) воспользовались очень искусно вооруженные проповѣдники Католицизма, чтобы дресировать (можно ли сказать обращать?) идолопоклонниковъ къ Христіантсву. Образъ древняго бога войны до сихъ поръ красуется на колокольняхъ протестантской Германіи, какъ торжественное свидѣтельство ловкости миссіонеровъ и древняго сношенія народовъ Сѣвера и Юга. Не имена только боговъ должно принимать въ соображеніе, но характеръ ихъ изображеній и дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Иранскія и Сирійскія божества совершенно рознятся отъ Эллинскихъ и Эллино-Вендскихъ и не представляютъ явныхъ слѣдовъ человѣкообразія, но постоянно выражаютъ собою или нравственное стремленіе или отвлеченное понятіе. Отъ этаго уродливость или условность въ символахъ столько же имъ свойственны послѣ смѣшенія съ Кушитствомъ, сколько и самому Кушитскому міру. Большая часть безспорно Вендскихъ народовъ, Пэоны, Иллирійцы и другіе, по сказаніямъ древнихъ, выводили себя изъ Пергама. Смѣшно бы было принимать это свидѣтельство въ буквальномъ смыслѣ. Оно имѣетъ значеніе простое и ясное, искаженное писателями Эллино-Римскими. Венды на Сѣверъ отъ Эллады знали Трою; скажемъ болѣе, они считали Трою своею колоніею, но также и своею славою, главою союза, долго сражавшагося противъ союза Эллинскаго, и преданіе объ ней гремѣло по всѣмъ областямъ Славянскимъ. Отъ того-то, можетъ быть, и Арверны (не Венды ли, долго противившіеся Галламъ въ своихъ неприступныхъ горахъ?) хвалились происхожденіемъ Троянскимъ и обижали Римскую гордость притязаніемъ на братство. Другіе Галлы этаго преданія не имѣли. Отзывается ли память о Троѣ въ любви Славянъ къ имени Трояна, въ пѣсни Игоревой о Трояновыхъ вѣкахъ въ валахъ Трояна, въ сказкахъ о царѣ Троянѣ и т. д.? Одно безспорно: не историческаго Трояна, не великое свѣтило дряхлѣющаго Рима помнили наши Славяне. Быть можетъ, Геты и Даки не забыли своего грознаго побѣдителя, но что-то еще древнѣйшее отзывалось въ созвучіи слова и жило въ поэтическихъ сказкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пеласги и Эллины имѣли искони свою религію и своихъ боговъ; но ихъ еще труднѣе отдѣлить отъ чуждыхъ стихій. Малочисленное племя, долго подвергавшееся сильному вліянію другихъ огромныхъ племенъ, окрѣпло и получило великое значеніе въ судьбѣ человѣчества, но оно утратило много своихъ коренныхъ началъ и именъ, завѣщанныхъ древностью. Такъ Геродотъ уже говоритъ: „были у нашихъ предковъ боги, да боги безымянные; названія же приняли они отъ сосѣднихъ народовъ“*). Впрочемъ, отзывы старины еще можно отгадать въ Аркадскомъ Панѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ: это дѣло спеціальныхъ монографій, не важное для всемірной исторіи. Мы видѣли, что племя Вендское, обнимая собою Иранъ, Кавказъ, Элладу и Италію, служило проводникомъ для антропоморфизма, отзывающагося въ Индустанѣ и Греціи, точно также какъ Кушитское племя для символизма стихійнаго, и Иранъ для стремленія духовнаго. Не должно однакоже забывать, что безконечное пространство степей было населено весьма скудно, и что Сѣверъ Каспія, также какъ междурѣчіе Волги и Дона, были почти безпрестанно во власти чуждыхъ семей, которыхъ кочевая сила разрѣзывала Славянскую область. Долго тутъ властвовали Кимвры или Кумри, побѣжденные наконецъ Скиѳами и бѣжавшіе

---

*) II, 52—53. *Изд.*

на Сѣверъ Германіи, въ страну Польскихъ Славянъ, или въ полуостровъ Таврическій, который можетъ быть отъ нихъ получилъ названіе Кимръ, а по перестановкѣ согласныхъ, Кримъ (*Крымъ* глухимъ звукомъ напоминаетъ первоначальный звукъ въ словѣ *Кимри*, который былъ очевидно среднимъ между *и* и *у*). Потомъ властвовали Скиѳы, побѣжденные въ свою очередь за-Кавказскими Азами (Медами Иранскими, Сармато-Аланами) и Славянскими Гетами. Наконецъ, Азы стали твердою стопою на берегахъ Волги и въ продолженіе осьми или девяти вѣковъ не только отстаивали свое владѣніе отъ нападенія Вановъ, но часто покоряли ихъ своему мечу и распространяли власть свою на Сѣверъ до Вендскаго *Блата* (послѣ названнаго Сарматскимъ моремъ), и на Западъ, откуда они вытѣснили остатки Кумрійцевъ (Кимвровъ, потрясшихъ Римскую державу въ самой Италіи). Новый Славянскій напоръ, Болгары или Уны (*Унао* Китайскіе, одноплеменники Ванамъ, можетъ быть отъ слова *Ванъ*, *Вандъ*, можетъ быть отъ *Уный*, по-славянски хорошій, доблій), смелъ съ земли при-Донской и при-Днѣпровской толпы Азовъ и новыхъ временныхъ завоевателей, Готѳовъ; но самые Уны и Болгары, какъ намъ извѣстно, уже подвергались вліянію Финно-Турецкихъ народовъ; чистое славянство не могло ими быть возстановлено. Ваны восточные, отдѣленные отъ своей западной братьи, сохранили многія общія черты, любовь къ мирнымъ занятіямъ, хлѣбопашеству, торговлѣ и градостроительству: въ этомъ свидѣтели Китайцы. Но, безъ сомнѣнія, это цѣлое человѣчество Славянское, раскинутое по лицу земли, разрозненное, угнетенное, вездѣ развивалось въ разныхъ видахъ и послѣ двѣнадцативѣковаго разрыва представляло множество отдѣльныхъ народовъ, мало похожихъ другъ на друга. Въ это время Ваны восточные подверглись вліянію Индустанскаго просвѣщенія и приняли много новыхъ стихій, чуждыхъ коренному началу Славянскому. Въ глубокой древности, когда Средняя Азія и Финскій Сѣверъ еще не разрывали связи между Востокомъ и Западомъ, сходство всѣхъ отраслей Вендской семьи было явнѣе и разительнѣе. Свободно и легко гуляло слово Славянское отъ Бактріи до оконечностей Галліи, по приречьямъ и приморьямъ и просторнымъ степямъ. Тогда-то образовалась пѣсня съ своею задумчивою нѣгою и заливною удалью, тогда-то сказка выучилась говорить слова, глубоко-отзывающіяся въ душѣ Славянской до нашего времени, но чуждыя мелкимъ племенамъ, не знавшимъ такого вольнаго разгула.

„Высота ль, высота ль поднебесная,
Глубота-ль, глубота-ль океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ“.

Въ этой присказкѣ цѣлая исторія. Мы замѣтили, что прикосновеніе или примѣсь Славянской миѳологіи къ религіи другаго народа особенно познается по преобладанію поклоненія водѣ и по соединенію съ этой стихіею типа красоты женской. Трудно сказать, какая мысль скрывалась въ этомъ представленіи; но, во-первыхъ, должно замѣтить, что колыбель Вановъ, земля при Оксусѣ и Яксартѣ (имена, впрочемъ, сравнительно позднія и содержащія въ себѣ уже корни Финно-Турецкіе съ примѣсью слова общаго Финскимъ и Славянскимъ нарѣніямъ: *Акъ-су* и *Акъ-сыръ*, Бѣлъ-рѣка), издревле отличалась искусственною поливкою полей и до сихъ поръ пересѣчена безчисленными каналами; что эта земля, искони хлѣбопашественная, по свойству сухаго климата и песчаной почвы, нуждается въ благодѣтельномъ дѣйствіи воды; что какая-то святость рѣкъ и поклоненіе имъ отзываются безпрестанно въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ („ничѣмъ рѣкѣ Разинъ не поклонился“, „ничѣмъ морю Садко не поклонился“); что Славяне-Венды описываются безпрестанно какъ полуводяные люди (таковы Пэоны, Вудины, Венды при-Балтійскіе, Венды, сражавшіеся противъ Маврикія и Византіи, Венды Гальскихъ береговъ, Морины въ Бельгіи и такъ далѣе), и наконецъ, что самое имя Вендовъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова *вода (Вудины;* можетъ быть и *Аквитанія* подлѣ Вендіи, тоже древле неселенная Вендами). Весьма важно и то обстоятельство, что одинъ только слѣдъ стародавней вѣры, сохранившійся въ Русскихъ сказкахъ и припѣвахъ, содержится въ имени божества женскаго *Дидо Лада,* или *Дидисъ Ладо* по формѣ уже Литовской (*), и въ преданіяхъ о *Дивѣ морскомъ* (*Диво* или *Дивъ*, богъ). Можно замѣтить, что нѣкоторыя племена, часто враждовавшія съ Славянами, какъ, напримѣръ, Вотяки, видятъ въ водѣ начало зла (можетъ быть, признакъ, что враги ихъ именно

---

*) *Did* по-литовски значитъ великій. *Изд.*

ей поклонялись). Но этому обстоятельству не должно приписывать излишней важности. Гораздо важнѣе то, что въ антагонистическій дуализмъ Зороастра (Зердушта) входитъ уже какой-то дуализмъ органическій, огня и воды. Очевидно, огнепоклоненіе получило начало свое въ Западномъ Иранѣ, и преобладаніе его, также какъ и сравнительная древность, замѣтны въ Зендавестѣ. Можетъ быть,—и такое толкованіе весьма вѣроятно,—родина Зороастра *Согдо*, полу-Славянская, имѣла вліяніе на эту примѣсь; ибо огонь Западно-Иранскій имѣлъ высокое значеніе огня духовнаго и не допускалъ въ началѣ своемъ органическаго дуализма. Позднѣе еще, на восточныхъ окраинахъ Ирана, около Бактріи и Инду-Кху, появляется даже явный антропоморфизмъ съ весьма разительнымъ именемъ *Астарты*, знакомой намъ по миѳологіямъ Тигро-Эвфратскаго междурѣчія. Перенесеніе имени Астарты на богиню Восточно-Иранскую не представляетъ ничего замѣчательнаго: покоренная Вавилонія могла легко передать своихъ боговъ побѣдителямъ, и намъ извѣстно, что дѣйствительно Астарта была предметомъ общаго поклоненія въ царствѣ Персидскомъ. Памятникъ же магизма, въ которомъ встрѣчается ея имя (Бундегештъ), принадлежитъ эпохѣ довольно поздней. Но есть другія обстоятельства, связующіяся съ служеніемъ Астарты, которыя вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Астарта имѣла другое прозвище, которое относится къ глубочайшей древности, прозвище *Милитта*. Много толкованій было пріискано для объясненія словъ, оставшихся отъ языковъ Ассирійскаго и Вавилонскаго; вообще эти толкованія далеко неудовлетворительны. Мы не имѣемъ права пренебрегать сходствомъ многихъ словъ, явно близкихъ къ Славянскимъ. Таковы ночь первобытная, которой названіе *Оморка* никѣмъ не объяснено и которая по-славянски—*омракъ* была бы всѣмъ понятна (впрочемъ тотъ же корень принадлежитъ и Кельтскимъ нарѣчіямъ, что видно изъ Англійскаго *murky*); *Белъ* или *Велъ* (Бѣлый или Велій), но это слово принадлежитъ Финикійскимъ Семитамъ и отзывается въ Ирландіи и на Западныхъ берегахъ Европы; въ Тріадахъ—*Дахъ* или *Даухъ* и *Дауха* (Духъ); и наконецъ, почти безъ исключенія всѣ имена позднѣйшей династіи Ассирійской или Вавилонской, въ которыхъ слышны корни, до сихъ поръ сохранившіеся въ нарѣчіяхъ Славянскихъ, именно *Саръ* или *Ссаръ* (Царь) и *Набо* или *Небо*: *Набо-пала-ссаръ*, *Небо-ходне-*

ссаръ, *Небо-на-ссаръ* и такъ далѣе; къ этому можно прибавить еще звуки *данъ* и *меръ* или *миръ*. Но послѣдніе сомнительны, и ихъ значеніе неизвѣстно. Первые не подвержены никакому сомнѣнію. Слово *Небо*, названіе планеты Меркурія, предмета особеннаго поклоненія въ Вавилоніи, представляетъ явно тотъ же смыслъ, что и въ языкахъ Славянскихъ, и форму, которая гораздо ближе къ Славянской, чѣмъ къ Санскритской. Имя богини Милитты, Афродиты Вавилонской, до сихъ поръ остается безъ объясненія. Смыслъ его извѣстенъ, или по крайней мѣрѣ можетъ быть легко угаданъ по самому характеру богини. Германскіе ученые пріискали приблизительный корень въ словѣ Персидскомъ *михръ* (любовь); едва ли кто нибудь поспоритъ въ томъ, что слово *милъ* Славянское гораздо ближе къ *Милитта*, чѣмъ *михръ*, и точно также близко по смыслу.—Всѣ эти сходства не могутъ быть признаны за случайность. По всей цѣпи Вендскихъ населеній звучитъ имя Бѣлъ-бога, отъ Ядрянскаго до Балтійскаго моря, отъ Эвксина до Атлантики. Наконецъ, черта весьма замѣчательная связываетъ міръ Славянскій съ Ассиріею или, лучше сказать, съ Вавилономъ. Это глубокое уваженіе народа къ голубю. Мы видѣли, что храмъ Веловъ былъ наполненъ голубями, посвященными высшему богу. Въ Элладѣ святилище Додонское, Сѣвернаго Дія, было доступно только сизымъ голубямъ, вѣроятно символамъ сизаго воздуха. Позднѣе, эти же птицы дѣлались эмблемою Астарты-Милитты и Афродиты-Діоны. Почтеніе къ голубямъ, преданіе древности Русской, не позволяющее Русскому человѣку убить или съѣсть голубя, было обыкновенно объясняемо изъ христіанскаго ученія. Мы не можемъ признать такаго толкованія, во-первыхъ, потому, что Византія, предавшая намъ не только сѣмена Христіанства, но ученіе, развитое со всѣхъ сторонъ догматическихъ, обрядныхъ и бытовыхъ, не знала этаго обычая; во-вторыхъ, потому, что пѣсня духовная и народная, въ которой слилось Христіанство съ язычествомъ и которая извѣстна подъ названіемъ *Голубиной Книги*, носитъ на себѣ весь характеръ восточный, всѣ признаки глубокой народной древности и какой-то первобытной таинственности, невольно переносящей мысль на берега Яксарта, Эвфрата или Инда. Прибавимъ, что въ немногихъ твореніяхъ Санскритской словесности, переведенныхъ Европейцами, находятся уже нѣсколько отрывковъ, совершенно похожихъ на *Голубиную Книгу*, и что Скандинавская поэзія представляетъ точно такое же явленіе. Вотъ доказательство ея дохристіанскаго существованія. Трудно понять возможность сношенія между Ассиріею и землями Вендскими. Завоевательная и могучая, она не была порабощена ни чьей власти, кромѣ позднѣйшей Персіи. Со всѣхъ сторонъ окруженная Семитами, Арамейцами и Мидійскими народами, она не имѣла, кажется, соприкосновенія съ сѣверными или восточными Ванами; составныя же ея стихіи, въ Вавилонѣ—Кушитство строительное, въ Ниневіи—Западное Иранство, духовное и воинственное, исключаютъ, повидимому, вліяніе дѣтской вѣры Славянской. Но при лучшемъ изслѣдованіи могутъ родиться сомнѣнія. Оружіе могучей Ассиріи въ вѣка отдаленные громило берега Инда, временно покоряло часть сѣвернаго Индустана и налагало тяжкія дани на мирныхъ Вановъ Бактрійскихъ. Въ преданіяхъ, которыя составляютъ что-то похожее на исторію этихъ темныхъ вѣковъ, встрѣчается имя царицы, окруженной какимъ-то чуднымъ блескомъ славы и могущества. Это Семирамида, Семирамисъ или Семирада (ибо всѣ три формы извѣстны древнимъ). Отдѣльно взятое, это имя сосредоточиваетъ въ себѣ все величіе Ассиріи; приложенное къ исторіи, оно не клеится ни въ одну династію и явно обозначаетъ какой-то разрывъ послѣдовательности царей; сличенное съ миѳами, оно по своей эмблемѣ, голубю, и по своему религіозному значенію въ отвратительныхъ обрядахъ Вавилонскаго служенія, очевидно, совпадаетъ съ Милиттою. Древность сохранила намъ неясную память о томъ, что Ваалово или Велово поклоненіе древнѣе поклоненія богинѣ любви и что послѣднее было уже измѣненіемъ древней чистой вѣры. Тоже самое было и въ Додонѣ. Происхожденіе Семирамиды было не Ассирійское. Самолюбіе племенъ Сиро-Палестинскихъ вздумало ее присвоить себѣ; но такія сказки не должны быть приняты во вниманіе, когда онѣ ничѣмъ не подтверждаются. Вавилонъ и Ниневія не считали себя родиною Семирамиды, а выводили ее изъ Бактріи, гдѣ она будто бы была взята въ плѣнъ войсками Нина, и потомъ овладѣла сердцемъ и наконецъ престоломъ царя. Сказаніе это довольно важно, потому что оно признаетъ Бактрійское происхожденіе миѳической царицы, указываетъ на завоеванiе Бактрiи и на какое-то противодѣйствiе, и даетъ право признать мнимо-историческое лицо за простое олицетворенiе народа побѣжденнаго и въ свою очередь торжествующаго. Во-первыхъ, должно замѣтить, что сказка объ Амазонкахъ повторялась всею древностiю; во-вторыхъ, что она вездѣ обозначаетъ Славянскiя жилища, на берегу Дона и Днѣпра, во Ѳракiи и въ Сѣверо-Западной части Малой Азiи на берегахъ *Ѳермодона* (не тоже ли, что *Ярый Донъ*, *Еридан*ъ?), наконецъ въ землѣ Саковъ за-Каспiйскихъ; въ-третьихъ, что имя одной изъ миѳическихъ царицъ народовъ за-Яксарскихъ, *Царина* [1]), есть чисто-Славянское. Что Киръ, воевавшiй и погибшiй въ тѣхъ странахъ, побѣжденъ царицею, которой имя впрочемъ принадлежитъ корню не-Славянскому (но многое могло быть искажено) и что онъ убитъ народомъ, котораго названiе чисто-Славянское—*Дербицы* (Древичи)[2]), это представляетъ весьма важное указанiе. По сличенiи всѣхъ этихъ преданiй и важности, которую приписывали Славяне божеству женскому, какъ представителю высшаго бога (впрочемъ не какъ вышнему Богу), едва ли бы было слишкомъ дерзко заключить, что племя Славянское, по его миѳамъ, олицетворялось у другихъ племенъ въ видѣ женщины. Не должно терять изъ виду, что какое-то преданiе о женахъ воинственныхъ хранится издревле у Славянъ, но не какъ объ иноземкахъ, а какъ о своихъ родныхъ. Такова сказка о Дунаѣ-витязѣ, которая впрочемъ напоминаетъ Аравiю и Иранъ; таково мѣсто въ сказахъ объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ упоминается о разъѣздныхъ дѣвицахъ; таковы сказки о Царь-Дѣвицѣ, но особенно таково преданiе Чешское, живое и народное, о власти дѣвицъ и потомъ о бунтѣ дѣвицъ. Что нибудь да было въ обычаяхъ Славянскихъ, чуждое другимъ племенамъ и подавшее поводъ ко всѣмъ этимъ выдумкамъ. Важный намекъ на это что-нибудь находимъ мы въ фактѣ, принадлежащемъ собственно области Славянской, въ козачествѣ, и въ холостыхъ общинахъ воиновъ. Таково козачество Вендское въ Юлинѣ (Iомсбургѣ), таково позднѣйшее Запорожство. Выводить козаковъ (пограничную охрану страны, вольницу, удальцовъ) изъ Скандинавiи сущая нелѣпость; во-первыхъ потому, что Скандинавiя, Сарматiя и Германiя не представляютъ ничего подобнаго; во-вторыхъ потому, что всѣ Сарматы и Германцы были воины и не могли имѣть нужды въ удальцахъ, отрекшихся отъ домашней жизни; въ третьихъ потому, что козачество находится тамъ, гдѣ нѣтъ и слѣда Скандинавіи или Германіи, напр., въ Иллирійскихъ Ускокахъ; наконецъ, потому, что сила Юлина, нѣкогда предписывавшаго законы всему Сѣверу, очевидно основана была на его единствѣ съ окружающею его Вендскою землею, между тѣмъ какъ о завоеваніи Вендовъ Скандинавами нѣтъ ни малѣйшаго преданія. Допущенное начало холостой жизни въ пограничной стражѣ объясняетъ отчасти возможность совершеннаго раздѣленія между мужчинами и женщинами и существованіе особыхъ женскихъ слободъ. Такое явленіе должно было легко перейти въ сказку объ Амазонкахъ. Какъ бы то ни было, воспитаніе Семирамиды голубями связываетъ ее неразрывно съ богинею любви и подтверждаетъ ея Бактрійское происхожденіе, выводъ имени Милитты изъ корня *милъ* и Семирамиды (или *Семи-радъі* изъ *Земи-рада*, позднѣйшее объясненіе что она была дочь *Дерке* ими *Деркето*, богини водъ (также какъ Фригта, Афродита и проч. были дочерями воды), и странное смѣшеніе преданій, по которому не разберешь, гдѣ былъ центръ Ассирійской монархіи, въ Ниневіи ли, или въ Ванскомъ Востокѣ. Предположеніе о распространеніи власти Вановъ на Западный Иранъ до Эвфрата находитъ много сильныхъ подтвержденій. Очевидно, завоеваніе Зогакомъ земли Иранской указываетъ на преобладаніе при-Эвфратскихъ Кушитовъ; востановленіе ея свободы Феридуномъ и воспитаніе Феридуна въ горахъ Мидійскихъ показываютъ новую жизнь и новую династію владыкъ, исходящія изъ Западнаго Ирана (также какъ Кеаниды изъ Южнаго Парсистана). До Зогака властъ была въ рукахъ не воинственнаго, но благаго Джемшида, кроткаго землепашца, родившагося въ Бактріи и царствовавшаго по всей землѣ, снова прогнаннаго въ Бактрію и взятаго въ плѣнъ данниками Зогака, Индѣйцами. Это опять тоже воспоминаніе о старой славѣ Вановъ. Юстинъ сохранилъ намъ важное преданіе: Скиѳы тысячу лѣтъ царствовали во всей землѣ Иранской" (на этомъ основана часть подложныхъ *хроникъ Эрійскихъ)*, „и власть ихъ была кроткая и мирная, благословенная для рода человѣческаго. Это было прежде власти Ассирійской". Таковъ смыслъ его словъ. Очевидно, Скиѳы тутъ смѣшаны съ народомъ Саковъ-Вановъ, по повальной привычкѣ Грековъ и Римлянъ. Кротость ихъ и мирное владычество напоминаютъ Джемшида и характеръ Славянъ-земледѣльцевъ. Власть Джемшида и Скиѳовъ уничтожена возстаніемъ чисто-Ассирійскаго начала. Точно также и Семирамида (символъ этого временнаго могущества Вановъ) не сливается съ послѣдующею исторіею Ассиріи, но принята гордостью народною въ свои лѣтописи и вѣрою народною въ свои храмы, гдѣ она, впрочемъ, приняла чисто-Кушитскія формы и характеръ. Примѣры такого усвоенія старой славы своихъ завоевателей народомъ, возставшимъ противъ ихъ власти, весьма обыкновенны. Въ имени Семирамиды никто не станетъ отрицать корня *Семи* или *Земи*; но послѣдняя часть слова можетъ происходить или, какъ уже сказано, изъ *радо*, или изъ Санскритскаго *рама* (голубь), быть можетъ нѣкогда принадлежавшаго всѣмъ Индо-Германцамъ и отзывающаго въ Французскомъ словѣ ramier (если оно коренное, а не отъ ramus) *). Вообще должно помнить шаткость вывода этимологическаго и болѣе обращать вниманіе на общность и смыслъ преданія, чѣмъ на слова; на вѣковые обычаи и повѣрія всякаго народа (таково почтеніе къ голубямъ), чѣмъ на слова иноземныхъ писателей, по большей части безчувственныхъ ко всему истинно-народному. Затѣмъ остается одно сомнѣніе неразрѣшеннымъ. Отчего сходство царскихъ именъ съ корнями Славянскими встрѣчается именно въ послѣдней династіи, когда уже вліяніе Ванское не могло имѣть никакой силы? Объясненіе невозможно, догадки позволительны. Вавилонъ, освободившійся отъ Ассиріи, могъ своимъ царямъ давать имена неизвѣстныхъ намъ царей славной нѣкогда династіи. Но что такое догадка безъ всякаго основанія? Хотя всѣ вѣроятности заставляютъ предполагать преобладаніе Вановъ Бактрійскихъ на берегахъ Эвфрата до вторичнаго возстанія Ассирійской самобытности, но въ отношеніи религіозномъ особенно важно только происхожденіе богини, усвоившей себѣ голубицу. Оно несомнѣнно связано съ Сѣверо-восточнымъ Ираномъ и подтверждаетъ обще-Славянское служеніе Афродитѣ. Въ антропоморфизмѣ очень понятно заключеніе божественнаго начала въ образъ человѣческій; гораздо менѣе понятенъ ходъ ума, освятившаго форму женскую и давшаго, такъ сказать, подругу высшему богу. Кажется, можно смѣло утверждать, что искаженіе перваго религіознаго начала въ развитіи антропоморфизма происходило въ Бактріи, какъ и вездѣ, отъ соприкосновенія съ Кушитскимъ ученіемъ, уже далеко распространившимся въ Сѣверномъ Индустанѣ. Поклоненіе Фриггѣ или Фреѣ неизвѣстно далѣе береговъ Адріатики на Западѣ Славянскомъ, между тѣмъ какъ имя Бела (Бѣлъ-бога) отзывается въ Венетіи Галійской. Вѣроятно, введеніе женскаго начала въ міръ божественный произошло уже послѣ разселенія семьи Славянской и не достигло крайней оконечности ея на берегахъ Атлантическаго океана. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, во-первыхъ, что антропоморфизмъ коренной принадлежитъ собственно-Иранскому строю ума; ибо избраніе человѣка въ символы божества высшаго и перенесеніе его въ небо указываетъ на понятіе о свободѣ творящаго духа, между тѣмъ какъ символизмъ Кушитскій содержалъ въ себѣ присущую идею необходимости; во-вторыхъ, что, въ силу того же душевнаго строя, женское начало, вступая въ систему человѣкообразной вѣры, теряло свой характеръ полярности и принимало характеръ женственности истинной, т.-е. ту черту, которая отличаетъ собственно Сѣверныхъ богинь отъ Южныхъ и рѣзко отдѣляетъ Лакшми отъ Кали.—Трудно отыскать слѣды древне-Вендской вѣры въ ея позднѣйшей формѣ; но такая перемѣна не можетъ удивлять въ продолженіе столькихъ вѣковъ, особенно въ народѣ, жадно впитывающемъ въ себя всѣ религіозныя начала. Области Славянскія (Чехи, Моравы, Русь) представляли въ IX-мъ и въ X-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. рѣдкій примѣръ народа, такъ сказать, не ждущаго Христіанства, а идущаго къ нему навстрѣчу. Если при-Балтійскіе Венды такъ упорно отбивались отъ католическихъ проповѣдниковъ, очевидно виноваты сами миссіонеры и чисто-Римская мысль—сдѣлать изъ креста ефесъ меча завоевательнаго. Будущіе вѣка назовутъ эту проповѣдь ругательствомъ надъ святынею божескою и достоинствомъ человѣческимъ.—Вообще, подъ очарованіемъ роскошнаго міра Эллинскаго искусства и Римской силы, мы привыкли смотрѣть на Южную Европу, какъ на средоточіе величайшихъ явленій человѣческой жизни. Важность области безспорно измѣряется не по числу людскихъ единицъ или квадратныхъ верстъ, но не должно забывать, что много и много вѣковъ прошло, прежде чѣмъ Эллада пришла въ сознаніе, или Римъ въ возрастъ. Они прекрасныя, но позднія дѣти человѣчества; они не колыбель просвѣщенія, но наслѣдники давней образованности, принявшей въ нихъ новыя формы, стройныя и разнообразныя. Множество стихій въ нихъ встрѣтились и слились. Первые начатки просвѣщенія принадлежали племенамъ многочисленнымъ и сравнительно-чистымъ. Римъ совершенно безроденъ; Эллада, если мы даже не приемъ ее за смѣшеніе племенъ, все-таки представляетъ намъ только отдѣльную и малую вѣтвь другой большой семьи. Поставленная на перепутьи народовъ, она должна была принимать вліяніе отъ старшихъ своихъ братьевъ; но, достигнувъ самобытности, она готова была увѣрить себя и увѣрить насъ, легковѣрныхъ своихъ учениковъ, что съ нею только и началась умственная исторія міра. Такъ, она называетъ первый корабль свой *Арго* первымъ кораблемъ, разсѣкавшимъ волны морскія, и только изрѣдка вспоминаетъ, что изстари ходили суда Египта и Финикіи по Средиземному морю. Варвары Сѣверные недостойны даже воспоминанія въ ея поэтическихъ лѣтописяхъ; а Троя была дѣйствительно и богаче, и торговѣе, и образованнѣе Эллады (въ томъ свидѣтель Гомеръ), а за первымъ Греческимъ кораблемъ и спутниками Язона гонится уже цѣлый флотъ при-Эвксинскаго царя. Такъ боговъ своихъ она выдаетъ за коренныхъ, между тѣмъ какъ они шли съ Юга и Сѣвера. Примѣромъ служитъ Діонизъ Кушитскій и Аполлонъ Иперборейскій, принесенный отъ границъ Ѳракіи и Иллиріи завоевательными Эллинами, которые, по всей вѣроятности, представляютъ намъ пограничную и мелкую семью, составленную изъ смѣси Пеласговъ и Ѳракійцевъ (Вендовъ). Отъ того-то Аполлонъ, представитель полнаго антропоморфизма, былъ защитникомъ Трои и, въ тоже время, несомнѣнно, богомъ касты аристократической въ Элладѣ.

---

[1]) Pauly R. Enc. Zarina. *Изд.*

[2]) По Ктезiю тождественны съ Массагетами. *Изд.*

---

*) Объясняется это имя изъ Семит. корней, съ пріуроченіемъ его къ голубю. Lenormant Hist. de l'Orient 4, 128 предлагаетъ другое: Ассир. Sumuramu—возвышенное имя. *Изд.*

Такимъ образомъ, около двухъ великихъ центровъ, Ирана и Куша, расходились вѣрованія, рожденныя въ нихъ, и располагались или лучами или кругами концентрическими. Но впослѣдствіи Кушитство отовсюду обхватило Иранскій центръ и достигло самыхъ дальнихъ областей, на Востокѣ—ученіемъ Буддаическимъ, на Западѣ—Финикійскимъ Ваализмомъ, проникшимъ въ Иберію и Іерне (Испанію и Эринъ) въ формѣ звѣздопоклонства и смѣшавшимся въ Галліи съ Кельтскимъ служеніемъ Тевтатесу; наконецъ, на Сѣверѣ — въ видѣ антропоморфизма и развившагося изъ него многобожія у Вановъ и Азовъ. Впрочемъ, даже въ искаженіи своемъ, Сѣверъ сохранялъ нѣкоторую чистоту и не забывалъ ни высшаго бога, ни нравственнаго характера, ни духовной свободы. Такъ, Кельты въ Британіи являются намъ съ какимъ-то величіемъ чисто-Иранскимъ, Германцы въ своихъ глубокихъ лѣсахъ помнятъ старый завѣтъ своей родины, и Славяне-Венды, воевавшіе противъ Византіи, знаютъ всемогущество единаго всесоздавшаго Бога. Финны приняли, очевидно, многое отъ стихійнаго служенія (это видно изъ сказки о водной матери Феденъ или Веденъ-Эме и сынѣ, котораго тѣла она ищетъ, какъ Изида тѣла Озириса), но многое и у нихъ отзывается древне-духовною вѣрою. Искаженіе же ея относится, вѣроятно, къ поздней эпохѣ, какъ и введеніе многоглавыхъ уродливыхъ боговъ въ области при-Балтійскихъ Славянъ. Этими признаками Индустанскаго вліянія можно опредѣлить великій торговый путь отъ Гангеса до Западной Двины, путь, которымъ обогащались берега Волги и Сѣверная Русь, который, въ послѣдствіи, часто былъ прерванъ нашествіями съ Сѣверо-востока и Юго-запада, почти совершенно загражденъ нерасчетливостью воинственныхъ князей Рюрикова дома и окончательно забытъ въ кровавыхъ буряхъ Татарскаго нашествія.

Начало вещественной необходимости постепенно увлекаетъ народы древности, вытѣсняя начало духовной свободы.

Вѣрованія, исходящія изъ Кушитскаго центра, какъ мы уже сказали, торжествовали надъ соперничествомъ Ирана: это фактъ несомнѣнный и котораго объясненіе не трудно. Мысль человѣческая, отъ дѣйствія жизни и зависимости ея отъ природы внѣшней, свыкается съ строгими законами логической необходимости. Разумнымъ кажется только то, что̀ развивается въ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій. Безначальная и самосущая воля, неосязаемая для пытливости ума, получаетъ весь характеръ произвольной догадки и, въ сравненіи съ понятіями опредѣленными, выведенными изъ жизненнаго опыта, падаетъ на степень темнаго и сомнительнаго инстинкта. До сихъ поръ, наука еще не могла довести логическое развитіе далѣе самоотрицанія необходимости, возвращающаго мысли свободу; но самая свобода носитъ еще клеймо отрицанія и не представляетъ творческой и всемогущей воли. Всѣ заблужденія и безсиліе философіи, высказавшіяся въ формахъ отвлеченнаго и сухаго мышленія, давно уже выражались въ образахъ и символахъ религіозныхъ.

Шаткость разума и обманы эмпирическаго мудрствованія влекли человѣка къ признанію первоначальной необходимости; еще сильнѣе влекли его по тому же пути всѣ худшія страсти, въ немъ врожденныя. Вражда народовъ, столкновеніе племенъ завоевательныхъ, угнетеніе или торжество, все то, чѣмъ люди запятняли свои лѣтописи и чѣмъ люди по старой привычкѣ и теперь еще гордятся, все развращало и унижало душу и затемняло старыя преданія и память прежняго ученія; а мысль, оторванная отъ твердой основы, на которой покоилась ея дѣтская вѣра, не могла уже возстановить ее собственными силами и упадала глубже и глубже въ область ученій произвольныхъ и призраковъ, созданныхъ прихотью воображенія для потребности религіозной.

Въ началахъ Куша и Ирана, взятыхъ отдѣльно, силы повидимому равны; можетъ быть даже для души, не искаженной софизмами ума эмпирическаго или софизмами страстей, есть въ ученіи о первобытной волѣ какая-то бóльшая убѣдительность, чѣмъ въ ученіи о первоначальной необходимости. Но малѣйшее отклоненіе отъ чистоты Иранскаго вѣрованія разрушаетъ его до основанія; никакое уклоненіе, никакая примѣсь не могутъ ослабить вѣчно-возрождающагося Кушитства. Свободная сила духа не терпитъ никакихъ ограниченій, она не можетъ раздѣлить область міровую съ другимъ началомъ, она проситъ власти, а не свободы. Міръ чуждъ ей, и она чужда міру, если міръ имѣетъ въ себѣ какую нибудь самостоятельность, какой нибудь зародышъ независимости и не признанъ за проявленіе свободно-проявляющагося духа. Малѣйшій уголъ міра, независимый отъ духа, достаточенъ для необходимости. Какъ скоро ея права сохранены, какъ скоро въ ней признана какая нибудь самобытность, съ нея довольно: отъ этой легкой примѣси воля духовная обратится въ безсмысленный произволъ и утомится въ безплодной борьбѣ противъ непокорнаго вещества. Необходимость есть фактъ и не что иное, какъ фактъ. Независимость факта есть торжество необходимости. Духъ борется и страдаетъ; фактъ живетъ безъ смысла, безъ сознанія, безъ страданій. Самоуничтоженіе *(нирвана)* Будаистовъ остается единственнымъ убѣжищемъ для духа; но рабство Шиваизма, или безнравственность Эллинскаго и всѣхъ многобожій, соблазняютъ человѣка болѣе, чѣмъ отчаяніе нигилизма, и горячія требованія жизни смѣются надъ безсильною гордостью духа.

Очевидно, во времена историческія, Иранское ученіе (хотя отзывы его еще слышны далеко, и особенно въ благородной Скандинавіи) принадлежитъ уже однимъ Евреямъ и небольшой области Мидійскихъ, Бактрійскихъ и Парсскихъ народовъ. Но даже у нихъ, за исключеніемъ однихъ Евреевъ, примѣшалось чуждое ученіе, и чистое Иранство клонилось къ паденію. Это можно замѣтить въ органическомъ двойствѣ огня и воды, которое содержитъ въ себѣ скрытое понятіе о полярности, т.-е. основаніе чисто-Кушитское; это еще замѣтнѣе въ антропоморфизмѣ Бундегеша *) и совершенно ясно въ Миѳраизмѣ приЭвфратскомъ.

Ненужно и невозможно признавать Сабеизмъ за особенный отдѣлъ въ религіяхъ; онъ входилъ во всѣ вѣрованія, какъ одна изъ составныхъ стихій, болѣе или менѣе преобладающая надъ другими по характеру жизни народной и направленію народнаго воображенія; но въ немъ никогда не содержалось начала отдѣльнаго и самобытнаго. Онъ равно присоединялся къ ученію Кушитовъ и Иранцевъ, ибо не имѣлъ въ себѣ опредѣленнаго и яснаго смысла. Хотя Сабеизмъ указываетъ на какое-то благородство души, предпочитающей ясные символы небесные грубымъ и унизительнымъ символамъ земнымъ; хотя наше чувство красоты и изящества менѣе возмущается колѣнопреклоненіемъ передъ вѣчными и негаснущими свѣтилами дня и ночи, чѣмъ передъ непостоянною силою воды и вѣтра или рабствующимъ терпѣніемъ земли, покоренной человѣческою рукою; но Сабеизмъ очевидно ниже антропоморфизма въ опредѣленности символовъ. Избраніе человѣка въ представителя божества содержитъ въ себѣ уже безмолвное признаніе характера свободы въ началѣ міровомъ, и отъ этого дѣйствительно болѣе духовно, чѣмъ поклоненіе свѣтиламъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что человѣкообразныя религіи скорѣе Сабеизма теряли изъ виду единство божественнаго источника. Сказочное направленіе, развившее политеистическія системы, болѣе находило пищи въ антропоморфизмѣ, чѣмъ въ служеніи звѣздамъ; но, какъ мы уже сказали, самое описаніе неба облекалось въ форму сказки и слѣдовательно принимало начало, самобытно живущее и разрастающееся органически, независимо отъ первобытнаго символизма религіознаго. Нѣтъ сомнѣнія, что были народы, у которыхъ вѣрованіе ограничивалось однимъ Сабеизмомъ; но эти примѣры весьма рѣдки и только доказываютъ, что память о смыслѣ ученія могла быть совершенно утрачена, между тѣмъ какъ наружные образы сохранились неизмѣнно. Точно тоже явленіе повторяется въ антропоморфизмѣ и во всѣхъ другихъ системахъ, и вездѣ обозначаетъ только упадокъ религій, а не отсутствіе общихъ коренныхъ основъ.—Мы видѣли, что всѣ древнія вѣры дѣлятся на два разряда: на поклоненіе духу, какъ творящей свободѣ, и на поклоненіе жизни, какъ вѣчно необходимому факту. Наружнымъ признакомъ ихъ нашли мы обоготвореніе змѣи или ненависть къ ней. Безпристрастный взглядъ на астрономическія эмблемы приводитъ насъ къ тому заключенію, что астрономія древнихъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ она къ намъ дошла, была послѣдствіемъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Иранѣ. Впрочемъ, можно предположить съ вѣроятностью, что первыя познанія о порядкѣ свѣтилъ и о движеніи ихъ родились не въ одной какой нибудь мѣстности, а были общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ и развивались подъ вліяніемъ разныхъ началъ вѣры и просвѣщенія, получая вездѣ разныя физіономіи, но въ тоже время сохраняя вездѣ общее родовое сходство.

---

*) Космогоническій трактатъ позднѣйшаго происхожденія, но въ которомъ (ср. Spiegel, Alterthumskunde, III, 397), основа несомнѣнно древняя. *Изд.*

Такимъ образомъ въ зодіакахъ Египетскомъ и Индѣйскомъ примѣшалось многое не только чуждое, но совершенно противное первоначальному смыслу зодіака. Такимъ образомъ составились въ областяхъ Кушитскихъ двойные мѣсяцы, перешедшіе потомъ въ Китай и далѣе, между тѣмъ какъ въ областяхъ Иранскихъ не знали ни про двойные мѣсяцы, ни про дѣленіе года на шесть временъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что астрономическія знанія и Сабеизмъ проистекали не отъ одного источника; поэтому Иранъ, родина науки небесной, могъ быть совершенно чуждъ солнцепоклоненію; но съ другой стороны, привычка обращать взгляды свои къ звѣздамъ (признаннымъ за лучшіе образы божественной мысли или за лучшее представленіе неизмѣнности природы) должна была познакомить человѣка съ видомъ неба и съ его измѣненіями, денными, годовыми или многолѣтними. Наука совершенствовалась отъ вліянія религіозныхъ привычекъ, но нисколько не служила ни основаніемъ, ни даже пополненіемъ религіозной мысли.

Вообще замѣтно, что поклоненіе народное избрало въ небѣ тѣ свѣтила, которыя имѣютъ признакъ жизни отдѣльной и свободной. Солнце, мѣсяцъ, планеты представляли существа независимыя отъ самой тверди небесной; имъ приносились жертвы и строились храмы. Звѣзды неподвижныя, прикованныя къ своимъ мѣстамъ и рабски повинующіяся общему круговращенію неба, казались недостойными служенія. По крайней мѣрѣ весьма мало примѣровъ обоготворенія Сиріуса или Канопуса или даже созвѣздій зодіака. Если бы мы не знали этого изъ преданій и памятниковъ, мы бы тоже самое должны были угадать *a priori* въ силу общихъ законовъ человѣческаго разума. Звѣзды неподвижныя получали иногда значеніе чистыхъ духовъ, поставленныхъ высшими богами на вѣчный караулъ для охраненія порядка мірового; но выше этой чести онѣ ничего не могли достигнуть, конечно не по недостатку блеска (ибо блѣдный Сатурнъ темнѣе Сиріуса и другихъ звѣздъ первой величины), но по отсутствію свободной жизни, примѣченной въ планетахъ. Движущіяся свѣтила принадлежали вполнѣ миѳологіи, неподвижныя были связаны между собою только легкою цѣпью сказки безъ значенія религіознаго и перешли въ самыя системы религіозныя только тогда, когда самая сказка утратила свой ученый смыслъ. На Югѣ, въ земляхъ извѣстныхъ намъ изъ ихъ собственныхъ памятниковъ и описаній или изъ разсказовъ Эллинскихъ, можно замѣтить какую-то общую повѣсть, въ которой были соединены всѣ явленія небесныя и всѣ созвѣздія; можно часто даже замѣтить сходство въ именахъ и аттрибутахъ и отслѣдить ихъ начало изъ страны, издревле славившейся астрономическимъ знаніемъ, именно изъ горъ сѣвернаго Ирана. У другихъ народовъ, которыхъ старина забыта, или потому, что она не была озарена просвѣщеніемъ, или потому, что это просвѣщеніе предшествовало изобрѣтенію грамоты, нельзя отыскать общаго источника и родового сходства. За всѣмъ тѣмъ, мы не должны оставлять безъ вниманія и самые легкіе слѣды этаго стараго общенія. Такъ, напримѣръ, Валлійцы называютъ млечный путь *каэръ Гвидіонъ*, т. е. дорогою бога, сына Дона. Русскіе называютъ тотъ же млечный путь дорогою Донскою. Одной этой примѣты достаточно, чтобы угадать старую связь народовъ и заемъ сдѣланный однимъ у другого, вѣроятно грубѣйшимъ у просвѣщеннѣйшаго, осѣдлаго и мореплавательнаго, давшаго имя Дона (Тихаго или Яраго) своимъ большимъ рѣкамъ. Небописаніе, какъ мы сказали, или повѣсть о неподвижныхъ звѣздахъ, происходила изъ земель Иранскихъ; это замѣтно изъ положенія змѣи и отношенія ея къ другимъ лицамъ. Но можно охотно повѣрить свидѣтельству Геродота, когда онъ приписываетъ Египтянамъ изобрѣтеніе астрологіи. Эта мнимая наука совершенно соотвѣтствуетъ ученію о необходимости и не могла родиться на Сѣверѣ. Впрочемъ, не смотря на великія заслуги и простодушный геній отца исторіи, должно замѣтить, что онъ былъ обвороженъ величіемъ древняго просвѣщенія областей Юго-восточныхъ, и готовъ былъ все приписывать имъ, какъ наши Русскіе ученые готовы вѣрить, что все нами принято отъ Нѣмцевъ, даже тѣ слова, которыхъ корни ясно Славянскіе, или тѣ понятія, которыя встрѣчаемъ мы у Германца, Ботокуди и Эндамена. Быть можетъ, намъ сколько нибудь и не достало Геродотовскаго генія, но въ простодушномъ смиреніи мы хоть кого превзошли.

Духовное начало возстановляется реформаторами (Шакья-Муни, Зороастръ и др.), но реформаторъ не можетъ возсоздать первобытной вѣры въ ея полнотѣ и жизни.

Несмотря на неизбѣжное торжество ученія Кушитскаго и на постепенное паденіе Иранства, чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человѣческую душу, и во всѣхъ народахъ возставали богоизбранные люди, повременно призывавшіе своихъ братій къ сознанію коренной свободы и проистекающаго изъ нея понятія о добрѣ. Отъ ихъ появленія зависѣли эпохи реформъ религіозныхъ, которыя замѣтны въ исторіи вѣрованій, намъ извѣстныхъ, и которыя всегда были возвратомъ къ лучшему началу. Большинство съ своею грубо-инстинктивною логикою, съ своими грубо-вещественными страстями постоянно стремилось къ Кушитству; лучшіе умы чувствовали призваніе высшее и на время возстановляли достоинство человѣческое, постоянно забываемое народными толпами.

Таковъ былъ Шакья-Муни въ Индустанѣ или Готама (хотя Готама есть, вѣроятно, только Буддаистическое прозвище, напоминающее Самано-Кодомъ, таинственнаго Кадма, эмблему духа въ человѣчествѣ, но духа въ его безсильно-страдательномъ отношеніи къ несокрушимой необходимости, точно такъ же какъ богъ въ Полинезіи, родоначальникъ человѣковъ, носящій обще-человѣческое имя Таата, напоминаетъ того же Кадма-Таута). Таковъ былъ Зердуштъ въ Мидо-Бактрійской области, хотя имени его мы не считаемъ собственнымъ именемъ, а миѳическимъ, относящимся къ самой Зендавестѣ; ибо Зер-душтъ по корнямъ своимъ (*ссеръ*, *зеръ*, *царъ* и т. д., и *душтъ*, *дохтъ*, *дегештъ* и т. д.) явно значитъ — ученіе Господа. Не должно, однако, забывать, что собственное имя можетъ казаться прозвищемъ миѳическимъ: такъ напр. имя Юстиніана и особенно, его настоящее Славянское имя *Управда*, легко могло бы быть принято за позднѣйшее прозвище, данное благодарностью потомства или сказочнымъ преданіемъ. Впрочемъ, тѣмъ болѣе можно считать имя Зер-душта за названіе ученія, перенесеннаго на миѳическаго учителя, что оно соотвѣтствуетъ имени Финикійскаго Санхоніяѳона, *Зан-хон-гаѳъ* (ученіе Хона) и представляетъ другую форму Зеро-астеръ, которая почти однозначаща съ формою Зер-душтъ (ученіе Господа или свѣтъ Господа), а никакъ не можетъ считаться ея искаженіемъ.

Но усилія человѣка могутъ возстановить только логическую и мертвую формальность понятія религіознаго. Убѣжденіе человѣка пробуждаетъ въ другихъ людяхъ только мысли, безмолвно жившія въ ихъ душѣ; формальность же понятія всегда сохраняетъ характеръ ограниченности и умствованія. Убѣжденіе, основанное на сочувствіи съ чужою мыслію, носитъ болѣе или менѣе клеймо произвола и сопровождается скрытнымъ, но неотвязнымъ, сомнѣніемъ. Ни въ умствованіи, ни въ убѣжденіи, основанномъ на немъ, нѣтъ ни полноты, ни жизни. Вѣра и полнота жизни религіозной неразлучны съ преданіемъ, обнимающимъ въ единствѣ своемъ мысль и бытъ, чувство и умозрѣніе. Человѣкъ не можетъ создать преданіе, и реформа, даже исправляя прежнее ученіе, суживаетъ кругъ дѣятельности духовной и разрушаетъ цѣлость и единство внутренняго и наружнаго быта.

Въ этомъ отношеніи реформа рѣзко отдѣляется отъ обращенія въ другую вѣру, уже существующую самобытно и возросшую на исторической основѣ преданій. Созданіе человѣка одностороннe и мелко; но завѣтъ вѣковъ, проникнутый многостороннею жизнію племенъ или народовъ и запечатлѣнный слѣдами безискусственнаго и постепеннаго развитія, обнимаетъ собою всю душу даже новообращеннаго послѣдователя, даетъ ему безконечное прошедшее и окружаетъ его цѣлымъ міромъ образовъ и символовъ религіозныхъ, перешедшихъ въ полную и стройную систему быта. Разница не въ послѣдователяхъ ученія, но въ учителяхъ. Реформаторъ слабъ внутреннимъ раздоромъ; проповѣдникъ древняго преданія силенъ внутренней тишиною. Этотъ раздоръ или эта тишина передаются отъ наставниковъ ученикамъ и не изглаживаются даже въ теченіе вѣковъ. Въ оковахъ преданія есть свобода, потому что внѣшняя жизнь уже готова для внутренняго духа; въ свободѣ реформы есть робкій трудъ, потому что мысль должна себѣ создать внѣшніе образы, заклейменные неизбѣжнымъ произволомъ. Таковъ былъ характеръ всѣхъ реформъ отъ глубочайшей древности до великаго переворота, потрясшаго и разорвавшаго западное Христіанство.

Иранство, какъ мы сказали, всегда возстановлялось частными усиліями великихъ умовъ; Кушитство вкрадывалось отъ безпрестаннаго дѣйствія времени и народныхъ массъ. Очевидна сравнительная слабость Иранскаго ученія въ его борьбѣ съ примѣсью Кушитской стихіи. Иранство, вѣчно забываемое, вѣчно требовало возобновленія; Кушитство никогда не могло упадать и искажаться, ибо въ немъ заключалось крайнее искаженіе человѣческой природы.

Хотя Буддаизмъ коренной былъ таинственною вѣрою жрецовъ Шиваитскихъ и истекалъ изъ одного источника съ поклоненіемъ Шивѣ, природѣ вещественной (т.-е. фактической или невольной); но такъ называемая эра Буддистовъ или реформа Шакья-Муни должна считатся явленіемъ духа Иранскаго. Будлизмъ возстановленный (или второй) противенъ первобытному не только потому, что онъ выведенъ изъ мрака жреческихъ святилищъ и отданъ въ достояніе всѣмъ людямъ безъ исключенія, но потому, что онъ разорвалъ свой союзъ съ Шиваизмомъ, хотя и не могъ расторгнуть коренной логической связи. Онъ сохранилъ первое основаніе ученія Кушитскаго въ признаніи всемогущей необходимости; но онъ въ тоже время объявилъ ему войну, принявъ отъ Иранства поклоненіе духу. Такимъ образомъ составилась чудная религія: служенія духу признанному за безсильнаго, служенія ему въ самомъ его безсиліи. Жалкая вѣра, безъ смысла и основанія, но великолѣпно свидѣтельствующая о достоинствѣ души человѣческой и о высоко-нравственномъ величіи реформатора, Шакья-Муни.

Реформа религіозная ищетъ всегда опоры въ прежнемъ преданіи, и она тѣмъ сильнѣе, полнѣе и живучѣе, чѣмъ тѣснѣе она связывается съ прошедшимъ. Но вѣрованіе, вѣчно борющееся съ чуждою стихіею и вѣчно принимающее ее въ себя, находится въ безпрестанномъ состояніи реформы даже тогда, когда мы не можемъ указать на эпохи сильныхъ переворотовъ. Оно утрачиваетъ свою простоту и подвергается кореннымъ измѣненіямъ, сохраняя всю наружность неподвижности и неизмѣнности.

Таково было состояніе Брахманства. Въ позднѣйшее время, когда усилившійся Буддаизмъ и его отдѣльныя секты (какъ напр. Джайны) стали угрожать существованію Брахмановъ и ихъ вещественнымъ выгодамъ, возсталъ дѣятельный реформаторъ, котораго дѣйствія были болѣе политическія, чѣмъ религіозныя. До того времени развитіе Брахманства казалось нормальнымъ и постепеннымъ. Но на дѣлѣ оно было совсѣмъ не такимъ. Шиваизмъ и Вишнуизмъ съ одной стороны, духъ философскаго умствованія съ другой, постоянно подкапывали чистоту первобытнаго ученія; ибо, какъ мы уже сказали, одностороннее направленіе къ логической опредѣленности въ мысли было характеристическою чертою Сѣверно-Индустанскаго племени, точно также какъ зодчество было безуміемъ Кушита, политическій синтезисъ—страстью Китайца, и слава непобѣдимости военной—кумиромъ Скиѳскихъ племенъ. Отъ этаго стремленія чисто-философскаго, поставившаго въ глубокой древности словесность Санскритскую на высоту, которой едва достигли самые просвѣщенные народы (Греки и Нѣмцы) во времена гораздо позднѣйшія, утратилась вся простота и опредѣленность древнихъ преданій, между тѣмъ какъ реформаторъ Зердуштъ, привившій свое ученіе къ старому ученію Ирана (къ вѣрѣ Гаома) *), представляетъ намъ прекрасный примѣръ религіи возстановленной, но сохранившей какую-то силу и свѣжесть, свойственныя только вѣрованіямъ первобытнымъ, не подвергшимся ни искаженію пораженія, ни искаженію побѣды.

Скудность слова религіознаго у древнихъ народовъ Европы.—Религіи Кушитскія не знаютъ молитвы; вмѣсто молитвы заклинаніе.—Египетъ, Китай, Индія.—Религіозное слово у народовъ Иранскихъ.—Веды.—Зендавеста.

Мало памятниковъ письменныхъ осталось намъ отъ древнихъ обрядовъ и богослуженія. Нѣсколько гимновъ, молитвъ и заклинаній составляютъ все наслѣдство, доставшееся намъ отъ вѣрованій Эллинскаго и Римскаго. Каково бы ни было ихъ достоинство поэтическое, совершенная ихъ ничтожность въ отношеніи чувства религіознаго доказываетъ отсутствіе яснаго преданія и всякаго развитія духовнаго. Иначе быть не могло въ безсмысленномъ синкретизмѣ, въ нестройномъ сплавѣ изъ разнородныхъ стихій, уже истощившихъ свои си-

---

*) Unter den göttlichen Wesen, deren Bildung in die Zeit des arischen Zusammenlebens zurückgeht, verdient Soma oder Haoma die erste Stelle. Spiegel, I, 432. Эту ссылку считаемъ нужною для поясненія того на чтò авторъ только намекаетъ. *Изд.*

лы въ прежнихъ борьбахъ. Если Римъ когда нибудь выказалъ хоть темное предчувствіе богопознанія, если творческая мысль Эллиновъ угадала бытіе Верховнаго Духа или отраженіе его въ душѣ человѣческой, то въ этихъ позднихъ явленіяхъ можно видѣть только вліяніе Востока Иранскаго или пробужденіе собственнаго сознанія просвѣщеннаго философа. Никогда ни въ Элладѣ, ни въ Римѣ философское умозрѣніе не возвышалось до религіи. Оно всегда оставалось на низшей степени логическаго вывода, или инстинктивной догадки, или школьнаго тезиса, чуждаго жизни и неспособнаго къ проявленію наружному. Мы видѣли, что таинства Элевсинскія и другія могли содержать въ себѣ слабые отзывы живого богопознанія Иранскаго (это доказано обвиненіемъ, павшимъ на Эсхила и Софокла); мы можемъ смѣло сказать, что Кушитское поклоненіе стихійной неволѣ сохранялось въ таинствахъ Діониса; но всѣ эти явленія не принадлежатъ Эллинскому духу: они указываютъ на Востокъ, на Югъ и на путь, по которому первобытныя вѣрованія вливались въ области Эллинскія. Оттого-то они и встрѣчаются только на островахъ и въ странахъ приморскихъ. — Западная и средняя Европа совершенно безмолвны. Южные Кельты своими кровожадными обрядами принадлежатъ къ міру Семитовъ Финикійскихъ, проникнутыхъ уже ученіемъ Кушитскимъ. Сѣверные, т.-е. жители Британіи и Ирландіи, сохранившіе, по свидѣтельству Римлянъ, чистѣйшую память о Друидическихъ таинствахъ, носятъ на себѣ признаки огнепоклонниковъ Иранскихъ и помнятъ имя великаго Бела, полученнаго ими или отъ древнихъ мореходцевъ Сирійскихъ, или отъ приморскихъ Славянъ, поклонниковъ Бѣлъбога; но первое предположеніе вѣроятнѣе. Германская религія, чуждая всякой формальности, не оставила по себѣ никакого слѣда. Разнообразный міръ Славянскій остается намъ неизвѣстнымъ. Ничто не выказываетъ намъ степени религіознаго развитія во всѣхъ этихъ народахъ. Одна только Скандинавія сохранила намъ богатую миѳологію, облеченную въ образы поэтическіе. Но Эдда, важная въ историческомъ отношеніи и драгоцѣнная какъ указаніе на другія древнѣйшія ученія, не содержитъ ни однаго слова, въ которомъ бы высказалось чувство, связывающее человѣка съ божествомъ и небо съ землею. Нѣтъ чистаго преданія, нѣтъ живой молитвы.

Земли, принадлежащія вполнѣ системѣ Кушитской, представляютъ, какъ мы уже сказали, даже при высокомъ просвѣщеніи, одностороннее направленіе борьбы человѣка съ природою, безконечное разнообразіе символовъ религіозныхъ и глубокое молчаніе въ самой дѣятельной и бурной жизни. Душа человѣка тогда только требуетъ слова, когда она сознала достоинство свободной мысли.

Индія, полу-Иранская, полу-Кушитская, доказываетъ эту истину отсутствіемъ словесности Шиваитской и роскошью поэзіи Брахманской и Вишнуитской. Всѣ произведенія во славу Мага-Дева [1]) суть только бѣдные сколки съ твореній, созданныхъ вольною фантазіею Сѣвернаго ученія.

Предпріимчивый Карѳагенъ, Тиръ, посылавшій корабли свои къ берегамъ всѣхъ морей, Египетъ, громоздившій цѣлыя скалы и скрывавшій останки Фараоновъ въ рукозданныхъ горахъ, не оставили намъ памятниковъ словесныхъ [2]). Обряды ихъ описаны, смыслъ ихъ ученія ясенъ для безпристрастнаго наблюдателя; но слова, внушенныя нѣкогда вѣрою поклонникамъ Аммона-Ра или Ваала-Мелькарта, не дошли до нашего слуха. На камняхъ, сохранившихъ лѣтопись Египта, на плитахъ надгробныхъ, положенныхъ рукою Финикійцевъ, мы находимъ отрывки ихъ древняго богослуженія. Они именно таковы, какими должны быть. Это простыя заклинанія или безсмысленныя формы, въ которыхъ видно разногласіе между ученіемъ чисто-пантеистическимъ (скрытымъ атеизмомъ) и потребностью молитвы. Колыбель всѣхъ южныхъ вѣрованій, коренная земля Кушитовъ, Эѳіопія (Кушъ у Евреевъ и въ гласовыхъ надписяхъ Египтянъ) не представляетъ даже этихъ бѣдныхъ слѣдовъ.

Иначе быть не могло. Египетъ долженъ былъ сохранять преданія, почти равныя по древности своей съ Еврейскими: ибо хотя смѣшно бы было вѣрить безусловно всѣмъ шестидесяти предшественникамъ Рамзеса Сезостриса Великаго, написаннымъ на стѣнахъ

---

[1]) Шива *Изд.*

[2]) Въ настоящее время этаго объ Египтѣ сказать конечно уже нельзя. *Изд.*

Карнакскихъ и, безъ сомнѣнія, выдуманнымъ хвастливымъ самолюбіемъ Египетскихъ царей и жрецовъ; но въ развалинахъ строеній 18-й династіи видны еще древнѣйшіе обломки зданій, воздвигнутыхъ 16-ю династіею и разрушенныхъ Гиксосами, а около Коссеира найдено, на придорожной скалѣ, имя Меренрхесъ, 7-го царя 15-й династіи, а въ гротахъ Эль-Телъ Заоіетъ-Эль-Маіетинъ, около Чермнаго моря, вырѣзаны имена еще прежнихъ царей 15-й и 14-й династій. При такихъ доказательствахъ непозволительно сомнѣваться въ раннемъ просвѣщеніи и въ стародавности историческихъ воспоминаній Египта. Но слова молитвы и обращеніе къ божеству не могли имѣть свѣжести и живости, свойственныхъ Иранскому началу, по самой коренной идеѣ необходимости, составлявшей основу Кушитства. Вся религія заключалась въ одномъ обрядѣ, словесномъ или молчаливомъ, которому суевѣріе приписывало такую же вещественную силу, какъ и самимъ явленіямъ природы, силу, такъ сказать, независимую отъ самихъ боговъ. Кушитскій Шиваизмъ, который получилъ даръ слова по милости Иранскаго Брахманства, объясняетъ намъ тайну Африканскаго ученія. Трудъ и обрядное самоумерщвленіе побѣждаютъ высшую волю: Асура, провисѣвшій нѣсколько столѣтій на крюкѣ и усердно повторявшій въ это время таинственныя Веды, независимо отъ всякаго духовнаго исправленія, получаетъ власть надъ всѣмъ міромъ. Тримурти *) ему повинуется и обыкновенно спасается только какою-нибудь ловкою уверткою Вишну. Очевидно, что всѣ эти понятія основаны на Шиваизмѣ, и можно бы доказать, что власть Асуръ надъ богами дается имъ всегда отъ Мага-Девы. Въ этомъ именно состоитъ настоящій Іогизмъ, совершенно чуждый раннему Брахманству.—Такова молитва въ чистомъ ученіи о первобытной необходимости: она не заключаетъ въ себѣ ничего духовнаго, ибо не отъ духа возсылается и не къ духу обращена, но признается за орудіе вещественное, покоряющее вещественную природу, олицетворенную въ Шивѣ или Діонисѣ или искаженномъ Мелькартѣ. Она не есть молитва, но заклинаніе, и была въ цвѣтущія времена Египта и Финикіи тѣмъ же, чѣмъ она и теперь является во всѣхъ остаткахъ Кушитства.

---

*) Т.-е. троица боговъ: Брахма, Шива и Вишну. *Изд.*

Вотъ разгадка чаръ Африканскихъ, древней славы волхвовъ Египетскихъ и всей примѣси колдовства къ молитвѣ въ религіяхъ, подвергшихся вліянію Египта и Эѳіопіи. Вотъ причина, почему никогда въ этихъ странахъ поэзія не распускала своихъ могучихъ крылъ и почему древность говоритъ намъ о медицинскихъ, математическихъ и философическихъ книгахъ Египта, и не говоритъ намъ объ его высокихъ пѣсняхъ. Преданія древности до-исторической точно также должны были исчезнуть: ибо преданіе молодаго человѣчества содержало въ себѣ нравственный смыслъ, а все нравственное было позднѣйшимъ наплывомъ Сѣвера на Югъ. Такъ, наприм., память о потопѣ имѣла значеніе только съ Иранской точки зрѣнія. Такъ, всѣ воспоминанія дѣтства человѣческаго въ Индіи связаны съ Брахманствомъ и чужды Шиваизму. Впрочемъ, въ Египтѣ послѣдовательность раннихъ преданій перервана политическою реформою, освобожденіемъ государства отъ жрецовъ и перенесеніемъ центра изъ Ѳивъ въ Мемфисъ, т.-е. въ область свободную отъ вліянія Эѳіопіи и открытую для дѣйствія Сѣвернаго начала. Реформа политическая сопровождалась реформою религіозною, и вѣроятно тогда же Аммонъ-Ра замѣнилъ прежнее верховное божество. По крайней мѣрѣ, мы не находимъ въ миѳологіи Египта бога, котораго имя объяснило бы намъ названіе Ѳивъ (Діосполисъ), кромѣ бога *Севъ* или *Севкъ*, отброшеннаго на весьма низкую степень, между тѣмъ какъ имя его едва ли не отзывается въ именахъ городовъ и урочищъ и двухъ главныхъ царей Эѳіопійской династіи (Сабаконъ или Севеконъ, и сынъ его Севековфтъ по Шамполіоновскому чтенію гласоваго письма Египетскаго). Какія бы ни были позднѣйшія умствованія жрецовъ, но грубый матеріализмъ ихъ раннихъ ученій выраженъ ясно древнимъ разсказомъ о томъ, какъ Эѳіопляне и Египтяне вышли изъ Нильскаго ила, согрѣтаго солнечными лучами.

Древнее и драгоцѣнное свидѣтельство вѣрованія и его словеснаго выраженія сохранено намъ на скалахъ Китая подъ названіемъ молитвы Ю-ти. Трудно доказать подлинность Китайскаго памятника при извѣстномъ шарлатанствѣ народа, старающагося приписывать вѣчную неизмѣнность своимъ учрежденіямъ; но невозможно и отвергнуть вполнѣ глубокую древность надписи, которой знаки во многомъ отличаются отъ позднѣйшихъ письменъ Китайскихъ. Молитва Ю-ти есть произведенiе высокой нравственности и души, постигнувшей красоту и стройность добра. Въ ней замѣтны преобладанiе сѣвернаго характера и степень духовнаго развитiя, котораго никогда не достигали южныя страны, образованныя подъ влiянiемъ Кушитства почти безпримѣснаго. Нѣтъ сомнѣнiя, что ученiе Будды, излившееся изъ одного источника съ Шиваизмомъ и предполагающее, такъ же какъ Шиваизмъ, преобладанiе необходимости, содержитъ въ себѣ зародышъ поклоненiя началу духовному (что́ и выразилось въ реформѣ Шакья-Муни). Очень понятно, какъ это ученiе, не логически, но синкретически соединенное съ направленiемъ сѣвернымъ (Иранскимъ, общимъ Семиту и желтому племени), могло производить явленiя, чуждыя логическому началу Буддаизма, но проникнутыя человѣческимъ достоинствомъ и чистотою мысли, стремящейся къ внутреннему совершенству. Молитва Ю-ти вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ прочимъ памятникамъ Китайской письменности; въ ней соединены благородство и возвышенность чувства, передъ которыми должны благоговѣть западные наслѣдники юго-восточнаго просвѣщенiя, и безплодная холодность, не обѣщающая сильнаго развитiя религiознаго и обличающая отсутствiе живаго преданiя, въ которомъ душа человѣческая находитъ не сонное успокоенiе самодовольнаго безсилiя, но величавое спокойствiе внутренней стройности и дѣятельности могучей и плодотворной.

При извѣстныхъ и доказанныхъ сношенiяхъ Китая съ западною Азiею и при самомъ происхожденiи племени, населившаго Китай, изъ сѣверо-западныхъ пригорiй, мы не можемъ оставить безъ вниманiя нѣкоторыя обстоятельства его ранней или миѳической исторiи, о которыхъ до сихъ поръ критика не заботилась. Первое, полу-земное, полу-небесное лицо, которое представляется какъ бы основателемъ порядка и общественности въ родѣ человѣческомъ, Фо-ги (нѣчто въ родѣ Кадма или Таута-Гермеса, по характеру своей дѣятельности и по змѣеобразiю), носитъ на себѣ много признаковъ происхожденiя Кушитскаго; но съ другой стороны, могущество музыкальной гармоніи, посредствомъ которой Фо-ги управляетъ міромъ живыхъ существъ и мертвыхъ стихій, переноситъ насъ въ область сѣверныхъ религій; ибо идея духовной гармоніи, изображенная согласіемъ звуковъ, не имѣетъ никакой важности въ первоначальномъ ученіи Юга, и Озирисъ или Таутъ, какъ пѣснопѣвцы, принадлежатъ уже измѣненной религіи. Въ самомъ согласіи музыкальномъ весьма замѣтенъ символизмъ пятиструнныхъ или пятигласныхъ инструментовъ, соотвѣтствующихъ пяти органамъ чувствъ и пяти стихіямъ Азіатской космологіи. Индія, вѣчно мудрствующая, но связывающая свои умствованія съ темными преданіями старины, служитъ намъ ручательствомъ за то, что идея музыкальнаго строя, представляющая внутреннее согласіе всѣхъ міровыхъ законовъ, принадлежитъ Брахманству, а не Шиваизму. Эллада признала сѣвернаго Аполлона (Иранскаго) за владыку златострунной лиры; Орфей принадлежитъ также Сѣверу, а Гермесъ, усыпляющій звуками свирѣли Аргуса или Тифона, явно отзывается позднѣйшимъ подражаніемъ. Самъ Фо-ги, какъ богъ-пѣснопѣвецъ, совпадаетъ съ главнымъ лицомъ драгоцѣнной пѣсни Калевалы и съ божествомъ, котораго память живетъ на восточныхъ берегахъ Балтики, съ Вейна или Вайна-мейна, и представляетъ намъ разительное доказательство исхода этой поэтической идеи изъ одного средне-Азіатскаго центра, откуда она разлилась во всѣ части Азіи и проникла въ восточную Европу. Далѣе прослѣдить ее невозможно. Безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что она нигдѣ не является съ такимъ величіемъ, съ такою свѣжестью и глубоко-человѣческимъ значеніемъ, какъ въ миѳѣ Фо-ги и трогательныхъ звукахъ Финской народной поэзіи. Потеря арфы небесной и ея возобновленіе на землѣ дышатъ въ Калевалѣ невыразимо-грустною прелестью и какимъ-то благоуханіемъ первобытнаго міра, неуловимыми для критическаго разбора, но понятными всякой немудрствующей, но внутренно-стройной душѣ. Русскія пѣсни не сохранили никакихъ положительныхъ остатковъ отъ временъ язычества; но нельзя не слышать отзыва ихъ въ сказкѣ о Садкѣ-мореходцѣ и о томъ, какъ онъ гуслями своими потѣшалъ Диво-морское. Расплескалось сине море отъ пѣсни Новгородской; но языческіе боги, враждебные новому просвѣщенію вѣры, являются уже началомъ зла, а не предметомъ поклоненія. Русскіе отказались вполнѣ отъ языческой старины, и едва еще можно угадать въ сказкѣ о Садкѣ слабый остатокъ какаго-то преданія въ родѣ Орфея. Въ Китайскомъ Фо-ги мы видѣли соединеніе Кушитскаго змѣепоклоненія и Средне-Азіатскаго или Сѣвернаго начала. Въ первыхъ владыкахъ Китая мы должны замѣтить странное сходство именъ съ именами Западныхъ боговъ. Извѣстно, что титулъ *ти*, нынѣ принадлежащій императорамъ, долго не былъ въ употребленіи и, по сказаніямъ Китайцевъ, снова присвоенъ государями по возстановленіи цѣлости и величія имперіи. Этимологическій смыслъ слова *ти* заключаетъ въ себѣ понятіе о божественномъ, и сами Китайцы даютъ ему тоже толкованіе. Титулъ же этотъ въ началѣ ихъ исторіи принадлежитъ только тремъ государямъ: Яо, Хунъ и Ю. Должно ли приписать случаю сходство ихъ съ богами Финикіи *Яо*, Ассиріи *Хонъ* и Финскаго племени *Ю*, и употребленіе прилагательнаго *ти* (божественный) при ихъ именахъ за исключеніемъ всѣхъ позднѣйшихъ государей? Или не должно ли предполагать давній синкретизмъ, мало-по-малу поглощенный въ Будаическомъ всебожіи?

Области, принадлежащія издревле Иранскому ученію, однѣ сохранили для насъ сокровищницу письменныхъ памятниковъ религіи, существующихъ въ бо́льшей или меньшей чистотѣ до нашего времени: Индустанъ въ Ведахъ, Мидія въ Зендавестѣ, Израиль въ своихъ священныхъ книгахъ. Хотя часть произведеній Индустана принадлежитъ Буддаизму въ его реформѣ; но во-первыхъ, самая реформа Буддаизма есть плодъ вліянія Брахманскаго; во-вторыхъ, словесность Буддаистовъ теряется въ безконечныхъ отвлеченностяхъ и никогда не достигаетъ живаго религіознаго проявленія. Брахманство въ Ведахъ и въ другихъ твореніяхъ, принадлежащихъ его ранней эпохѣ, представляетъ ученіе полное, многообъемлющее и вызывающее духъ человѣческій къ выраженію не только мнѣнія или убѣжденія философскаго, но могучаго и жизненнаго стремленія къ духовному средоточію міра.

Молитва изъ Ригъ-Веды служитъ доказательствомъ сильнаго развитія религіознаго чувства *).

---

*) Въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ, и самая молитва не приведена. *Изд.*

Безспорно, найдется во всѣхъ Ведахъ много словъ, глубоко проникнутыхъ гармоніею чувства и мысли, полныхъ дѣятельностію самосознавшейся внутренней жизни; но во всѣхъ найдется какое-то преобладаніе умствованія надъ убѣжденіемъ вѣры [1]). Преданія Индустана уже не ясны. Онъ былъ, какъ мы уже сказали, въ вѣчной борьбѣ противъ Шиваитскаго Деккана и противъ собственнаго философскаго направленія; слѣдственно, вѣчно въ состояніи всеохлаждающей и сомнѣвающейся реформы. Невысказанное, но глубокое сознаніе произвола въ ученіи отнимаетъ у молитвъ Индустана свободный порывъ и силу, которые неразлучны съ преданіемъ. Молитва Брахмана, поднимаясь къ небу, оглядывается на землю, откуда летитъ, сомнѣвается въ небѣ, куда стремится, и не вѣритъ самимъ крыльямъ, которыя ее поднимаютъ. Таково чувство, невольно внушаемое чтеніемъ священныхъ книгъ Брахманскихъ. Въ нихъ замѣтны робость и сомнѣніе, просящія вѣры, прикидывающіяся вѣрою, но не достигающія ея.

Несравненно выше и простѣе рѣчь Ормуздова поклонника. Онъ съ бо́льшей ясностью сохранилъ память старины и не мирился съ чуждою стихіею. Слова Божества Зердушту суть только повторенія словъ, издревле сказанныхъ Гаому, пророку временъ отдаленныхъ, уроженцу не Согда или Бактріи (какъ Зердуштъ), но западной цѣпи Мидо-Армянской [2]). Учитель огнепоклонства не принимаетъ никакого союза съ служителями другихъ вѣрованій, но преслѣдуетъ ихъ съ безусловною враждою и признаетъ боговъ ихъ началомъ мрака и зла. Чистая духовность придаетъ его молитвамъ жизнь и силу, чуждыя Брахманству.

---

[1]) Когда это было писано, Европа не имѣла перевода Ведъ, и онѣ были извѣстны только въ немногихъ отрывкахъ. Хомяковъ, какъ и другіе писатели того времени, полагаясь на сочиненія объ Индійской религіи, составленныя на основаніи показаній Браминовъ и позднѣйшей Санскритской литературы, думалъ, что Веды заключаютъ въ себѣ первообразъ Брахманскаго ученія, что вѣрованія и міросозерцаніе Индусовъ въ Ведаическую эпоху были въ существѣ тѣже, какъ и въ эпоху Санскритскаго эпоса и Санскритской философіи. Но когда сдѣлались извѣстны подлинные тексты Ведъ, оказалось, что религія Ведъ не имѣетъ почти ничего сходнаго съ Брахманизмомъ, что поклоненіе Брахмѣ не было первоначальною вѣрою Индусовъ и что Веды чужды того умствованія, которое столь замѣтно въ Брахманскомъ ученіи. Всѣ эти новыя данныя заставили бы автора измѣнить многое въ своемъ изложеніи, если бы онъ успѣлъ просмотрѣть написанное имъ лѣтъ двадцать тому назадъ. *Изд.*

[2]) Судя по новѣйшимъ изысканіямъ, самъ Зердуштъ или Заратуштра принадлежалъ западнымъ областямъ Ирана, сопредѣльнымъ съ Арменіею; Гаома же не былъ пророкъ, а отвлеченное существо, олицетвореніе божественной силы, которая приписывалась соку растенія, носившаго тоже имя (гаома)

Нельзя безъ умиленія читать начало Зендавесты¹) «Молюся широкимъ сердцемъ, чистымъ помысломъ, чистымъ словомъ, чистымъ дѣломъ. Посвящаю себя всякому помыслу благому, всякому слову благому, всякому благому дѣлу. Отрекаюсь отъ всякаго злаго помысла, злаго слова и злаго дѣла. Обрекаю себя Амшаспандамъ славлю ихъ, молю ихъ во всемъ, что̀ мыслю, говорю или творю. Въ семъ мірѣ да будетъ имъ посвящены тѣло мое и душа моя Широкимъ сердцемъ призываю ихъ“. Такова же молитва въ Вендидадѣ. „О Агура-Маздао, возвыси меня смиреннаго надъ врагомъ Ви губителемъ! Заступись за меня! О Бахманъ, погруженный в величіе славы Агура-Маздао, даруй миръ жизни моей! О Бахманъ, силою владыки вселенной защити меня, да освобождусь отъ злаго насильника. Даруй мнѣ, даруй слугамъ твоимъ богатство радости. Даруй мнѣ побѣду! О царь Агура-Маздао, сотвори, да законъ твой умножитъ плоды свои дѣйствіемъ Бахмана, Ардибегешта и Сапандомада! Я, Зердуштъ, учитель человѣковъ, поручаю душу свою и тѣло свое первовладыкѣ Агура-Маздао и царю Бахману. Даруй дѣламъ моимъ подобіе дѣлъ Ардибегешта и устамъ моимъ слова царя Сероша“²). Замѣтимъ, что если имя *Зердуштъ* не принадлежало первоначальному ученію, то легко можно предположить въ немъ также, какъ и въ словѣ Зороастръ, измѣненіе прозванія, даннаго первосвященнику вообще или великому наставнику Магизма въ

и составлявшаго принадлежность древнѣйшаго Арійскаго (т.-е. Ведическаго Индійскаго и Зороастрова Иранскаго) богослуженія. Сказанное лично о Гаомѣ надо кажется понимать въ томъ смыслѣ, что откровенія Зороастра суть повторенія старыхъ ученій, бывшихъ и до него. *Изд.*

[1] Первая глава Яшвы (Уаçпа) совпадаетъ по общему содержанію въ этой кажущейся выпиской, которая однако не есть таковая, а вѣроятно — вольная передача смысла цѣлой длинной главы. *Изд.*

[2] Здѣсь имена приведены не въ древней формѣ, а въ той, которая имъ дана на языкѣ Гузварешъ. *Изд.*

особенности. Зеръ-или Ссер-дестуръ (Ссер-дештра,—царь учитель) равно близко подходитъ къ обѣимъ формамъ Зердуштъ и Зороастръ. Говоря о Зендавестѣ, не должно забывать, что искаженный уже Бундегешъ далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ея древнѣйшимъ частямъ.

Вникая въ характеръ книгъ Зороастра, мы находимъ подтвержденіе того, что̀ уже сказано о первоначальномъ духѣ всего Иранскаго ученія. Живость, твердость и сжатость слова, простота и безыскусственность выраженія свидѣтельствуютъ о древности служенія, о силѣ убѣжденія религіознаго и постоянствѣ преданій. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ слабость и запутанность мысли, когда дѣло идетъ о раздвоеніи силъ огня и воды, и легко можно догадаться, что это двойство полярное, не принадлежавшее первому ученію, измѣнило его чистоту и свидѣтельствуетъ о вліяніи органическаго двойства Кушитскаго. Сосѣдство Вановъ, у которыхъ вода была безспорно признана высшимъ символомъ божества, и сношенія съ Индустаномъ, объясняютъ намъ искаженіе духовнаго огнепоклонства. За всѣмъ тѣмъ, Магизмъ сильно противился многобожію, и Зендавеста объявляетъ постоянную войну поклонникамъ Дивовъ и Пери*), служителей злого Ангриманьюса.

Невозможно не признать многобожія за религію Дивовъ, и поэтому названіе самаго Шивы Индустанскаго—Мага-Дева или Великій Девъ, кажется, подтверждаетъ всѣ доказательства вражды, нѣкогда царствовавшей между Брахманскимъ Индустаномъ и Шиваитскимъ Декканомъ. Сліяніе миѳологій и признаніе Девовъ за добрыхъ духовъ принадлежатъ эпохѣ позднѣйшей. Нѣтъ спора, что слово *Дивъ* въ своемъ первоначальномъ смыслѣ значило *свѣтлый* и не содержало въ себѣ понятія о злѣ; но кажется, единобожіе Иранское весьма рано начало придавать этому слову смыслъ частнаго духа, вступающаго въ незаконный раздѣлъ обожанія съ верховнымъ началомъ міра.

---

*) Др. Зендское Пайрикасъ. *Изд.*

Книги Израиля. — Израиль — представитель первобытнаго религiознаго преданія Иранскаго. — Вліяніе его духа. — Возобновленіе Иранскаго начала въ мірѣ въ эпоху Римскаго владычества.

Наконецъ, мы должны упомянуть о томъ народѣ, который съ наибольшей чистотою сохранилъ преданія и духъ ученія Иранскаго. Священныя пѣсни Израиля не могутъ даже идти въ сравненіе съ другими произведеніями религiознаго убѣжденія. До тѣхъ поръ, покуда человѣкъ не утратитъ чувства истины художественной или человѣческой, творенія пророковъ и царя-пѣснопѣвца будутъ находить отзывъ въ душѣ безпристрастнаго цѣнителя и будутъ признаваться совершеннѣйшимъ примѣромъ искренности въ вѣрѣ и поэзіи, жизненнаго стремленія къ духовному началу.

Стóитъ только вспомнить псалмы: „Коль возлюбленны селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа моя къ дому Божію“, или: „Какъ жаждетъ олень источниковъ водныхъ, такъ жаждетъ душа моя тебя, Господи!“ или восклицаніе: „Кто дастъ мнѣ крылья какъ голубицѣ, и полечу, и почію», и почти весь Псалтырь. Тутъ дѣло не о мнѣніяхъ, но объ истинѣ исторической.

Очевидно, мысль о Богѣ, Его свободной дѣятельности и неограниченной власти вполнѣ сроднилась съ душою Еврея. Тутъ нѣтъ ни слѣда умствованія, нѣтъ ни слабѣйшаго признака сомнѣнія. Пророкъ разсказываетъ дѣла Божіи просто и безъ оглядки на себя или на другихъ, съ такою же увѣренностью, какъ происшествія вчерашняго дня, случившіяся въ виду всего міра. Пророкъ обращается къ Богу съ тою вѣрою, для которой невидимое видимо, и нѣтъ разницы между небомъ мысленнымъ и землею осязаемою. Это въ нихъ не мнѣніе, не убѣжденіе личное, но корень и итогъ всей жизни; это явный плодъ непрерывнаго, неизмѣннаго преданія. Чистоты Иранства первобытнаго мы не можемъ искать нигдѣ, кромѣ племени, которое само представляетъ намъ всѣ признаки первобытности, точно также, какъ характера Кушитскаго должно искать въ странахъ, въ которыхъ онъ менѣе всего былъ подверженъ вліянію Иранскому, именно въ Ѳіопіи и въ Мизраимѣ, и въ отдаленныхъ временахъ, которыя предшествовали почти всеобщему синкретизму религій.

Внимательное изученіе вѣрованій, родившихся въ Западномъ Иранѣ, смыслъ ихъ обрядовъ и символическихъ выраженій, представляютъ, какъ общую характеристику свою, поклоненіе духу и презрѣніе или вражду къ вещественному міру. Магизмъ менѣе Мозаизма и Тифонизма выражаетъ это направленіе мысли. Отсутствіе обрѣзанія и другихъ положительныхъ доказательствъ могло бы даже навести сомнѣніе на коренное сродство вѣры Израильской и Мидійской. Но во-первыхъ, точки ихъ соприкосновенія такъ многочисленны и сходство всѣхъ преданій и всего ученія такъ велико, что даже Западная критика признала ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, тогда какъ гораздо простѣе и естественнѣе было бы признать ихъ коренное единство; во-вторыхъ, обычай отдавать тѣла мертвецовъ на съѣденіе животнымъ, объясненный мнимымъ желаніемъ Парсовъ и Мидійцевъ соединиться съ жизнію міра или питать собою живыя существа, есть явное доказательство, что они въ старину считали тѣлесную оболочку человѣка чѣмъ-то сквернымъ и недостойнымъ его духовнаго величія. Не овца и не корова или голубь, посвященные Ормузду, питаются трупами, но волки, коршуны или вороны, злыя творенія злого Агримана. Злое злому и отдается. Таково значеніе обряда. Что́ же касается до обрѣзанія, оно чаще находится въ земляхъ Кушитской Африки, чѣмъ въ областяхъ Иранскаго ученія. Перешло ли оно отъ Юго-западной Азіи съ ея колоніями въ Египетъ и къ Колобамъ Эѳіопскимъ, оттуда ли оно принято Израилемъ и Аравитянами, трудно рѣшить. Не самый обрядъ опредѣляетъ свое значеніе, а общность жизни и обрядовъ. Тотъ же символъ, перешедшій наслѣдственно отъ однихъ родоначальниковъ или общихъ ученій, или даже занятый, могъ совершенно измѣнить свой смыслъ и сдѣлаться у одного народа клеймомъ отверженія, а у другого клеймомъ святыни. Поклоненіе производительной силѣ составляетъ корень всѣхъ служеній Африканскаго начала; проклятіе земному веществу выражается безпрестанно во всѣхъ позднѣйшихъ пророкахъ и въ царѣ-пѣснопѣвцѣ, и представлено яснымъ символомъ въ законѣ Моисея, уравнявшаго человѣка въ отношеніи выкупа съ животнымъ—эмблемою буйства плотскихъ страстей. Физіономія религіи, какъ и физіономія племени, познается только въ сводѣ отдѣльныхъ частей, а не въ мелкомъ ихъ разборѣ.

Слова, исполненныя силы и огня, не даромъ звучатъ на землѣ; возвѣщеніе высокихъ мыслей не можетъ оставаться безплоднымъ, и ясное преданіе, твердо сохраненное, должно мало-по-малу увлекать народы, у которыхъ прошедшее забыто или затемнено примѣсью сказки. Центръ Иранскій продолжалъ дѣйствовать на весь міръ напряженностію вѣры, даже тогда, когда весь міръ былъ разорванъ войною, и дружескія сношенія племенъ почти прекратились. Распространеніе жизни духовной не такъ явно, какъ распространеніе физической заразы въ болѣзняхъ или нравственной болѣзни въ сказкахъ. Твореніе произвола имѣетъ форму опредѣленную, по которой можно отслѣдить его путь. Слово истины, пробуждающее внутреннюю дѣятельность души и возстановляющее ея стройную красоту, содержитъ въ себѣ обще-человѣческій характеръ; оно возвышаетъ духовное существо учениковъ своихъ, но не налагаетъ на нихъ опредѣленной и формальной печати.

Легко отслѣдить происхожденіе Діониса или Шивы; но какъ отслѣдить мысль, выраженную для Эллады Сократомъ или вдохновенными устами Платона? Гдѣ найти ея положительный источникъ? Живое слово о святости духа ходило по землѣ, незамѣченное современниками и неуловимое для исторической критики. Мы можемъ только указать на ту область или ту полосу народовъ, въ которой оно никогда не переставало звучать во всеуслышаніе человѣкамъ. Эта область опредѣляется, какъ мы видѣли, изъ сравненія миѳовъ, связанныхъ между собою общимъ характеромъ вражды противъ поклоненія земнымъ стихіямъ и вещественной природѣ. Вражда же проявляется въ лицахъ, названныхъ у Эллиновъ Кроносомъ и Иракломъ, у Египтянъ Тифономъ, у Сирійцевъ Узовомъ (Узовъ—Аресъ) и т. д. Эллины ведутъ родъ древняго Иракла отъ древнѣйшаго еще Персея, котораго смыслъ опредѣляется войною его съ Діонисомъ и дружбою съ Аполлономъ, а происхожденіе самимъ именемъ, указывающимъ на землю Персовъ (Парсовъ), или на лицо миѳическаго Берсина, проповѣдника огнепоклонства, или, что̀ еще вѣроятнѣе, на олицетворенное огнепоклонство, ибо таково этимологическое значеніе имени Берсинъ. Вражда племенъ, искажающая всѣ лучшія ихъ стремленія, всегда противилась распространенію Иранства, и нельзя не замѣтить, что когда Римскій мечъ сокрушилъ силу отдѣльныхъ государствъ и подчинилъ полъ-міра законамъ невольнаго братства, вѣра Израиля, чистѣйшій остатокъ Иранства, стала распространяться по областямъ Египта, Малой Азіи, Эллады и даже Италіи. Свидѣтельство апостола Еврейскаго и историка Римскаго въ этомъ отношеніи совершенно опредѣлительно и не относится къ новорожденному Христіанству.

Напряженность вѣры съ одной стороны, и жизненнаго наслажденія съ другой, проявляются единовременно въ смертельной борьбѣ на пространствѣ державы Римской въ первые вѣка Христіанства. Это проявленіе, ясное и рѣзкое, было только повтореніемъ въ маломъ видѣ, но въ сосредоточенныхъ силахъ, религіозной жизни всего человѣчества отъ самой его колыбели. Всѣ розысканія приводятъ насъ къ тому заключенію, что первоначальная вѣра почти цѣлаго міра была чистымъ поклоненіемъ Духу, мало-по-малу исказившимся отъ разврата Кушитской вещественности и перешедшимъ во всѣ виды многобожія человѣкообразнаго, звѣзднаго или стихійнаго. Введеніе Христіанства было эпохою крутаго перелома и возврата къ забытому ученію; но въ отношеніи къ исторіи древности мы должны ограничиваться преданіями, обрядами или свидѣтельствами, на которыхъ не легла еще печать новаго духа, пробужденнаго проповѣдью Еврейскихъ рыбаковъ.

Вообще, чѣмъ новѣе исторія народа, чѣмъ позже появляется онъ на сценѣ міра, тѣмъ менѣе значительны его преданія въ смыслѣ религіозномъ. Юго-западная Азія (нашъ Востокъ), надъ которою ранѣе другихъ частей свѣта загораются лучи просвѣщенія, служитъ намъ точкою отправленія во всѣхъ розысканіяхъ. Къ Юго-западной Азіи принадлежатъ Египетъ и Эѳіопія, хотя онѣ заключены въ другомъ отдѣлѣ географическомъ и дали начало другому направленію, чуждому остальной Азіи. Вотъ ранніе центры дѣятельной жизни, обнявшей всю землю въ своемъ развитіи и все человѣчество въ своихъ борьбахъ.

Важность религіозныхъ преданій и миѳовъ. — Ихъ сходство у разныхъ народовъ не могло быть случайнымъ совпаденіемъ.

Исторія религій пополняетъ лѣтопись племенъ; во многихъ отношеніяхъ она даже важнѣе исторіи политической, ибо для человѣчества, также какъ для человѣка, жизнь духа выше жизни тѣла. Въ развитіи, въ сообщеніи, въ движеніи вѣрованій находимъ мы драгоцѣннѣйшія указанія на все внутреннее развитіе и движеніе мысли на земномъ шарѣ. Война и миръ приводятъ въ соприкосновеніе только близкихъ сосѣдей. Торговля, сводящая народы отдаленные, основана на выгодахъ вещественныхъ, на нуждахъ тѣлесныхъ, принадлежащихъ почти столько же животному, сколько человѣку, и оставляетъ по себѣ мало слѣдовъ или слѣды слишкомъ неясные. Религія переходитъ разстоянія, едва доступныя для самой предпріимчивой торговли, но вездѣ запечатлѣваетъ ясные и краснорѣчивые слѣды въ художествахъ или въ словесности или въ преданіяхъ и обычаяхъ. Сверхъ того, самое сообщеніе понятій религіозныхъ отъ народа къ народу уже свидѣтельствуетъ о гармоніи и духовномъ единствѣ племенъ.

Многія преданія, общія цѣлой системѣ народовъ, доказываютъ ихъ родство столько же, сколько оно доказывается сходствомъ физіономій и языковъ; но съ другой стороны, способность всѣхъ людей принимать всякую истину и увлекаться всякимъ заблужденіемъ оставляетъ всегда подъ сомнѣніемъ первобытность ученія даже въ томъ племени, которое не помнитъ другой древнѣйшей вѣры. Впрочемъ, заемная или коренная, общая религія двухъ семей, окруженная общими преданіями и символами, свидѣтельствуетъ о родовомъ единствѣ или о давнишнихъ сношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, разыскатель древности находитъ въ ней признакъ необманчивый и нить, съ которою онъ можетъ проникнуть въ самую глубь прошедшихъ вѣковъ.

Много было говорено о необходимомъ сходствѣ въ проявленіяхъ мысли человѣческой и о томъ, какъ природа внѣшняя и единство внутренняго организа должны наводить различныя племена на поклоненіе однимъ и тѣмъ же предметамъ и на развитіе однихъ и тѣхъ же понятій. Было время, когда точно такія же глубокомысленныя разсужденія важно повторялись насчетъ языковъ. Это время прошло: наука подвинулась. Она догадалась, что трудно двумъ семьямъ совершенно различнымъ попасть на одни и тѣже звуки для выраженія однаго понятія, тогда когда одна и таже семья, раздѣленная во времена историческія, теряетъ почти мгновенно единство нарѣчій и распадается на двѣ вѣтви, которыя черезъ нѣсколько вѣковъ едва уже понимаютъ другъ друга. Пора догадаться, что тотъ же самый законъ дѣйствуетъ на религіи, и дѣйствуетъ почти съ тою же силою. Кажется, мы не слишкомъ многаго требуемъ отъ остроумія нашихъ современниковъ, надѣясь, что они признàютъ символъ змѣи и другіе ему подобные за довольно произвольное созданіе человѣческаго воображенія, а не за необходимое проявленіе общей мысли. Можетъ быть, принявъ такое смѣлое предположеніе, ученая критика дойдетъ и до того, что она согласится считать вражду противъ змѣи за признакъ религіи, основанной на началѣ противномъ змѣепоклоненію, и даже (чего мудренаго!) въ нашъ вѣкъ высокаго просвѣщенія, Сабеизмъ книжниковъ исчезнетъ также, какъ исчезъ Сабеизмъ некнижной черни. Этотъ благополучный переломъ довольно общаго недуга воспослѣдуетъ тогда, когда многознающіе историки рода человѣческаго убѣдятся, что на небѣ нѣтъ ни змѣй, ни барановъ, ни медвѣдей, и что главные символы религій существовали прежде знаній астрономическихъ. Ошибка ихъ до сихъ поръ весьма простительна: они чаще глядятъ на описанія людей и земли и на карты неба, весьма хорошо гравированныя, подъ названіемъ „Wunder des Himmels“ или тому подобными, чѣмъ на людей, на землю и звѣздное небо.

Правила критики относительно разбора миѳовъ въ смыслѣ историческихъ указаній.—Ихъ измѣнчивость; вліяніе поэтической фантазіи.—Примѣры.

Свободная личность человѣка такъ многообразно измѣняетъ отдѣльныя понятія религіозныя и характеръ боговъ, населяющихъ народное небо, что изслѣдователь долженъ съ величайшею осторожностью входить въ разборъ подробностей, и при этомъ разборѣ постоянно имѣть въ виду общую систему вѣрованія. Иначе онъ неизбѣжно попадаетъ въ грубѣйшія ошибки Должно всегда помнить всю прихотливость воображенія, все разнообразіе страстей человѣческихъ, всю склонность дикаря полупросвѣщеннаго замѣнять произвольнымъ суевѣріемъ недостатокъ своей вѣры, и при этомъ всю строго-логическую послѣдовательность, съ которой развивается какое-нибудь ложное понятіе, принятое случайно, — чтобы объяснить себѣ пестроту и безтолковое богатство древнихъ миѳологій.

Одно и тоже божество весьма часто переходило изъ благаго въ злое или изъ злаго въ благое, вслѣдствіе самаго простаго хода мысли. Тотъ, кто можетъ отстранить бѣду, властенъ и насылать ее; тотъ, кто можетъ карать бѣдою, можетъ также и миловать. Аполлонъ—цѣлитель по своему коренному свойству добраго духа: изъ этого же слѣдуетъ, что онъ можетъ и наказывать тою болѣзнію, которую онъ исцѣляетъ. Вотъ простой смыслъ миѳа, которому нашли пропасть толкованій. Аполлонъ-де насылаетъ чуму на Эллиновъ: это значитъ, что лучи солнца, нагрѣвая сырую землю, производятъ вредные пары и болѣзни и пр. и пр. Быть можетъ, есть что нибудь и похожаго на правду въ этомъ объясненіи; но сперва надобно бы доказать, что Гомеръ считалъ Аполлона богомъ солнца, а это еще подъ сомнѣніемъ. — Извѣстны намъ народы, которые поклоняются духу зла (Курды и даже отчасти Друзы). Они ему молятся, чтобы его умилостивить. Еще шагъ, и они могутъ счесть его своимъ покровителемъ. Пройдутъ вѣка, и онъ, при счастливомъ оборотѣ народной жизни, поступитъ въ начальники добрыхъ духовъ. Страхъ и благодарность измѣняютъ всѣ первоначальныя понятія, особенно въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя, принявъ антропоморфизмъ, обоготворили не разумную свободу, но страстный произволъ. Человѣкообразіе и отсутствіе жреческой касты, хранящей ученія и преданія древности, отняли у религіи Эллинской и Римской всякій нравственный смыслъ, дозволивъ народной прихоти измѣнять безпрестанно первобытный типъ каждаго отдѣльнаго божества. Поэты Греческіе, бывшіе нѣкогда служителями святыни и наставниками полудикихъ племенъ, сдѣлались наконецъ потѣшниками народныхъ страстей и народнаго безсмыслія. Соблазнительная красота ихъ сказокъ, утратившихъ свое религіозное значеніе, и разгульное воображеніе, неразлучное съ поэтическимъ призваніемъ, довершили искаженіе, котораго зародыши лежали въ мелкости народныхъ общинъ, въ отсутствіи общей центральной жизни, во враждебномъ отношеніи отдѣльныхъ семей (черта общая всѣмъ горцамъ), въ коренномъ синкретизмѣ и въ разнообразіи источниковъ, изъ которыхъ Эллада черпала свое просвѣщеніе. Собственно богослужебный характеръ первой поэзіи сохранился въ преданіяхъ объ Орфеѣ, Линѣ и другихъ, и гораздо послѣ временъ Гомера выдуманъ былъ разсказъ о томъ, какъ Гезіодъ побѣдилъ его въ поэтическомъ состязаніи, разсказъ, въ которомъ иные видѣли насмѣшку надъ тупостью большинства, другіе предпочтеніе мирнаго труда славѣ военной, а который свидѣтельствуетъ только о томъ, что были въ древней Элладѣ люди, не одобряющіе сказочнаго направленія Гомерической школы и жалѣющіе о стародавней религіозности, еще замѣтной въ твореніяхъ Гезіода. Нѣтъ сомнѣнія, что прозвище отца Эллинской поэзіи вполнѣ заслужено Гомеромъ; но слава его не безъ примѣси. Болѣе двадцати пяти вѣковъ прошли со временъ Іонійскаго слѣпца, и одинъ только соперникъ равный ему (величайшая слава земли богатой славою, Шекспиръ) раздѣлилъ его права на благоговѣйное удивленіе міра; а между тѣмъ невозможно не признать, что Гомеръ, выражающій въ высшей степени Эллинское глубокое чувство красоты видимой и художественной, выразилъ въ тоже время и безчувственность Эллинскую къ красотѣ мысли и духа. Гораздо позже и подъ безпрерывнымъ вліяніемъ Востока, созрѣла Эллада для лучшаго и высшаго развитія въ Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ; но въ Гомерѣ она еще умѣетъ поклоняться только наружному образу и не понимаетъ внутренняго и нравственнаго величія. Всякій великій геній есть безспорно отчасти твореніе своего времени и своего народа (даже и теперь, хотя общность христіанской жизни убавила силу мѣстнаго вліянія); но случайность его личной силы придаетъ большую дѣятельность стремленію, создавшему его. Геній есть твореніе и творецъ народа. Гомеръ носитъ отчасти на себѣ грѣхъ позднѣйшаго мелкобожія Эллиновъ. Онъ закрѣпилъ своимъ окончательнымъ приговоромъ начавшееся забвеніе таинственной старины и перемѣшалъ міръ земной съ міромъ небеснымъ, до такой степени, что даже новѣйшіе ученые и сами Нѣмцы не могли его превзойти въ этомъ полезномъ трудѣ. Есть критики, признающіе единство Кабировъ съ Діоскурами, Ахилла съ Поллуксомъ, Діомида или Патрокла съ Касторомъ, и вообще почти всѣхъ героевъ со всѣми богами; найдутся писатели, отъ которыхъ не уйдетъ сходство Гектора и Аза-Ѳора, и прочія тому подобныя истины; но такъ какъ онѣ не совершенно доказаны, можно еще въ нихъ сомнѣваться. Впрочемъ одно несомнѣнно, это то, что дѣйствительно нѣкоторые изъ Гомеровыхъ полководцевъ были не что иное, какъ забытые боги, перешедшіе въ сказочныхъ героевъ, и что Ахиллъ, Паламидъ и другіе входятъ въ категорію Ираклов, Сигурдовъ и Беовульфовъ. Разбирать подробности безполезно, надѣяться на разумное толкованіе повѣстей, созданныхъ прихотливымъ произволомъ, смѣшно; но оцѣнить значеніе Гомера для Греціи необходимо, также какъ и понять смыслъ самой Троянской войны и раздѣленіе племенъ, выраженное союзомъ осаждающихъ Эллиновъ и осажденною Троею, столицею Иллиро-Ѳракійскихъ племенъ. Въ предметѣ Иліады важная историческая эпоха, связанная съ исторіею Язона и съ окончательнымъ освобожденіемъ Эллады отъ Сѣверной стихіи. Въ характерѣ Гомера причина совершеннаго безсмыслія позднѣйшей религіи и зародышъ еще безсмысленнѣйшаго Эвемеризма. Индустанъ одинъ представляетъ намъ болѣе миѳовъ, чѣмъ вся Греція и Римъ; но значеніе ихъ сохранилось гораздо лучше, потому что они исходили изъ первыхъ источниковъ, Ирана и Куша, не измѣнившихъ своей начальной чистоты, и потому, что ихъ сторожила каста, посвятившаяся единственно богослуженію. За всѣмъ тѣмъ, и въ Индустанѣ замѣтно искаженіе типовъ божественныхъ. Шива, символъ жизни вещественной, сдѣлался олицетвореніемъ силы разрушительной. Нѣтъ сомнѣнія, что обоготвореніе общаго жизненнаго начала, заключеннаго въ коренной необходимости, вело къ освященію смерти, также какъ и къ освященію жизни частной; но Шиваизмъ содержитъ въ себѣ гораздо болѣе эмблемъ разрушенія, чѣмъ произведенія. Изъ змѣй выбранъ кобра-капелло, изъ украшеній—черепа, связанные въ ожерелья, изъ стихій — разрушительная сила огня. Причина этого исключительнаго направленія очень понятна. Во-первыхъ, сладострастная нѣга Индустана отнимаетъ у жителей его бодрую твердость духа и заставляетъ ихъ еще болѣе бояться смерти, чѣмъ любить жизнь; во-вторыхъ, преобладаніе благости въ двухъ соперникахъ Шивы (Брахмѣ и Вишну) предоставило ему полное право на все, что страшно и гибельно для человѣчества. За всѣмъ тѣмъ, онъ никогда не терялъ своего значенія вещественно-производительнаго начала. Шива лишился почти всякой благой дѣятельности отъ требованій Брахмы и Вишну, точно также какъ пятиглавый Брахма (пятистихійный) лишился одной головы, представлявшей огонь, потому что уничтожающая сила должна была поступить въ безспорную собственность Шивы. — Поэзія Индустана превосходитъ Греческую числомъ писателей, числомъ произведеній и почти равняется съ нею ихъ достоинствомъ; но никогда поэзія не могла свести вѣрованія Индустанскаго на низкую степень народной потѣхи и народной сказки. Поэты были подъ строгою опекою браминовъ и даже, вѣроятно, почти всегда принадлежали къ ихъ кастѣ. Свобода ихъ нѣсколько страдала, но нравственное и религіозное достоинство сохранялось. Въ Элладѣ они клонились къ упадку и исчезли бы вѣроятно даже безъ Римскаго владычества. Такова была судьба бардовъ на Сѣверѣ. Они сначала были какъ бы пророками своего народа; они въ послѣднее время были прихлебателями праздныхъ богачей, льстецами и забавниками ихъ родовой спѣси. Когда Норманскіе короли завоевали Валлисъ и Ирландію, проснулась благородная гордость бардовъ, и они снова нашли свободную пѣснь въ угнетенной родинѣ, но не надолго. Желѣзная рука Англійской власти порвала струны ихъ арфы. Впрочемъ Англія выкупила свой долгъ передъ человѣчествомъ, давши ему Шекспировъ и Байроновъ на мѣсто Таліессиновъ и Кароланове. Поэты Эллады точно также забывали величіе своего призванія еще прежде паденія Эллинской свободы. Они были уже Греченками (Graeculi) когда полуварваръ Македонецъ и всесильный Римъ уничтожили самобытность отдѣльныхъ общинъ въ Элладѣ *).—Мы уже сказали,

---

*) Униженіе поэзіи, предоставленной самой себѣ, какъ будто высказывается переходомъ древне-Скандинавскаго *брагуръ* (поэтъ) въ Русскаго *балагуръ*; ибо окончаніе на *гуръ*, кажется, не можетъ считаться пополненіемъ корня *бал*, хотя этотъ корень и находится въ формахъ *баловень*, *балы точитъ* и т. д., сходныхъ по смыслу съ *балагурничать*. *Прим. А. С. Хомякова.*

какъ, посредствомъ логическаго вывода, боги добрые и злые мѣнялись характерами. По такому же закону, богъ полей дѣлался богомъ животныхъ, наносящихъ вредъ полямъ, потому что онъ могъ ихъ удалять или насылать по своему благоусмотрѣнію; богъ морской получалъ власть надъ вѣтромъ, возмущающимъ море, богъ плодородія дѣлался богомъ голода и т. д. Не было конца прихотливымъ измѣненіямъ и произвольно избираемымъ эмблемамъ. Постоянство типовъ сохранялось только въ религіяхъ опредѣленно-нравственнаго значенія. Такъ напр. въ Иранскомъ Магизмѣ двойство враждебное (дуализмъ антагонистическій) не позволяло приписывать доброму духу качествъ злыхъ или злому добрыхъ. Но какъ скоро мысль или символъ Иранскій переходилъ въ другую систему, онъ немедленно подвергался общему закону измѣненія. Такъ, смерть Гаюмарта, убитаго Агриманомъ по Зендскому ученію, приписывалась Миѳрѣ западнымъ Миѳраизмомъ и дѣлалась символомъ самоубіенія божественнаго въ чисто-пантеистической системѣ. Вотъ смыслъ извѣстнаго представленія Миѳры, закалывающаго быка. Всякое слово человѣческое подвергается самымъ разнороднымъ толкованіямъ, когда человѣкъ остается безъ неизмѣннаго преданія и безъ твердыхъ указаній на первобытный смыслъ слова. Можно представить въ примѣръ этой истины нелѣпость ученаго Нѣмца, который говорилъ со всевозможною профессорскою увѣренностью, во-первыхъ, что Богъ Пятикнижія, „сказавшій, да будетъ—и было“, не исключаетъ вѣры въ другихъ боговъ и не принадлежитъ явно религіи однобожеской; во-вторыхъ, что онъ не имѣетъ нравственнаго характера и совсѣмъ не чуждъ лукавства, злости и прочаго, и что, наконецъ, Пятикнижіе не предполагаетъ одной коренной семьи для всего человѣчества, тогда какъ съ потопомъ гибнутъ не только всѣ люди, но и всѣ животныя. Когда просвѣщенныя страсти такъ слѣпы, и ученая глупость такъ глупа, чего же требовать или ожидать отъ невѣжественныхъ страстей полудикой древности?

Въ какихъ случаяхъ сходство символовъ, именъ и таинственныхъ чиселъ указываетъ на историческое сродство религій.

Сходство обычаевъ отдѣльныхъ или отдѣльныхъ повѣрій не должно быть оцѣнено слишкомъ высоко. При разнообразіи религій и множествѣ миѳовъ, весьма часто должны были встрѣчаться одинакіе обряды при коренныхъ понятіяхъ совершенно противоположныхъ. Смѣшно бы было основывать тождество двухъ вѣрованій на поклоненіи восходящему солнцу или на весеннемъ праздникѣ. Кто не радъ дню и веснѣ! Историческая важность символа вообще тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ произвольнѣе. Но и произвольные символы могутъ быть сходными случайно. Дѣло рѣшается общею характеристикою вѣрованій и внутреннимъ чувствомъ истины, которое не измѣняетъ безпристрастному изслѣдователю.

Впрочемъ, даже отдѣльный символъ, которому нѣтъ мѣстныхъ причинъ, часто можетъ дать рѣшительное указаніе. Находя Африканскаго или Индѣйскаго крокодила на памятникахъ Мексиканскихъ, мы должны допустить не-Американское начало религіи или художества; ибо выдумать крокодила никому въ голову не придетъ, и путешественникъ или купецъ едва ли приметъ на себя трудъ сообщать разсказы съ картинками для украшенія чужихъ храмовъ. Вѣчная борьба Аза-Тора (Тхора) съ Мидгардской змѣею не могла быть выдумана въ Скандинавіи, если мы не предположимъ существованія морской змѣи, которую всякій годъ исправно описываютъ Сѣверо-Американскія газеты, и которая кромѣ газетъ никому неизвѣстна. Фениксъ долгоухій можетъ быть изображенъ на памятникахъ Египта, какъ жирафа, или павіанъ, или другая рѣдкость животнаго царства, но не можетъ поступить въ религіозный символизмъ безъ вліянія племени или религіи Эѳіопской и т. д. Точно тоже должны мы сказать и объ именахъ, тогда когда ихъ этимологія явно чужда языку народному и ничѣмъ съ нимъ не связывается. Смѣшно бы было отрицать Эллинскую передачу Христіанства Западной Европѣ, когда слова: baptisma, ecclesia, evangelium, eucharistia, всѣ происходятъ изъ Греческаго языка. Примѣру, взятому изъ новѣйшихъ вѣковъ, соотвѣтствуютъ слова: Хормуздъ у Буддаистовъ Средне-Азійскихъ, Діонизосъ у Эллиновъ, Цернебокъ, (Чернобогъ) у Саксонцевъ, Венусъ, Вендисъ и Ванадисъ у Римлянъ и Скандинавовъ. Явно вліяніе Магизма, Аравіи и Славянскаго племени въ этихъ именахъ, которыхъ мѣстное толкованіе—прямая нелѣпость.—Прибавимъ къ именамъ святость чиселъ, четырехъ или, еще обыкновеннѣе, семи, или почти повсемѣстно, трехъ. Трудно приписать таинственность этихъ чиселъ случайности и произволу. Не полагая излишней важности въ примѣтѣ, взятой отдѣльно, кажется, можно смѣло сказать, что она указываетъ или на общечеловѣческое преданіе (также какъ потопъ), или на одно ученіе, распространившееся весьма далеко. Такъ, напр., Тріады Вавилонскія, которыя не составляли основы вѣрованія, почти безспорно заняты изъ Ѳеіопо-Египетской системы, въ которой онѣ имѣютъ значеніе коренное и служатъ источникомъ всего дальнѣйшаго развитія. Тріада Египетская есть ясное выраженіе пантеизма (всебожія) въ формѣ органическаго двойства силы и воспріемлющаго вещества. Третій членъ тріады, плодъ двухъ первыхъ, есть міръ, который снова подвергается тому же закону и составляетъ тріаду низшую; ибо всякій третій членъ заключаетъ въ себѣ первоначальное двойство, мужеской силы и женской воспріимчивости, и слѣдовательно цѣлую новую тріаду. Но такъ какъ сила измѣняется, а воспріимчивость страдательная имѣетъ большій характеръ постоянства, то Изида проявляется вторымъ членомъ въ нѣсколькихъ тріадахъ, напр. женою Озириса и женою сына своего Гороса. Такое толкованіе весьма вѣроятно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и богини имѣютъ много различныхъ именъ. Вѣроятно, отношенію Изиды къ Озирису и Горосу должно приписать обычай, будто бы существовавшій у Маговъ (при-Евфратскихъ, т.-е. полу-Кушитскихъ и позднѣйшихъ) жениться на родныхъ матеряхъ. Другаго смысла найти невозможно. Противоположность холостаго Тифона тріадамъ, начинающимся отъ Кнефа или Хаммунъ-Ра, подтверждаетъ его чужеземное происхожденіе; ибо жена, данная ему Египетскою фантазіею, Нефѳисъ, остается постоянно безплодною, и Тифонъ дѣйствительно стоитъ одинъ противъ всего безчисленнаго потомства Кнефова. Ученые нашли должность и для Нефѳисъ. Она пустыня песчаная (тоже самое должно, по другимъ ученымъ, олицетворяться въ Тифонѣ). А въ доказательство приводятъ то, что Нефѳисъ, безплодная въ своемъ законномъ бракѣ, родитъ дѣтей отъ Озириса. Явно, что пустыня оплодотворяется Ниломъ-Озирисомъ. „Ученье свѣтъ, а неученье тьма!“ Одно въ этомъ толкованіи нѣсколько сомнительно: Нефѳисъ всегда представляется на потолкахъ, перегнутая на стѣны покоя или храма, и это какъ-то болѣе похоже на небо, чѣмъ на землю. Нефѳисъ пишется голубою краскою: опять не совсѣмъ похоже на песокъ. Да еще одежда Нефѳисъ усѣяна звѣздами, и это, судя по самымъ вѣрнымъ описаніямъ Египта, больше похоже на просторъ звѣзднаго неба, чѣмъ на желтую пустыню. И такъ, не въ гнѣвъ ученымъ, мы скажемъ, что Нефѳисъ есть символъ неба, а ея супругъ Тифонъ есть отвлеченный духъ Иранскихъ системъ, которому, конечно, приличнѣе жены не придумають, какъ твердь небесную. Впрочемъ, тройственность тріадъ Египетскихъ, Ассирійскихъ и другихъ, не доказываетъ, чтобы везде число *три* получило свою таинственную святость отъ Кушитовъ. Даже явно, что во многихъ случаяхъ характеръ религіозной тройственности совершенно противоположенъ Кушитству и происходитъ отъ другихъ источниковъ и преданій, относящихся болѣе къ землѣ и роду людскому, чѣмъ къ общности міра въ ученіи о полярномъ и органическомъ двойствѣ. Таковы всѣ разсказы о первыхъ родоначальникахъ народовъ и племенъ. Они отзываются почти вездѣ, и особенно въ средней и Славянской полосѣ Европы. Отношеніе братства между миѳическими праотцами Германцевъ (по Тациту), Славянъ, Ирландцевъ (по преданію) и Эллиновъ въ родѣ Девкаліона (по многимъ древнимъ писателямъ) принадлежитъ къ воспоминаніямъ, сохраненнымъ въ памятникахъ письменности Иранской. Еще важнѣе и опредѣлительнѣе для исторіи человѣческаго образованія счетъ тринадцати. Онъ связанъ съ астрономическою системою, обхватываетъ южные острова Азіи, переходитъ въ Америку и обозначаетъ движеніе цѣлаго ученія, которое есть не что иное, какъ полупросвѣщеніе первобытнаго, Буддаизма, не отдѣлившагося отъ Шиваизма. Не должно забывать, при изслѣдованіи объ этой религіи, что Шива, обще-вещественная жизнь, заключаетъ въ себѣ и жизнь и смерть частную, слѣдовательно соединяетъ многія свойства Озириса и Тифона, раздвоившихся въ позднѣйшее время отъ борьбы съ Ираномъ, котораго духовное божество, враждующее противъ вещества, облеклось въ образъ злой дѣятельности Тифонической.

Исторія застаетъ религіи уже смѣшанными и искаженными.

Исторія уже не знаетъ чистыхъ племенъ. Исторія не знаетъ также чистыхъ религій. Памятники Египта принадлежатъ 18-й династіи Фараоновъ и, слѣдственно позднѣе завоеванія или владычества Гиксосовъ. Отъ 16-й, 15-й, и можетъ быть 14-й, остается одинъ цѣлый обелискъ (въ Геліополисѣ), да нѣсколько обломковъ, употребленныхъ въ другія постройки [1]). Египетъ не могъ совершенно освободиться отъ вліянія вѣры Сѣверной и Тифонической: ибо такова была вѣра Гиксосовъ по всѣмъ преданіямъ. Не всѣ дѣла Гиксосовъ и не вся память ихъ были ненавистными народу. Ненависть эта, по всей вѣроятности, усилена была въ позднѣйшее время расчетливостью жреческихъ выгодъ или исключительнаго патріотизма. Разсказы о ненависти народа къ древнимъ своимъ угнетателямъ записаны Греками, а одинъ изъ царей-пастырей, Апофисъ, удостоился почетнаго воспоминанія, какъ боголюбювый царь, въ памятникѣ Рамезеса Великаго (Сезостриса), принадлежавшаго къ династіи, изгнавшей Гиксосовъ и близкаго къ ихъ времени [2]). Но даже прежде ихъ нашествія, перенесеніе столицы изъ Ѳивъ, города жрецовъ, въ Мемфисъ, городъ царей, указываетъ на желаніе освободиться отъ опеки жреческой касты. И это желаніе увѣнчалось успѣхомъ. Позднѣйшій обычай, по которому всѣ священнослужители должны были разъ въ годъ явиться въ царское присутствіе, можетъ быть, есть только слѣдъ побѣды, одержанной Менесомъ или его преемниками надъ ѳеократіею. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что до пастырей власть перешла въ средній и сѣверный Египетъ, освободившись отъ стихіи чисто-Эѳіопской и принимая вліяніе Юго-западной Азіи. Многія династіи возникли въ городахъ близкихъ къ Палестинѣ и Аравіи, и ласковый пріемъ, сдѣланный Аврааму, доказываетъ, что вражда еще не совсѣмъ разорвала братскія связи рода человѣческаго. Возстаніе южнаго Египта и эпоха Фараоновъ 18-й династіи составляютъ переломъ въ исторіи при-Нильской стороны. Ѳивы (городъ Шивы, Аммона-Ра) опять овладѣли давно забытымъ первенствомъ. Кушитская стихія побѣдила Сѣверную, но слѣды прежнихъ вѣковъ уже никогда изгладиться не могли [3]).

---

[1]) Эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ времени составленія этихъ записокъ и даже для того времени не совсѣмъ точны, что̀ объясняется главнымъ образомъ необработанностью ихъ. *Изд.*

[2]) О какой надписи упоминаетъ авторъ? Есть надпись временъ Рамезеса В., въ которой лѣтосчисленіе начинается царемъ Гиксосомъ, что̀ могло бы указывать на отношеніе не враждебное къ нимъ. Царь Апофисъ представляется благочестивымъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Главное же положеніе о томъ, что ненависть къ Гексосамъ была не всеобщая въ Египтѣ, подтверждается позднѣйшимъ изслѣдованіемъ. *Изд.*

[3]) Историческая послѣдовательность столицъ принимается авторомъ согласно съ современнымъ на этотъ вопросъ воззрѣніемъ. Различіе съ такозымъ заклю-

Ѳивы до сихъ поръ стоятъ какъ великолѣпнѣйшее свидѣтельство силъ человѣческихъ въ борьбѣ съ природою, полныя красоты и величія, проникнутыя гордою поэзіею вдохновеннаго художества. Гдѣ же Мемфисъ? Нѣмецъ-антикварій едва отыщетъ его примѣты по описаніямъ древнихъ. Можно перенести столицу съ мѣста на мѣсто, перемѣнить образъ правленія, потрясти основу старины и преданія; потомъ можно ввести условное вѣрованіе, создать себѣ новую старину, и велѣть, чтобы выросла изъ земли столица великолѣпнѣе прежней. Все сдѣлается: городъ выстроится, вѣрованіе найдетъ поклонниковъ, выдуманная старина пойдетъ за истинную; но духа прежняго, живаго уже не создать. Вяло и лѣниво потечетъ въ искусственномъ руслѣ рѣка, нѣкогда кипѣвшая въ самородныхъ берегахъ. Городъ разрушится безъ слѣдовъ, вѣрованіе будетъ мертвое, и преданія исчезнутъ съ самимъ государствомъ. Кажется, такова была судьба богатой столицы сѣвернаго Египта. Когда пронеслась буря Гиксосовъ (въ какомъ бы видѣ она ни нагрянула, ибо завоеваніе сомнительно), не Мемфисъ, но старыя Ѳивы воплотили въ себѣ народную жизнь и государственную славу. Фениксъ возродился изъ своего пепла. Войска Рамзеса проникли въ глубь Африки, къ завѣтнымъ истокамъ Нила и къ загадочному Нигеру, протекли путемъ побѣдъ до Тавра, Арарата и отроговъ Кавказа съ одной стороны, до Инда и Оксуса съ другой. Сезострисъ-завоеватель, предупреждая славу Александра и Кира, покорилъ мечу своему роскошь Вавилона и деревянные городки нашихъ бѣлокурыхъ предковъ, Ванадовъ Бактрійскихъ (названныхъ *Схета* *), вѣроятно *Гетъ*, въ Ѳивскихъ надписяхъ). Флоты Фараоновъ громили берега Индѣйскаго полуострова и Средиземнаго моря; наконецъ, проснувшійся духъ каменосѣчца-Кушита, развивая всю свою могущую односторонность, создалъ въ Ибсамбулѣ, въ Луксорѣ и Карнакѣ цѣлый міръ памятниковъ, которыхъ огромность и величавая красота остались недосягаемыми для многообразнаго просвѣщенія позднѣйшихъ вѣковъ. На Сѣверѣ уцѣлѣла только громада пирамидъ, принадлежащая Мемфискимъ династіямъ; но заклейменныя проклятіемъ народа и отсутствіемъ изящныхъ

чается въ томъ, что онъ предполагалъ, что Ѳивы существовали до Моисея, т. е. въ доисторическое время, что противорѣчитъ болѣе точнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ вопросѣ, но не противорѣчитъ возможности существованія первоначальнаго южнаго центра, который однако недостаточно основательно отождествляется здѣсь съ Ѳивами. *Изд.*

*) Хета. *Изд.*

формъ, онѣ доказываютъ только то, что ихъ создало не жизненное стремленіе Египта, а злоупотребленіе власти, поработившее вольную жизнь художественнаго племени.

Исторія религіи Египетской болѣе или менѣе повторяется въ цѣломъ мірѣ. Волненіе человѣческихъ судебъ приводило всѣ народы въ безпрестанное столкновеніе и мѣшало всѣ разнородныя стихіи племенъ и образованія. Синкретизмъ, болѣе или менѣе явный, составляетъ всѣ древнія миѳологіи посредствомъ грубаго сроценія, или искусственнаго сплавленія, или смѣшенія органическаго, сотворившаго новыя системы. Кромѣ вліяній чуждыхъ, внутренняя сила мысли въ своихъ развратныхъ страстяхъ или благородныхъ порывахъ вездѣ измѣняла первыя основы вѣрованія. Исторія человѣчества застаетъ уже просвѣщеніе второбытное и развалины старыхъ народовъ; она находитъ уже и всѣ религіи въ ихъ второй, синкретической эпохѣ.

Извѣстна шутка: „хорошее общество портитъ дурные нравы“. Она можетъ быть приложена къ измѣненіямъ религіозныхъ понятій. Система, ложная въ своемъ основаніи и требующая совершеннаго уничтоженія для блага и достоинства человѣческаго, можетъ имѣть наружныя примѣты гармонической полноты и заслуживать нѣкоторое уваженіе хоть со стороны логической или художественной. Отрывки другой лучшей системы, вкрадываясь въ худшую, но не измѣняя коренныхъ ея началъ, отнимаютъ у нея даже красоту стройнаго развитія. Смѣшеніе обращаетъ въ ядъ самыя безвредныя вещества и самыя чистыя мысли. Такъ, Иранское поклоненіе духу, столкнувшись съ Кушитствомъ и распространяясь съ помощью меча, заразило даже стихійное вѣрованіе кровожадностью, которой въ немъ не было до тѣхъ поръ. Такъ, чувство состраданія къ старшимъ вводило у кочующихъ бѣдняковъ обычай убіенія родителей. Такъ, жажда безсмертія и чистая любовь къ отжившимъ порождали самыя отвратительныя обыкновенія. Весь народъ *Тупая* съѣдалъ своихъ покойниковъ съ великимъ и умилительнымъ торжествомъ. Вотъ желаніе безсмертія въ племени, котораго Кушитская вѣра не знала безсмертнаго духа. Бѣдный Тупая питался тѣломъ умершаго отца, чтобы дать еще жизнь, и жизнь человѣческую, его земной оболочкѣ, точно также какъ добродушный Германецъ питается книгами своихъ предшественниковъ и увѣряетъ, что онѣ въ немъ безсмертны. Глупость краснокожаго дикаря простительнѣе полу-глупой, полу-хитрой уловки бѣлолицаго философа *). Потребность жизни загробной, соединенная съ поклоненіемъ стихійному міру, служила основаніемъ вѣры въ перерожденіе (метемпсихозисъ). Кажется, можно угадать Буддаистическое ученіе о переходѣ въ *нирвану* (мирное небытіе, свободное убѣжище долго работавшаго духа) въ разсказѣ о мнѣніи Египтянъ, будто бы души послѣ нѣсколькихъ перерожденій удаляются къ блаженнымъ богамъ. Это была тайна жрецовъ, хранителей Буддаизма, древней вѣры, родившейся у благодушныхъ, но вещественныхъ Негритянъ.

Распространеніе религій не соотвѣтствуетъ племенамъ; но характеръ племенъ имѣетъ вліяніе на развитіе религій. — Общая характеристика племенъ бѣлаго, желтаго и чернаго въ религіозномъ отношеніи. — Вліяніе племеннаго характера на развитіе Христіанства.

Распространеніе мнѣнія или вѣры не ограничивается естественнымъ раздѣленіемъ племенъ. Истина и ложь доступны или соблазнительны для всѣхъ людей. Кушитское ученіе возникло въ черной и полу-черной семьѣ народовъ, которыхъ исконное жилище было въ Африкѣ, а ранній мысленный центръ около верховій Нила, и которыхъ писаніе Израильское причисляетъ къ безстыдному роду Хама; но это же ученіе проникло съ бóльшими или меньшими измѣненіями во всѣ области Сѣверныхъ племенъ. Точно также и Иранство измѣнило болѣе или менѣе религію многихъ народовъ, первоначально принадлежавшихъ Кушитскому ученію. Вѣра и просвѣщеніе равно принадлежатъ всякому существу мыслящему, будь его кожа черна, какъ уголь, или поэтически бѣла, какъ снѣгъ, и будь его волосы курчавымъ войлокомъ Африканца или каштановымъ украшеніемъ Англійской головы.

За всѣмъ тѣмъ, невозможно не замѣтить, что родовой характеръ племенъ имѣлъ сильное вліяніе на характеръ религій или на ихъ развитіе. Какое-то благородство и чистота отличаютъ издревле бѣлое племя въ Азіи и Европѣ. Миѳоло-

---

*) Если мнѣніе, что безсмертіе личное не принадлежитъ частному духу, основано на убѣжденіи, оно не должно распространяться посредствомъ обмана. Всякій обманъ такаго рода предполагаетъ въ одно время какую-то ограниченность ума и неблагородство души. *Примѣч. А. С. Хомякова.*

гія его разнообразнѣе и опредѣленнѣе въ своихъ очеркахъ. Въ немъ замѣтно желаніе обнять въ своемъ знаніи и въ своемъ поклоненіи весь міръ видимыхъ образовъ и отвлеченныхъ идей; въ немъ видно также какое-то равновѣсіе дѣятельныхъ и страдательныхъ способностей. Въ этомъ племени, и только въ немъ, сохранилось живое преданіе и ясное ученіе духовности Иранской. Сѣверная и Средне-Азійская желтоликая семья утратила память своей старины, не пріобрѣтая ни новыхъ истинъ, ни новыхъ заблужденій. Она отличается какимъ-то равнодушіемъ къ міру мыслей религіозныхъ и отсутствіемъ всякаго пластическаго служенія. Не принимая сильнаго вліянія извнѣ, она не умѣла сохранить ни преданія, ни ученія опредѣленнаго, и потеряла, если не свое человѣческое достоинство, то по крайней мѣрѣ важность значенія своего въ исторіи вѣрованій человѣческихъ. Даже Китай, могучее созданіе односторонней страсти къ политическому строительству, сорока-вѣковой памятникъ, котораго основаніе почти современно строенію пирамидъ, Китай менѣе бросаетъ свѣта на древній ходъ религіи, чѣмъ какая-нибудь область Семитовъ или Индо-Германцевъ, ничтожная въ своемъ значеніи государственномъ, незамѣтная на земномъ пространствѣ и давно поглощенная бурнымъ волненіемъ кочующаго человѣчества. За всѣмъ тѣмъ, раннее Иранство сохранило желтое племя отъ совершеннаго нравственнаго паденія. — Чисто-черное племя не имѣетъ ни старины писанной, ни древнихъ и ясныхъ преданій. Разбившись на мелкія общины (если можно назвать общиною случайное столпленіе нѣсколькихъ голыхъ дикарей) и разсѣявшись на свободномъ просторѣ степей, въ которыхъ человѣкъ съ человѣкомъ не имѣетъ никакого сообщенія, оно дало полную волю лѣнивой страдательности животнаго организма и утратило творческую дѣятельность духа. Мысль согрѣвается мыслію чужою, долгое отшельничество глазъ на глазъ съ вещественною природою усыпляетъ умственныя способности, отнимаетъ у нихъ сознаніе собственныхъ силъ и пріучаетъ ихъ рабски повиноваться неизбѣжнымъ законамъ видимаго міра. Пустыня сводитъ человѣка на степень животнаго, и бѣдный Негръ, начавшій свою умственную жизнь подъ вліяніемъ мертвящаго Буддаизма, сохранилъ отъ него только страсть къ символамъ, забывъ ихъ коренной смыслъ. Символъ перешелъ въ амулетъ, амулетъ въ фетишъ, и черный житель Африки почти сравнился съ орангъ-утангомъ, въ свидѣтельство человѣческаго безсилія и въ соблазнъ ученой Германіи.

Замѣчено, что люди болѣе дичаютъ подъ благодатнымъ небомъ тропическихъ странъ, чѣмъ подъ вліяніемъ суроваго Сѣвера. Всю разницу приписываютъ, въ одномъ случаѣ — отсутствію, въ другомъ—необходимости борьбы. Прибавимъ: необходимости борьбы соединенными силами, и толкованіе будетъ справедливо. Борьба съ природою требуетъ дѣятельности общественной, а не частной, и не борьба, а общество облагораживаетъ человѣка. Выселенцы семей, утратившихъ преданіе о необходимости общества, остаются дикарями даже въ самой холодной и неблагодарной землѣ. Таковы жители Огненной Земли, которыхъ предки когда-то населяли богатую пустыню подъ-экваторную. Совершеннаго одичанья не найдешь на островахъ. Морская природа удерживаетъ въ тѣсныхъ границахъ разбродъ первоначальныхъ семей и заставляетъ ихъ, поневолѣ, жить другъ съ другомъ. Но дайте имъ вольное кочевье пространнаго материка — и потомъ полюбуйтесь на Эндамена Новой Голландіи, на Патагонца южной Америки и на лѣсного Кафра или Готтентота Африканской оконечности. Негръ, предавшійся вполнѣ жизни тѣлесной, нигдѣ не могъ достигнуть высокой образованности или великаго значенія историческаго; но увлеченный другими племенами, онъ раздѣлялъ ихъ дѣятельность и измѣнялъ ихъ характеръ. Такъ, на Сѣверо-востокѣ Африки примѣсь Негрскаго племени (которую легко можно доказать изображеніями Сфинкса и портретами 18-й династіи Египетской) дала просвѣщенію односторонность вещественнаго развитія, создавшаго всю нелѣпость Кушитства и все величіе его памятниковъ. Такъ, эта же самая примѣсь, соединившись съ воинственною энергіею желтаго племени, дала полный разгулъ кровожаднымъ страстямъ и была источникомъ всѣхъ ужасовъ людоѣдства, которымъ отличаются оливковое населеніе Полинезіи и часть полу-чернаго населенія Америки. Впрочемъ, самое людоѣдство, по всей вѣроятности, было основано на ложныхъ понятіяхъ пантеистическаго Шиво-Буддаизма, объясненныхъ прихотью неразумнаго произвола. Отправляясь отъ одной и той же мысли, что безсмертіе человѣка неразлучно съ его тѣлесною оболочкою, Тупая съѣдаетъ отца своего, чтобы доставить ему благородную жизнь человѣческаго организма, а Ново-Зеландецъ и людоѣдъ Полинезійскій съѣдаютъ убитаго непріятеля, чтобы превратить его бытіе въ свое собственное и лишить его загробной жизни, связанной съ отдѣльнымъ существованіемъ тѣла, не поглощеннаго другимъ человѣческимъ тѣломъ.—Въ первоначальномъ служеніи законамъ необходимости было, какъ мы уже сказали, соединеніе Будды и Шивы. Страстная дѣятельность бѣлаго племени жадно бросилась къ дѣятельному Шиваизму, который и является почти безъ примѣси Буддаизма въ Кушитствѣ Египта, Палестины, Ассиріи и другихъ областей. Рабская и лѣнивая покорность Негра и безформенная отвлеченность желтаго племени живѣе впитали въ себя ученіе Будды, ученіе безформенное и лѣнивое; но странствующая жизнь, бурное море, борьба военная придали Шиво-Буддаизму Полинезійскому и Американскому безумную свирѣпость, съ которой не могъ сравниться даже чистый Шиваизмъ въ бѣломъ племени.—Впрочемъ, постоянство религій и, въ тоже время, постоянство племеннаго духа явны въ двухъ примѣрахъ весьма разительныхъ. Въ Ѳіопіи, въ древнемъ Египтѣ, въ Средне-Азійской системѣ, въ Японіи и въ преданіяхъ Американскихъ повторяется одно и тоже характеристическое явленіе, именно, раздѣленіе власти на правящее единодержавіе и на ѳеократію, держащую правительство подъ своею опекою. Нигдѣ, кромѣ земель Буддаистскихъ, мы не видимъ подобнаго устройства, и оно встрѣчается почти вездѣ, гдѣ только преобладаетъ Буддаизмъ, не смотря на разнородность племенныхъ началъ. Трудно сказать, что было основою этого раздѣленія властей; но оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ самимъ раздѣленіемъ духа и міра въ Буддаизмѣ, съ тою только разницею, что въ ученіи духъ рабствуетъ, въ практикѣ государственной ѳеократія преобладаетъ. Другой примѣръ, свидѣтельствующій о важности народныхъ характеровъ, встрѣчаемъ мы въ Европѣ. Германское племя является намъ издревле служителемъ вѣрованія умозрительнаго, безъ всякихъ образовъ и безъ всякой пластической оболочки. Когда свѣтъ

Христіанства озарилъ Европу, и постепенныя измѣненія, чуждыя его истинному духу, вызвали реформу; когда изъ среды угнетенныхъ Славянъ раздался голосъ Гуса, гремящій противъ злоупотребленій Западной церкви, Германія устремилась въ новооткрытый путь и сбросила всѣ оковы формальности религіозной. Древній характеръ племени, описаннаго Тацитомъ, воскресъ; составились новыя христіанскія общества, стремящіяся поклоняться духомъ первоначальному Духу и отвергнуть всѣ видимые образы и символы. Таково было направленіе Германской реформы; въ Германіи развилась она, въ ней принесла свои плоды, добрые и злые, и не перешла нигдѣ предѣловъ племеннаго раздѣленія.—Древній міръ продолжаетъ отзываться въ новомъ. Характеръ строго-логической формальности, свойственный Риму, впитавъ въ себя Эллинское поклоненіе красотѣ, проникъ во всѣ части, во весь бытъ, въ соки и кровь собственно-Римскаго міра, т. е. областей западныхъ, созданныхъ Римомъ, а не восточныхъ, отчасти сотворившихъ Римъ и сохранившихъ всегда свое умственное превосходство. Таковъ былъ Западъ языческій, таковъ и христіанскій, строго-логическій и мелочно-формальный. Но поклоненіе красотѣ наружной, завѣщанное Элладою Риму, а Римомъ всему Западу, придало чудную красоту и величавую прелесть западному развитію. Тамъ образовалось искусство христіанское, и мысль заковалась въ цѣпи вѣрованія полу-языческаго по наружности, полу-юридическаго по развитію. Эллада, побѣдившая Римъ, была въ самой себѣ побѣждена Восточною мыслію. Міръ Славянскій, котораго сказочное человѣкообразіе служило колыбелью религіозному человѣкообразію Эллады, никогда не развивалъ въ себѣ этаго исключительнаго стремленія: напротивъ того, на Сѣверѣ, увлеченный вліяніемъ Индустана, переданнымъ ему черезъ Волжскій торговый путь, или повинуясь коренному сродству съ мыслію Индустана, онъ облекъ свою религію въ многочисленные, но безобразные символы. Единство духа Восточнаго высказалось къ Элладѣ и областяхъ Славянскихъ; онѣ требовали символовъ, но были равнодушны къ нимъ. Чуждыя юридической формальности Рима, онѣ развивали мысль христіанскую, но не заковывали ея въ чисто-логическій силлогизмъ. Для нихъ образъ былъ одеждою, а не цѣпью. Такъ составились въ Европѣ три ученія христіанскія, которыхъ источникъ скрытъ въ мірѣ до-христіанскомъ: Германское, безформенное; Восточное или Греко-Славянское, облеченное въ символы, но свободное отъ самихъ символовъ; Западное или Римское, логическое, какъ гражданскій законъ Рима, и колѣнопреклоненное предъ красотой символа, какъ Эллинская древность.

Общій выводъ предыдущаго изложенія: трое главныхъ первоначальныхъ племенъ; два начала вѣрованія — въ первобытную необходимость и творческую свободу. — Началамъ вѣрованія соотвѣтствуетъ общій характеръ просвѣщенія.

Мы видѣли, что изъ пяти отдѣленій великаго семейства человѣческаго, оливковое Полинезійское и краснокожее Американское (эти названія впрочемъ только приблизительныя) исключаются строгимъ историческимъ розысканіемъ. Безпристрастный изслѣдователь признаетъ въ одномъ смѣсь желтаго Средне-Азійскаго племени съ чернымъ Африканскимъ Мулатомъ и отчасти (какъ видно изъ распространенія языка Кави) съ бѣлоликимъ Иранцемъ. Жители Америки возведены къ тѣмъ же источникамъ, слившимся подъ другими условіями и въ другихъ количественныхъ отношеніяхъ. Критика религіозныхъ преданій довела науку до тѣхъ же самымъ простыхъ результатовъ, до которыхъ достигало неиспорченное чувство художнической истины. Всякій живописецъ давно разрѣшилъ бы однимъ взглядомъ вопросъ, надъ которымъ трудилась и до сихъ поръ трудится кропотливая ученость.

Трое главныхъ первоначальныхъ племенъ составляютъ весь итогъ рода человѣческаго. Два начала вѣрованія, въ первобытную необходимость и творческую свободу, Кушитство и Иранство, обнимаютъ собою всѣ древнѣйшія религіи и всѣ ихъ позднѣйшія смѣси.

Раздѣленію въ источникѣ или окончательномъ выраженіи всякаго просвѣщенія, въ вѣрѣ, должно было соотвѣтствовать раздѣленіе просвѣщенія вообще.

Двѣ системы письменности: образная и гласовая. — Двоякое подраздѣленіе каждой изъ нихъ. Ихъ характеристика.

Письменность, по знакамъ своимъ, представляетъ намъ двѣ системы: гласовую и образную. Эти двѣ системы дѣлятся снова каждая на два отдѣла: на гласовую полную и неполную, на образную чистую и мѣшанную или естественную и условную. Гласовая полная выражаетъ всѣ звуки, неполная—однѣ только согласныя.

Отъ этого произошло нелѣпое мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы гласныя должны называться не звуками, а тонами. Противъ такого вздора не нужно спорить. Гласная содержитъ въ себѣ и звукъ и тонъ. Гласовая же азбука безъ гласныхъ есть неполная или условная.

Система образная, чистая или естественная, выражаетъ образъ или мысль, безъ всякого отношенія къ звуку. Начало ея—портретъ, развитіе—метафора. Система условная или смѣшанная разнообразна до безконечности. Она принимаетъ въ себѣ сокращеніе естественныхъ знаковъ, подобія звуковъ, начальные звуки словъ, подобія мыслей, систематическое дробленіе мысли согласно съ ученостью или полуученостью народа и т. д. Письменность гласовая, азбука, принадлежитъ только одному какому нибудь языку и нарѣчію, неполная гласовая или условная можетъ принадлежать нѣсколькимъ нарѣчіямъ одного языка. Образная чистая (гіероглифъ) принадлежитъ всему міру и всѣмъ языкамъ. Условная снова приходитъ въ зависимость отъ языка и развитія каждаго народа. Такъ, напр., Китайскія письмена неспособны для другаго какого нибудь просвѣщенія.

Гласовая система почти неподвижна. Формы буквъ могутъ измѣниться, но начала остаются тѣже. Чтеніе съ права на лѣво, съ лѣва на право, соединеніе ихъ въ *вустрофедонъ*, чтеніе съ низу въ верхъ или съ верху въ низъ, не составляютъ никакой коренной разницы. Половина грамотныхъ дѣтей изъ шалости перепробовали всѣ эти грамоты. Гіероглифическое или образное письмо подвержено безчисленнымъ измѣненіямъ: оно живетъ жизнью совершенно отдѣльною отъ самаго языка и можетъ сдѣлаться или чисто-условною алгеброю мысли, какъ у Китайцевъ, или, посредствомъ сокращенія знаковъ (при необходимости выражать имена собственныя) полугласовою и гласовою азбукою.

Гласовое письмо принадлежитъ Иранскому просвѣщенію, образное Кушитскому.

Безъ всякаго изслѣдованія историческаго, при одномъ поверхностномъ взглядѣ на обѣ системы, можно сказать a priori, что гласовое письмо принадлежитъ Ирану, гіероглифъ—Кушу. Звуки языка, въ своемъ прихотливомъ разнообразіи, движутся свободно и независимо отъ природы внѣшней. Гласовая азбука, въ своей рабской зависимости отъ языка, сохраняетъ свободу мыслящаго духа. Гіероглифъ ставитъ мысль человѣка въ рабскія отношенія къ внѣшней природѣ. Онъ долженъ исказиться, чтобы получить свободу. Все внѣшнее и видимое живо и ясно представляется письменами гіероглифическими; все внутреннее, духовное, отвлеченное для нихъ недоступно. Видимый и невидимый міръ доступны мысли, слову и гласовымъ письмамъ.

Мы говоримъ о гіероглифахъ въ ихъ первоначальной простотѣ, а не въ позднѣйшемъ измѣненіи. Китайскіе писатели выражаютъ самыя отвлеченныя понятія знаками происшедшими изъ гіероглифическаго письма. Должно замѣтить, что письмена гласовыя сохраняютъ неизмѣнность языка. Условные знаки мысли даютъ языку полную свободу измѣняться, но сохраняютъ неподвижность мысли. Какъ бы ни обогащался разумъ человѣческій новыми познаніями и открытіями, азбука будетъ служить полнымъ выраженіемъ всѣхъ его мысленныхъ богатствъ. Дайте новую систему наукѣ,—прежніе знаки образной грамоты сдѣлаются безсмысленною арабескою. Это легко пойметъ всякій, кто знаетъ сокращенные формулы химическаго разложенія. Вотъ одна изъ причинъ загадочной неподвижности Китая.

Первоначальная гласовая азбука выражала гласныя, такъ же какъ и согласныя. Отсутствіе гласныхъ въ азбукахъ Семитическихъ объясняется свойствомъ языка.

Нелѣпо бы было предполагать, что первая азбука гласовая не выражала гласныхъ буквъ. Тотъ, кто замѣтилъ разницу между звуками *ли* и *ри*, конечно долженъ былъ замѣтить разницу между *ли* и *ла*. Прибавимъ къ тому, что почти во всѣхъ языкахъ есть цѣлые слога, составленные изъ одной гласной. Допустивъ, что въ каждой отдѣльной гласной скрыто придыханіе, мы не можемъ предположить, чтобы вздумалось изобрѣтателю письменъ изобразить придыханіе безъ гласной, которая даетъ ему характеръ и смыслъ.

Очевидно, тотъ, кто доказываетъ придыханіе въ отдѣльной гласной, признаётъ его ничтожность въ сравненіи съ гласной буквою. Никому въ голову не придетъ доказывать существованіе звука, который для всѣхъ замѣтенъ. Отсутствіе гласныхъ у Семитовъ и Арамейцевъ объясняется, какъ извѣстно, изъ свойствъ языка, раздѣленнаго на многія нарѣчія съ неизмѣнными согласными и измѣняющимися гласными. Не въ этихъ народахъ должны мы искать колыбель письменности гласовой.

Время и мѣсто происхожденія разныхъ письменныхъ системъ. — Письмена Египетскія, Китайскія.—Онѣ соотвѣтствуютъ двумъ подраздѣленіямъ Кушитскаго религіознаго начала, собственно стихійному поклоненію, Буддаизму.

Трудно сказать, какая область можетъ похвалиться изобрѣтеніемъ письменъ. Можетъ быть, каждая система родилась въ одно время, или въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга. Одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, это тотъ, что Египетъ ни отъ кого не заимствовалъ своей первоначальной грамоты и что эта грамота была чисто-образная, гіероглифъ въ своей первобытной простотѣ. Кушитство перешло изъ Эѳіопіи въ Египетъ, но мысль человѣка уже подвинулась впередъ, не смотря на оковы стихійнаго служенія. Отсутствіе гіероглифовъ въ Индіи и на Востокѣ доказываетъ, что начала религіозное и племенное были уже перенесены съ береговъ Африки въ южную и островную Азію прежде, чѣмъ Египетъ достигъ своей самостоятельной жизни. Нельзя отрицать связи между системою Китайцевъ и Египетскою, но невозможно и доказать прямую зависимость Китайскихъ письменъ отъ Египетскихъ. Гораздо яснѣе происхожденіе Американскихъ изображеній и письменнаго значенія узловъ изъ Азіатскаго начала; ибо сами Китайцы свидѣтельствуютъ о своихъ древнихъ узловыхъ письменахъ, и такіе же узлы до сихъ поръ еще употребляются въ нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи.

Впрочемъ, узлы никогда не были и быть не могли ничѣмъ инымъ, кромѣ походнаго письма, изобрѣтеннаго необходимостью во времена, когда неизвѣстны были матеріалы удобные къ перевозкѣ, и въ тоже время способные къ принятію письменныхъ знаковъ. Быть можетъ также, они были удѣломъ низшихъ классовъ, которыхъ хитрая таинсвенность высшихъ сословій не допускала до знанія полной грамоты. Во всякомъ случаѣ они нигдѣ не были единственнымъ письмомъ, а только вспомогательнымъ. Полная письменность Мексики истекаетъ изъ системы гіероглифической. Тоже самое ясно и для Китая, хотя нѣтъ настоящихъ гіероглифовъ на древнѣйшихъ его памятникахъ.

Говоря, что Китай не представляетъ совершенныхъ гіероглифовъ, мы подразумѣваемъ тѣ изображенія, которыхъ первообразы даются природою видимою; ибо въ другомъ смыслѣ вся письменность Китайская есть не что иное, какъ гіероглифическая. Быть можетъ, и даже очень вѣроятно, отслѣдятъ переходъ образа естественнаго въ условныя формы, принятыя Китайцами; но во всякомъ случаѣ очевидно, что въ Китаѣ переходъ этотъ былъ быстръ и не имѣлъ уже прямаго сношенія съ позднѣйшимъ развитіемъ письменности Египетской, таинственной жреческой, или народной. Рожденная на берегахъ Гоанъ-го или принесенная извнѣ, мысль о письменахъ, выражающихъ не слово, а понятіе, развилась тамъ самобытно и независимо отъ другихъ народовъ. Но печать Кушитскаго направленія лежитъ на ея началѣ. Грубый рисунокъ, сокращенный и искаженный въ безобразное соединеніе черточекъ, ни на что непохожихъ, вотъ Китайское письмо въ его первобытной формѣ. Вещественный взглядъ на вещественный міръ принадлежитъ крайней оконечности Востока Азіатскаго, какъ и Сѣверо-восточной Африкѣ, откуда разливалось ученіе Кушитовъ. Раннее вліяніе другихъ стихій уничтожило всѣ слѣды ихъ грамотности въ Индустанскомъ полуостровѣ, если они когда нибудь тамъ существовали; ибо Ирану принадлежала область мысли, слова и краснорѣчиваго письма, также какъ Кушу принадлежала безмолвная борьба съ природою и величіе колоссальнаго зодчества.

Въ ходѣ письменности гіероглифической повторяется общее движеніе Кушитства. Основное ученіе его было — преобладаніе вещественной необходимости, т. е. не отрицаніе духа, но отрицаніе его свободы въ проявленіи. Таковъ коренной Шиво-Буддаизмъ. Между тѣмъ какъ въ Иранствѣ все развитіе отправлялось отъ понятія о свободѣ общаго духа, все творящаго, о произволѣ частнаго духа, все искажающаго, и не носило въ себѣ сѣмени внутренняго разъединенія, Кушитская система бросала въ душу человѣческую зародышъ непримиримаго раздора черезъ поклоненіе угнетающему веществу и болѣе благородное, но совершенно отвлеченное поклоненіе угнетенному и безсильному духу. Мы видѣли, что крайности безумной вещественности и безумной духовности, стремящейся къ самоумерщвленію, возникли изъ одного и того же начала. Ирану свято было все, даже вещественное, въ чемъ проявлялся духъ свободный и творящій; святъ былъ звукъ слова, облекающаго мысль, и свято было письмо, условный образъ, данный этому звуку. Кушу свято было вещество грубое, стихійное и безсмысленное, свято было художество, естественный образъ его бытія, и гіероглифъ, полуестественный образъ его дѣйствія. Съ другой стороны, въ таинственномъ Буддаизмѣ свято было только полное отсутствіе всякой вещественности,— неподвижность, молчаніе и смерть. Изъ простой системы гіероглифической, дѣйствіемъ Буддаизма, должна была выйти новая система, чуждая естественному образу и не скованная подражаніемъ звуку: система чисто-условная, стремящаяся найти для мысли выраженіе новое, слово беззвучное, образъ отвлеченный отъ всѣхъ законовъ естественности, т. е. нотація или алгебра понятій. Таково письмо Китайское.

Въ Африкѣ и странахъ, въ которыхъ преобладалъ Шиваизмъ, не находили еще слѣдовъ подобной письменности. По свидѣтельству весьма вѣроятному, списокъ древне-Китайской надписи, показанный Англичанами въ Индустанѣ мнимому колдуну Персіянину, былъ признанъ имъ за собраніе знаковъ гіероглифическихъ, весьма знакомыхъ всему почтенному цеху колдуновъ. Помня уже объясненное нами Кушитское происхожденіе волхвованія, мы не находимъ никакой причины отвергнуть свидѣтельство Англичанъ и Персіянина, хотя не приписываемъ ему излишней важности [1]). Многое могло быть и было такаго, которое уже стерто вѣками и забыто людьми.

Сравнительная новость слоговой азбуки Средне-Азійской и письменъ Сиро-Арамейскихъ (безъ гласныхъ).

Въ системѣ гласовыхъ письменъ представляется, кромѣ азбуки отдѣльныхъ звуковъ, азбука слоговъ, которая принадлежитъ Средней Азіи. Сравнительная новость Средне-Азійской письменности и явная искусственность слоговой азбуки исключаютъ ее изъ числа системъ первоначальныхъ, такъ же какъ другія несомнѣнныя причины исключаютъ Семитическую и Арамейскую грамоту, въ которыхъ гласныя не имѣютъ опредѣленныхъ знаковъ. Вліяніе Аравіи, желаніе просвѣщенныхъ затруднить доступъ къ просвѣщенію и, можетъ быть, педантство, которое такъ же мало было чуждо древнему, какъ и нашему времени, распространило употребленіе письменъ Сиро-Арамейскихъ даже въ тѣхъ областяхъ, у которыхъ была нѣкогда азбука разумная и полная.

Почти безполезно бы было искать причину этой перемѣны. Легко найти доказательство прихоти; невозможно сказать, изъ какихъ ложныхъ понятій она возникла. Въ азбукѣ Тагала иногда не пишутся даже согласныя; почему, неизвѣстно. Но вѣрно то, что воздѣйствіе письма на языкъ говоренный мало-по-малу исключаетъ даже изъ произношенія написанныя буквы. Нѣтъ сомнѣнія, что весь Юго-западъ Азіи когда-то употреблялъ полную азбуку. Это можно съ достовѣрностью сказать объ Евреяхъ и Финикійцахъ; ибо Финикія передала Элладѣ знаки для гласныхъ, какъ видно изъ древне-Элидскихъ, Нанійскихъ, Петилійской, Кріасейской [2]) и многихъ другихъ надписей. Но самое уничтоженіе гласныхъ знаковъ отчасти доказываетъ, что Сиро-Аравійскія письмена заняты отъ другихъ народовъ. Древнія Ликійскія (Славянскія) [3]), Карійскія и вообще Мало-Азійскія надписи писаны азбуками полными.

---

[1]) Такаго рода небрежная замѣтка ясно доказываетъ, что Записки не подвергались не только переработкѣ, но и пересмотру. *Изд.*

[2]) Петелія древне-Греческій городъ на Вост. берегу Бруціума; Крія, Кріасса городъ, причисляемый нѣкоторыми къ Ликіи, другимъ къ Каріи. *Изд.*

[3]) Образцы Ликійскихъ двуязычныхъ надписей приведены въ изд. Геродота Раулинсона т. I. 557 и сл. *Изд.*

Родина гласовыхъ письменъ Иранъ.—Клинообразное письмо—развитіе первоначальной азбуки Иранской.—Древность грамотности у Германцевъ и Славянъ.— Разборъ нѣкоторыхъ словъ, относящихся къ грамотѣ.

Страна Вендовъ и Сѣверныхъ ихъ сосѣдей, Иранцевъ—Азовъ и Вановъ или Сѣверный Индустанъ, суть, безъ сомнѣнія, родина письменъ гласовыхъ. Отъ нихъ родилась и Эллино-Римская грамота, и руны Скандинавіи и Вендіи, и буквы Персіи, Арменіи и Сиро-Палестины. Ученыя розысканія, такъ же какъ и апріористическое разсужденіе, даютъ одинъ и тотъ же выводъ.

Трудно доказать, чтобы Санскритская письменность была новѣе собственно-Иранской. Но такое предположеніе очень вѣроятно, во-первыхъ потому, что весь міръ Индустанскій есть смѣшеніе разноначальныхъ колоній: во-вторыхъ, по самой искусственности многихъ Санскритскихъ знаковъ и по нѣкоторымъ признакамъ слоговаго сочетанія буквъ безъ строгаго наблюденія за порядкомъ, въ которомъ онѣ слѣдуютъ одна за другой въ произношеніи. Кажется, тотъ же выводъ подтверждается множествомъ сложныхъ согласныхъ, пропущеніемъ звука *а* краткаго и отсутствіемъ сходства между Западными и Индустанскою азбуками.

Первоначальные знаки, вѣроятно, были весьма просты, и хотя нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы клинообразное письмо было непремѣнно древнѣйшимъ изъ всѣхъ, но сравненіе древнѣйшихъ памятниковъ приводитъ къ тому заключенію, что звуки коренные были изображаемы соединеніемъ и пересѣченіемъ прямыхъ черточекъ. Клинообразныя письмена представляютъ намъ только приспособленіе той же азбуки къ украшенію памятниковъ и къ упорству камня, на которомъ чертились надписи.

Отъ этого клинообразное письмо Вавилонскихъ кирпичей представляетъ уже многія округленія, смѣсь клина и крючка: мягкость глины позволяла удаляться отъ прямыхъ линій. Съ другой стороны, надписи Славянъ Ликійскихъ, Карійцевъ и древне-Эллинскія содержатъ въ себѣ много сходства съ клинообразными письменами Это особенно разительно въ Эолійской надписи, въ которой буквы. *л*, *е*, *і*, *с* имѣютъ формы совершенно напоминающія Персеполитанскую азбуку.—До сихъ поръ, кажется, не прилагали еще къ разбору древне-Зендскихъ начертаній на камнѣ аналогіи, которая могла существовать между ними и старыми памятниками письменности Эллинской и Мало-Азійской. По всей вѣроятности, такое сравненіе повело бы къ счастливому результату. Но должно помнить, что стихіи Эллинскаго просвѣщенія шли въ одно время съ Юга и Юга-востока, съ Востока и Сѣверо-востока. Сходство тѣмъ важнѣе, чѣмъ Эллинская надпись ближе къ древнему Иранскому началу по характеру діалекта и по порядку буквъ. Въ чтеніи съ лѣва на право безспорно найдется болѣе общаго съ первобытнымъ Ираномъ, чѣмъ въ обратномъ. *Вустрофедонъ*, какъ межеумокъ, не заслуживаетъ особеннаго уваженія; но кажется должно изучить преимущественно надписи, принадлежащія странамъ и племенамъ Сѣверной Греціи, менѣе подвергшейся вліянію Египто-Финикійскихъ колонистовъ.

Народы, не приписывающіе себѣ изобрѣтенія письменъ, не должны ни въ какомъ случаѣ считаться ихъ изобрѣтателями, кромѣ тѣхъ племенъ, которыхъ древность была затеряна и поглощена въ буряхъ войны и чужеземныхъ нашествій. Такія племена могли имѣть старую славу, про которую сами забыли. Вообще же хвастливость такъ естественна всѣмъ людямъ, что никому не приходило въ голову отрекаться отъ великаго изобрѣтенія, а многіе себѣ приписывали чужую заслугу. Слова, обозначающія чтеніе, писаніе, книгу, буквы и такъ далѣе, могутъ иногда дать намъ легкое средство узнать давность народной письменности. Но вообще это относится только къ сравнительной давности; ибо первобытной письменности гласовой нигдѣ искать нельзя, кромѣ самаго Иранскаго центра, т. е. земель на Югъ отъ Каспія и на скатахъ Араратской и Демавендской горной цѣпи съ ея отрогами. Туда указываютъ всѣ вѣроятности и многія преданія.

Самолюбіе Кельтійскихъ филологовъ вздумало присвоивать семьѣ Кельто-Кумрической честь древняго просвѣщенія письменнаго. Для опроверженія ихъ мнѣнія достаточно одного обстоятельства: всѣ слова, касающіяся до грамоты, происходятъ у нихъ или изъ Латинскаго, или изъ Греческаго языка *). Передъ этимъ исчезаютъ всѣ толки ученые и всѣ патріотическіе подлоги. Кстати прибавимъ, что нѣтъ ничего жальче, смѣшнѣе и нелѣпѣе усилій книжнаго народа для созданія подложной старины. Добро, при дворѣ Римскихъ епископовъ производили издавна успѣшную выдѣлку фальшивыхъ документовъ, декретовъ, дарственныхъ завѣщаній и проч.; добро, еще недавно въ области Западной церкви искажали тексты древнихъ церковныхъ писателей и печатали изданія, искусно изуродованныя, съ благословенія духовнаго начальства. Это все дѣлалось, и дѣлалось съ пользою. Правда, подлоги открылись въ позднѣйшее время, нашъ вѣкъ смѣется надъ этими дарственными завѣщаніями и декретами; сличеніе древнихъ рукописей и списковъ обличило невѣрность западныхъ изданій, и ни одинъ добросовѣстный критикъ не думаетъ ихъ защищать; но временная цѣль была по крайней мѣрѣ достигнута. Тутъ былъ соблазнъ богатствъ, и бо́льшій соблазнъ мірской власти и, величайшій изо всѣхъ, соблазнъ власти духовной. А вы изъ чего хлопочете? Не завоюете за своихъ предковъ тѣхъ странъ, которыхъ они завоевать не сумѣли; не выдумаете за нихъ тѣхъ выдумокъ, которыя имъ не дались. Обморочите съ дюжину легковѣрныхъ невѣждъ, и только. Великъ барышъ! Хорошо создавать славу настоящую или будущую, а прошлое прошло. Слава или безславіе, примемъ все безъ гордости и ропота, любя истину и справедливость и человѣческое братство. Вмѣсто безплодныхъ трудовъ для присвоенія себѣ неподобающей чести, лучше бы было Кельтскимъ филологамъ обратить вниманіе на то, что въ числѣ предметовъ, относящихся до письменности, многіе носятъ не Латинскія, а Греческія названія, или по два названія, одно Римское, другое Эллинское. Давно бы убѣдились въ истинѣ, въ которой еще сомнѣваются и которую мы вывели изъ другихъ примѣтъ: въ проповѣди вѣры и просвѣщенія, принесенной не изъ Галліи или Италіи, а изъ дальняго Эллинскаго Востока по морскимъ путямъ, искони знакомымъ смѣлому парусу Финикійскихъ Семитовъ. Никогда не должно терять изъ виду, что Кельты были вообще народъ мало образованный, воинственный и не склонный къ жизни общественной, къ мирнымъ трудамъ или градостроительству. Британія, земля классическая для Кельтовъ Галлійскихъ, училище ихъ вѣры и хранительница преданій, не знала городовъ, не сильна была въ землепашествѣ. По крайней мѣрѣ, таковъ выводъ

---

*) Первоначально авторъ почиталъ Кельтовъ племенемъ Семитическимъ; впослѣдствіи онъ призналъ ихъ за И. Германцевъ. Доказательность приведеннаго имъ аргумента могла бы имѣть мѣсто только въ случаѣ признанія ихъ

Семитами; ибо иначе возможная общность корней отнимаетъ у этаго довода его предполагаемый вѣсъ. *Изд.*

изъ всѣхъ Римскихъ свидѣтельствъ. Сѣверная Галлія уже не представляетъ значительныхъ селъ или укрѣпленныхъ мѣстъ завоевателю Кесарю. Города исчезаютъ, гдѣ исчезаетъ слѣдъ Славянскій. Быть можетъ, Финикійскія колоніи и сообщили начала просвѣщенія Кельтскому Эрину, это даже вѣроятно; но просвѣщеніе не всегда грамотно. Трудно, или лучше невозможно, опровергнуть доказательство, взятое изъ отсутствія самобытныхъ словъ для названія книгъ и книжной науки. Съ бóльшимъ правомъ, чѣмъ Кельты, могутъ Германцы и Славяне присвоивать себѣ древнюю письменность. Слова Buch, schreiben, lesen, Buchstabe и другія, указываютъ на грамоту свою, незаемную, неписанную, а составленную изъ самыхъ простыхъ, естественныхъ и доморощенныхъ матеріаловъ. Слово schreiben безспорно напоминаетъ Латинское scribere (перешедшее въ Англійское scribble), но корень его чисто-Германскій и Славянскій *(скребу)*; а другія слова, или не представляютъ никакаго сходства съ языками просвѣщенныхъ жителей южной Европы, или, не смотря на сходство (lesen—legere), явно свидѣтельствуютъ о своей самобытности. Впрочемъ, смѣшно бы было искать доказательствъ, тогда какъ гласовыя руны не только ручаются за существованіе сѣверной азбуки, но и за независимость ея отъ южныхъ, съ которыми она не представляетъ большаго согласія. Чтобы сыскать буквы, похожія на Скандинавскія руны, надобно углубляться въ древность и изучать надписи того времени, когда ни Римъ, ни Эллада не усовершенствовали своихъ письменъ, а представляли еще живые слѣды Востока. Если Скандинавія принесла письменность съ Юга, можно смѣло отнести этотъ заемъ къ вѣкамъ весьма далекимъ. Первобытность формы обозначенной Нѣмецкимъ названіемъ книги или буквы (палка, Stab) указываетъ или на собственное изобрѣтеніе, или на передачу науки еще въ ея младенческомъ возрастѣ. Точно тоже должно сказать и о Славянахъ. *Писать*, *читать*, *книга*, *буква*, *азбука* и проч. не показываютъ ни малѣйшаго вліянія чужеземнаго. Въ словѣ *буква*, корень тотъ же, чтò и въ Нѣмецкомъ Buchstabe; но форма не такъ опредѣлительна, по отсутствію характеристическаго stab. Впрочемъ, должно замѣтить, что окончаніе на *ва* обозначаетъ связку или соединеніе или множество (*Литва*, *Татарва*, *братва*, *дѣтва*, отъ древняго множественнаго на *овья* или *ове*) и соотвѣтствуетъ идеѣ о связкѣ прутьевъ или палочекъ. Еще многозначительнѣе и важнѣе слова *книга* и *читать*. Они между собою связаны философскою мыслію и представляютъ любопытный примѣръ движенія и перехода понятій. Выводныя формы *конецъ, законъ*, *спoконъ* (или *спочинъ вѣка*), *искони* и такъ далѣе, указываютъ на общее коренное начало *конъ*, и, можетъ быть (согласно съ *искони*)] *коня* или *конь* въ смыслѣ границы или предѣла. *Конязь, князь* (котораго невѣжественная ученость выводитъ изъ Нѣмецкаго König) представляетъ значеніе главы, высшаго общественнаго чина (такъ какъ и верха въ строеніи и перекладины надъ воротами и т. д.), блюстителя закона человѣческаго и божественнаго. Отъ того, въ иныхъ нарѣчіяхъ, слова священникъ и начальникъ совершенно одинаковы. Точно также, какъ въ *князѣ* виденъ блюститель закона, такъ въ *книгѣ* виденъ самый законъ, и ни одинъ человѣкъ, знающій духъ Славянскаго словосоставленія, не усомнится въ правильности перехода изъ формъ *конъ* и *коня* или *конь* въ сокращенную форму *книга* съ опущеніемъ буквы *о*. Это слово имѣло очевидно значеніе устава, уложенія или законнаго обычая, духовнаго или общественнаго. *Почитать, почитанье, почтенье* указываетъ на коренное слово *читать*, *чтить* (отъ котораго *честь*), а *считать, счетъ* и другія, выведенныя изъ того же начала, содержатъ въ себѣ мысль, принадлежащую къ одному и тому же разряду. Слово Санскритское *чид* (понятіе) объясняетъ намъ всѣ эти выводныя слова; и Славянское *читать* представляетъ критику явное наченіе по*ч*ятія, соединеннаго съ благоговѣніемъ*). Таково отношеніе между *книгою* и *чтеніемъ*, между закономъ и уваженіемъ къ закону. Тутъ еще нѣтъ ни образовъ, ни знаковъ вещественныхъ. Все еще живетъ въ мірѣ духа и понятія. Когда законъ принялъ одежду видимую и формальную, и облекся въ вещественныя письмена, разумѣнье закона сошло также въ область вещественную. *Книга* живая сдѣлалась сборомъ мертвыхъ буквъ, и живое *чтеніе* духовное сдѣлалось мертвымъ разборомъ письменъ. Тутъ все свое, самобытное, свободное отъ вліянія иноземнаго. Жизнь и логика мысли обнаруживаются въ стройномъ и постепенномъ измѣненіи словъ.—Не должно думать, чтобы я приписывалъ племени Славянскому изобрѣтеніе письменъ. Въ простотѣ и логическомъ складѣ названій я вижу только древность науки, также какъ у Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и т. д. Я не полагаю излишней важности на свидѣтельство Чешской пѣсни о судѣ Любу-

---

*) Этаго этимологическаго сближенія не находимъ въ „Сравн., Русскихъ словъ, съ Санскр.“. *Изд*.

ши. Сомнѣваться въ ея подлинности и не понимать ея великаго народнаго значенія есть дѣло пристрастнаго невѣжества; но основываться на одномъ выраженіи о *доскахъ правдодатныхъ*, чтобы утверждать старую грамотность, было бы смѣшно. Изученіе словъ, касающихся до письменности, важнѣе свидѣтельства пѣсни, а еще важнѣе, можетъ быть, надпись Славянскими рунами на кумирѣ Чернобога и пограничныя надписи въ Австріи *). Во всѣхъ отношеніяхъ древняя грамотность Славянъ уже доказана, и Ликійскій памятникъ, о которомъ мы говорили, памятникъ, относящійся къ вѣкамъ почти баснословнымъ, долженъ убѣдить самаго упорнаго и безтолковаго скептика.—Слово *азбука* заслуживаетъ особеннаго разбора. Первый взглядъ на названія буквъ Славянскихъ обличаетъ уже опытъ младенчествующей мнемоники. Трудно составить полное сказаніе изо всей азбуки; иначе и быть не можетъ: многія буквы перемѣнили свои имена, многія переставлены, многія введены позднѣйшимъ временемъ (таково вѣроятно *і* десятиричное, таковы безспорно ненужныя *кси* и *пси* и чуждыя Славянскимъ нарѣчіямъ *ѳита* и *фертъ*, звуки, которые Славяне знаютъ только по иностраннымъ словамъ). Быть можетъ, трудолюбивые филологи отыщутъ, въ чемъ состоятъ эти измѣненія и наросты; но во всякомъ случаѣ уже и теперь можно сказать не обинуясь, что имена буквъ составляли связныя рѣченія съ поучительнымъ смысломъ. Для этого достаточно вспомнить *а, б, в, г, д, е, ж, з,* или *р, с, т* (*азъ буквы вѣдаю, глаголю; добро есть жити* (*на*) *землѣ; рцы слово твердо* и пр.). Но составъ полнаго рѣченія, изобрѣтеннаго для облегченія учащихся грамотѣ, не доказываетъ еще, чтобы первыя названія буквъ были издревле таковыми, какими онѣ теперь, или употреблялись въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы ихъ теперь употребляемъ. Нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, весьма важное. Буква *азъ* Славянская соотвѣтствуетъ *альфа* Греческой и *алеф* Израиле-Финикійской. Когда всѣ доводы и вѣроятности относятъ первую гласовую письменность къ горно-Иранскому центру, сочтемъ ли за случайность сходство этихъ трехъ названій съ именами благороднаго Иранскаго племени, нѣкогда грозившаго Индустану и Персіи и, наконецъ, завоевавшаго Скандинавскій полуостровъ, съ Азами, иначе Альфами (смотри пѣснь о сватовствѣ Фрейра)? Такая слава достойна такаго великаго народа. Мы видѣли, что въ самомъ Иранѣ была великая борьба между Мидо-Парѳянскою (Аланъ-Азскою) семьею и южною, Парсійскою. Побѣда была рѣшена могуществомъ дома Кеанидовъ, котораго слава была впослѣдствіи времени усвоена побѣжденными, но почти единокровными Азами. Имя дома Кеанидовъ сохранилось въ первомъ слогѣ именъ Кай-Косру, Кай-Кавусъ и Кай-Кобадъ. Китайцы, говоря о царствѣ южныхъ Азовъ и столицѣ ихъ Аланми, называютъ царскій родъ потомками Хао-ву. Египетскіе памятники представляютъ надпись Камбизову, которая гласовыми знаками даетъ форму: *к. м. б. а. ѳ*[1]. У Египтянъ и Китайцевъ нельзя не узнать *Кай-Кавуса и Кай-Кобада.* Преданіе и сказки сохранили намъ формы, близкія къ исторической; поэтому позволительно предположить въ нихъ и содержаніе отчасти историческое. Мы видѣли, что Кай-Кавусъ осаждалъ въ горахъ Мазендерана гору, т.-е. крѣпость, Азпурзъ, очевидно Азбургъ[2], и что Дивъ Сефидъ и прочіе Дивы ее защищали. Узнавъ единство Азовъ и Дивовъ, мы можемъ еще глубже въ темныхъ вѣкахъ прослѣдить туже борьбу еще при баснословномъ Тахмураспѣ. Не признавая его за Джемшидова отца (по Моджмель-аль-Теварекъ), ибо Джемшидъ есть безспорно олицетвореніе Бактріянскаго племени и отголосокъ незапамятной старины[3], мы не можемъ отказать Тахмураспу и сказанію объ немъ въ существованіи историческомъ и великой древности. Побѣды Тахмураспа увѣковѣчены въ его прозвищахъ *Рибавендъ* (побѣдитель Вендовъ) и *Дивбендъ* (побѣдитель Дивовъ, Азовъ). Мѣсто его побѣдъ *Ма-Зенд-Иранъ* (великій Зендскій Иранъ) и *Демавендъ,* въ которомъ мы опять находимъ корень *Вендъ* при сомнительномъ *Дема* (отъ дома, отъ народа, отъ земли или отъ оплота?). Тутъ коренныя жилища соперниковъ - братьевъ, Западныхъ Азовъ и Восточныхъ Вановъ; тутъ поле ихъ старыхъ битвъ и старыхъ союзовъ. Находя въ одномъ прозвищѣ имя Вановъ (Вендовъ), мы имѣемъ еще болѣе причинъ утверждать, что догадка объ единствѣ Дивовъ Персидскихъ и Азовъ основана на истинѣ. Тахмураспъ побѣдилъ Дивовъ и заключилъ ихъ въ Демавендѣ; но, побѣдивъ (такъ свидѣтельствуетъ преданіе), отъ нихъ же принялъ ученіе и по ихъ примѣру ввелъ въ царствѣ своемъ великую мудрость чтенія и писанія. Не явно ли, что за эту великую мудрость Азы назывались Дивами и слыли колдунами, и что за нее прекрасный Демавендъ получилъ такую же дурную славу, какъ Нѣмецкій Броккенъ и Русская Лысая Гора? Такимъ образомъ, сказочныя воспоминанія Персіи открываютъ намъ въ самомъ Иранѣ истинную колыбель гласоваго письма и объясняютъ причину, по которой первая буква азбуки Славянской, Еврейской и Эллинской носитъ имя изобрѣтателей Азовъ (иначе Альфовъ, по пѣснямъ Скандинавскимъ и по формѣ названія Авганистана, т. е. Альфъ-Банистана, Санскритскаго Аза-Вана). Эта слава, вѣчно памятная и вѣчно благодѣтельная, лучше ихъ воинственныхъ подвиговъ и кровавой чести побѣдъ. Скандинавы могутъ гордиться своими предками.

---

*) О какихъ надписяхъ упоминается—трудно сказать. *Изд.*

---

[1] Египетская форма для имени Камбиза-Камбатетъ. *Изд.*

[2] Шпигель (Eran. Alterth. I. 586) эту гору упоминаетъ подъ именемъ Испруджъ (Isprug. Jsperiej въ Бундегешѣ). *Изд.*

[3] Онъ есть Іима (Jima) Азьесты. *Изд.*

Постепенныя измѣненія въ азбукахъ.

Грамотность, переходя отъ народа къ народу, измѣняетъ свои знаки, соображаясь съ разницами нарѣчій, письменныхъ матеріаловъ и употребленія при зодчествѣ или таинствахъ, при храненіи уставовъ, или при бытовыхъ сношеніяхъ между людьми. Художество пестрило и украшало азбуку, бѣглое письмо сокращало и упрощало ее. Передача грамоты была не простою передачею письменъ, но передачею письменности, т. е. мысли объ изображеніи звуковъ посредствомъ видимыхъ знаковъ. Догадка народовъ отвергала буквы безполезныя и прибавляла недостающія.

Надобно отнести къ позднѣйшему времени остроумную догадку употреблять азбуки, несообразныя съ требованіями языка. Въ этомъ честь и слава новой Европѣ, Славянамъ паче всѣхъ, за введеніе Латинской азбуки, которая ихъ заставляетъ писать вопреки здравому смыслу и соединять двѣ, три согласныя, для выраженія одного простаго звука. Честь и слава Нѣмцамъ за ихъ це-га и эсъ-це-га, Французамъ за ихъ *c*, который то *с*, то *к* и пр. и пр. Впрочемъ, эта путаница отчасти объясняется измѣненіемъ въ произношеніи словъ. Русскіе отстали отъ Запада и держатся азбуки, выражающей всякій простой звукъ одною простою буквою. Не догадались мы потянуться за Западомъ. Замѣтимъ, что знакъ безгласный, *ъ*, былъ употребляемъ въ старину для отдѣленія слова отъ слова, когда не догадались еще ихъ отставлять другъ отъ друга; онъ совсѣмъ не долженъ считаться буквою *), такъ же какъ знаки ударенія или сокращенія (апострофы).

Языкъ.—Его связь съ жизнію народовъ.—Педантическій взглядъ Нѣмецкихъ филологовъ.—Глаголъ и существительное имя—ровесники въ языкѣ.

Жизненная дѣятельность народовъ овладѣла письмомъ, такъ же какъ и словомъ, вѣрою или мыслію. Нѣмцу нашего времени такъ же трудно читать надписи, вырѣзанныя его дикими предками, какъ бы ему трудно было вступить съ ними въ разговоръ, если бъ они ожили и заговорили своими старыми нарѣчіями. Но нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь, какъ самое покорное орудіе мысли, какъ самая, такъ-сказать, воплощенная мысль, болѣе всего подвергается вліянію личности народовъ и ихъ прихотливому произволу.

Волненіе жизни безпрестанно измѣняетъ образъ слова, и къ нему можно бы приложить пословицу, которою Русскіе опредѣляютъ непостоянство мнѣній: „людская молва, морская волна“. Въ народахъ дикихъ слово подвергается безпрерывному искаженію. Его остепененіе есть почти вѣрный признакъ просвѣщенія; его постоянство есть доказательство современной или былой образованности.

Западные ученые вообще, и Германскіе въ особенности, посвятили въ нашъ вѣкъ безконечные труды сравнительному языкознанію. Нельзя безъ благодарности упоминать объ ихъ заслугахъ и безъ сожалѣнія — объ односторонности ихъ направленія. Жизнь языка, а они это забыли, связана съ жизнію народовъ. Слово, вѣчный опекунъ мысли, никогда не уничтожаетъ ея свободы: оно съ нею развивается и упадаетъ, управляетъ ею и повинуется ей. И надъ этимъ живымъ и мыслящимъ словомъ ученость трудилась и трудится, какъ надъ мертвымъ камнемъ, въ которомъ ищутъ законовъ наслоенія, или надъ неподвижнымъ растеніемъ, въ которомъ слѣдятъ за сгущеніемъ сока и правильнымъ образованіемъ побѣговъ!

---

*) Въ послѣдствіи авторъ, сколько намъ извѣстно, измѣнилъ это мнѣніе о значеніи буквы ъ въ Славянской азбукѣ. *Изд.*

Диво ли послѣ этого, что наука слова не далась своимъ труженикамъ? Бѣдные Германцы съ усталости отъ безполезнаго труда пошли въ ученики къ древнимъ педантамъ, Индустанскимъ философамъ, и рѣшили общимъ приговоромъ, что такъ какъ всякое бытіе есть только переходъ въ бытіе, sein ist nur werden (какъ быть и жить однозначущи, а жизнь есть движеніе или дѣйствіе и пр.), то слово, зеркало жизни, повинуясь тѣмъ же законамъ, первоначально выражаетъ только движеніе, и поэтому глаголъ есть зародышъ, зерно и корень всего языка *). Такова система почти всей современной Германіи. Любопытно прослѣдить всѣ остроумныя нелѣпости, которыя на ней взгромождены (напр. у одного ученаго Германца Санскритское слово, означающее козла, выходитъ изъ Санскр. глагола рости. Можно подумать, что въ старину Индѣйскіе козлы были ростомъ по крайней мѣрѣ со слона; но это еще не доказано и остается покуда на совѣсти этимолога). Если бы критики послушали, какъ Негры говорятъ на Европейскихъ языкахъ, или какъ вообще человѣкъ некнижный учится чуждому нарѣчію, или какъ дѣти лепечутъ свои первыя слова и выражаютъ свои первыя понятія, они бы поубавили своей апріористической заносчивости и усомнились бы въ относительномъ старшинствѣ глагола предъ существительнымъ. Если бы тѣже ученые благоволили вникнуть въ устройство любаго нарѣчія, они бы замѣтили, что поочередный переходъ изъ глагола въ имя и изъ имени въ глаголъ крѣпко подрываетъ ихъ систему, и наконецъ, если бы они вспомнили про языки Восточной Азіи (въ которыхъ слова получаютъ свое значеніе не отъ грамматическихъ измѣненій, но отъ синтаксическаго порядка), или хоть про Англійскій языкъ, въ которомъ большая часть существительныхъ можетъ быть употреблена какъ глаголъ: они бы убѣдились въ томъ, что нѣтъ не только никакой причины, но ниже малѣйшаго предлога считать глаголъ старшимъ братомъ или отцомъ существительнаго. Англійскія слова, въ которыхъ еще не раздѣлились понятія о предметѣ и дѣйствіи (какъ напр. *to cut, a cut; to show, a show; to stick, a stick; to*

---

*) Напримѣръ Grimm. Ueber d. Ursprung der Sprache (Kleine Schriften 288). *Изд.*

chair, a chair; to run, a run; to love, a love и пр.) и Нѣмецкія (какъ *das leben, das stehen; das sein* и пр.) показываютъ намъ первобытное состояніе мысли, изъ которой развились обѣ грамматическія формы. Съ бо̀льшимъ изученіемъ предмета, и принявъ за основную истину братство и ровесничество существительнаго и глагола, этимологи открыли бы простую причину своей ошибки. Вотъ она. Глаголы болѣе и чаще сохраняютъ свою первоначальную форму, потому что они менѣе подвержены измѣненіямъ языка фигурнаго или метафорическаго, потому что всякій глаголъ можетъ обратиться въ существительное и сдѣлаться корнемъ другихъ словъ, а не всякое существительное можетъ сдѣлаться глаголомъ (напр. небо, мѣсяцъ и т. д.), и наконецъ, потому что силъ, выражаемыхъ глаголами, менѣе чѣмъ предметовъ выражаемыхъ существительными, и что человѣкъ болѣе узнаетъ новаго въ формахъ, чѣмъ въ движеніяхъ видимаго міра. Самая отвлеченность глагола сохраняетъ его неизмѣнность и свободу, а грубая вещественность имени подвергаетъ его безпрестанному искаженію. Признавая важность глагола въ изученіи языковъ, мы не отнимаемъ у существительнаго права на самобытность и не вмѣняемъ ему въ обязанность развиться изъ глагола. Всякая односторонность въ критикѣ есть ложь противъ истины...

Можно было бы ожидать великой пользы отъ сравнительныхъ таблицъ и словарей; но на дѣлѣ они приносятъ гораздо меньше пользы, чѣмъ отъ нихъ ожидали. Правда, съ ихъ помощью открылось сродство нѣкоторыхъ нарѣчій, которыя считались совершенно чуждыми другъ другу, опредѣлились семьи языковъ и положено основаніе будущей наукѣ; за всѣмъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что сравнительные словари не высказываютъ не только половины, но ниже десятой части сходствъ между сравниваемыми языками. Отъ всѣхъ этихъ сборищъ ускользаютъ поэзія слова, его смѣлыя метафоры, прихотливыя измѣненія, образы, въ которые облекается понятіе, или отвлеченности, которыя связываются съ видимымъ предметомъ и со временемъ вытѣсняютъ его названіе, замѣняя его другимъ, взятымъ изъ мысленнаго міра.

Всѣ языки хранятъ остатки первобытной старины.—Языкъ Санскритскій.—Могутъ ли всѣ корни считаться односложными?—Имя и глаголъ.—Семья Иранская до ея разселенія: связь ея вѣтвей.

Трудность этимологическихъ изслѣдованій опредѣляется однимъ несомнѣннымъ положеніемъ: нѣтъ понятія, которое бы не могло перейти въ понятіе совершенно противоположное; нѣтъ звука, который бы не могъ измѣниться въ звукъ совершенно несходный съ нимъ, перейдя черезъ другіе средніе звуки, и наконецъ, нѣтъ этимологіи отдѣльной, которая бы сама въ себѣ содержала доказательство своей истины, ибо истина отдѣльнаго вывода опредѣляется только живою общностью цѣлаго нарѣчія.

Два примѣра могутъ представить всю сомнительность и прихотливость этимологіи. Всѣмъ извѣстно Латинское слово *contractio*. Есть ли въ цѣломъ мірѣ такой ученый, который могъ бы сказать, гдѣ искать его корня, въ словахъ *con* и *trahere* или въ *contra* и *agere?* Я знаю, что первый выводъ не подлежитъ сомнѣнію; но эту достовѣрность должно приписать безконечному множеству памятниковъ Латинскаго языка и аналогическому своду всѣхъ случаевъ, въ которыхъ слово *contractio* употреблено было писателями; въ самой же формѣ слова нѣтъ ни малѣйшаго признака, почему оно не могло бы быть составлено изъ корней *contra* и *agere*, какъ *contradictio*, *contravallatio* и другія. На одномъ изъ нарѣчій Африки бракъ выражается двумя словами: одно *демтѣкимакандра* а другое *демлибинангамакандра*. Кому въ голову придетъ, что это передѣлка изъ Нѣмецкаго языка или изъ его Шведскаго нарѣчія? Между тѣмъ оно именно такъ и, зная исторію этихъ словъ, легко отыскать корни *dem*, *täh*, *lieb* и *ander*, связанные логикою и искаженные произволомъ. Этихъ двухъ примѣровъ не должно никогда забывать при разысканіи о происхожденіи словъ: они очень поучительны. Прибавимъ еще невѣроятное, но несомнѣнное братство двухъ названій дня, *di* и [*] *jour*, которыхъ общій корень *dies* или *dier* или *diur* (въ *diurnus*), и переходъ слова *небо* въ *нивельгеймъ* (адъ). Небо, выражавшее идею тверди небесной, мало-по-малу переходило въ νεφελη (облако), въ *nebula* (облочко), въ *nebel* (туманъ) или *nivel*, и наконецъ въ *nivelheim* (страна тумановъ, адъ Скандинавіи). Какой сравнительный словарь обниметъ все богатство этихъ сходствъ и разнообразіе этихъ измѣненій? Лучшій планъ для колоссальнаго зданія словаря, обнимающаго хотя ближайшія семьи языковъ, Индо-Германскую и Семитическую, былъ бы, кажется, избрать вѣроятные корни, въ какомъ бы они нарѣчіи ни сохранились, и ставить противъ нихъ главныя выводныя слова безъ всякой оглядки на ихъ значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что такой планъ былъ бы весьма труденъ въ исполненіи, требовалъ бы отъ исполнителя тонкаго чувства этимологической истины, подвергалъ бы его безпрестаннымъ ошибкамъ и далъ бы великій просторъ произволу; но это было бы твореніе не однаго человѣка, не однаго десятилѣтія, а началомъ труда, который бы совершился вѣками и соединенными силами людей, теперь разбросанныхъ и разрозненныхъ, а тогда мало-по-малу соединенныхъ яснымъ сознаніемъ кровнаго братства, выраженнаго въ сродствѣ языковъ.—Ни одна семья человѣческая не имѣетъ права считать себя хранительницею первой человѣческой рѣчи. Самыя мѣшанные языки, которые теперь идутъ подъ техническимъ и нѣсколько презрительнымъ названіемъ *lingua franca*, часто содержатъ въ себѣ первоначальныя формы, утраченныя въ языкахъ, гордящихся древнею самостоятельностью и древнею словесностью. Письменный языкъ Англіи и Франціи, эти безобразные сплавы нѣсколькихъ десятковъ нарѣчій, представляютъ этимологу корни, которыхъ онъ напрасно бы сталъ искать въ самобытной Германіи, въ остаткахъ древне-Итальянскаго языка и въ болѣе или менѣе чистыхъ Кельтскихъ діалектахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти случаи довольно рѣдки, и что Индустанъ, или Иранъ, или Израиль, или страны, населенныя безпримѣсными Германцами или Славянами, должны представить жатву обильнѣе Запада или Юго-запада Европы; но нѣтъ такого угла міра, такого бѣднаго и мелкаго племени, въ которомъ не могла бы утаиться разгадка или корень какой-нибудь семьи словъ, которую мы считаемъ теперь безродною или первобытною. Прежде всего должно отстранить всѣ этимологическія системы, около которыхъ вертится современная ученостъ. Основанныя на произвольномъ апріоризмѣ историческомъ, онѣ исчезаютъ даже безъ филологическаго разбора, отъ одной исторической критики. Когда добросовѣстный взглядъ на физіономію, судьбу и преданія племенъ, на смыслъ и распространеніе религіозныхъ понятій представляетъ намъ ясную картину Индустана, какъ такой страны, въ которой издревле происходили столкновенія и борьба племенъ разнородныхъ и враждебныхъ, смѣшно бы было искать въ немъ начало слова человѣческаго. Систематическое суевѣріе, съ которымъ книжники-брамины нашего вѣка обращаются къ Гангесу, скрываетъ отъ нихъ самыя простыя истины науки. При разборѣ языковъ, для опредѣленія братства нарѣчія съ другими Индо-Германскими нарѣчіями, принято правило: что̀ похоже на Санскритское, то принимать въ семью; что̀ не похоже, исключать безъ милосердія и приписывать къ кому угодно, хоть къ Гогу и Магогу, но только не къ нашей роднѣ. Покойно и глубокомысленно! Это правило съ прибавкою необходимаго глагольнаго корня есть язва современной филологіи. Прекраснѣйшіе труды выходятъ изъ нея какъ изъ оспы, или трупами или уродами. Здравомысленная критика, отвергнувъ всѣ мнимыя права за-Индскаго полуострова на самобытное населеніе, не можетъ допустить и языка его за мѣрило чистоты Иранскихъ нарѣчій. Внутреннія войны, которыя въ продолженіе двудесятья вѣковъ опустошали все пространство между скатами Гималая и Цейлономъ, не были междоусобицами братьевъ, спорящихъ о первенствѣ, но враждою двухъ или разнородныхъ племенъ. Въ такомъ волненіи народовъ не могъ уцѣлѣть первобытный языкъ Иранскихъ колонистовъ. Безпрестанныя нашествія иноземцевъ, Египтянъ и Ассиріянъ, сомнительныя только для тѣхъ, для которыхъ все сомнительно, Персіянъ, Грековъ, Бактрійцевъ, доказанныя или достовѣрными историческими сказаніями, или монетами Индо-Бактрійскаго царства, или преданіями Индіи, въ родѣ повѣстей о Кала-Явана и о священной коровѣ, наконецъ потопы Магометанскихъ нашествій отъ временъ Газневидовъ до Тимуровыхъ потомковъ, всѣ эти страданія внутреннія и внѣшнія не могли сохранить чистаго слова, переданнаго доисторическою стариною. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы, принадлежащіе Европейской системѣ, болѣе или менѣе подвергались тѣмъ же бѣдствіямъ; но рѣзкость физіономіи бѣлыхъ семей доказываетъ, что они не столько приняли въ себѣ чужеплеменной примѣси, сколько жители Индустана. Отвергая безусловно пустую надежду отыскать на берегахъ Гангеса всѣ корни языковъ, получившихъ начало свое изъ Ирана, мы не думаемъ отнимать у Санскритскаго языка огромной важности въ этимологическомъ смыслѣ и даже первенства передъ всѣми другими нарѣчіями той же семьи. Племя Кушитовъ было, какъ мы сказали, по коренному развитію и религіозному характеру, племенемъ художественнымъ и безмолвнымъ. Слово принадлежало вполнѣ выселенцу Иранскому. Народы при столкновеніи своемъ мѣшались и роднились, но Иранское словесное начало сохранило свое благородное владычество. Въ словѣ была вся жизнь и сила Иранца-Брахмана. Онъ эту силу чувствовалъ и питалъ, охраняя отъ всякаго чуждаго вліянія. Это глубокое убѣжденіе (высокій инстинктъ древнихъ вѣковъ) развило въ Индустанѣ богатство мышленія и словесности. Брахманъ могъ быть побѣжденъ Кушитомъ, завоеванъ иноземцемъ: но когда всѣ богатства равнинъ и крѣпость горныхъ твердынь переходили въ руки чуждыхъ насильниковъ, онъ уходилъ въ неприступную святыню мысли и слова и снова покорялъ своихъ побѣдителей. Отъ того-то такъ давно въ Индустанѣ уже процвѣтаютъ занятія грамматическія и словарныя, отъ того-то Панини и его подражатели пользуются тамъ славою, которая для насъ почти непонятна. Неприкосновенность слова Санскритскаго была однимъ изъ орудій жреческой касты противъ всякаго притязанія чуждыхъ началъ. Но самое это направленіе, какъ чисто-ученое, а не связанное съ простодушнымъ и полу-бытовымъ характеромъ преданія, усиливало и развивало духъ философскаго анализа, возвышающаго во многихъ отношеніяхъ человѣческія способности, но истребляющаго воспоминанія безхитростной старины. Тоже самое стремленіе къ отвлеченностямъ выражается и въ самой системѣ Индустанскаго словопроизводства, въ необыкновенной правильности языка Санскритскаго, очевидно искусственнаго (напоминающаго до нѣкоторой степени искусственную правильность Церковно-Славянскаго въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ), и особенно въ желаніи выводить весь языкъ изъ глагольныхъ корней. Не нужно объяснять, почему философское направленіе ума склонно къ этой ошибкѣ. Если бы даже нельзя было ее весьма легко объяснить a priori, то примѣръ нашей западной братьи, ученыхъ Германцевъ, могъ бы дать намъ прекрасное объясненіе самимъ фактомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что склонность къ отвлеченному мышленію была свойственна Иранцу Индустанскому и связана съ его семейною личностью. Она принесла великолѣпные плоды, передъ которыми нельзя не чувствовать истиннаго удивленія. Труды при-Гангескихъ мыслителей также изумительны, какъ зодчество ихъ южныхъ соперниковъ; но кромѣ врожденнаго стремленія къ отвлеченностямъ, дѣйствовало, какъ мы сказали, самое чувство силы и необходимости при *) борьбѣ съ племенемъ Африканскимъ. Колоссы поэзіи и мышленія возставали на Сѣверѣ противъ каменныхъ колоссовъ Юга. И тѣ и другіе уцѣлѣли; но Сѣверъ въ томъ торжествовалъ, что позднѣйшія поколѣнія забыли путь въ Сиво-Буддаическіе храмы Эллоры и Карли, называя ихъ нечистымъ твореніемъ темнаго вѣрованія, а до сихъ поръ прибѣгаютъ къ святынѣ Ведъ и къ пѣснямъ Рамаяны и Магабараты.

---

[*] Во Французскихъ словахъ *mar-di mercre-di* и пр.

Таковъ былъ плодъ великой борьбы между словеснымъ Ираномъ и молчаливою силою Куша. Религія Сѣвера исказилась отъ соблазновъ Юга; но языкъ устоялъ, завоевалъ весь Индустанъ и бросилъ побѣги свои за море, въ Сундскіе острова и въ Малезію, гдѣ, подъ именемъ нарѣчія Кави, онъ долго служилъ святынѣ изуродованнаго Брахманства. Послѣ этого понятна вся важность Санскритскаго языка для филологіи, но понятна также и его односторонность въ избраніи корней. Почти постоянная ихъ односложность не должна считаться доказательствомъ ихъ истины. Усѣченіе также естественно, какъ и растяженіе слова: если бы не такъ, то должно бы искать родины всѣхъ Европейскихъ языковъ въ Англіи, которая сыплетъ односложными словами, какъ маковыми зернышками на току. Бѣдная звукомъ, чуждая упоительной гармоніи пѣвучей рѣчи, не отъ того ли она стала такъ высоко въ области мысли и мыслящей поэзіи? Музыка словъ и ихъ волнообразное теченіе содержатъ въ себѣ глубокій соблазнъ. Поэтъ художественной Италіи и Пиренейскаго полуострова укачивается звуками своей пѣсни; онъ увлекается вещественною прелестью стиха. Такова, быть можетъ, судьба Славянъ съ ихъ прекраснымъ и полногласнымъ языкомъ. Англичанинъ, при скрипѣ, свистѣ и деревянной стукотнѣ своихъ стиховъ, требуетъ отъ нихъ мысли и образа, требуетъ отъ

---

1) Вѣроятно „въ“. *Изд.*

поэзіи своей типовъ живыхъ и значенія общечеловѣческаго [1]). Тоже самое относится и къ Германіи. Идолослуженіе плоти миновалось: лучшія или, по крайней мѣрѣ благороднѣйшія, побужденія проснулись въ человѣческой душѣ, и какъ бы ни упиралось народное самолюбіе и ново-древняя художественность, кое-какъ подогрѣтая систематиками Германіи, Шекспиръ и Шиллеръ въ мировомъ значеніи стоятъ и будутъ вѣчно стоять выше Кальдерона и Аріоста[2]). Въ это роскоши звуковъ и бѣдности мысли съ одной стороны, въ этой скудости звуковъ и величавомъ полетѣ души съ другой, нельзя не вспомнить дикарей подъ тѣнью пальмъ и благодатнымъ небомъ океаническихъ острововъ, и могучій разгулъ народовъ на туманной и неблагодарной землѣ нашей Европы. Не тотъ же ли законъ? Впрочемъ, какъ бы то ни было, едва ли кому-нибудь придетъ въ голову считать Англійскій языкъ, не смотря на его односложность, за коренной языкъ, тогда какъ онъ занимаетъ такое же мѣсто въ отношеніи древне-Нѣмецкихъ нарѣчій, какъ Волошскій (Валахскій) въ отношеніи древне-Италійскихъ, т. е., остается вмѣстѣ съ Французскимъ въ разрядѣ *lingua franca*, и только можетъ считаться вспомогательнымъ средствомъ при изслѣдованіяхъ этимологическихъ.—Итакъ, мы не видимъ еще достаточной причины къ принятію Санскритскихъ корней за первоначальные. Страсть къ односложности такъ велика въ наше время, что весьма ученый Нѣмецъ хочетъ разложить слово *агам* (Зендское *азем*, Славянское *азъ*) на два отдѣльныя *аг* и *ам*. Самое простое разсужденіе должно бы показать, что слитіе этихъ двухъ корней (если они существовали) должно было предшествовать эпохамъ, до которыхъ могутъ восходить разысканія этимологическія, т.-е. эпохамъ народныхъ раздѣленій: ибо во всѣхъ Индо-Германскихъ (лучше Иранскихъ) нарѣчіяхъ мѣстоименіе *я* въ разныхъ падежахъ представляетъ отростки отъ обоихъ слоговъ *аг* и *ам* (или *аз* и *ем*, смотря по тому, которую форму сочтемъ за первоначальную). Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть языковъ, принадлежащихъ къ Северно-Иранской семьѣ, ближе къ формѣ *аг* чѣмъ къ *аз*. Зендское и

---

[1] Эти слова, писанныя до поѣздки въ Англію, приводятъ на память сказанное въ „Письмѣ объ Англіи“: „Я полюбилъ старую Англію; да видно я любилъ ее и прежде“.... томъ I. *Изд.*

[2] Почему авторъ взялъ Аріоста за выразителя Италіанскаго генія? Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что увлекался этимъ поэтомъ И. В. Кирѣевскій. Ср. его Сочиненія, т. I, стр. 71. *Изд.*

Славянскія нарѣчія почти одни даютъ доказательство древности звука *з* въ этомъ мѣстоименіи, но большинство не рѣшаетъ еще вопроса. Аспирація могла вкрасться позднѣе отъ частныхъ развитій. По крайней мѣрѣ на счетъ Санскритскаго можно смѣло утверждать, что вообще формы на *з* и *с* указываютъ на глубочайшую древность, чѣмъ *х* и *г*. Такъ, напр., *Зимаватъ* и *Зималая*, древнѣе теперешняго *Гимаватъ* и *Гималая*, и множественное въ Ведахъ, *асма*, указываетъ на *азам*, а не на *агам*. Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ спорный пунктъ, мы можемъ смѣло утверждать, что древнѣйшій корень мѣстоименія не могъ быть ни *аг*, ни *ам* (ни *аз*, ни *ем*), но *гам* или *зам*. Впрочемъ, сохраненіе начальнаго *а* въ Славянскомъ *азъ* при извѣстномъ удаленіи Славянскихъ нарѣчій отъ начальныхъ *а*, даетъ поводъ думать, что онъ существовалъ въ языкѣ первоначальномъ. Очевидно, Германскій филологъ счелъ за необходимость разрѣзать пополамъ двусложное *агам*, не подумавъ о другихъ нарѣчіяхъ, и только для исполненія священной обязанности въ отношеніи односложныхъ корней.

Много вѣроятностей можно найти въ пользу Санскрита. Ранняя его обработка, философское направленіе умовъ въ Индустанѣ, святость слова, признаннаго за силу, сходство другихъ Индо-Германскихъ нарѣчій (даже Кельтическаго) не только въ корняхъ, но и въ выводныхъ формахъ, все ясно указываетъ на богатство словъ первобытныхъ, сохраненныхъ въ Брахманской письменности. Самая страсть къ этимологіи, развившаяся такъ рано и такъ самобытно, ручается за глубоко-вѣрное чувство истины въ изслѣдованіяхъ. Но съ другой стороны, излишнее философствованіе вводило, какъ мы сказали, изслѣдователей въ неизбѣжную ошибку отвлеченности и удаленія отъ естественной простоты; во-вторыхъ, самый языкъ, принятый за чистый и коренной, показываетъ уже много произвольныхъ измѣненій, которыя ложно принимаются за нормальное и законное развитіе. Сравненіе съ нарѣчіемъ *Пали* представляетъ много словарныхъ и грамматическихъ формъ (особенно въ склоненіяхъ), въ которыхъ Брахманы отступили отъ древности *). За всѣмъ тѣмъ, мы не должны допускать ложнаго мнѣнія о преимуществѣ Пали передъ Санскритскимъ, или сомнѣваться въ сравнительной древности Санскритскаго языка. Тоже самое относится и къ Зенду, и въ особенности къ Славянскому. Сравненіе древнѣйшей части Ведъ съ позднѣйшими произведеніями доказываетъ, что языкъ былъ тѣмъ менѣе правиленъ, чѣмъ онъ ближе къ источнику. Это замѣчаніе, сдѣланное всѣми филологами, явно показываетъ, что правильность строгая была плодомъ искусственныхъ реформъ, т. е. философской догадки и, слѣдовательно, произвола. Изученіе самыхъ Ведъ принесло бы болѣе пользы, чѣмъ разборъ всей остальной словесности, но къ нему еще почти не приступали; а при всей вѣроятности догадокъ древнихъ Индѣйскихъ филологовъ и при всевозможномъ уваженіи къ ихъ твореніямъ (плодамъ самобытнаго инстинкта) мы должны быть осторожными и не принимать за несомнѣнную истину положеній, утвержденныхъ произвольнымъ умствованіемъ. Первымъ же и несомнѣннымъ правиломъ мы должны поставить тождество глагола и имени существительнаго, не какъ выводныхъ другъ изъ друга, но какъ безразличныхъ въ своемъ началѣ. Примѣры этого тождества мы видимъ въ языкахъ Китайскомъ и другихъ Восточно-Азійскихъ, въ Англійскомъ и во многихъ другихъ, бѣдныхъ измѣненіями грамматическими. Славянскія нарѣчія, скрадываніемъ глагола *есть* при соединеніи существительнаго съ прилагательными, придаютъ глагольную силу прилагательному; но это начало остается въ нихъ неразвитымъ. Въ Африкѣ же у *Гіолофовъ* (вѣроятно, *Олофъ*, ибо *гі* означаетъ множественное число) обращеніе прилагательнаго въ глаголъ дѣлается основнымъ правиломъ языка, точно такъ, какъ во множествѣ нарѣчій существительное обращается въ прилагательное или нарѣчіе (*schnur-gerade*, *lion-hearted* и т. д.). Очевидно, всѣ эти части рѣчи сливаются и раздѣляются по личному понятію каждой семьи человѣческой. Всякій предметъ имѣетъ въ себѣ силу, начало и образъ дѣйствія; всякое дѣйствіе, какъ подлежащее разсужденію, дѣлается предметомъ. Время и пространство нераздѣльны въ механизмѣ языковъ, какъ и въ ходѣ умственномъ или въ жизни міровой. Существительное же и глаголъ суть только отраженія времени и пространства въ словѣ человѣческомъ, и въ отношеніи этимологіи мы должны дать имъ равныя права. Вообще же можно предполагать (и сравненіе даетъ точно такой же выводъ, какъ и апріорное разсужденіе), что глаголовъ коренныхъ найдется болѣе у при-Гангесскихъ Брахмановъ, и болѣе коренныхъ существительныхъ у братьевъ ихъ, Бактрійскихъ выходцевъ, Европейскихъ Славянъ. Такую разницу должно было произвести развитіе мысли съ одной стороны, и быта съ другой. Нельзя не замѣтить ея и при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Такъ, напр., Санскр. *свит* (быть яснымъ) тождественно съ словомъ *свѣтъ* (Герм. *hvit*, нынѣ *white* и *weiss*, по закону перехода *с* въ *х*); Санскр. *лоч*, блистать, съ *лучь* (Греч. λευκος); Санскр. *суш* (сушить) съ Слав. *сушь;* Санскр. *крус* (кричать) съ Слав. *крикъ;* Санскр. *пал* (раздвоивать) съ Слав. *полъ* (половина). Со временемъ просвѣщенные филологи не будутъ изучать языка древне-Индустанскаго отдѣльно отъ его Славянскаго брата и поймутъ характеръ этихъ двухъ развитій изъ однихъ корней, въ которыхъ глаголъ и существительное еще нераздѣльны. Мы не имѣемъ памятниковъ древности Славянской (кромѣ нѣсколькихъ строкъ, о которыхъ мы говорили[1]) и которыя только доказываютъ существованіе Славянъ), и въ этомъ отношеніи смѣшно бы было сравнивать нашу скудость съ богатствомъ самой древней письменности изо всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ древняго міра; но за всѣмъ тѣмъ, внутреннею силою племени, огромнымъ его разселеніемъ, старымъ историческимъ значеніемъ и всегдашнею многочисленностью, столько сохранилось первобытныхъ стихій въ языкѣ, столько корней, отзывающихся во всемъ Иранскомъ мірѣ и нигдѣ не представляющихся явно кромѣ Славянской семьи, что мы смѣло можемъ поставить обще-Славянское слово какъ важнѣйшую и рѣшительную связь всѣхъ сѣверныхъ нарѣчій бѣлаго племени и какъ необходимое пополненіе Санскритскаго для Европейской учености.

---

*) Пали—священный языкъ Цейлонскихъ и за-Индійскихъ Буддистовъ. *Изд.*

Сравненіе всѣхъ языковъ, принадлежащихъ къ Иранской семьѣ, есть первый шагъ въ наукѣ всеобщаго языкознанія; но можно смѣло сказать, что ученые еще не приступали къ этому дѣлу. Все, что сдѣлано до сихъ поръ, состоитъ изъ отрывочныхъ опытовъ, не связанныхъ ни общею мыслію, ни разумною системою [2]). Къ чести Германіи (и заслуга ея уже весьма велика) должно признать, что въ ней родилась, или по крайней мѣрѣ развилась, мысль о сродствѣ всѣхъ Европейскихъ и части Азіатскихъ нарѣчій. Послѣ многихъ толковъ и сомнѣній выбрано было для всей этой отрасли народовъ и языковъ общее названіе Индо-Германскихъ. Племенное самолюбіе Нѣмцевъ (самолюбіе, отчасти оправданное ихъ истиннымъ величіемъ) и глубокое уваженіе къ умственнымъ трудамъ Индустана, дали въ наукѣ право гражданства названію Индо-Германской вѣтви. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать въ немъ явнаго произвола. Вѣтвь Индо-Германская, по отдаленнѣйшимъ полюсамъ, какъ въ племенныхъ, такъ и въ словесныхъ признакахъ, должна бы назваться Индо-Кельтскою; по центрамъ—Мидо-Славянскою; по многочисленности племени, говорящаго однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ—Славянскою и, наконецъ, по древнѣйшему развитію образованной письменности въ Европѣ и Азіи—Индо-Эллинскою. Во всѣхъ этихъ именахъ была бы смѣсь логической правды и нелогическаго произвола, и поэтому ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ предпочтенія передъ другими. Для безпристрастнаго изслѣдователя одно только названіе имѣетъ значеніе истинное и достойное науки: оно свободно отъ всякаго мелкаго самолюбія мѣстнаго и отъ всякаго произвольнаго предположенія; это названіе племени по его безспорной колыбели, по той исконной отчизнѣ, изъ которой вышелъ Славянинъ и Брахманъ, Германецъ и Эллинъ, это названіе Иранскаго *). — Изученіе языка обще-Иранскаго въ его отдѣльныхъ нарѣчіяхъ есть, какъ мы сказали, начало всеобщаго языкознанія. Критическій анализъ нѣкоторыхъ подробностей и яркое сходство всѣхъ Европейскихъ языковъ съ ихъ Азіатскою братіею, заставили признать ихъ коренное тождество. Но это наглядное убѣжденіе еще недостаточно. До сихъ поръ слышны пустые толки о сходствахъ, основанныхъ на динамическихъ законахъ слова и мысли человѣческой; до сихъ поръ истина о кровномъ братствѣ человѣческомъ высказывается робко и осторожно, боясь обвиненія въ Библейскомъ суевѣріи или опрометчивомъ систематизмѣ. Дѣло начато не съ начала. Современное, сущее, живое: вотъ основа, а до нея еще не касались. Нѣтъ свода нарѣчій Европейскихъ, не только полнаго, но даже элементарнаго, не только говоренныхъ нарѣчій, но даже писанныхъ, которыя едва составляютъ десятую часть говоренныхъ. Если бы книж-

---

[1]) Сравнительная грамматика Боппа начала выходить въ 1833 г.; но хотя авторъ писалъ позднѣе этого времени, онъ, вѣроятно, еще не былъ съ нею знакомъ. *Изд.*

[2]) Надпись на идолѣ Чернобога. Она относится къ такъ называемымъ Оботритскимъ древностямъ, которыя почитаются фальсификаціей. Ср. Гильфердинга „Балтійскіе Славяне". *Изд.*

---

*) Теперь это названіе, дѣйствительно, принято наукою, но не въ формѣ *Иранской*, а въ формѣ *Аргійской*; ибо первоначальное имя племени, населявшаго колыбель народовъ Индо-Германскихъ, Иранъ, было *Арья*, *Иранъ* же есть позднѣйшее видоизмѣненіе названія *Арьяна*, т. е. *страна Арьевъ*. *Изд.*

ники приступили къ этому труду, если бы читатели могли взглянуть на эти сравнительныя таблицы слова, живущаго въ наше время,—правда братства человѣческаго поразила бы самыхъ упорныхъ противниковъ своею торжественною убѣдительностью. Выводы изъ преданій, изъ религіозныхъ ученій, изъ племенныхъ признаковъ уже доказали намъ единство Иранской семьи и ея коренное жительство на скатахъ Арарата и Демавенда и въ области приКаспійской. Изученіе языковъ показало бы намъ, что эта семья жила дружно и неразрывно на одной землѣ, подъ однимъ небомъ, съ однимъ кореннымъ языкомъ, съ одною вѣрою, съ однимъ общимъ бытомъ. Люди разошлись по пространству міра (мы говоримъ объ Иранцахъ) не грубыми дикарями съ какими-то полуживотными понятіями, съ какимъ-то полу-словомъ, полу-мычаніемъ. До этого ранняго, темнаго, забытаго разселенія было общество, и жизнь образованнаго братства [1]), и языкъ повинующійся мысли и развившійся въ стройномъ богатствѣ выраженія. Не лгутъ человѣческія преданія и память человѣческая о благодатныхъ вѣкахъ юнаго міра. Старина воскресаетъ живою, прекрасною, въ благоухающей свѣжести молодой мысли и семейной любви, изъ мертвыхъ буквъ словаря, изъ труповъ рѣчи, вскрытой грамматическимъ ножемъ этимологовъ. Всѣ нарѣчія исполнены словъ, которыхъ корни въ нихъ утратились, или формъ, нѣкогда существовавшихъ отдѣльно, а нынѣ живущихъ только въ словахъ составныхъ. Такъ множественное [2]) *очи* отъ *око*, оставшееся у Славянъ, утрачено въ Санскритскомъ, которое сохранило его только въ формахъ выводныхъ. Такъ точно всѣ Европейскія нарѣчія полны словъ, въ которыхъ главною основою служитъ мѣстоименное прилагательное *свой* или *сва*, между тѣмъ какъ его отдѣльное существованіе уцѣлѣло только у Славянъ, въ Индіи и отчасти у Римлянъ, которые однакоже весьма стѣснили кругъ его значенія. Такъ слова, принадлежащія къ высшей области мышленія, являются во всѣхъ нарѣчіяхъ не такими, которыя бы развились въ каждой семьѣ, послѣ ея отдѣленія отъ великой Иранской общины, но такими, какими они должны быть послѣ эпохи частнаго невѣжества, слѣдовавшаго за лучшею эпохою общаго просвѣщенія. Напр. слово *мужъ* или mensch, въ его разныхъ видахъ есть уже не прямо выводъ изъ Славянскаго *мню* или Нѣмецкаго meinen, но искаженіе древней высоко-логической формы *мен* или *ман*, которая содержала въ себѣ и глаголъ, и существительное. Есть цѣлая до-историческая исторія въ разборѣ языковъ, но смыслъ ея ясенъ только тогда, когда уже исторія племенъ уяснена отдаленіемъ всѣхъ старыхъ системъ и мелкихъ самолюбій народныхъ. Сравненіе же извѣстныхъ нарѣчій Иранскаго слова показываетъ, что ни одно изъ нихъ (даже Санскритское) ничего не значитъ безъ другихъ. Во всѣхъ находятся отдѣльныя звенья общей великой цѣпи, и весьма часто одинъ языкъ содержитъ среднюю переходную форму, когда другой содержитъ въ себѣ корень и окончательный выводъ. Напр., всякій филологъ съ перваго взгляда признаетъ Славянское *теремъ* за искаженіе Нѣмецкаго thurm и поэтому готовъ искать въ Нѣмецкомъ перваго корня этихъ словъ. Трудъ напрасный: Нѣмецкое thurm есть только среднее звено, начало же опять въ Славянскомъ языкѣ и очень явно дли всѣхъ, замѣтившихъ переходъ звука *в* Славянскаго въ Нѣмецкое придыханіе: Thür—*дверь*, Thier—*звѣрь*, и т. д. объясняютъ намъ измѣненіе коренного *творю* въ thurm. Такой выводъ не есть предположеніе. Онъ содержитъ въ себѣ истину несомнѣнную, если можетъ быть какая-нибудь несомнѣнная истина въ этимологической наукѣ; но примѣръ этотъ поучителенъ въ высшей степени, потому что онъ представляетъ глубокій смыслъ въ мірѣ религіозномъ и озаряетъ свѣтомъ мысли безсмыслицу древней миѳологіи. Корень *твор* (творецъ) даетъ намъ разгадку загадочнаго имени, подъ которымъ извѣстно великое божество Азовъ Ирано-Скандинавскихъ. Въ немъ узнаёмъ того самаго громовержца, Воденова соперника, котораго вооруженіе есть молотъ (mjölnir — *молнія*), а имя—thor, *творецъ*. Не въ произволѣ невѣжества, но въ логикѣ до-невѣжественной образованности родилось это имя, и уродливое божество Эдды является намъ тѣмъ же великимъ существомъ, передъ которымъ благоговѣетъ донынѣ просвѣщенное человѣчество. Другое искаженіе того же слова *творъ*

---

[1]) См. подтвержденіе этой мысли въ новѣйшемъ сочиненіи извѣстнаго Французскаго ученаго Пикте (Pictet): Les origines Indo-Européennes ou les Aryas primitifs. 2 voll 1859—1863. *Изд.*

[2]) Вѣрнѣе, двойственное. *Изд.*

(творецъ, Thor) есть Зендское Thra, скрытое въ составномъ Mithra (великій Ѳра, изъ mih—великій). Это опять таже мысль, тоже поклоненіе, тотъ же великій творецъ. Конечно можно бы вывести имя Миѳра изъ корня mihr (любовь)*) или mih-her (*великій* и *геръ* или *еръ*-владыка); но для просвѣщеннаго критика тождество его съ Ѳоромъ такъ явно по всѣмъ признакамъ вооруженія, должности и, такъ сказать, побыта, что нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ единствѣ словъ *Ѳра* и *Ѳоръ*; сомнѣніе же въ этимологіи, основанное на возможности вывода изъ другого корня, доказываетъ только истину нашего положенія, что нѣтъ отдѣльной этимологіи, которая бы сама въ себѣ содержала ручательство за свою истину. Довольно любопытно и то, что, не смотря на безспорное Сарматское происхожденіе Ѳора, истиннаго представителя Аланъ-Азовъ, не только его имя, но и имя его оружія носитъ чисто-Славянскій характеръ. Молотъ Ѳора, mjölnir, корень свой находитъ въ Шведскомъ (Готѳскомъ) нарѣчіи, въ глаголѣ miol (тоже, что̂ Слав. мол-оть, сокрушать), но въ отношеніи къ богу-громовержцу *молнія* есть явное и единственное объясненіе слова mjölnir. Молотъ Ѳора зажигаетъ, какъ молнія, благословляетъ или освящаетъ, какъ громъ у всѣхъ народовъ древности (такова его должность при похоранахъ Бальдера), падаетъ во время грозы на землю, такъ что тѣ камни, которые мы называемъ громовыми стрѣлами, называются у Скандинавовъ отломками Ѳорова молота. По всему явно, что *міольниръ* и *молнія* одно и тоже, и что Русскій языкъ сохранилъ слову истинный смыслъ, забытый Ѳоровыми поклонниками. Обычай Осетинцевъ вывѣшивать кожу чернаго козла (Ѳорова упряжь) надъ могилою людей убитыхъ громомъ явно свидѣтельствуетъ объ ихъ тождествѣ съ Азами Скандинавскими, если еще нужно свидѣтельство въ томъ, что дважды два четыре.—Едва ли ошибется критика, принявъ единство Славянскаго Перуна и Сарматскаго Ѳора; но труднѣе опредѣлить характеръ этого единства. Если оно было кореннымъ, то, по водопоклоненію Славянъ, должно допустить соединеніе въ Перунѣ бога громовержца и бога водянаго; но, кажется, скорѣе можно предположить весьма древній заемъ, сдѣланный Славянами у своихъ сосѣдей, чѣмъ туземность Перуна. Очевидно, первоначальное народное божество было *Бѣлъ-богъ*, котораго имя

---

*) Производятъ отъ *mith*—sich zu jemand gesellen. Коссовичъ—отъ *mihr*.

отзывается у Венетовъ Галлійскихъ, у Вендовъ Балтійскаго поморья, у Венетовъ Адріатики, въ надписяхъ Apollini Deo Belino [1]) которыхъ множество около Аквилеи и Вероны, и вообще во всемъ Славянскомъ мірѣ. Свидѣтельство о Перунѣ не такъ обще распространено, и поэтому онъ можетъ считаться заемнымъ богомъ; но, во всякомъ случаѣ, владыка грома былъ издавна въ почетѣ у Славянъ восточныхъ. *Зевсъ Вроміосъ*, божество сѣверной Эллады, есть очевидно богъ *громовой*, котораго имя занято отъ Славянъ; а сомнѣвающіеся въ этой этимологіи, конечно, не могутъ отвергнуть доказательство, представленное Латинскою надписью (кажется II-го вѣка по Р. Х. Deo Augusto Bron-tonti, т. е. Beronô tonanti—Перуну гремящу). Венелинъ уже замѣчалъ соотношеніе имени бога *Бронъ* (Перунъ) и города Вероны [2]), подлѣ котораго многія капища были ему посвящены. Впрочемъ, не удаляясь нисколько отъ вѣроятности, можно предположить, что прозвища, данныя единому Богу,—*Творъ* (творецъ), *Перунъ* (разящій), *Бѣлъ* (свѣтлый или благой), были приняты позднѣйшимъ невѣжествомъ за названія разныхъ божественныхъ лицъ. Въ этомъ безконечномъ сплетеніи тождественныхъ словъ, которыя соединяютъ всѣ Иранскія нарѣчія въ одну семью, видны жизнь мысли частной и общая жизнь нѣкогда существовавшаго союза, видно древнее просвѣщеніе и позднѣйшая дикость, старое братство и новѣйшая вражда.

Чувство общей человѣческой правды столь же необходимо въ изученіи исторіи языка, какъ и исторіи племенъ и религій.—Цѣль сравнительной филологіи—возсозданіе до-историческаго состоянія народовъ.—Языкъ Славянскій въ его ближайшемъ родствѣ съ Санскритскимъ.

Не должно разсматривать слова̀, какъ факты другъ другу равносильные. Значеніе ихъ одинаково въ отношеніи къ каждому отдѣльному нарѣчію, но не ко всѣмъ нарѣчіямъ. Каждый языкъ имѣетъ свои возрасты, и эти-то возрасты важны для историка. Развитіе слова человѣческаго при образованности народа происходитъ не по тѣмъ законамъ, которымъ оно слѣдуетъ у дикарей. Степень общежительности, характеръ быта, кочевая или осѣдлая жизнь, все отражается болѣе или менѣе въ рѣчи. Историческій критикъ не долженъ производить смотръ словамъ, какъ лексикографъ. Онъ долженъ въ отдѣльномъ знакѣ мысли оцѣнивать не только знакъ, но и самую мысль, и при раздѣленіи нарѣчій узнавать, какая была нравственная или умственная высота племени до его дробленія. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ изслѣдованіи произвольный взглядъ и личныя понятія критика не могутъ быть закованными въ непреложныя правила, удаляющія возможность ошибки. Но мы знаемъ, что тотъ, кто хочетъ прослѣдить явленія человѣческой мысли, долженъ имѣть въ себѣ чувство свободной истины человѣческой, а не надѣяться найти въ нихъ неизмѣнную правильность рабствующаго вещества. Художникъ-поэтъ творитъ новыя явленія не въ подражаніе былыхъ, но въ духѣ и силѣ былаго. Историкъ не отыскиваетъ былаго, но возсозидаетъ его по нѣкоторымъ даннымъ, развивающимся передъ его духовнымъ взоромъ въ истинныхъ законахъ его прошедшей жизни. Чувство истины въ отношеніи къ племенамъ, т. е. къ ихъ наружнымъ признакамъ и ихъ бытовымъ отличіямъ, чувство истины въ отношеніи къ религіямъ и ихъ внутренему значенію, чувство истины въ отношеніи къ языкамъ и ихъ звуковымъ и мысленнымъ законамъ, все одно: это истина человѣческая, отзывающаяся въ душѣ человѣка. Чѣмъ менѣе человѣкъ закованъ въ свою мелкую народность, или чѣмъ народность его менѣе отрывается отъ жизни общаго братства, тѣмъ легче историку воскрешать былое и узнавать неизвѣстное. Онъ можетъ ошибаться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, пропускать нѣкоторыя факты, но въ общности исторіи онъ будетъ правъ. Вѣка съ новыми данными, ученые съ новыми трудами пополнятъ его и исправятъ, но не измѣнятъ. Истина историческая можетъ быть въ неученомъ романистѣ, и ложь глубокая, наглая въ твореніи книжника, который на каждомъ шагу подпирается цитатами изъ государственыхъ актовъ, изъ современныхъ писемъ и даже изъ тайныхъ документовъ, писанныхъ не для свѣта и открытыхъ какъ будто нарочно, чтобы обмануть легковѣрное потомство.

---

[1]) Кромѣ надписей, см. Геродіана VIII. 3. Тертулліана Apol. 24; послѣдній указываетъ на поклоненіе Белену въ Норикѣ. *Изд.*

[2]) Ист. Крит. Изъисканія, т. 2-й, стр. 135. *Изд.*

Но кто же судія правдѣ? Если человѣчество не учится познавать ее, то она останется подъ вѣчнымъ сомнѣніемъ. Мы надѣемся лучшаго. Ученые филологи до сихъ поръ поступаютъ въ отношеніи къ словамъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ. Всякое слово годно для ихъ сравнительныхъ таблицъ, какое бы ни было его значеніе и мѣсто въ области знанія. Не унижая себя до степени простыхъ сборщиковъ и словарниковъ (т. е. до тѣхъ людей, которые всѣхъ нужнѣе для науки), они пустились въ анатомію рѣчи. За то, въ рѣзнѣ словъ, всякій субъектъ равенъ передъ ихъ ножомъ. *Носъ, пята, день, ночъ, вода, свекръ, знаніе, вѣдѣніе, мужъ* и пр. и пр., все идетъ подъ одинъ строй. Это хорошо для ихъ теоріи, которая занимается только однимъ, именно скопленіемъ (аггломераціей) звука, и рѣдко, рѣдко доходитъ до его растительности (по ихъ выраженію, динамическое развитіе.) Томы пишутся за томами, теоретическія грамматики являются на свѣтъ безъ числа; но во всемъ этомъ мало пользы для науки и плохая пожива для историка, кромѣ сбора матеріаловъ, для котораго надобно было избрать путь простѣе и прямѣе. Изслѣдованія испещряются названіями *аффиксовъ, суффнкоовъ, ѳаддита-суффиксовъ, криданта, гунн, вриддии* и прочихъ, искусно составленныхъ Латино-Санскритскою ученостью Германіи; но наука сравнительной филологіи подается впередъ самыми медленными шагами. Критики страдаютъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и всегда, недугомъ односторонности. Нѣтъ человѣка безграмотнаго, но съ здравымъ умомъ, который въ сравненіи двухъ языковъ придалъ бы равную важность словамъ: *носъ, свекровъ* и *вѣдѣніе.* Самая грубая, самая безсмысленная дикость, самое Эндаменское невѣжество первыхъ разселенцевъ могли придать языкамъ сходство въ словахъ, обозначающихъ предметы видимые, члены тѣла человѣческаго, или простыя явленія вещественной природы. Обозначеніе степеней родства принадлежитъ уже народамъ, живущимъ семейно. Опредѣленіе мысли отвлеченной свойственно только человѣку, развившему свои духовныя способности. Въ этихъ различіяхъ все историческое языкознаніе, а они-то и не обратили на себя никакого вниманія. Не даромъ Германія проникла въ глубину умственнаго просвѣщенія, не даромъ стала она впереди всего образованнаго міра и сдѣлалась его путеводительницею. Труды ея ученыхъ полны наблюденій тонкихъ и вѣрныхъ, не смотря на ложный путь, избранный филологіею. Механизмъ звукоизмѣненій въ разныхъ нарѣчіяхъ подмѣченъ и разложенъ почти удовлетворительно, развитіе грамматическихъ формъ объяснено не безъ пользы для дальнѣйшихъ розысканій. Успѣхи были бы гораздо быстрѣе и труды плодотворнѣе, если бы цѣль ихъ была лучше избрана и если бы ученость не удалялась отъ простоты истины. Нѣтъ сомнѣнія, что собраніе грубыхъ матеріаловъ (словъ) для будущей разработки еще очень недостаточно; но даже при теперешнемъ состояніи сборниковъ можно бы уже многое угадать, если бы умъ изслѣдователей не былъ потемненъ ложными системами, и если бы удостоили языкъ Славянскій хотя малой части того вниманія, котораго онъ заслуживаетъ. При семъ считаемъ за долгъ упомянуть объ одномъ писателѣ, Paravey*), который на Западѣ провидѣлъ истину и сказалъ: „Славянскій языкъ, который есть не что иное, какъ Санскритскій“. Какое бы ни было достоинство его ученыхъ трудовъ, эта мысль, вполнѣ справедливая, приноситъ честь его наблюдательности и безпристрастію. Главная цѣль сравнительной филологіи есть возсозданіе исторіи тѣхъ вѣковъ, отъ которыхъ намъ не осталось письменныхъ памятниковъ, и опредѣленіе того возраста, въ которомъ великое дерево человѣчества пустило свои могучія вѣтви. Слово, какъ всякое знаніе, или какъ всякое выраженіе знанія, въ измѣненіяхъ своихъ слѣдуетъ закону постепенности. Невозможно предполагать, чтобы первыя письмена, какое бы ни было ихъ направленіе, съ лѣва ли на право или съ права на лѣво, могли при переходѣ отъ народа къ народу принять мгновенно направленіе совершенно противоположное. Изъ того, что Семиты пишутъ съ права на лѣво, а чистые Иранцы съ лѣва на право, очевидно, что было два центра самобытной письменности гласовой, или что первыя письмена были *вустрофедонъ*, или что они перешли черезъ это среднее состояніе. Скачка предположить невозможно. Первое мнѣніе опровергается видимымъ сходствомъ древнѣйшихъ письменъ между собою и отчасти, какъ мы видѣли,

---

*) Не G. Parthey ли? Онъ писалъ въ 30-хъ годахъ. Ср. Benfey: Gesh. du Spachwissenschaft. *Изд.*

совпаденіемъ имени первой буквы у Иранскихъ Славянъ и Еврейскихъ Семитовъ; второе не совсѣмъ вѣроятно потому, что древнѣйшіе памятники не представляютъ намъ *вустрофедона*; третье болѣе всѣхъ похоже на правду. Кажется, можно предположить въ этомъ измѣненіи направленія вліяніе коренныхъ Кушитовъ, т. е. Египтянъ. Довольно замѣчательно равнодушіе грамотности гіероглифической и выводной изъ нея письменности къ направленію знаковъ. Съ бока на бокъ, съ верху въ низъ и такъ далѣе, все равно для Египтянъ и Китайцевъ. Не имѣло ли сосѣдство и просвѣщеніе Египта вліянія на переходъ кореннаго Иранскаго письма въ Семитическое? Какъ бы то ни было, безспорно, что южные Кушиты (Эѳіопія) приняли свои письмена отъ Иранскаго Индустана (это возвратное дѣйствіе, доказывающее раннія сношенія). Но при всѣхъ этихъ данныхъ, слоговыя письмена Эѳіопіи, точно также какъ и средне-Азійскія, очевидно представляютъ намъ уже позднѣйшее искаженіе письменности, возрастъ, соотвѣтствующій отчасти безгласному письму Семитовъ или простому письму подъ титлами. Что же сказать объ ученомъ Германцѣ, который, не видя нигдѣ древнихъ слоговыхъ письменъ, утверждаетъ, что съ нихъ и началась письменность; а для этой благой системы онъ нападаетъ на богатую мысль. что сначала слоговыя письмена были очень легки, потому что языкъ человѣческій не могъ выговаривать *а* послѣ *п*, или *и* послѣ *б*. или *у* послѣ *в*. а каждая первоначальная согласная сама по себѣ опредѣляла послѣдующую гласную? Такихъ выводовъ опровергать не нужно; но таковы послѣдствія системъ, пропускающихъ безъ вниманія среднія звенья въ развитіи или искаженіи науки. Легко было замѣтить первоначальную чистоту письменности въ настоящемъ Иранѣ и въ его развѣтвленіяхъ, постепенное исчезаніе гласныхъ знаковъ у Семитовъ или ихъ искусственное срощеніе съ согласными у Индѣйцевъ и Эѳіоплянъ, и понять въ одно время начало Семитическихъ безгласныхъ и Эѳіопскихъ слоговыхъ письменъ. Систематикъ, впрочемъ, весьма ученый, поступилъ иначе. Всѣ ученые филологи Европы поступаютъ подобно ему.—Нѣтъ человѣка просвѣщеннаго, съ достаточнымъ безпристрастіемъ, чтобы пользоваться своимъ просвѣщеніемъ, который при самомъ поверхностномъ изученіи Славянскаго языка не долженъ бы былъ понять, что изо всѣхъ нарѣчій Европы нѣтъ ни одного, которое бы такъ близко было къ Санскритскому. Сходство ихъ не въ корняхъ, а въ словахъ, уже получившихъ свое полное развитіе. Важны тутъ не такія слова, какъ: *агни* (огонь), *рудгира* (руда, кровь), *гири* (гора), *пат* (падать), *тама* (тьма), *патан* (путь), *три* (три), *юга* (юзы, узы), *гима* (зима), *да* (дать), *кут* (кутать), *врка* (волкъ), *тапа* (тепло, жаръ), *дэва* (диво, Богъ), *двар* (дверь), *карпара* (черепъ) и пр. и пр.; подобныхъ этому словъ множество во всѣхъ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ, и часто формы Славянскія далѣе отъ Санскритскаго (можетъ быть, не отъ первобытнаго), чѣмъ другія. Напр. Кельтское *дуан* (пѣснь) ближе къ Санскр. *двани* (или *дуана*), чѣмъ *звонъ* (впрочемъ, есть въ Санскр. форма *свана*); Нѣмецкое *name* и *atem* ближе къ Санскр. *наман* и *атман*, чѣмъ *имя* и *дума*. Мы знаемъ, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ даже такихъ сходствъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ; но объ этомъ спорить нечего: смѣшно бы было на счетахъ выкладывать всѣ выраженія, сходныя во всѣхъ языкахъ. Филологъ можетъ оставить ихъ безъ вниманія. Если въ немъ есть чувство истины художественной въ звукахъ, онъ замѣтитъ, что рѣчь Славянская полногласіемъ своимъ и характеромъ звука одна только (можетъ быть, даже болѣе Зенда) повторяетъ въ ухѣ впечатлѣніе, произведенное Санскритомъ. Но мы лишняго не требуемъ. Ученый не обязанъ быть тонкимъ на ухо. Филологъ можетъ и долженъ въ словахъ, нами выписанныхъ, обратить вниманіе на одно обстоятельство, касающееся до письменности, именно на безгласный *ъ*: онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Санскритскому знаку (*vi-râma*) въ словахъ съ чисто-согласнымъ окончаніемъ. *Ъ* довольно важенъ: вѣроятно, его выдумали не святые просвѣтители Славянскихъ племенъ. Кажется, такую истину допуститъ самый ожесточенный скептикъ. *Ъ* есть такой же вѣрный признакъ до-христіанской письменности, какъ двойственное число въ переводѣ священныхъ текстовъ Греческихъ, въ которыхъ двойственность уже почти вовсе утратилась, есть признакъ кореннаго двойственнаго числа въ древне-Славянской грамматикѣ. Замѣтимъ, что въ нарѣчіяхъ и письменахъ чисто-Славянскихъ потребность безгласнаго знака была тѣмъ чувствительнѣе, что въ нихъ незамѣтно начальнаго придыханія и что согласная болѣе связана съ послѣдующею буквою (будь она гласная или согласная), чѣмъ съ предыдущею. Русскому человѣку естественнѣе писать при раздѣленіи строчекъ *вѣ-тра, у-тро, во-здухъ, бе-дро,* чѣмъ *ут-ро, бед-ро* и т. д. У другихъ Европейскихъ народовъ совсѣмъ не то, и заемныя отъ нихъ слова слѣдуютъ другому закону. Мы пишемъ: *мун-диръ, гар-дина, ар-мія* и пр., также, какъ Французы пишутъ *cas-tel, car-ton,* а Нѣмцы *hur-tig, wich-tig* и пр. Есть и въ Русскомъ письмѣ исключенія, особенно въ словахъ составныхъ или съ удвоенною согласною, но таково общее правило, взятое письмомъ отъ рѣчи говоренной. Нельзя сказать утвердительно, было ли тоже начало у Санскритскихъ Иранцевъ, но это вѣроятно: извѣстно, что Индѣйцы охотно переносятъ даже конечную согласную къ началу слѣдующаго слова, начинающагося съ согласной, какъ *абгава тпутра* вмѣсто *абгават путра.* Во всякомъ случаѣ, существованіе безгласнаго знака весьма важно и разительно *). Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ знакъ, жалкій конекъ защитниковъ древнихъ слоговыхъ письменъ, ничего не доказываетъ въ пользу нелѣпой системы. Санскритская согласная не подразумѣваетъ никакой гласной, кромѣ *а* краткаго (средняго между *а* и *о*, точно также, какъ нашъ *о* краткій есть средній между *о* и *а*: замѣчательное тождество). Почему же въ согласной подразумѣвается *а* краткое? Явно слоговое письмо! А какъ бы ученые произнесли согласную безъ скрытаго *а*, или какъ бы они назвали букву, которая, какъ и всякій предметъ, требуетъ названія? Органы произношенія, приходя въ спокойное положеніе послѣ отдѣльной согласной, производятъ тихій звукъ, похожій на шептанный *а*, и отъ этого согласныя назывались *пă, вă, рă* и т. д.; простодушіе учащихся грамотѣ склонно было произносить полное названіе согласной при первоначальномъ чтеніи по складамъ, — и вотъ причина, почему всякая Санскритская согласная произносится съ краткимъ *а*, если за нею нѣтъ другой гласной, или знака безгласія, или сращенія съ другой согласной. Ларчикъ открывается просто, и поборникамъ слоговыхъ письменъ приходится искать другого конька. — Мы сказали, что слова, обозначающія предметы или дѣйствія, взятые изъ видимой природы, доказываютъ только братство племенъ, но не ука-

---

*) Выше авторъ высказалъ мнѣніе о ненужности буквы „Ъ“. Это указываетъ на то, до какой степени настоящій трудъ его остался непересмотрѣннымъ. *Изд.*

зываютъ на возрастъ ихъ при раздѣленіи. Важнѣе самихъ корней совершенное согласіе въ развитіи этихъ простыхъ началъ. Оно разительно въ Славянскомъ и Санскритскомъ. Напр., въ числительныхъ названіяхъ, которыя совершенно торжественны въ обоихъ нарѣчіяхъ, замѣчательно не столько отношеніе *чатур* и *четыре*, сколько общность второй ихъ формы: *чатвâра* и *четверо*, въ которой находится начало слова *vier*, возникшаго изъ *четверо* съ опущеніемъ начальнаго слога, если *vier* не составилось сокращеніемъ изъ Готскаго, уже искаженнаго, *fidvor*. Мы видимъ уже единство не въ корняхъ, а въ развитіи. Въ названіяхъ степеней родства сходство еще важнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что оно замѣтно и во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ; но оно гораздо сильнѣе между Славянскимъ и Санскритскимъ, точно также какъ между Зендскимъ и Германскимъ. Одно изъ названій, принадлежащихъ уже къ семьѣ, образованной почти на гражданскій ладъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Это слово *свёкръ*. Оно находится у всѣхъ народовъ Европы, даже у Кельтовъ, но нигдѣ не имѣетъ смысла, основаннаго на этимологіи. Въ Санскритскомъ и Славянскомъ находятся его начала: Санскр. *сваçру*, Славян. *свекровъ*, заключаютъ ключъ выраженій *schwager*, Гальскаго *chwegr* и прочихъ. Во-первыхъ, должно замѣтить, что *свекровъ* и *сноха* въ собирательномъ назывались *свекры*. Это явно изъ Русской присказки. Женщина, у которой спрашиваютъ про ея родство съ мужчиной (ея отцомъ), отвѣчаетъ: „Его мать и моя мать свекры, а ты ступай, да смекни.“ *Кры* есть коренная форма слова *кровъ* (отъ того *cruor* и другія). *Сваçру* и *свекры* значили просто: близкіе, принятые въ кровное родство (*сва-сру* или *своя-кры*, своя кровь). Мы замѣтимъ, что названія степеней родства у всѣхъ выходцевъ Ирана сходны (и это явно показываетъ уже семейную жизнь до разселенія), что эти названія въ Славянскомъ ближе къ корнямъ, какъ мы видѣли въ словѣ *свекровъ* и можемъ замѣтить въ Нѣмецкомъ *oheim* изъ Славян. *отчимъ* (корень — *отецъ*), не смотря на разность теперешняго смысла; и что, наконецъ, роскошь этихъ названій у Славянъ, *отчимъ*, *мачиха*, *свёкръ*, *тесть*, *сноха*, *невѣстка*, *стрый*, *уй*, *золовка*, *шуринъ*, *деверь*, и т. д., показываетъ сильнѣйшее развитіе семейности и старую осѣдлость племени. Еще важнѣе для языкознанія сходство въ словахъ, принадлежащихъ къ рѣчи грамматически-усовершенствованной и обозначающихъ отношенія отвлеченныя. Таковы мѣстоименія. Во-первыхъ, ясно по ихъ неправильнымъ формамъ въ Санскритскомъ языкѣ, что они уже прошли черезъ долгую жизнь народа и черезъ безчисленныя измѣненія: во-вторыхъ, видно, что раздѣленіе семьи при-Гангесской и при-Донской произошло уже послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ. Въ сравненіи съ Славянскимъ языкомъ и въ отношеніи къ родству съ Санскритскимъ, всѣ прочія Европейскія нарѣчія почти не заслуживаютъ вниманія. Мѣстоименіе перваго лица болѣе или мѣнѣе одинаково у всѣхъ: сходство Славянскаго *азъ* съ Зендскимъ *азем* и присутствіе придыханія въ Санскритскомъ, Греческомъ и Нѣмецкомъ составляетъ ничтожное исключеніе. Во множественномъ, формы *насъ* и *намъ*, общія Индіи и Славянскому міру, опять принадлежатъ общему закону ихъ тождества. Мѣстоименіе втораго лица еще болѣе входитъ въ тоже правило. Основа его въ Индіи *ту*, съ глухимъ *у*, и Славянское *ты* совершенно одинаковы. Формы во множественномъ *васъ* и *вамъ* тѣже, только не въ тѣхъ падежахъ, а въ единственномъ; переходъ въ *тав* остался еще въ прилагательномъ *твой*. Древность этого перехода доказана древне-Германскою формою *thu*, сохранившеюся въ Англійскомъ *thou*, *thine*. Тутъ мы опять видимъ законъ, по которому отыскали коренной смыслъ имени бога Ѳоръ (Thor), т. е. измѣненіе *тв* въ Германское *t* съ придыханіемъ, *θ* или *т* съ придыханіемъ еще болѣе измѣнилось въ Греческое *с*, хотя можно предположить и переходъ изъ простого *т* въ *с*, весьма обыкновенный у Эллиновъ. Мѣстоименіе третьяго лица важно по формѣ *аму*, нашему *ему*, и по прилагательному *сва* (свой). Отъ него во всѣхъ языкахъ множество развитій, но оно осталось только въ Санскритскомъ и Славянскомъ и, мы сказали бы, Латинскомъ, если бы Латинскій языкъ значилъ что-нибудь въ сравнительномъ языкознаніи *). Какъ бы то ни было, но Индѣйцы и Славяне одни только сохранили этому слову всю полноту его значенія, относя его ко всѣмъ лицамъ въ смыслѣ притягательномъ. У самихъ Индѣйцевъ *сва* осталось только какъ прилагательное, а прямое его отношеніе къ третьему лицу въ простомъ мѣстоименіи утратилось. Славяне и Римляне сохранили его въ

---

*) Вѣроятно вслѣдствіе предполагаемой авторомъ разносоставности его. *Изд.*

формѣ *себя*, *себѣ*, *sibi* и пр., гдѣ *в* измѣнилось только въ *б*, и *sui*, гдѣ уцѣлѣло *в* или *у*. Этотъ примѣръ замѣчателенъ и въ отношеніяхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу и особенно Русскаго ко всѣмъ другимъ. Изъ *сва* и правильнаго окончанія *ям* составилось Санск. *сваям*, тождественное съ нашимъ *самъ*. Древность формы *с* въ мѣстоименіи третьяго лица доказана всѣми нарѣчіями Иранскими, а древность слова *сваямъ*, *самъ* ясна изъ Кельтскаго *sambh*, употребляемаго при глаголахъ въ томъ же смыслѣ, какъ и *самъ*. Сходство другихъ мѣстоименій между Индіей и Славянскимъ міромъ доходитъ до совершеннаго тождества. Санскр. *анья* (*иной, ая*), *тат* (тотъ). *тэ* (тѣ), *этат* (этотъ)*) принадлежатъ имъ вполнѣ. Въ развитіи же падежей Санскритскихъ замѣчательна форма коренная (*thema*) *эн*, очень сходная съ народнымъ произношеніемъ *энтотъ*, *энта*, въ которомъ мы видимъ соединеніе указательнаго *энъ*, извѣстнаго всѣмъ Русскимъ, и мѣстоименія *тотъ*. Мѣстоименіе относительное Санскр. *ят* отъ корня *я* (я краткое). женское *я̂* (длинное) есть безспорно Славянское *и*, *я*. *е* (иже, яже. еже). Вопросительное *ким* (корень *ки*), женское *кâ*, тоже Славянское *кій*, *кая*. Соединеніе *я* и *кій* составляютъ Славянское *якій* и *яко* (сколько, какъ), соотвѣтствующее Санскритскому *явам* (сколько), Наконецъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ мѣстоименій многосложныхъ, искуственныхъ. которыя вполнѣ одинаковы на Гангесѣ и на Дону: *экатара* (одинъ изъ двухъ), *нѣкоторый*; *экатама* (одинъ изъ многихъ), тотъ же *нѣкоторый*; *катара* (который изъ двухъ). *который* и т. д. Какая же была общность жизни, отражающаяся въ тождествѣ такой искусственной рѣчи! Замѣтимъ, что окончаніе на *ерый* еще отзывается въ нашихъ числительныхъ, *четверо*, *пятеро*, *десятеро* и другихъ. Мы считаемъ излишнимъ перебирать сходство между однозначащими *касчит* и *каждый*, *убья* и *оба*, *пурва - первый*, а замѣтимъ только, что мѣстоименіе Санскритское *идам* (сей). есть составное изъ *и* и *дам* (какъ въ Латинскомъ idem, quidam). Корень же *и* мы видимъ въ Славянскомъ относительномъ *иже*, въ множественномъ *ихъ* (мѣстоименія онъ), и въ *сій* 1). Тотъ же *сій* перешелъ въ Готское и Латинское *ïs* простою перестановкою начальнаго *с*, т. е.. измѣненіемъ, безпрестанно повторяемымъ въ нарѣчіи Римлянъ. Нельзя не предположить, что въ формахъ *идам* и Лат. *quidam*, отзывается Семитическое *адамъ* (человѣкъ), тѣмъ болѣе, что мѣстоименіе перваго лица *аземъ* или *агамъ* всего простѣе объясняется этимъ же словомъ 2). *Я* говорю, дѣлаю, есть тоже что „человѣкъ говоритъ, дѣлаетъ“ и пр. Такое толкованіе очень вѣроятно при доказанномъ сродствѣ корней Семитическихъ и Ирано-Санскритскихъ: развѣтвленіе ихъ было весьма раннее. Ученое педантство древней Индіи приняло слово *идам* за корень имени бога *Индра*, какъ будто *идам-дра*. Для насъ, которымъ явно чисто-мѣстное значеніе этаго божества, генія Индіи, которому позднѣйшая миѳологія дала начальство надъ воздухомъ, ошибка филологовъ Санскритскихъ поучительна и забавна. Жаль, что Нѣмцы еще толкуютъ объ ней, какъ объ дѣлѣ, и не видятъ, что имя *Индра* только потому важно, что въ немъ сохранился древнѣйшій слѣдъ имени самой страны 3).

---

*) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что формы *тат* и *этат* въ Санкритѣ принадлежатъ именительному падежу средняго рода (Слав. то, это), который Индѣйскими грамматиками почему-то принятъ за коренную форму (тему). Именительный падежъ мужескаго рода въ Санскр. *тас*; ему соотвѣтствуетъ древняя Слав. форма „тъ“; наше „тотъ“ есть позднѣйшая форма, происшедшая чрезъ удвоеніе. *Изд.*

Изъ области отвлеченностей грамматическихъ мы восходимъ наконецъ въ область отвлеченностей философскихъ. Самосознаніе человѣка облекается въ слово и даетъ образъ и имя явленіямъ невидимаго міра. Смѣшно бы было искать въ бытовомъ развитіи Славянъ того богатства мысли, которымъ отличается языкъ вѣчно умствовавшихъ Брахмановъ; но за всѣмъ тѣмъ, всѣ первые шаги Индѣйской философіи обозначены выраженіями чисто-Славянскими. Мы сказали, что имя всемогущаго, свободнаго начала, *Брахмъ*, есть вѣроятно искаженіе слова *Бехрамъ* или развитіе корня *бѣ*, со-

---

1) Слово *сій* или *сей* (древнее *съ*) относится къ корню, первоначальная форма котораго является въ Санскр. *са* (онъ), Греч. ὁ, Готск. *sa* (онъ), *si* (она) и проч., и который развился въ Санскритѣ въ мѣстоименіе *съяс*, женск. *съя* (тотъ, та), въ точности соотвѣтствующее нашему *сей*, *сія*. Слово *ïs* принадлежитъ къ другому корню. *Изд.*

2) Въ древне-Персидскихъ надписяхъ встрѣчается форма *адам*, въ смыслѣ *я*. *Адамъ* въ значеніи *человѣкъ* принадлежитъ не только Семитической, но и Тюркской семьѣ. Ср. письмо къ Бунзену, во 2-мъ томѣ. *Изд.*

3) Ср. Benfey въ Ersch und Gruber, Indien. 168. *Изд.*

храненнаго у насъ въ названіи высшаго существа, котораго древнѣйшій памятникъ находится, сколько намъ извѣстно, въ имени бога, занятаго Англо-Саксами у Славянъ, *Чернобога*. Міръ видимый для Брахмана есть призракъ, и этому призраку дано имя *Мая*. Не говорю о словѣ *мàяться* (томиться), ни о словѣ *обманъ* (которое можетъ происходить отъ *объ-мѣна*), ни о словѣ *обаяніе*, (котораго начало не *мая*, но *бàять* говорить, *обаяніе* — заговоръ); но слово *мая* извѣстно всякому старому псовому охотнику въ смыслѣ обмана зрѣнія: „въ полѣ *маячно*“, „*маячитъ*, собаки не возрятся“. Брахма и Мая, не смотря на свое философское начало, принадлежатъ болѣе уже миѳологіи, чѣмъ философіи. Мыслящій Брахманъ далъ высшему духу названіе неопредѣленное, какъ самое представленіе непроявившагося духа. Это *Татъ* *) (произноси *тотъ*). Его свойство, его законъ выражается въ одномъ: „онъ есть“, и отъ этаго въ немъ заключается *сатъ*, бытіе, наше коренное *суть*, откуда Англійское *sooth* истина, такъ же какъ *истина* — отъ того, что̀ *есть*. Въ немъ же начало знанія, и отъ того онъ *видги* (видящій, видяй); въ немъ все внутреннее, свое, и отъ того онъ есть самъ отъ себя — *сваябгу* (*своебытъ* или *самобытъ*); въ немъ бытіе есть мысль, и отъ этого онъ *манасъ* (*мняй*, *мыслящій*). Міръ видимый получаетъ всѣ тѣже прозвища, съ пребавленіемъ отрицанія *а*. Тоже самое составленіе требовало бы въ Славянскомъ отрицанія *не*. Мы не можемъ называть такую разницу разницей языка, но разницей нарѣчія. Присутствіе *а* отрицательнаго въ Санскритскомъ и Греческомъ не должно насъ вводить въ обманъ и отнимать у звука *не* право на глубочайшую древность въ томъ же смыслѣ. Во-первыхъ *нà* (произноси не) и *не* отрицательны въ Санскритскомъ, Латинскомъ, Германскомъ, Славянскомъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ; тотъ же *не* обратный—*in* и *un* отрицательные; и наконецъ самое древнее, самое всеобщее слово во всѣхъ нарѣчіяхъ Иранскихъ, не исключая ни однаго, содержитъ къ себѣ отрицаніе, выраженное звукомъ *н*. Это слово—*ночь*. Не нужно разсматривать его многоразличныя измѣненія, ибо всѣ онѣ дѣло времени позднѣйшаго. Санскр. *накта*,

---

*) Т. е., *то. Изд.*

Латинское *noct-is*, ближе всѣхъ къ коренному; но коренное есть, очевидно, Славянское *ночь*. Смыслъ его очень простъ. По правилу, нами изложенному о тождествѣ глагола и существительнаго, слова *ок* или *око* имѣло силу глагольную въ смыслѣ зрѣть, и *неочь* или *неокъ* значило темноту, время невидущее. Германцы дали слову *ок* форму глагольную (*achten*), и *neacht* или *nacht* совершенно соотвѣтствуетъ нашему *ночь*. И такъ разница въ отрицательныхъ частицахъ *а* и *не* не имѣетъ никакой важности и нисколько непротивна почти совершенному тождеству нарѣчій, раздѣлившихъ между собою двѣ формы отрицанія, существовавшаго издревле, но не отвергшихъ вполнѣ ни одной изъ нихъ. Не обращая особеннаго вниманія на другое названіе вещественнаго міра *тамас* (тьма), мы замѣтимъ только, что оно соотвѣтствуетъ Халдейскому миѳологическому названію ночи или, лучше сказать, темнаго неразумнаго вещества, *оморка* (омракъ) *) и послѣдуемъ за дальнѣйшимъ развитіемъ философской мысли на берегахъ Гангеса. Міръ, проникнутый мыслію божественною, не имѣя къ себѣ начала отвлеченнаго бытія, *сат*, представляетъ только образъ его въ движеніи жизни (Нѣмцы говорятъ *im werden*), и этотъ образъ есть *дживас* (собственно *живое*); но самая жизнь, не смотря на свою постоянную измѣнчивость и неопредѣленность, содержитъ въ себѣ бытіе второстепенное, относительное, *біута* (бытъ). Такая тождественность въ выраженіяхъ мысли отвлеченной должна обратить на себя вниманіе просвѣщенныхъ критиковъ; но безконечное поле открывается въ развитіи этихъ выраженій и въ соединеніи ихъ съ возратнымъ мѣстоименіемъ *сваят* (свой) или *сам* (сокращенномъ изъ *сваям*), напр. *свабіâва* (свойство), *сваяндата* (своеданный, самодатный), *сваямвара* или *сваямбара* (*само-боръ*, или *своеборъ*, вольный выборъ), и т. д. Наконецъ, названіе самаго знанія въ его двухъ степеняхъ, въ бытовомъ и отвлеченномъ, *джнана* и *вэдана*, совершенно тождественно съ Славянскимъ *знаніе* и *вѣданіе*. Исторія Индіи покрыта тьмою еще непроницаемою; но сквозь мракъ и молчаніе памятниковъ жизни гогосударственной мы угадываемъ изъ развитія словеснаго и религіознаго существованіе сильныхъ государствъ, процвѣтавшихъ въ величіи мирной тишины или въ напряженіи завоевательныхъ силъ.

---

*) По Раулинсону, это имя означаетъ богиню Бельтисъ, какъ госпожу гор. Урка, Ум-урка; но объясненіе это гадательно. *Изд.*

Бури чужеземнаго нашествія, внутренніе раздоры, религіозныя распри возмущали самобытную жизнь Индустана, но до десятаго вѣка послѣ Р. Х. просвѣщеніе мысли и усовершенствованіе слова никогда не прекращались вполнѣ. Другая была судьба племени Славянскаго. Первая ихъ восточная колыбель, Ванская Бактрія (земля *Ванада* или Китайскихъ *Та-Ванъ*, Великихъ Вановъ) была открыта всѣмъ нашествіямъ, съ Сѣвера, Юга и Запада. Первое мерцаніе исторіи, основанной на памятникахъ Египта, уже показываетъ намъ нашествіе Рамзеса Великаго за 17 вѣковъ до Р. Х. въ страну *Схето* [1] (Гетовъ, изъ чего у Эллиновъ составилась форма *Скиѳовъ*) и осаду ихъ укрѣпленныхъ городковъ; потомъ преданія свидѣтельствуютъ о постоянныхъ побѣдахъ то Ассиріи, то Персіи, порабощавшихъ поочередно Вано-Бактрійское племя. Только издали, изъ вѣковъ незапамятныхъ слышатся разсказы объ его прежней силѣ, о кроткомъ владычествѣ Скиѳовъ при-Яксартскихъ и о золотомъ вѣкѣ пахаря Джемшида, вышедшаго изъ Бактріи и снова бѣжавшаго въ Бактрію передъ грозою южнаго Дзогака. Въ тоже время Сѣверъ насылалъ на Вановъ кочевыя орды средне-Азійскихъ народовъ, Уй-гуровъ, Као-Чхе или Ту-хо-ло. Все самобытное гибло подъ внѣшнимъ напоромъ и въ неизбѣжномъ смѣшеніи побѣдителей и побѣжденныхъ. Имя земли исчезло подъ Мидійскимъ названіемъ „Востока“ [2] (*Бахтеръ);* рѣки принимали чуждыя, Финно-Турецкія прозвища *Ак-су* (Оксусъ) и *Якъ-сыръ* (Яксартъ). Область правилась чуждыми законами, жители (Саки) сражались подъ чужими знаменами на морѣ и на сушѣ. Одно только старшинство сатрапіи Бактрійской передъ всѣми другими свидѣтельствовало объ ея прежней славѣ [3]. За два или за три вѣка до Р. Х., монеты Индо-Бактрійскаго царства уже не представляютъ никакихъ слѣдовъ Славянскаго письма и Славянской рѣчи. Греческія и Индустанскія стихіи преобладаютъ въ языкѣ и въ религіозныхъ эмблемахъ. Письмена юго-западныхъ Семитовъ вытѣснили въ Бактріи, такъ же какъ и въ Персіи, древнее письмо Иранское, т. е., слѣва направо.

---

[1] Иначе Кхета. Шамполіонъ и Росселини считаютъ ихъ за Скиѳовъ. Бунзенъ видитъ въ нихъ библейскихъ Киттимъ. Aeg. St. IV. стр. 176. Тацитъ разсказываетъ, что Рамзесъ завоевалъ между прочими странами и Скиѳію (Annal. II, 60.) *Изд.*

[2] По Бюрнуфу отъ „apaktara“—Сѣверъ. Часть ея называлась по Птоломею Γορῶια. *Изд.*

[3] Она почиталась какъ бы царскимъ удѣломъ. *Изд.*

Имя Азовъ, замѣтное въ царскихъ именахъ, указываетъ, можетъ быть, на то, что крѣпкій и энергическій характеръ Азовъ Мидійскихъ возсталъ противъ чуждой власти и основалъ новую туземную династію. Но самая гибкость и переимчивость народа, принявшаго такъ легко полу-Эллинское просвѣщеніе, совершенно согласны съ другими явленіями міра Славянскаго. Какъ бы то ни было, тѣсныя и смѣшанныя народности замѣнили въ родинѣ Славянъ ихъ многостороннюю и чисто-человѣческую самобытность. Быть можетъ, безпристрастное и критическое изученіе нарѣчія Сартовъ и горныхъ Кіаферовъ и Сіа-пушей, населяющихъ Солиманскій хребетъ (Инду-кху), покажетъ еще слѣдъ Славянства; но эта надежда весьма слаба. Гдѣ прежнее Славянство Альпійскихъ Великихъ Вендовъ (Vindelici) или Венетовъ Лигурійскихъ? И гдѣ тотъ филологъ, который отдѣлитъ Индустанское начало въ языкѣ отъ Славянскаго, при ихъ совершенномъ тождествѣ? Наука еще не подвинулась достаточно для совершенія такой трудной задачи. Мы знаемъ по историкамъ Китайскимъ, что гораздо послѣ паденія Индо-Бактрійскаго царства, Ваны Великіе (Венды) и братья ихъ Іе-ѳа или Іи-ѳіанъ (Геты) еще долго славились на Востокѣ, хранили свою мирную жизнь и склонность къ торговлѣ и осѣдлости и кроткій бытъ, подъ законами безчисленныхъ мелкихъ общинъ, связанныхъ братскимъ союзомъ; мы знаемъ, изъ тѣхъ же источниковъ, что племена Ванскія были уже мѣшанныя отъ наплыва чуждыхъ стихій и особенно отъ нашествія Ту-хо-ло; но, допуская вполнѣ всѣ признаки стараго Славянства, мы не можемъ сказать, хранилось ли имя Вановъ въ ихъ старой родинѣ, или Китайцы давали странѣ и народу давно забытое имя по привычкѣ, которую часто можно у нихъ замѣтить. Послѣднее предположеніе не совсѣмъ вѣроятно. Кажется, должно допустить, что названіе Ваны, Да-гіо и Іе-ѳа еще не совсѣмъ утратились въ земляхъ Бактрійскихъ даже послѣ Р. Х. Но во всякомъ случаѣ можно смѣло утвердить, что самобытное развитіе Славянъ погибло навсегда въ самой колыбели Славянства во времена до-историческія, т. е. съ распространеніемъ Мидо-Персидской власти, вѣка за два прежде Кира. Послѣднее движеніе ихъ на Сѣверо-востокъ (если мы предположимъ двѣ эпохи переселенія по двумъ вѣтвямъ Славянскихъ нарѣчій) не можетъ быть позже распространенія власти Азовъ по междурѣчію Волги и Дона, т.-е., вѣковъ за 7 до Р. Х.; такъ же какъ послѣднее ихъ вторженіе въ Европу есть нашествіе Унно-Болгаръ, откинувшихъ Германскую стихію на западный край Европы. Вотъ какъ рано разорванъ былъ союзъ между братьями, раздѣленными цѣпью Гималаи (*Зимаватъ,* зимовой горы). Но въ новомъ жилищѣ ихъ, Европѣ, участь народовъ Славянскихъ была точно также несчастна. Эллины на Югѣ разрушили возникающее просвѣщеніе Вендовъ Великихъ (Генеты *) и Лигіи) въ Малой Азіи, гдѣ осталось отъ нихъ только нѣсколько надгробныхъ надписей. Эллины и потомъ Римляне задавили Гетовъ и Даковъ на берегахъ *Струмена* (Strymon), *Вепра* (Гебръ) и Дуная (Danubius); Римляне и Германцы уничтожили всѣ слѣды Славянства въ Альпахъ Тирольскихъ и Швейцарскихъ, гдѣ Венеты Великіе (Vindelici) долго хранили свою горную волю; Кельты съ Сѣвера, бездомные дикари,—это явно изъ отсутствія городовъ въ Сѣверной Франціи и Кельто-Кумрійской Англіи — за шесть вѣковъ до Р. Х. стали нажимать на Славянъ южной Франціи, на поморья Средиземнаго моря и Атлантическаго океана и на Венетовъ Лигурійскихъ. Наконецъ, въ той странѣ, которой опредѣлено было сохранить для міра стихію Славянскую (раннее, мирное Иранство), сперва Кимры (Кумры, Іотуны), смѣсь Иранца и средне-Азійца, потомъ мнимые Скиѳы (Финно-Турецкое племя, какъ мы видѣли изъ ихъ быта и уцѣлѣвшихъ именъ, *Тамер-инда, Тамеръ-таркань)* угнетали Славянъ; потомъ одичавшіе Ирано-Мидійцы (великіе Азы) безпрестанною борьбою уничтожали всякую возможность самобытнаго развитія. Долго продолжался споръ между кроткимъ Индо-Иранцемъ (Вендомъ) и гордымъ Мидо-ИранцемъСарматомъ. Область при-Волжская и при-Донская называлась то по имени Азовъ *(Ан-ѳсаи* или *Ан-цаи,* можетъ быть *Анта),* то по имени Уйгуровъ (Ѳесу), то отъ Алановъ *(А-ланна),* то отъ Вендовъ *(Вен-на-ша).* Храбрые Готѳы Германскіе въ тоже время стѣснили Славянъ съ Сѣверо-запада и Запада, и только въ V-мъ столѣтіи послѣ Р. Х., сильный порывъ Унно-Болгаръ (восточное казачество Славянъ съ примѣсью Турокъ) рѣшилъ вѣковую распрю, отбросилъ Готѳовъ за хребетъ Пиренейскій, а Сармато-Алановъ за Балтійское море и возвратилъ просторъ и волю великой землѣ Сла-

---

*) Генеты жили нѣкогда въ Пафлагоніи. *Изд.*

вянской, будущей Руси. И такъ вся общность жизни, которую мы замѣтили изъ сличеніи и корней и словъ, вполнѣ и искусственно развившихся, между племенемъ Славянскимъ и Индустаномъ, общность, явно указывающая на долгое, мирное и просвѣщенное братство, относится ко временамъ до-историческимъ. Тогда уже составились всѣ слова, обозначающія оттѣнки мысли, знанія и бытія, тогда уже образовались названія всѣхъ степеней родства. Иныя изъ нихъ извѣстны подъ тѣми же именами почти у всѣхъ выходцевъ Ирана: Кельтовъ, Эллиновъ и Германцевъ. Таковы: братъ, мать, сестра, дочь, и др., о которыхъ мы замѣтимъ только, что сестра есть соединеніе *сва* (свой) и *стри* (женщина или дѣвица), а дочь составлена въ Славянскомъ изъ глагола доить, *доища*, младенецъ женскаго рода [1]), какъ *духитри* (изъ *дух.* доить). Другія, болѣе сложныя, сохранились почти у однихъ Славянъ и Индѣйцевъ; таковы: *сноха* (Санскр. *снуша*), *деверь* (Санскр. *дэвара)* и др.; впрочемъ послѣднее слово находится также у Эллиновъ [2]). Изъ сличенія нарѣчій выходитъ заключеніе простое, ясное и неоспоримое. Слѣды древняго, общаго просвѣщенія, явные въ языкѣ Санскритскомъ, глубоко запечатлѣны въ его Славянскомъ братѣ. Оно было сильно и тѣсно связано съ бытомъ народнымъ, ибо отзывается живо послѣ 25 вѣковъ борьбы, страданій и чуждыхъ нашествій; оно развилось не въ Индустанѣ, котораго высшія касты, какъ мы уже показали, явные выходцы страны Иранской, но въ Иранѣ, откуда перенесено было бѣлолицыми Брахманами (касты, особенно въ отношеніи къ низшей, называются цвѣтами, слѣд. не одноплеменники) [3]), въ страну, первоначально занятую желтыми средне-Азійскими семьями, давшими, можетъ быть, имя рѣкамъ Инду и Гангу, но впослѣдствіи покоренными или изгнанными въ Гималайскія ущелья или на горное прибережье Нербудды и Маганадди. Это просвѣщеніе собственно-Славянами сохранялось въ Европѣ, ибо слѣды его явнѣе въ Славянскомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ, точно такъ же какъ и звуковое сродство съ Санскритскимъ.

---

[1]) Слав. дочь (коренная форма *дъштер)* находится въ непосредственной связи съ Санскр. *духитри*. *Изд*.

[2]) δᾶήρ, δαβερ.

[3]) По-санскр. *варна* значитъ „цвѣтъ лица или кожи“ и „каста“. *Изд*.

Оно не занято Славянами отъ Зендскихъ Азовъ, ибо отзывается въ странахъ, не подвергшихся вліянію Сарматскому, напр. у Славянъ Иллиріи и Чехіи, и сверхъ того чуждо формамъ Зендскимъ, которыя замѣтны въ нарѣчіяхъ Германскихъ. Оно не занято отъ Германцевъ, ибо явнѣе въ Славяно-Русскомъ, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ, измѣненныхъ германизмомъ и вообще въ Славянскомъ, чѣмъ въ Германскомъ. Оно не перешло изъ церковнаго Болгаро-Славянскаго языка, чуждаго многимъ Санскрито-Русскимъ формамъ (*этотъ*, *энтотъ*, *который* и пр.); оно вообще не заемное, но коренное: ибо чѣмъ древнѣе памятникъ (напр. Судъ Любуши и надписи), тѣмъ понятнѣе и ближе къ современному намъ Русскому языку и дальше отъ мелкихъ, искаженныхъ нарѣчій нашихъ западныхъ братій Славянъ. Наконецъ, оно сохранялось въ Европѣ племенемъ кроткимъ, осѣдлымъ, землепашескимъ, градостроительнымъ и семейнымъ. Это явно изъ самой его неизмѣнности, изъ богатства словъ, касающихся до семейнаго и домашняго быта, изо всѣхъ преданій о просвѣщеніи сѣверныхъ сосѣдей Эллады и о дѣйствіи этого просвѣщенія на Эллиновъ, основаніемъ святилищъ Аполлону-просвѣтителю, болѣе же всего изъ того неоспоримаго факта, что во всей средней Европѣ всякій древній слѣдъ городоваго быта сопряженъ съ слѣдомъ Славянскаго жительства. Германія городовъ не имѣла кромѣ при-Одерской страны и Вендскаго поморья. Галлія городовъ не имѣла въ сѣверной чисто-Кельтской полосѣ. Страна при-Рейнская не имѣла ихъ кромѣ поморья, въ которомъ жили Славяне *Морины* (приморскіе, такъ же какъ и въ Вандеѣ), *Менапіи* (такъ же какъ и въ Вандеѣ) и *Венды Великіе* (Вильцы, отчего Вильценбургъ). Я не говорю о южной Европѣ и племени полу-Семитическихъ Иверцевъ; но страны чисто-Германскія, чисто Кельтскія или Кельто-Кумрійскія, т. е. Англія, средняя Германія, Швеція и т. д. не представляютъ ничего похожаго на градостроительство. Ученые, видящіе все, не видали этого характеристическаго обстоятельства и не поняли, что Кельтъ и Германецъ, такъ же какъ средне-Азійскій Турокъ, только и жилъ въ тѣхъ городахъ, которые взялъ, да не догадался сжечь. Наконецъ, замѣтимъ, что Тацитъ, говоря объ народѣ Азовъ въ Германіи, узнаетъ въ нихъ Паннонцевъ (Славянъ) по языку и склонности къ гражданскому порядку [1]), а о самихъ Паннонцахъ, едва не потрясшихъ Римскую имперію въ самомъ цвѣтѣ ея колоссальныхъ силъ, мы знаемъ по Веллеію [2]), что они были просвѣщены, знали Римскій языкъ, „имѣли грамоту и вообще упражнялись въ наукахъ“. Никогда такаго свидѣтельства не слыхали мы отъ Римлянъ о народѣ Европейскомъ, кромѣ Эллиновъ.—Мы замѣтили сходство даже въ письменности Индостанцевъ и Славянъ въ знакѣ безгласія, къ которому можно присоединить *н* похожій на двойное *н* Санскритское и *б* курсивный похожій на *б* Санскритскій; но не должно полагать излишней важности въ сходствахъ случайныхъ, сомнительныхъ или происходящихъ отъ торговаго сношенія Индіи съ Сѣверомъ по Волжскому пути. Въ языкѣ Санскритскомъ должно отличать собственно Индостанское отъ коренного Иранскаго; такъ напр. усилительное *а* не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ другихъ нарѣчіяхъ и потому не имѣетъ важности въ сравнительномъ языкознаніи. Оно мало извѣстно было собирателямъ Ведъ и принадлежитъ къ частнымъ формамъ мѣстнаго нарѣчія. Такого рода грамматическія развитія также мало значительны для филолога, какъ позднѣйшія прививки религіозныя, напр. змѣя вѣчности, данная Брахмѣ, на зло его коренному характеру, маловажна для изслѣдователя древнихъ вѣрованій.

Мы видѣли, что просвѣщеніе сохранялось въ народахъ Славянскихъ, и только въ нихъ изо всѣхъ обитателей средней Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ ихъ часто измѣнялся отъ постоянной борьбы съ дикарями лѣсовъ Германскихъ и Финскихъ пустынь; но вообще не къ нимъ должно относить разсказы о свирѣпости жителей при-Евксинскихъ. Кимвры бродящіе, разорители всякаго гражданскаго быта, Скиѳы (Финно-Турки) часто вытѣсняли Славянъ изъ ихъ наслѣдственнаго при-Донского жилища, и тогда дикая вражда противъ всего чужеплеменнаго замѣняла родовое гостепріимство кроткихъ Вановъ и Саковъ, гостепріимство, извѣстное и по Эллинскимъ разсказамъ, и по Китайскимъ описаніямъ Великихъ Вановъ, и по свидѣтельству Германцевъ-враговъ о городахъ Вендскаго поморья при Балтикѣ, и по быту нашихъ древнихъ городовъ Кіева и Новагорода. Не должно также забывать, что часто племя побѣжденное даетъ имя свое побѣдителямъ, и что легко можно принять тогда жестокость пришельцевъ за свойство туземцевъ-страдальцевъ. Изъ обычаевъ высшей касты, о которой обыкновенно и пишутъ иноземцы, нельзя заключать о нравахъ низшихъ кастъ, хотя къ несчастію рабъ скоро заражается пороками отъ своихъ господъ. На островахъ у западнаго берега Сѣверной Америки аристократы имѣютъ право съѣдать своихъ крѣпостныхъ плебеевъ: станемъ ли судить по кастѣ ѣдущей о кастѣ съѣдомой? Въ земляхъ Славянскихъ должно отличать страны свободныя отъ тѣхъ, которыя подверглись чуждому игу; и нельзя ставить въ одинъ рядъ угнетенныхъ Чеховъ съ вольными Даками и Гетами. У послѣднихъ мы не видимъ слѣда иноплеменной власти, ибо самое ихъ дворянство (или что-то похожее на дворянство) нашло имя, котораго Славянское начало неоспоримо, не смотря на небрежность Эллинскую въ передачѣ чужихъ звуковъ. Въ словахъ *Царави - тери* невозможно не узнать формы *Цареви* хотя *тери* вовсе непонятно, если мы не предположимъ (нѣсколько самовольно) перестановки согласныхъ или совершеннаго искаженія [1]). Быть можетъ, и въ *Цареви* находится даже корень имени благороднаго Сербскаго народа *(Сараби)*, нынѣ населяющаго часть владѣній древняго Буревиста, грозы Кельтскихъ или полу-Кельтскихъ Боевъ и Таврисковъ. Чехи едва являются у древнихъ подъ своимъ настоящимъ именемъ съ Эллинскимъ окончаніемъ *Сигины* [2]) и тотчасъ же исчезаютъ подъ названіемъ завоевателей Боевъ-Кельтовъ и Маркоманновъ-Германцевъ. Уже въ позднѣйшее время, послѣ всѣхъ великихъ переселеній, сокрушившихъ Римъ, проявляются снова Чехи въ своей теперешней странѣ. Добродушные критики предлагаютъ слѣдующій вопросъ: „откуда же Чехи пришли?“ Дѣйствительно, имени ихъ мы нигдѣ не находимъ. Да критики могли бы точно также подумать, что имя Чеховъ и теперь еще всей Европѣ неизвѣстно, а что ихъ величаютъ *Богемцами*. Точно также названіе туземца угнетеннаго могло быть и было скрыто подъ именемъ властвующихъ Боевъ или Маркоманновъ. Свидѣтельство Птоломея [3]) въ этомъ случаѣ рѣшительно. Онъ знаетъ *Сигиновъ*, *Ракатовъ*, *Корконтіевъ*, а эти имена *Залехи*, *Ракусы*, *Крконоши* до сихъ поръ обозначаютъ сосѣдей земли Чешской. Формы тѣже, и народъ, живущій между *Залехами*, или *Заляхами*, и *Крконошами*, былъ тотъ же какъ и теперь, и не измѣнился ни въ племени, ни въ языкѣ; это все тѣже Геродотовы *Сигины*, нынѣшніе *Чехи*, которыхъ область всегда такъ тѣсно связана была съ областью Ляховъ, что неопредѣленность ихъ границъ дала поводъ къ поговоркѣ: „межъ Чехи и Ляхи“, для обозначенія мѣста никому неизвѣстнаго. Бѣдственное положеніе Чехіи болѣе или менѣе повторялось во всей Славянской области, и народъ мирныхъ пахарей въ южной Россіи часто рабствовалъ то у Кимровъ, то у мнимыхъ Скиѳовъ. Послѣднее имя мы сохранимъ Финно-Турецкимъ завоевателямъ при-Донья, отъ которыхъ самый Донъ нѣсколько времени носилъ имя чуждое Акесина (Акъсу), сохранившееся въ Аксаѣ. Впрочемъ это имя Скиѳовъ для Финно-Турокъ основано по ошибкѣ и перешло къ нимъ по невѣжеству Грековъ. Оно составлено на Востокѣ и оттуда сообщено Египтянамъ (въ формѣ *Скеѳо*) и Эллинамъ. Начало же его есть соединеніе двухъ именъ, Саковъ и Гетовъ или Іетовъ. Сако-Геты (сокращенно *Скіеѳы*) были приняты за народъ сѣверный вообще, и Эллины прилаживали названіе, котораго смыслъ былъ утраченъ, ко всѣмъ неизвѣстнымъ жителямъ за-Евксинской пустыни. Смѣшно судить о нравахъ древнихъ Славянъ по спутаннымъ разсказамъ Грековъ. Критика должна быть и поученѣе, и поосмотрительнѣе. Мы слышали свидѣтельство Римлянъ о Паннонцахъ, видѣли древнія надписи Славянскія на берегахъ Дуная и Бальтики *), и, что̀ еще важнѣе, почти до-историческія надписи Венетовъ Ликіевъ въ Малой Азіи; знаемъ торговый и землепашескій бытъ Славянъ и находимъ въ ихъ языкахъ явные слѣды высокаго умственнаго и бытоваго развитія, перенесеннаго ими изъ Иранской колыбели до западныхъ краевъ Европы, и говоримъ утвердительно: сравнительное языкознаніе, которое не ставитъ Славянскихъ нарѣчій въ основу всѣхъ Европейскихъ языковъ, пропускаетъ среднее звено, соединяющее Европу и Иранъ и не можетъ привести ни къ какимъ дѣльнымъ выводамъ. Славянамъ, послѣ столькихъ страданій и угнетеній, невозможно оспаривать у Индустанцевъ первенства въ отношеніи

---

[1]) Osos Pannonica linguâ coarguit non esse Germanos, et quod tributa patiuntur. (Germ. гл. 43).

[2]) Velleius Paterculus. II, 110.

---

[1]) Откуда почерпнуто это слово—не знаемъ. *Изд.*

[2]) Геродотъ, кн. V, гл. 9.

[3]) II. 11, 18.

---

*) О Балтійскихъ надписяхъ сказано выше. Какія Дунайскія надписи имѣетъ въ виду авторъ, неизвѣстно. У Шафарика въ Слав. Древн. въ отдѣлѣ „Надписи“ они также не упоминаются. *Изд.*

къ чистотѣ словесныхъ началъ. Нѣкоторыя подробности, въ которыхъ нарѣчіе Европейское ближе къ первобытнымъ корнямъ чѣмъ Санскритское, не должны вводить насъ въ заблужденіе. Таково напр. сохраненіе буквы *с* въ словахъ, выражающихъ качество: Индостанцы для благозвучія выкинули ее, но она необходима какъ связывающая выводное слово съ корнемъ и съ глаголомъ *есть*; ибо *ство* и Санскритское *тво,* иногда *два,* суть только сокращеніе *ество* или *ества.* Замѣтимъ, что окончаніе на *ва* сохранилось равно въ Индустанѣ и у Славянъ. Напр. въ Санскр. *бгава* (бытіе); въ Сл. *яство*, *слава* (отъ слыть), *молва* (отъ молвить) и т. д. У Славянъ оно переходитъ иногда въ звукъ *ба,* напр. *гурь-ба,* *свадь-ба,* *борь-ба,* *ходь-ба* и пр. Замѣтимъ, что слова *бга-ва* (бытіе) имѣетъ особенную важность въ области религіознаго развитія. Хотя придыханіе исчезло въ Сл. словѣ *быть*, но мы легко узнаемъ его въ грубомъ звукѣ *ы*, составленномъ изъ придыханія и гласной ***и***. *Бгить* есть древняя форма глагола *быть.* Слово, которымъ Славянскій міръ называетъ того, кто есть, слово соотвѣтствующее другому *сый*,—слово *Богъ* есть ничто иное какъ *Бгій*, тоже самое, что́ сый (сущій). Поэтому слово *убогій* или *небогій*, котораго корня напрасно искали вездѣ, гдѣ его найти нельзя было, значитъ *не сущій* (малый, слабый, у-бывшій). Такимъ образомъ узнаёмъ мы высокую мысль, скрытую въ словѣ *Богъ*, въ Зендскомъ *Беграмъ* (т. е. радующійся бытію, отъ *бгъ* и *рам, бытъ* и *радоваться;* корень же *рам* составляетъ правильное прилагательное *ратъ,* — наше *радъ,* радующійся) и въ словѣ *Брахма* или *Брахма*, искаженномъ посредствомъ перестановки буквъ. Довольно любопытно, что Санскр. ***Брхамъ***, ***Абхрамъ*** (радующійся и нерадующійся бытію, или радующійся бытію и небытію) совершенно соотвѣтствуетъ Нѣмецкому философскому опредѣленію der±seinde (seiender, nicht-seiender). Человѣчески весело проникать въ эту глубину мысли, развившейся еще при самомъ дѣтствѣ рода человѣческаго. Самое простое и безхитростное сличеніе словъ чужеземныхъ съ Славянскими привело насъ къ разгадкѣ двухъ великихъ и первобытныхъ именъ божества, *Богъ* (*бый, сущій,* перешедшій въ *Беграмъ*, *Брахмъ,* и *Баг-манъ* *), *сущая мысль*) и Творъ (творецъ, перешедшій въ Скандинавскаго *Тгоръ*, *Θоръ* и Мидо-Зендское Өра). Этимъ самымъ подтверждается происхожденіе *Вишну* отъ словъ *высь* (вышній), происхожденіе этимологически-сомнительное, но вѣроятное по очевидному вліянію Сѣвера (кажется, Бактріи) на Вишнуизмъ, по характеру океаническому этаго божества, сходнаго съ Ніордромъ, по отношенію его къ Лакшми-Пріѣ, напоминающему родство Ванской Фригги или Фріи (вѣроятно Пріи) къ Ніордру у Скандинавовъ или Венеры (т. е. Вендской богини) къ Океану. Во всякомъ случаѣ критикъ, одаренный здравымъ смысломъ, долженъ признать этимологію отъ слова *высь* скорѣе, чѣмъ выводъ изъ слова *виш* (проницать), выводъ педантскій, похожій на выводъ слово *Индра* отъ *Идам-дра*, или *Кувера*, бога богатствъ, отъ *ку-вера* (какое тѣло), тогда какъ его начало или *ковать*, или *ховать* (скрывать) *). Первое вѣроятнѣе. Такія ошибки были простительны филологамъ Индустанскимъ,не знавшимъ ничего,кромѣ роднаго слова,но уже неприличны теперешнему состоянію науки въ Европѣ.

---

*) Vohu-mano, по зендски. Бехрамъ Зенд. Veretragna. *Изд.*

Корень просвѣщенія Санскритскаго не въ Индіи, а въ Иранской колыбели. Развитіе позднѣйшее, принадлежащее собственно Индустану, не имѣло почти никакаго дѣйствія на Западъ. Славянскій міръ очевидно долѣе всѣхъ оставался съ нимъ въ связи и подвергся его вліянію въ сѣверныхъ при-Волжскихъ областяхъ (это замѣтно изъ многоглавыхъ идоловъ и, можетъ быть, многоглавыхъ церквей); но прививка Вишнуизма такъ явна въ самомъ Индустанѣ, его лицо такъ безсмысленно въ сравненіи съ могучимъ Шива-Дгургою, органическимъ веществомъ, и свободно-творящимъ Брахмою, первоначальнымъ духомъ, его характеръ такъ незначителенъ передъ этими великими представителями Куша и Ирана, что мы не можемъ его признать за туземца Индустанскаго. Это красивый и поэтическій плодъ дѣтскаго человѣкообразія въ религіозныхъ понятіяхъ, принадлежащій явно и безспорно сѣверной странѣ и по всей вѣроятности Ванамъ или Вендамъ водопоклонникамъ. Быть, можетъ даже борьба Ванской Бактріи съ Медо-Азами, Иранцами, еще оставила слѣды въ разсказѣ о побѣдахъ Вишну надъ Асурами *Мадху* (Мады или Меды) и великимъ *Гиранья-касы-пу* и *Гиранья-кша* (Гиранъ или Иранъ и царь Ирана). Наконецъ, самъ Вишну въ качествѣ *Притху*, перваго божественнаго пахаря, называется сыномъ *Вена* и представляетъ опять созвучіе напо-

---

*) Ср. Сравненіе Русск. словъ подъ словомъ *коваль*. *Изд.*

минающее о жителяхъ *Бактріи.* Нѣтъ сомнѣнія, что времена до-историческія, когда просторъ земной еще не казался слишкомъ тѣснымъ для племенъ людскихъ и не пробудилось въ нихъ чувство взаимной ненависти, общенія народовъ между собою переносили мысль религіозную или басни философскія черезъ неизмѣримыя пространства съ края въ край міра. Мы не удивились бы нимало, если бы доказано было, теперь только вѣроятное, тождество таинственнаго сокровища, вѣчно искомаго Финнами и вѣчно скрывающагося отъ поисковъ, *Сампо* или *Самбо*, съ сокровищемъ духовной жизни Индустана *Сваям-бгу*, съ которымъ Брахманъ вѣчно старается соединиться. Догадки этимологическія, какъ и всѣ другія, отдѣльно ничего не значатъ: онѣ получаютъ смыслъ свой отъ сличенія всѣхъ данныхъ, какъ словесныхъ, такъ и фактическихъ. Мы видѣли, что высшія касты Индіи, слово Санскритское и святыня духовнаго брахманства, т. е. все лучшее и благороднѣйшее, принадлежитъ Ирану. Мѣстнаго, туземнаго, кромѣ смѣшенія племенъ и синкретизма религіознаго, нѣтъ ничего въ Индустанѣ. Вліяніе его на за-Индскія страны было ничтожно, а вліяніе за-Индскихъ народовъ на него весьма велико: это доказано частыми завоеваніями, о которыхъ поэзія сохранила ясное воспоминаніе. Вишну не принадлежитъ раннему Иранскому развитію Индустана: это видно изъ Ведъ, едва упоминающихъ имя его. И такъ позволительно искать его начала внѣ Индіи, и тогда всѣ вѣроятности соединятся въ пользу Славянъ. Ихъ долгое общеніе съ Индустаномъ или Индустанскою семьею, доказанное изъ сличенія языковъ, ихъ сосѣдство съ Индустаномъ, доказанное именемъ Авганистана (отъ Аза или Альфъ-Ванъ) и именемъ горъ Виндгія (отъ *Вендъ*), имя *Вишну* и его разумная этимологія, его водный характеръ, приличный богу мореплавателей Вендовъ, соединеніе съ нимъ небесной голубицы (Лакшми), напоминающей и Діану Вендо-Эллинскую, и Фриггу Скандинавскую, и Венеру Вендо-Италійскую, и Семирамиду Бактро-Ассирійскую, въ честь которой до сихъ поръ празднуется въ день Преображенія Господня голубиный праздникъ на берегахъ озера *Ванскаго* (Вендскаго),—все доказываетъ Вендское происхожденіе младшаго божества въ Тримурти. Замѣтимъ, что одно обстоятельство можетъ быть приведено противъ славянства богини Фригги-Венеры;

это отсутствіе имени богинь въ Несторовомъ разсказѣ объ идолахъ. Во-первыхъ, разсказъ Нестора о томъ, что было въ XI вѣкѣ послѣ Р. Х. не доказываетъ ничего противъ фактовъ, бывшихъ гораздо прежде Р. Х.; во-вторыхъ, его свидѣтельство (безспорно, важное вообще) ничтожно, когда оно опровергается другими свидѣтельствами, взятыми изъ быта и языка Славянскаго и изъ быта и языковъ всѣхъ другихъ народовъ; въ-третьихъ, пѣсни сохранили имена богинь, и слѣдовательно никакое свидѣтельство не можетъ заставить сомнѣваться въ ихъ существованіи; въ-четвертыхъ, отсутствіе храмовъ и надписей въ честь Славянскихъ богинь, тамъ, гдѣ было много храмовъ, какъ въ Балтійскомъ поморьѣ, и много надписей, какъ въ Иллиріи (въ честь Берона, Бѣлина, Харта, Ладовія и др.), можетъ привести къ тому заключенію, что поклоненіе общественное принадлежало богамъ, а домовое богинямъ, и слѣдовательно объяснить молчаніе Нестора; наконецъ, самое молчаніе Нестора не доказано. Онъ упоминаетъ о Стри-богѣ, а по всѣмъ законамъ здравой этимологіи Стрибогъ есть богиня—Стри въ Санскр. *стри* — женщина и дается какъ особенное произвище Лакшми; *стри* — жена въ древне-Персидскомъ, *стрый* по-Славянски дядя съ женской стороны; *стри* сохранилось въ выводномъ словѣ *своястри*, *сестра*, *Schwester*, и слѣд. кажется, имя Стри-богъ есть не что иное, какъ древняя форма Жена-богъ... Впрочемъ это обстоятельство маловажно въ сравненіи съ другими.

Замѣчательно, что мы нашли въ Славянскихъ нарѣчіяхъ корень и смыслъ многихъ божественныхъ именъ или, лучше сказать, прозвищъ Великаго Бога Творца, Бога Вышняго. Мы весьма далеки отъ нелѣпой мысли, чтобы когда-нибудь Славяне были представителями высшаго человѣческаго просвѣщенія. У нихъ была письменность, которой древность вѣроятно равняется самымъ древнимъ (это доказано Ликійскими надписями), но эта письменность едва ли была въ сильномъ употребленіи. У нихъ была образованность, но не развитая отъ напора иноплеменнаго и внутренней безслѣдности (?) племени. У нихъ былъ тихій семейный бытъ, и бытъ мелкихъ общинъ; но все это принадлежитъ только младенчеству народовъ. Внутреннимъ ли складомъ ихъ души или силою внѣшнихъ обстоятельствъ имъ не суждено было до сихъ поръ развить въ себѣ сѣмена высокой науки или чуднаго искусства; но, получивъ въ Иранѣ достояніе древняго просвѣщенія, они въ своей кроткой и труженической жизни пахарей, купцовъ и горожанъ хранили старое наслѣдство предковъ неизмѣннѣе другихъ одичавшихъ племенъ. Тоже самое наслѣдство еще богаче и тверже сохранилось на берегахъ Ганга; но въ тоже время много новаго и произвольнаго примѣшивалось къ старинѣ отъ Брахманскаго мудрствованія, отъ народнаго стремленія къ отвлеченностямъ. Самые списки глагольныхъ корней, составленныхъ древнею филологіею Индіи, очень подозрительны. Желаніе найти корень слова или выдать его за найденный; вносило въ словари формы, едва ли когда-нибудь существовавшія или разнствовавшія только въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: таковы напр. три различныя формы глагола идти, *таг*, *таук* и *танч*; всѣ три соединялись вѣроятно въ одной коренной формѣ, отъ которой онѣ развились по разнымъ нарѣчіямъ, соотвѣтствуя Славянскому *течь*, *теку* (иду) или *тягу*, отъ чего осталось шутливое выраженіе *тягу дать* (убѣжать) *). Своевольно придуманные корни, выведенные невѣрною догадкою изъ словъ, исказившихся въ народномъ нарѣчіи, обращались позднѣйшими писателями въ слова истинныя и законныя, какъ и слѣдовало въ языкѣ полумертвомъ, т. е. живущемъ только для ученыхъ и духовныхъ, какъ нашъ Церковно-славянскій языкъ въ княжествѣ Московскомъ и на Руси вообще. Нужна крѣпкая вѣра въ непогрѣшимость ученыхъ Брахмановъ, чтобы принять слово *пат* (падать) за корень *патанга* или *патага* (наше *птахъ*) и *пататра* (крыло). Замѣчательно, что *пататра*, крыло, орудіе полета, значило бы орудіе паденія: такіе переходы бываютъ, какъ мы видѣли изъ слова *небо*, перешедшаго въ *нивельгеймъ* (адъ); даже Русскіе шутя говорятъ: *полетѣлъ* вмѣсто *упалъ*; но за всѣмъ тѣмъ такаго рода этимологія безъ доказательствъ явныхъ крѣпко похожа на ученую шутку. Доказательства же, взятыя изъ позднѣйшихъ писателей Индѣйскихъ,

---

*) Таковы же разныя формы словъ, относящихся къ пищѣ, *писита* (мясо), *пушта* (питомый) и пр., которыя всѣ выводятся изъ разныхъ корней, между тѣмъ какъ дѣйствительно одинъ и тотъ же корень измѣнялся по нарѣчіямъ и представлялъ явленіе, повторявшееся не только въ Индіи, но и во всей области Иранскаго слова. *Авт.*

почти ничтожны, по причинѣ уже изложенной нами. За общее правило можно принять положеніе, что коренное Санскритское слово или выдаваемое Индустанцами за коренное, только тогда поступаетъ въ область науки, когда оно подтверждается согласіемъ другихъ Иранскихъ нарѣчій или употребленіемъ въ твореніяхъ древнихъ и предшествовавшихъ школѣ грамматиковъ-этимологовъ. На это еще до сихъ поръ не довольно обращено было вниманія ученыхъ; но, подвергая крѣпкому сомнѣнію корнесловіе Индустанское, мы не должны пренебрегать трудами писателей древнихъ, слѣдовательно близкихъ къ чистымъ источникамъ, и изслѣдователей самобытныхъ, слѣдовательно полныхъ любви къ предмету своему и одаренныхъ всею громадною силою односторонняго направленія. Ихъ заслуга велика передъ человѣчествомъ. Но для провѣрки самаго Санскритскаго языка, также какъ для свода его съ нарѣчіями Европейскими, первое мѣсто занимаютъ нарѣчія Славянскія, никогда не развивавшіяся искуссственно, никогда не искажавшіяся въ безмысленной дикости. Онѣ также важны и въ отношеніи къ нарѣчіямъ Финскимъ и средне-Азійскимъ, какъ по вліянію своему на многія отрасли Финно-Турецкихъ языковъ, занявшихъ множество словъ отъ Русскаго сосѣдства, такъ и по общимъ корнямъ самобытной рѣчи, напримѣръ: *тудо* по-Черемисски *онъ*, въ которомъ роднятся Славянскій *тотъ*, Финскій и Кельтскій *теутъ* (человѣкъ), Германскій *тіудъ*, Океаническій *таата* (человѣкъ) и Египто-Финикійскій *тауѳъ* или *тоѳъ* (божество въ человѣчествѣ); или *ва* (вода), или *волга*, *бола* (святой, великій), въ которомъ отзывается нашъ *большой*, *болѣе* и т. д. Особенно же замѣчательно названіе лошади, *конь*, во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Это слово одно уже, какъ не принадлежащее обще-Иранской рѣчи, служитъ вѣрнымъ доказательствомъ стараго жилья Славянъ на границѣ средне-Азійскихъ народовъ. У Китайцевъ лошадь, какъ символъ святой и символъ земли, называется *кю-янъ*; теперь еще дикая лошадь около Памирскихъ высотъ (древнихъ границъ Бактріи) носитъ имя *коханъ*. Эти сходства могутъ быть коренныя или заемныя. Извѣстно, что Китайцы покупали лошадей издревле у *Та-ванъ* (Великихъ Вановъ) и даже вели съ ними войну за отказъ въ продажѣ лучшей породы *эльхи* (э произносится какъ Французское *еи*, вѣроятно: *великій*).

Поэтому можно предположить, что и самое слово *кю-янъ* занято или отъ Вано-Бактрійцевъ, также какъ *потао* (виноградъ, оттуда же полученный) составился изъ слова *питье.* Но во всякомъ случаѣ, будь сходство коренное или заемное, оно неоспоримо доказываетъ старобытность Вендскихъ жилищъ на берегахъ Арала и около скатовъ Памира. Замѣтивъ мимоходомъ сходство Кит. *ōіаньи* и нашего *сіяніе*, Монг. *сун-я* пустота и нашихъ *суе* и *туне*, мы должны, обративъ вниманіе ученыхъ оріенталистовъ на этотъ предметъ, напомнить о томъ, что сходство корней Китайскихъ съ Иранскими уже провидится и безъ сомнѣнія подтвердится, и прибавить наконецъ, что наука еще не сдѣлала почти ни шагу по этому великому пути *). Знаніе писаннаго Китайскаго языка сдѣлало большіе успѣхи въ Европѣ; но что́ значитъ это частное, искусственное, почти условное нарѣчіе, въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ живыхъ и говоренныхъ нарѣчій въ Китаѣ? Мы сказали, что, въ сравнительной критикѣ Иранскихъ языковъ, Славянскій занимаетъ первое мѣсто послѣ Санскритскаго и что эти два языка можно считать совершенно тождественными: они представляютъ двѣ отрасли одной общей вѣтви и разнятся какъ мѣстныя нарѣчія однаго языка, почти свободные отъ чуждой примѣси, хотя безъ сомнѣнія найдется въ Санскритскомъ нѣсколько стихій Семитическихъ и Кушитскихъ, а въ Славянскомъ наплывъ Финно-Турецкаго начала. Раздѣленіе Санскритскаго и Славянскаго относится къ возрасту полной умственной возмужалости, полнаго образованія словеснаго. Послѣ раздѣленія обѣ семьи стали упадать, одна къ непросвѣщенной дикости, слѣдствію разрозненнаго житья въ безконечномъ просторѣ безъ связи государственной, другая къ искаженному просвѣщенію односторонняго умствованія, миривщаго высокую духовность иранства съ грубою вещественностью кушитства. Индустанъ, даже въ паденіи своемъ, совершилъ великое поприще. Міръ Славянскій погибъ, сокрушенный дикарями лѣсовъ Германскихъ и Кельтскихъ и образованною силою Эллады и Рима. Имя ихъ обратилось въ имя раба (Servus, Sclavus), слѣды ихъ старыхъ общинъ исчезли почти вездѣ; но развращенныя и угнетенныя, онѣ передавали своимъ побѣдителямъ зародыши образованности, обращая лѣснаго дикаря Германца въ Бургундца (горожанина), смягчая нравы Маркоманна

---

*) Въ настоящее время многими учеными допускается мысль о томъ, что языки неимѣющіе флексій суть только языки не доразвившіеся, но восходящіе къ общему съ другими началу. *Изд.*

(обстоятельство весьма замѣтное въ послѣднее время свободы Маркоманской), полагая основаніе Ганзѣ при-Балтійской и торговлѣ Венеціи (Вендскій городъ) и Генуи (древняго Антіума, Антскій городъ)*) и смягчая на Югѣ нравы свирѣпыхъ Галловъ, измѣненіе замѣченное первыми христіанскими писателями, которые говорили: „*Non ex Aquitania, sed ex ferocioribus Gallis*". Впрочемъ, нечего стыдиться старыхъ пораженій, отъ которыхъ разрушились старыя, мелкія общины Славянъ: пораженія были неизбѣжны для племени болѣе склоннаго къ семейному, чѣмъ къ государственному быту, а покореніе Панноніи и Винделикіи дорого стоило Риму. Нечего гордиться старымъ просвѣщеніемъ. Что́ пользы, что старики были умны, если дѣти отстали отъ другихъ народовъ?

Послѣ Славянъ едва ли не первое мѣсто занимаютъ Германцы. Въ нихъ менѣе видно слѣдовъ древняго просвѣщенія: мысль, при раздѣленіи племенъ Восточно-Иранскаго и Германскаго, еще не достигла высокаго развитія; слово не устоялось и не окрѣпло. Очевидно, разрывъ первыхъ семей Германскихъ съ предками Брахманскихъ поселенцевъ Индіи былъ гораздо древнѣе, чѣмъ разрывъ Вановъ и Индѣйцевъ. Общеніе продолжалось между мирными хлѣбопашцами Бактріи и Западными выходцами, тогда когда Германцы уже были увлечены въ бурную жизнь Западнаго Ирана и въ его воинственную дѣятельность. Оттого родство съ Зендскимъ нарѣчіемъ, съ Индіею и Персіею преобладаетъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ. Ненужно доказывать факта, уже давно признаннаго. Между тѣмъ какъ Славянское слово, чѣмъ древнѣе, тѣмъ понятнѣе для нашихъ современниковъ, Германское тѣмъ менѣе понятно, чѣмъ оно древнѣе. Это самое доказываетъ разорванность семей, малое общеніе между ними и дикую жизнь въ лѣсахъ, которая болѣе искажаетъ слово въ столѣтіе, чѣмъ жизнь образованная въ тысячу лѣтъ. Большее сходство Готѳскаго нарѣчія съ Славянскимъ, его сравнительная мягкость подтверждаетъ только вліяніе Вановъ на Сѣверъ, вліяніе доказанное и безъ того. Еще больше сходства представляютъ нарѣчія Швеціи и Даніи. Причина тому весьма понятна, точно также какъ замѣтна примѣсь Славянскихъ формъ у Англо-Саксовъ, принявшихъ часть Славянской миѳологіи конечно не безъ займовъ словесныхъ. Сто́итъ только вспомнить объ Англо-Саксонскомъ застоль-

---

*) Отождествленіе Генуи съ Анціумомъ, какъ выше было указано, сомнительно. *Изд.*

номъ привѣтствіи, изъ котораго составилось слово *wassail* и въ которомъ находится чисто-Славянское *вашъ*. Иначе и быть не могло у поклонниковъ *Сивы* и *Чернобога*. Религія не могла измѣняться безъ какого-нибудь измѣненія въ языкѣ. Впрочемъ, система, ищущая чистаго Германства на Сѣверѣ, а не въ Германіи, уже перестаетъ быть въ ходу у книжныхъ тружениковъ, хотя они еще не признали Аза-Ванской колонизаціи въ Скандинавіи. Когда всмотрятся въ истину, объ этой системѣ перестанутъ говорить. Мы уже видѣли раздѣленіе Славянской семьи на Сѣверную, живущую въ болотахъ, и Южную, живущую въ горахъ. Рейнское устье представляетъ послѣдніе слѣды Славянства на берегахъ Сѣвернаго моря. Предположеніе о томъ, что Морины (отъ *моря*, теперь Зеландъ) и Менапіи дѣйствительно принадлежали къ Вендскому поколѣнію и были братьями жителей при-Луарскихъ, предположеніе, основанное на сходствѣ именъ, торговомъ бытѣ, мореходствѣ и градостроительствѣ, обращается въ безспорную истину при подробнѣйшемъ изслѣдованіи предмета. Нѣтъ слѣдовъ, ни помина, чтобы Славяне проникли въ Голландію во время великаго переселенія народовъ Европейскихъ послѣ Р. Х.; между тѣмъ, кто же не узнаетъ ихъ въ названіи Вильцевъ, жившихъ и воевавшихъ подлѣ теперешняго Утрехта и оставившихъ имя свое въ названіи, обще-принятомъ въ средніе вѣка, города *Вильценбургъ* *). Филологическое изслѣдованіе подтверждаетъ выводъ, сдѣланный нами изъ показаній лѣтописцевъ и сличенія народныхъ побытовъ. Нарѣчіе при-Утрехтской области представляетъ еще теперь значительную примѣсь Славянства, незамѣтную въ чисто-Германскихъ земляхъ. Этотъ фактъ не подверженъ сомнѣнію. Подробное изслѣдованіе нарѣчія Фризскаго, можетъ быть, приведетъ къ такому же выводу. Имя Фризовъ, названіе Фришъ-Гафъ (вѣроятно Фризишъ-Гафъ) въ поморіи Вендскомъ, даже сходство наванія Фризовъ и Мало-Азійскихъ Фриговъ, все подвергаетъ сомнѣнію ихъ коренное Германство. Мѣсто ихъ жительства, обычаи и многія другія обстоятельства, кажется, указываютъ на признаки Славянскіе. Преданіе о Троянскомъ происхожденіи не заслуживаетъ вниманія, ибо относится къ позднѣйшему времени и похоже на общую трояноманію Запада. Какъ бы то ни было, но Утрехтскіе Вильцы имѣютъ всѣ примѣты туземцевъ-старожиловъ и явно представляютъ намъ только другое имя семьи, въ которой содержались прежніе Морины и Менапіи. Самое же слово *Вильцы*, весьма часто встрѣчаемое нами у лѣтописцевъ Германскихъ для обозначенія Славянъ, очень замѣчательно. Оно есть не что̀ иное, какъ прозвище Вендовъ (*Венды вильцы*)—*великіе*. Употребленіе же его отдѣльно отъ самаго имени племени показываетъ, какъ тѣсно было связано имя съ прилагательнымъ. Это обстоятельство служитъ достаточнымъ отвѣтомъ для тѣхъ, у которыхъ была бы охота сомнѣваться въ тождествѣ словъ *Винделики* и *Венды великіе* или Ликіевъ съ Вендами. Очевидно, *Ликія* (Великія) была также употреблена Эллинами, какъ *Вильцы* (*Велицы*, *Вельшіе*, великіе) Германцами на мѣсто Вендовъ. Мы опять должны напомнить о томъ, что Саксонъ, говоря о великанѣ, побѣжденномъ Старкагеромъ, называетъ его Вильцемъ и прибавляетъ, что другіе называли его Васце, велькій и *вящшій* *). Къ этимъ же формамъ относится и *Велетабы* (величавые). Языкознаніе подтверждаетъ всѣ прежніе наши выводы и показываетъ намъ Славянъ на Сѣверѣ и Югѣ Германіи, слѣд. разрѣзанными нашествіемъ сравнительно новаго, Германскаго племени. Гнѣздо новопришельцевъ должно было быть не на Сѣверѣ, а на Востокѣ или Юго-востокѣ. Вторженіе ихъ въ Скандинавію, населенную мелкорослыми Финнами, явно, но относится къ неопредѣленному времени. Быть можетъ, и это довольно вѣроятно, оно было послѣдствіемъ Кумрійскаго нашествія, т.-е. нагнета восточныхъ Скиѳовъ на Приволжскихъ Кумріевъ. Путь, по которому Германцы удалились въ Швецію и Норвегію, опредѣляется довольно легко по всѣмъ вѣроятностямъ историческимъ, по сличенію народныхъ именъ и по отсутствію всѣхъ слѣдовъ Германства на Востокѣ отъ Балтики. Движеніе очевидно шло изъ Германіи черезъ острова и полуострова, отдѣляющіе Балтику отъ Сѣвернаго моря. Впрочемъ, такъ какъ выходцамъ назначено было подпасть подъ власть сильныхъ Азовъ и мудрыхъ Вановъ и смѣшаться съ ними или снова бѣжать подъ

---

*) Oppidum Wiltorum, linguâ autem Gallica traiectum. Beda H. E. V. 12.

---

*) Въ текстѣ нѣсколько иначе: Starcatherus... athletam quem nostri Wasce Teutones vero... Wilzce nominant, duelli certamine superavit. Hist. Dan, кн. VI-я, стр. 281, изд. Миллера. *Изд.*

именами Готовъ, Саксовъ и Лонгобардовъ въ свою южную родину, то Скандинавія представляетъ въ отношеніи филологическомъ гораздо менѣе важности, чѣмъ средняя полоса Германіи.—Мы сказали, что языкъ Нѣмецкій, принадлежа къ Иранскому корню, не содержитъ признаковъ полнаго умственнаго развитія, явнаго въ Санскритскомъ и Славянскомъ; онъ уклонился отъ своихъ восточныхъ братьевъ и отъ общенія мысли прежде ихъ совершенной возмужалости. Очевидно Германцы принадлежатъ не къ восточному, а къ западному отдѣлу Ирана. Близкіе къ народамъ, говорившимъ языкомъ Зендскимъ, они не имѣютъ въ своихъ нарѣчіяхъ Зендской многогласности и входятъ въ систему нарѣчій Парсскихъ или западно-Мидійскихъ, болѣе чѣмъ семья Зендская, составившаяся на границѣ Бактріи. Колыбель Ирана, Араратъ и Демавендъ, была ранѣе искажена воинственнымъ столкновеніемъ семей, чѣмъ колонія ея на пригорьѣ Гималайскомъ; вѣка дикости наступили для нея ранѣе, хотя выселенцы ея позже вступили въ Европу, чѣмъ выходцы Бактріи (Ваны или Венды Славянскіе). Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что Германское переселеніе относится также ко временамъ доисторическимъ. Труднѣе опредѣлить путь этой колонизаціи. Племя Германское не имѣетъ общаго имени, прославленнаго отъ береговъ Тихаго океана до Атлантики, какъ Славяне въ своемъ названіи Вендовъ и Антовъ или Вановъ вообще. Оно не было ни хлѣбопашественнымъ, ни торговымъ, слѣдовательно оставалось чуждымъ просвѣщенному міру, т.-е. пишущимъ и помнящимъ людямъ. Названіе Германцевъ проявляется поздно и при самомъ появленіи признается за нововведенное имя. Сходство звуковъ между *Германъ* и *Караманъ* или *Карманъ* ничего не значитъ для добросовѣстныхъ историковъ. Отдѣльное имя не то, что́ группа именъ *Вана*, *Сака* и *Гета*. Между внутренностью Персіи и берегами Везера нѣтъ цѣлой цѣпи, связывающей Гималаю съ Альпами въ именахъ Карповъ, Валовъ (*вала* по Сербски слава, тоже, что́ *хвала*), Хаоновъ или Хуновъ, Булгаръ, Вудиновъ и т. д. По всѣмъ примѣтамъ переселеніе Германцевъ не было наплывомъ плодоноснаго ила, осѣдающаго на всемъ пути своемъ, но налетомъ скалы, которая отрывается цѣликомъ отъ родной горы, цѣликомъ ложится въ долинѣ и ждетъ, чтобы вѣка разложили ея дикую крѣпость и обратили въ новую и богатую почву. Всѣ примѣты быта народнаго и народныхъ именъ согласны въ томъ, что колыбель Германской семьи не находилась на Востокъ отъ Каспія и Арала. Дѣйствительно, вся эта полоса занята Азо-Аланскими и Вано-Славянскими племенами. Языкознаніе подтверждаетъ показанія, выведенныя изъ другихъ признаковъ. И такъ путь Германцевъ при ихъ переселеніи въ Европу долженъ быть на Западъ отъ моря Каспійскаго (иначе *Хвалисскаго*—отъ Валовъ или Хваловъ, или *Хаонскаго* отъ Хаоновъ, Хунновъ, по Китайцамъ Уна-о). Движеніе могло направиться или черезъ хребетъ Кавказа или черезъ Малую Азію. Первые лучи исторіи показываютъ намъ междурѣчіе Волги и Дона и Сѣверъ Кавказа во власти Киммеріевъ (Кимвровъ), Скиѳовъ или племени Гетскаго. Скиѳовъ, по примѣтамъ жизни, по описанію ихъ наружности, по слѣдамъ языка, сохранившимся въ словахъ Тамеръинда, Таргитаосъ (тенгри-таушъ) и по всѣмъ вѣроятностямъ общаго движенія народовъ, мы признали за Финно-Турецкую семью. Киммеріи, вытѣсненные Скиѳами изъ при-Волжской степи (отъ чего произошло ихъ первое переселеніе на берега Балтики и Сѣвернаго моря), а потомъ окончательно выгнанные изъ южной Россіи силою Сарматовъ и Славянскихъ народовъ (отъ чего набѣжала Кимврская туча на Римскія области), Киммеріи или Кимвры принадлежатъ явно къ Кельтскимъ или Кельто-Кумрійскимъ отраслямъ. Это дѣло неоспоримое и только кое-какъ запутанное Нѣмецкими систематиками, Нѣмецкою кропотливостью и Нѣмецкою жаждою славы заднимъ числомъ. Тождество Кимвровъ и Іотуновъ не подлежитъ никакому сомнѣнію для человѣка, безпристрастно вникающаго въ отношенія Азовъ и Іотуновъ, въ ясное перенесеніе Кавказской стѣны въ миѳологію Сѣвера и въ единство Кимрическаго полуострова съ Ютландіею. Прибавимъ еще то обстоятельство, что южная Россія въ именахъ урочищъ и рѣкъ не представляетъ ни малѣйшей примѣты Германства (кромѣ Готскихъ осадковъ въ Крыму), что Кавказское населеніе также чуждо Германской стихіи и что вся полоса между Каспіемъ и Дунаемъ всегда была наполнена сплошнымъ населеніемъ Славянскимъ, Финно-Турецкимъ и Кимрійскимъ,—и мы прійдемъ къ простому заключенію, что путь Германскій былъ направленъ черезъ Малую Азію, а не Кавказъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и по Мало-Азійскому пути нельзя указать на ясные слѣды доисторическаго хода Германскаго. Можетъ быть, изученіе нарѣчій Лазскихъ и другихъ горныхъ семей подтвердитъ выводъ, основанный на вѣроятностяхъ; но до сихъ поръ изслѣдователи языковъ не собрали еще никакихъ замѣчательныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы сколько-нибудь утвердить положительное мнѣніе о родствѣ Германцевъ и горцевъ Таврской цѣпи. Въ хаосѣ сѣверной Эллады нельзя разобрать никакихъ отдѣльныхъ семей. Надменное самолюбіе Эллиновъ, чуждое высокой мысли человѣческаго братства, не занималось языкомъ сосѣдей-варваровъ, а обще-Иранское начало всѣхъ племенъ средней Европы не позволяетъ рѣшительнаго приговора, основаннаго на отдѣльныхъ именахъ и названіяхъ. Можно замѣтить въ нѣкоторыхъ семьяхъ при-Балканскихъ и при-Гемскихъ, о которыхъ упоминаютъ историки, характеры несходные съ Славянскимъ и указывающіе на острова не-Славянскіе въ Славянскомъ морѣ; но война, угнетеніе, смѣсь съ другими стихіями могли измѣнить бытъ народа, стѣсненнаго въ горахъ и одичавшаго отъ бѣдствій. Такое указаніе было бы недостаточно. Бо́льшую важность находимъ мы въ имени Тусковъ, составляющихъ въ Этруріи третью стихію народонаселенія. Остальныя двѣ, Тиррены и Разены, очевидно чужды Германству. *Тиррены,* мореходцы и, кажется, просвѣтители въ смыслѣ художества, связаны съ системою Кушитскаго развитія, котораго смѣшно бы искать въ Германцѣ; *Разены*, союзники Ретійцевъ и Виделиковъ, давшихъ убѣжище ихъ бѣгущимъ остаткамъ, ясно принадлежатъ къ міру Славянскому по всѣмъ вѣроятностямъ историческимъ и по сходству въ именахъ урочищъ и городовъ съ Славянскою и Иллирійскою областью. *Туски*, чуждые Разенамъ и Тирренамъ, дикіе и завоевательные, пришли съ Германскаго перепутья, ворвались въ край уже нѣсколько образованный, овладѣли имъ, дали ему свое имя (теперяшняя Тоскана), и потомъ, мало-по-малу, побѣжденные и вытѣсненные, сосредоточились въ небольшомъ уголкѣ приморскихъ болотъ, гдѣ они дождались Римскихъ побѣдъ и Римской смѣси, въ которой утратилась ихъ самобытность. Къ тому же времени, къ тому же движенію, кажется, должно отнести и Вольковъ (Volcae), разсѣянныхъ по Италіи и Южной Галліи*). Но все это только догадки, которыя тѣмъ сомнительнѣе, что самое имя *Вольки*, напоминающее Нѣмецкое *Volk* (народъ), можетъ также быть измѣненіемъ слова *Бельгъ, Беольгъ* или *Болгъ*, принадлежащаго многочисленному отдѣлу Кельтовъ. Гораздо важнѣе сродство языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Эллинскомъ нарѣчіи находится болѣе сходства съ Санскритскимъ и его Славянскимъ братомъ, чѣмъ съ Германскимъ; но это сходство не должно отъ насъ скрывать важную истину. Всѣ нарѣчія Иранскія происходятъ очевидно отъ одного языка кореннаго, сохранившагося съ особенною чистотою въ устахъ при-Гангесскихъ Брахмановъ и при-Донскихъ Славянъ. Это сходство общее, черта семейная, свидѣтельствующая о кровномъ братствѣ и старомъ союзѣ. Въ немъ еще не должно искать личнаго развитія отдѣльныхъ племенъ. Германскій же языкъ въ измѣненіяхъ, составляющихъ его личный характеръ, принадлежитъ не восточному и сѣверо-восточному Ирану, но западному и юго-западному. Полногласіе первоначальнаго слова сжалось и исказилось. Сухіе, грубые, глухіе звуки вытѣснили пѣвучую рѣчь первобытнаго Иранца. Германское нарѣчіе въ своемъ древнемъ составѣ (т.-е. послѣ отдѣленія отъ общаго братства) носитъ на себѣ всѣ признаки Мидо-Персидскаго начала. Эта истина, признанная всѣмъ ученымъ міромъ, указываетъ на страну, изъ которой Германская семья двинулась въ Европу, и удаляетъ вѣроятность переселенія по сѣвернымъ берегамъ морей Каспійскаго и Чернаго. Новѣйшія изслѣдованія показали на особенное сродство языка Нѣмецкаго и нарѣчій при-Араратскихъ, сохранившихся свободными отъ примѣси Турецкой или не вполнѣ измѣнившихся отъ вліянія могучихъ и просвѣщенныхъ Семитовъ; но сродство Нѣмецкаго и Эллинскаго не обратило еще на себя должнаго вниманія. Очень понятно, что важная и сладостная мелодія Іонійцевъ и Дорійцевъ скрывала отъ наблюдателя развитіе, весьма похожее на удушливые и взлаивающіе тоны Шваба и Вестфальца; трудно вообразить, что одинакія стихіи и одинаковое словесное направленіе выразилось въ Гомеровскомъ; βῆ δ' ακέων παρὰ θίνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης, и въ Гётевскомъ: vor den erstaunten Augen auf; а на дѣлѣ оно такъ. Если мы устранимъ общее коренное сродство всѣхъ Иранскихъ нарѣчій и обратимъ вниманіе на тѣ черты, которыми Эллинское отдѣляется отъ Санскритско-Славянскаго первобыта (т.-е. формы ближайшей къ первобыту общему); мы замѣтимъ три весьма важныя измѣненія. Первое есть переходъ звуковъ *с* или *з* или *ш* въ придыханіе какъ при началѣ, такъ и въ серединѣ словъ. Примѣровъ такому переходу искать не нужно. Стоитъ только вспомнить слова, обозначающія по-эллински числительное *шесть*, *семь* и сравнить ихъ съ другими родственными нарѣчіями. Второе: введеніе звука *ф*, почти чуждаго Санскритскому и совершенно чуждаго чисто-Славянскому. Наконецъ третье, самое разительное: развитіе члена, совершенно неизвѣстнаго коренному нарѣчію, изъ коренного мѣстоименія *тотъ*. Этому служатъ доказательствомъ всѣ косвенные падежи всѣхъ родовъ и именительный средняго. Точно таково же развитіе личности въ языкѣ Германскомъ, тоже нововведеніе члена, тоже нашествіе звука *ф* (который впрочемъ еще важнѣе въ нарѣчіяхъ Италійскихъ) и тоже преобладаніе придыханія и придыхательныхъ согласныхъ *г* и *х*, замѣнившихъ почти вездѣ звукъ *с*, *з* и *ш*. На эту послѣднюю и характеристическую черту не нужно приводить примѣровъ: ихъ слишкомъ много. Таковы halm (солома), heil (сила), hase (заяцъ, по санскр. *саса*), gold (золото, отъ желто) и другія; но нельзя не обратить вниманія на два случая, весьма любопытные. Первый есть переходъ слова *Земля* въ миѳологическое *giml* *), земля по преимуществу, земля блаженныхъ, *рай*, изъ котораго естественно составилось *Himmel* (небо). Такимъ образомъ *земля* сдѣлалась небомъ (*Himmel*), и Небо сдѣлалось адомъ (Нифель-геймъ). Для критика изученіе мысли человѣческой въ ея переходахъ также важно, какъ и изученіе слова въ его звуковомъ измѣненіи. Слово Нифель-геймъ представляетъ въ своей второй половинѣ тотъ же законъ *з* измѣнившагося въ *г* (*земъ*, *heim*). Второй случай очень важенъ какъ въ словарномъ, такъ и въ грамматическомъ значеніи. Слогъ ge не имѣетъ никакого смысла въ своемъ отдѣльномъ существованіи; между тѣмъ онъ является въ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ съ двумя весьма опредѣленными значеніями, какъ собирательный въ *gefährte*, *ge-*

---

*) Не надо смѣшивать съ Вольсками. Въ Кампаніи гор. Volci, народъ же Volcentes, Volcentani. *Изд.*

---

*) Слово это встрѣчается въ Эддѣ только въ приведенной формѣ, т.-е. въ дат. падежѣ; именительный же падежъ, по мнѣнію Гримма (Myth., стр. 683) долженъ быть gimill. *Изд.*

brüder, geschwister и пр., и какъ знакъ прошедшаго въ глаголахъ или въ выводныхъ существительныхъ *gedacht, gedanke.* Филологъ, знакомый съ Славянскимъ языкомъ, не можетъ не узнать предлога *со* (Санскр. *са* въ составныхъ словахъ) и его двойнаго значенія, означающаго или собраніе, или прошедшее, или скоро преходящее: *соборъ, совѣтъ, съѣстъ, сдѣлано.* Трудно понять, по какому закону мысли одинъ и тотъ же звукъ представилъ древнимъ два понятія, несходныя между собою. Замѣчено ли было, что всякое дѣйствіе совокупныхъ силъ должно быть быстро? Такое толкованіе кажется на первый взглядъ слишкомъ искусственнымъ; но Латинскія *semel, simul* указываютъ на тотъ же корень *со* въ тѣхъ же смыслахъ быстроты и собранія, Латинскій же *cum* (тотъ же *со*, какъ *calamus—солома*) представляетъ опять совокупность и дѣйствіе быстро совершаемое: *consilium, comburere, comedere, conclamare* (совѣтъ, сжечь, съѣсть, крикнуть). Съ другой стороны, на Русскомъ языкѣ слово *вдругъ* есть разительнѣйшее соединеніе мысли о совокупности и быстротѣ. Поэтому мы можемъ принять толкованіе наше за весьма вѣроятное и должны вспомнить, что инстинкты молодаго человѣчества были часто умнѣе умствующаго потомства. Какъ бы то ни было, нелѣпо бы было отрицать тождество Нѣм. *ge* и Санскрито-Слав. *со* и не признать общаго закона въ этомъ частномъ примѣрѣ. Переходъ звуковъ шипящихъ въ придыханіе уже замѣтенъ въ самомъ Санскритскомъ языкѣ въ *гима* (зима), *гимават* (зимовать), *агам* (вмѣсто *азам,* мн. *асмас*) и другихъ случаяхъ; но это еще только начало, малая примѣсь чуждаго вліянія или новоразвившихся личностей семейныхъ. Всякій ученый знаетъ, что *г* или придыханіе безпрестанно вытѣсняетъ *з* и *с* Санскритскія въ языкѣ Зендскомъ и въ его древнѣйшихъ памятникахъ, писанныхъ клинообразною грамотою и сохраненныхъ безъ измѣненія твердостью Персепольскихъ гранитовъ. Память о движеніи дикихъ звѣролововъ Германіи отъ Мазендеранскихъ горъ до лѣсовъ Германіи утратилась. Но въ новомъ ихъ жилищѣ они, какъ мы видѣли, застали уже мирныхъ туземцевъ (т.-е. первопришельцевъ) Вендовъ-Славянъ и откинули ихъ на Сѣверъ въ болота при-Балтійскія и Нидерландскія (Венды, Морины, Вильцы) и на Югъ въ пригорья Альпійскія (Чехи, Паннонцы, Винделики); путь же Германцевъ черезъ Малую Азію и Элладу опредѣляется, какъ мы видѣли, сродствомъ языковъ и измѣненіемъ первобытныхъ формъ, изобличающимъ вліяніе нарѣчій Семитическихъ. Вѣроятность этаго пути подтверждается какимъ-то духовнымъ сродствомъ древнихъ Пелазговъ съ Германцами и склонностью ихъ къ чисто-безформенному богопоклоненію: ибо и Пелазги, по Геродоту, имѣли своихъ боговъ, но ни именъ, ни образовъ Божескихъ не знали. Тоже самое подтверждается и древними окончаніями словъ на *р*, ибо общее Эллинское окончаніе на *с* принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей; тоже самое еще болѣе подтверждается лицевымъ очеркомъ Германца и его длинною физіономіею, напоминающею народы, живущіе на Югѣ отъ Кавказа. Мы видѣли, что семья Германская принадлежитъ къ Зендо-Персидскому отдѣлу Иранскаго племени; изученіе же языка показываетъ, что дробленіе произошло послѣ образованія семейнаго быта: ибо названія всѣхъ степеней родства находятъ не только корень свой, но полное уже развитіе въ Славяно-Санскритскихъ первобытахъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что напрасно бы стали считать слово *отецъ* исключеніемъ изъ общаго правила. Древняя форма не утратилась, а сохранилась въ словахъ *батя*, *батюшка* (и въ искаженныхъ *тятя*, *тятенька*); форма же *отецъ* есть только выводная, равносильная *предку* и произошла отъ предлога *отъ*. Прочія степени сохранились вполнѣ и, какъ мы уже сказали, указываютъ на твердость и опредѣленность семейнаго быта до раздѣла. Нельзя того же сказать о другихъ словахъ, относящихся до высшихъ круговъ мысленной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстоименія (т. е. отвлеченности грамматическія) развились вполнѣ еще прежде разселенія Иранцевъ; это ясно изъ сличенія формъ Кельтическихъ, Эллинскихъ и Германскихъ съ Индо-Славянскими (напр. *sie* есть безспорный остатокъ мѣстоименія *сій*, *сія*); но отвлеченности философствующаго ума, за исключеніемъ немногихъ (какъ *wissen* или *witten*, *meinen*), не находятъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ выраженій похожихъ на выраженія, сохранившіяся съ бóльшей или меньшей полнотою въ двухъ коренныхъ языкахъ Иранскаго Востока. Порядокъ разселенія Германцевъ или, лучше сказать, отношенія ихъ къ Славянамъ, вытѣсненнымъ изо всей средней Германіи (какъ они въ позднѣйшее время были выжиты Мадьярами изо всей центральной Венгріи), свидѣтельствуютъ о первожительствѣ Славянъ между Рейномъ и Одеромъ и о завоевательномъ характерѣ Германскаго нашествія. Мы не можемъ не принять этихъ положеній безъ явнаго нарушенія всѣхъ законовъ здравой критики и должны признать семью Славянскую (Великихъ Вендовъ и другихъ) за древнѣйшихъ обитателей средней Европы. Въ тоже время рѣзкая разность между частными формами Германскими и общими первобытами, уцѣлѣвшими въ святынѣ Санскритскаго языка, и особенно недостатокъ сходства въ выраженіи мысленныхъ отвлеченностей, могли бы насъ привесть къ совершенно другому выводу. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ всю опасность односторонности и шаткость системъ, основанныхъ на отдѣльныхъ фактахъ. Разрѣшеніе загадки находится въ общемъ познаніи о личностяхъ Германской и Славянской. Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они разселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ разселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной, въ многочисленнѣйшей изъ отраслей Иранскихъ, продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колосса,—мысль Индустанская и бытъ Славянскій, братья, которые обличаютъ братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней. Не такова личность Германскаго племени и его ранняя судьба. Западный Иранъ скоро исказился отъ враждебнаго столкновенія съ Кушитомъ и Семитомъ, нравы одичали, народъ огрубѣлъ. Движеніе Германцевъ изъ Азіи въ Европу очевидно произошло послѣ разселенія Славянъ и вѣроятно даже послѣ переселенія Кельтовъ; но съ другой стороны разрывъ ихъ съ обще-человѣческою жизнію Восточнаго Ирана задолго предшествовалъ той эпохѣ, когда наплывъ средне-Азійскихъ дикарей оторвалъ Вендо-Славянъ отъ общенія съ Бактро-Иранскою родиною. Такимъ образомъ разрѣшается задача и поясняется видимое противорѣчіе между древнѣйшимъ разселеніемъ Славянъ и бо́льшимъ огрубѣніемъ Германскаго языка. Движеніе Германцевъ было переселеніемъ, движеніе Славянъ было колонизаціею. Изученіе нарѣчій вполнѣ подтверждаетъ данныя, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ, и само пополняется и приводится въ стройную систему общимъ познаніемъ народныхъ физіономій. Въ нарѣчіяхъ Германскихъ признано главною составною частію обще-Иранское начало въ его Зендо-Персидской формѣ. Оно получило свое дальнѣйшее развитіе отъ личнаго развитія самой Германской семьи; но къ нему примѣшались другія стихіи, заслуживающія вниманіе филологовъ. Безпрестанныя столкновенія съ Кельтами, нѣсколько разъ проникавшими въ Германію и порабощавшими ея дикихъ сыновъ (по Кесарю и другимъ), борьба долго неуспѣшная съ братьями Кельтовъ, бѣглецами при-Волжскими, Кимрами-Іотунами (Кумри и Беолги) и поглощеніе внутри Германіи многихъ Кельтскихъ и Кельто-Кумрійскихъ народовъ (напр. Боевъ) не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ въ нарѣчіяхъ Германіи. Съ другой стороны эти слѣды трудно подсмотрѣть по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, самыя Кельтскія нарѣчія подверглись такому сильному смѣшенію и приняли въ себя столько чуждыхъ стихій, что въ нихъ трудно отдѣлить свое отъ прививнаго. Во-вторыхъ, множество Кельтскихъ нарѣчій исчезло почти безъ слѣдовъ подъ всеуравнивающимъ вліяніемъ Романскаго просвѣщенія. Наконецъ, главная основа Кельтскихъ языковъ состоитъ изъ той же обще-Иранской стихіи, которая лежитъ въ основаніи Германскаго языка; а черты, принадлежащія личному развитію Кельтовъ, не имѣютъ почти никакой опредѣленности и не составляютъ стройнаго цѣлаго, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о ранней дикости народа, утратившаго богатство органическаго словорощенія (flexio). За всѣмъ тѣмъ внимательное сравненіе Кельто-Кумрійскаго языка съ другими, не принадлежащими семьѣ Иранской, показало въ немъ присутствіе многихъ началъ, чуждыхъ Ирану, напр. Семитическихъ или Финно-Турецкихъ. Въ нихъ-то и должно искать признаковъ вліянія языка Кельтскаго на Германскій. Ученые еще не обращали вниманія на этотъ предметъ, хотя онъ заслуживаетъ особеннаго изученія; но кажется, не трудно бы указать на многіе слѣды стихій Финскихъ въ Германскомъ языкѣ. Таково напр. слово *тіудъ* (въ смыслѣ человѣкъ), котораго корень не принадлежитъ Ирану, но отзывается у отдаленнѣйшихъ Финновъ на берегахъ Восточнаго и Сѣвернаго океана: у Кельто-Бретанцевъ (во Франціи). Можетъ быть, самое обще-Иранское нарѣчіе сохранило въ себѣ это существительное, переведя его въ мѣстоименіе (Санскр. *тат*, Слав. *тотъ*) или ограничивъ его смысломъ голова (Санскр. *чудâ*), такъ же какъ племена Кушитскія сохранили его въ миѳологическомъ *Тауѳ*, *Таатъ* (въ Египтѣ и въ Полинезіи); но во всякомъ случаѣ *теудъ* или *тіудъ* въ смыслѣ человѣкъ (изъ котораго вышло Русское названіе Финновъ, Чудь), кажется, не могли иначе явиться въ Германіи, какъ отъ примѣси Финскаго начала, которому вовсе не чужды Кельто-Кумрійскія (Іотунскія) племена. Мы уже знаемъ родство Финновъ и Кельтовъ изъ преданій, сохраненныхъ Эддою о Кавказской стѣнѣ[*]), раздѣлявшей Азовъ и Іотуновъ, т.-е. Мидянъ и Кимвровъ, и изъ названій Кимврскаго полуострова, даннаго въ древности Ютландіи. Ученой Германіи крѣпко хочется, на зло здравому разуму, присвоить себѣ славу Кимвровъ. Одно уже имя *Кумри*, которымъ до сихъ поръ называютъ себя многія Кельтскія семьи, достаточно опровергало мнѣнія Нѣмецкихъ антикваріевъ; но тождество Кимвровъ и Іотуновъ поставитъ ихъ еще въ необходимость признать своихъ предковъ Іотунами. Пойдутъ ли они и на этотъ подвигъ ради славы лѣтъ минувшихъ? Имъ, завоевателямъ полміра, великимъ подвижникамъ среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ, можно признаться безъ стыда, что нѣкогда предки ихъ смиренно преклоня-

---

*) Трудно сказать, какое мѣсто Эдды объяснялъ авторъ въ указанномъ имъ смыслѣ. Grimm (D. Myth, стр. 497) говоритъ только, что Азагеймъ отстоялъ далеко отъ Іотунгейма. *Изд.*

лись предъ сынами Іотунгейма (Кельто-Кумрійцами) и принять за истину истинное показаніе безхитростной древности. Точно также въ словѣ *Eichorn* (бѣлка), невозможно признать вторую часть его *horn* за Нѣмецкое названіе рога. Это было бы просто безсмыслицею. Французская форма écureuil, въ которой замѣтно коренное *u*, ведетъ насъ къ происхожденію самого слова. Въ немъ легко узнать Финское (Зырянское) названіе бѣлки *уръ* (*Eich-urh*). Такихъ примѣровъ можно найти довольно много и узнать вліяніе Средне-Азійской стихіи на Германцевъ. Но гораздо важнѣе и значительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Славянства. Побѣжденные, изгнанные, порабощенные Славяне были въ одно время тружениками и просвѣтителями дикой Германіи. Въ Чехіи подъ игомъ Маркоманновъ, въ Приморіи Вендскомъ подъ гнетомъ Бургундцевъ (которыхъ они пріучили жить въ городахъ), въ южной Германіи подъ властью Алемановъ и Франковъ, они были учителями своихъ побѣдителей. Фактъ ихъ старожительства и угнетенія не подверженъ сомнѣнію. Ученый Шлецеръ дивился, находя ихъ въ Баваріи и Франконіи, и спрашивалъ: откуда и когда они пришли? Для насъ, узнавшихъ Славянство Винделиковъ, дѣло ясно и просто. Точно также ясно даже *a priori*, что многое въ Нѣмецкихъ языкахъ должно было перейти къ нимъ отъ побѣжденныхъ. Еще сильнѣе должно было быть дѣйствіе Славянъ въ полуостровѣ Скандинавскомъ, гдѣ они (Ваны) явились завоевателями въ союзѣ съ воинственными Азами-Аланами, и гдѣ они долго властвовали, вѣроятно до битвы при Бравалѣ, освободившей Швецію отъ ига, наложеннаго на нее прищельцами съ береговъ Волги и Дона. Дѣйствительно, нарѣчія Готѳское и теперешнее Шведское представляютъ самые многочисленные признаки Славянскаго развитія. Таковы имена: Thor, Miölnir, слово sark (сорочка) и пр. Но въ нарѣчіяхъ самой Германіи, отъ Балтики до Альповъ, видно безконечное множество явныхъ слѣдовъ такаго же вліянія, хотя въ меньшей степени. Ученые ѳилологи уже замѣтили Славянское происхожденіе почти всѣхъ выраженій, касающихся до землепашества, домоводства и строительства. Такъ, напр., древнее названіе каменнаго строенія *kemnat* (снова перешедшаго къ намъ въ формѣ *комната*) вышло изъ Славянскаго *каменъ* (также какъ и *caminus*). Не меньшую, если не бо́льшую примѣсь Славянскихъ корней найдемъ мы въ словахъ, принадлежащихъ мореходству и кораблестроительству, начиная съ самого перваго *Schiff* (Славянской *шивъ, росшивъ* отъ корня *шить*). Наконецъ, множество словъ, имѣющихъ корень свой въ общемъ началѣ Иранскомъ, представляютъ намъ развитіе, не принадлежащее личности Германской, но совершенно сходное съ законнымъ словоращеніемъ Славянскимъ. Таково слово *Saame*, котораго корень *säen* не чуждъ Нѣмецкому языку, составившему изъ него *die Saat* (если это не искаженіе слова *жатва*): *Saame* не выходитъ законно изъ корня *säen*, и въ немъ замѣтно правильное составленіе Славянское посредствомъ причастія (*сѣемо, сѣмя*). Изъ словъ Нѣмецкихъ, имѣющихъ окончаніе на *men* или *me* или *m* многія принадлежатъ еще ранней эпохѣ обще-Иранскаго языка (какъ *Name*), большая часть наплыву Славянскому, и ни одно не принадлежитъ собственно Германскому характеру, который не имѣетъ причастной формы. Въ иныхъ явно не только развитіе, но и происхожденіе Славянское, какъ въ *Thurm* (отъ творить), *Oheim* (отъ *отчимъ*, отчимый, принимаемый въ отца) или въ *Riemen* (*ремень*, отъ *рѣзмень*, какъ *кремень* отъ *кресмень*, корень *кресить*, сравни *кресмень* и *кресило*).—Такъ въ языкѣ великаго Германскаго народа можно найти свидѣтельство объ исторіи его, выведенной изъ сравненія всѣхъ преданій; такъ въ современномъ живетъ старина. Но, отдѣливъ всѣ стихіи, чуждыя собственно Нѣмецкимъ нарѣчіямъ, мы все еще получаемъ безспорное доказательство ихъ Иранскаго и именно Западно-Иранскаго происхожденія, и въ тоже время видимъ по отсутствію словъ, принадлежащихъ высшимъ областямъ человѣческой мысли, что развѣтвленіе произошло прежде, чѣмъ успѣли возникнуть или утвердиться выраженія, въ которыя Индо-Славянскій міръ облекъ понятія отвлеченныя и которыя свидѣтельствуютъ о полномъ просвѣщеніи племени, нѣкогда процвѣтавшаго у предгорія Гималайскаго и на равнинахъ Сѣверо-Восточнаго Ирана. Между прочими чертами, обозначающими время переселенія народовъ Европейскихъ изъ ихъ Восточной родины, должно поставить отсутствіе всякаго слова, похожаго на имя *Богъ*, даннаго Славянами высшему существу. Мы видѣли это слово въ его разныхъ измѣненіяхъ въ Индустанскомъ Брахмѣ (Бхрама) и въ

Зендскихъ: Бехрамъ и Багаманъ[1]). Оно еще чище сохранено намъ въ клинообразныхъ надписяхъ западнаго и средняго Ирана, гдѣ мы находимъ его въ разныхъ падежахъ (бага, баганам, багабис) и всегда въ смыслѣ божества, хотя почти всегда въ смыслѣ бога невысшаго. Нельзя не замѣтить, что выраженію *багабис* иногда соотвѣтствуетъ слово *виѳибис* въ томъ же падежѣ и что оно напоминаетъ форму *высшій* или *вышній*, которая служитъ корнемъ имени *Вишну*, и что въ тоже время *Вишну* носитъ священное прозвище *Багаватъ*, до сихъ поръ плохо истолкованное, но вѣроятно содержащее въ себѣ корень *бага* (богъ)[2]). Такое сходство могло бы казаться случайнымъ и не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы оно не было олнимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ вліянія племенъ Славянскихъ (Вановъ) на Индію и на земли Мидо-Персидскія и если бы оно не связывалось съ преданіями о царѣ-просвѣтителѣ, Джемшидѣ Бактрійскомъ и о Сѣверномъ происхожденіи человѣкообразія въ синкретизмѣ Индустанскомъ. Какъ бы то ни было, Европейскіе народы не сохранили этихъ словъ и вѣроятно не знали ихъ. Поэтому переселеніе Германское и другія можно отнести къ тому времени, когда общины Вано-Бактрійскія (Сако-Геты) еще не вносили своего личнаго развитія въ отдѣльныя системы Западнаго Ирана и стороны при-Гангесской, т. е. къ эпохѣ, предшествовавшей Вишнуизму въ Индіи и Ванской династіи на берегахъ Евфрата. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что многое могло быть утрачено дикарями тогдашней Европы и что слова отвлеченныя (какъ, напр., Богъ) могли уступить другимъ болѣе доступнымъ понятію огрубѣвшихъ племенъ. Саксонцы сохранили это слово только въ составномъ *Чернобогъ*[3]), а Римляне вовсе про него не знаютъ, не смотря на явное родство съ Славянами.

Во многихъ отношеніяхъ Кельтскія нарѣчія представляютъ для критики филологической предметъ еще любопытнѣе Германскихъ. Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что бѣдные остатки племени, нѣкогда первенствовавшаго силою меча и дикою предпріимчивостью въ завоеваніяхъ, отжаты въ такое тѣсное пространство и ограничены такимъ незначительнымъ числомъ семей, что невозможно по теперешнимъ Кельтамъ составить себѣ полное понятіе объ языкѣ ихъ предковъ. Съ другой стороны, на краю Европы, въ странѣ, отдѣленной моремъ отъ другихъ народовъ, сохранилось одно поколѣніе, до сихъ поръ безсильное и угнетенное, которое можетъ служить достаточнымъ представителемъ своихъ погибшихъ одноплеменниковъ: это Ирландцы. Отъ другихъ Кельтскихъ семей остались небольшіе обломки, уже глубоко заклейменные игомъ Германца и Римлянина и принявшіе въ себя множество чуждыхъ стихій. Первый взглядъ на Ирландца, сравненнаго съ Шотландскимъ горцемъ, съ Валлійцемъ и Бретонцемъ, показываетъ значительную разницу между этими двумя отростками Кельтскаго (или Гаэльскаго) племени. Стройный, высокій, веселый, по большей части темноволосый сынъ зеленаго Эрина не представляетъ никакаго сходства съ приземистымъ, широкоплечимъ угрюмымъ, и по большей части рыжимъ жителемъ горъ Шотландіи и пустынь Бретани. Онъ представляетъ также мало сходства съ описаніемъ Гаэлей или Галловъ и Бретанцевъ у писателей Римскаго міра. Очевидно другая стихія примѣшалась къ первому населенію Ирландіи. Можно бы подумать, что разница между этими семьями происходитъ отъ того, что Валліецъ, Бретонецъ и сѣверный горецъ принадлежатъ къ отрасли Кельто-Кумрійской, между тѣмъ какъ Ирландія мало приняла Кумрійскаго начала; но такое предположеніе не выдерживаетъ критики. Описаніе древнихъ Галловъ, бѣлокурыхъ, бѣлокожихъ, вяло-мясистыхъ, неповоротливыхъ (по свидѣтельству, что одинъ сухощавый Лигурецъ стоилъ двухъ тяжелыхъ Галловъ) не относится къ Кумрійцамъ (Кимврамъ), а къ настоящимъ Кельтамъ. Разборъ нарѣчія Ирландскаго и множество сходствъ съ Семитическою отраслью совершенно подтверждаютъ народныя преданія и старые разсказы о колонизаціи Финикійской или Иберской. За всѣмъ тѣмъ труды современныхъ ученыхъ показали, что главная основа Кельтскаго языка была Иранская, совершенно сходная съ кореннымъ началомъ всѣхъ другихъ Европейскихъ языковъ. Основа эта, явная во всѣхъ Кельтскихъ нарѣчіяхъ, явнѣе и чище сохранилась у Ирландцевъ, чѣмъ у ихъ братьевъ, и показываетъ, что остатки Кельто-Кумрійскіе измѣнены примѣсью стихіи не-Европейской и дикимъ бытомъ, искажающимъ всякое словесное начало. Примѣсь южная, Иберская, и юго - восточная, Финикійская, въ

---

[1]) Персидская форма Зендскаго „Вогумано“. *Изд.*

[2]) Позже авторъ находилъ другое словопроизводство для „Богъ“, ср. письмо къ Бунзену, т. 2-ой. *Изд.*

[3]) Ср. письмо объ Англіи (т. I). Но во время написанія этого письма авторъ уже почиталъ самихъ Англо-Саксовъ полу-Славянами. *Изд.*

Ирландскомъ нарѣчіи еще не изслѣдована, хотя признана; но во всякомъ случаѣ примѣсь не заслуживаетъ того вниманія, которое по праву во всякомъ языкѣ должно быть обращено на его коренную, первобытную форму. Нельзя не замѣтить, что собственно-Иранскія стихіи Кельто-Ирландскаго языка сохранились въ немъ чище, т. е. ближе къ Санскрито-Славянскому первообразу, чѣмъ въ Германскомъ. Преданія о древней (разумѣется относительной) образованности Зеленаго острова не лживы. Она только и могла сохранить неприкосновенность многихъ формъ, исчезнувшихъ въ нарѣчіяхъ Нѣмецкихъ и Кельто-Кумрійскихъ, т. е. въ странахъ никогда не знавшихъ мирнаго и просвѣщеннаго быта. Примѣровъ въ доказательство бо́льшей чистоты Иранскаго начала въ Ирландіи весьма много. Однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ должно признать сохраненіе окончаній въ спряженіи глаголовъ. Въ немъ мы находимъ много данныхъ для возстановленія древне-Иранской грамматики. Первое лицо не подвержено никакому сомнѣнію. Окончаніе его было безспорно *м*, т. е. на послѣднюю согласную мѣстоименія *аземъ* (Слав. *азъ*, старинное Чешское *язъ*). Таково оно въ Санскритскомъ, въ древне-Элинскомъ, въ нѣкоторыхъ временахъ Римскаго глагола, въ древне-Славянскомъ (настоящее время, до сихъ поръ употребляемое Русскими въ глаголѣ быть, *есмь*, и въ Церковно-Славянскомъ въ глаголѣ вѣдать) и въ Кельтскомъ. Второе лицо измѣнило обыкновенное *с* или *ш* въ *р*, хотя Валлійское нарѣчіе, также какъ и Германскія, приняло окончаніе на *ст*. Всѣ эти перемѣны, не исключая самого Санскритскаго *с* или Славянскаго *ш*, суть только искаженіе первоначальнаго *тв* (или *th* или *θ*) по нарѣчіямъ. Третье лицо представляетъ Санскритскую форму на *т* (отъ *тат* или *та*, онъ), измѣнившуюся въ *дг* или *д*. Первое лицо множественнаго кончается на *мар*, соотвѣтствующее всѣмъ древне-Иранскимъ формамъ, и доказываетъ первобытность множественнаго *асма* или *асмас*, сократившагося въ *мас* (Ирландск. *мар*), въ *мы* или *мус* по разнымъ нарѣчіямъ. Второе лицо множественнаго въ Ирландскомъ языкѣ особенно замѣчательно по двумъ измѣненіямъ окончанія: *thaoi* и *bhar*. Въ нихъ ученые нашли какую-то трудную задачу, между тѣмъ какъ они представляютъ самое ясное свидѣтельство о первой формѣ мѣстоименія *ты*, т. е. *тв*. Очевидно, множественное должно было быть *твы*, или *тваи*, или *твас* (*твар* по характеру Кельтической особенности). *Твар* съ опущеніемъ первой согласной и съ прибавленіемъ придыханія должно было перейти въ *вгар* и *бгар*. Таже форма множественнаго *твы* или *тваи* или *твас*, по разнымъ нарѣчіямъ, утрачивая начальное *т*, или измѣняя *в* послѣ *т* въ придыханіе, по замѣченному нами характеру Кельтской и Германской рѣчи, составила Сл. *вы*, Л. *vos* и Кельтское глагольное окончаніе *thaoi* (точно также какъ Англійское *thou*). При этомъ случаѣ должно замѣтить, что многіе санскритологи ошиблись, принявъ *юшмат* за тему втораго лица въ мѣстоимѣніяхъ Санскритскихъ *): тема *тва*, а *ю* или *у*, которымъ начинается множественное, есть только искаженіе звука *в* при опущеніи начальнаго *т*. Не нужно доказывать тождество *в* и *у*: оно ясно для всякаго, знающаго простонародную Русскую форму предлога *въ* или замѣтившаго, что Латинское *tui* есть древнее *тви*. Въ третьемъ лицѣ окончаніе общее на *аид* или *ид* (Галлійское *инт*) и нѣкоторыхъ временъ на *тар* явно составлены, одно изъ множественнаго Санскрито-Славянскаго мѣстоименія *тотъ* (*тас*, теперь *тѣ*) съ переходомъ *с* въ *р*, а другое изъ Санскритскаго окончанія на *анти*, *анту* (иногда *ан*); Санскритское же есть только сокращеніе мѣстоименія *энтатъ*. Замѣтимъ мимоходомъ, что *анти* въ Славянскомъ приняло форму *ятъ* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа.

Не должно приписывать излишней важности случайностямъ грамматической формы, но нельзя ими совершенно пренебрегать. Сохраненіе личныхъ окончаній въ Ирландскихъ глаголахъ ставитъ древне-Кельтскій языкъ въ ближайшее родство съ древне-Иранскимъ, чѣмъ нарѣчія Германскія. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ, напр. о вопросительномъ *ко*, близко напоминающемъ формы Санскрито-Славянскія (*кас*, *кій* или *кой*), объ усиленной частицѣ *сомбъ* (Русск. самъ), употребляемой при глаголахъ отъ Санскр. *сваям*, и о нѣкоторыхъ падежахъ въ склоненіи существительныхъ, не смотря на общее оскудѣніе флексіи: такъ дательное множественнаго числа въ окончаніи своемъ на *ibh* представляетъ явный остатокъ первоначальнаго *бис* (въ дат. и твор.), изъ котораго составились Санскр. *бгьяс*, Зенд. (въ клинообраз. надп.) *бис*, Латин. *bus*, Слав. *ми* и пр. Вообще, не смотря на огрубѣніе

---

*) Кого имѣлъ въ виду авторъ? Bopp, Gramm. 2, 112 совершенно того же мнѣнія.

Кельтскаго языка и на чуждую примѣсь, измѣнившую чистоту его, въ немъ еще замѣтно, какъ по характеру звуковъ, такъ и по словамъ, содержащимъ понятія нѣсколько отвлеченныя, большее сходство съ обще-Иранскимъ первообразомъ, чѣмъ въ языкѣ Германскомъ, исключая его Готѳскую или Скандинавскую отрасль, оживленную вліяніемъ Мидянъ, Азовъ и Славянъ-Вановъ. Ирландское слово еще сохраняетъ нѣкоторое полногласіе, замѣтное даже въ искаженіи своемъ. Звуки *а* и *о*, преобладающіе въ Санскритскомъ, не вполнѣ вытѣснены глухими *у* и рѣзкими *е* и *и*. Придыханіе, исказившее мягкость первоначальнаго языка, не совсѣмъ сгладило всѣ черты его красоты, и гласныя еще не уступили полнаго перевѣса согласнымъ; напр. иногда въ Кельтскихъ нарѣчіяхъ слова оканчиваются гласною буквою, между тѣмъ какъ истинно Нѣмецкое слово всегда кончается согласною или мертвымъ *е* (иначе мы его назвать не можемъ, хотя оно и не совсѣмъ беззвучно, какъ Французское). Еще можно изрѣдка въ формахъ Ирландскихъ слышать отзвукъ формъ, сохраненныхъ святынею Брахманскаго языка. Такъ напр. въ *iodhane*—мученье, *gramaisg*—толпа, *plunia*—нырять, *niomhas*—блескъ, *dia*—Богъ, *nua*—новый, *beal*—солнце, *sion*—небо, и др. очень явны Санскр. *ятана*, *грама*, *плавана* плаванье, *нибга*, *дева нава*, *сьона* солнце и Славянскіе *громада*, *плаванье*, *небо*, *диво*, *ново*, *солнце* (едва ли не *сіолнце*). Хотя Кельтскій языкъ въ отношеніи чистоты Иранскаго начала нисколько не можетъ выдержать сравненія съ Славянскимъ, хотя онъ болѣе Германскаго принялъ въ себя чуждыхъ стихій, но остатки древне-Иранскіе сохранились въ Ирландіи съ большею чистотою, чѣмъ въ Германіи. Къ несчастію, собственно-Кельтское нарѣчіе уже исчезло съ лица земли. Черноволосый, сухощавый Ирландецъ носитъ на себѣ отпечатокъ Семитической примѣси и свидѣтельствуетъ какъ въ языкѣ, такъ и въ наружныхъ формахъ тѣла о смѣлости Иверскихъ и Финикійскихъ мореплавателей, нѣкогда разсѣкавшихъ Западныя волны и бросавшихъ свои торговыя колоніи по берегамъ Атлантическаго океана. Приземистый, широкоплечій и рыжеватый житель Бретани, Валлійскихъ горъ и Шотландіи принадлежитъ къ семьѣ Кумрійской, измѣненной смѣшеніемъ съ Финно-Турецкими племенами въ своей прежней родинѣ на берегахъ Волги и Урала. Никогда Кельтское племя не доходило до градостроительства и просвѣщенія самобытнаго; но въ тоже время, по чистотѣ нѣкоторыхъ Иранскихъ стихій, по сохраненію словъ, принадлежащихъ къ отвлеченнымъ областямъ рѣчи и мысли, замѣтно, что первые переселенцы принесли съ собою изъ Иранской колыбели остатки образованности, не искаженной еще дикимъ бытомъ и военными распрями. Гораздо ниже на лѣстницѣ человѣчества стояли послѣдніе выходцы изъ при-Кавказскихъ степей Кимвры-Іотуны (Кумри), принесшіе за шесть вѣковъ до Р. Х. своимъ Кельтскимъ братьямъ кровожадный нравъ, завоевательную предпріимчивость и обычаи, также какъ языкъ, отзывающіеся долгимъ сожительствомъ съ Сколотами (Финно-Турками, которымъ Греки дали по мѣсту жительства имя *Скіѳа*, *Сак-Іѳа*, принадлежавшее стародавнимъ жителямъ Приволжья Сако-Гетамъ Славянскимъ). При совершенной погибели чисто-Кельтской отрасли и ея собственнаго языка, въ общемъ характерѣ оставшихся нарѣчій Кельтскихъ можно распознать личное развитіе и отклоненіе отъ древне-Иранскихъ законовъ, опредѣляющее-колыбель Кельтской семьи на западной оконечности Ирана, въ сосѣдствѣ полу-Семитическихъ Иберцевъ и общаго гнѣзда Германцевъ и Мидо-Персіянъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно усиленіе придыханія и переходъ многихъ буквъ въ букву *ф*, связывающіе систему Кельтскую съ Иверскою и древне-Италійскою. Преданіе и религіозные миѳы ведутъ къ тому же заключенію. Собственнаго имени Кельтовъ мы на Востокѣ не встрѣчаемъ, но великую отрасль этого сильнаго племени находимъ мы въ глубокой древности въ при-Донской сторонѣ. Киммерійцы (Кумри-Іотуны) жили по сѣверному скату Кавказа и занимали богатую степь между Волгою и Дономъ, разрѣзывали на Востокъ и на Западъ однородныя семьи Валовъ, Карповъ, Гуновъ (Гуна), Великихъ Гетовъ (Массагетовъ), Великихъ Вановъ (Та-ванъ, Мага-Ванада), Саковъ (Дагіа) съ одной стороны, и Венедовъ, Даковъ, (или Саковъ или Гуна [1]), по клинообразнымъ надписямъ [2]), Гетовъ и Вудиновъ (тѣхъ же Венедовъ) съ другой стороны; примыкали на Югѣ къ великимъ Азамъ, съ которыми долго и долго боролись въ кровавыхъ распряхъ при Кавказской стѣнѣ по явному свидѣтельству Эдды [3]), и касались на Сѣверѣ до Финно-Турецкихъ областей, откуда наконецъ нагрянула на нихъ кочевая сила мнимыхъ Скиѳовъ, сила неотразимая, какъ и во времена Чингиса, но и тогда, какъ и послѣ, способная только къ быстрому натиску, а не къ основанію твердой власти. Дѣйствительно, Сарматы-Азы и Славяне Дона скоро вытѣснили Скиѳовъ изъ степи при-Эвксинской; но первый налетъ средне-Азійскаго племени выгналъ навсегда Кумрійцевъ изъ ихъ давнишнихъ жилищъ. Бѣдные остатки народа держались еще нѣсколько времени въ Крыму, откуда налетѣли послѣднею бурною тучею на Германію и Италію, опустошая и разрушая все передъ собою, кромѣ земель уже завоеванныхъ соплеменными имъ Боями въ Чехіи и Беолгами при Рейнѣ. Бѣгство Киммерійцевъ направилось по двумъ разнымъ путямъ: на Югъ черезъ Кавказъ и Малую Азію, гдѣ они все разгромили и испепелили и сами наконецъ погибли, не оставя никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, и на Сѣверъ по Балтійскому прибережью, по землямъ приморскихъ Славянъ, Ляховъ и Вендовъ, гдѣ они оставили вѣроятно завоевательныя колоніи Омброновъ (отъ чего Обръ, исполинъ, притѣснитель), Котиновъ и можетъ быть и Бастарновъ, по всей сѣверной Германіи, гдѣ они населили полуостровъ Кумбрійскій (нынче *Ютландъ* по другому имени Кимвровъ) и наконецъ по землямъ уже занятымъ Кельтами, между которыми они поселились подъ именемъ Беолговъ во Франціи и Кумріевъ въ Британскихъ островахъ. Почти совершенная одновременность паденія Кумрійской державы въ Приволжіи и возниканія Кельтской грозы на Западѣ Европы очень важна. Долго удержанные въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ многочисленнымъ, но безсвязнымъ населеніемъ Вендо-Лигійскимъ южной Франціи, Кельты тогда только прорвали эту преграду, когда къ нимъ на помощь пришли ихъ смѣлые и многочисленные восточные братья Кимры, уже принявшіе въ себя (какъ это замѣтно по языку и физіономіи) Финно-Турецкую примѣсь отъ сосѣднихъ Сколотовъ. Узкая полоса, занятая Кимрами на Востокѣ и положеніе ихъ между восточными и западными Славянами доказываетъ, что они были пришельцами съ Юга, откуда ихъ мало-по-малу вытѣснили Мидійскія семьи. Они занимали тоже пространство, которое послѣ нихъ досталось другимъ выходцамъ съ Юга, Сармато-Аланамъ, и также какъ сіи послѣдніе, они были откинуты бурею военною на дальній Западъ. Для насъ ясна и неоспорима ихъ родина при-Кавказская; но родина ихъ братьевъ, первыхъ Кельтскихъ выходцевъ, опредѣляется не такъ легко. Однако же, обративъ вниманіе на составъ нарѣчія Ирландскаго и не находя въ немъ ни малѣйшаго признака Восточно-Иранской особенности или Средне-Азійской примѣси, напротивъ того, замѣчая въ его звукоизмѣненіи характеръ Западно-Иранской личности, и вспомнивъ, что на Востокъ отъ Каспія мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда Кельтскаго, мы можемъ смѣло сказать, что общая колыбель Кельтовъ была тамъ, гдѣ и родина Кимріевъ, т. е. у скатовъ и именно на южныхъ скатахъ снѣжнаго хребта Кавказскаго. Это положеніе, само по себѣ уже весьма вѣроятное, вполнѣ подтверждается тѣмъ, что до возвратнаго вторженія малаго отряда Галловъ западныхъ въ Малую Азію, историческая критика находитъ многія созвучія съ именемъ Галловъ въ именахъ рѣкъ Мало-Азійскихъ, жрецовъ Кивелы Пафлагонійской и нѣсколькихъ отдѣльныхъ племенъ, смѣшанныхъ съ сосѣдними Сирійскими и Армянскими племенами.

---

[1]) Любопытно отождествленіе Кельтовъ съ Халдеями въ книгѣ E. Bunsen Einheit der Religionen. *Изд.*

[2]) Коссовичъ, Inscrptiones, Glossarium. Можетъ быть Гуна описка вмѣсто Гума. *Изд.*

[3]) Вѣроятно указаніе на Волуева. 53. *Изд.*

Движеніе Кельтовъ при первомъ ихъ переселеніи въ Европу не оставило явныхъ слѣдовъ; но опредѣлить его не трудно. Не даромъ имя Кумовъ и Киммерійцевъ въ Италіи и имена, которыхъ корни принадлежатъ Кельтскому языку, звучатъ въ южной полосѣ Европы. Можно съ вѣроятностью допустить, что отдѣльныя семьи великаго народа шли черезъ Элладу и Италію, разселяясь по свободнымъ пустынямъ земли еще ненаселенной. Вѣроятно тѣже самыя Омброны-угнетатели, которые въ землѣ Ляховъ и Вендовъ сѣверныхъ оставили по себѣ злую память въ словѣ *Обръ*, спорили на берегахъ Ярaго-Дона (Эридана) и въ ущельяхъ Апеннинскихъ съ Славянскими Ретами и Разенами (Этрусками) о владычествѣ сѣверной Италіи подъ именемъ Умбровъ и уступили первенство только послѣ долгой и вѣковой борьбы. Но главный потокъ очевидно обратился на Сѣверъ, сперва разрѣзывая, потомъ обходя Славянскія поселенія. На Сѣверѣ отъ Кавказа видимъ мы Кимвровъ Геродотовыхъ *); на Сѣверѣ уже знаетъ ихъ старый пѣснопѣвецъ Іоніи; на Сѣверо-западѣ, за Ѳракійцами, на краю Европы, въ первый разъ слышимъ мы великое имя Кельто-Галловъ, которымъ въ послѣдствіи было суждено завоевать почти всю Италію кромѣ земли Славянскихъ Венедовъ, и грозитъ гибелью новорожденному Риму. Геродотъ еще не знаетъ Кельтовъ на берегахъ Средиземнаго моря: тутъ еще жили Лигурскіе Славяне и Иверцы, мало-по-малу отступающіе на Западъ, за Пиренейскую грань. Быть можетъ, нѣкоторыя семьи Кельтскія уже проникли южными путями въ приморскую Галлію и жили тамъ подъ именемъ Вольковъ (Беолговъ), но это обстоятельство сомнительно и не имѣетъ исторической важности. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что при Геродотѣ едва начиналось движеніе на Югъ главной отрасли Кельтовъ, усиленныхъ новопришлыми братьями, Кимврами-Іотунами, изгнанниками при-Донскихъ степей. За ними на Западъ Геродотъ знаетъ Кинетовъ *), которыхъ критика ищетъ безуспѣшно во всѣхъ племенахъ Европейскихъ, между тѣмъ какъ не трудно узнать въ нихъ Славянъ при-Луарскихъ, Венетовъ, иначе Генетовъ, въ имени которыхъ придыханіе *г* огрубѣло до звука *к* по свойству Италійскихъ діалектовъ, передавшихъ Греку слухъ о дальнемъ, неизвѣстномъ народѣ.—Окончательный выводъ изъ изученія Кельтскаго языка и данныхъ историческихъ, сохраненныхъ въ преданіяхъ или въ писанныхъ свидѣтельствахъ древности, очевиденъ: Кельты перешли въ Европу послѣ Славянъ, уже занимавшихъ всю южную полосу средней Европы; но, также какъ и Германцы, они оторвались ранѣе чѣмъ Славяне отъ общей Иранской родины. Собственная колыбель ихъ, какъ и личное развитіе нарѣчій, принадлежитъ не восточному, а западному Ирану. Степень образованности, до которой достигла уже общая великая семья Иранская, была довольно высока: ибо всѣ родственныя отношенія обозначены тѣми же именами въ древне-Кельтскомъ, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ Иранскихъ. Имена же эти развились въ общей родинѣ, ибо они не имѣютъ корней въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ кромѣ Санскритскаго и отчасти Славянскаго (какъ напр. *дочеръ* или *свекръ*). Сверхъ того, многія слова, принадлежащія къ высшему развитію ума и къ отвлеченному мышленію, перенесены съ нѣкоторыми измѣненіями изъ нѣдръ Ирана на западную оконечность Европы. Таковы *dia* (Богъ, Санскр. *див*-блистать, и Слав. *дивить*,—являть) *naomh*, древнѣе *naehm* (святой, отъ Санскр. *нам* поклоняться, Лат. *numen*, можетъ быть

---

*) Киммерійцы. IV, 102. У Гомера, Одисеея. XI, 14.

---

*) Геродотъ, IV, 49.

Сл. *дума*—мысль, съ измѣненіемъ носоваго звука), *edbart* (жертвовать, Санскр. *адвара* жертва), *Ner* (Господь Богъ, Санскр. *Нара*), *Esfhear* (Богъ, Санскр. *Исвара*), *muin* (учить), *muinteoir* (учитель, Санскр. *муни* мудрецъ, Лат. *monere*, Гер. *mahnen*, Сл. *мудрый* съ измѣненіемъ носоваго звука) и другія. Такъ въ языкѣ живетъ свидѣтельство о древнемъ просвѣщеніи предковъ всѣхъ Европейскихъ племенъ, и мы можемъ смѣло сказать, что хотя Кельты не сохранили, подобно Славянамъ, свѣтильника мудрости, завѣщанной Ираномъ своимъ выходцамъ, они все-таки стояли въ отношеніи образованности гораздо выше Германцевъ и, принимая въ себя многія чуждыя стихіи, явныя въ ихъ нарѣчіяхъ, не впадали никогда въ совершенное безсмысліе дикой и лѣсной жизни. Ранѣе оставивъ свою при-Кавказскую родину, они не вполнѣ были искажены всегубящею бурею религіозныхъ и племенныхъ раздоровъ, которая свирѣпствовала въ юго-западной Азіи, но и не были, подобно Славянамъ, спасены свободнымъ просторомъ пустынь, духомъ общенія, семейственной жизни и торговли, воплотившимъ въ простотѣ и неизмѣнности бытовой глубокую мудрость, нѣкогда облеченную въ многозначительное слово и вполнѣ сознанную свѣтлымъ младенчествомъ человѣческаго рода.

Гораздо менѣе важна Эллинская отрасль Иранскаго языка. По собственному признанію народа, Эллада отъ самыхъ границъ Славянской Ѳракіи (связанной союзами дружбы и родства съ Троадой и Ликіею, созвучіемъ именъ съ всею землею Славянскою, а особенно миѳическими именами Реза и Рета, т.-е. Рѣза и Рѣта, съ системою Альпійскою и Этрурскою) до южной оконечности Пелопонеза была населена сбродомъ племенъ: Эллины пришли съ Сѣвера отъ границъ Славянской земли, Эпиръ былъ жилищемъ племенъ варварскихъ, а древніе жители Эллады, загадочные Пелазги, исчезли въ смѣси съ сѣверными пришлецами, утратили свой сбытъ отъ вліянія ихъ воинской дѣятельности и забыли свой языкъ, поглощенный въ завоевательномъ движеніи чуждаго просвѣщенія, уничтожающаго всѣ мѣстныя личности первобытныхъ семей, точно также какъ въ новѣйшее время искусственная форма письменности Французской поглотила всѣ особенности мѣстныхъ нарѣчій. Разсматривая остатки языка Эллинскаго, мы должны прежде всего обратить вниманіе на отношенія Эллады къ другимъ племенамъ болѣе извѣстнымъ или болѣе расширившимъ свои жилища на пространствѣ земномъ. Славяне, какъ мы видѣли, обхватывали всю Элладу съ Сѣверо-запада (въ Иллиріи), съ Сѣвера (во Ѳракіи и въ горной цѣпи Гема), съ Сѣверо-востока и Востока (въ странахъ Троады и Ликіи). Жители Эпира принадлежали, по всей вѣроятности, древнему и великому племени Иверцевъ. Самое имя Эпиръ, напоминающее Иберію, служитъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу этой догадки, тѣмъ болѣе, что оно впослѣдствіи уступило имени Албаніи, которое страннымъ образомъ сопровождаетъ вездѣ племя Иберское, какъ имена Антовъ или Саковъ почти вездѣ сопутствуютъ великому племени Вендовъ. Мы его видимъ у самаго ската Кавказа въ родинѣ Иберцевъ, древней Альбано-Иверіи, на южныхъ берегахъ Франціи, гдѣ миѳъ о каменномъ полѣ олицетворяетъ приморскихъ Иберцевъ подъ именемъ Альбіона, какъ Славянъ Лигурскихъ, подъ названіемъ Лигіона, въ Англіи называемой Альбіономъ и населенной полу-Иверскими Силурами, въ сказкахъ Англійскихъ, вѣчно представляющихъ лицо какого-то герцога Альбанійскаго, и въ Галльскомъ названіи Ирландіи и Шотландіи, *Эйрїонахъ* (т.-е. Иберіонахъ) и *Альбіонахъ*. Языкъ Иберскій исчезъ, не оставивъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ; народъ Иберскій исчезъ вездѣ, кромѣ своей при-Кавказской родины; даже наружные признаки его подвержены сомнѣнію и все, что до него касается, принадлежитъ области догадокъ и предположеній. Между тѣмъ племя Иберское требуетъ изслѣдованій какъ по собственной важности исторической, такъ и по своему вліянію на міръ Италіи и Эллады. Языкъ Арнаутской Албаніи содержитъ по изслѣдованіямъ много словъ, принадлежащихъ семьѣ Кельтской, и мы не можемъ искать ихъ начала въ исторіи позднѣйшихъ вѣковъ. Это наслѣдство доисторической старины. Съ другой стороны, племя Иберское, судя по его остаткамъ въ при-Кавказской сторонѣ и въ горахъ древняго Эпира, отличается отъ племени Иранскаго наружными признаками сходными съ отраслью Семитическою. Таково было оно издревле. Свидѣтельство о бѣлизнѣ Иберцевъ Испанскихъ, переданное намъ безразборчивыми Римскими писателями [1]), относится вѣроятно къ Галламъ, проникнувшимъ за Пиринейскій хребетъ, а показаніе глубокомысленнаго Тацита о Силурахъ [2]) и простой взглядъ на жителей Эрина вполнѣ подтверждаютъ сходство Иберцевъ съ Семитами. Самое стремленіе торговли Финикійской, прокладывавшей себѣ путь ко всѣмъ берегамъ, населеннымъ Иверцами, объясняется совершенно сродствомъ народовъ, никогда не разрывавшихъ древняго семейнаго союза. Кажется, всего вѣроятнѣе считать Иверцевъ за Кельтовъ, подвергнувшихся примѣси Семитической крови и подчинившихся владычеству Семитической образованности. Вѣроятно тѣмъ же самымъ объясняется и свидѣтельство древнихъ о наружности Славянъ Лигурійскихъ, близкихъ сосѣдей земли Иверской и, можетъ быть, принявшихъ въ свой составъ отдѣльныя Иверскія семьи. Какъ бы то ни было, невозможно предполагать чистоту родовую и самостоятельность слова въ тѣсной Элладѣ, окруженной, какъ мы видѣли, Славянами и дикими Эпиротами и покрытой въ южной своей половинѣ колоніями Финикіи и Египта. Дѣйствительно, языкъ Эллинскій, развившійся въ стройномъ и богатомъ организмѣ, представляетъ безчисленныя точки соприкосновенія въ одно время съ нарѣчіями приморскихъ Семитовъ и съ первобытнымъ источникомъ Иранскаго слова, сохранившимся на берегахъ Ганга и въ рѣчи Славянской. Никогда филологическая критика не отдѣлитъ въ этой многостихійной смѣси собственно-Пелазгическаго начала отъ другихъ началъ, связанныхъ съ нимъ братскимъ союзомъ общаго корня и общаго развитія подъ родимымъ небомъ Ирана. Беззаботные художники Эллины и воинственный Римъ, чуждый всякому человѣческому сочувствію, не сохранили намъ никакой памяти о словѣ до-Эллинскихъ обитателей Эллады и самобытныхъ народовъ южной Италіи. Такимъ образомъ критика не имѣетъ никакихъ данныхъ для разрѣшенія вопроса о древнихъ Пелазгахъ. Сродство языка ихъ съ позднѣйшимъ Эллинскимъ включаетъ его въ семью Иранскую. Древнѣйшія формы, особенно Дорическаго нарѣчія, указываютъ на преобладаніе буквы *р* въ окончаніи словъ и такимъ образомъ связываютъ его съ рѣчью Германскою; но эти слабые признаки недостаточны для изслѣдованія историческаго о происхожденіи племени Пелазговъ и о времени ихъ отдѣленія отъ другихъ Иранскихъ братьевъ. Полное образованіе семейной жизни до эпохи ихъ переселенія явно. Очевидно, названія степеней родства въ языкѣ Эллиновъ вошли въ него не отъ примѣси другаго нарѣчія. Многія формы отличаются близостью къ кореннымъ названіямъ, сохранившимся въ Санскритскомъ, и не могли произойти отъ вліянія Славянскаго (таково, наприм. слово θυγάτηρ совершенно согласное съ Санскритскимъ *духитри*). Другія принадлежатъ къ измѣненію общему всѣмъ языкамъ Европейскимъ, но не замѣченному до сихъ поръ въ письменности Брахманской. Такъ, напр. окончаніе ιδης показываетъ ясное сродство съ Славянскимъ *вичъ*, Кельт. *фицъ*, Готѳо-Саксонскимъ *инъ* и Латинск. *filius*. 'Εκυρος, δαήρ и другія свидѣтельствуютъ, что семья уже не ограничивалась простыми отношеніями тѣснаго домашняго круга, но заключала въ себѣ многосложное развитіе патріархальнаго быта. Отсутствіе коренныхъ словъ, принадлежащихъ къ отвлеченностямъ грамматическимъ и къ области высшаго мышленія, доказываетъ не отсутствіе образованія умственнаго въ первобытномъ племени, но одичаніе отдѣльной семьи Пелазговъ и подтверждаетъ заключенія, выведенныя изъ преданія и хода мысли религіозной. Νοεῖν, μνημη, γνωμη, εἰδεναι (изъ *джна, ман, вид, знать, мнить, вѣдать*), также какъ и богатство грамматическихъ развитій свидѣтельствуютъ о высокомъ просвѣщеніи, поглощенномъ тьмою позднѣйшаго невѣжества. Общій же характеръ Эллинскаго языка и его отличительныя черты, т.-е. замѣна звуковъ свистящихъ придыханіемъ и въ особенности присутствіе члена, вышедшаго изъ мѣстоименія *тотъ* (также и въ Кельтскомъ) указываютъ на западно-Иранское происхожденіе древнихъ Пелазговъ и связываютъ ихъ личное развитіе не съ Славянами, но съ Кельто-Германскою отраслью. Въ тоже время бо́льшая мягкость собственно-Эллинскаго нарѣчія, точно также какъ приходъ Эллиновъ изъ странъ полу-Славянскихъ, ихъ сказочный антропоморфизмъ и въ особенности поклоненіе Аполлону Гиперборейскому, связываютъ исторію языка и просвѣщенія Эллады съ представителями восточнаго Ирана, первородными жителями средней Европы, Славянами. Такъ самое громкое имя поэта полу-бога *Орфея* принадлежитъ Ѳракіи; такъ первый, вѣчно незабвенный памятникъ Европейской поэзіи возникъ въ сосѣдствѣ Мало-Азійской, Великой Венедіи, уже павшей подъ ударами воинственной Эллады. Скажемъ мимоходомъ, что Гомеръ, не смотря на древность своихъ твореній, уже былъ далекъ отъ времени войны Троянской. Темное преданіе исказило всѣ историческія формы происшествій, и имена боговъ, защитниковъ Пергама, слились съ именами его смертныхъ героевъ. Такъ, напр. въ Аполлоновомъ жрецѣ *Геленѣ* *) мы не можемъ не узнать самого Аполлона Славянскаго, *Белени*, которому столько капищъ было посвящено въ позднѣйшіе вѣка съ надписями *Аполлона Белена*. Измѣненіе имени происходило въ этомъ случаѣ по тому же закону, по которому *Геліосъ* соотвѣтствуетъ словамъ Славянскимъ *велій* и *бѣлый*, Семитическимъ *Велъ* или *Беалъ* (также *Іелъ*). Что касается до основныхъ формъ языка Эллинскаго, филологи Германскіе уже замѣтили, что онѣ представляютъ гораздо большее сходство съ Нѣмецкими, чѣмъ Латинское нарѣчіе (должно прибавить: и чѣмъ Славянское). Эта близость языковъ и одинакое ихъ отклоненіе отъ первобытныхъ законовъ коренной рѣчи объясняется тѣмъ, что Германцы и Пелазги возрастали въ общей колыбели въ Западномъ Иранѣ, или пригорьяхъ Тавра и Кавказа, и измѣнялись подъ одинакими условіями и отъ вліянія одинакихъ обстоятельствъ. Безконечное же превосходство Эллинскаго слова передъ Нѣмецкимъ, въ отношеніи грамматическаго словоращенія и сохраненія многихъ выраженій для отвлеченной мысли, свидѣтельствуетъ только о томъ, что племя Пелазговъ до его перехода въ новыя Европейскія жилища менѣе Германскаго пострадало отъ пагубнаго вліянія народныхъ волненій, прекратившихъ вѣкъ ранняго просвѣщенія, а послѣ перехода менѣе подверглось искаженію рѣчи, неизбѣжному слѣдствію пустыннаго и дикаго лѣсожительства. Смѣшно бы было думать, что это богатое словоращеніе развилось органически въ племени Эллинскомъ изъ безжизненности первоначальныхъ — нефлексіонныхъ — формъ коренного нарѣчія (хитрое предположеніе защитниковъ туземства). Стоитъ взять любой примѣръ изъ любой сравнительной грамматики, чтобы видѣть ясно нелѣпость подобныхъ мнѣній; и конечно ни одинъ человѣкъ, не испортившій Богомъ даннаго ему разума излишнимъ потребленіемъ книжнаго товара, не припишетъ случайности или дѣйствію органическихъ законовъ совершеннаго тождества 2-й формы Санскритскаго прошедшаго времени и 1-го Греческаго аориста (напр. единств. число: *адик-шам,— шас, шат,* двойств. *адик-шатам,* множ. *адик-шама,— шата,— шан,— шанта,* и единств. ἔδεικ-σα — σας, σε; двойств.

---

[1]) Ср. Diffenbach, Origines Europ., 116. *Изд.*

[2]) Agr. XI. *Изд.*

---

*) Хотя въ Иліадѣ Геленъ не является въ качествѣ жреца именно Аполлона, но его связь съ этимъ божествомъ явствуетъ изъ преданій о позднѣйшей судьбѣ его. *Изд.*

ἐδειϰ-σατον, σατήν; множ. ἐδειϰ—σαμεν,—σατε,—σαν—σαντο). Эти явленія, повторяющіяся во всѣхъ нарѣчіяхъ Иранскихъ, представляютъ ясное свидѣтельство о высокомъ развитіи кореннаго языка, далеко превосходившаго всѣ позднѣйшія свои отрасли, не исключая Санскритской. Должно замѣтить, что Славянское слово, ближайшее во всѣхъ другихъ отношеніяхъ къ Санскритскому, болѣе всего утратило глагольное словоращеніе. Это явленіе, противоположное другимъ, объясняется для насъ только бытовымъ характеромъ Славянской семьи, обращавшей болѣе вниманія на вещественность предмета, чѣмъ на отвлеченность дѣйствія. Мы уже замѣтили, что въ языкѣ Славянскомъ большее число корней находится въ именахъ существительныхъ, чѣмъ въ глаголахъ. Впрочемъ не должно думать, чтобы недостаточное развитіе спряженій было исконнымъ свойствомъ языка Славянскаго и даже нарѣчія Русскаго. Бури военныя, смуты и послѣдовавшая за ними дикость лишили ихъ прежняго богатства; но пѣснь о *плъку Игоревѣ* сохранила намъ драгоцѣнный и единственный остатокъ старой, къ несчастію, утраченной формы въ словѣ *бяшетъ* (было бы), совершенно соотвѣтствующемъ Санскритскому условному *абавишьят.* (Окончанія *шьям, шьяс, шьят* и *хъ* или *съ,—ше* и *шетъ*). Присутствіе отрицательнаго *а* въ нарѣчіи Эллинскомъ и отсутствіе его въ другихъ Европейскихъ нарѣчіяхъ повело бы къ заключенію, что семья отдѣлилась отъ своихъ восточныхъ братьевъ весьма поздно и тогда уже, когда форма *а* вытѣснила раннюю форму *не;* но мы видѣли, что онѣ обѣ заключались въ первобытномъ языкѣ и отзываются болѣе или менѣе ясно во всѣхъ выводныхъ нарѣчіяхъ: поэтому должно предполагать, что преобладаніе *а* въ Эллинскомъ языкѣ есть явленіе личнаго развитія, сходное съ такимъ же явленіемъ въ Индустанѣ, но не прямо происходящее изъ него. Впрочемъ, уступая далеко Славянскому языку въ явныхъ признакахъ братства или тождества съ Санскритскимъ, нарѣчіе Эллинское представляетъ много доказательствъ своего преимущества передъ Кельтскою или Германскою рѣчью. Въ немъ болѣе замѣтна смѣсь съ чуждыми стихіями, внесшими много новыхъ и вытѣснившими много старыхъ корней, чѣмъ прямаго оскудѣнія, проистекающаго отъ умственнаго паденія племени. Слово Эллинское приняло въ себя начала внѣшнія. Семитическія, Славянскія, можетъ быть Кельто-Иберскія (изъ Эпира), но слило ихъ въ могучее и богатое единство, подчинивъ по большей части законамъ ранней рѣчи, принесенной выходцами изъ Ирана. Составъ Эллинскаго языка относитъ его, повидимому, къ разряду тѣхъ мѣшанныхъ нарѣчій, которымъ обыкновенно дается прозвище lingua franca; но сильный и коренной организмъ, логическая стройность и чистота первобытнаго нарѣчія восторжествовали надъ началами чуждыми и переработали ихъ въ одно цѣлое, полное самостоятельной жизни и поэзіи. Очевидно, древній Пелазгъ, не принявшій вещественной образованности и стихійнаго символизма отъ Кушитовъ, или словеснаго просвѣщенія и сказочнаго человѣкообразія (антропоморфизма) отъ сѣверныхъ своихъ сосѣдей, жилъ еще остатками мысленной жизни, развившейся въ родномъ Иранѣ. Утративъ прежнее богатство знанія, но не исказившись еще безсмысленною дикостью, въ которую погружаются семьи воинственныхъ звѣролововъ, онъ хранилъ память о духовномъ призваніи человѣка, объ его значеніи и объ отношеніи къ верховному, безыменному, непостижимому Божеству. Таковъ выводъ изъ древнихъ сказаній о символической религіи первыхъ жителей Эллады, объ ихъ вѣрѣ въ духовный міръ, окружающій и хранящій міръ вещественный; таковъ выводъ изъ всего, что̀ мы знаемъ о религіи Пелазговъ Италійскихъ и объ отвращеніи ихъ отъ человѣкообразнаго представленія Божества, давшемъ особенный характеръ святынѣ Римскихъ патриціевъ и законамъ Сабинскаго Нумы; таковъ же выводъ изъ критическаго изученія нарѣчія Эллинскаго, не самобытнаго по внѣшности корней и словеснаго состава, но въ высшей степени самобытнаго по словоращенію и внутреннему духовному значенію.

Всѣ Иранскія нарѣчія содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе богатые остатки наслѣдства, завѣщаннаго имъ отъ первыхъ родоначальниковъ; во всѣхъ видны неоспоримыя доказательства той непостижимой высоты, до которой достигла словесная и мыслительная жизнь великаго племени, развѣтвившагося на множество могучихъ отраслей, покрывшихъ собою часть Азіи и всю Европу, а теперь предписывающихъ законы всей землѣ; но всѣ нарѣчія носятъ на себѣ признаки жалкаго оскудѣнія и упадка. Быть можетъ, раннее образованіе человѣчества погибло отъ своей односторонности; быть можетъ, плодотворный и богатый синтезъ не былъ сопровождаемъ хранительною силою анализа и погибъ отъ соприкосновенія съ этою чуждою силою; быть можетъ, человѣкъ думалъ какъ жилъ, младенчески-свѣтлый и младенчески-мудрый, и не могъ сохранить своей дѣтской чистоты съ наступленіемъ бурнаго, юношескаго возраста. Никому уже не дано снять вполнѣ завѣсу съ тайны доисторической древности; но какія бы ни были причины, фактъ очевиденъ. Время раздѣла семей было временемъ паденія, и героическіе вѣка, съ которыхъ начинается исторія разрозненныхъ семей, были вѣками темнаго варварства, съ разгорѣвшимися страстями, съ угасающимъ свѣтильникомъ прежняго разума. Поэтому не позволительно бы было думать, что нарѣчіе тѣмъ древнѣе, чѣмъ менѣе оно содержитъ въ себѣ признаковъ умственнаго развитія: напротивъ того, чѣмъ болѣе въ нарѣчіи слѣдовъ просвѣщенія, мысли и логической стройности въ словѣ, тѣмъ ближе оно къ общему корню.—Объ языкѣ Иранскомъ можно утвердительно сказать, что онъ вмѣстѣ съ племенемъ раздѣлился издревле на двѣ отрасли. Одна, Восточная, полногласная, богатая звуками и словоращеніемъ, не отягченная злоупотребленіемъ придыханія, почти чуждая звуку ф и содержащая въ себѣ почти всѣ свои корни, хранилась подъ защитою святыни бытовой и мысленной; другая, Западная, скоро подпавшая вліянію бурныхъ племенъ при-Евфратскихъ, столкновенію страстныхъ и воинственныхъ Семитовъ и кровавымъ раздорамъ двухъ религіозныхъ системъ, встрѣтившихся съ мечомъ и огнемъ въ странахъ Сиріи и Палестины, утратила свое полнозвучіе и величавость, огрубѣла въ глухихъ гласныхъ и въ безчисленныхъ придыханіяхъ и забыла большую часть своихъ коренныхъ началъ. Первая изъ земли мирнаго Джемшида, изъ святыни Персидскаго Востока (Бахтеръ) распространилась на Югъ за Гималайскій хребетъ (*Зимаватъ*, зимовая гора), а на Сѣверъ и Западъ за Каспійское море, за Донъ и за Альпы до крайнихъ предѣловъ Европы. Эта отрасль имѣетъ своихъ представителей въ Брахманахъ Индіи и въ Славянахъ. Вторая, заключающая въ себѣ всѣ остальные языки Иранскіе, основала въ Азіи нарѣчія Зендъ, Пазендъ, Пехлеви и Парси, и перенесена въ Европу ранними выходцами, Пелазгами;

вторыми, болѣе всѣхъ причастными чуждой примѣси, Кельтами Ирландскими, и послѣдними, болѣе всѣхъ одичавшими—Германцами. Мы не говоримъ уже о Сарматахъ и Кимврахъ, которыхъ переселеніе принадлежитъ вѣкамъ историческимъ. Всѣ эти нарѣчія по важности своей, опредѣленной уже прежними выводами, должны для критики филологической размѣститься въ слѣдующемъ порядкѣ: *Санскритское, Славянское, Зендское съ своими отраслями, Эллинское, Кельтское* и *Германское.*

Причины, вліяющія на искаженіе словъ и измѣненіе ихъ значенія.

Признавая, что слова̀ неравны между собою важностью въ отношеніи къ историческому изслѣдованію о сродствѣ языковъ, критика должна замѣтить большую или меньшую способность словъ къ измѣненію. Во-первыхъ, слово тѣмъ болѣе подвержено прихотямъ произношенія, чѣмъ чаще оно вращается въ ежедневной передачѣ понятій. Священное и таинственное остается неприкосновеннымъ отъ того именно, что оно рѣдко употребляется; бытовое и пошлое вѣчно въ ходу и употребляется небережно. Это тотъ же законъ, по которому мелкая монета чаще крупной должна поступать въ перечеканку. Еще важнѣе самая опредѣлительность понятія содержимаго въ словѣ. Чѣмъ тверже и неизмѣннѣе самая мысль, чѣмъ труднѣе ея иносказательное выраженіе, тѣмъ менѣе звуки, когда нибудь избранные для ея выраженія, подвержены перемѣнамъ. Оба эти правила несомнѣнны. Но съ другой стороны, они находятся въ частомъ противорѣчіи: ибо великое всегда болѣе или менѣе отвлеченно и способно быть выраженнымъ иносказательно; и такъ въ немъ находятся въ одно время качества, охраняющія его, и возможность легкаго искаженія. За всѣмъ тѣмъ едва ли область высшаго мышленія не лучше сохраняется, чѣмъ слова относящіяся къ міру грубовещественному. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что опредѣлительность, или, лучше сказать, исключительность мысли служитъ порукою за неизмѣнность слова.

Этому мы видимъ рѣзкій примѣръ въ именахъ числительныхъ. Отъ двухъ до десяти они сохранили единство свое во всѣхъ нарѣчіяхъ Иранскихъ и совершенное тождество съ коренною формою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ усѣченій или измѣненій, произведенныхъ различными потребностями чувства благозвучія въ различныхъ семьяхъ (какъ утрата носового звука въ Славянск. *девять* изъ кореннаго *нев* или *нав* или введенія придыханія въ Эллинскихъ словахъ для *шести* и *семи* на мѣсто прежняго свистящаго начала). Между тѣмъ мы видимъ, что слово *эка* для единицы утратилось у всѣхъ и замѣнено звуками совершенно несходными съ нимъ. Такъ у многихъ оно вытѣснено мѣстоименіемъ, а у Славянъ выводнымъ *единъ* или *одинъ* изъ *ади* или *адима*—первый. Между тѣмъ, кажется, можно сказать утвердительно, что форма *эка* первичная и находилась въ коренномъ языкѣ, по крайней мѣрѣ Эллинское слово ἑκατόν (вѣроятно *эка-сто*, одна сотня) подтверждаетъ это мнѣніе. Какъ бы то ни было, легко понять, что мысль объ одномъ не представляетъ въ себѣ того ручательства въ неизмѣнности своего выраженія, какъ мысль о четырехъ или девяти. Всякій слушавшій Русскаго крестьянина на торгу долженъ былъ замѣтить, что онъ начинаетъ счетъ съ двухъ, а не съ одного (разъ, два, три,—четверикъ, два, три и такъ далѣе), и всякій мыслящій критикъ пойметъ, что мѣстоименіе или слово, обозначающее бытіе вообще, и многія другія могутъ замѣнить слово *одинъ*, но ничто не выражаетъ шести, кромѣ слова шесть (хотя оно можетъ также назваться *одинъ-пять* или *два-три* въ народахъ, погрузившихся въ отупѣніе дикаго и одинокаго быта). Точно также можно замѣтить, что мѣстоименіе третьяго лица болѣе другихъ подвергается измѣненіямъ и что неопредѣленный глаголъ *быть*, не смотря на его высоко-религіозное значеніе, едва ли спрягается правильно на какомъ бы то ни было языкѣ.

Впрочемъ таковъ странный ходъ человѣческаго произвола въ словесномъ развитіи, что его совершенно невозможно заключить въ какія-нибудь положительныя правила. Весьма легко понять, что одинъ и тотъ же коренной звукъ могъ дѣлаться въ разныхъ нарѣчіяхъ, проистекшихъ изъ одного и того же языка, основою словъ совершенно разнозначительныхъ (какъ напр. *небо* и *Nifelheim*); но гораздо труднѣе постигнуть законъ, по которому въ нарѣчіяхъ, отдѣлившихся отъ языка уже грамматически образованнаго и давшаго уже опредѣленныя названія всѣмъ оттѣнкамъ мысли, слова́ составныя могли почти безъ всякаго измѣненія быть принятыми для названія предметовъ мало похожихъ другъ на друга. Между тѣмъ, какъ ни непонятенъ этотъ законъ, мы имѣемъ множество данныхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ немъ, и если бы вниманіе безпристрастныхъ критиковъ было обращено на него, коренное тождество всѣхъ языковъ было бы фактомъ давно уже неподверженнымъ никакому сомнѣнію.

При изслѣдованіи такихъ явленій надобно вспомнить, что въ прилагательныхъ и существительныхъ, выражающихъ какое-нибудь качество, содержится уже неопредѣленность въ отношеніи степени выражаемаго качества. Новыя слова, взятыя изъ другихъ корней, вкрадываются безпрестанно въ составъ живаго языка и соперничествомъ своимъ возвышаютъ или понижаютъ степень заключенную въ первоначальномъ выраженіи. Такимъ образомъ прилагательное или существительное имя, переходя по этой лѣстницѣ, можетъ въ теченіе вѣковъ принять смыслъ прямо противоположный его первому значенію.

Примѣръ такого перехода мы знаемъ въ Русскомъ словѣ *изрядный* (прежде *отличный*, теперь *едва ли посредственный*) или въ Англійскомъ словѣ bairn (прежде *молодецъ*, а теперь *почти дитя*), или въ Санскр. *тап* (жечь, согрѣвать), составившемъ два Славянскія слова *топить* и *тепло*, изъ которыхъ одно указываетъ на высокую, другое на малую степень жара. Это же слово, переходя черезъ Латинское *tepidus*, составило Французское *tiède* (еле тепловатое) и глаголъ *atièdir*, которымъ можно выразить не только согрѣванье слишкомъ холоднаго, но и остуженье слишкомъ горячаго. Точно также слово *идея*, которое Греку представляло едва ли не высшее достояніе человѣческаго разума, для Француза однозначительно съ словомъ вздоръ *).

Сверхъ того не должно забывать, что всякій языкъ, говоренный великимъ народомъ, не можетъ не дѣлиться на разныя нарѣчія. Сначала всякое изъ словъ, употребляемыхъ на каждомъ изъ нихъ, понятно для всѣхъ; но при первомъ переселе-

---

*) Хотя въ этомъ и проглядываетъ обычное автору нѣсколько отрицательное отношеніе ко всему Французскому (что однако не мѣшало ему высоко цѣнить Французовъ, Боссюета, Паскаля, Винэ и др.), тѣмъ не менѣе конечно вѣрно то, что въ обиходной Французской рѣчи „une idée“ представляетъ нѣчто не очень высокое; „une idée comme une autre“. *Изд.*

ніи слова́ получаютъ новыя значенія, и въ самое короткое время уже словесное сообщеніе между раздѣлившимися семьями дѣлается невозможнымъ.

Такъ Санскр. слово *стри* (сокращенное изъ *сутри* рождающая—корень *су*, какъ *духитри*—корень *дух*) и Слав. слово *жена* (корень *джанъ* рождать) должны были первоначально принадлежать двумъ нарѣчіямъ одного языка и быть понятными въ обоихъ. Теперь же Славянинъ уже не понимаетъ слова *сутри* и изъ корня *су* вывелъ только названіе самокъ въ плотоядныхъ животныхъ, особенно же собакахъ *(сука)*. Съ другой стороны и на берегахъ Инда, кажется, слово *жена* въ общемъ смыслѣ женщины утратилось и только сохранило въ священномъ Санскритѣ значеніе родильницы *(джанани)*.

Относительно къ явленіямъ видимой природы, переселеніе народа подъ новое небо и въ новую землю, растящую неизвѣстныя деревья и населенную невиданными животными, должно было перепутать всѣ понятія, и легкое сходство, замѣченное между новымъ неизвѣстнымъ и старымъ давно знакомымъ, могло придать многимъ предметамъ имена, созданныя не для нихъ.

Человѣку легче воспользоваться какимъ-нибудь случайнымъ и частнымъ сходствомъ для названія новаго предмета знакомымъ словомъ, чѣмъ выдумать новое имя. Такимъ образомъ понятно тождество Сл. *кужель* *) и Санскр. *куса*, хотя трудно замѣтить что-нибудь общее между очищеннымъ льномъ и Индѣйскимъ растеніемъ (Poa Cynosuroides). Вѣроятно, что употребленіе того и другого въ священныхъ обрядахъ богослуженія повело къ тождеству названій.

Гораздо труднѣе разгадать, какимъ образомъ одно и тоже слово могло сдѣлаться названіемъ предметовъ совершенно различныхъ, когда явно, что коренное племя знало ихъ и давало имъ разныя имена. Впрочемъ дѣло филологіи и здравой критики признавать несомнѣнные факты и выводить изъ нихъ здравыя заключенія, а не теряться въ безполезныхъ догадкахъ. А фактъ этотъ ясенъ и не подверженъ никакому сомнѣнію.

---

*) Въ „Сравненіи Русскихъ словъ съ Санскритскими“ Кужель сопоставлено съ Куга: болотное растеніе. *Изд.*

Быть можетъ, при раннемъ раздѣленіи семей еще хранилось въ людской памяти значеніе корней, изъ которыхъ уже давно развились названія деревъ, животныхъ и другихъ предметовъ; поэтому новыя имена, одинаково составленныя, могли быть приданы отдѣльными семьями тѣмъ предметамъ, въ которыхъ они замѣчали наибольшее сходство съ незабытыми корнями прежнихъ словъ. Различіе понятій должно было произвести однозвучныя слова съ разными смыслами. Впрочемъ такое предположеніе не совсѣмъ вѣроятно. Развитіе рѣчи было уже такъ велико и разнообразно (какъ мы это видимъ изъ остатковъ ея въ уцѣлѣвшихъ нарѣчіяхъ), и въ тоже время признаки умственнаго упадка и невѣжества такъ замѣтны въ самомъ первомъ отдѣленіи частныхъ семей отъ первобытной общины, что трудно уже въ то время предполагать живое сознаніе коренныхъ началъ. Вѣроятнѣе было бы другое предположеніе. Высокое просвѣщеніе, также какъ и первыя попытки дѣтскаго разума, ведетъ къ обобщенію понятій. Языкъ первоначальный могъ представлять классификаціи такія же, какъ современная наука въ Европѣ или письменная система въ Китаѣ. Конечно, это предположеніе не можетъ быть доказано вполнѣ; но оно отчасти оправдывается прилагательнымъ характеромъ словъ, обозначающихъ предметы изъ царства животнаго или прозябаемаго, и особенно подтверждается старо-Славянскою формою *баба-птица*, *левъ-звѣрь*, *китъ-рыба*, *ягода-самородина*, *плакунъ-трава* и проч. Таже самая классификація, переходя какъ наслѣдственное достояніе къ огрубѣвшимъ потомкамъ, должна была непремѣнно подать поводъ къ безконечнымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ. Общее имя рода сдѣлалось именемъ вида, имя вида сдѣлалось именемъ рода или видоваго подраздѣленія и, наконецъ, названія въ разныхъ нарѣчіяхъ такъ перепутались, что невозможно уже отгадать старую номенклатуру, существовавшую въ первобытномъ языкѣ.

Всего удобнѣе можно понять этотъ ходъ въ измѣненіи смысла словъ изъ письменныхъ формъ Китая. Всякое животное, какъ и всякое растеніе, принадлежитъ по системѣ іероглифовъ (иначе мы не можемъ назвать письмена Китайскія) къ какой-нибудь великой семьѣ, обозначенной однимъ іероглифическимъ знакомъ. Знаки подраздѣленій составляются изъ общаго родового знака и другаго, выражающаго отличительныя примѣты каждаго подраздѣленія. Очевидно, если іероглифъ перейдетъ въ скоропись и полуученая система Китайскихъ книжниковъ утратится, родовой знакъ при сокращеніи видоваго можетъ сдѣлаться видовымъ, и если тоже дѣйствіе повторится у нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ, каждый изъ нихъ обозначитъ разные виды однимъ и тѣмъ же родовымъ знакомъ, утратившимъ первоначальный свой смыслъ. Такимъ образомъ разрѣшается задача, представляемая намъ всѣми Иранскими нарѣчіями. Нѣтъ сомнѣнія, что въ родинѣ Иранцевъ извѣстна была порода волковъ. Санскритскій языкъ сохранилъ форму *врка*, соотвѣтствующую Славянской *волкъ* [1]), Германской *Wolf*. Во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ это слово имѣетъ одинакое значеніе; но въ Индіи оно уже не совсѣмъ ясно, потому что равно дается и настоящему волку и горной собакѣ. Если мы примемъ его за родовое имя, къ которому прибавлялись другія обозначающія видовыя измѣненія, мы поймемъ легко, какъ при утратѣ видоваго названія *vulpes* (корень *вулъпъ*, сохраненный въ Молдавіи) и ἀλώπηξ, очевидныя искаженія прежняго *волкъ* или *вулкъ* сдѣлались именами лисицы, и какъ другое искаженіе того же слова осталось у Римлянъ именемъ волка *lupus* (корень *лупъ* у Молдаванъ). Можетъ быть даже, въ двухъ названіяхъ Лат. *vulpes* и Гр. ἀλώπηξ усовершенствованная филологія откроетъ соединеніе родоваго и видоваго имени (т.-е. *волкъ*, и *песъ* сохранившійся только въ Славянскихъ нарѣчіяхъ). Точно также родовое *линксъ* могло принять значенія видовыя и перейти въ Сл. *лисъ*, Греч. λυγξ (*рысъ*) и Герм. *Luchs*, въ тоже время искажаясь опять въ Сл. *рысъ* и Греч. λύκος (волкъ). Замѣтимъ мимоходомъ, что весьма важное прозвище Аполлона Ликіосъ [2]), которое обыкновенно, и весьма неловко, объясняется *волчій*, едва ли имѣетъ какое-нибудь сношеніе съ четвероногими. Аполлонъ (Бѣленъ или Бѣлъ-богъ)—у Гомера покровитель Трои и ея союзниковъ; онъ вообще, какъ мы уже видѣли, богъ Сѣвера и племени Славяно-Вендскаго. Кажется, прозвище его связывается съ самимъ прозвищемъ племени, которое у Грековъ, какъ у Германцевъ, было принято за собственное имя (***Ликіи*** и ***Вильцы***, изъ *великій*). Бѣленъ Великій былъ измѣненъ въ Эллинскую форму Аполлонъ Ликіосъ и окруженъ, очень не кстати, волками по милости Эллинскихъ словотолкователей, забывшихъ происхожденіе бога и не знавшихъ никакого языка кромѣ своего. Впрочемъ для поддержанія прежняго толкованія можно бы было привести повѣрье Русскихъ, смотрѣвшихъ издревле на волка какъ на священное животное и препоручившихъ его въ наше время покровительству великомученика Георгія. Не скрывая этого довода, мы должны признаться, что онъ неудовлетворителенъ и что мысль о великомъ болѣе прилична сѣверному богу добра, чѣмъ прозвище—волчій богъ. Тоже самое, что̀ происходило съ словами *волкъ* и *лисъ*, повторилось съ словомъ *быкъ* (Лат. *bos*, *bucus*, *buculus*, Эллинск. βοῦς), перешедшимъ въ Нѣмецкое *Bock* (козелъ), съ громкимъ словомъ *тавросъ* или *тор*-осъ, Лат. *taurus*, перешедшимъ въ слово *туръ* (горный козелъ); съ словомъ *мёсъ* (Перс. корова), перешедшимъ въ Эллинское *москосъ* (теленокъ) и Славянское *мескъ* (лошакъ); или съ Санскр. *сакуна* (птица), изъ котораго составилось Сл. *соколъ* *). Такимъ же образомъ Славянское *волъ* отзывается въ Латинскомъ *vitulus* (теленокъ) и можетъ быть въ Персидскомъ *вёлъ* (лошадь), и Германское *Ziege* и Греч. *хейги* въ Русскомъ *сайга* (вѣроятно отъ *сигать, прыгать*); или Латинское *piscis* (рыба), Нѣмецкое *Fisch* въ названіи *пискаря*. Точно также слово *воронъ* или *вранъ* Славянское и Кельтское сдѣлалось Англійскимъ *wren* (произнося *ренъ*), а *Rabe* (воронъ) слышно въ Сл. *врабій*, и Эллин. κόραξ (воронъ) въ Сл. *грачь*, или Сл. *гарина* (лань) и *олень* въ *Elend* (лось); или *корова* въ Лат. *cerva*, вѣроятно *керва* (самка оленя), *ветла* въ Лат. *betula* (береза). Кромѣ различія видоваго, разницы половыя или обозначенія возраста могли быть приняты за особенное названіе животнаго. Такъ напр. слово *сука*, означавшее безъ сомнѣнія всѣхъ самокъ вообще, было присвоено однѣмъ самкамъ плотоядныхъ животныхъ, а *савака* (Санскр. щенокъ) вытѣснило изъ Русскаго языка первоначальное *песъ*. Наконецъ, можно легко понять, что одна и таже видовая примѣта первоначально прибавлялась къ разнымъ родовымъ названіямъ, какъ въ нынѣшнихъ системахъ *ружусъ*, или *грандисъ*, или *нана*, не производя никакого смѣшенія понятій; но какъ скоро утратился смыслъ прежнихъ словъ и родовое имя было откинуто народнымъ

---

[1]) Въ „Сравненіи Русскихъ словъ съ Санскритскими этого сопоставленія нѣтъ. *Изд*.

[2]) Объясненіе прозвища Ликіосъ въ смыслѣ Ликійскаго—общепринятое. Намъ неизвѣстно, у кого изъ Еллинскихъ писателей оно толкуется въ смыслѣ волчій. *Изд*.

---

*) Въ „Сравненіи Русскихъ словъ съ Санскритскими“ слово *сакуна* приведено въ смыслѣ *сокола*. *Изд.*

обычаемъ, одна и таже видовая примѣта, уцѣлѣвъ, осталась для обозначенія животныхъ, не имѣющихъ совершенно ничего общаго между собою. Отъ этого произошли сходства въ названіяхъ, теперь считаемыя за случайныя, но дѣйствительно указывающія на первобытное единство. Примѣровъ приводить не нужно, ибо они слишкомъ многочисленны и всѣ болѣе или менѣе могутъ казаться сомнительными; но къ нимъ, можетъ быть, относится звуковое тождество словъ *бобёръ* (Нѣм. *Biber*) и *бабръ*, Индостанское и Сибирское названіе великолѣпнаго тигра, никогда еще не виданнаго Европейцами, кромѣ Русскихъ Сибиряковъ, извѣстнаго въ Китаѣ и въ Гималайскихъ горахъ и отличающагося отъ всѣхъ другихъ тигровъ бѣлизною кожи и огромнымъ ростомъ. Точно также коренное слово *сигатъ*, равно утраченное въ Германіи и въ Индіи, могло служить общимъ видовымъ названіемъ, которое при утратѣ родоваго означило въ Германіи козу (*Ziege*), а въ Индіи льва (*синга*). Мы уже сказили, что всѣ примѣры болѣе или менѣе подвержены сомнѣнію, но законъ понятенъ и никакому сомнѣнію не подверженъ. Вѣроятно въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи народной можно бы еще открыть соединеніе родоваго съ видовымъ названіемъ подъ неизмѣнными прилагательными иныхъ именъ. Напр. общая форма пѣсенъ *ясенъ соколъ* очень напоминаетъ Санскр. *съена сакуни* (соколъ-птица, хотя и *сакуни* имѣетъ значеніе маленькаго орла или ястреба).

Синонимы и метафоры въ первобытныхъ языкахъ.

Всматриваясь въ любой языкъ, мы замѣчаемъ въ немъ множество синонимовъ: бѣдное богатство, котораго ничто не оправдываетъ. Апріористы, всегда готовые на рѣшеніе всякаго вопроса, догадались, что ходъ ума человѣческаго въ первобытныхъ общинахъ не долженъ былъ допускать разнозвучныхъ именъ для одного и того же предмета. Это мнѣніе довольно вѣроятно; но отъ него развилось другое, совершенно безсмысленное, хотя и имѣетъ многихъ защитниковъ, именно что всякій синонимъ есть плодъ смѣшенія нарѣчій. Самое легкое изученіе языковъ современныхъ и словъ родившихся и погибшихъ уже на памяти человѣческой, должно избавить насъ отъ такого заблужденія. Когда какой бы то ни было предметъ обращаетъ на себя исключительное вниманіе и изученіе, всѣ мелкіе оттѣнки его получаютъ особенныя имена, понятныя и ясныя для всѣхъ. Если въ жизни народа или въ направленіи мысли произойдетъ перемѣна, тонкія различія, замѣченныя предками, сдѣлаются непонятными для потомковъ, и явится множество синонимовъ на мученіе книжникамъ и на радость стихотворцамъ.

Несчастный переломъ въ жизни Русскихъ, расторгая или, по крайней мѣрѣ, ослабляя узы древняго семейства, почти изгладилъ изъ памяти нашихъ современниковъ тонкія различія родственныхъ отношеній, которыя были такъ богато развиты чисто-семейною жизнію старыхъ Славянъ. Мы надѣемся, что невѣжество наше пройдетъ вмѣстѣ съ его причиною, съ жалкимъ поклоненіемъ одностороннему просвѣщенію и мелкому быту Западныхъ народовъ, но должны признаться, что къ стыду нашему большая часть такъ называемаго образованнаго класса не умѣетъ различить снохи отъ невѣстки или даже деверя отъ зятя, хотя всѣ эти слова принадлежатъ языку первобытному и многія даже составлены по закону Славянской личности. Тоже самое, чтò происходитъ въ наше время, происходило отъ начала вѣковъ, и самое первое человѣческое нарѣчіе должно было представлять множество синонимовъ, хотя и не столько, сколько его искаженныя отрасли. Такъ, напримѣръ, мы видимъ въ Славянскомъ языкѣ, что съ самаго ранняго возраста, въ немъ жили два слова, означающія рожденіе, теперь забытыя: *су* и *род* (Санскр. *су* родить, *руди* происходить). Отъ обоихъ словъ возникли и разрослись безчисленныя отрасли: *сынъ*, *сноха*, *народъ*, *порода* и проч.; изъ нихъ же развились и два синонима, нѣкогда различавшіеся смысломъ, но теперь однозначащіе въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ: *сукъ* и *роженъ* и *роженецъ*. Слова *сукъ* не должно сводить съ Санскр. *сакха*, вѣтвь, которое осталось въ Сл. *соха*, раздвижной корень. Такимъ образомъ возникаютъ синонимы изъ самой жизни народнаго языка или нарѣчія.

Впрочемъ изо всѣхъ причинъ, способствовавшихъ къ уничтоженію всякаго сходства между нарѣчіями, болѣе всѣхъ должна была дѣйствовать склонность юношескихъ народовъ выражать предметы метафорою или словомъ описательнымъ. Теперь еще Аравитянинъ въ своихъ импровизированныхъ пѣсняхъ или въ живой восторженной рѣчи охотно пропускаетъ существительное имя и просто выражаетъ предметъ прилагательнымъ словомъ. Къ метафорамъ должны были присоединиться имена мѣстностей, съ которыми была связана идея отличія или превосходства.

Едва ли не эта причина множества разныхъ названій коня въ Санскритскомъ языкѣ: и, не смотря на то, что Санскритологи придумали корни для словъ *асва* и *турага*, нельзя не вспомнить, что Индія бѣдна лошадьми и что въ *асва* слышно имя Азовъ, а въ *турага* имя ихъ сѣверныхъ сосѣдей Туранцевъ. Замѣтимъ, что филологи вообще слишкомъ много придаютъ важности отдѣльнымъ буквамъ и требуютъ отъ нихъ излишней неприкосновенности. Хотя въ словѣ *асва*, *с* или скорѣе дѣтское картавое *ш* разнится отъ *з* въ словѣ *азъ*, не должно отвергать возможность этимологіи, основываясь на одной этой примѣтѣ. Во многихъ языкахъ *с* принимаетъ звукъ *ш* при иныхъ условіяхъ (напр. въ Нѣмецкомъ) или колеблется между звукомъ *с*, *ц* и *к* (какъ въ Латинскомъ *кастусъ* и *инцестусъ*); въ самомъ же Санскритскомъ множество синонимовъ разнятся только звуками *ш* и *с* (или *з*), то-есть не разнятся вовсе: напр., прозвище *сри*, данное женскому человѣкообразному началу въ миѳологіи (*Лакшми*) есть безспорно не что иное какъ *стри*, т.-е. *жена*. Въ этомъ убѣдится всякій, сколько-нибудь изучившій характеръ разныхъ религіозныхъ системъ въ Индіи. Впрочемъ слово *турага* напоминаетъ также и названіе *таврос* и *туръ* и, можетъ быть, относится къ прежде замѣченнымъ нами переходамъ видовыхъ и родовыхъ именъ.—Не нужно искать примѣровъ тому, какъ прилагательныя, взятыя изъ мѣстностей, вытѣснили мало-по-малу настоящія имена животныхъ; многіе довольно извѣстны, но одинъ, еще не замѣченный, особенно важенъ въ смыслѣ историческомъ. Это имя *русакъ*. Оно безспорно не происходитъ отъ цвѣта шерсти, нисколько не похожей на русую, и доказываетъ, что сѣверные Русскіе долго называли Русью только южную сторону*):

---

*) Это предположеніе сходится съ другимъ: южные Россія - степная, Русь-просторъ (Lat-rus), *русакъ* есть дѣйствительно южный заяцъ, степной. *Изд.*

ибо, какъ извѣстно, сѣверный заяцъ *бѣлякъ*, и русаковъ мало въ дремучихъ лѣсахъ нашей Новгородской колыбели. Но, какъ мы сказали, метафора болѣе всего измѣняла словесный составъ языковъ. Напр., есть животное, которое почти во всѣхъ нарѣчіяхъ утратило свое коренное имя и получило прозвище отъ своего крика. Это *пѣтухъ*, *пѣвенъ* или *пѣтелъ*, котораго имя было въ старину *куръ* или, судя по женской формѣ *кокша* или *кокошъ*,—*кокъ*, страннымъ образомъ отзывающійся во Французскомъ языкѣ, вѣроятно изъ древне-Галлійскаго, по Гр. ἀλέκτορ (пробудитель), въ Сибирскихъ нарѣчіяхъ *тaушъ* (голосъ), по лат. *gallus* (тоже *голосъ*, *garrulus*) и такъ далѣе. Славянскія нарѣчія также дали вообще прозвище медвѣдь или *вѣдмедь* животному, лакомому до лѣснаго меда, и такимъ образомъ невозможно уже узнать стараго названія и замѣтить въ немъ тождество съ другими языками Иранскими, хотя самое прозвище составлено изъ словъ, принадлежащихъ къ общему достоянію, именно Санскр. *вид* (знать) и Санскр. *мадгу* (медъ), изъ котораго вѣроятно также составились Санскр. *мад* быть пьянымъ и Кельтійское *mad*, бѣшеный, по извѣстному свойству старыхъ медовъ (Замѣтимъ, что Латинское *мадера*, Санскр. *мадъ* жидкость, истекающая изъ висковъ слона, происходятъ вѣроятно отъ другого корня *потъ*, общаго для идеи жидкости и перешедшаго въ носовой звукъ). Кажется, можно утвердительно сказать, что нѣкогда Славяне давали медвѣдю тоже имя, которое сохранилось въ Нѣмецкомъ языкѣ *Bär* и что это слово было родовымъ для многихъ плотоядныхъ. Отъ того до сихъ поръ логовище медвѣдя называется *берлога*; отъ того имя *бар-сукъ* (какъ будто медвѣженокъ) и *бир-юкъ* или *бер-юкъ* (волкъ въ иныхъ частяхъ Россіи, а въ другихъ медвѣдь по поговоркѣ: бирюкъ-те нанюхайся). Точно также мы уже замѣтили, что *сорока* есть только иносказательное названіе (нарядная) и что по всей вѣроятности сорока называлась въ старину *пѣга*, хотя нельзя утвердительно сказать, чтобы и имя *пѣга* не было иносказательнымъ прозвищемъ, значущимъ разноцвѣтный. Древнее значеніе этого слова въ Греческомъ πεγάσος (безспорно двуцвѣтный: конь Персея принадлежитъ, какъ и самъ Персей, къ высокимъ символамъ древней вѣры Ирана и къ эмблемамъ *свѣтло-мрачнаго* міра). Славяне, какъ видно, чище сохранили первобытный звукъ. Въ *лебедь* можно подозрѣвать простую перестановку буквъ слова *бѣлый*; въ Нѣм. *Adler* (орелъ), кажется, ясно понятіе о благородномъ; въ *Schwan* (лебедь) видно прежнее *свэтанъ* (Санскр. *свэта* бѣлый); въ Греч. ἵππος, соотвѣтствующемъ по закону придыханія Адигейскому и Абазинскому *шибсъ*, отзывается вѣроятно утраченный корень *шиб* (Славянск. *шибкій*, быстрый). Послѣднее предположеніе кажется довольно смѣлымъ; но догадка, что слово *конь* было коренным именемъ для лошади, подтверждается разительнымъ сходствомъ именъ Греч. *кентавровъ* съ конскими тѣлами и Индѣйскихъ *киннара* съ конскими головами. Созвучіе двухъ первыхъ слоговъ не случайно, а объясненіе *киннара* отъ *кимъ* и *нара* (что̀ за люди?) точно такъ же нелѣпо, какъ и выводъ *кувера* отъ *что̀ за тѣло?* или отъ *дурнотѣлый*. Остается предположить, что слово *кен*, *кин*, такъ же какъ Слав. *конь*, означало лошадь, или что оба народа Славянскіе (жители земли приГималайской, т.-е. Бактріи) и горъ Ѳракійскихъ были и называли себя конниками. Совпаденіе словъ *конь* (лошадь) и Кельтскаго *куанъ*, Гр. κίων, Лат. *canis* (собаки) и прочія подобныя довольно странно: быть можетъ, оно только случайное, а вѣроятнѣе всѣ эти слова суть видовыя прозвища съ утраченнымъ началомъ, равно приличнымъ лошади и собакѣ (какъ, напр., въ новѣйшихъ системахъ *domesticus*). Тѣже примѣры метафоры, которые мы видѣли въ именахъ животныхъ, легко бы прослѣдить и въ названіи всѣхъ другихъ предметовъ. Такъ Санскр. слово *сила*, означающее свойство или крѣпость духа, сохранившееся въ Славянскомъ языкѣ отчасти въ значеніи смысла (не та сила, не тотъ смыслъ), но принявшее однакоже болѣе уже значеніе крѣпости тѣлесной, дало начало Латинск. *silex* (кремень); и между тѣмъ какъ общее родовое *кость* принимало въ Латинскомъ видовой смыслъ ребра (*costa*); самое слово *ребро* (Нѣм. *Ribbe*) принято было иносказательно за эмблему и за выраженіе силы (*robur*) и вторичнымъ иносказаніемъ за названіе горнаго дуба. Другія же названія дуба происходили или отъ *съѣдомый* (*aesculus*) или отъ *господенъ* (*quercus*, вспомнимъ Гр. κύριος)*). Названіе молніи почти вездѣ представляетъ доказательство описательнаго характера: Герм. *Blitz* (отъ блескъ), также какъ Сл. *блескавица*, Русск. *молнія* (отъ *мол-оть*, сокрушать, общаго Латинскому, Скандинавскому, Нѣмецкому и другимъ); Гр. ἀστραπή

---

*) Корень слова quercus еще не найденъ. Pictet, Origines 1, 215. *Изд.*

(отъ ἀστήρ блескъ). Лат. *fulmen* (отъ *fulgere*), Сл. *пылмя*, или *полмя*, или *пламя*, Лат. *flamma*, и проч., такъ что невозможно узнать первобытную форму, нѣкогда общую всѣмъ Иранцамъ. Гораздо легче отыскать древнее названіе для неба. Оно сохранилось у Славянскихъ народовъ, отчасти у Брахмановъ и у Кельтовъ: но у другихъ оно уступило иносказаніямъ: напр., въ Греческомъ языкѣ οὐρανός, отъ Сл. *ypy*—великій, Нѣм. *ur* древній, Гр. οὖρος въ Іонійскомъ нарѣчіи, гора; въ Нѣмецкомъ *Himmel* (какъ мы видѣли отъ *гимле-рай*, Сл. *земля*), въ Латинскомъ *coelum* (вѣроятно, отъ одного корня съ *Кайласа* *), можетъ быть Сл. *коло*, кругъ или отъ *чела*—высшая точка, предѣлъ), вытѣснили первобытное Иранское имя *небо* и ограничили его значеніе частными небесными явленіями. Всѣ эти измѣненія въ кругѣ Иранскаго слова не принадлежатъ къ глубокой древности: родство нарѣчій и тождество кореннаго языка ясны и безспорны; но когда взглядъ филолога обниметъ всѣ нарѣчія человѣческія, тогда придется тѣже самые пріемы критическіе перенести въ отдаленные вѣка, и полная жизнь человѣчества представится ясною, понятною для всего просвѣщеннаго міра.

Должно различать простое сродство корней и совпаденіе полныхъ развитыхъ формъ. – Мѣсто языка Славянскаго въ семьѣ Индо-Европейской.

Мы уже сказали, что не всѣ звуки тождественные въ языкахъ заслуживаютъ одинаковаго вниманія. Возрасты историческіе опредѣляются самымъ характеромъ словъ и ихъ внутреннимъ значеніемъ. Сходство корней показываетъ единство первоначальнаго племени, сходство въ словахъ уже развитыхъ по одному какому нибудь закону показываетъ мирное и братское житье подъ однимъ небомъ, на одной землѣ, при одинакихъ условіяхъ быта. Чѣмъ многообразнѣе, чѣмъ глубже и отвлеченнѣе предметы, обозначенные одними и тѣми же звуками въ различныхъ нарѣчіяхъ, тѣмъ явнѣе, что разрывъ семей происходилъ поздно и что мысль у нихъ поднималась и упадала, яснѣла и помрачалась подъ вліяніемъ одинакихъ законовъ. Таковы примѣты словесныя, которыми подтверждаются

---

*) Кайласа—миѳическая гора, мѣстопребываніе Куверы и Сивы въ Индійскомъ баснословіи. *Изд.*

данныя изъ исторіи, изъ быта и религіи, и которыя утверждаютъ за Славянами безспорное первенство передъ всѣми другими выходцами Ирана, заселившими пространство Европы.

Обозначивъ различную важность словъ, мы должны еще вспомнить, что нарѣчія тѣсно связаны съ народами. Въ каждомъ языкѣ высказывается отдѣльная семья человѣческая, и точно такъ же, какъ мы не должны ставить на одной степени всѣ слова, заключенныя въ лексиконъ любознательностью филологовъ, или просить у нихъ безъ разбора данныхъ для разрѣшенія историческаго вопроса, такъ мы не должны приписывать одинаковаго значенія всѣмъ нарѣчіямъ и семьямъ человѣческимъ и искать у нихъ матеріаловъ для мысленнаго возобновленія великаго зданія, сокрушеннаго вѣками и воинственною дикостью племенъ, забывшихъ человѣческое достоинство и святость братскаго общенія.

Наслѣдство великихъ предковъ переходило во владѣніе многочисленнымъ потомкамъ. Каждой семьѣ доставалось оно во всей полнотѣ мысли и слова; но каждая семья владѣла и пользовалась имъ безъ чужой опеки и оглядки на другихъ. Всякое отдѣленіе рода человѣческаго, увлеченное въ раннія смуты и борьбы, побѣдительное или побѣжденное, безпрестанно подпадало вліянію своихъ братьевъ—враговъ и принимало въ себя новыя начала отъ чуждыхъ, ограниченныхъ личностей. Очевидно, что чѣмъ семья была малочисленнѣе и чѣмъ болѣе она была стѣснена въ своихъ географическихъ предѣлахъ, тѣмъ сильнѣе было дѣйствіе сосѣднихъ племенъ. Это законъ чисто-геометрическій, отношеніе окружности къ площади или линіи къ ея квадрату. И такъ, уже по всѣмъ внѣшнимъ причинамъ мелкая семья не заслуживаетъ равнаго вниманія съ многочисленною и разселенною на большемъ пространствѣ земли.

Внутреннія причины еще сильнѣе. Дайте человѣку мертвую природу и безмолвное вещество: вы дали полную свободу и просторъ его личному произволу, не ограниченному и не обузданному законами необходимости, преданія и единства въ словѣ и мысли. Врожденныя потребности истинной или ложной гармоніи въ звукѣ и въ понятіи высказываются въ наглой независимости отъ тѣхъ же потребностей во всякой чужой, независимой личности и отъ условій, безъ которыхъ невозможны общежительность и взаимная передача духовной жизни.

Чѣмъ менѣе сообщенія между племенами, чѣмъ болѣе земля перерѣзана чащею лѣсною, топью болотъ, бурнымъ теченіемъ рѣкъ, или чѣмъ шире просторъ пустынь, раздѣляющихъ между собою семьи человѣческія, тѣмъ многочисленнѣе нарѣчія и тѣмъ малочисленнѣе народы, говорящіе однимъ и тѣмъ же языкомъ. Такъ, напр., въ тѣсныхъ границахъ Гвіаны племя, составленное всего на все изъ осьмидесяти тысячъ лицъ, говоритъ тремя языками, совершенно несходными между собою и раздѣленными на двадцать, рѣзко обозначенныхъ, нарѣчій*). Картавые родоначальники передаютъ картавость своимъ потомкамъ потому только, что они одни учатъ ихъ слову человѣческому; гнусавые, шепелявые и пр. передаютъ точно также въ наслѣдство недостатки своего организма (такъ напр. Китайцы никогда не произносятъ звука *р*, хотя очень способны его произносить, и нарѣчіе, искаженное жалкою ограниченностью личной болѣзни, гордо становится на ряду со всѣми другими человѣческими языками). Но произволъ, основанный на односторонности направленія умственнаго, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ потребность физической организаціи. Слово есть условное и покорное орудіе мысли; оно принимаетъ въ себя всѣ ея оттѣнки, хотя съ другой стороны оно также сильно дѣйствуетъ на ея развитіе. Семья, удалившись отъ общенія съ прочими семьями человѣческаго рода, не имѣетъ физической возможности передавать и принимать отъ нихъ духовную жизнь; но прежде чѣмъ она поставила между собою и ими вещественныя преграды, она уже стремленіемъ своимъ къ быту разобщенному и произвольнымъ удаленіемъ обличила отсутствіе человѣческой любви. Семьи, брошенныя случайно въ глубь пустынь и въ заточеніе островов, составляютъ немногочисленное исключеніе, которое не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Можно принять основнымъ правиломъ, что тотъ, кто не дорожитъ сожитіемъ съ людьми, не дорожитъ и рѣчью человѣческою. Языкъ для него есть орудіе чисто физическое, какъ рука или нога. Его нужды тѣлесны, его побужденія тѣлесны: святыня мысли для него исчезла

---

*) Chez les races placées au plus bas de l'échelle sociale la langue n'est plu guère qu'un procédé sans traditions dont on a peine au bout de quelques années à reconnaître l'identité. Renan, Système des langues Sém. 101. *Изд.*

а съ нею и святыня слова, чуднаго храма, созданнаго для мысли. Прежняя рѣчь, хранительница вѣковыхъ преданій и вѣковой мудрости, должна упасть на степень крика, даннаго природою всѣмъ животнымъ для призванія подобныхъ себѣ на помощь или для условнаго знака ночной ловитвы. Таковы болѣе или менѣе всѣ одичавшія племена; таковы въ нашъ вѣкъ выходцы жизни Европейской и образованности Европейской, удаляющіеся изъ границъ Соединенныхъ Штатовъ или Канады въ дикую степь за безконечную рѣку (Миссиссипи) или въ кочевье за краснокожихъ звѣролововъ. Не у такихъ семей, не у ихъ потомковъ должно искать древней вѣры, древняго слова, древняго преданія. Они избрали въ жилище пустыню, потому что душа въ нихъ была сама пустынна и мертва. Но тотъ, кто, не удаляясь въ страны необитаемыя, внутреннимъ духомъ вражды и ненависти къ своимъ братьямъ-людямъ, созидаетъ около себя пустыню, какъ большая часть воинственныхъ народовъ, обличаетъ въ себѣ тоже самое стремленье къ безсловесному быту. Уединяя себя въ дикую и себялюбивую свободу, онъ скидаетъ хранительные оковы старины и обычая, общихъ всѣмъ первобытнымъ народамъ. Наслѣдство мысли, слова, звука, полученное имъ отъ предковъ, уже нужно ему не для жизни со всѣми людьми воецино, но для домашняго обихода въ кругу малочисленной семьи. Своя монета, свой чеканъ. Тутъ разгулъ произволу и прихотямъ метафоры и злоупотребленью видовыхъ названій за родовыя или прозвищъ за имена и искаженію звука, соотвѣтствующему искаженію внутренней гармоніи чувства и помысла. И такъ, мы не должны искать слѣдовъ глубокой древности въ семьяхъ мелкихъ, разрозненныхъ или выказывающихъ по преимуществу духъ воинственной дикости. Мы можемъ принимать данныя отъ нихъ какъ средство вспомогательное, но въ тоже время должны помнить, что указанія истинныя и богатыя могутъ дѣйствительно быть найдены только въ племенахъ могучихъ и многочисленныхъ и что эти указанія тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе самыя племена отличались мирнымъ, торговымъ и словеснымъ характеромъ. Можно конечно предположить, что какой-нибудь маленькій народъ, теперь едва замѣтный на географической картѣ, есть обломокъ племени нѣкогда великаго и сильнаго, утратившаго свое единство или почти стертаго съ лица земли напоромъ другихъ племенъ, поглотившихъ его самостоятельность, и что этотъ обломокъ уцѣлѣлъ случайно подъ защитою горныхъ преградъ или непроходимыхъ лѣсовъ. Такое предположенiе возможно; но во-первыхъ, оно позволительно только тогда, когда есть явные слѣды нѣкогда великаго значенiя обмельчавшаго народа; во-вторыхъ, оно не совсѣмъ вѣроятно, потому что малочисленный остатокъ семьи, нѣкогда любившей общенiе человѣческое, мирный бытъ и дружную встрѣчу со всею своею земною братьею, долженъ, мало-по-малу, исчезать въ массахъ его окружающихъ; и наконецъ, если упадокъ великаго племени происходилъ въ глубокой древности, его малый обломокъ уже давно исказился по внѣшней причинѣ, выведенной изъ отношенiй границъ къ площади, ими охваченной, и по внутренней причинѣ, выведенной изъ преобладанiя личнаго произвола во всякомъ разъединенномъ народѣ. Поэтому, какъ ни любопытны особенности Баскскаго языка, какъ ни страненъ характеръ его словоращенiя, мы видимъ одинъ только призракъ въ надеждахъ филологовъ, воскрешающихъ изъ него древне-Иберское нарѣчiе, и увѣрены, что почтенный и добросовѣстный трудъ ихъ останется почти безплоденъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что Баски нашего времени не потомки Кельтовъ и происходятъ прямо отъ стародавней семьи Иберцевъ,—Васковъ. Имя ихъ сохранилось въ названiи дiалекта *эуск-ара* и въ имени самаго народа *эускальдунакъ*; и еще болѣе въ общемъ согласiи сосѣднихъ народовъ, которые называютъ ихъ Басками. Но въ названiи *эускальдунакъ*, кажется, нельзя не узнать соединенiя двухъ именъ *эускъ-кальдун-акъ*, котораго первая половина принадлежала древней Иберской отрасли, а вторая *кальдунъ* Кельтскому племени, такъ часто называвшему себя *Каледонами* или по крайней мѣрѣ такимъ названiемъ, которое легко измѣнялось въ эту форму. Соединенiе двухъ народныхъ прозвищъ въ одно—явленiе весьма обыкновенное (такъ напр. *Кельтъ-Иберы*, *Язъ-Зиги*, *Сако-Гевы*) и не можетъ нисколько останавливать критика, а признанiе народное, заключенное въ особенномъ его имени, не можетъ намъ оставлять никакихъ надеждъ на чистоту нарѣчiя. Априористическiй выводъ вполнѣ подтверждается огромною разностью между отдѣльными отраслями Баскскаго языка въ разныхъ долахъ и пригорьяхъ Пиренейскихъ, а еще болѣе явнымъ сплавомъ корней, занятыхъ изъ всѣхъ возможныхъ нарѣчій. Иберское начало въ словарномъ составѣ Баскскаго языка можетъ быть отдѣлено только путемъ отрицательнымъ, т.-е. посредствомъ отдѣленія всѣхъ словъ Кельтскихъ, Римскихъ, Германскихъ, можетъ быть Арабскихъ и безспорно Славяно-Вендскихъ. Останется ли что нибудь въ словарѣ Басковъ? Сомнительно, но безспорно останется, въ утѣшеніе ученымъ и мѣстному самолюбію народа, цѣлая грамматика самобытная и богатая. Пойдетъ ли она за Иберскую? Тогда Англійская должна идти за Нѣмецкую и Молдаванская за Латинскую.—Мы уже сказали, что наслоеніе племенъ не есть нарощеніе ископаемыхъ массъ, и что смѣшеніе ихъ не похоже на каменные аггрегаты, которые въ любой лабораторіи разлагаются на свои первичные составы. Живое живо; оно не сращается, не накопляется, не смѣшивается. Оно творитъ самобытно и вольно. Новая смѣсь племенъ: новый языкъ, новый строй мысли, новый законъ грамматическій. Такъ мы видимъ, что всякое нарѣчіе, даже Офенское [1]), получаетъ немедля жизнь полную и органическую. Самая грубая мысль человѣческая создаетъ себѣ форму по себѣ, и самая бѣдная мысль имѣетъ въ себѣ живую личность, дающую ей въ чемъ нибудь преимущество передъ другими личностями богатыми и по основному содержанію, и по наружному развитію. За всѣмъ тѣмъ, хотя мы не высоко цѣнимъ важность Басковъ для языкознанія или для науки о племенахъ или вообще для всѣхъ отраслей историческаго ученія, но (судя по нѣкоторымъ даннымъ и особенно по числительнымъ именамъ) мы увѣрены, что и отъ нихъ многія любопытныя подробности поступятъ въ общее достояніе человѣческое. Пристрастіе къ этой семьѣ, порожденное нѣсколькими бѣглыми примѣчаніями знаменитаго ученаго [2]) не слишкомъ распространялось и до сихъ поръ не принесло ни большой пользы, ни большого вреда наукѣ.

Гораздо вреднѣе ошибка Западныхъ ученыхъ, которые, по какому-то странному ослѣпленію, благоволили счесть Литовское нарѣчіе представителемъ безконечной области Славянской. Бѣдное племя, не замѣтное для лѣтописцевъ въ то время, когда Русь стала сливать воедино отдѣльныя общины Славянъ между Балтикою и Чернымъ моремъ; не замѣтное даже тогда, когда эти общины снова стали отдѣляться другъ отъ друга, подъ названіемъ удѣловъ; ничтожное въ самое время крайняго ослабленія разорванной и умирающей Руси; ничтожное не только въ отношеніи къ могучимъ восточнымъ сосѣдямъ, но и въ отношеніи къ слабымъ сосѣдямъ на Западѣ; племя, которое осмѣлилось выйти изъ своихъ лѣсныхъ убѣжищъ только тогда, когда сила Монголовъ подавила всю физическую дѣятельность и всю духовную бодрость въ землѣ Русской, которое получило историческое значеніе только потому, что къ нему, еще свободному и непокоренному, примкнули разсѣянныя дружины Западной Руси, признавшей въ немъ родство языка и крови; племя безъ образованія, безъ очерковъ, безъ особой вѣры, кромѣ обще-Славянской, и безъ грамоты (охраны языка) кромѣ той, которую они заняли весьма поздно отъ Славянъ же: вотъ то племя, которое должно было занять первое мѣсто въ Славянской общинѣ передъ судомъ Германскихъ критиковъ. Диво ли послѣ того, что они еще глухи и слѣпы къ великимъ наставленіямъ истинной филологіи? Мы не предполагаемъ въ Германцахъ ненависти и злоумышленія къ племени Славянскому, мы убѣждены въ добросовѣстности ихъ ученыхъ; но таково грустное наслѣдство прежнихъ темныхъ вѣковъ народной ненависти, что потомки угнетателей, сами не замѣчая того, еще находятся подъ неразумнымъ вліяніемъ страстей, нѣкогда волновавшихъ ихъ дикихъ предковъ *). Мы уже сказали, что, по неизмѣнному нравственному закону, вѣчно проявляющемуся во всѣ мгновенія исторіи, зло, какъ и добро, всегда возвращается къ своему источнику, и чувство вражды глубже проникаетъ въ душу оскорбителя, чѣмъ въ душу оскорбленнаго. Оттого Славяне, угнетенные и во многихъ мѣстахъ почти уничтоженные, охотнѣе отдаютъ справедливость Германцамъ-притѣснителямъ, чѣмъ Германцы Славянамъ. Быть можетъ, таково мелкое внутреннее побужденіе, по которому ученые Нѣмецкіе, а за ними и всѣ Западные, невольно принужденные дать мѣсто въ своихъ розысканіяхъ своимъ великимъ соперникамъ, ставятъ на первый рядъ безсильную и ничтожную семью Славянскую, тѣмъ самымъ какъ будто признавая во всѣхъ остальныхъ словесный упадокъ и племенное смѣшеніе. Хитрые инстинкты страсти совращаютъ съ пути истины самыя чистыя души; но стоитъ только разоблачить темное побужденіе, чтобы освободить разумъ, невольно увлеченный въ обманъ. Нѣтъ никакого сомнѣ-

---

[1]) Т. е. офеней, разнощиковъ. *Изд.*

[2]) Вѣроятно В. Гумбольдта. *Изд.*

---

*) Здѣсь говорится о томъ, что подробнѣе развито въ другихъ отдѣлахъ этого труда, именно что Германцы являлись аристократическими дружинами въ племенахъ инородныхъ и особенно Славянскихъ, подчиняя и порабощая ихъ. *Изд.*

нія, что Литва принадлежитъ вполнѣ Славянской отрасли: таковъ выводъ изъ ея языка, вѣры и обычаевъ. Но самое имя *Литва*, собирательное изъ имени *Литъ* (по формѣ Санскрито-Славянской), напоминаетъ вполнѣ всѣ названія, данныя Славянами сѣвернымъ сосѣдямъ, иноплеменникамъ. Уже въ немъ слышится нѣкоторое отчужденіе народа Литовъ отъ остальной братіи, и это указываетъ или на смѣшеніе, или на бытовое и словесное измѣненіе, ибо кореннаго различія принимать невозможно. Начало слова *Лит-ва* (*Литъ*) совершенно совпадаетъ съ именемъ ихъ сосѣдей Леттовъ, и языкъ ихъ представляетъ множество слѣдовъ Леттской примѣси: поэтому мы уже не имѣемъ никакаго права считать нарѣчіе Литовское за искони самостоятельное. Въ вѣрѣ ихъ мы слышимъ отзвукъ чисто-Славянскаго поклоненія Велесу, Перуну и другимъ, а хранитель ея священной тайны носитъ имя Кривскаго поколѣнія (какъ въ Америкѣ у Тупаевъ жрецы назывались *Карибъ*, а теперь у мелкихъ тамошнихъ семей они называются *Тупи* или *Тупинамбу*): явное доказательство, что каста жрецовъ принадлежала къ племенамъ просвѣщеннѣйшимъ. Поэтому мы можемъ смѣло признать исконное преимущество Славянъ передъ Литвою въ отношеніи къ образованности. Въ грамматикѣ замѣтно точно тоже превосходство. Самый поверхностный сводъ, не говорю со всѣми Славянскими нарѣчіями, но даже съ однимъ Великорусскимъ, долженъ убѣдить безпристрастнаго критика въ сравнительной ничтожности Литовскаго. Иначе и быть не могло. Земля, покоренная Готѳами, плотно окаймленная Финнами, едва ли не завоеванная поочередно Языгами и Сарматами, безъ сомнѣнія завоеванная Русскими Славянами, не могла сохранить той полной самостоятельности, которая сохранилась въ великомъ мірѣ Славянскомъ безконечностью области, многочисленностью племени, взаимными сношеніями между семьями, не утратившими памяти о своемъ родствѣ, и спасительнымъ дѣйствіемъ письменнаго языка. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать въ Литовскомъ нарѣчіи нѣкоторыхъ формъ первобытныхъ, утраченныхъ Славянами. Таковы между прочими иныя окончанія на *съ*. Вполнѣ мы не отвергаемъ темныхъ и сказочныхъ преданій Литвы. Мы не видимъ ничего невозможнаго или неправдоподобнаго въ пришествіи Латинской колоніи. Во время движенія большихъ народныхъ массъ, дробныя отдѣленія ихъ могли получить направленіе совершенно противоположное общему, также какъ при берегахъ морскихъ или въ проливахъ, перехваченныхъ скалами, образуются мелкія, иногда подводныя теченія, прямо противоположныя главному и нормальному движенію волнъ. Такъ точно колонія или крѣпость Римская, охваченная внезапно быстрымъ напоромъ Германцевъ въ то время, когда ударъ Гунно-Булгарскій перемѣнилъ ихъ южное направленіе на западное, могла искать убѣжища въ лѣсахъ и, не видя возможности возврата на родину, могла пробраться на Востокъ до тѣхъ племенъ, которыя не знали сосѣдства Римскаго и не были ожесточены Римскимъ властолюбіемъ. Этимъ оправдались бы, можетъ быть, преданія Литвы (если это дѣйствительно преданія народныя); но нѣтъ сомнѣнія, что незначительное вліяніе мелкой Римской колоніи не объяснило бы многихъ особенностей Литовскаго нарѣчія, сближающихъ его съ кореннымъ языкомъ Ирана. Конечно, иныя изъ нихъ могутъ быть простою игрою случая и слѣдствіемъ органическаго развитія, основаннаго на тождествѣ корней и на сходствѣ законовъ словоращенія; но большая часть очевидно наслѣдственное достояніе, переданное древнею великою общиною своимъ сѣвернымъ потомкамъ. Напримѣръ, Славянскій языкъ, утратившій, вслѣдствіе своихъ особыхъ законовъ благозвучія, окончанія на *съ*, представляетъ явныя доказательства этихъ окончаніи во множественномъ числѣ. Форма *небо—небеса, око—очеса, древо—древеса, чудо—чудеса* (род. *небесъ, очесъ, чудесъ*), переноситъ насъ въ глубочайшую древность и показываетъ значеніе Литовскихъ окончаній. Точно также мы видимъ, что Славянскій языкъ утратилъ многія окончанія на *ръ* или *ри*, но воскрешаетъ его въ родительномъ падежѣ: *матъ—матери, дочь,—дочери* и пр. Это очевидно остатокъ древне-причастной формы, сохранившейся въ *духитри*, *сутри* (теперь *стри*) и другихъ, точно такъ же, какъ въ Латинскомъ окончаніи на *tor*, *trix* (*imperator*, *genitrix*) и въ умягченномъ Славянскомъ на *тель* (*сьятель, свидътель*). Многія формы такаго рода сохранены еще Литвою; безъ сомнѣнія иныя ей переданы Готѳами, ибо прямое вліяніе Готѳовъ очень замѣтно*). Но большая часть явно самобытна, и за всѣмъ тѣмъ эти особенности, свидѣтельство близкаго сродства съ Ираномъ, ничтожны передъ могучимъ зданіемъ

---

*) Объ отношеніяхъ Литвы къ Готѳамъ у Шафарика Слав. Древности, отд. Литовскія племена. *Изд.*

Славянскаго и особенно Великорусскаго языка, котораго всѣ части, логически-стройныя и органически созданныя изъ уцѣлѣвшихъ корней, носятъ на себѣ неизгладимую печать словеснаго развитія, которое уступаетъ одному только Санскриту, святынѣ, сохраненной кастою Брахмановъ и сохранившей Брахмановъ Иранцевъ отъ враждебнаго насилія Кушитовъ. Личное самолюбіе Славянскихъ семей будетъ еще спорить о первенствѣ, и каждая изъ нихъ, подобно Литвѣ, и можетъ быть болѣе Литвы, представитъ доказательства въ пользу своихъ правъ: напр., семья Ляховъ похвалится, и справедливо, тѣмъ, что она одна сохранила мѣстоименію перваго лица форму, ближайшую къ древности (*ямъ*); но здравая филологія не допуститъ этихъ исключительныхъ требованій и не должна искать данныхъ для безпримѣсной истины тамъ, гдѣ всего явнѣе смѣсь и чуждыя вліянія. Замѣтимъ однакоже въ пользу Литвы, что какъ она ни одичала, какъ она ни огрубѣла въ своихъ лѣсахъ и въ темномъ бытѣ вѣчной войны, она съ одной стороны примыкала къ чистому племени Велико-Руссовъ, съ другой вѣроятно примыкала къ морю и къ Венедамъ-мореходцамъ, и что она находилась на окончаніи Волжскаго торговаго пути. Мы замѣтили, что собственно, многоглавые идолы, принадлежность Индустана, такъ же какъ и другіе слѣды частыхъ сношеній съ Индустаномъ, особенно выказываются на прибрежіи Балтики. Быть можетъ (и это вѣроятно), вліяніе просвѣщенія, выраженнаго въ образахъ религіозныхъ, сопровождалось вліяніемъ словеснымъ, или даже торговою колонизаціею, подобно той, которая видна на берегахъ Каспія и на устьяхъ Волги. Такимъ образомъ мы должны допустить Литву въ почетное мѣсто между народами, отъ которыхъ наука можетъ требовать дополнительныхъ данныхъ, но не можемъ ее признать представительницею великаго племени, котораго всемірное значеніе вскорѣ будетъ признано наукою по всѣмъ отраслямъ быта и слова. Отвергая всѣ мелкіе народы, или по крайней мѣрѣ, не приписывая имъ въ отношеніи къ языкознанію важности равной съ главными отраслями рода человѣческаго, мы должны еще болѣе отстранить такія нарѣчія, которыя собственно не принадлежатъ никакому племени. Такъ могучій Римъ, быть можетъ, самое величественное явленіе въ исторіи міра, долженъ занять весьма низкое мѣсто въ розысканіяхъ о словѣ, точно такъ же, какъ онъ почти ничтоженъ въ изслѣдованіяхъ о первобытныхъ вѣрахъ. Римскій языкъ носитъ названіе Латинскаго, и поэтому, можно сказать, что онъ существованіемъ своимъ предшествовалъ существованію города. Въ тоже самое время, можно сказать утвердительно, что языкъ Рима не былъ вполнѣ нарѣчіемъ окрестныхъ Латинцевъ. Это видно уже изъ его быстраго измѣненія, которое во времена Цицерона почти сдѣлало древніе памятники недоступными даже для ученыхъ, и изъ огромной разницы между какими-нибудь Салійскими и Арвальскими пѣснями и писателями Августова вѣка. И такъ Римское слово принадлежитъ именно городу Риму; а Римъ, по собственному признанію Римлянъ, явно высказанному во время перебранокъ между патриціями и плебеями, былъ во всѣхъ своихъ сословіяхъ *col-luv-ies* (*с-ливъ* народовъ), и языкъ его былъ, какъ самое государство, сливомъ разныхъ языковъ, не принадлежащихъ одному корню. Впрочемъ, можно положить утвердительно, что главное народонаселеніе, какъ и основа рѣчи, было Латинское. Нѣтъ никакой возможности въ наше время опредѣлить, къ какому именно изъ великихъ племенъ принадлежала Латинская семья. Одно только положеніе не подвержено сомнѣнію—то, что Лаціумъ входилъ когда-то въ составъ Этруріи; но неизвѣстно, какъ часть ли органическая или какъ завоеванная страна. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе по замѣтной разницѣ въ началахъ богопочитанія. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ завоеваніе (если оно и было насильственнымъ) сопровождалось завоеваніемъ религіознымъ, оставившимъ неизгладимые слѣды въ поклоненіи Ларамъ и во многихъ обрядахъ.—Преданія и критика историческая указываютъ на три начала въ общинѣ Римской: Латинское, Этрурское и Сабинское. Сабинское, какъ это видно изъ характера и вѣры, принадлежало къ племени Пелазгическому. Понятія отвлеченны и чисты, символы ихъ равно удалены отъ фетишизма по своей прозрачности и отъ человѣкообразія по своей внутренней незначительности. Таковы древко копья, кадочка, щитъ и такъ далѣе. Нравы Сабиновъ просты и грубы, но вѣра свята и достойна человѣка. Она чуждается всякихъ изображеній, ненавидитъ кровавыя жертвы и дышетъ еще всею свѣжестью ранняго Ирана. Все въ обычаяхъ, въ мысляхъ, въ обрядахъ Сабинскихъ совершенно сходно съ преданіями о Пелазгахъ, которымъ (какъ и великимъ предкамъ Германскаго міра) принадлежала честь нравственной возвышенности и духовной чистоты и порокъ воинственной дикости, который впрочемъ сильнѣе развился въ лѣсахъ Германіи. Этрусское начало гораздо сильнѣе Сабинскаго и даже въ отношеніи характера вѣры въ позднѣйшемъ Римѣ сильнѣе Латинскаго. Этрурія принадлежитъ къ малому числу земель, оставившихъ по себѣ собственныя сказанія въ богатыхъ памятникахъ искусства и въ надписяхъ, къ несчастію слишкомъ незначительныхъ. Характеръ искусства оцѣненъ уже многими болѣе или менѣе вѣрно. Оно представляетъ явное единство съ ранними художествами Греціи, но притомъ носитъ сильный отпечатокъ родины всѣхъ изобразительныхъ художествъ, земли строителей-исполиновъ, первобытныхъ Кушитовъ. Надписи еще не прочтены; по письменамъ онѣ принадлежатъ къ системѣ гласовой, т.-е. Иранской съ обозначеніемъ гласныхъ; по направленію съ права на лѣво онѣ уже обличаютъ Семитическое, т.-е. полу-Кушитское вліяніе. Буквы представляютъ разительное сходство съ древне-Эллинскими и еще болѣе съ Славяно-Ликійскими. Языкъ остается дѣломъ спорнымъ и вѣроятно никогда не будетъ приписанъ ни къ какому племени; ибо, по разнымъ стихіямъ, вошедшимъ въ составъ Этруріи, онъ долженъ былъ уже быть нарѣчіемъ мѣшаннымъ и сохранившимъ мало основныхъ формъ. Древній писатель сказалъ мимоходомъ: „если бы кто нибудь заговорилъ по-кельтски или по-этрурски и пр.“ На этомъ словѣ догадливые критики основали тождество Кельтскаго и Этрусскаго языка. Умный и основательный выводъ! Тотъ, кто въ нашъ вѣкъ скажетъ: „ты такъ непонятенъ, какъ будто говоришь по-китайски или по-готтентотски“, утвердитъ тождество Китайскаго и Готтентотскаго нарѣчія. На такія догадки нечего и возражать. Мы уже видѣли, что система городовъ, носящихъ имя своихъ основателей Вендонъ и Антовъ, захватываетъ не только берега южной Франціи и скаты приморскихъ Альповъ, но и часть Этруріи; что другіе города, въ именахъ своихъ совершенно сходные съ городами Славянской Иллиріи, покрываютъ всю Этрурію; что Этруски всегда были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Венетами, которыхъ названіе отзывается и въ родовыхъ прозвищахъ на Этрурскихъ гробницахъ; что собственное имя всего народа или, по крайней мѣрѣ, основнаго (*Rasena*) принадлежитъ міру Славянскому и что, послѣ неукротимаго натиска Галловъ, остатки побѣжденной Этруріи пробились на Сѣверъ и вступили въ горный союзъ Рѣтовъ и Вендовъ Великихъ (*Винделики* и *Ргеты*; въ послѣднемъ словѣ невозможное придыханіе послѣ *р* показываетъ собственно Славянскій звукъ, умягченную гласную, какъ *Hadria* значитъ *Ядрія*. Эти умягченныя гласныя почти всегда выражаются или придыханіемъ или носовымъ звукомъ, напр. *Свантославъ* вмѣсто *Святославъ*, и довольно справедливо; ибо, дѣйствительно, Славянскія мягкія гласныя часто соотвѣтствуютъ придыханію или носовымъ звукамъ, напр. *якорь*, *Anker*, Лат. *anchora*; *коляда* Лат. *calendae*, *Югры—Hungari*). И такъ мы имѣемъ полное право сказать, что между Разенами и Вендами было племенное родство; но такъ какъ это не относится ни къ Тускамъ, ни къ Тирренамъ, языкъ надписей все-таки остается неопредѣленнымъ, и только можно утвердительно положить, что безъ пособія Славянскаго языка никогда филологи ихъ не разберутъ. Эллинскія надписи въ Этруріи не представляютъ ничего поучительнаго, кромѣ того, что ими подтверждается выводъ члена изъ мѣстоименія *тотъ* (напр. за мѣсто *тэ* или *ти* пишется *тои* въ начертаніи на изображеніяхъ Аѳины воинственной). Изъ тѣхъ же памятниковъ выводится единство нѣкоторыхъ боговъ Эллинскихъ съ богами полу-Кушитскихъ Семитовъ, и Аѳина явно представляется, какъ таже *Онка* или *Деркето*, съ эмблемою рыбы. Истинная же и коренная вѣра Этруріи напоминаетъ Иранъ и вполнѣ принадлежатъ ему по своему началу: въ ней главную основу составляетъ идея духовъ, властвующихъ надо всею природою и высшаго безначальнаго духа (Тина), всеблагаго и чистаго. Семья Латинская, основа Римскаго народа и Римскаго языка, остается совершенно неизвѣстною. Мы уже сказали, что она не представлена вполнѣ многостихійнымъ Римомъ; и такъ ея нарѣчіе не можетъ быть опредѣлено съ точностью, но только отчасти угадано. Она отдѣляется своимъ религіознымъ началомъ отъ Этруріи; но она отдѣляется также и отъ Сабинцевъ, не смотря на тождество поклоненія Вестѣ (чистому символическому огню). Ей собственно принадлежатъ почитаніе Венеры и преданія, связывающія молодой Римъ съ погибшею Троею. Колыбель Рима—Альба (*Бѣлая* по смыслу и даже по звуковому составу съ перестановкою буквъ). Изъ нея вышли будущіе владѣльцы міра, семейство Юліевъ: изъ нея Ромулъ, сынъ Марса и *Ргеи* (древнія письмена намъ представляютъ форму—*RFEA*, т.-е. *FREA* Венера, и *Ргеа-Сильвія* есть только Венера лѣсная), Такимъ образомъ въ основаніи Рима, при всѣхъ басняхъ, запутавшихъ старый миѳъ, мы видимъ опять только повтореніе о происхожденіи Энея и рода его, основавшаго Альбу, отъ Венеры, и божественное лице Марса, защитника Трои. Прибавимъ мимоходомъ, что въ ходѣ паденія древнихъ вѣрованій, когда прозвища пошли за собственныя имена, небесный покровитель Пергама, высшій богъ, по своимъ двумъ названіямъ (*Велена* —великаго или *Белена*-благаго и *Ярого*, сильнаго или свѣтлаго) долженъ былъ раздѣлиться на Аполлона и Ареса. — Мы уже видѣли, что Троя была окружена съ Юга и Запада землями Славянскими, Ликіею (Великою Вендіею) и Ѳракіею. Прибавимъ къ тому, что точно также съ Востока къ ней прилегала земля Славянская. Мы въ ней встрѣчаемъ рѣку *Ѳермодонъ*, переводъ миѳическаго *Эри-дана* (ярый-Донъ), и даже въ позднѣйшее время на клинообразныхъ надписяхъ Персеполиса южное прибережіе Эвксина носитъ названіе *Сака-стана* или *Гуна-стана*, имя страны Славянской, въ которомъ опять соединяются, какъ въ Бактріи, *Саки* и *Гуны* (*Дагіа* и *У-на-о*), въ западномъ измѣненіи *Даки* и *Хаоны*. Окруженная со всѣхъ сторонъ Славеніею, воюя силами Славянскими, защищаемая богами Славянскими, отличаясь отъ Грековъ духомъ торговли, семейности въ высшей степени и человѣчности, Троя должна была принадлежать не Эллинской системѣ и не могла принадлежать ни какой другой, кромѣ Славянской, и можно сказать, почти чисто-Славянской. И такъ вотъ стихія Лаціума или, по крайней мѣрѣ, *Альбы* (Бѣлъ-города или Бѣлой горы). Таковъ ясный выводъ изъ сличенія преданій и изъ историческихъ данныхъ, почерпнутыхъ въ разныхъ источникахъ и основанныхъ на несомнѣнномъ показаніи древней Персіи о прибережіи Эвксина и на показаніи Ликіи о самой себѣ. Прибавимъ, что самое имя моря, игра словъ Эллинскихъ около *Аксина* и *Эвксина*, сильно напоминаетъ общее прозвище моря у Славянъ—*сине-море*, изъ котораго по естественному переходу понятій, особенно замѣтному въ прозвищахъ морскаго бога

Индустанскаго (*Вишну Нараяна,* то чернаго, то синяго) составилось и имя Чернаго моря. По самой древности имени *Эвксинъ,* мы не можемъ его сводить съ *Акесиномъ* (Аксу), прозвищемъ, даннымъ Дону позднѣйшими пришельцами, Турко-Финскими Скиѳами.— Этрурія и страна Сабиновъ могутъ быть угаданы только изъ чуждыхъ показаній и изъ догадокъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Земля Латинская сама говоритъ въ Римскомъ нарѣчіи, которое филологъ долженъ разсматривать съ совершеннымъ безпристрастіемъ и съ удаленіемъ всѣхъ предположеній, выведенныхъ изъ другаго источника. Нѣмецкіе ученые уже замѣтили, что, не смотря на коренное единство, изъ котораго вытекли всѣ языки Европы, слово Германское гораздо болѣе похоже на Эллинское, т.-е. Эллино-Пелазгское, чѣмъ на Римское. Это вѣроятно зависитъ отъ большей примѣси Пелазговъ въ Греціи и отъ близкаго сродства ихъ языка съ Германскимъ. Прибавимъ къ замѣчанію, уже сдѣланному филологами Нѣмецкими, что Эллинскія, Германскія и Кельтскія т.-е. Западно-Иранскія нарѣчія отличаются отъ Восточно-Иранскихъ присутствіемъ члена, котораго не было въ коренномъ языкѣ. Санскритское и Славянское нарѣчія сохранили характеръ первобытный, и Латинское поэтому принадлежитъ къ семьѣ Восточной. Разбирая начала большей части словъ, составляющихъ Латинскій лексиконъ, мы находимъ, что они представляютъ разительное сходство съ Славянскими и прямо вытекаютъ изъ нихъ подъ особенными органическими условіями (таковы напр., переходъ придыханія въ звукъ *ф* или *с* въ *к*). Но сильное вліяніе Эллады не подвержено сомнѣнію. Преданіе о колоніи ея въ сказкѣ объ Эвандрѣ*) (мужъ благій) указываетъ на глубокую древность эллинизаціи Лаціума, и характеръ художества въ сѣверной Этруріи, такъ же какъ эллинство южной Кампаніи, не оставляетъ никакаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Нарѣчія Англійское и Французское составлены изъ однихъ и тѣхъ же стихій, Латинской, Германской и Кельтской; но между тѣмъ они принадлежатъ двумъ разнымъ семьямъ: Французское Латинской, а Англійское Германской. Истинная основа нарѣчія узнается не по ариѳметическому счету словъ и корней. Внутренній духъ слова Римскаго, какъ и общины Римской, вовсе не Эллинскій, и отсутствіе члена,

---

*) Изъ Аркадійскаго Палланціума. Основанный имъ въ предѣлахъ позднѣйшаго Рима Палланціумъ, быть можетъ, далъ названіе Палатину. *Изд.*

который едва ли когда-нибудь пропадаетъ изъ нарѣчія, въ которое онъ вкрался, служитъ этому неоспоримымъ доказательствомъ. Мы сказали, что языкъ Латинскій принадлежитъ системѣ Восточнаго Ирана, котораго великими и, кажется, единственными представителями въ Европѣ были Славяне. Прибавимъ въ доказательство той же истины почти полное развитіе притягательнаго или возвратнаго мѣстоименія suus (Сл. *свой*, Санскр. *сва*). Посредствомъ исключенія словесныхъ стихій Эллинскихъ и сомнительныхъ, т.-е. принадлежащихъ равно Эллинскому и Славянскому міру, можно обнажить не-Эллинскую основу Латинскаго языка. Разборъ ея представляетъ, во-первыхъ, характеръ Восточно-Иранскій; во-вторыхъ, это—характеръ, уже принявшій клеймо Славянской особенности. Всего разительнѣе и важнѣе въ послѣднемъ отношеніи безпрестанное употребленіе соединительнаго *cum* (Славянск. *со*), не только въ смыслѣ совокупности, но въ смыслѣ быстраго, оконченнаго или однократнаго дѣйствія (таковы *conjicere*, *conclamare*, *comburere*, *conficere*, *convertere*, *corruere*, *corridere* и другіе): но весьма важны также многія другія подробности словоращенія. Таковы: употребленіе глагола *volere* (*волити* избирать. см. Судъ Любуши) въ смыслѣ частицы. означающей выборъ, *vel* (Сл. *иль*. *аль*, соотвѣтствующіе другой Славянской формѣ *хоть* или *хошь*), переходъ самаго соединительнаго *co* въ форму *cum*, соотвѣтствующую Славянскому же соединительному *ко* (которое также иногда входитъ, какъ составное. въ глаголахъ, напр. кладу, краду и т. д.); окончаніе составныхъ словъ мужескихъ на *or* (Сл. *ель*) и особенно женскихъ на *ix* (род. *icis*, Сл. *ица*, род. *ицы*): отношеніе между буквами *t* и *c* или *qu* въ сравненіи (*tantum*, *quantum*, *talis*, *qualis*, *tandem*, *quando*, *tum*, *cum* и пр.), совершенно соотвѣтствующее Славянскому словообычаю (ибо Санскритское нарѣчіе употребляетъ въ тѣхъ же случаяхъ *та* и *я*, а Германское *д* и *в*, и то не всегда): окончаніе словъ, выведенныхъ изъ глагола на *men*, соотвѣтствующее Славянскому на *мя* или на *мень*, безсмысленное въ грамматикѣ Латинской, но законное въ Славянской по причастной формѣ на *мо* (впрочемъ Эллинское имѣетъ туже форму на μενος); бѣдность прошедшаго времени въ глаголахъ и составленіе будущаго посредствомъ приложенія звука *бо*, т.-е. глагола *бытъ* во всѣхъ спряженіяхъ, ибо Теренцій говоритъ *servibo*; окончаній существительныхъ на *tas* (*crudelitas, veritas* и пр.), соотвѣтствующее Славянскому на *та* (*чистота, правота, доброта* и пр.) и явно составленное изъ приложенія мѣстоименія *тотъ* или *татъ*, ср. *то*, женск. *та* (*добро-то, право-то*), котораго Латинскій языкъ уже не имѣетъ; умягченныя окончанія на *ia*, какъ въ Славянскомъ, которое, впрочемъ, еще охотнѣе употребляетъ *ie*; окончаніе собирательныхъ на *ва* или *ба*, какъ въ Славянскомъ (*caterva, turba* и пр. Слав. *гурьба, братва, дѣтва* и пр.), изъ утраченнаго множественнаго, которое, впрочемъ, у насъ еще сохранилось въ исключеніяхъ (*кумовья* отъ *кумъ*) или перешло въ умягченный звукъ (*братья* отъ *братъ* и пр.); признаки древняго причастія на *мо* въ прилагательныхъ (какъ *optimus* очевидно изъ *optare*); окончаніе на *lis* (*debilis, flebilis, gracilis, missile, cubile* и пр.), совершенно сходное съ Славянскимъ на *лый* (*усталый, ѣзжалый, бывалый, точило, красило*), тоже изъ средней причастной и глагольной формы, которой Латинскій языкъ не имѣетъ, а Славянскій сохранилъ, утративъ ея средній характеръ (средній характеръ причастія на *лый* причиною тому, что Римляне изъ него составили и страдательную форму, о которой мы говорили, и полудѣйствительную, *edulus, credulus* и пр.); къ ней же относится вѣроятно и окончаніе на *rus* (*canorus* и друг.); окончаніе на *x* изъ Славянскаго на *чь*, отъ причастнаго дѣйствительнаго на *щій* (*vorax, edax*, и пр., Сл. *ткачь, толкачь* и пр.). Эллинское нарѣчіе имѣетъ тоже окончаніе, но также безъ законной причины, которая сохранилась только у насъ, и отъ этого въ Эллинскомъ замѣтно также вліяніе Славянской, уже образованной, особенности, какъ и слѣдовало быть въ народѣ, получившемъ многія начала вѣры и просвѣщенія отъ Ѳракійскихъ, Иллирійскихъ и Мало-Азійскихъ Славянъ; измѣненіе въ глаголѣ, выражающее дѣйствіе учащенное (*saltitare, volitare, meditare* и др.), также какъ въ Славянскомъ, въ которомъ учащеніе выражается полногласіемъ въ окончаніи на *а*; изображеніе превосходной степени въ прилагательныхъ, въ которомъ, не смотря на конечный *mus*, слышенъ признакъ превосходной степени Славянской *шій* (*velocissimus, ferocissimus* и пр., ибо формы *celerrimus, simillimus* суть только сокращенія); должно прибавить, что окончаніе на *simus* или *sumus* можетъ еще объясниться чисто-Славянскимъ выраженіемъ превосходства *самый* съ прилагательнымъ, выраженіемъ глубоко-философскимъ (какъ будто олицетвореніе самаго качества), и тогда *simus* или *sumus* были бы только перенесеніемъ слова *самый* къ концу слова, иначе обращеніемъ префикса (предложенія) въ суффиксъ (приложеніе), то-есть дѣйствіемъ, которое весьма легко замѣтитъ всякій, безпристрастно сравнивающій Латинское нарѣчіе съ Славянскимъ; возможность опускать глаголъ *быть* (подразумѣваемое *esse*), общее, но въ разныхъ случаяхъ, Славянамъ и Римлянамъ; явное существованіе звука *ы*, скрывавшагося подъ однимъ знакомъ съ *и* (*у*); одно только это предположеніе, котораго даже нельзя назвать предположеніемъ, объясняетъ переходъ *и* въ мнимый *у*: *maximus—maxumus*, читай *максымус* и пр. Отъ того-то мы и видимъ, что множество словъ общихъ Латинскому и Славянскому представляютъ прямое тождество буквы *ы* и *у* (*быть—fui*, *кры*, кровь—*cruor*, *быкъ—buculus*, *ты—tu*, *мы—mus* въ глаголахъ, *мышь—mus* и т. д.). Такіе и безчисленные другіе примѣры, взятые изъ словоращенія, о которыхъ мы пространно не говоримъ, доказываютъ, что оно было не только подъ законами Восточно-Иранскими, но въ прямой зависимости отъ развитія Славянскаго. Сверхъ самыхъ законовъ словосоставленія мы находимъ въ лексиконѣ Латинскомъ сильнѣйшее доказательство той же истины. Исключивъ тѣ слова, которыя по своему явно-Эллинскому происхожденію носятъ на себѣ признаки позднѣйшаго введенія, или по тождеству многихъ Эллинскихъ и Славянскихъ началъ подлежатъ сомнѣнію, критика должна признать сходство большей части остальныхъ съ коренными Славянскими. Выписывать примѣры почти невозможно по ихъ множеству; но должно обратить вниманіе на самые разительные. Таковы: *columba—голубь*, перешедшее къ Кельтамъ въ *colum*, но чуждое обще-Иранскому языку и одноначальное съ словомъ *голубой*, отъ чего онъ и носитъ прозвище *сизый*; *palumba* (тоже слово подъ условіемъ перемѣны *ко* въ *па*, какъ *колъ* и *palum*); *fulmen*—полмя и *flamma—пламя*; *betula*—*ветла* отъ *ветлый*, *утлый*, т.-е. слабый; *balneum* — баня, *batuere* — *бить*; *ire* — *идти*, *bibere*, *potare* — пить; *brachium* — *рука*;

bubulus, буй—волъ, дикій волъ; *burrus — бурый, butire — выть. cadere—падать; caerulus* не отъ *coelum*, а собственно *сърый* или сизый; *calamus*—отъ *солома*, корень *стлать* или *сломать*. пословица *сила солому ломитъ*, т.-е. все, чтȯ можетъ быть сломаннымъ; *calidus* — отъ *калить; camena* отъ *камень*, богиня горъ, муза; *caminus*—вѣроятно отъ того же; *campus—копань*, тоже чтȯ *новь*: копъ, земляная мѣра; *capere*—отъ *хапать*, брать: *capus*—отъ *скопить; carmen*—отъ *чары*, колдовство; *carpere—черпать; casa—хата* и *хижина; caseus—козій* сыръ; *castus, incestus—чистый* (у Мизійцевъ Славянъ жрецы холостые назывались по словамъ Грековъ *) *ктисты*—чисты); *caurus—кура*, также какъ *бореасъ*—буря, *бора* у Черногорцевъ и *зефиросъ* холодный вѣтеръ у Гомера—*сиверъ; cavus—ховать*, прятать; *cernere—зернить*, отбирать хлѣбъ; *granum—зерно*, отъ того же и *grandis; chalybs—сталь* отъ *Хвалисовъ* при-Евксинскихъ (семья изъ отрасли Саковъ, Греки звали ее Καλυβες); *cippus*—колодка для ногъ, *цъпъ; caesaries—коса*, Санскр. *кеса*, волоса; *clangor* — крикъ орла, *клёктъ; corium — шкура, кора; coruscus — горющій*, тоже перешло въ глаголъ; *co-gitare с-читать, crudus, crudelis* и другія—отъ *кры* кровь; *cuneus—клинъ; curtus*—отъ *коротить*. Греч. κυρτος само выводное; *crusta*—отъ *хрусткій* сухій; *cedere—ходить*, прошедшее *шедъ; dolare*—рубить, *долить*, дѣлить, корень *два*, изъ чего Нѣмецкое—theilen, какъ Thür изъ дверь; *dolere—болъть*, измѣненіемъ начальной буквы, какъ bonus и duonus или bellum и duellum; *dormire*—дремать; *donec — донеже: dum*—предлогъ *до*, обращенный въ союзъ — важный суффиксъ; *тогда, когда*, т.-е. *до-того, до-кого*, у Римлянъ въ *quando* и съ носовымъ звукомъ въ *tan-dem*, также и префиксъ Славянскій, перешедшій въ Латинское *ad; ensis*—Слав. *нзить* или *язить*, ранить; *est—есть* и *edo—ъду*—иначе *ъмъ*, edo, es, est, ѣмъ, ѣшь, ѣстъ, edimus, editis, edunt—ѣдимъ, ѣдите, ѣдятъ; *eruere — рыть; aio — баю; faba — бобъ; fascis — вязка; fastidire — постыдить: fel—желчь;* fere—въ смыслѣ очень, *пре; foenum—съно* отъ *сью*. Кельтское fen безъ корня; *flacceo*—отъ *блекнуть; flagitare*—вѣроятно отъ *plaga—плачь* несчастіе; *flavus—плавый; flectere—*

---

*) Страбонъ, VII, 3. „Какъ бы облеченные священнымъ характеромъ“.

плести; floccus — клокъ; fundere — пудить, гонять; *forae* и *fores—дворъ, творъ*, затворъ и проч., *fornix*—горница; *forare—бурить; fodere*—отъ корня *подъ; fulgere*—отъ корня *пылъ*, отъ чего *пылмя* или *полмя; fulvus*—отъ того же; *fumus—дымъ* черезъ средній утраченный переходъ въ *б; gibba—горбъ; glans* р. *glandis — желуди; gleba — глыба; globus—клубъ; glubare — лубить; gluttus — глотка; gradior — гряду; gracus — грачъ; grabatus — кровать* отъ *крыть; heri—вчера, вечери* съ переходомъ *в* въ придыханіе; *hiare — зіять; hostis — гость* по Цицерону; *idoneus—удобный; ignis — огонь; ita* — сокращенное изъ *itaque — итакъ; labare — слабый; lacertus — лакоть, локоть; laevus — лѣвый; levis — легкій; lana — волна; laxus — ложь; levir* — прежде *devir*, Русск. *деверь; linquo—лишній; lepor—лѣпота; malus*—отъ *малый*, какъ Итальянск. cattivo, Англ. caitif изъ captivus и Французск. misérable въ смыслѣ злаго (въ Санскр. *бала*—мальчикъ*); malus* мачта—отъ *валъ; mas—мужъ; meditari*—учащенное изъ mederi, корень *вѣдать; melior*—корень *милый* или *велій* съ переходомъ въ носовой звукъ; *mensa* — отъ *мясо; mensis* — отъ *мѣсяцъ; merda* — отъ *смердѣть; meta — мѣта*, цѣль; *molere* — молоть; *moriri—морить; nam — но*, съ измѣненіемъ въ носовый звукъ и съ частной перемѣною въ значеніи; *nares — ноздри*, также составленное какъ Нѣмецк. Nasen-Loch; *nasus—носъ; nesi*—древняя форма священнаго слова sine—*безъ*, съ носовымъ звукомъ (въ уставахъ Діаны Авентинской); *nequaquat — некако; neque — неже*, тоже что *ниже*, вообще *не* въ составѣ словъ отрицательныхъ; *negare—некать*, отрицать; *nihil*—изъ *ни* и *hilum—гиль*, вздоръ; *novus—новый; nutrire*—отъ *нутро* внутренность, *утроба* и проч., отъ чего опять Латинск. *uterus; ob — объ* и всѣ его составныя, напр. *objurgare* Русск. *обругать*, *obire* Русск. *обойти* и пр.; *orare — орать* кричать; *lux, lucis — лучъ; lucus — лугъ*, лѣсъ въ низинѣ (у сѣверныхъ Вендовъ*), palum—палка; per—пере*: соединеніе Греческихъ περὶ и παρὰ; *pingere — писать; pistum — пестъ; plagae — пологи; plebs — племя*, если plebs не происходитъ отъ pleo, какъ *полкъ* отъ *полный*, отъ чего и Нѣмецкое Volk и особенно Латин. vulgus, собственно въ смыслѣ войска, ибо таковъ былъ составъ Римскаго plebs, военная дружина; *palatium — па-*

лата; poena — пеня, корень *пнить* ударять, отъ того *пенязь*, пенная плата, изъ чего Нѣмецк. Pfenning; *pollex—палецъ; post—послѣ; praeter — презъ*, древняя форма слова *чрезъ; precare—просить; pulcher — большій; qui — кій; quatuor — четверо; quatere — качать; populus — тополь; rabere*, изъ котораго *rapere — рвать; nudus — нуждный*, бѣдный; *repudiare — отпудить*, прогнать; *res*—отъ *рѣчь*, какъ *вещь* отъ *вѣча*, какъ Германск. Ding отъ *дингъ*, собраніе народное (рѣчь—форма, сохраненная въ Польскомъ языкѣ для собранія); *regere—рядить, ражій*, великій, regina—у Лукреція *рядная, нарядная* дѣвушка; *ructare, rancare, raucus* — отъ *рыкъ, ringi* или *ringere* — тоже; *ros—роса*, Греческое ἔρση и δρὸσος; далѣе *rumpere — рубить; russus, ruscеus* и проч. — *рудый, русый, рыжій* и др.; *sal*, род. *salis*, — *соль*, р. *соли;* sanctus и выводные — *святый; satur — сытый; scelus*—корень Слав. *жаль; scire*—отъ утраченнаго *чить*, учащенное *читать*, собственно знать съ почтеніемъ, отъ того *честь* и *чивый*, знатный, важный и тороватый; въ Латинскомъ изъ него истекли scitare или scitari и gitare въ cogitare; *sabina* (слово Иллирійское) копье, отъ *совина*, корень *совать*, какъ и *сула* или *сулица*,—это слово приводимъ не какъ Латинское, но какъ слѣдъ древней Иллиріи Славянской; *scintilla*, искра отъ *свѣтило*, отзывающееся въ Эллин. σπινθήρ; *scabere*-*скоблить*, еще яснѣе въ Лат. *scobs—оскобки; scobina—скоба*, по Варрону, отъ древняго *скобъ;* Сл. изъ этого корня составило *скепить* и *щепить* и пр.; *scribere—скребсти; secare — сѣчь-сѣку; securis — сѣкира*, орудіе Славянъ-Саковъ даже въ Бактріи *); *sedere—сидѣть*, sedile — сѣдло, древнее слово для престола; *seo* (древнее) — *сѣю;* seta — *щета*, щетина; *sic*—быть можетъ отъ sit hoc, вѣроятнѣе отъ *сице* изъ мѣстоимѣнія *сій*, какъ *вторице* отъ вторый; *siccus — сухой; similis*—вѣроятно отъ *со* и *милый*, также какъ Анг. smile отъ *ухмыляться*, тоже, что *улыбаться:* въ одномъ случаѣ корень *лыбъ*, любъ, въ другомъ *мылъ*, милъ,—замѣтимъ, что тождество *ы* и Лат. *u* дастъ изъ *лыбъ* — lubeo, т.-е. *лыбео*, а изъ *мылъ* — mulier, т.-е. *мылiеръ*, единственный разумный выводъ для этого слова; *sipare—сыпать; sobrinus—себръ* или *собръ*, родня, отъ *собѣ*, себѣ; *socer—свёкръ; sol — солнце; somnus — сонъ; sonus* явно въ старину suonus — *звонъ; sopire — сопѣть*, дышать во снѣ, *усыплять; sordes*—

---

*) „Сагарисъ“, Гер. VII, 64. *Изд.*

отъ *соръ; spina — спина*, въ другомъ смыслѣ *шипъ* и слѣд. *шипина; squalere* — быть *хволымъ*, больнымъ; *stringere* — въ смыслѣ рѣзать, *стригу; struere — строить; suavis* и *suadere — сладкій; succus — сокъ; sugere — сосать; sum* древнее *esum, es, est, sumus, estis, sunt — есмь, еси, есть, есмы, есте, суть; suus — свой; tabula* — корень *taba*, Сл. *ставъ*, столъ; *talis, qualis — толій, колій* отъ *толь, коль; tangere* — древнее *tagere — тягать*, теперь *трогать; tendere — тянуть; taminare — темнить; tepeo* — корень *теп-лый; tenuus — тонкій; tuus — твой; vastus* или *uastus — пустой; vendere* отъ *venum-dare* — въ этомъ виденъ настоящій смыслъ слова *вѣно,* теперешній калымъ, цѣна за невѣсту; быть можетъ, общее начало съ словомъ *мѣнять* (*вѣнецъ* происходитъ отъ *вяжу* съ древнимъ носовымъ звукомъ и не имѣетъ ничего общаго съ *вѣно*); *aper* — отъ *вепрь; ventus* — отъ *вѣтеръ,* корень *вѣю*, древняя Иранская причастная форма на *три; vertere* и *vortere — вертѣть* и *вортѣть*, напр. воротъ и пр.; *verus* и всѣ его выводныя — *вѣра*, истина. Тутъ проявляется глубоко-философская мысль древности, что *истина* и *сила* одно и тоже: средній звукъ *ѣ* въ словѣ *вѣра* далъ начало во всѣхъ языкахъ выраженіямъ правды и могущества и въ Латинскомъ раздѣлялся на двѣ семьи, одна отъ *vir* сила, другая отъ *ver* свѣтъ и истина; тутъ же находимъ и *verbum*-слово правое. Да не боятся работающіе истинѣ! Имъ принадлежатъ свобода и торжество. Истина и одна истина есть *сила*. — *Vereri* — бояться, собственно почитать, *вѣрить; vos — вы* и *васъ; vincire* и *vincere* — вязать и вензать; *vetus — вѣтхій; vindicare — винить; unda — вода*; *uter* — едва ли не quuter — *который; pulvis*, читай, *пылвисъ — пыль.* Множество другихъ примѣровъ такихъ же разительныхъ можно бы представить, не говоря уже о тѣхъ, которые болѣе или менѣе подвергаются сомнѣнію по искаженію или перестановкѣ буквъ (какъ alba бѣлая, niger черный и др.); но безспорно всего важнѣе для критическаго языкознанія совершенное тождество спряженій Латинскаго и Славянскаго. Чтобы убѣдиться въ немъ, надобно вспомнить во-первыхъ, что древняя форма Латинскихъ временъ глагола esse была не ego, erim и т. д., но eso, esim и пр.; во-вторыхъ, что законъ глаголовъ выраженъ только въ первомъ спряженіи и болѣе или менѣе искаженъ въ остальныхъ. Разборъ этого спряженія представляетъ намъ основу бѣдную и простую. Возмемъ въ примѣръ глаголъ *rancare* (рыкать). Настоящее время составлено изъ корня *ranc* и мѣстоименныхъ окончаній. Прошедшее несовершенное изъ того же корня въ формѣ участительной, можетъ быть изъ глагола *быть* въ прошедшемъ (въ Южно-Славянскихъ нарѣчіяхъ *быо, біо* и *бео)* съ мѣстоименнымъ окончаніемъ: *ranca - bam*. Прошедшее совершенное изъ причастія на *въ* (рыкавшій) *rancavi* (*рыкавъ*-форма Малороссійская); давнопрошедшее изъ того же причастія съ приложеніемъ глагола *есмь* по образцу Церковно-Славянской рѣчи *rancav-esam* (рыкавъ есмь). Будущее изъ корня и глагола *быть* въ будущей формѣ (буду) *ranca—bo*, съ усѣченіемъ окончанія. Третіе лице множественнаго числа представляетъ эту истину съ особенною ясностію *ranca-bunt (рыкать будутъ)*. Прочія времена составлены совершенно по тому же закону, и причастное прилагательное на *bundus* (*ranca - bundus*) не оставляетъ никакого сомнѣнія. Повелительное носитъ еще слѣды глагола *ire*, употребленнаго для обозначенія велѣнія; тоже замѣтно въ супинахъ Славянскій языкъ составляетъ повелительное точно также изъ корня *и*, корня глагола *итти: страда—й, гуля—й, глядѣ—й (и* и *ѣ* сливаются въ *гляди*) и пр. И такъ, все спряженіе Латинское основано единственно на трехъ вспомогательныхъ *есмь, быть* и *итти*, какъ Славянское, и въ томъ же порядкѣ. Глаголъ же *быть* представляется въ своей первобытной формѣ на *б*, а не на *ф*. Вкропившись въ кристаллизацію другихъ глаголовъ, онъ уцѣлѣлъ и сохранился невредимъ отъ вліянія чуждыхъ стихій и законовъ мѣстнаго благозвучія, измѣнившихъ его въ отдѣльномъ его существованіи (*fui* изъ *быо*, по-Гречески же πέλω изъ *былъ*). Такимъ-то образомъ обличается чисто-Славянская основа Латыни, и филологъ достигаетъ путемъ безпристрастной критики до тѣхъ же результатовъ, которые уже были ясными для критики преданій, сказокъ и историческихъ свидѣтельствъ. Мы видѣли, что весь южный берегъ *синя моря* (Евксина), то-есть страна Саковъ и Гуновъ (*Сакастана* и *Гунастана* клинообразныхъ надписей *) и восточный берегъ *моря бѣлаго* (*пелагосъ*, Славяне и теперь такъ

---

*) Въ надписяхъ нѣтъ окончанія на „станъ“: оно позднѣйшее. *Изд.*

зовутъ Архипелагъ), страна Вендовъ Великихъ, также какъ и земля Троянская, были населены Славянами. Миѳъ о бѣгствѣ Энея, соединяющій основаніе *Альбы* (Бѣлой) съ паденіемъ Трои, и преданія Рима, связывающія Ромула съ Альбою, вполнѣ оправдываются Славянскою основою Латинскаго нарѣчія и съ своей стороны подтверждаютъ славянство сѣверо-западныхъ жителей Малой Азіи, если бы оно еще нуждалось въ подтвержденіи послѣ Ликійскихъ надписей. Одна только щепетильная критика и полуневѣжественная ученость могли отвергать сказаніе объ Энеѣ, т.-е. Троянцѣ, основателѣ Альбы. Просвѣщеніе истинное узнаётъ правду древней повѣсти изъ прямой зависимости Альбы и Рима отъ поклоненія Венерѣ, матери Энея и матери Ромула подъ именемъ *Рѣи Сильвіи* (Фрея, Венера Лѣсная). Другія стихіи вѣры вошли позже, но память о первенствѣ Венеры передъ другими богами сохранилась въ словѣ, выражающемъ поклоненіе вообще или обожаніе (venerari). Эта примѣта сильнѣе всѣхъ хитростей. Прибавимъ, что при Ромулѣ празднуются уже праздники *Нептуну*, т.-е. водяной стихіи, и эта черта весьма важна въ отношеніи къ религіи, какъ мы уже видѣли по отношенію *Лакшми* къ водяному *Вишну* и *Ванадисъ* къ *Ніордру*. Филологія не позволяетъ уже никакихъ сомнѣній и связываетъ неразрывно Римъ и Альбу съ Славянскимъ Пергамомъ. Отслѣдивъ основу слова Римскаго, мы должны замѣтить, что по всѣмъ вѣроятностямъ нарѣчіе Альбанское, то-есть Троянское, принадлежало къ западнымъ отраслямъ Славянскаго языка, по носовымъ звукамъ (columba, venter, ventus и т. д., въ Восточно-Славянскомъ: голубь, вѣтеръ и пр.). Но смѣшно бы было воображать, что тридцать вѣковъ, протекшіе надъ Славянами, что эти вѣка бѣдствія, страданія и борьбы не измѣнили всѣ ихъ первобытныя общины, всю ихъ тихо-человѣческую жизнь, и что они не исказили ни одной мысли, ни одного слова, ни одного звука. Нарѣчіе Латинское представляетъ много свидѣтельствъ о томъ, что языкъ Славянскій во времена темной древности, когда молодая сила возникающей Эллады еще не разметала высокихъ стѣнъ Трои, былъ еще гораздо ближе къ древне-Иранскому и къ священному слову Индустана, чѣмъ въ нашъ вѣкъ, или даже при началѣ государственной жизни въ Россіи и Христіанства въ мірѣ Славянскомъ. Множество словъ, совершенно чуждыхъ Эллинскому языку или носящихъ по крайней мѣрѣ отпечатокъ не-Эллинской личности, связываютъ Римъ прямо съ первоначальнымъ Ираномъ, то-есть съ восточною отраслію Иранскаго племени. Таковы напр. *ansa* (ручка, Санс. *анса*); at (но, Санс. *ап*); *aqua* вода, въ другихъ нарѣчіяхъ—*apa*, Санс. *апъ*); *ab* (отъ, изъ Санс. *апа* или *ава*); *vestis* (одежда, Санс. *вастра* и другія формы того же слова); *anguis* (ужъ, Санск. *аги*); *aevus* (вѣкъ, Санс. *аюс*); *hic* (здѣсь, Санс. *ига*); *urere*, супинъ *ustum* (жечь, Санс. *уш*); *amare* (любить, Санс. *кама*); *caterva* (толпа, Санс. *коти* великое число); *collum* (шея, Санс. *гала*); *gravis* (важный, Санс. *гурви*); *scindere* (колоть, Санс. *чид*); *talus* (пятка, Санс. *тала* мякоть ноги); *tundere* (ударять, Санс. *тунд*); *dens* род. *dentis* (зубъ, Санс. *данта* или *дасана*); *domare* (покорять, Санс. *дам*); *durus* (трудный и злой, Санс. *дур*); *nidus* (гнѣздо, Санс. *нида*); *num* (вопросительная частица, Санс. *ну*); *pes* род. *pedis* (нога, Санс. *пада*); *par* (равный, подобный, Санс. *пара* другой); *palari* (блуждать, Санс. *пал* ходить); *manus* (рука, Санс. *мани*); *pinguis* (жирный, Санс. *пина* толстый); *purus* (чистый, Санс. *пу* очищать); *putidus* (вонючій, Санс. *пути* вонь); *valens*, *praevalens* (сильный, Санс. *вала* и *правала*); *mactare* (убивать въ жертвоприношеніяхъ, Санс. *макга* жертвоприношеніе); *medium* (средина, Санс. *мадья*); *mens* (умъ, Санс. *манас*); *medulla* (мозгъ, Санс. *мэдас*); *geminus* (двойный, Санс. *ямана*); *juvenis* (юный, Санс. *юван*); *labi* (падать, Санс. *ламб*); *vir* (мужъ, Санс. *вира* герой); *irritus* (безплодный, неудачный, Санс. *вритга* вотще); *servare* (сохранять, Санс. *сарва* все, цѣлое); *scandere* (всходить, Санс. *сканд*); *somnium*, *sopire* (сонъ, спать, Санс. *свапна* сонъ); *suavis* (сладкій, Санс. *сваду*); *sudare* (потѣть, Санс. *свид*); *anser* (гусь, Санс. *ганса*); *gena* (щеки, Санс. *гану* челюсть); *viridis* (зеленый, Санс. *гарит*) и такъ далѣе. Многія изъ этихъ словъ исчезли совершенно изъ Славянскихъ нарѣчій, но многія еще живутъ въ формахъ нѣсколько измѣненныхъ или перенесены на другіе предметы иносказательною прихотью народа. Такъ напр. Санскитское *кам*, Лат. *amare* слышно въ Польскомъ *кохамъ;* Санскр. *уш*, отъ котораго *ушна* (горячій) Лат. *ustus*, служатъ основаніемъ словамъ *югъ*, *южный;* Санскр. *тала*, мякоть оконечностей, изъ котораго Лат. *talus*, измѣнилось въ *далань, длань,* изъ котораго составилась перестановкою буквъ *ладонь* (какъ *бакалдина* изъ *колдобина* или *вѣдмедь* изъ *медвѣдь).* Таковы же отношенія между Санс. *тунд* Лат. *tundere* и *тузить*; Санс. *данта* или *дасана*, Лат. *dens* и *десна*; Санскр. *дур* и Лат. *durus* и словомъ *дуръ*; Санс. *нида* Лат. *nidus* и *гнѣздо*; Санс. *макга,* Лат. *mactare* и *пахтать* (бить, сбивать); Санс. *мадъя,* Лат. *medium* и *межъ, между, перемежекъ, межень,* и такъ далѣе. Не нужно болѣе распространяться объ этомъ предметѣ; но прибавимъ, что Латинскій языкъ во многихъ подробностяхъ показываетъ намъ первобытное состояніе Славянскаго и можетъ быть только въ этомъ отношеніи и заслуживаетъ подробнаго изученія; ибо самъ, какъ *lingua franca,* составленный изъ неорганическаго смѣшенія, онъ не можетъ имѣть никакой важности въ сравнительномъ языкознаніи. Его мѣсто въ этой наукѣ стоитъ ниже Литовскаго и наравнѣ съ языкомъ ново-Персидскимъ или Албанскимъ, т.-е. ново-Эпирскимъ. Всѣ они важны только для опредѣленія первобытной семьи, давшей основу новому народу, но не для исторіи слова человѣческаго или человѣчества вообще. Такъ напр., можетъ быть, языкъ Албаніи докажетъ колонизацію Кельто-Иберскую, но не свяжетъ Кельто-Иберскаго слова съ первымъ обще-человѣческимъ. Такъ Персидскій языкъ обличитъ сильное вліяніе Сирійскихъ Семитовъ на Иранцевъ, но конечно не откроетъ высокихъ тайнъ мысли, развившейся въ рѣчи Иранской или Семитической. Со временемъ всѣ эти частныя нарѣчія совершенно потеряютъ свое значеніе; но теперь они (точно такъ же, какъ и позднѣйшія смѣси, напр. нарѣчія Романскія) приносятъ ту пользу критикѣ, что добросовѣстные ученые узнаютъ въ нихъ всю ничтожность апріористическихъ выводовъ и всю беззаботную свободу произвола, исказившаго первоначальный языкъ. Мы представили любопытные примѣры этого произвола въ переходѣ слова *земля* въ Нѣмецкое *Himmel* (небо) и *неба* въ Скандинавское *Нивельгеймъ* (адъ); но едва ли не всѣхъ разительнѣе переходъ Санскритскаго (вѣроятно обще-Иранскаго) *пуруша* (сперва духъ, потомъ мужъ, мужчина въ миѳическомъ значеніи) въ Русское слово *поросъ* (самецъ животныхъ вообще, напр. быкъ—*поросъ*, хрякъ, *поросъ* и боровъ въ особенности, отъ чего *поросенокъ)* и, наконецъ, въ Латинское слово *porcus* (свинья). Этотъ частный случай, поучительный въ языкознаніи, наводитъ насъ невольно на обстоятельство, весьма важное въ исторіи религій. Римъ признавалъ свиней за священныхъ животныхъ по преимуществу; Скандинавія и восточная (отчасти также и южная) Германія посвящали ихъ Фрейру или Фрею; сѣверная Сирія Иранская въ вепрѣ, убившемъ Кушитскаго Адониса, изображала своего грознаго владыку[1]), нѣкогда свободнаго, чистаго и духовнаго, но утратившаго духовность и чистоту въ кровавыхъ войнахъ племенъ и въ глупомъ синкретизмѣ вѣръ; Индустанъ представлялъ въ видѣ вепря Вишну въ его важнѣйшемъ *аватаръ*, когда онъ спасъ отъ бездны водъ погибающіе міры. Наконецъ, въ областяхъ Славянскихъ зимній праздникъ христіанъ представляетъ еще въ народныхъ обрядахъ отзвукъ стараго язычества, и всѣ, отъ богатаго до бѣднаго, разрѣшаютъ постъ *свѣжиною* и даютъ это имя, общее по своему коренному началу, свиному мясу. Сверхъ того, въ сѣверной части Тамбовской губерніи и въ прилегающихъ къ ней Рязанскихъ уѣздахъ, наканунѣ новаго года, за ужиномъ, домохозяинъ подымаетъ поросенка и проситъ у него хорошаго урожая и всякихъ благъ, причемъ другіе члены семьи поютъ: Ай Василь! Не нужно намъ уже повторять доказательства о сѣверномъ происхожденіи человѣкообразнаго поклоненія Вишну, котораго всѣ миѳы и характеръ носятъ на себѣ признаки Ванской его родины; не нужно напоминать, что *Фрій* есть важнѣйшій представитель Ванскаго религіознаго міра въ Скандинавіи и потому является только въ Славянской части Германіи[2]). Легко понять, какъ слово священное, выражающее идею мужскаго начала въ вѣчно-мудрствующемъ Индустанѣ, было употреблено бытовымъ умомъ Славянскимъ для выраженія мужскаго пола въ животныхъ и особенно въ породѣ, посвященной ихъ великому божеству. Такимъ образомъ Прій съ своимъ вепремъ и Прія съ своею голубицею перешли подъ разными именами (Вышняго, Яраго, Венеры, Ванадисъ и пр.) отъ Славянскаго центра ко всѣмъ окружнымъ племенамъ, никогда не теряя вполнѣ своего Славянскаго первобытнаго типа. Быть можетъ, и это вѣроятно, народы враждебные этому Восточно-Иранскому началу оказывали особенную ненависть къ животному, признанному за священное племенемъ Славянскимъ, и отъ того Кушиты посвящали его губительному Тифону *), и Средне-Азійцы изображали въ немъ злаго владыку подземнаго царства. Законъ Моисеевъ, чистѣйшій и единственно-чистый остатокъ древняго Иранства, раздѣляетъ эту вражду; но хотя проявленіе сходно, причина могла быть совершенно противоположна, и въ высокой мысли духовно-просвѣщеннаго пророка лежало столько же ненависти къ человѣкообразію сѣверному, искаженію вѣры первобытной, сколько и къ Кушитству, ея исконному врагу. Это только догадка; но какъ бы то ни было, очевидна прямая зависимость Фрея съ одной стороны и Вишну съ другой отъ Славянскаго вліянія. Западная Германія, свободная или почти свободная отъ примѣси (кромѣ Рейнскаго устья и Бельгійскаго поморья) не знала, по словамъ Тацита, поклоненія богинямъ, а отдѣлять Фрея отъ Фреи было бы совершенною нелѣпостью. Въ мірѣ же религіи Скандинавской Фрей является какъ пришлецъ изъ Ванской стороны, съ береговъ Славянскаго Дона, а по словамъ раннихъ лѣтописцевъ, какъ царь земли Восточной. Фрей, Фрея, Ніордръ—безспорные Ваны, и кругъ ихъ пополняется поэтическимъ лицомъ *Браги* и темнымъ, но весьма характеристическимъ миѳомъ о *Квасирѣ*. Кубокъ Браги, также какъ кровь Квасира—вдохновеніе пѣвцовъ; вепрь Фрейра—пища героевъ. Всѣ эти миѳы носятъ на себѣ отпечатокъ мирнаго и гостепріимнаго быта и рѣзко отдѣляются отъ религіи Аза-Тора и древняго темнаго Одина. Русскому человѣку не нужно объяснять смыслъ словъ *Брага* и *Квасъ*, въ которыхъ содержится понятіе о броженомъ, квашеномъ, хмѣльномъ напиткѣ вообще. Въ Фреѣ и Браги видимъ мы тѣже лица, которыя намъ являлись на Эллинскомъ Олимпѣ подъ именемъ Аполлона и Ареса, лица тождественныя въ своемъ началѣ и раздѣленныя только невѣжествомъ позднѣйшихъ поколѣній, для которыхъ прозвища сдѣлались собственными именами. Критическій разборъ нарѣчій Скандинавскаго и Восточно-Германскаго представляетъ выводы совершенно согласные съ тѣми, которые уже даны намъ критикою религій и преданій.—На берегахъ Гангеса мы уже отдѣлили человѣкообразнаго (не смотря на избытокъ рукъ) Вишну отъ многозначительныхъ и первоначальныхъ Брахмы и Шивы, вмѣщавшихъ въ себѣ полноту древняго иранства съ его религіею творя-

---

[1]) Ареса. *Изд.*

[2]) Müller, Nibelungensage 13—148. Willdie Vanengötter... nicht der West-Germanen beilegen. Grimm въ этомъ сомнѣвается, но не отрицаетъ положительно. D. Myth. I, 199. *Изд.*

---

*) Египтяне однажды въ годъ приносили свинью въ жертву Тифону (Сетъ); вообще же она почиталась нѣчистью. *Изд.*

щей свободы (т.-е. воли) и первобытнаго кушитства съ его поклоненіемъ необходимости органически производящей. Прибавимъ еще, что отъ этого средняя система, плодъ примиряющаго утомленія, система эманаціи, сильно связана съ вишнуизмомъ и гораздо болѣе принадлежитъ ему, чѣмъ брахманизму и шиваизму. Мы уже видѣли явное происхожденіе Вишну изъ странъ сѣверо-восточныхъ: мы знаемъ, что нѣсколько разъ Индустанъ, крѣпко огражденный съ сѣверной стороны ледянымъ оплотомъ Зимавата (Гималаи), былъ завоеванъ пришельцами съ Сѣверо-востока и именно изъ той стороны, гдѣ жили древніе Азы-Ваны. Быть можетъ, въ самомъ имени Бактріи или Вактріи находится подтвержденіе всѣхъ другихъ выводовъ и доказательство ея Славянскаго населенія. Общее мнѣніе, котораго нельзя рѣшительно отвергать, признаетъ въ словѣ Бактрія или Вактрія Персидское слово *бахтеръ*, т.-е. Востокъ. Не должно однакоже забывать, что Санскритскій и вѣроятно древне-Иранскій языкъ имѣлъ слово *вактри* (говорящій) отъ глагола *вач* (вѣщать) и что весьма позволительно подозрѣвать (при другихъ доводахъ) въ имени области простой переводъ или другую форму слова *Славяне*, также какъ и въ Рѣтіи (отъ слова *рѣчь*). Еще недавно открылось Европѣ неисчерпаемое богатство Брахманской словесности: изысканія филологовъ до сихъ поръ ограничены недостаточнымъ знаніемъ Санскритскаго языка и неопредѣленностью эпохъ, къ которымъ принадлежатъ его памятники. Ошибки ученыхъ понятны; извинительны ихъ излишніе восторги, ихъ невольныя предубѣжденія и дѣтское довѣріе къ изумительнымъ трудамъ Индійскихъ грамматиковъ и лексикографовъ. Вскорѣ наступитъ лучшая и просвѣщеннѣйшая эра. Многое, что теперь кажется кореннымъ и родовымъ богатствомъ Брахманскаго нарѣчія, будетъ признано за принятое и благопріобрѣтенное: но уже теперь можно легко указать на многія формы, утраченныя въ Индіи и сохраненныя въ Славянскихъ нарѣчіяхъ (напр., предлогъ *за*, обратившійся въ префиксъ и нисколько не сходный по своему началу съ предлогомъ *со* или префиксомъ *са*) и на многія слова, которыя прямо перенесены изъ рѣчи Славянской въ слово Брахмановъ. Таковы имена боговъ и народовъ, о которыхъ мы уже говорили (*Вишну*, *Кувера*, *Каннара*), таковы же вѣроятно слова: *ударка* (будущій, отъ корня *бгу* быть въ его Славянской формѣ будущаго *буду)*, *каруна* (горе, отъ корня *кара* или *горе*, выводное *горюю, горюнъ)*, *саҳас* (озеро, стоячая вода, нелѣпо выводимое изъ корня *сри*—ходить и явно перешедшее изъ слова *озеро* отъ корня *зрѣть* и предлога *о)*, *дъяс* (въ словѣ *садъяс* сейчасъ, отъ слова *часъ*, котораго корень глаголъ *чаю*, какъ *momentum* отъ глагола *meminisci*, то-есть *mnisci)*, *дам* (покорять, отъ глагола *ям.* Сл. *иматъ* и утраченнаго префикса *до*, Русское *дониматъ)*, *снуша* (сноха, отъ корня *суну*, Сл. сынъ въ Славянской формѣ женскаго окончанія) и другія. Сюда же, кажется, принадлежатъ и слова *сваря* (*твердь*, небо) и *сада* (всегда, въ которомъ ясно обличается суффиксъ—Слав. предлогъ *до*, какъ въ Латинскомъ *quando* и въ Славянскомъ *тогда, когда*, до того, до кого, до всего и пр.). По всей вѣроятности филологическія изслѣдованія, добросовѣстныя, безпристрастныя и просвѣщенныя, вполнѣ подтвердятъ выводы, основанные на другихъ данныхъ; ибо Брахманская святыня слова, какъ бы ни была она крѣпка въ своемъ внутреннемъ богатствѣ и какъ бы ни ограждалась отъ всякаго внѣшняго вліянія, должна была во многомъ уступить вліянію своихъ сѣверныхъ братьевъ. Вишнуизмъ, религія слова и поэзіи, могъ и долженъ былъ найти въ брахманизмѣ, религіи мысли, то сочувствіе и тотъ дружескій пріемъ, въ которыхъ Брахманъ отказывалъ грубо-вещественному и вещественно-художественному шиваизму.—Такимъ образомъ, посредствомъ сличенія многихъ свидѣтельствъ, чужихъ показаній, древнихъ обычаевъ, уцѣлѣвшихъ памятниковъ письменности и еще болѣе живыхъ памятниковъ слова, опредѣлилось пространство Славянской области и Славянскаго вліянія. Отъ устья Венедской Лауры (Лигера *Леха)* до истоковъ Инда и Ганга было ихъ просторное жительство. Отъ горъ Норвегіи до береговъ Нербудды и Маганадди, отъ Рейна до залива Коринѳскаго отзывалось вліяніе ихъ мирно-человѣческой жизни, ихъ дѣтски-сказочнаго воображенія и ихъ простаго, бытоваго разума. Мракъ древности и полумракъ поэзіи, которыми окружались падающая Троя и возстающій Римъ, уступаютъ мѣсто историческому свѣту, и великіе города, слава древняго міра, получаютъ великихъ основателей. Восточная отрасль Иранскаго племени раздѣлилась, какъ уже сказано, на двѣ вѣтви, на Брахмановъ и Славянъ. Въ наше время, когда люди сохраняютъ имена, данныя ихъ безотвѣтному дѣтству, и народы носятъ безсмысленныя прозвища, переданныя отъ поколѣнія къ поколѣнію, не смотря на совершенное измѣненіе жизни и языка, собственное имя вообще уже ничего не значитъ. Не такъ было въ глубокой древности, точно также какъ и въ народахъ, живущихъ до сихъ поръ въ безъискусственной дикости. Тамъ прозвище и имя дѣйствительно опредѣляютъ характеръ лицъ и опредѣляли характеръ народа. Человѣкъ, избирающій свое имя, соглашаетъ его съ тѣмъ качествомъ, которымъ онъ отличается; а по естественному самолюбію, ему кажется, что то качество, которымъ онъ отличается, есть лучшее и высшее изъ качествъ человѣческихъ. Онъ или дѣйствительно обладаетъ имъ, или имѣетъ притязаніе на него; но во всякомъ случаѣ въ его имени найдется его идеалъ человѣческаго совершенства. Меды*) называютъ себя отъ корня *мадъ (мада*—буйный, богатырь), Германцы отъ *геръ* и *манъ* (воинъ), Франки отъ *франкъ* (свободный); ибо, вырвавшись изъ-подъ Римскаго ига, ничто не казалось имъ прекраснѣе ихъ новой свободы. Имя Венедовъ, Ванадовъ, Вендовъ, Вана (искаженное Греками въ *Генеты*, по закону перехода *б* или *в* въ придыханіе), которое такъ ясно опредѣляетъ землю Славянскую во всемъ ея пространствѣ, принадлежитъ къ неразрѣшимымъ загадкамъ. Мнѣніе, будто бы оно не принадлежало собственно племени Славянскому, но было дано ему Германскими его сосѣдями, по явной нелѣпости, не заслуживаетъ опроверженія. Пусть оно покуда остается для утѣшенія отсталой получености! Въ формѣ *Вендъ* отзывается корень *вено* (продажа), изъ котораго Латинское *vendere*, *venum-dare* (продавать), Санскр. *ваниджъ* (торговецъ) и, можетъ быть, Славянское *мѣна*. Венды было бы собственно *купцы;* но такое толкованіе едва ли согласно съ ихъ постояннымъ прозвищемъ *великихъ (Та*—Китайскихъ лѣтописцевъ, *Лага*—Санскрит., *Лики*, великіе—у Грековъ и Римлянъ, *Вильци*—у Германцевъ, *Васци*, вящіе—у Саксона или *Велетави*, величавые). Сверхъ того трудно, чтобы это обширное племя называло себя купцами въ земляхъ, еще не посѣщенныхъ человѣческою ногою до Вендскаго разселенія. Итакъ, мы должны совершенно отвергнуть эту этимологію, не смотря на торговый духъ

---

*) Т. е. Мидійцы. *Изд.*

Славянъ. Другой, болѣе вѣроятный, корень можно бы найти въ словѣ *ван* или *вен*, которое въ нарѣчіяхъ Скандинавскомъ, Кельтскомъ и Латинскомъ содержитъ въ себѣ смыслъ *милаго* или *прекраснаго* и напоминаетъ характеристику Вендской богини *Пріи*. Но и въ этомъ толкованіи мало вѣроятнаго; во-первыхъ, потому, что имена *Ванадисъ* (Фрея Сѣверная), *Вендисъ* (Діана Ѳракійская), *Венера* и другія не происходятъ отъ корня *ван* или *вен*, но отъ имени народа: это ясно уже изъ прямой зависимости всѣхъ этихъ богинь отъ области Славянской и отъ Славянскаго вліянія; во-вторыхъ, потому, что корень *ваня* въ смыслѣ милаго не сохранился, кажется, нигдѣ въ чисто-Славянскихъ нарѣчіяхъ. Вспомнимъ что Венды Лужицкіе, Вудины Геродотовскіе, Венды Византійскихъ историковъ, Славянскіе Пэоны, Венеты Гальскіе и другіе были столько же знакомы съ водою, какъ и съ землею; что земля, пограничная Вендіи Гальской и населенная, какъ мы видѣли, издревле Славянами, называется у Римлянъ *Аквитанія* (водная земля) и въ особенности, что Прія-Венера получила свое начало отъ волны морской, что Прія-Лакшми — подруга *морскаго Вишну* (Вишну Нараяна), что Прія-Ванадисъ—дочь морскаго Ніордра, что Прія-Семирамида—дочь морской Деркето; что Славяне, по свидѣтельству Византійцевъ *), особенно поклонялись водамъ, и что одно только чисто-миѳологическое лицо, сохраненное въ пѣсняхъ Славянскихъ христіанъ, есть *чудо морское* (богъ моря), — и мы должны признать, что вѣроятнѣйшая этимологія слова *Вендъ* или *Вудинъ* есть *вода* (иначе *вуда* или *венда*). Разсматривая Славянъ, какъ великую отрасль единобожниковъ и духопоклонниковъ, Иранцевъ, мы легко можемъ уже понять, что вода и огонь были собственно приняты первыми просвѣщенными предками Иранскаго племени за великіе символы великаго духа, и что при раздѣленіи семей особенное направленіе мысли избрало у западно-Иранцевъ *огонь*, а у Славянъ *воду* за преимущественное изображеніе божества. Наконецъ, съ паденіемъ религіозныхъ понятій и съ огрубѣніемъ человѣчества, символъ мало-по-малу заступилъ мѣсто творческаго духа, и племя приняло имя отъ обоготворенной стихіи. При этомъ однакоже не должно забывать, что поклоненіе Иранскому божеству, подъ какимъ-бы то ни было видимымъ знакомъ, никогда не теряло своей

---

*) Прокопій говоритъ, что они поклонялись рѣкамъ и нимфамъ и другимъ божествамъ, De bello Goth. *Изд.*

всеобщности и что тотъ же Ніордръ или Нептунъ или Океанъ, который по преимуществу былъ владыкою морей, обиталъ въ небесахъ, какъ *Перунъ* громовержецъ (Діосъ) и обтекалъ землю подъ именемъ *Велена* или *Белена (Геліосъ* и *Аполлонъ).*—Другое прозвище племени *(Славяне)*, которое является уже въ позднѣйшее время, но которое можно угадать въ имени *Рѣтіи* и *Бактріи*, еще замѣчательнѣе. Венелинъ, приписывавшій его однимъ Словакамъ, и правъ и не правъ. Оно принадлежало, можетъ быть, однимъ Словакамъ, какъ имя Вендъ однимъ Вендамъ при-Балтійскимъ и Адріатическимъ; но это значитъ только то, что, кромѣ общихъ племенныхъ прозвищъ, такая-то или такая-то семья не имѣла собственнаго, частнаго прозвища. Отдѣльныя семьи по большей части имѣли еще каждое свое собственное имя (*Русь* или *Чехъ* или *Сербъ)*, но сверхъ того онѣ всѣ соединились издревле подъ общимъ именемъ *Вендъ* и отзывались издревле на общее названіе *Славянинъ.* Про это знаютъ всѣ старые лѣтописцы Славянскіе, про это помнятъ всѣ современные Славянскіе братья. Глаголъ *слыть*, существительное *слово*, вотъ корни названія *Словянинъ.* Мы уже сказали, что встарину всякій народъ заключалъ въ свое имя свой идеалъ человѣческаго совершенства. Восточно-Иранское племя раздѣлилось на двѣ отрасли: одно по имени божественнаго духа, радующагося бытію *(бгъ* и *рама)*, приняло прозвище *Бхраманъ* (по искаженію *Брахманъ*), т.-е. людей духовныхъ; другое отъ высшаго изображенія понятія, отъ единственнаго орудія мирной общительности, *слóва*, приняло прозвище людей говорящихъ, то есть мирныхъ, общительныхъ, выражающихъ смышленымъ словомъ невещественное сокровище мысли. Оно назвало свои правительственныя или судныя собранія *Вѣче* (отъ чего Польское *вицинія)* или *Рѣчь* (отъ чего Римское *Рес-публика*); оно назвало себя народомъ *Словянскимъ.* Такова основа его исторіи, таковъ духъ въ немъ тайно живущій, такова разгадка его братства съ Индустаномъ и неприкосновенности его словеснаго достоянія. Безполезно было бы отыскивать родословную семейныхъ названій *Лехъ* или *Сака* или *Гета* и другихъ. Но, вникнувъ въ общность Славянскаго міра, принявъ въ полное сознаніе духъ всего племени, критикъ для историческаго синтезиса долженъ обратить вниманіе на частныя прозвища, чтобы понять жизнь и судьбу отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ изъ сличенія мѣстныхъ названій *Русь*, *Россія* и *Пруссія* въ земляхъ Славянскихъ, изъ свода словъ Іорнандовыхъ о *Рокахъ* (Росахъ) и *Новего* [1]), изъ преданія о гибели грознаго Готѳа *Іорманрика* [2]) отъ людей Роскихъ, изъ свидѣтельства о томъ, что первая ссора Гунновъ съ Готѳами была за угнетенныхъ Славянъ, наконецъ изъ призванія въ Новгородъ Варяговъ-Руси, выходитъ явное заключеніе, что Русь была искони Славянская, что она составляла вѣтвь Вановъ, завоевавшихъ (вмѣстѣ съ Аланъ-Азами) Скандинавію, и что часть этихъ смѣлыхъ выходцевъ возвратилась на свою восточную родину послѣ 9-ти вѣкового владычества надъ Швеціею, и послѣ того какъ сраженіе при Бравàллѣ освободило Скандинавію отъ господства Гардарика (теперешней Россіи); ибо войско Сигурда Ринга состояло изъ Шведовъ, между тѣмъ какъ войско Гаральда Гильдетанда (собственно Датчанина) состояло по большей части изъ Славянъ, и самая Данія, какъ извѣстно, долго еще была данницею Славянскаго поморья. Точно также вся загадочность *Гунновъ* или *Унновъ* исчезаетъ при изслѣдованіи нѣсколько безпристрастномъ. Въ нашъ вѣкъ уже смѣшно бы было еще доказывать, что между ними и Гіонгну лѣтописей Китайскихъ совершенно ничего общаго нѣтъ. Давно бы было пора догадаться, что этотъ потокъ, такъ гибельно нахлынувшій на область Германскую и опустошившій часть Римскаго міра, не могъ отхлынуть безъ слѣдовъ и безъ народныхъ осадковъ, которые бы свидѣтельствовали о самомъ составѣ Гунскаго народа. Между тѣмъ, какъ ни искали, какъ ни трудились, ни слѣдовъ, ни осадковъ никто не находилъ и съ горя рѣшились принять Булгаръ за остатокъ Гунновъ и признать Булгаръ, на зло здравому смыслу, Турками, основываясь на самовольномъ положеніи, что „и Гунны-де были Турки". До сихъ поръ еще большая часть ученыхъ вертятся въ этомъ жалкомъ кругѣ, заколдованномъ полу-ученостью и страстью къ апріористическимъ выводамъ. Еще недавно ученый Германецъ, объясняя безпримѣрное и безпримѣрно-скорое перерожденіе Булгаровъ-

---

[1]) У Іорнанда Navego. *Изд.*

[2]) У него же Goth. c. 48. Iörmunreks Сканд. форма Готѳ. Airmanreiks. Въ нападеніи на него участвовали съ Гуннами Аланы и Роксаланы, Шаф. Сл. Др. 1.428. *Изд.*

Турокъ въ теперешнихъ Булгаровъ-Славянъ, объяснилъ всю тайну слѣдующими положеніями: Булгары получили Христіанство отъ Славянъ, и слѣдовательно Славянскій языкъ долженъ былъ вытѣснить настоящій Булгаро-Турецкій языкъ. Объясненіе стоитъ самой системы. Ни въ одной землѣ, даже на Западѣ Европы, не смотря на монополію святости, присвоенную Латинскимъ языкомъ, народный языкъ не погибалъ отъ введенія Христіанства. А если бы ученый зналъ что-нибудь про церковь Восточную, просвѣтившую Булгаръ, онъ зналъ бы и то, что она благословляетъ всякое слово человѣческое на прославленіе имени Божьяго; слѣдовательно проповѣдники не могли иначе проповѣдывать, какъ на языкѣ народномъ, а гдѣ же писанія или молитвы на Турецкомъ языкѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что малая часть южныхъ Славянъ уже была христіанами прежде крещенія Болгаріи; но большая часть еще не слыхала проповѣди Евангельской, и трудно предполагать такое горячее стараніе Славянскихъ христіанъ объ обращеніи иноземцевъ, тогда какъ вся ихъ братія была еще во макѣ идолопоклонства. Вообще духъ прозелитства и миссій не похожъ на общій характеръ Славянскій, а предоставленіе такой великой славы проповѣдникамъ Славянскимъ еще менѣе похоже на характеръ ревностныхъ Византійцевъ, ближайшихъ сосѣдей земли Болгарской. Наконецъ, Нѣмецкій ученый, если бы Германія вообще не отвыкла отъ наблюденій простыхъ, чисто-человѣческихъ, зналъ бы и про желѣзную личность племени Турецкаго, которое менѣе всякаго другаго способно измѣниться и едва ли можетъ переродиться въ какомъ бы то ни было случаѣ. Единственное и весьма легкое разрѣшеніе всѣхъ этихъ затрудненій состоитъ въ томъ, что Булгары были искони тѣмъ, что теперь, именно Славянами. Но тогда, гдѣ же остатки Гунновъ? Первый въ новое время (ибо я не говорю о Польскихъ лѣтописцахъ, давно признавшихъ Аттилу за царя Вендскаго) Венелинъ догадался, что Булгары дѣйствительно остатокъ Гунновъ и что Гунны были такіе же Славяне, какъ и Булгары. Безпристрастные читатели могли бы убѣдиться его доводами (напр. словами *страва*, *камосъ*, то есть *кмасъ*, *квасъ*, *дѣланный изъ хлѣбныхъ зеренъ*, и обычаями чисто-Славянскими), но безстрастіе и свобода отъ предубѣжденій рѣдки еще въ наше время, и сверхъ того Венелинъ упустилъ изъ виду многія обстоятельства, подтверждающія его догадку. Скажемъ вкратцѣ, что имя Уновъ почти вездѣ сопровождаетъ поселенія Славянскія подъ формами *Хаоновъ* въ горныхъ странахъ полуденной Европы, *Унеловъ*[1]) на устьяхъ Луары, *Хуна* и *Хунабъ* въ собственно Русской Славянщинѣ и *Унао* въ ихъ Азіатской родинѣ за Каспіемъ; что первая война Гунновъ съ Готѳами началась въ видѣ мщенія за угнетенныхъ Славянъ; что древнія гробницы въ земляхъ Славянскихъ, подпавшихъ Германской власти (именно въ сѣверной и юго-западной Германіи) называютъ *Гунскими*, между тѣмъ какъ подобныхъ гробницъ нѣтъ въ земляхъ Кельтскихъ (сѣверной Франціи и Англіи); что Славянскій городъ *Юлинъ*, иначе *Іомсбургъ*, назывался *Гуненбургъ*[2]); что исполины и богатыри въ миѳахъ Скандинавіи называются *Антасъ* или *Гунъ* (не въ дурномъ смыслѣ, какъ въ словѣ *Турсъ* или *Іотунъ*, ибо Зифридъ называется *Гунъ, рожденный въ Гунской землѣ*)[3]); что пѣснь Нибелунговъ представляетъ грознаго Аттилу, какъ добраго хлѣбосола, а не какъ звѣря, вырвавшагося изъ Турецкихъ пустынь; что лѣтописцы среднихъ вѣковъ часто *Гуновъ* соединяютъ съ Славянами и иногда даже называютъ Славянами (между прочимъ Саксо и Польскіе лѣтописцы); что Греки при появленіи Славянъ приписываютъ имъ многія качества Гунновъ, съ оговоркою, что они именно получили ихъ отъ Гунновъ (хотя по справедливости должно замѣтить, что Гунновъ иногда смѣшивали и съ чуждыми Аварами, такъ же какъ и съ позднѣйшими Венграми); что побѣды Аттилы наиболѣе объясняются тѣмъ, что, подвигаясь на Западъ, какъ мститель за угнетенныхъ Славянъ, онъ на Югѣ и на Сѣверѣ находилъ сильныхъ союзниковъ въ уцѣлѣвшихъ еще Славянскихъ народахъ; что войны его гораздо болѣе были обращены противъ Германцевъ, чѣмъ противъ Римлянъ, не смотря на бѣдность воинственной Германіи и на соблазнъ Византійскаго и Римскаго богатства, слѣдственно были войнами мщенія, а не корысти; что Германцы и ихъ преданія знаютъ землю Гунскую, какъ землю городовъ и даже описываютъ ее какъ одинъ колоссальный городъ (*Хунабъ* на берегу Волги, вѣроятно позднѣйшая столица Великихъ Болгаръ); что при-Волжскіе торговые города въ рукахъ Турокъ были не ихъ созданіемъ (ибо Турокъ не могъ быть градостроителемъ), но созданіемъ прежнихъ жителей, коренныхъ Булгаръ, и что тутъ же была земля Гунская; что Булгаръ при-Дунайскихъ точно такъ же мало можно считать Финнами какъ и Турками, ибо Финское племя въ своей личной особенности такъ же мало способно перерождаться, какъ и Турецкое; что объ войнѣ Гуновъ съ какимъ-нибудь Славянскимъ племенемъ нѣтъ никакаго помина, а вездѣ видны дружба и союзъ; что Россія у древнихъ Скандинавовъ называется всегда *Гардарики*, а весьма часто и *Гуннія (Гунналандъ)*, между тѣмъ какъ мимолетное завоеваніе Атиллы или временный набѣгъ Гунновъ не могъ бы дать этаго имени сѣверной России и утвердить его навсегда; что описаніе бѣлыхъ Гунновъ явно представляетъ племя Иранское и что въ ихъ Кавказскомъ гнѣздѣ до сихъ поръ поются пѣсни о богатыряхъ Антахъ и о древнѣйшихъ незабвенныхъ Венедахъ, оставившихъ имя свое малому округу *Ванадинъ* за Кубанью на берегахъ Ухмары (вѣроятно изъ соединенія слова *Ванъ* и *Адиге*); и наконецъ, что *Гунъ*, по закону придыханія, замѣняющаго умягченную гласную, представляетъ чисто-Славянскую форму *юнъ*. Послѣ стольких и столь разительныхъ доказательствъ, мы не видимъ никакой разумной возможности сомнѣваться въ Славянствѣ *Гуновъ* и приписываемъ сомнѣнія, существующія до сихъ поръ, только предразсудку, основанному на слѣпой вѣрѣ въ системы прежнихъ ученыхъ и особенно слишкомъ ограниченному понятію о мiровомъ значеніи Славянскаго племени,—безспорно даже въ наши дни самой величественной отрасли древне-Иранскаго корня и едва ли не самой многочисленной изо всѣхъ семей человѣческихъ. Такова она теперь, не смотря на гибель всѣхъ своихъ западныхъ вѣтвей. Что же была она въ ранніе вѣка исторической жизни?—Узнавъ племя, къ которому принадлежали *Гуны*, мы можемъ опредѣлить даже то отдѣленіе его, съ которымъ они имѣли наибольшее сродство. Древнѣйшій памятникъ, упоминающій о Гунскомъ имени, клинообразная надпись въ Персіи, относится, кажется, къ пятому вѣку до Р. Хр. О Хаонахъ и Унелахъ знаемъ мы также прежде Р. Хр., но они не представляютъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія нашего вопроса. Послѣ Р. Х. о Гуннахъ (*Уна-о*) упоминаютъ Китайскіе лѣтописцы, какъ о племени, раздѣляющемъ страны Ванскія за Каспіемъ отъ области Азовъ. Почти въ тоже время Гуны являются на Волгѣ и около Кавказа. За Каспіемъ они прилегаютъ къ народу *Да-гіа* (*Даки*, иначе *Саки*) и составляютъ отрасль его. На Волгѣ мѣсто ихъ въ позднѣйшее время занимаютъ

---

[1]) У Цезаря Венелы, у Птоломея Уенелы, Хоапы упоминаются у Марк. Геракл. *Изд.*

[2]) Hynnisborg. Шаф. 2.577. *Изд.*

[3]) Grim, Deutsche Mith. 400. Сигурдъ, а не Зигфридъ—вѣроятно ошибка. *Изд.*

Булгары и Волгары (иначе *Белиры*). Мы уже показали, что хотя наслоеніе было явно Турецкое или Финно-Турецкое, но подпочва народа была чисто-Славянская. Эта подпочва, этотъ покоренный народъ у Аравитянъ называется *Саклабами*. Предположеніе, что Аравійскіе писатели исказили имя Славянъ и сдѣлали изъ него *Саклабъ* для удовлетворенія законамъ своего благозвучія, кажется весьма вѣроятнымъ. Но не легко будетъ ученымъ оріенталистамъ доказать, что Аравитянамъ непремѣнно нужно было включить кромѣ гласной, еще букву *к* между *с* и *л* и чтобы имъ было труднѣе произнести *Салабъ*, чѣмъ *Саклабъ*. По всѣмъ вѣроятностямъ въ имени *Саклабовъ* осталось еще преданіе о прежнемъ семейномъ имени *Саковъ*, и такимъ образомъ Гуны опять сводятся съ ними. Извѣстно всѣмъ покореніе сѣверной Индіи или по крайней мѣрѣ ея Пятирѣчія Индо-Бактрійскими царями. Исторія всего этаго царства и время его совершеннаго паденія довольно темны; но какъ бы то ни было, имя Саковъ преобладаетъ въ этой исторической эпохѣ въ странахъ при-Индусскихъ, а Козмасъ явно и опредѣлительно говоритъ, что сѣверовосточная Индія завоевана Гунами. Опять соединеніе Саковъ съ именемъ Гуновъ. Свидѣтельство Козмаса вполнѣ подтверждается Багаватъ-Пураною, по которой на Сѣверо-востокѣ Индустана живутъ Уны и Андгры. Наконецъ, клинообразныя надписи, говоря о южномъ берегѣ Евксина, называютъ его то *Сакастана*, то *Гунастана*. Послѣ столькихъ показаній, взятыхъ изъ совершенно различныхъ источниковъ, и послѣ указанія столь древняго и несомнѣннаго, мы можемъ смѣло утвердить, во-первыхъ, что *Гуны* были Славяне, во-вторыхъ, что они были одно и тоже съ Саками или Даками, и что они составляли часть этой Славянской общины. Отношеніе же Гуновъ къ общности Славянскаго племени опредѣляется простымъ наблюденіемъ надъ характеромъ всего Славянскаго міра. Всякій воинственный народъ вѣчно готовъ къ нападенію и отпору. Едва пройдетъ слухъ о непріятелѣ близкомъ или далекомъ, кочевой Средне-Азіецъ уже несется на своемъ степномъ конѣ къ сраженію и добычѣ. Вся Эллада становится въ строй, чтобы защитить свою свободу или завоевать враждебную область. Готъ, Аравитянинъ и Мадьяръ даже въ мирное время не разлучаются съ своими бран-

---

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей они себя самихъ называли этимъ именемъ. Шаф. 11, 169. *Изд.*

ными доспѣхами. Кликни труба военная, и вся Франція будетъ на Рейнѣ. Прежде учрежденія войскъ постоянныхъ и усовершенствованія оружій для истребленія рода человѣческаго, звѣроловы и пастухи или племена, жадныя къ славѣ военной, совсѣмъ не знали мира. Вся ихъ жизнь была ожиданіемъ сраженія, всѣ ихъ помыслы были о борьбѣ и крови. Таковъ былъ древній Эллинъ, таковъ Турокъ, таковъ Германецъ, таковъ Кельтъ, послѣ соединенія съ Кимврскимъ племенемъ. Не таковъ былъ мирный хлѣбопашецъ и общежительный градостроитель-Славянинъ. Война была противна его человѣческимъ склонностямъ. Рука его охотнѣе бралась за соху, чѣмъ за мечъ. Вѣчно угнетенный дикими сосѣдями, вѣчно сражаясь для сохраненія жизни и независимости, онъ никогда не могъ полюбить ни кровопролитія, ни тревоги военной, ни даже славы побѣдъ. Напоръ иноземцевъ вызывалъ его на поле бранное, но душа его была всегда дома, въ кругу семьи, въ мирномъ бытѣ своихъ мелкихъ общинъ. Оттого у Славянъ составилась дружина; оттого-то земля Славянская окаймилась казачествомъ, древними Украйнами. Всѣ буйныя страсти, всѣ удальцы, которымъ веселѣе было биться съ иноплеменниками, или пѣнить моря на разбойничьихъ корабляхъ, чѣмъ заключать свою буйную силу въ оковы гражданскаго закона, селились на границѣ, на приморьѣ или на устьѣ большихъ рѣкъ. Эта черта принадлежитъ Славянамъ, и именно однимъ только Славянамъ. Вендскій Юлинъ (Іомсбургъ) и Днѣпровская Сѣчь, Украйна Литовская, Украйна Татарская, Украйна Финская на Сѣверѣ, Украйна Итальянская и Германская въ Австріи, Укры[*]), Украйна въ поморьѣ Вендскомъ, Уны, охраняющіе Та-вановъ отъ воинственныхъ Азовъ; Уны, защищавшіе приВолжье отъ восточныхъ Турокъ, вся эта пограничная стража смѣлыхъ поселенцевъ, отстаивавшихъ свою мирную братью отъ немирныхъ сосѣдей, всѣ эти явленія Славянщины, до сихъ поръ непонятыя иноземцами, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ неохотно человѣкъ, признавшій общительное слово лучшимъ своимъ достояніемъ, вступалъ въ битву съ своими человѣческими братьями. Когда наступала гроза, и силы городовой дружины или народной Украйны, или вольнаго, одноплеменнаго казачества были недостаточны: тогда городъ, или община, или племя нанимали защитниковъ иноземныхъ. Такъ поступала Троя, такъ Римъ, ибо первоначальная плебсъ была сборищемъ всѣхъ народовъ; такъ Юлинъ, такъ Новгородъ. Впрочемъ что-то похожее на Славянское казачество можно предположить въ Гезатахъ *) Кельтскихъ, но во всякомъ случаѣ эта черта не общая въ Галліи. Охранная стража удальцевъ, разселенныхъ по границамъ областей Славянскихъ, была первоначально составлена изъ стихій народныхъ; но удальцы, посвятившіе себя боевой жизни, исключали себя изъ общаго мирнаго быта и становились въ какой-то противоположности съ самой родиной, которую охраняли. Они были необходимы, но не любимы и не уважаемы. Идеалъ Славянина былъ не витязь бездомный и неугомонный, слуга собственной силы и собственной воли, а сила покорная и кроткая, сила служебная, проявленная въ разумной защитѣ беззащитной слабости противъ беззаконнаго своеволія. Отъ старой нашей поэзіи дошли до насъ только слабые отголоски, но даже въ этихъ бѣдныхъ отрывкахъ величественное лице Ильи Муромца представляетъ типъ болѣе человѣческій и болѣе совершенный, чѣмъ всѣ герои другихъ народныхъ поэзій отъ Ахилла до нашихъ временъ. Илья Муромецъ отчасти напоминаетъ Рустама Персидскаго, но съ большею нравственною возвышенностію, и хотя нельзя не замѣтить сильнаго вліянія христіанскаго духа въ созданіи нашего народнаго героя, но нельзя также и не узнать въ немъ облагороженіе типа, уже существовавшаго въ мысли народной еще до Христіанства. Пограничные удальцы въ своей бурной жизни и безпрестанной схваткѣ съ сосѣдями-дикарями принимали отъ нихъ много обычаевъ, совершенно чуждыхъ Славянскому быту. Соблазнъ своеволія искажалъ внутренній, естественный родовой ладъ ихъ характера. Такъ, напр., весьма часто казакъ южной Россіи отличается пороками или добродѣтелями, которыхъ нельзя замѣтить въ чисто-Славянскихъ семьяхъ. За примѣсью обычаевъ слѣдуетъ примѣсь племенъ. Рѣзкая противоположность духовнаго направленія исчезаетъ. Дружина принимаетъ въ себя охотно иноземца, принявъ уже напередъ отчасти иноземные нравы. Линейные, Уральскіе и Сибирскіе казаки, по своему лицевому очерку, принадлежатъ столько же народамъ Кавказскимъ или Сибирскимъ, сколько Россіи. Поэтому, принявъ въ соображеніе дѣйствіе страха и ненависти въ

---

*) Гильферд. Б. Слав. 112. пр. 435. Украніа—островъ, Шаф. 11, 581.

---

*) Gaesa (Цезарь, De bello Gallico 111. c. 4) копье. Гезаты—вооруженные копьями; а можетъ быть и отдѣльное племя. *Изд.*

Амміанѣ или Іорнандѣ, вспомнивъ Французскія описанія нашихъ казаковъ въ великую эпоху народной борьбы и народнаго торжества (1812—1814 годы) и отстранивъ всѣ преувеличенія, мы приходимъ къ тому выводу, что Гуны (*Юнаки* или *Унаки* — молодцы или *Уніи* — добрые, избранные, какъ *уньшій*, лучшій) — восточное казачество Славянскаго міра, приняли уже въ себя многія Финно-Турецкія стихіи прежде вторженія своего въ Германскія области. Впрочемъ, если бъ западные писатели не оставили намъ свидѣтельства о Средне-Азійской физіономіи многихъ Гуновъ и самого Атиллы, показаніе Китайскихъ лѣтописцевъ заставило бы насъ уже предполагать вліяніе Восточнаго племени на Славянъ Приволжскихъ. Въ этихъ показаніяхъ ясно и опредѣлительно сказано, что внутреннее несогласіе въ племени Та-вановъ (т. е. Вановъ Великихъ) доставило дикарямъ *Ту-хо-ло* и *Као-дзе* великую власть и силу надъ ними. Нѣтъ сомнѣнія, что самое Приволжье не было искони землею Славянскою, что собственно мирное ихъ разселеніе шло по сѣверному берегу Каспія и по предгорію Кавказа до земель Придонскихъ, откуда оно расширилось на Западъ, на Югъ и на Сѣверъ. Приволжье было спорною стороною, и всѣ имена урочищъ свидѣтельствуютъ о первожительствѣ не-Славянскаго племени; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, послѣ долгой борьбы съ Иранскими Сарматами и съ сѣверными Финно-Турками, вся область Русская до Урала осталась въ рукахъ Славянъ-Гуновъ, иначе Саковъ, послѣднихъ выходцевъ изъ Бактрійской родины. Мы уже объяснили причину, по которой Гуны представляютъ поверхностному критику физіономію не совсѣмъ Славянскую; точно также легко понять, отчего явилось нѣсколько Финно-турецкихъ обычаевъ, именъ и названій должностей у Болгаръ Придунайскихъ, т. е. тѣхъ же Гуновъ въ позднѣйшемъ переселеніи, и отъ чего, наконецъ, Несторъ, шестью вѣками позже Амміана, не хотѣлъ и не могъ признавать своихъ братій въ искаженныхъ, смѣшанныхъ и порабощенныхъ Гунахъ (иначе *Сакахъ* или Саклабахъ) Приволжскихъ. Огромность Славянскаго міра должна была представить множество разнообразныхъ явленій; но безспорно самое общее, самое важное и самое сбивчивое для исторической критики есть казачество или украинство; а между тѣмъ мы видѣли, что это явленіе буйныхъ военныхъ племенъ было и есть до сихъ поръ послѣдствіемъ чисто-человѣческаго и земледѣльческаго быта Славянскаго. Оно было и могло быть у однихъ Славянъ; но оно не было и не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ противодѣйствіемъ внѣшнему насилію дикарей, или послѣдствіемъ междоусобицъ, когда первобытный типъ племени исказился въ невольныхъ и вѣковыхъ борьбахъ. Такимъ образомъ исключеніе изъ общихъ законовъ объясняется только яснымъ сознаніемъ самыхъ законовъ. Дикое и чисто-безсемейное казачество и полу-кочевой характеръ Гуновъ, также какъ и теперешней Черногоріи, истекаютъ изъ самаго быта мирныхъ и строго-семейныхъ Славянъ. Къ этому вѣроятно привязываются и разсказы о воинственныхъ женахъ (Амазонкахъ), которыя по всѣмъ преданіямъ относятся къ Славянской области, къ берегамъ священной рѣки—Дона и къ поклоненію Сѣверной Венерѣ (Пріѣ-Діанѣ). Но всѣ явленія, вызванныя неволею и противодѣйствіемъ чуждымъ стихіямъ, находятся въ прямой противоположности съ внутреннею и естественною дѣятельностью Славянскаго племени. Не такъ развивалось оно, когда было предоставлено собственной волѣ и внушеніямъ собственнаго духа. Тогда оно тихо и мирно разселялось по лицу земли, распахивая пустыню и лѣса, оживляя городами теченіе судоходныхъ рѣкъ и покрывая кораблями волны морей—Чернаго, гдѣ новорождающаяся морская сила Эллады (Арго) бѣжала передъ ихъ многочисленными парусами, Ядранскаго (Гадріатскаго отъ Санскр. слова *адара*—бассейнъ или отъ южно-Славянскаго *ядро*—парусъ), гдѣ весело гуляли издревле суда Иллирійскія; Средиземнаго, гдѣ торговали Разены и Лигурійцы, Атлантическаго и Сѣвернаго, гдѣ Венеты удивляли Римлянъ смѣлыми громадами своихъ океаническихъ кораблей, и Балтики, гдѣ долго (по словамъ Саксона въ жизни Фрото) Скандинавы не смѣли даже подумать бороться съ морскими силами Славянъ *). Побѣжденное или торжествующее, это племя дѣйствовало благодѣтельно на жизнь Европейскихъ народовъ, умягчая нравы Галловъ въ Аквитаніи и въ южной Франціи, давая Саксамъ направленіе истинно-человѣческое, усовершенствуя невѣжественное земледѣліе Германцевъ до XIV вѣка послѣ Р. Хр., бросая на Югъ торговыя колоніи, изъ которыхъ главная (Троя) была матерью всемірнаго Рима, пробуждая въ Элладѣ зародыши словеснаго просвѣщенія и особенно противо-

---

*) Цез. De bello Gall. III, XIII; хотя Фрото ихъ побѣдилъ. *Изд*.

дѣйствуя свирѣпости другихъ племенъ распространеніемъ кроткаго и чистаго богопочитанія; ибо таково было поклоненіе Фрейру и Браги въ Скандинавіи и восточной Германіи и служеніе Аполлону, котораго святыня (Дельфы) была воздвигнута Гиперборейцами у подножія горы Великой (Геликонъ [1]), по закону перехода *в* въ придыханіе). Таковы были искони Славяне, древніе просвѣтители Европы, долгіе страдальцы чужеплеменнаго своеволія, брахманы Запада, но брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту, не образовавшіе нигдѣ сильнаго государства, но хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели. Осужденные на тысячелѣтнія страданія, вознагражденные позднимъ величіемъ, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на нихъ не лежала вина человѣкообразной вѣры и искаженія высокой духовности Иранской, исчезнувшей передъ сказочными вымыслами и житейскимъ направленіемъ Славянскаго ума.

Понявъ всю важность многочисленныхъ племенъ и назначивъ ихъ языкамъ первое мѣсто въ филологіи, въ которой до сихъ поръ обращаютъ излишнее вниманіе на мелкія нарѣчія, мы должны замѣтить, что племя и государство не имѣютъ одинакихъ законовъ. Трехсотмилліонный Китай составленъ изъ народовъ, не понимающихъ другъ друга и только слегка связанныхъ общимъ ученымъ нарѣчіемъ и общею системою іероглифическихъ письменъ, независимыхъ отъ звуковаго выраженія мысли. Прибавимъ еще, что тѣже самыя причины, по которымъ Баски или Литовцы стоятъ въ отношеніи исторической важности ихъ языковъ ниже Германцевъ или Брахмановъ, назначаютъ второстепенное мѣсто народу, который по своему значенію во многихъ отношеніяхъ далеко превосходитъ всѣ другіе народы міра. Нѣтъ сомнѣнія, что древнѣйшіе памятники письменности, по крайней мѣрѣ письменности исторической, принадлежатъ Евреямъ. У нихъ свѣтится первая путеводительная звѣзда для всѣхъ разысканій о ранней судьбѣ человѣчества, у нихъ, и у нихъ однихъ сохранилась неизмѣнность языка [2]), вѣры и преданій; но мы не имѣемъ никакаго права возводить эту неизмѣнность языка далѣе великаго законодателя Израильтянъ. До него они были подчинены общимъ законамъ, уничтожающимъ чистоту мелкихъ нарѣчій, и нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы слово Еврейское сохранилось свободнымъ отъ чуждаго вліянія. Скажемъ болѣе: нѣтъ никакой причины называть языкъ Еврейскій по имени ихъ родоначальника Гевера. Одинокій переселенецъ въ землю чужую, передалъ ли Авраамъ своимъ потомкамъ языкъ своихъ предковъ? Потомки сохранили ли это словесное наслѣдство? Весьма сомнительно. Ясно только то, что Еврейское нарѣчіе входитъ въ разрядъ всѣхъ Аравійскихъ и Семитическихъ языковъ, и что всѣ они находятся въ замѣтной зависимости отъ Иранскихъ корней. Собственную же важность Еврейскаго только тогда можно будетъ признать, когда ученые докажутъ, что оно дѣйствительно Еврейское.

---

[1]) Павзаній, X. 5. Собственно Парнасса. Геликонъ рядомъ, надъ Криссой. *Изд.*

[2]) Позднѣйшее зараженіе языка Еврейскаго Арамейскимъ нарѣчіемъ не измѣняетъ вѣрности этаго положенія. *Изд.*

Важность нарѣчія въ смыслѣ историческомъ находится въ прямомъ отношеніи къ многочисленности племени, которому оно принадлежитъ. Многочисленность эта и великое разселеніе суть безспорные признаки древности и неприкосновенности языка, если онъ дѣйствительно языкъ народный, какъ Нѣмецкій, а не-искусственный, какъ Французскій, Латинскій или ученый Китайскій. Чѣмъ общительнѣе племя, тѣмъ сохраннѣе нарѣчіе, и чѣмъ болѣе видимъ неприкосновенности въ нарѣчіи, тѣмъ рѣшительнѣе можемъ судить объ общительности народной.

Съ другой стороны, только тотъ народъ способенъ совершенно переродиться и забыть свое нарѣчіе, который способенъ былъ его сохранить неизмѣнно въ продолженіе многихъ вѣковъ. Эти противоположныя явленія истекаютъ изъ однаго и того же источника, изъ духа общенія съ другими.

Мы сказали, что мелкая семья предоставляется своему произволу и можетъ въ силу произвола искажать свое нарѣчіе, какъ напр., на Отагити, гдѣ при смерти царя предписывалось уничтоженіе нѣсколькихъ словъ и введеніе новыхъ. Великая община находится всегда подъ взаимною опекою своихъ членовъ. Но за то оторвите семью Кельтовъ или Монголовъ или красныхъ Американцевъ отъ роднаго племени и окружите ее племенами чужими, ей будетъ сполгоря. Она общенiемъ не дорожила и не дорожитъ; она еще долго будетъ хранить свою наслѣдственную рѣчь. Оторвите отъ племени общительнаго отдѣльную семью и бросьте ее въ средину чужихъ народовъ: она скоро приметъ языкъ новый и утратитъ старый свой языкъ, чтобы только не утратить человѣческаго общенiя мысли и слова съ новыми сосѣдями. Отъ того-то Славяне легче всѣхъ народовъ перерождаются и дѣйствительно переродились въ сѣверной Германiи почти на нашей памяти, въ южной Германiи (Баварiи), гдѣ, по словамъ Пассавской Хроники, народъ (очевидно древнiе Винделики) перемѣнилъ свой языкъ и принялъ Нѣмецкiй, и въ большей части средней Европы. Любовь словеснаго общенiя, вотъ разгадка многихъ явленiй, непонятыхъ еще ученымъ мiромъ. Англичанинъ живетъ двадцать лѣтъ въ чужихъ краяхъ и едва умѣетъ назвать хлѣбъ, мясо и вино, которыми питается. Русскаго въ чужой землѣ черезъ нѣсколько лѣтъ не узнаешь отъ туземца. За то Англичанинъ и ходитъ скватеромъ въ пустынѣ Миссисипи, а Русскiй въ Сибири селится деревнями.

Грамматическая организацiя языка.—Ея развитiе и причины ея оскудѣнiя.

Отстранивъ многiя ошибки, которыми до сихъ поръ замедляются успѣхи филологiи и историческiе выводы, основанные на сравнительномъ языкознанiи, мы должны еще упомянуть о склонности современныхъ ученыхъ — приписывать излишнюю важность грамматикѣ. Трудно сказать, на чемъ основано ихъ пристрастiе, на общемъ ли предубѣжденiи Германiи (главы теперешняго просвѣщенiя) въ пользу всего наукообразнаго или на соблазнительной легкости изученiя грамматики. Нельзя отрицать важности грамматическихъ законовъ, въ которыхъ воплощаются отвлеченныя формулы мысленнаго движенiя; но не должно забывать и то, что весь или почти весь словарь есть произведенiе грамматики въ ея послѣдовательномъ развитiи и что эта послѣдовательная грамматика гораздо важнѣе въ смыслѣ историческомъ, чѣмъ окончательная форма, на которой остановилось развитiе языка. Быть можетъ, словоращенiе, избранное какимъ-нибудь народомъ, служитъ данною для опредѣленiя его личнаго характера; но всякiй народъ связывается съ своимъ племеннымъ корнемъ только тѣми переходными эпохами, въ которыхъ грамматика еще не окрѣпла, а вырабатывалась мало-по-малу, оставляя въ составѣ языка словесные слои, уже не подвластные прихотямъ послѣдующихъ поколѣній. Истинная исторія языка находится только въ словарѣ. Это кодексъ, составленный не изъ законовъ, но изъ дѣлъ, рѣшенныхъ неписаннымъ закономъ. Грамматика есть сводъ временныхъ полицейскихъ учрежденій, и въ ней, не смотря на ея видимую отвлеченность, гораздо болѣе формальности, чѣмъ жизни истинной и духовной.

Въ изученіи всякаго языка всегда являются многіе періоды. Законъ послѣдняго, окончательнаго весьма часто не представляетъ почти никакаго сходства съ предыдущими; его должно изучать для того, чтобы опредѣлить его древность и чтобы узнать, до какой степени онъ связанъ былъ съ самымъ корнемъ языка, съ первоначальными словесными данными народа. Болѣе отъ него ни требовать, ни ожидать нельзя. Польза его болѣе отрицательная, чѣмъ положительная, ибо посредствомъ его опредѣляются утраченные законы, нѣкогда управлявшіе словоращеніемъ, и общіе типы, мало-по-малу уступившіе мѣсто свое частному своеволію отдѣльныхъ семей. Словарь показываетъ начальное единство племенъ, грамматика — ихъ послѣдовавшее разъединеніе; и въ каждомъ языкѣ важно не то, что̀ согласно съ его грамматикою, но именно то, что́ съ нею не согласно.

Такъ мы конечно не далеко уйдемъ въ исторіи Французскаго языка, если будемъ привязываться къ теперешнимъ уставамъ его словоизмѣненій, и мало данныхъ найдетъ ученый въ Англійскомъ синтаксисѣ, чтобы доказать тождество Англійскаго нарѣчія и языковъ Германскихъ. Почти всѣ слова Французскія, также какъ и Англійскія, суть плоды жизни и проявленія законовъ, совершенно исчезнувшихъ въ этихъ позднихъ нарѣчіяхъ, и таже старина, которая такъ ясно въ нихъ выказывается, является во всѣхъ языкахъ безъ исключенія, хотя и рѣдко признается ученымъ міромъ. Мы уже это замѣтили въ Германскомъ, Латинскомъ и даже отчасти Санскритскомъ, въ отношеніи къ словамъ, кончающимся на *мя* или *менъ*. Этотъ суффиксъ, котораго страдательное значеніе иногда совершенно пропадаетъ, получаетъ законную силу только посредствомъ страдательной причастной формы Эллинскаго и Славянскаго языка,—формы, которая сама объясняется мѣстоименіемъ перваго лица. Впрочемъ надобно замѣтить, что она особенно свойственна Славянскому, ибо употребляется (чего грамматики, кажется, не сказали) какъ окончаніе, обращающее всякій глаголъ въ нарѣчіе (напр. *кричмя*, *торчмя*, *стоймя* и пр.).

Мы уже сказали, что всѣ слова соединяли первоначально въ себѣ глаголъ и существительное и что это коренное свойство равно оправдывается нарѣчіями восточной Азіи и западной Европы (Англіи), а еще болѣе замѣтно въ языкѣ Африканскихъ Іолофовъ *), спрягающихъ всякое существительное и склоняющихъ всякій глаголъ; но должно прибавить, что это свойство первобытныхъ словъ не мѣшало и не могло мѣшать словоращенію и богатой организаціи грамматической. Чѣмъ далѣе мы углубляемся въ мракъ древности и проникаемъ въ таинства отжившихъ языковъ, тѣмъ полнѣе и величественнѣе является эта утраченная грамматика, которой скудные остатки уцѣлѣли въ позднѣйшихъ нарѣчіяхъ, вездѣ лишенные своей древней роскоши, даже въ тѣхъ языкахъ, которые, какъ Санскритскій или Эллинскій, славятся богатствомъ своихъ флексій. Не должно считать такое положеніе за произвольную догадку или думать, что оно относится только къ области Иранскихъ нарѣчій. Всѣ опыты сравненія не-Иранскихъ языковъ съ Иранскимъ (и этихъ опытовъ уже весьма много) показываютъ, что сходство между ними заключается не въ тождествѣ корней, но въ перенесеніи уже развившихся зародышей въ мертвую почву нефлексіонныхъ нарѣчій, въ которыхъ растительная жизнь слова замерла и замѣнена механическими законами накопленія (аггрегаціи), законами, принадлежащими собственно подземному, ископаемому міру.

Вообще замѣчено, что языки стремятся къ оскудѣнію грамматическихъ формъ; кажется, можно прибавить, что это оскудѣніе есть послѣдствіе дикости народовъ и огрубѣнія человѣческаго рода; но должно замѣтить и то обстоятельство, что языкъ мѣшанный быстрѣе лишается своего органическаго словоращенія, чѣмъ нарѣчіе чистое. Смѣсь двухъ языковъ, богатыхъ флекціями, весьма часто производитъ новое цѣлое, которое почти совсѣмъ лишено флекціонной способности или едва представляетъ слабую тѣнь прежнихъ стихій и ихъ внутренней жизни.

---

*) Также Волофы.

Таковъ Англійскій, составленный изъ Германскаго и Латинскаго начала, или Молдаво-Валашскій, основанный на Римскомъ или на Оскскомъ нарѣчіи Римскаго языка съ примѣсью Славянскаго.

Но никогда не должно опускать изъ виду человѣческую свободу и воображать, чтобы какія-нибудь правила, утвержденныя въ наше время апріористическою системою, были обязательными для минувшихъ вѣковъ. Нѣтъ никакихъ законовъ въ ращеніи нарѣчій, которые бы не подвергались множеству исключеній и которые бы не были подчинены прихоти человѣческой. Отъ этого при сличеніи грамматикъ подобіе внутреннихъ законовъ словоращенія ничего не значитъ безъ сходства самыхъ формъ словесныхъ, и несходства частныя въ грамматикѣ ничего не значатъ при тождествѣ словесныхъ началъ и нѣкоторыхъ законовъ грамматики. Въ обоихъ случаяхъ видна только игра произвола, проявляющаяся то въ нежданномъ тождествѣ, то въ безпричинномъ различіи.

Такова напр. способность склонять глаголъ, какъ существительное, общая Эллинамъ, Іолофамъ и Германцамъ, или способность спрягать существительное—Іолофамъ и Англичанамъ. Такова же склонность Французскаго языка обозначать отношеніе между словами положеніемъ ихъ въ вещественномъ порядкѣ фразы, склонность, по которой можно скорѣе отнести Французскій языкъ къ системѣ восточно-Азійской (если бы глаголъ не спрягался), чѣмъ къ Иранской. Точно также присутствіе страдательнаго глагола и средняго въ Латинскомъ языкѣ нисколько не мѣшаетъ заключеніямъ, выведеннымъ изъ сходства спряженія въ глаголахъ дѣйствительныхъ. Трудно сказать, откуда именно вкрались формы страдательныя и среднія въ Латинскій языкъ, отъ примѣси ли какой, или отъ соединенія глагола съ другою частію рѣчи; но во всякомъ случаѣ въ этой разницѣ нѣтъ ничего истинно-характеристическаго. Можно бы предположить, что страдательное окончаніе на *р* есть только перерожденіе начальнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи *ся*, и такая перемѣна была бы отчасти оправдана тождествомъ *arbor*, *labor* и пр. съ *arbos*, *labos* и др.; но задача еще не будетъ рѣшена, по необъяснимости окончанія второго лица въ множественномъ на *мини* и по нѣкоторымъ другимъ особенностямъ страдательнаго спряженія. Самыя нарѣчія Славянскія представляютъ многія отклоненія другъ отъ друга въ спряженіяхъ (каковы напр. окончанія прошедшаго времени на *хъ* или на *о*), и все-таки остаются только нарѣчіями однаго и того же языка. Многія отрасли Германскаго языка показываютъ такія же различія. Впрочемъ нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя особенности древняго Англо-Саксонскаго спряженія. Таково преобладаніе глагола—*быть* (*beo*) въ спряженіи глагола, означающаго бытіе. Въ этомъ Англо-Саксонскій языкъ удаляется отъ Германскаго типа, въ которомъ формы *bin* ограничены только двумя лицами въ единственномъ числѣ настоящаго времени, и сближается съ Славянскимъ. Тутъ видно не сходство грамматическое, но тождество словесное, совершенно соотвѣтствующее прочимъ признакамъ вліянія Славянскаго на Англо-Саксовъ, каковы поклоненіе *Чернобогу* и *Сибѣ*, слова: *smile* (улыбаться, *ухмыляться*,— впрочемъ тотъ же корень *мил* перешелъ въ Нѣмецкое schmeicheln), *sooth* (истина, *суть*), и особенно всѣ черты быта земледѣльческаго, родоваго устройства и общиннаго родоваго состава подъ властію старшихъ, которые въ Саксонцахъ болѣе напоминаютъ ихъ восточныхъ сосѣдей, чѣмъ западныхъ единоплеменниковъ [*]). Тотъ, кто сравнитъ безпристрастно дѣйствія нововведеннаго Христіанства въ Англіи и въ Россіи, признàетъ какой-то странный параллелизмъ явленій, непонятный, если мы не допустимъ примѣси Славянской въ самомъ племени Саксовъ или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ его. Мы уже сказали, что разницы грамматическія не имѣютъ великаго значенія въ историческомъ языкознаніи. Должно еще прибавить, что большая часть изъ нихъ найдетъ вѣроятно свое объясненіе, при усовершенствованіи науки. Такъ наприм. употребленіе вспомогательнаго глагола *werden* въ Нѣмецкомъ языкѣ совсѣмъ не такъ важно, какъ полагаютъ вообще. Нѣмецкіе ученые придали этому глаголу какое-то особенно великое значеніе, и новая философія оперлась на него, какъ на таинственную силу, могущую перемѣнить весь міръ наукъ и подвинуть мысль человѣческую за всѣ предѣлы, которыми она до сихъ поръ была ограничена. Не входя въ споръ съ философіею и не нападая на ея заманчивыя надежды, должно сказать грамматикамъ, что, по всей вѣроятности, глаголъ *werden* принадлежитъ многимъ Иранскимъ нарѣчіямъ и что онъ есть не что иное, какъ выраженіе движенія. Нѣмцы сами употребляютъ иногда вмѣсто него глаголъ *gehen* (es wird verloren *gehen* и др.) [1], и самый *werden* совершенно совпадаетъ съ глаголами Слав. *гряду* и Лат. *gradior* при перемѣнѣ буквъ *г* въ *в* и перестановкѣ согласной *р*. Извѣстно уже, что глаголъ *идти (и)* употребляется, какъ вспомогательный въ Славянскомъ, въ которомъ онъ составляетъ повелительное наклоненіе, и въ Латинскомъ, въ которомъ онъ даетъ глаголамъ или смыслъ повелѣнія или будущаго въ неокончательномъ. Прибавимъ, что самый супинъ Латинскій содержитъ въ себѣ слѣдъ того же значенія движенія, хотя оно и не высказано: ибо отъ него супинъ принимаетъ форму винительнаго падежа [2], какъ и существительныя при глаголѣ *ire*. Новое доказательство первобытнаго тождества существительнаго и глагола. И такъ нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что грамматика Германская приняла, какъ стихію спряженія, глаголъ движенія. Разница ея съ Славянскою и Латинскою состоитъ только въ томъ, что она расширила предѣлы его употребленія и избрала форму — *гряд*, вмѣсто простѣйшей *и*. Впрочемъ, быть можетъ, что Германское *в* ближе, чѣмъ Славяно-Латинское, къ первоначальному типу: ибо Санскритскій языкъ представляетъ намъ корень *врйт* (идти) и, кажется, выводный изъ него *вридг* (рости). Замѣтимъ также, что Санскритскій языкъ и его Индѣйскія нарѣчія составляютъ страдательное посредствомъ того же *и* (идти) и пр. Впрочемъ трудно угадать настоящее происхожденіе Латинскихъ страдательныхъ формъ и отношеніе къ Славянскому языку, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ страдательнаго глагола, вѣроятно нѣкогда существовавшаго, но утратившагося отъ преобладанія вспомогательнаго *быть*, также какъ падежи исчезли отъ вліянія члена во многихъ языкахъ Европы. Во всякомъ случаѣ видно, что вопросы грамматическіе переходятъ въ вопросы словарные и разрѣшаются только посредствомъ сличенія корней.

---

[*]) Шафарикъ. (Сл. Др. II. 512) признаетъ большое количество Славянскихъ словъ въ Англ. языкѣ. *Изд.*

---

[1] Здѣсь gehen употребляется скорѣе для усиленія. *Изд.*

[2] Шлейхеръ, Ср. Гр. 459. *Изд.*

Не нужно бы было объяснять отношенія грамматики къ языкознанію вообще, если бы наука не страдала отъ ложнаго предубѣжденія ученыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изо всѣхъ нарѣчій Европы Эллинское болѣе всѣхъ сохранило роскошь древне-Иранскаго словоращенія, и отъ этого Эллинскій языкъ почти всегда ставится выше всѣхъ въ сводѣ Иранскихъ языковъ послѣ Санскритскаго. Отъ того же самаго Славянское нарѣчіе находится въ особенномъ пренебреженіи у Германскихъ ученыхъ, которыхъ впрочемъ нѣсколько оправдываетъ ихъ совершенное невѣжество по этой части. Между тѣмъ самое поверхностное, но безпристрастное сравненіе показало бы, какъ далеко Эллинскій языкъ отстоитъ отъ Славянскаго въ отношеніи сходства съ обще-Иранскимъ и его чистѣйшимъ остаткомъ, Санскритскимъ нарѣчіемъ. Должно замѣтить, что склоненія сохранились въ Славянскомъ также богато, какъ въ Эллинскомъ, едва уступаютъ Санскритскому и представляютъ даже падежъ мѣстный, еще незамѣченный грамматиками, напр., въ древнихъ: *явѣ, вьну, долу, низу* и пр. и въ теперешней Русской формѣ, въ *лѣсу*, въ *саду*, въ *виду* и пр., которая отличается отъ дательнаго падежа перенесеніемъ ударенія на послѣдній слогъ, хотя падежъ уже измѣненъ необходимостью предлога. Очень легко понять причину оскудѣнія спряженія Славянскаго при неизмѣнномъ богатствѣ склоненій. Она таже самая, по которой большая часть корней у насъ находится въ существительномъ, а у Санскрита въ глаголѣ, именно: бытовое направленіе Славянской жизни и Славянской мысли, отличающее ихъ отъ ихъ мудрствовавшей братьи—Брахмановъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы грамматика не имѣла никакой важности. Напротивъ того, при другихъ данныхъ (какъ-то законовъ звукоизмѣненія, общей гармоніи слова и проч.) она помогаетъ опредѣлять группы языковъ или отыскивать большія вѣтви, раздѣлившіяся на мелкіе побѣги. Такъ, напр., въ области Иранской присутствіе члена обличаетъ западную отрасль, между тѣмъ какъ отсутствіе его обозначаетъ отрасль восточную, то есть чисто-Иранскую.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя семьи Славянскія (именно сѣверо-западныя) приняли отъ своихъ Германскихъ сосѣдей это опасное обогащеніе и что онѣ составляли членъ точно также, какъ Эллины изъ мѣстоименія *тотъ*. Точно тоже случилось и съ Болгарами.

Наконецъ, изученіе грамматики представляетъ то любопытное и поучительное явленіе, что весьма часто утраченное слово или его утраченная форма, вкропившись въ флексіи другихъ словъ, сохраняется неприкосновенно и избѣгаетъ пагубныхъ дѣйствій времени, языкосмѣшенія и человѣческой прихоти, свидѣтельствуя о первобытныхъ типахъ и о коренномъ единствѣ разрозненныхъ семей.

Такимъ образомъ окончанія Латинскія на *bam*, *bo*, *bunt*, *bundus* представляютъ безспорный памятникъ первоначальныхъ *былъ* и *буду*, хотя соотвѣтствующіе имъ *fui*, *futurus* уже подверглись прихотливымъ понятіямъ семей Итальянскихъ о благозвучіи. Точно также древнія мѣстоименія и ихъ коренные звуки сохранились въ глагольныхъ флексіяхъ почти всѣхъ Иранскихъ языковъ, и даже мы видимъ тѣже мѣстоименія въ нарѣчіяхъ совершенно оторвавшихся отъ великаго корня во времена, когда языкъ Иранскій не получилъ еще своего особеннаго характера, и поэтому причитаемыхъ къ семьямъ, совершенно чуждымъ бѣлому племени. На западномъ краю Африки, на оконечности области Кушитской, въ безконечномъ удаленіи отъ всѣхъ народовъ Ирана, Іолофы сохранили звуки *ма* и *ну* для обозначенія перваго лица, и Лапландцы, Вотяки и ихъ единокровные, также какъ и чистые Финны, для обозначенія лицъ прилагаютъ къ предлогамъ звуки, которые прямо и ясно указываютъ на тождество ихъ мѣстоименій съ древне-Иранскими. Тоже самое можно болѣе или менѣе замѣтить у всѣхъ Семитовъ и даже въ нарѣчіяхъ семей Восточно-Азійскихъ. Во всѣхъ еще есть развалины утраченнаго достоянія.

Выводъ изъ изученія языковъ.

Обзоръ языковъ представляетъ выводъ, пополняющій всѣ данныя для возсозданія до-исторической жизни человѣчества. Время безпристрастнаго и просвѣщеннаго языкознанія наступило. Языки Семитическіе связываются корнями своими съ

Ираномъ, переходятъ далѣе въ область Аравійскую, соединяющую Азію съ Африкою посредствомъ нарѣчія Гэдзъ и Амгара. Далѣе, еще болѣе одичавшія, искаженныя и скудныя, безчисленныя нарѣчія чернаго племени представляютъ грустную картину мысленнаго и словеснаго паденія, хотя у нѣкоторыхъ семей, и кажется болѣе всѣхъ у Іолофовъ, слышны еще отзвуки первобытнаго языка, явно независимые отъ вліянія Корана и Аравійскаго просвѣщенія. На всемъ огромномъ пространствѣ Африки, исключая ея сѣверную приморскую часть, нельзя найти ни одного могучаго нарѣчія, которое бы имѣло право на великое значеніе въ филологіи. Всѣ мелкія нарѣчія представляютъ болѣе или менѣе между собою какія-нибудь общія черты и родовые признаки; но нѣтъ ни точекъ опоры для возсозданія цѣлаго первобытнаго, ни данныхъ для опредѣленія степеней, на которыхъ остановились древнія развитія или съ которыхъ начались частныя паденія. Такъ и должно быть. Песчаныя пустыни, охватывающія рѣдкіе острова вѣчно зеленѣющихъ пальмъ, роскошная природа, не вызывающая къ борьбѣ, зной солнца и зной неукротимыхъ вещественныхъ страстей, отсутствіе общежитія и человѣческой любви, болѣе же всего религія Кушита, положившая необходимость, рабство и видимую природу съ ея органическою полярностью въ основу всего сущаго, вотъ тѣ начала и тѣ условія, подъ которыми черный житель Африки утратилъ всѣ свои человѣческія достоинства, и лѣсной Кафръ упалъ почти на одинъ уровень съ четверорукими. Какъ мы уже сказали, Африка не представляетъ великихъ, единоглагольныхъ семей; но всѣ ея мелкія нарѣчія связываются между соббою неправильною сѣтью частныхъ и отдѣльныхъ сходствъ, носящихъ на себѣ признаки прихотливаго случая, но разрѣшающихся въ темномъ отзвукѣ языковъ, употребляемыхъ полубѣлымъ населеніемъ Нильской долины и прибережья Чермнаго моря. Сѣверо-восточная же часть ея входитъ въ Арамейскую и Южно-Азійскую систему; а великолѣпный островъ, лежащій у ея восточныхъ береговъ, связываетъ ее съ безконечнымъ міромъ островов, перекинутыхъ Азіею черезъ экваторъ и тропики.

На Сѣверъ и Сѣверо-востокъ отъ области Иранской можно прослѣдить развѣтвленіе Иранскихъ корней гораздо далѣе, чѣмъ на Юго-западъ. Новѣйшія изслѣдованія показали связь Санскритскаго языка и ученаго Китайскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе Буддаизма и Несторіянства въ Средней Азіи и могло и должно было имѣть сильное вліяніе на Китай. Извѣстно даже существованіе полу-Санскритскаго нарѣчія, на которомъ были писаны священныя книги Буддаистовъ во время Шакья-Мунистской проповѣди въ Китаѣ *); но сходство корней очевидно независимо отъ этихъ позднѣйшихъ примѣсей, ибо древнія творенія Конфудзеу, Лао-тзеу и Минг-тзеу представляютъ тоже самое явленіе. Внимательное и добросовѣстное изученіе великой державы восточной, колоссальнаго зданія, основаннаго силами юнаго человѣчества, приведетъ вѣроятно къ тому выводу, что Китай во многихъ отношеніяхъ ближе къ Западу, чѣмъ горныя страны, отдѣляющія его отъ Ирана. Многія преданія и данныя ручаются за этотъ выводъ и, какъ мы уже сказали, ранніе миѳы о древнѣйшихъ царяхъ, о божественныхъ Яо, Хунъ и Ю содержатъ въ себѣ имена боговъ, которымъ поклонялись Семиты, Халдеи и Финны. Массы народовъ единоглагольныхъ въ сѣверной, средней и восточной Азіи превосходятъ всѣ прочія, исключая Иранское племя. Десятки милліоновъ людей земледѣльческихъ или воинственныхъ, кочевыхъ или осѣдлыхъ говорятъ нарѣчіями, выросшими изъ однаго и того же корня, отъ береговъ Ботнійскаго залива до устьевъ Анадыра и до ледяныхъ прибоевъ Сѣверо-восточнаго океана. Семья Финно-Турецкая въ своемъ разорванномъ величіи заслуживаетъ изученія глубокаго и подробнаго. Она въ своихъ лицевыхъ очеркахъ, также какъ въ словесномъ составѣ, представляетъ переходъ отъ настоящаго бѣлаго къ желтому племени, отъ Ирана къ стихіи Восточно-Азійской. Въ ней есть и богатство грамматическихъ флексій, и свобода словоположенія (синтаксисъ), и жизнь органическая. Наука едва еще коснулась этого предмета; но уже теперь можно смѣло утвердить, что языкъ Финно-Турецкій содержитъ въ себѣ искаженныя стихіи слова Иранскаго и находится въ прямой зависи-

---

*) Китайскія будистическія книги имѣютъ основу Санскритскую, тогда какъ Цейлонскія, Бирманскія и Сіамскія основаны на подлинникахъ, писанныхъ языкомъ Пали. *Изд.*

мости отъ него. Стоитъ только вспомнить слова *ва* (вода), *су* и *сыръ* (вода же), Герм. *saugen*, Сл. *сокъ*, *сосать*, *сырость*, Лат. *sugere* и пр. и явные слѣды мѣстоименій Санскритскихъ въ Лапландскихъ, Венгерскихъ и Вотяцкихъ формахъ (Лапл. *лузамъ*, *лузадъ*, *лузасъ*, *лузаме*, *лузате*, *лузазисъ*, Венгер. *гозамъ*, *гозадъ*, *гозая*, *гозанкъ*, *гоззатокъ*, *гозаіокъ*, Вотяцк. *диньямъ*, *диньядъ*, *дине*, *дину*, *динкъ*, *динко* (до меня, до тебя и пр. Вотяцкая форма особенно похожа на составленіе изъ предлога *до* и мѣстоимѣнія). И такъ въ желтомъ племени первое мѣсто принадлежитъ Финно-Турецкой отрасли, болѣе всѣхъ сохранившей духовное и словесное родство съ областью бѣлаго племени. Это превосходство не развилось вполнѣ. Великіе народы погибли въ дикости пустынь, утративъ напередъ достояніе духовной вѣры или равнодушіемъ разорвавъ съ нею живую связь преданія и многозначащихъ образовъ; но не совсѣмъ утратилась память древняго величія. Нѣсколько разъ врывались племена Турецкія глубоко въ нѣдра Европы, то подъ именемъ мнимыхъ Скиѳовъ (Сколотовъ), отгоняя Кельто-Кимврскихъ жителей при-Волжской стороны къ Западу Европы, то сокрушая послѣдніе остатки Римскаго величія въ Византіи и грозя всему христіанскому міру, то уничижая на время молодую Русь, въ тоже врамя какъ они разрушали и возстановляли снова Восточный колоссъ Китая. Сличеніе первыхъ миѳовъ вѣры Фоги, предшествовавшей Индустанскому Буддаизму, и миѳическихъ разсказовъ о Финскомъ Вайнамейненѣ, представляетъ такія разительныя сходства, что весьма позволительно предположить вліяніе Финскаго начала на основаніе огромнѣйшей державы въ цѣломъ мірѣ. Но для филологіи Китай еще болѣе недоступенъ, чѣмъ внутренность Африки или острововъ Полинезіи. Искусственный языкъ, составленный трудами ученыхъ подъ мертвящимъ гнетомъ символическихъ письменъ, не можетъ представить никакихъ данныхъ для узнанія древнихъ нарѣчій; самыя же нарѣчія областныя, менѣе испорченныя ложнымъ направленіемъ просвѣщенія, ограждены отъ пытливости Европейцевъ завистливою робостью Манджурской политики; но и онѣ по всей вѣроятности уже потеряли свою самобытную жизнь точно такъ, какъ областныя нарѣчія во Франціи почти исчезли передъ вліяніемъ столичнымъ и литературнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже Югъ Китая не можетъ вполнѣ принадлежать системѣ Азійской и былъ измѣненъ даже въ племенномъ составѣ народовъ вліяніемъ черныхъ Кушитовъ, нѣкогда населявшихъ большую часть Индустана и обогнувшихъ весь Югъ Азіи до далекаго Востока, куда они перенесли и черный цвѣтъ своего тѣла, и складъ мысли, лишенной опоры въ понятіи о духовной свободѣ Творца, и стремленіе къ вещественному просвѣщенію, и вѣроятно стихіи скуднаго слова, не развивающагося нигдѣ безъ свѣтлой теплоты живаго богопознанія. Какъ бы то ни было, система Средне-Азійская, представляющая сильныя массы единоглагольныхъ племенъ, связывается посредствомъ своей сильнѣйшей массы, Финно-Турковъ, съ бѣлолицыми Иранцами и обличаетъ коренныя начала, которыхъ родство съ Западомъ, недавно замѣченное, дѣлается со дня на день болѣе явнымъ и несомнѣннымъ.

Отъ Востока Азіи въ безконечную область океана проникли племена и нарѣчія, которыя безспорно связываются съ главнымъ материкомъ. Островитяне, отдѣленные отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ безграничностью волнъ, не представляютъ однакоже ни въ нравахъ своихъ, ни въ наружныхъ формахъ того глубокаго униженія, до котораго упали мелкія семьи чернолицыхъ Африканцевъ. Самая середина Океаніи составляетъ область однаго племени, одной религіи забытой, но еще оставившей по себѣ слѣды въ общепонятныхъ письменахъ священной татуировки, и однаго языка — Тонга, который отзывается отъ острововъ Сандвичъ до Новой Зеландіи на необъятномъ пространствѣ и во множествѣ отдѣльныхъ нарѣчій. Это странное явленіе, непонятное до сихъ поръ ученому міру, объясняется простыми законами человѣческаго разума. Паденіе слова сопутствуетъ паденію духа, которое само есть слѣдствіе необузданныхъ страстей и неограниченнаго произвола. Война рѣже у островитянъ, чѣмъ у мелкихъ народовъ материка; она производится въ большемъ размѣрѣ, можетъ быть съ большей жестокостью, но не заключаетъ въ себѣ всей жизни человѣческой; такимъ образомъ удалено одно изъ важнѣйшихъ началъ духовнаго упадка, безпрестанное купаніе въ человѣческой крови. Островитяне связаны другъ съ другомъ поясомъ непроходнаго моря, заключающаго ихъ въ тѣсномъ предѣлѣ неизмѣнныхъ жилищъ. Невольная общежительность удаляетъ другую и главную причину искаженія словеснаго—разгулъ человѣческаго произвола. Отъ того-то жители великихъ срединодныхъ земель, Новой Зеландіи и Сундской системы или Австралійскаго материка, стоятъ во многихъ отношеніяхъ ниже островитянъ средней Полинезіи. Отъ южной оконечности Азіи далеко въ тропическія моря на Югъ и на Востокъ тянется разорванное царство Скандинавовъ Индустанскихъ, мѣшаннаго народа Малайцевъ, носящихъ на себѣ слѣды Азіатскаго происхожденія и Кушитской примѣси, связанныхъ, кажется, съ центральною Азіею посредствомъ народовъ, которыхъ Кушиты и Иранцы заключили въ Гаутскія ущелья, и охваченныхъ священнымъ языкомъ Кави, сыномъ Санскритскаго и орудіемъ Иранскаго просвѣщенія. Наконецъ, рядомъ съ Малайцами, на низшей степени человѣческаго развитія, уродливые Эндамены, вездѣ побѣжденные и попранные, вездѣ разрозненные и вполнѣ одичавшіе, представляютъ такія скудныя стихіи для разрѣшенія вопроса о ихъ происхожденіи, что наука вѣроятно будетъ принуждена всегда довольствоваться догадками, основанными не на частныхъ данныхъ, но на общихъ аналогіяхъ и на законахъ, выведенныхъ или апріори, или изъ явленій, представленныхъ другими племенами болѣе извѣстными.

За предѣлами Восточнаго океана великій материкъ Америки, издревле населенный смѣлыми мореходцами доисторическихъ вѣковъ, долго забытый и недавно вызванный изъ пучины океана святымъ вдохновеніемъ христіанской любви въ Колумбѣ, чтобы быть поприщемъ кровожаднаго бездушія народовъ Германо-Романскихъ и раздражительнаго эгоизма народовъ Кельто-Германскихъ, соединяетъ въ себѣ черты сѣверной и восточной Азіи съ явленіями, принадлежащими Африкѣ и Полинезійскимъ островамъ. Такъ напримѣръ, между тѣмъ какъ въ

Гвіанѣ насчитывается до двухъ сотъ нарѣчій и до трехъ коренныхъ языковъ при ничтожномъ населеніи въ какія-нибудь восемьдесятъ тысячъ душъ, и какъ есть даже племена съ двумя нарѣчіями, однимъ для женщинъ, другимъ для мужчинъ,—Патагонцы, Ароканцы и Чилоэны составляютъ значительную массу единоглагольную, языкъ Туписовъ обнимаетъ безмѣрное пространство отъ внутренности Парагвая черезъ сѣверную Бразилію и прибрежье Хуальяги, черезъ отдѣльныя семьи *Кокамовъ*, *Юримагуа*, *Омагуа*, до Венецуэлы, гдѣ онъ является опять у племени Агуа; а великіе Финно-Турки, переправившись по цѣпи острововъ, раскинутыхъ черезъ океанъ, наполнили весь Сѣверъ Америки до безплодныхъ тундръ Лабрадора и Гренландіи и до береговъ Атлантики, гдѣ имъ было суждено уже въ X-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. встрѣтиться снова съ своими Европейскими утѣснителями, Скандинавами. Изученіе нарѣчій Американскихъ не обѣщаетъ великихъ плодовъ для общей исторіи человѣчества; оно имѣетъ важность только въ томъ отношеніи, что на за-океаническомъ материкѣ повторяются въ меньшемъ размѣрѣ и съ бóльшимъ безпорядкомъ многія явленія великой твердыни Азіато-Африканской. Желтое племя кочуетъ на Сѣверѣ; Югъ наполненъ народами, которыхъ лицевой уголъ (у Ботокудіевъ 69° 30′), колченогость и общая нескладность напоминаютъ многія черты чернаго племени; а среднее пространство занято великими мѣшанными семьями, которыя въ лицевыхъ очеркахъ то напоминаютъ профиль Семитовъ (таковы Карибы и отчасти сѣверные краснокожіе), то представляютъ Восточно-Азійское расширеніе скулъ, въ своихъ преданіяхъ связываются съ Востокомъ, т.-е. съ Европою, какъ жители Антильскихъ острововъ и южные Тупаи, у которыхъ жреческая каста называлась *Карибъ* *) (*бѣлый человѣкъ* на языкѣ островитянъ, по словамъ Веспуцци), то съ Западомъ, т.-е. съ Азіею, какъ жители Перу и отчасти Мексики; по своимъ обычаямъ принадлежатъ опять то Африкѣ, напоминая похоронные обряды Египта и Канарійскихъ Гуановъ, то Азіи, представляя религіозные символы южнаго Индустана и Сундскихъ острововъ или наряды желтолицаго племени, и наконецъ, по нарѣчіямъ своимъ то сближаются съ Японіей, какъ Москосы въ Кундинамаркѣ*) и на берегахъ Титикака, то по остаткамъ грамматическихъ флексій, какъ Молухи въ Чили, связываются съ Иранцами и Семитами. Америка есть земля великихъ движеній народныхъ безъ разумныхъ началъ, бѣдствій народныхъ, которыя превосходятъ все, чтó было въ другихъ частяхъ свѣта, разъединенности почти невѣроятной и одичалости упавшаго человѣка, равняющейся по крайней мѣрѣ Эндамену и лѣсному Кафру. Все въ безпорядкѣ, все безъ смысла и положительнаго очерка, все безъ отрады для человѣчества и науки. Америка не имѣетъ отдѣльнаго значенія для филолога и историка; но посредствомъ сѣверо-восточной Азіи, Африки и южноокеаническихъ острововъ она находится въ зависимости отъ могучихъ центровъ юго-западной Азіи.

---

*) Müller, Amer. U. Rel. 194 и слѣд. *Изд.*

Нѣтъ сомнѣнія, что издревле происходили уже смѣшенія народовъ и племенъ. Въ этомъ убѣждаютъ самые ранніе памятники письменности и преданія молодаго человѣчества. Въ наше время искать чистыхъ и немѣшанныхъ семей было бы неразумно; но критика должна отличить сходство — плодъ смѣшенія, отъ сходствъ, происходящихъ изъ тождества источниковъ. Можно въ Финскомъ названіи морской богини *(Веденъ — или Феденъ-Эмме)* предположить примѣсь чуждаго Готскаго нарѣчія; но нелѣпо бы было предположить, что смѣшеніе ввело мѣстоименія юго-западной Азіи въ нарѣчія Лапландцевъ, Вотяковъ и Венгерцевъ. Это очевидно остатокъ кореннаго единства, скрытаго подъ безобразными произведеніями времени, дикости и произвола, исказившими весь составъ сѣверныхъ нарѣчій желтаго племени. Точно тоже видѣли мы въ нарѣчіи Іолофовъ Африканскихъ и въ другихъ имъ подобныхъ. Тѣже самыя явленія, болѣе или менѣе ясныя, можно прослѣдить и въ языкахъ семьи Монгольской, и просвѣщенная критика не можетъ не признать ихъ высокаго историческаго смысла. Явленія, происходящія отъ примѣся, носятъ на себѣ характеръ случайности, которая отличаетъ ихъ отъ признаковъ родоваго единства, и между тѣмъ такими-то именно признаками

---

*) Плоскогорье около Боготы. *Изд.*

и соединяются между собою всѣ нарѣчія раздробленной и разсѣянной семьи человѣчества.

Всѣ они, какъ мы уже сказали, разными нитями и слѣдуя разнымъ законамъ, приводятся къ общему средоточію, лежащему между снѣговымъ хребтомъ Гиммалаи и Средиземнымъ моремъ. Тутъ возстаютъ, преобладая надъ цѣлымъ міромъ, двѣ великія массы языковъ, самостоятельныхъ, утвержденныхъ древнею гласовою письменностью, сильныхъ внутреннимъ организмомъ, художественнымъ развитіемъ и рѣшительнымъ вліяніемъ на жизнь и судьбу всѣхъ народовъ земнаго шара. Это языки Иранскій и Семитическій съ ихъ ближайшими вѣтвями. Долго нарѣчія Сиріи и Финикійскаго приморья считались ближайшими къ языку первобытному, и ученые безполезно обращали къ нимъ глаза свои въ надеждѣ найти разрѣшеніе всѣмъ тайнамъ древности. Весьма недавно вызваны въ свѣтъ сокровища Санскритскаго языка, и передъ удивленною Европою открылось поприще ученой филологіи. Наслѣдство древности Индустанской, перенесенное на Западъ послѣ тридцати-вѣковаго невѣжества, повѣдало потомкамъ Ирана, Германцамъ, Кельтамъ, Эллинамъ и Славянамъ, что они всѣ родные братья, нѣкогда жившіе подъ однимъ небомъ, на одной землѣ, въ одной и той же могучей общинѣ. Какая-то темная, но отрадная вѣсть о тихомъ младенчествѣ Европейскаго племени, о роскошной колыбели его въ благодатной землѣ пронеслась по всему просвѣщенному міру. Проснулись желанія, встрепенулись надежды, и въ самое короткое время плодотворныя разысканія, согрѣтыя всею горячностію страсти, раздвинули тѣсные предѣлы, въ которыхъ заключались археологія и сравнительное языкознаніе. Мы видѣли и прожили это время, но не поняли его высокаго значенія. Сѣмена брошены во мракѣ, жатва взойдетъ на свѣтъ и пожнется будущими вѣками. Не должно упрекать первыхъ разыскателей въ ихъ невольныхъ ошибкахъ, въ односторонности взгляда, сопровождающей всякое великое и неожиданное открытіе; не должно упрекать ученыхъ въ томъ, что они такъ поздно узнали истину, для которой всѣ Европейскія нарѣчія и особенно Славянское представляли столько данныхъ. Благодарность всѣмъ трудившимся и трудящимся во благо! Благодарность великому народу, избранному въ орудіе судьбы, въ которомъ духъ смѣлой и дальновидной промышленности не погасилъ еще духа знанія, и высокой мысли, и человѣчества! *)

Передъ древнимъ Ираномъ, недавно вызваннымъ къ жизни, упало величіе Семитовъ. Его превосходство уже признано большею частію ученыхъ; но многіе еще не отстають отъ прежнихъ предразсудковъ и прежнихъ ложныхъ надеждъ. Не нужно бы спорить о дѣлѣ, которое почти рѣшено. Землѣ Сирійской нельзя равняться съ прибрежьемъ Каспія. Самыя тѣ преданія и та вѣкодревняя письменность, на которую опираются ея защитники, свидѣтельствуютъ, что Палестина и Сирія были искони поприщемъ племенныхъ столкновеній и безпощадной борьбы двухъ враждебныхъ началъ, страною смѣшенія народнаго и искаженія духовнаго. Палестина была землею Кушитскою, а не родиною Симова племени. Вавилонъ и Ниневія и всѣ великолѣпныя явленія, прославившія междурѣчіе Тигра и Евфрата, и все грустно-поэтическое величіе первыхъ державъ юго-западной Азіи принадлежатъ Кушитамъ. Неужели эти богатства и сила, и цвѣтущія земли, и наслажденіе роскошною жизнію были уступлены безъ боя? Приходятъ народы съ Сѣвера, Евреи, и неудержимое могущество Халдеи, и полчища горной Сиріи; приходятъ народы съ Юга, дѣти Мисраима (Египтяне), и Кафторимъ (Филистимляне), и безстрашные мореходцы-Финикійцы (Сидона и Бейрута), долго помнившіе свои прежнія жилища на берегахъ Персидскаго залива: и тутъ ли искать первобытности и чистоты преданій и неприкосновенныхъ остатковъ древняго слова и древней мысли? Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ отчизна Иранцевъ гораздо выше земель Семитическихъ. Письменностью эти двѣ страны равняются между собою. Памятники Еврейскіе превосходятъ древностью, или по крайней мѣрѣ, равняются памятникамъ Индустана. Кирпичи загадочнаго Вавилона хранятъ скрижаль самыхъ раннихъ вѣковъ

---

*) Трудамъ Англійскихъ ученыхъ W. Iones, Wilson и др. обязана наука такъ-называемымъ открытіемъ Санскрита. *Изд.*

исторіи человѣческой; но письмена юго-западной Азіи, гласовыя изображенія съ опущеніемъ гласныхъ, представляютъ уже искаженіе полной гласовой системы и слѣдовательно позднѣйшее введеніе новой силы, хранящей въ видимомъ и пребывающемъ знакѣ неизмѣнность невидимаго и преходящаго звука. Наконецъ, одинъ взглядъ на географическую карту и счисленіе лицъ, составляющихъ массу племенъ, даютъ рѣшительный отвѣтъ на всѣ сомнѣнія. Семиты заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ между Тигромъ и Ниломъ, между горами Арменіи и Индійскимъ океаномъ. Иранцы, охватывая ихъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ Юга, владѣютъ всѣмъ безконечнымъ пространствомъ отъ снѣжной Гиммалаи и береговъ Ганга до приморья Атлантики и зеленаго Эрина, отъ знойныхъ береговъ Южнаго океана до ледяной пустыни Сѣвернаго моря. Десятой части жителей, привольно живущихъ на просторѣ владѣній Иранскихъ, достаточно бы было, чтобы переполнить всю землю Семитовъ. Этаго многолюдства, проявившагося въ силу общихъ законовъ размноженія человѣческаго, достаточно, чтобы свидѣтельствовать о древности семьи, разбившейся на столькіе народы, и о древности языка, раздѣлившагося на столькія нарѣчія. Этаго пространства и безконечнаго разселенія достаточно, чтобы показать, какъ рано началось странствованіе семей, стремившихся въ широту необитаемыхъ пустынь. Мы не станемъ уже упоминать о свойствахъ самыхъ языковъ и живомъ, логическомъ, многомысленномъ рощеніи слова Иранскаго и объ явныхъ случайностяхъ въ организмѣ Семитическомъ. Дѣло слишкомъ ясно. Племя Семитовъ есть только смѣшеніе бѣлокураго Иранца и чернаго Кушита; языкъ Семитовъ есть сплавъ двухъ нарѣчій, искаженіе чистаго Иранскаго слова посредствомъ скуднаго Кушитскаго. Вотъ разрѣшеніе сходства, уже замѣченнаго наукою между нарѣчіями Сиріи и Аравіи и корнями Индустанскими. Иранъ одинъ возвышается въ неоспоримомъ величіи надъ всѣми земными племенами силою мысли и слова, сохраненною ранними предками для дальнѣйшихъ потомковъ. Его вещественное могущество было плодомъ духовнаго достоинства. Гораздо прежде народовъ Мидо-Бактрійскихъ вышли Кушиты на поприще исторія. Ограничивъ просвѣщеніе свое знаніемъ видимаго и чувственнаго, поставивъ законъ необходимости и вещественнаго организма на мѣсто свободнаго духа, оторвавшись отъ великихъ преданій древности и утративъ чистоту слова вмѣстѣ со святостью мысли, они сосредоточили всѣ способности ума къ достиженію одной цѣли, къ созданію жизни удобной и привольной; условная жизнь души создала условную форму общины, и возникли государства *). Строго-логическое развитіе данныхъ, избранныхъ развратомъ произвола, дало твердость и внѣшнюю гармонію нововозникшимъ державамъ. Одностороннее направленіе просвѣщенія достигло развитія колоссальнаго въ художествахъ и въ стройномъ употребленіи совокупныхъ силъ человѣческихъ. Гордое сознаніе своего могущества и презрѣніе ко всѣмъ другимъ семьямъ, хранящимъ простой бытъ младенчествующихъ общинъ, подвинуло Кушитовъ на Иранъ. Созданный ими, возсталъ Вавилонъ на берегахъ Евфрата; и далѣе, все далѣе на Сѣверъ подвигались ихъ торжествующія дружины, налагая тяжкія цѣпи на побѣжденныхъ, воздвигая неприступныя твердыни въ покоренныхъ земляхъ, созидая великолѣпныя столицы въ дѣвственной красотѣ пустынь, сокрушая все силою своего вещественнаго знанія и условной совокупности, соблазняя всѣхъ искушеніемъ своей роскоши и вещественныхъ наслажденій. Все далѣе и далѣе подвигался потокъ, до Чернаго моря, до Кавказа и Каспія, до Бактріи и Гималаи. Но въ безсильномъ Иранѣ были духъ жизни и слово, хранящее наслѣдство мысли, и еще неискаженное преданіе, завѣщанное человѣку древними его родоначальниками. Угнетеніе вызвало борьбу. Борьба вызвала дремлющія силы. Могущество, основанное на началахъ условныхъ, но лишенное внутренняго плодотворнаго содержанія, пало передъ взрывомъ племенъ, сохранившихъ еще простоту безыскусственной жизни и чистоту неиспорченной вѣры. Духъ восторжествовалъ

---

*) Ср. Lenorman, H. de l'Orient, 64. Его характеристика Кушитской культуры очень подходитъ къ той, которую даетъ А. С. Хомяковъ. *Изд.*

надъ веществомъ, и племя Иранское овладѣло міромъ. Прошли вѣка, и его власть не слабѣетъ, и въ его рукахъ судьба человѣчества. Потомки пожинаютъ плодъ заслугъ своихъ предковъ, заслугъ, высказанныхъ и засвидѣтельствованныхъ неизмѣнностью слова. Величіе Ирана не дѣло случая и условныхъ обстоятельствъ. Оно есть необходимое и прямое проявленіе духовныхъ силъ, жившихъ въ немъ искони, и награда за то, что изъ всѣхъ семей человѣческихъ онъ долѣе всѣхъ сохранялъ чувство человѣческаго достоинства и человѣческаго братства, чувство, къ несчастію, утраченное Иранцами въ упоеніи ихъ побѣдъ и вызванное снова, но уже не собственною силою ихъ разума.

Таково значеніе Ирана, и если которая нибудь изъ его семей, долѣе всѣхъ хранившая преданія семейнаго быта и потому самому позднѣе всѣхъ проявившаяся въ дѣятельности исторической, чище всѣхъ (кромѣ одной, замкнувшей себя въ касту) сохранившая наслѣдство слова и тѣмъ самымъ свидѣтельствующая о сохраненіи духовнаго начала, если эта семья возстала внезапно въ изумительномъ величіи, сокрушая всѣ преграды, обнимая владѣніями своими неизмѣримыя пространства, возрастая со дня на день въ могуществѣ и власти,—наука не должна признавать этаго величія за неправедную игру слѣпаго случая, не должна роптать на судьбу или завистливо клеветать на возвеличенную общину. Тайна ея торжествъ заключается въ ея словѣ. Сила внѣшняя есть плодъ силы внутренней; пространство владѣній и вещественное могущество суть проявленія могучаго мысленнаго начала, и въ многолюдствѣ племени (математическомъ превосходствѣ надъ другими) живетъ свидѣтельство о духѣ братства, общенія и любви. Да не забудется это чисто-человѣческое значеніе, чтобы не упала великая семья! Да не утратятъ счастливые потомки вѣнца, заслуженнаго ихъ многострадавшими предками!

Общіе выводы изъ изученія племенъ, вѣръ и языковъ.

И такъ, сравненіе всѣхъ данныхъ, на которыхъ можетъ быть основана общая исторія человѣчества, приводитъ насъ къ слѣдующимъ тремъ выводамъ.

Наблюденіе надъ племенами представляетъ три коренныя племени, *бѣлое*, *желтое* и *черное*, изъ которыхъ посредствомъ смѣшенія въ разныхъ количествахъ и при разныхъ обстоятельствахъ составились еще неопредѣленныя племена *красное* и *оливковое*, весьма сходныя другъ съ другомъ и соединенныя средними звеньями: то съ желтымъ, какъ жители сѣверо-западныхъ острововъ ближайшаго къ нимъ приморья и полярной части материка въ Америкѣ, то съ бѣлымъ, какъ у Чипкитановъ въ Норфолькскомъ заливѣ, или у Конибовъ въ Южной Америкѣ, то съ совершенно чернымъ, какъ у настоящихъ Омагуа на берегахъ Орелланы.

Сравненіе вѣръ и просвѣщенія, которое зависитъ единственно отъ вѣры и въ ней заключается (какъ все прикладное заключается въ чистой наукѣ), приводитъ насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, т.-е. духовному поклоненію свободно-творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому—признанію вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ. Кушитство распадается на два раздѣла: на Шиваизмъ—поклоненіе царствующему веществу, и Буддаизмъ,—поклоненіе рабствующему духу, находящему свою свободу только въ самоуничтоженіи. Эти два начала, Иранское и Кушитское, въ своихъ безпрестанныхъ столкновеніяхъ и смѣшеніяхъ, произвели то безконечное разнообразіе религій, которое безчестило родъ человѣческій до Христіанства, и особенно художественное и сказочное человѣкообразіе (антропоморфизмъ). Но, не смотря ни на какое смѣшеніе, коренная основа вѣры выражается общимъ характеромъ просвѣщенія, т.-е. образованностью словесною, письменностью гласовою, простотою общиннаго быта, духовною молитвою и презрѣніемъ къ тѣлу, выраженнымъ черезъ сожженіе или преданіе трупа на снѣдь животнымъ въ Иранствѣ, и образованностью художественною, письменностью символическою, условнымъ строеніемъ государства, заклинательною молитвою и почтеніемъ къ тѣлу, выраженнымъ или бальзамировкою, или съѣденіемъ мертвыхъ, или другими подобными обрядами, въ Кушитствѣ.

Наконецъ, сличеніе нарѣчій человѣческихъ сводитъ ихъ къ одному коренному языку, развѣтвившемуся многоразлично у всѣхъ народовъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннихъ страстей, но сохранившемуся въ наибольшей чистотѣ въ бѣломъ Иранскомъ племени и его чистѣйшихъ семьяхъ. Въ этомъ единствѣ всѣхъ языковъ,—не случайномъ, не прививномъ, но коренномъ и основномъ, лежитъ ручательство о первобытномъ единствѣ рода и о случайномъ раздѣленіи на племена.

Взглядъ на древнее разсѣяніе семей и древнее разселеніе человѣческаго рода, на стройное, многозначительное и духовно-живое строеніе первобытнаго языка, на безконечное пространство пустынь, пройденное первыми обитателями земли, на безпредѣльность морей, переплытыхъ основателями первыхъ заокеаническихъ колоній, на тождество религій, обрядовъ и символовъ съ однаго края земли до другого, представляетъ неоспоримое свидѣтельство о великомъ просвѣщеніи, всемірномъ общеніи и умственной дѣятельности временъ доисторическихъ, о позднѣйшемъ искаженіи всѣхъ духовныхъ началъ, объ одичаніи человѣчества и о печальномъ значеніи такъ называемыхъ героическихъ вѣковъ, когда борьба беззаконныхъ и буйныхъ силъ поглотила въ себѣ всѣ великія преданія древности, всю жизнь мысли, всѣ начала общенія и всю разумную дѣятельность народовъ. Зародышъ этаго зла очевидно въ той странѣ, которой слава открываетъ рядъ историческихъ вѣковъ,—въ странѣ Кушитовъ, ранѣе всѣхъ забывшихъ все чисто-человѣческое и замѣнившихъ это древнее начало началомъ новымъ, условно-логическимъ и вещественно-образованнымъ.

Таковы выводы безпристрастной науки, не торопливой, но и не отсталой. Всѣ данныя уже собраны неутомимыми трудами западныхъ и въ особенности Германскихъ разыскателей. Всѣ бѣдныя догадки, на которыхъ основано было столько одностороннихъ системъ, устранены строгою критикою фактовъ; всѣ предположенія, изобрѣтенныя скрытыми страстями, обличены во лжи. Цѣлость рода человѣческаго возстановлена добросовѣстными изслѣдованіями. Отъ чего же до сихъ поръ мыслители Запада не произнесли приговора, для котораго уже собрано столько справокъ и предугадываются всѣ остальныя? Франція и Англія, къ несчастію, слишкомъ мало знакомы съ ученымъ движеніемъ Германіи *): онѣ отстали отъ великой путеводительницы Европы. Сверхъ того, Англія закована въ цѣпяхъ прошедшаго и въ сухо-ученой односторонности, которая убиваетъ въ ней способность сочувствовать остальному міру и понимать чужую мысль. Великая царица морей въ своемъ вещественномъ величіи и въ своей нелюдимой гордости отвергаетъ всякое иноземное ученье и презираетъ всякую отвлеченность, убивая въ себѣ даже сочувствіе къ цѣлой области мысли человѣческой. Въ этомъ направленіи и сила Англіи (способность сосредоточиваться для достиженія практической цѣли), и слабость ея не только въ наукѣ, но и въ самомъ бытовомъ развитіи, въ которомъ она не можетъ достигнуть до самосознанія и до здравой оцѣнки собственныхъ своихъ силъ и великихъ духовныхъ началъ, скрытыхъ въ ней подъ грубою оболочкою вещественныхъ расчетовъ и безсмысленныхъ обычаевъ. Франція, веселая, остроумная, щеголеватая, вѣчно самодовольная въ своей ученой посредственности и художественномъ ничтожествѣ, готовая принять и отвергнуть всякую новость безъ разбора, Франція, которая знаетъ изъ Кузена про безсмертные труды Германскихъ философовъ и изъ газетъ про всѣ открытія ученаго міра, требуетъ еще долгихъ и великихъ уроковъ смиренія, прежде чѣмъ въ ней возсоздастся чувство человѣческое, способное понимать человѣческую истину и сочувствовать ей. О другихъ земляхъ Романскихъ—о полудикой Испаніи, не очистившей

---

*) Если такое мнѣніе въ настоящее время не совсѣмъ вѣрно, то въ 40-хъ годахъ оно, кажется, было вполнѣ основательно. *Изд.*

(ибо не сознавшей) своихъ древнихъ преступленій противъ смысла Христіанства въ Толедѣ и противъ жизни Христіанства въ Америкѣ; о полумертвой Италіи, которой силы нравственныя и вещественныя пожираются великолѣпною язвою Рима и которая еще живетъ въ духѣ идолопоклонническаго отчужденія отъ всего человѣчества, несмотря на 18-ти-вѣковое Христіанство; о пустоцвѣтѣ Швейцаріи или о полу-французской Бельгіи, которая воображаетъ, что она создала себѣ жизнь потому, что пять державъ выдумали для нея границы въ избѣжаніе войны Европейской,—говорить нечего. Остается міръ Германскій, истинное средоточіе современнаго мышленія. Ему, приготовившему всѣ матеріалы, слѣдовало бы и соорудить зданіе. Но, при всей свободѣ, которою гордится просвѣщеніе Нѣмецкое въ наше время, при всей его многосторонности, на немъ лежатъ оковы стараго схоластическаго направленія, апріористическихъ системъ и произвольной односторонности мыслителей. Глубокое уваженіе Германіи къ наукѣ обратилось въ поклоненіе ея труженикамъ, и новое поколѣніе не можетъ освободиться вполнѣ отъ предразсудковъ прежняго. Книги получили излишній авторитетъ, и душная тѣснота кабинетной жизни поглотила и засушила силы, которыхъ развитіе могло бы быть плодотворнымъ для міра. Такъ, въ прошедшее пятилѣтіе, Германія, убѣжденная трудами Славянскихъ ученыхъ въ стародавности Славянскаго населенія въ Европѣ, согласилась признать ихъ за древнихъ жильцовъ при-Карпатской стороны, и въ тоже время не смѣетъ ни отвести имъ уголка земли, ни приписать имъ какаго-нибудь народа, дѣйствовавшаго въ древней исторіи, потому только, что прежняя полуученость уже расписала всю землю и всѣ народы и распредѣлила ихъ по другимъ племенамъ, не вспомнивъ о Славянахъ. Такъ трудолюбивые изслѣдователи безпрестанно роются въ старыхъ могилахъ Гунновъ и Антовъ, съ полною увѣренностію, что это Кельтскія гробницы, между тѣмъ какъ ихъ совсѣмъ нѣтъ въ Кельтскихъ земляхъ и тогда какъ онѣ вездѣ обозначаютъ землю Славянскую, гдѣ онѣ просто называются *могилами*, или *марами*, или *унтками*; а онѣ еще долго будутъ слыть Кельтскими гробницами, потому только, что окрещены въ это имя святынею ученыхъ чернилъ. Также точно Болгарамъ суждено быть Татарами на зло ихъ собственной волѣ, ихъ собственнымъ преданіямъ, ихъ обычаямъ, ихъ языку, ихъ исторіи и на зло здравому смыслу, потому что многочитавшій Нѣмецъ, который ни одного Болгара въ глаза не видалъ, призналъ его предковъ за Татаръ. Такъ-то неприступны для Германца бумажныя башни, исписанныя волшебными цитатами изъ старыхъ книгъ. Съ другой стороны, Германія страдаетъ, какъ мы уже сказали, системами, которыя возсоздаютъ весь міръ изъ логическаго развитія какой-нибудь произвольной догадки и питаютъ благородное презрѣніе къ фактамъ, потому что всякій бывшій фактъ (по мнѣнію систематиковъ) можетъ быть построенъ изъ логическаго вывода, ибо онъ необходимъ. Такова отчасти Гегелевская школа. Въ противность апріористамъ работаютъ чистые фактисты, которые до того боятся даже тѣни апріоризма, что едва рѣшаются сказать дважды два четыре, не повѣривъ счета своего по пальцамъ. Къ нимъ-то принадлежитъ почти вся школа историческая. Кромѣ того, всякій Нѣмецкій писатель считаетъ себя въ обязанности избрать какой-нибудь отдѣлъ науки (Fach) или подраздѣленіе отдѣла, и мыслить въ немъ, жить въ немъ всѣми силами своего ума, съ полнымъ и самодовольнымъ незнаніемъ всего остальнаго міра. Добросовѣстный юноша, вступая въ поприще ученаго творчества, выбираетъ или уголокъ головы человѣческой, или краюшекъ земли, или кусочекъ нарѣчія, и съ тѣхъ поръ уже читаетъ, слышитъ, видитъ только то, что̀ прямо и непосредственно касается до его предметъ. Это его домашній божокъ, и бѣдный поклонникъ умираетъ, не только не понявъ человѣка, земли или языка вообще, но не понявъ и той маленькой частицы, для которой онъ пожертвовалъ всею жизнію. Наконецъ, Нѣмецъ нашего времени изъ человѣка перерождается въ ученаго. Онъ рудокопъ науки, но уже не зодчій. Германія требуетъ возврата къ простотѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

чаямъ, ихъ языку, ихъ исторіи и на зло здравому смыслу, потому что многочитавшій Нѣмецъ, который ни одного Болгара въ глаза не видалъ, призналъ его предковъ за Татаръ. Такъ-то неприступны для Германца бумажныя башни, исписанныя волшебными цитатами изъ старыхъ книгъ. Съ другой стороны, Германія страдаетъ, какъ мы уже сказали, системами, которыя возсоздаютъ весь міръ изъ логическаго развитія какой-нибудь произвольной догадки и питаютъ благородное презрѣніе къ фактамъ, потому что всякій бывшій фактъ (по мнѣнію систематиковъ) можетъ быть построенъ изъ логическаго вывода, ибо онъ необходимъ. Такова отчасти Гегелевская школа. Въ противность апріористамъ работаютъ чистые фактисты, которые до того боятся даже тѣни апріоризма, что едва рѣшаются сказать [illegible] или мысли, не [illegible] своего [illegible] намъ. Къ нимъ-то принадлежитъ почти вся школа историческая. Кромѣ того, всякій Нѣмецкій писатель считаетъ себя въ обязанности избрать какой-нибудь отдѣлъ науки, какое-нибудь подраздѣленіе отдѣла, и мыслить въ немъ, жить въ немъ всѣми силами своего ума, съ полнымъ и самодовольнымъ незнаніемъ всего остальнаго міра. Добросовѣстный юноша, вступая на поприще ученаго творчества, выбираетъ или уголокъ головы человѣческой, или крошечку земли, или кусочекъ нарѣчія, и съ тѣхъ поръ уже читаетъ, слышитъ, видитъ только то, что прямо и непосредственно касается до его предмета. Это его домашній божокъ, и бѣдный поклонникъ умираетъ, не только не понявъ человѣка, земли или языка вообще, но не понявъ и той маленькой частицы, для которой онъ пожертвовалъ всею жизнію. Наконецъ, Нѣмецъ нашего времени изъ человѣка перерождается въ ученаго. Онъ рудокопъ науки, но уже не зодчій. Германія требуетъ возврата къ простотѣ.

СРАВНЕНІЕ

РУССКИХЪ СЛОВЪ СЪ САНСКРИТСКИМИ.*)

Алый, Санскр. ал (3-е лицо алати) — украшать.

Багрить, багоръ, баhл (баhлате) — убивать.

Багунъ, багульникъ, бāhу—рука. Бāhу часто значитъ *вѣтвь*.

Бадья, баня, бāд̣—купаться. По Вопадевѣ это слово пишется вāд̣; такъ проявляется тождество Рус. вода и Нѣм. baden.

Баловать, бал (бāлаjати)—лелѣять, какъ ребенка.

Балясить, балагурить, балы точить, бал (бāлаjате)--объяснять, говорить.

Баранъ, ураṇа—баранъ.

Батя и гос-под-инъ, пати—господинъ. *Го* въ этомъ словѣ, какъ и въ *Го-сударъ*, значитъ великій, хваленый. *Го* по Санскр. *хвала*. *Гой еси!* будь хваленъ. *Изгой*, лишенный чести сословной или общинной. Думаю, что таковъ и корень слова *гость* (тотъ, кого привѣтствуютъ), а не слово *га̄*, что̀ даетъ просто смыслъ—пришлый). *Гоить* имѣло впрочемъ и смыслъ *жить*; отъ этого *произвольное изгойство* значитъ самоубійство въ рукописи, которой нѣкоторые ученые не поняли подъ вліяніемъ тѣснаго систематизма. Введеніе идеи похвалы — *го* — въ слова, обозначающія общественное первенство, объясняетъ намъ, какъ панъ составилось изъ корня пан̣ — хвалить. Пан̣ја по Санскр. значитъ—*хвальный* и *хвальная*.

---

*) Было напечатано въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1855 года.

Для изображенія Санскритскихъ словъ употреблена Русская азбука съ нѣкоторыми дополнительными знаками, по системѣ, принятой г. Коссовичемъ въ его Санскрито-Русскомъ Словарѣ. Не вдаваясь въ подробности, которыя читатель найдетъ въ предисловіи г. Коссовича къ своему труду, замѣтимъ слѣдующее: ˜ надъ гласною означаетъ долготу; е, о имѣютъ всегда значеніе долгихъ гласныхъ; аи, ау — двоегласныя, составленныя изъ а + и, а + у; ҏ, ҏ̄ означаютъ р, возведенное въ степень гласной, краткой (ҏ) и долгой (ҏ̄), и произносятся почти какъ ри; ӝ произносится какъ дж, j какъ Латинское и Нѣмецкое j, h какъ Лат. и Нѣм. h, въ отличіе отъ г (g); ç — звукъ средній между с и ш; н̦ означаетъ слабый носовой звукъ (анусвāру); согласныя съ знакомъ ‘ выговариваются съ придыханіемъ б‘а, п‘а = бhа, пhа); подъ буквами д, т, и н пишется точка (д̣, т̣, н̣) тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ такъ называемый церебральный звукъ, т. е. выговариваются прижимая нѣсколько языкъ къ задней части нёба.

Бахрома, б̆рам—вертѣться около чего нибудь, бродить. Сродство можно предполагать потому, что этотъ корень входитъ въ названіе волосяныхъ вихровъ или плетешковъ,—б̆рамарака или б̆рамаракала.

Башъ, б̆аӂ—дѣлить. Я слыхалъ выраженіе: на его *башъ* вмѣсто доли; но не знаю, не заемное ли оно, и въ общемъ ли употребленіи? Это могло бы значить: *на его голову*, изъ корня Тюркскаго.

Баять, бахарь, бад (б̆а̄дајати)—говорить, б̆а̄н̣и—рѣчь. Къ *бахаръ* еще ближе баһл.

О-бида, бѣда, б̆ид—рвать, ломать, б̆еда—разрывъ, раздоръ.

Бирюкъ, б̆ӣрука—медвѣдь.

Благо, б̆ага--все Божественное, все доброе и желаемое, вообще красота, сила, добродѣтель. Такова форма, принятая этимъ корнемъ въ Русскомъ языкѣ, и выводъ слова Богъ изъ него совершенно ложенъ; но нѣтъ сомнѣнія, что самое слово б̆ага, какъ и Санскр. баһ, какъ бага клинообразныхъ надписей и Русское Богъ происходятъ отъ общаго корня б̆ў—быть непосредственно.

Блистать, блескъ, блещать, б̆ла̄с (б̆ла̄сјате)—свѣтиться.

Блюду, мудрый, буд. (будати)—распознавать, замѣчать. Въ мудрый—*б* перешло въ носовую. Существованіе такой же носовой формы этаго корня въ Санскр. замѣтно изъ многихъ словъ. Впрочемъ, Санскр. мед̆ира—умный—очень близко къ *мудрый* *).

Богатый, баһуда—щедрый; идеи сродныя: богатаго отъ тароватаго не узнаешь.

Богатырь, б̆а̄һ (б̆а̄һате)—дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Тождество этихъ словъ доказывается множествомъ словъ Санскритскихъ, въ которыхъ личный боевой подвигъ выражается корнями б̆āһ и б̆āһу.

---

*) Можетъ быть, однако, что мудрый, какъ и Санскр. муни (мудрецъ) отъ корня ман—думать.

Богъ, въ Санскр. баһ (бан̣һате)—рости, дѣлаться или быть великимъ, баһу—многій, большой. Эти слова указываютъ на звуковое движеніе, изъ котораго возникло слово Богъ; самыя же баһ и баһу происходятъ отъ коренного б̆ӯ, какъ наше *бавить* отъ *быть*.

О-божать, ублажать, б̆аӂ (б̆аӂати)—поклоняться какъ Божеству. Это тождество въ развѣтвленіяхъ показываетъ тождество корней.

Бодать, бад̆ (бад̆ати)—убивать.

Бокъ, б̆акти—часть.

Болій, большой, болѣе, бала—сила.

Боль, бал (балате)—убивать.

Бон̣дарь, б̆āнд̣а—посуда; вспомнимъ гончаръ отъ Санскр. ган̇ӂā—посуда для питья.

Борзый, б̆ҏça—отличный.

Боронить, б̆аран̣jу—защитникъ. Это слово и многія другія, ему подобныя, показываютъ, какъ возникло слово *боронить*, т. е. защищать.—Боронить, броня, б̆рӯн̣ (б̆рӯн̣jате)—надѣяться на что нибудь. Вообще полагаю однакоже, что это сходство такъ же, какъ и въ словѣ б̆аран̣jу случайное, и что корень Р. словъ есть слово *бранъ*, которое само происходитъ отъ утраченнаго корня, означавшаго *дратъ* или *раздиратъ*. Впрочемъ, Санскритское слово, можетъ быть, происходитъ отъ того же корня, также утраченнаго, и оттого выводныя могли совпасть. На это указываетъ слово б̆арата—свирѣпый человѣкъ, дикарь.

Ботѣть, бат̣̆ (бат̣̆ати)—быть большимъ, крѣпкимъ; толстѣть.

Боязнь, бояться, б̆аjа—страшный: корень б̆й. Еще есть форма б̆аjа (б̆jасате).

Брада, борода, пардда—густые волоса.

Брань, бранить, бран̣ (бран̣ати)—звучать, шумѣть. Тоже б̆ран̣.

Братъ, б̆рāтҏ—братъ.

Брать, б̆āра—ярмо, тяжесть, ноша; корень б̆ҏ нести, получать; б̆ҏ держать.

Брежжить, брежжиться, б̆рāӂ (б̆рāӂате) и б̆реӂ (б̆реӂате)—блистать.

Бренчать, мҏӂ—звучать и мҏӂа—родъ бубна.

Бровь (древнее бры, бѣлобрысый), б̆рӯ—бровь.

Бросать, б̔р̥ç (б̔р̥çjати), б̔раç (б̔раçjати)—падать и, кажется, ронять. Ср. также *брысь* кошка подъ лавку.

Брызгъ, прыскать, пр̥ш (паршати)—прыскать, пр̥шата—капля. Отъ этого корня происходитъ по Санскр. названіе оленя пр̥шан. У насъ *прыснуть* значитъ кинуться быстро; отъ того звѣриный *прыскъ*, *прыть* и пр. Замѣчательно еще Санскр. пр̥шатка стрѣла: сравни прыщеши стрѣлами въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Бугоръ и буеракъ, б̔ў—земля. Это слово думали найти въ нашемъ *бугоръ*, но несправедливо. *Бугоръ* и *буеракъ* соотвѣтствуютъ словамъ—*крутогоръ* и *крутояръ*. Корень буй тоже что̀ крутой. Нѣтъ ли слѣдовъ корня б̔ў въ миѳическомъ островѣ Буянѣ, быть можетъ символѣ земли? Но и это слово можетъ значить островъ крутой. Также въ словѣ бутить, класть въ землю? но не позднѣйшаго ли оно происхожденія и не перешло ли изъ Нѣм. bauen, Baut? См. б̔уд̣.

Будить, бодрый, будни, буд̔ (бод̔ати)—знать понимать (бод̔аjати)—будить, буд̔а—мудрецъ. Въ сложныхъ буд̔ значитъ *просыпаться*.

Буковище, бучень, бучило, б̔ўка—яма, пропасть.

Бусы, буса—богатство. Не было ли въ старину сказокъ, перешедшихъ изъ миѳологіи о времени богатства, Бусовомъ?

Бутъ, б̔уд̣—поддерживать.

Быть, бывать, б̔ў (б̔авати)—быть. Отъ этаго же произошло слово *Богъ*. Выводъ этотъ явно оправдывается Санскритскими слова баhу, баh и др. *Богъ* отъ *быть*, какъ *многъ* отъ ман—*мнить*. Выводъ же б̔ага, т. е. идеи счастія и блага отъ корня б̔ў подтверждается еще и словомъ б̔ӑвука—счастіе и счастливый. Вводное *в* напоминаетъ наши *бавить*, *при-*, *за-*, *у-бавлять*. Корень б̔ў имѣетъ въ Санскр. огромное развитіе. Едва ли меньше у насъ. Вспомнимъ *былъ*, *бытъ*, *убылъ*, *былина* и множество другихъ.

Бытъ, б̔ўта и б̔ўти: все живое, истина, образъ жизни, быль и пр. Эти два слова особенно сходятся въ развѣтвленіяхъ своихъ.

Бѣгъ, бѣжать, б̔еш (б̔ешати)—итти, б̔аж—бѣжать.

Бѣда, побѣда, бад̔а—убійство. Ср. б̔ид.

Бѣлый, бала—сила. Сродство Р. *бѣлый* и Санскр. *бала* подтверждается тѣмъ, что балакша значитъ *бѣлый*, очевидно отъ бала и акша. Сравни еще б̔ӑла—чистый, свѣтлый.

От-вага, вӑh (вӑhате)—предпринимать, стараться.

Важный, уважать, ваhа—тяжесть и то, на чемъ тяжесть поднимаютъ. У насъ *вага* тоже, что̀ *рычагъ*.

Валить, вал (валате и валл (валлате)—двигать, покрывать́.

Варганить, ма̃рг (ма̃ргати) и арж̃ (арж̃ати)—дѣлать.

Варокъ, варака—крыша, надстройка на лодкахъ.

Варять, предварять, ва̃ра—время, ва̃рам-ва̃рам—часто. Корень—въ вꝑ (варати, вꝑн̣оти): другое развитіе того же корня—время.

Варъ, ва̃р, ва̃ри—вода; таковъ вѣроятный корень слова *варъ*, который собственно значитъ кипящая жидкость, хотя переходитъ и въ идею жара вообще.

„**Васяй!**“ ва̃с̧ (ва̃с̧јате)—кричать. Не имѣетъ ли связи съ этимъ корнемъ слѣдующій охотничій обычай, теперь уже забытый? Въ Семикъ день охотники выѣзжали въ поле и становились въ рядъ передъ рощей. Ловчій кричалъ *васяй!* и доѣзжачій съ выжлятниками начинали порскать, подвигаясь къ рощѣ; впрочемъ въ этотъ день поля не брали. До Семика же дня не порскали потому, что поле предполагалось всегда на краснаго звѣря, и охотники равнялись молча или на свистокъ.

Ватага, ват (ват̣ати)—соединять, собирать.

Вдова, вид́ава̃—вдова. Л. vidua.

Вёдро, индра—названіе божества неба. Корень этого слова неизвѣстенъ, но по словамъ *ина*—солнце, *инду*—мѣсяцъ, по сходству многихъ миѳологическихъ именъ Санскр. и Слав., и по тому ходу мысли, которымъ создано выраженіе Л. sub Dio, предполагаю отзвукъ имени *Индра* въ нашемъ *вёдро*.

Вести, возъ и его выводные, **вага** въ повозкѣ: ваh (ваhати)—нести, перевозить. Изъ Санскр. ваh составлено ваhа—узда: не также ли *возжи* отъ *возить?*

Вергать *(отъ-, изъ-, низъ-)*, вꝑж̃ (варж̃ати)—бросить, кинуть, оставить.

Веревка, вара̃т̣а, вара̃т̣ака—веревка. Корень безспорно одинъ и тотъ же. Вспомнимъ тождество словъ *вертѣть* и *воротить*.

Вертѣть, воротить, вращать, вꝑт (вартати и вартајати)—въ сложныхъ, особенно съ *ви* и *пари*, вертѣть и вертѣться.

Верхъ, варh—быть превосходнымъ. Это же слово пишется барh и объясняетъ Нѣм. Berg, нашъ *брегъ*. *Гора* и *брегъ* въ лѣтописяхъ однозначительны. *Горная* и *береговая* дорога употребляется и въ наше время какъ слова однозначащія.

Весна, ушна—тепло, особенно въ отношеніи къ временамъ года.

Весь (деревня), вас (васати) обитать, васи—жилище, виç (виçати)—жить, обитать. Въ словѣ виçа—волокно растенія,—и другихъ видно сродство съ нашимъ *висѣть*; а въ словахъ виçãла—великій, знаменитый, виçãлакула—высокородный, сродство съ Р. *высь*. Тоже видно въ виçешита—превосходный, виçеша—превосходство (высота). Его разлагаютъ лексикографы на ви и çиш; дѣйствительно же разлагается это слово на виçа и ша, суффиксъ обыкновенный и соотвѣтствующій нашему *та*. Явно, что Санскр. утратилъ смыслъ корня, сохранивъ выводныя формы изъ него. Виш—проникать, вис—испускать, бросать. Эти два корня въ выводныхъ совпадаютъ съ предъидущимъ и съ вичч́—двигаться, приближаться, сіять. Такъ объясняется совпаданіе словъ *Вишну* и Русское *Вышній*.

Весь, вся, виçва, виçвã—весь, вся.

Всевѣдый, виçвавед̣ас—всевѣдущій.

Ветла, ветра—тростинка, Л. betula. Слова *береза* сравниваютъ иногда съ Санск. именемъ горной березы—б̔ўрӂжа, но безъ причины: тождество словъ *берегъ* и *гора*, даютъ простую этимологію и смыслъ—горная. Тождество корней не есть еще взаимная зависимость.

Ветхій, ветшій, ветошь, вjат́ (вjат́ате)—быть робкимъ, страдающимъ, слабымъ и т. д.; Л. vetus. Смыслъ этого слова не ограничивался значеніемъ старости.

Вещь, вечã (отъ вич разбирать)—жалованіе. Р. слово прямо связано съ корнемъ, а не съ выводнымъ словомъ. Впрочемъ Санск. корень сомнителенъ. Предполагаю, что вечã есть неправильный отпрыскъ отъ корня вач: какъ бы договоръ.

Видѣть, витать, вид—знать, обитать, Р. формы древнѣе и по смыслу вѣрнѣе Санскритскихъ. Л. vita. Первый корень *вѣ*, *витъ*.

Визжать, визгъ, вичч́ (вичч́ãjати)—говорить, издавать звуки.

Вина (причина), вен̣ (вен̣ати)—разбирать, понимать.

Вить, ве (вajати)—ткать; Санскр. форма не первообразная.

Витязь и витъ (въ окончаніи миѳическихъ именъ) вйти—блескъ. Выводъ отъ *Викингъ* недостоинъ здравой этимологической науки.

Влага; Волга? валг—двигаться. Впрочемъ я считаю происхожденіе имени Волга иноязычнымъ. Съ словомъ влага, вологa сравни еще балãhа вода.

Влачить, волочить, глуч (глочати)—красть, тащить, вр̄к хватать.

Влаяться, глã или глаı (глãјати)—утомляться.

Внѣ, вонъ, винã—безъ, исключая; Церковное *с-вьне* исключая.

Вой (воинъ), вã (вãти)—вредить, обижать, убивать.

Волна, валунъ, варун̣а—волна морская.

Волна (шерсть), урн̣ã—волна на овцахъ.

Ворожить, варһ (варһајати)—говорить.

Ворохъ, вард́—наполнять.

Ворчать, арч (арчати)—говорить молитву. Эти слова, повидимому, не близки по смыслу, но созвучіе замѣчательно, и слова относящіяся къ обрядамъ идолопоклонства значительно измѣнились въ смыслѣ. Можно сравнить еще марч (марчати)—звучать.

Воръ, воровать, вар (варајати)—желать жадно, пріобрѣтать: выводныя отъ Санскр. *вар* принимаютъ *б*; *вар* и *бар* тождественны по смыслу; такимъ образомъ объясняется глаголъ нашъ *брать* и тождество многихъ словъ Санскр. и Слав., напр. вãраһа и боровъ, которыхъ значеніе одинаково. Смыслъ слова *вороватый*, хитрый, изворотливый сводитъ его также и съ корнемъ вр̄а.

Воскъ, васã—жиръ.

Врагъ, варһ—убивать.—Врагъ, Варягъ, раһ (раһати)—оставлять, удаляться отъ чего нибудь,—ви-раһати (3-е лицо)—быть въ изгнаніи. *Врагъ*, *Варягъ*—сходство смысла замѣчательное.

Врачь, варчч—блистать и рѣзать. *Врачь* или какъ человѣкъ почтенный, или какъ хирургъ.

Вредъ, вредить, мр̄д (мр̄днãти)—толочь, попирать.

Вы (изъ), ви. Санскр. *ви* соотвѣтствуетъ нашему *вы*, напр. виçошан̣а (высушеніе), винетум (вынуть), вини̃та (вынутый, взятый). Тутъ является и корень *нуть* или *нять*, соотвѣтствующій Санскр. *нӣ* (најати)—брать, который у насъ легко ускользаетъ отъ наблюденія, совпадая съ корнемъ *ять* при эвфоническомъ *н*. Санскр. *ви* соотвѣтствуетъ нашему *вы* и Л. *ve*. Черта характеристическая въ опредѣленіи сродства языковъ.

Выраженіе, выразъ, вирãж̃, въ языкѣ миѳовъ—выраженіе. См. корень рãж̃, разить.

Выдра, удра—выдра.

Вымя, вãма—грудь, вымя.

Вѣдать, вид (ведми, веда) знаю, знать.—Вѣдѣніе, ведана—знаніе.

Вѣра, вйр (вйрајати)—быть сильнымъ. *Вѣра* Л. *vir* и *verus* показываютъ тотъ же самый переходъ мысли посредствомъ гунированной буквы.

Вѣтеръ, вãта (вãтар)—вѣтеръ, вãтара—бурный.

Вѣщать, вач (вачати)—говорить; считаю это слово развитіемъ корня *вѣдать*.—Вѣщаніе, вачана—рѣчь.—Вактр̄—говорунъ, краснобай, словесникъ: тоже и бактр̄ (*вякать, бахарь*). Переходъ *в* въ *б* и обратно нормаленъ въ Санскр. языкѣ. Тутъ, кажется, явна этимологія имени *Вактріи*, страны, въ которой (какъ видно изъ монетъ), стихія Индустанская была преобладающею. Нужно ли напоминать, какой народъ взялъ свое имя отъ *слова?*

Вѣять, вѣяніе, вѣтеръ, ваі (вãјати)—вѣять, ходить вãју—вѣтеръ.

Вянуть, вять, вјаі (вјãјајати)—слабѣть, уменьшаться.

Гадать, гаданье, гананье, ган̣ана—счетъ, соображеніе, гаданіе. Корень ган̣—гадать.

Гадъ, гадина, гад̣—течь, ползти, гад̣у—червь.—Гадить, гадкій, һад (һадате)—извергать, испражняться.

Гаеръ, һајãрўд̣а—ѣздокъ, штукарь на лошадяхъ. Не знаю, впрочемъ, не иноземное ли это слово *гаеръ?*

Гай, гаһа—лѣсъ.

Гамъ, гомонъ, гомонить, һамб̆ã—ревъ, мычаніе.

Гаркать, гарӂ (гарӂати)—кричать.

Гарный, б̆ара—много. Слово *барабанъ* представляетъ разительное сходство съ Санскритскими корнями б̆арабана—многозвучный. Замѣчаю это сходство, не выдавая за этимологію; ибо не знаю даже, Русское ли слово *барабанъ?* Если Русское, то сходство удивительно.

Гаситься (краснѣть въ лицѣ), г̆аш (г̆ан̨шате)—дѣлать блестящимъ; г̆ãси—огонь; һас (һасати): коренное значеніе слова һас—горѣть, краснѣть; Р. сохранилъ его. Доказательствомъ служатъ һасанй—огонь, һасантикã—таганъ, һасанйман̣и—богъ огня *).

---

*) Обыкновенно һас значитъ смѣяться: настоящій смыслъ не есть ли—краснѣть въ лицѣ отъ смѣха?

Гать, гад̣а и гати—плотина, дорога.

Гача (въ языкѣ охотниковъ ляжка у звѣря), га̄—итти, га̄тра—членъ.

Гаять, һаи—звательная частица.

Гикъ, гикать, икать, һикк (һиккати)—неясно кричать, искать; Англ. hiccup.

Гиль, һид—выражать пренебреженіе.

Раз-гильдяй, һид (һин̣д̣ате)—идти переваливаясь.

Гладить, гладь, гладить, гладкій: һла̄д (һла̄даjати)—радовать, дѣлать пріятное. *Гладить* обозначаетъ ласку. Англ. glad, gladden. Тоже начало слышно въ словѣ *ладъ*, *ладо*.

Гласъ, голосъ, һрас (һрасати), һлас (һласати)—звучать.

Глодать, глас (гласате)—ѣсть.

Глотать, глотъ, глотокъ, глотка: гал (галати)—ѣсть.

Глупый, глеп (глепати)—быть слабымъ, жалкимъ.

Гнать, һан (һанти)—идти, преслѣдовать, угнетать.

Гнусить, на̄с (на̄сате)—звучать особеннымъ образомъ, храпѣть.

Гнуть, ӂа̄ну—колѣно, указываетъ на утраченный корень, соотвѣтствующій нашему *гнуть*, какъ и Латин. genu.

Говоръ? Санскр. свар—звучать? Сродство тѣмъ вѣроятнѣе, что и въ Санскр. это слово относится болѣе къ звуку правильному и сочлененному, напр. *свара*, гласная буква, удареніе въ рѣчи, эмфазисъ; сварабан̇га—дрожаніе голоса и др.

Говѣть, благо-говѣть, го—рѣчь, особенно въ смыслѣ духовномъ; һава—жертвоприношеніе (кор.—гл. һу—жертвовать).

Говядо, говядина, го—быкъ, корова.

Гоготать, ѓаѓ (ѓаѓати)—хохотать. Ср. хохотать и ќаќ.

Годиться, годный, га̄д́ (га̄д́ате)—стоять крѣпко, быть устойчивымъ, твердымъ; оттуда Ведическое га̄д́а—полнота, совершенство.

Годъ, година (т. е. эпоха), гуд̣—отдѣлять.

Гончаръ, ган̇ӂа̄—посуда для питья.

Гора, гаира—горній, гири—гора.

Гордиться, гордый, гарвита—гордый; га̄рдд́а—жадный, хищный.

Горе, ѓора—ужасъ; Л. horror.

Горло, гирло, гала—горло отъ глагола гр̄—глотать, какъ отъ *жерть*, *жерло;* Л. gula.

Горохъ, д́ра̄ќ—быть сухимъ.

Горсть, грас—брать. Ср. һр̄—брать.

Гость, hам—восклицаніе привѣтствія и почета.—Гость, Н. gast, Л. hostis, по Цицерону тоже, что̀ peregrinus, вообще выводятъ изъ глагола га̄—идти, странствовать; не спорю, но мнѣ кажется вѣроятнѣе выводъ отъ га̄, восхвалять; го—привѣтственная рѣчь. *Гость* — привѣтствуемый. *Гой еси! Го-сударь, Го-сподинъ.* Во всякомъ случаѣ очевидно, что Санскр. междометіе hам соотвѣтствуетъ нашему *го, гой*, какъ предлогъ *сам* соотвѣтствуетъ нашему *со*.

Грабить, грабли, граh (граhати), въ Ведахъ гр̄б (гр̄бн̣ати)—брать.

Грай птичій, Санскр. гр̄ (гр̄н̣а̄ти)—кричать. Не отъ того ли *грачъ?*

Грачь, д́ра̄кш—кричать по воронью.

Грибъ, ӂр̄б—раздуваться, пухнуть.

Грива, гривна, загривокъ, грйва̄—шея, особенно къ затылку.

Гроза, грозить, градъ, Санскр. hра̄са—громкій звукъ, hра̄д (hра̄дате)—звучать громко, гремѣть грому, hра̄дйни—перунъ, Л. grando.

Громада (деревенская сходка), гра̄ма—деревня, гра̄мата̄—множество деревень, или вѣроятнѣе союзъ деревень.

Грубый, грубѣть, д́ру (д́рувати)—быть крѣпкимъ, неподвижнымъ.

Груда, hруд̣ (hруд̣ати)—собирать въ кучу; вруд̣ тоже.

Грудь, крода—грудь; впрочемъ къ Русскому слову близко и Санскр. hр̄д—сердце.

Грызть, гр̄д́ (гр̄д́јати)—быть жаднымъ. Это слово связывается также съ Санскр. грас (грасате) ѣсть. По случаю корня гр̄д́ и другой формы того же корня, гард́ (гард́ајати)—желать, замѣчательны Англ. greedy и Итал. gridare. Въ языкахъ даже третичной формаціи проявляются иногда корни, которыхъ нельзя отыскать въ языкахъ первичной формаціи, какъ, напр., Русскій, или вторичной, какъ, напр., Латинскій или Нѣмецкій. Это не случайное совпаденіе, по крайней мѣрѣ не всегда; часто это остатки утраченныхъ областныхъ, неписанныхъ нарѣчій.

Грѣть, грйшма—жара. Очевидно отъ утраченнаго корня, соотвѣтствующаго нашему *грѣть*. Выводъ Индійскихъ лексикографовъ, отъ граh—схватывать, безсмысленъ. Другая отрасль этого корня ѓарма—также жара, отъ глагола ѓр̄, имѣющаго уже нѣсколько измѣненное значеніе, блестѣть, свѣтиться.

О-грѣха, гр̄h—хватать. *Огрѣха*, т. е. охватъ сохою, охватившею, но не поднявшею пласта въ полѣ?

Грѣхъ, грѣшить, һҏш (һаршjати)—лгать. Сравни также гарһ (гарһати и гарһаjати), хулить и презирать, изъявлять презрѣніе.

Гряду, дҏӂ—идти. Л. gradior.

Грязь, гҏ (гарати)—мочить.

Гудѣть, гуӂ (гуӂати)—гудѣть.

Гукать, гулъ, гусли, гу—звучать.

Гулять, һул (һолати) ходить. Гал. (галати) имѣетъ тотъ же смыслъ и даетъ производныя съ *у:* напр. гулп̑а—щиколка.

Гу̊ня, гон̣й—платье, мѣшокъ.

Гурьба, гур—стремиться. *Гурьба*, скачущая стая борзыхъ; впрочемъ это слово также близко и къ Санскр. гулма, полкъ, отрядъ (войска). Съ Санскр. *гур* мы сравнимъ еще *горьлки*, *горитъ* (тотъ, кто догоняетъ).

Гусь, гусакъ, һаңса, һаңсика̃—гусь, Л. anser.

Давить, даб̆ (даб̆аjати)—превозмогать, покорять. По смыслу еще ближе даj (даjате), вредить, убивать, и ду (да̃ваjати)—вредить, мучить, оскорблять.

Давно, давича, дав—двигать, въ своихъ развитіяхъ даваjат—удаленіе, давйjас—далеко, давишт̣а—очень далекое.

Дань, да̃на—даръ.

Дать, да̃ (дадати), даj (даjате), дать, давать.

Два, двое, дви, дваj, дваjа—два. Двитра—два, три. Замѣчательно это соединеніе въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ, съ опущеніемъ союза.

Двадесять, двидаҫа—двадцать.

Двигать, д́ваӂ—двигаться.

Деготь, даһ (даһати)—жечь. *Дажь-Богъ*, богъ огня; форма совершенно правильная.

День, денной, дина—день, даина—денной.

Держать, держава, д́ҏш (д́аршати)—собирать, превозмогать.

Дерзать, дерзкій, д́ҏш (д́ҏшн̣оти)—дерзать.

Дернъ, дйрна—разорванный.

Дернъ или дерена, друнаќа—тернъ. Впрочемъ корни, кажется, разные. Санскр. слово значитъ дерево--ноготь, изъ дру+наќа

Десна, даҫана и даңҫа—зубъ.

Десный, дакшин̣а—честный, правый въ противоположность лѣвому. Употребленіе слова дакшин̣а въ смыслѣ южнаго объясняется, кажется, движеніемъ колонизаціи отъ Инда къ Гангесу.

Десять, даçан и даçаꝑа—десять. Форма даçат безъ сомнѣнія существовала также.

Дивить, диво, дѣва, див—блистать, быть прекраснымъ, чистымъ.

Дивій, дикій, див—свирѣпѣть, дичать.

Дмить, надменный, д̓ма̃ (д̓амати)—надувать.

Доить, дщерь, дочь, дуh (догд̓и)—доить, дуhитꝑ—дочь. *Дщерь, дочь* отъ *дояща*, какъ Санскр. дуhитꝑ отъ дуh. Собственно—сосунья.

Домъ, дам—успокоивать, быть покойнымъ, дама—домъ (въ Ведахъ). Л. domus.

Донникъ, д̓аника̃—душистая трава.

Дорога, дрога, траг—двигаться, идти, дру (дравати).—идти, бѣжать.—Тропа, тарб—бѣжать. Формы *траг* и *тарб*—находятся съ глаголомъ *дру* въ томъ же отношеніи какъ *тару* къ *дру* (дерево).

Раз-дражать, д̓арша—оскорбленіе, нетерпѣніе.

Драть, продрать, продоръ, дꝑ (дꝑн̣ати)—вредить, ломать; прада̃ра—изломъ.

У-драть, драхва (птица бѣгунъ), дра̃ (дра̃ти)—бѣжать; у-драть, у-дирать, уддра̃ва—бѣгство.

Древо, дерево, дрова, тару и дру—дерево.

Дрожать, д̓раж̃ (д̓раж̃ати)—двигаться.

Другъ, друhа—сынъ, друhи̃—дочь. Забавна Индѣйская этимологія отъ друh—ненавидѣть.

Остальные формы того же корня Дручить, у-дручать, друh (друhjати)—ненавидѣть, угнетать.

Дрюкъ, дру, друма—дерево. Когда сравнишь прозвище *дремучій* лѣсъ съ другими, повидимому, той же формы, какъ напр., *сыпучіе* пески, *зыбучія* болота и пр., поневолѣ усомнишься въ его иносказательности. Не скрывается ли *друма* въ *дремучемъ* лѣсѣ? Лѣсъ-лѣсной, какъ *тринъ-трава* (Санскр. тꝑн̣а—трава)? Впрочемъ лѣсъ конечно называется и глухимъ.

Дунуть, дхать, д̓у̃ (д̓уноти, д̓уна̃те, д̓увати—потрясать, идти, двигаться. Тождество этого корня съ нашимъ высказывается ясно въ слѣдующихъ словахъ: духъ, д̓у̃ка—вѣтеръ, воздухъ; дымъ, д̓у̃ма—дымъ. Особенно же важенъ этотъ корень по слѣдующему производству:

Донъ, Дунай, д̓уни̃—рѣка. *Донъ*, *Дунай* и все безконечное множество Славянскихъ *Донцевъ, Дунайцевъ, Днѣпровъ, Днѣстровъ, Двинъ* и т. д., то-есть рѣкъ, съ прилагательными или въ формахъ простыхъ какъ *Донъ*, или причастныхъ какъ *Дунаій*, *Дунавій*, и др. Въ этомъ нахожу подтвержденіе мнѣнія, давно уже мною высказаннаго, что дно есть собственно вода (слово составленное правильно, какъ *стегно*, *полотно* и др.), и что оно употребляется въ другомъ смыслѣ посредствомъ перенесенія слова, обозначающаго содержимое на содержащее [1]). Сравни слово *днище*, употребляемое въ народной рѣчи правильно: оно относится къ *дну*, какъ *пепелище* къ *пеплу*, *селище* къ *селу* и пр. и подтверждаетъ мое мнѣніе, ибо оно не увеличительное.

Об-дуть, на-дуть, ду (дуноти) и дуh (доhати),—огорчать, язвить. Слова эти *обдуть*, *надуть*, кажется, не совсѣмъ безъ натяжки привязываются къ нашему *дуть*. Точно также нѣкоторыя Санскр. слова, какъ напр., *прāдуш*—являться и др., связываются, повидимому, съ нашимъ корнемъ *духъ* и не объясняются корнями Санскритскими. Впрочемъ можетъ быть Р. корень *дуть* и Санск. ду (дуноти)—горѣть въ началѣ своемъ тождественны.

Дурно, дурить, дур—частица, обозначающая дурное вообще: Л. durus.—Дуракъ, дурāка—дикарь, грубіянъ, варваръ. Слово *дуръ* у насъ охотно употребляется въ составныхъ словахъ: *дуроплетъ*, враль, лотыха; *дурололбъ*, глупецъ; *дурманъ*, *самодуръ* и пр.; но въ Скр. это употребленіе еще обширнѣе [2]).—Дурище, дуришт̣а—очень дурной. Слѣдуетъ замѣтить тождество нашего *ище* съ Скр. ишт̣а, Гр. ιστος и др. Корень этого аффикса есть *истый*, сохранившійся отдѣльно, кажется, только у насъ. Смыслъ его соотвѣтствуетъ нашему *самый*, какъ выраженію превосходной степени. Онъ же перешелъ въ причастную форму *шій* и далъ увеличительныя на *ище*, и потомъ умягчился въ форму *щій*: мы говоримъ *злющій* въ смыслѣ *злѣйшій*. Вообще разумная этимологія еще недостаточно вникла въ безпрестанное чередованіе формъ глагольныхъ и существительныхъ и потому многаго еще разъяснить не умѣетъ. У насъ эти переходы часто очевидны:

---

[1]) Слово *дно* (древнее *дъно*, *доньшко*) сближается однако также съ Санскр. Д́а̄нӣ—основаніе, вмѣстилище, отъ корня Д́а̄—класть, ставить. *А. Г.*

[2]) Такъ въ Магабаратѣ вождь Куравовъ Дурјод́ана—неправо-ратующій—въ противоположность Юд́иштирѣ—ратующему добро или право, вождю Пандавовъ. Характеръ именъ опредѣляетъ самый характеръ Магабараты и указываетъ на эпоху философской аллегоріи, слѣд. позднѣйшую, чѣмъ чисто-эпическая эпоха Рамаяны.

отъ *брата—братимъ, побратимъ*, отъ *сестры—посестрима*, отъ *отца—отчимъ*, принимаемый въ отцы и т. д. Ниже мы замѣтимъ, что *t* въ им. числительныхъ *dritte*, *vierte* и пр. есть форма причастная, т. е. глагольная.

Дыбить, дыбы, дебелый, вздымать, д̣иб́ (д̣им̆бати)— собирать въ кучу.

Дышать, д́укш (д́укшате)—жить. Корень тотъ же.

Дѣва, дѣвица, девӣ—свѣтлая, чистая и играющая. Характеръ *дѣвицы* въ нашихъ пѣсняхъ особенно соотвѣтствуетъ значенію играющей.

Из-дѣваться, дев—играть, шутить.

Дѣверь, девара и девђ—дѣверь; Л. levir.

Дѣлить, доля, дал—рѣзать, дала—доля.

Дѣять, д́ӣ (д́ӣјате)—исполнять, совершать.

Дюжій, недугъ, дугд́а—полный.

Дядя, д́āтђ—покровитель, кормилецъ.

Егда, едва, јади—если, развѣ.

Еда (Церк.-Слав., развѣ), јадā—когда вопросительное.

Едва, ардд́а—отчасти.

Етеръ (Церк.), итара—другой. Мѣстоименіе *и* съ количественнымъ знакомъ, какъ Лат. alter, Санскр. катара. Санскритскій языкъ утратилъ мѣстоименіе *и*, но существованіе его доказывается тѣмъ, что татас—оттуда—имѣетъ параллельное себѣ итас—отсюда, Л. ita.

Жабина, зобъ, зобать, ӂаб (ӂабати)—зѣвать.

Жало, ӂал—быть острымъ.

Жаловать, ҫал (ҫалајати) хвалить; Л. salvare и др. съ нимъ сродны.

Жамкать, ӂам—ѣсть.

Жевать, ӂим (ӂемате)—ѣсть.

Желать, желаніе, һелана—любовь, ласка, һил (һилати)—нѣжиться, ласкать.

Жена, женщина, ӂан—рожать, ӂанӣ—мать.

Жену, гнать, ӂанја—война, указываетъ на утраченный въ Санскр. корень ӂан.

Жерновъ, чӯрн—толочь; Англ. churn.

Жить, живать, ӂӣв (ӂӣвати)—жить. Животъ (въ смыслѣ жизни: *всѣ животы*), ӂӣва и ӂӣвата́—жизнь.—Животное, ӂӣванта—животное.

Жолобъ, ӂала—вода, ӂалабӯ—водяной; ӂаламбала водотокъ.

Жрать, пожирать, гр̣ (гирати)—ѣсть, глотать.

Журить, ӂӯр (ӂӯрјате)—оскорблять, обижать.

Замать, не замай! шам (самајати)—безпокоить.

Застить, аст—затемнять.

Заяцъ и зайка, çаç (çаçати) прыгать, и отъ того çаça или çаçака—заяцъ. Корень вѣроятно *çа*, въ Слав. нарѣчіяхъ *за*: çаçа есть удвоеніе. Довольно замѣчательно, что и у насъ, какъ въ Индіи, идеи мѣсяца и зайца тѣсно связаны, и пятна на лунѣ представляютъ Русскому народу, какъ и Индійцу, черты зайца.

Звонъ, звонить, сван (сванати)—звонить, свана и свани—звонъ. Развѣтвленія во всѣхъ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ; но у насъ древнѣйшая форма *звать*, *зовъ*, соотвѣтствующая Санскр. һве (һвајати)—звать.

Зеліе, злакъ, ӂала—неразвившееся растеніе. ӂāлака—тоже. Прибавлю, что ӂāлакā—*желѣзо* очевидно происходитъ отъ однаго корня съ Русскимъ именемъ этого металла.

Зима, һима—зима, холодъ. Лат. hyems соотвѣтствуетъ нашему *зима*, какъ hiare—*зіять*. Въ Санскр. находится форма совершенно тождественная съ нашею: *һима*—зима; *һимават*, зимовой, һимāлаја или *һимават*, зимовая гора.

Знать, ӂнā (ӂанати)—знать.

Знаніе, ӂнāна—знаніе. Нāма въ Санск. соотвѣтствуетъ Лат. nam и оба нашему знамо, тоже, что̀ вѣстимо. Филологи, сравнивая Санскр. нāман, Л. nomen, Н. Name и Рус. имя, сильно ошибались. Первыя происходятъ отъ ӂнā—*знать* и соотвѣтствуютъ нашему *знамя*, Л. gnomen (въ словѣ *cognomen*), т. е. то, почему человѣка знаютъ, а *имя* происходитъ отъ глагола *ити*, т. е. то, подъ чѣмъ человѣкъ въ свѣтѣ идетъ: смыслъ тотъ же, корни различны. Такъ, напр., *знамянитый* и *имянитый*.

Золовка, çјāликā—сестра жены.

Золото, çāратā—желтый цвѣтъ, һарита (въ Ведахъ)—золотистый.

Зрѣть, çраі (çрāјати), выспѣвать, çрā (çрāти) зрѣть. Глаголъ çраі имѣетъ въ Санскр. значеніе: готовить ѣду. Въ Русскомъ тоже отношеніе между *спѣть* и *приспѣшная*.

Зубъ, ӂамба—зубъ.

Зудъ, сведа—потъ; Л. sudor.

Иго, југа—иго; Л. jugum.

Игра, играть, д̓ра̄ (д̓ра̄јати)—быть веселымъ.

Илъ, ила̄—земля.

Иней, индивѣть, инд̓ (инд̓е) блестѣть. Вставка *д* тутъ очень важна.

Иной, иначе, анја—иной, анјачча—иначе.

Йокнуть, јук—дурно. Сердце йокнуло, почувствовало дурно, бѣду.

Искать, иш (ичч̓ати)—желать, а въ составныхъ—искать.

Искра, ишира—огонь.

Ити, идти, Санскр. и, и т̣ (ети, ет̣ати)—итти.

Кадыкъ, г̓ан̣д̣ика—язычокъ.

Каждый, въ народной рѣчи кажный, каҫчана, каҫчит—кое-кто, кто-то. Первый только слогъ склоняется, какъ въ Ц.-Слав. *кійждо*.

Каженикъ, казить, искажать, к̓аш или кас—ранить.

Казать, разкащикъ, кат̓ (кат̓ајати)—говорить, кат̓ика—разкащикъ; по Санскр. также кас, каҫ приказывать.

Калека, колоть, колъ, кал—уродовать. По Санскр. кӣла—Р. колъ.

Калякать, калакала—тихій говоръ.

Канка, Скр. ка̇нка—цапля. Въ народной рѣчи канка—*цапля*.

Канючить, кан̣ (кан̣ати)—плакаться.

Кара, карать, ка̄ра—убійство.

Карачунъ, крат̓ана—убійство. Это слово полагаю остаткомъ нашей миѳологіи, и корень его вѣроятно совпадалъ съ словомъ *корча*.

Карга, ка̄га—ворона.

Карый, ка̄ршн̣а, ка̄ла—черный. *Кара* Тюркскихъ нарѣчій.

Касаться, каш (кашати)—испытывать, ощупывать, а̄кашака—прикосновеніе.

Катокъ, кат̣ака—колесо.

Каурый, кад̣ара, кадру—темный съ желтизной. Впрочемъ *каурый* скорѣе можно сблизить съ корнемъ *кур, курить, курной* (Санскр. *чур*—жечь, Литов. *kúrti, kúrin*—разводить огонь); мы видимъ тутъ замѣчательный остатокъ усиленія гласной или вридд̓и въ Русскомъ языкѣ; см. *тауриться*.

Качать, кaӂ (к̓аӂати)—взбалтывать, взбивать.

Каша, акша—сѣмячко.

Кашель, ка̄са—кашель.

Квасить, д̇ваңҫ (д̇ваңҫати)—разбивать.

Квилить, хилый, квел (квелати)—качать.

Кидать, кил (келаjати)—бросать. Переходъ *д* въ *л* извѣстенъ. Форма наша едва ли не древнѣе; на это есть указанія въ Санскр. языкѣ.

Кила, кй̆ла—волдырь.

Кисть (руки), кишку—рука ниже локтя.

Кишка, кишить, Санскр. кишку—нечистый, дрянный.

Клевѣта, навѣтъ, извѣтъ, бит̣ (бет̣ати), вит̣ (вет̣ати)—проклинать. Эти слова могутъ также происходить отъ *вѣдать;* но тогда явно, что *кле* въ *клевета* происходитъ отъ *клеҫ.* См. слово *клясть.*

Клепать, клепало, поклепъ и др., клап (клапаjати)—говорить дико, какъ дикари; хлопотать, стучать·

Кличь и кликъ, кал (калати)—звучать. Англ. call.

Ключь, кӯрччика̃—ключь, собств. ключикъ. Санскр. языкъ въ нѣсколькихъ словахъ сохранилъ только уменьшительную форму, н. п. чашака—чаша, маҫака—мѣшекъ (у насъ мѣхъ), јутака—пріютъ и т. д.

Клясть, проклинать, Санскр. клеҫ (клеҫате)—говорить, огорчать, клид (клиндате)- оплакивать, жаловаться.

Кнутъ, кнат́—ударять.

Коваль, кӯвара—прекрасный и горбатый. Эти два противуположные смысла, почти необъяснимые изъ корней уцѣлѣвшихъ въ Санскритскомъ языкѣ, объясняются легко утраченнымъ корнемъ *кув* или *ков* (ковать), такъ же какъ и имя бога богатствъ *Кувера.* Обыкновенное объясненіе этаго имени посредствомъ слова *ку*—дурной, или *ку*—что̀ за? и вера даетъ смыслъ совершенно нелѣпый: *дурнорожій* или *что̀ за рожа?* не могло быть именемъ божества, котораго не считали враждебнымъ; да онъ же ничѣмъ и не хуже другихъ, хоть бы, напр., Ганеҫы съ его слоновымъ хоботомъ. Самый цвѣтъ его кожи, черной съ бѣлыми пятнами, или наоборотъ, очень свободно объясняется этой этимологіей, какъ дѣтское изображеніе закоптѣлаго *коваля.*

Ковачь, Санскр. кавача, каваса—броня. Въ этомъ словѣ видѣнъ нѣкогда бывшій въ Санскритскомъ языкѣ и нами сохраненный корень *кав, кув* и *ков*-ать, отъ котораго и имя бога богатствъ *Кувера.*

Коганецъ, куһана—маленькій глиняный сосудъ.

Когда, кадā—когда. Замѣчателенъ аффиксъ *да:* онъ явенъ и въ Санскр., и въ Греч., и Латинскомъ; но въ Русскомъ онъ сохраняетъ еще всю свою жизненность: *когда, сюда* или *сюды, гдѣ, здѣ-сь, всю-ду, оттудова* и пр. Тоже отчасти замѣтно и въ Греч.—ϑεν и въ Л. quan-do, tan-dem, и въ Санскритскомъ, гдѣ онъ принимаетъ формы *да, де, до*, но менѣе ясно.

Кожа, коша и кос̧а—покрыша, скорлупа.

Коза, кес̧аṭа—коза.

Кокобить (тоже, что̀ юлить), Санскр. куб (кумбаjати)—скрывать укрывать.

Кокотъ, кочетъ и кокошь, Санскр. куккуṭа—курица, пѣтухъ.

Колебать, хлибать, хлюбать, хлипкій, клйб (клйбате)—быть слабымъ.

Колотить, клат́(клат́ати)—ударять.

Колупать, чулумп (чулумпати)—рѣзать.

Колѣно, кула—родъ.

Комяга, камат́а—тростникъ, бамбукъ, въ которомъ воду держатъ.

Конопель, куṇапа—вонь. Л. cannabis.

Конура, кандара—пещера.

Конъ, конецъ, конать, законъ, кўṇ (кўṇаjати)—замыкать; коṇа—уголъ, остріе, край (гунированное куṇ).

Копать, кўпа и копа—яма, колодезь.

Копье, купjа—металлъ.

Корма, карṇа—корма. Л. carena.

Кормъ, кормить, крам (крамjате)—рости, крама—сила.

Корпѣть, кропотунъ, кр̆п (кр̆паjати)—быть слабымъ, вялымъ, нищенствовать, карпаṭин—нищій.

Корь, кара—воспаленіе.

Коса, косить, кас—бить, собственно сѣчь.

Коса, кес̧а—волоса, клокъ волосъ на темени. Не смотря на звукъ *е*, котораго вообще не признаютъ первообразнымъ, форма Санскр. древнѣе; по крайней мѣрѣ кажется, отъ нея у насъ глаголъ *чесать*.

Костерь, кас̧еру—трава.

Кость, костеватый, аст́и—кость, аст́иват—костистый.

Который, катара—который (въ числен. отношеніи). Тутъ является уже замѣченное выше *ара* или *тара* какъ знакъ количественности или числа: Санскр. итара, Л. alter, uter и пр. Особенно выступаетъ значеніе этого суффикса въ Р. языкѣ, именно въ прибавкѣ его къ самостоятельному числу: *пятеро*, *шестеро* и др. Это же окончаніе въ Санскр. чатур, Р. четыре, Санçкр. чатвāра, Р. четверо, отдѣляясь, даетъ корень *четы*—чета, отъ Санскр. глагола *чит*, *чет*, тоже, что̀ мыслить и *считать*. *Четыре* собственно *двѣ четы*.

Кочерга, чарѓ (чарѓатти)—двигать. Предлогъ *ко* уже не имѣетъ употребленія приглагольнаго, но въ древнемъ развитіи языка область его довольно широка.

Кочетъ, куковать, куч (кочати)—громко кричать по птичью, кричать жалобно.

Кочка, каӂжа—болото.

Кошъ, кошель, ковшъ, коша—мѣсто для прибора денегъ, чаша.

Край, краткій, короткій, кроить, кренить (обрѣзывать), креница (плоскій кусокъ), карнать, кр̥ (кр̥ṇоти)—повреждать, кр̥т (кр̥нтати)—рѣзать, карṇ (карṇаjати)—разсѣкать, колоть дрова.

Кресить, кресало и, думаю, кремень вмѣсто кресмень, кр̥çāṇу—огонь. Корень Санскр. неизвѣстенъ.

Кривой, кривда, кривить, кр̥б и кр̥в—портить, дѣлать зло. Этимъ значеніемъ слова *кривой* объясняется народная поговорка, что кривые не наслѣдуютъ Царства Небеснаго.

Кровь, кравjа—сырое мясо; оно указываетъ, кажется на утраченный корень *кры*.

За-кромъ, у-кромный и пр., крам (крамjати)—сохранять.

Кругъ, крюкъ, крючить, крун̇ч—сгибаться.

Круча, кручина, круç (кроçати)—плакать.

Крынка, кр̥т (кр̥ṇатти)—схватывать, заключать.

От-крыть, закрыть, кр̥—дѣлать. Едва ли не тотъ же глаголъ принялъ у насъ ограниченный смыслъ. *Открыть*, *закрыть* соотвѣтствовали бы тогда Нѣм. aufthun, zuthun и пр.

Крѣпкій, кр̥п—быть сильнымъ; очевидная гуна въ Русскомъ.

Кубокъ, кумб̆а—маленькій сосудъ для питья.

Куда, кутра—гдѣ.

Кудло, кудря, курала—прядь волосъ. Англ. curl; кунтала—кудри.

Кудо, кудесникъ, Кудеяръ, куд (кодаjати)—лгать. *Кудеяръ*, имя разбойника, волшебника, по преданію почти всей средней Россіи.

Кужель, куга (родъ травы), куçа—священная трава.

Кулакъ, кули—рука. Санскр. *чуллака*—рука съ согнутыми пальцами, прямо соотвѣтствуетъ нашему *кулакъ*.

Кулига (лѣсная), кӯла—край. По охотничьему тотъ, кто травитъ у опушки, называется *кулижникомъ*.

Куль, чуланъ (Южн.-Сл. кула башня), кӯл (кӯлати)—скрывать пріютить, прятать.

Купаться, каупа—вода въ колодезѣ.

Курить, чӯр (чӯрјате)—жечь.

Курносый, куран̣ас—курносый. Русская этимологія кажется невѣрною; Санскритская же совершенно вѣрна: *копытоносый*.

Курчавый, кӯрчча—борода, клокъ волосъ.

Кустъ, кут́а—дерево.

Кусъ, кусать, кус̧ (кус̧јати)—отнимать часть чего нибудь.

Кутить, кут̣—шататься, быть празднымъ.

Куть, закута, кут̣а и кут̣ӣ—маленькій домъ.

Куча, куч (кочати)—стягивать.

Ис-кушать (испытывать), куш (кушн̣а̄ти—отвѣдывать, испытывать.

Ладить, лад̣—ходить за чѣмъ нибудь внимательно, ухаживать. Другой смыслъ этаго даетъ форму *олади*—вскидывать, по особенному образу печенія.

Ладо, ладъ (любимый), лад̣ (лад̣ајати)—играть, желать.

Лазить, лаг и лаѓ—двигаться неправильно, приволакиваясь.

Лапта (игра), ла̄б́ (ла̄б́ајати)—бросать.

Ласкать, ластиться, лаш—любить, лас (ласати), обнимать.

Лгать, лаѓ (лан̇ѓајати)—говорить) Что лаѓ имѣло значеніе вообще нѣсколько презрительное, доказывается выводными.

Легкій, лаѓу—малый, плохой, легкой, какъ *тану* (тонкій). Лат. levis.

Лежать, лаж (лан̇ӂајати)—обитать.

Лѣкарь, леќана—писаніе особенно волшебныхъ знаковъ, прижиганіе, употребленіе лѣкарствъ очистительныхъ. Предполагаю, что вѣроятнѣйшее производство этого слова отъ Англ. leech; но во-первыхъ, это производство сомнительно, во-вторыхъ, могли быть два развѣтвленія однаго и того же корня. Напр., Скр. лис̧, Р. лишать, въ производныхъ даетъ лес̧а—маленькій, Англ. less. Вообще, отношенія Англійскаго языка съ Славянскимъ еще нисколько не изучены. Въ немъ много началъ несходныхъ ни съ Германскими, ни съ Кельтскими, ни съ Романскими языками. Саксонское, т. е. собственно Вестъ-Сакское нарѣчіе, господствовавшее до Норманновъ, далеко не обнимало всѣхъ нарѣчій такъ называемой Саксонской эпохи и много разнилось отъ нарѣчій области собственно Англійской (Остъ-Англіи, Нортумбріи и Берники), которая всегда враждовала противъ Саксонскаго преобладанія. Ср. liek—злакъ.

Лизать, лиh—лизать. Л. lingo.

Липкій, липнуть, лепить, лип(лимпати)—мазать.

Лить, лй (лајати)—растапливать, дѣлать жидкимъ.

Лишать, лысый, лѣса (тонкая нить въ рыболовствѣ), лиç (лиçјате)—уменьшать. Л. less.

Ловить, лапа, лаб̆ (лаб̆ате)—брать.

Локать, плакш—ѣсть. При сравненіи этаго слова съ *лак* и при другихъ сближеніяхъ можно замѣтить, что Санскритское имѣлъ префиксъ и предлогъ *по* такъ же, какъ и Русское, но утратило его.—Локать, лакомый и лахань, Скр. лак (ла̄кајати)—вкушать.

Лоскъ, лосниться, лясать зубами (слово охотничье, *ласый, подласый,* съ свѣтлымъ отливомъ), лас (ласајати)—блистать.

Лотыга, лот̣ (лот̣ати)—быть глупымъ.

Луда, лудить, луда—родъ зонтика (въ лѣтописи), луд̣ (луд̣ати)—покрывать, скрывать.

Лукъ, луӂ—быть крѣпкимъ. Въ пѣсняхъ постоянно: тугой лукъ.

Лупить, лопасть, луп (лупјати)—рѣзать, срѣзывать. Въ Санскр. луб связывается съ луп, и у насъ—лубъ, лубокъ.

Лутокъ, лут̣, лут̣̆, луд̣—быть къ чему нибудь привязаннымъ, прикрѣпленнымъ.

У-лучить, получить, разлука,—лока мѣсто, пространство, есть, какъ кажется, гунированный отростокъ корня, который въ Русскомъ языкѣ видѣнъ въ словахъ *улучить, получить, разлука* и т. д. Л. locus.

Лучь, лучшій, лунь и луна, луӂ—блистать. Л. lux, luna.

Лущить, лучить, лучина, луч (лун̇чати)—рѣзать, щепить, лущить.

Лыко, лѣн̇ч—отдѣлять.

Лынять, лаин̣̄ (лаинати)—двигаться.

Лѣнь, лйна—разслабленный, разваренный, недвижный.

Лѣпой, нелѣпость, липи—письмо, живопись.

Лѣха, лѣшить, лек̆а—черта, знакъ, рядъ.

Любить, луб̆ (луб̆јате)—желать. Л. lubere.

Лютый. лут̣—разбойничать.

Ляга, ляжка, лягать (вѣроятно *улягнуть* перешедшее въ *улизнуть*), лаг—двигаться, хромать. Англ. to lag.

Ляпать (говорить вздоръ), лепетъ, лап (лапати)—говорить.

Ляпать (падать), лаб (ламбати)—падать. Л. labi, *collabi*, особенно соотвѣтствующее нашему *слабый*, labefacere.

По-мавать, мйван—вѣтеръ. Выказываетъ тождество Санскр. *ми* (мајати) и Р. *маять*.

Макушка, маковка, макут̣а—хохолъ, головное украшеніе.

Макъ, макура и макула—цвѣточная почка. Кор. мак—украшать; изъ пѣсенъ видно, что *макъ* былъ, такъ сказать, цвѣтомъ по преимуществу.

Малина, мāлā, мāлја, мāликā—цвѣтъ и связка цвѣтовъ, мāлу и мāлинā—ползущее растеніе.

Малый, мала—дрянной.

Манить, мануть, бан (бануте)—просить, выпрашивать.

Марать, мала—грязь.

Масло, мазь, масть и др., масъна—мягкое, масляное. Это слово и многія другія указываютъ на утраченный корень, тождественный съ нашимъ *мазъ* или *масъ*.

Матерой, мант́ара—большой.

Мать, матерь, мāтр—мать. Въ Санскр. это слово обозначаетъ силу; у насъ тоже въ словахъ *матица*, *матерой* и др.

Махъ, махать, мак, маѓ, маќ, (маќати)—двигаться.

Маяться, мај и ми (мајате и мајати)—ходить, двигаться. *Умаять* тоже, что̀ *уходить*.

Маячить, маячно, мāјā—обманъ, неясно, обманчиво. Охотники говорятъ: „собака не возрится,—въ полѣ *маячитъ* или *маячно*“.

Медлить, мид (мелјати)—въ выводныхъ выражаетъ понятіе глупости, вялости, лѣни, напр., мидд́а—лѣнь глупость.

Медъ, мад́у—медъ. Присутствіе *у* доказывается формою *медвяной* и можетъ быть формою *медв-ѣдъ*. Впрочемъ, іотація буквы *е* переходила, кажется, иногда въ звукъ *в*; по крайней мѣрѣ слово *известь* объясняю я ѣдкостью ея.

Межъ, между, межень, межа, мāд́ја—средній. Л. medius.

Мекать, мит́ (мит́ати)—понимать.

Мерещить, мфç (мфçјати)—видѣть.

Мерцать, мфç (мфçати)—видѣть.

Метать, мита—раскиданный. Кор. ми (миноти)—кидать.

Мигать, мӣл (мӣлати)—мигать; *л* перешло въ *г* или обратно; если Санскр. форма позднѣйшая, что̀ можно подозрѣвать по Л. *micare*.

Милый, умиленіе, миръ, мид—быть дружественнымъ, смиреннымъ; мил(милати)—дружиться, якшаться.

Мимо, минать, минуть, миновать, мӣм (мӣмати)—идти.

Младой, молодой (въ смыслѣ буйный), млеḍ (млеḍати)—безумствовать. Впрочемъ, *младъ* можетъ быть объяснено и словомъ младишт̣а--весьма нѣжный отъ мᵽ̣ду—нѣжный (ср. младенецъ, молоденькій и мᵽ̣данкана—дитя) *).

Млѣть, млаı (млãјати)—быть слабымъ усталымъ.

Мнить, ман (манјате)—знать. Мнить, память, поминать, мнã (манати)—затверживать.

Мнѣніе, манана—мысль.

Много, мãна—мѣра вообще. Корень мãн, уважать, считать великимъ. Слово *обманъ* можетъ происходить отъ мãна или въ смыслѣ обмѣриванія или въ значеніи ложной мысли; ибо частица *объ* даетъ такой смыслъ *обмѣрить, обмахнуться*, тоже, что̀ *промахнуться, оступиться* и пр. *Обманъ* по звуку соотвѣтствуетъ Санскр. аб̆иман—желать.

Могила, маhӣ—земля. Правильность вывода доказываютъ слова, напр., маhӣлатã, земляной червь и др.

Могутной, могота, маhат—сильный, великій, маhаттва—величина, сила. Эти формы, совершенно тождественныя по звуку и смыслу, показываютъ тождество корней Санскр. маh—увеличиваться, становиться сильнымъ, и Р. могу. Что въ словѣ могу таится соотвѣтствующее Санскр. понятіе быть сильнымъ видно изъ отрицательныхъ изнемогаю, немощь.

Мозгъ, маӂжан—мозгъ. Русская форма кажется древнѣе.

Мозжить, мезга, мач (мачате)—дробить.

Мокошь, мокша—смерть. Нѣкоторые примѣры, какъ *Сварогъ, Дажьбогъ, Ядасъ* даютъ намъ право искать Санскр. корней въ именахъ боговъ Славянскихъ. Не былъ ли *Мокошь* богомъ

---

*) Послѣднее объясненіе вѣроятнѣе, ибо въ Ц.-С. *младый* прямо употребляется въ смыслѣ *мягкой, нѣжный*; но полагаю, что другое значеніе слова *младой* взято изъ корня *мледа*, именно въ словахъ *подмолода, подмолодить*, т. е. *заставить бродить*, вспѣнивать; два корня могли слиться вслѣдствіе однозвучности производныхъ словъ.

смерти? Кажется, онъ принадлежалъ къ богамъ неблаговолящимъ къ человѣку.

Молоко, мала—всякое отдѣленіе отъ животнаго тѣла.

Молонье, малана--толченіе. Санскритскій языкъ утратилъ корень этого слова, но сохранилъ выводныя слова. У насъ онъ сохранился *(молотъ)* и далъ множество выводныхъ, изъ которыхъ важнѣйшія *молотъ* и *молнія*, объясняющія Торовъ *молотъ—молнію.* Сканд. *miolnir*. Въ исторіи Сѣверныхъ религій это указаніе драгоцѣнно.

Молчать, млакш (млакщјати)—говорить неясно.

Морда, мӯрдд́ан—голова.

Море, мӣра—океанъ. Мӣра по корню своему значитъ пространный и объясняетъ Р. слово *міръ*, отъ котораго *мѣра* разнится только гуною.

Об-морокъ, мурч́—падать въ обморокъ.

Морочить, мракша—обманъ.

Морсъ, моросить (*сморчокъ* растущій на сырости), мр̥д́ (мард́ати), мр̥ш (маршати)—быть мокрымъ.

Моръ, морить, ма̃ра и ма̃ри—смерть, убійство, чума. Въ иныхъ мѣстахъ могильные курганы зовутся *марами.*

Мостолыга (мозговая кость), мастулунга—мозгъ.

Мостъ, мостить, маста—верхъ чего нибудь; муст (мустаjати)—собирать въ груду.

Мотать, мат́ (мат̣́ати)—потрясать. Санскритское слово выражаетъ круговое движеніе при сбиваніи масла. Русское—обозначаетъ тоже движеніе круговое.

Мочить, мочало, масӂ (маӂӂати), погружать въ воду, купать.

Мочка, маṅӂа̃—стебелекъ плода или цвѣта.

Мочь, мач—быть высокимъ и сильнымъ.

Мошка, мас̧ака и макшика̃—муха. Л. musca.

Мошна, мошенникъ, мӯш (мӯшати)—воровать. Санскр. мошака—воръ.

Мракъ, мракш (мракшати)—марать, скрывать.

Мреть, умереть, смерть, мр̥ (мриjате)—умирать.

Мужъ, мануӂа—человѣкъ.

Муслякать, муслявый, муслявка, мусолить, муслить, муќашт̣ӣла—скверноротый, муќасура—влажность губъ, муќасра̃ва—слюна. ***Мусля*** очевидно тоже, что *слюна*. Санскр. мук̇а—ротъ принялъ у насъ форму, теперь утраченную, *мусъ*, Англ. mouth.

Мусоръ, муш и мус (мусјати)—разбивать въ дребезги.

Мутить, смущать, мут̣ (мун̣т̣ати)—сжимать, давить. мўд̣̆а—одурѣлый, смущенный.

Мучить, м'ука, мука, муд̣ (мун̣д̣ати)—вредить, язвить, убивать; муч (мун̇чате)—быть злымъ, толочь, разбивать.

Мысль, мыслить, мр̥ç (мр̥çати)—думать. Переходъ гласной р̥ въ *ы* очень вѣроятенъ, и даже вѣроятно, что гласныя р̥ и л̥ въ Ведахъ были очень близки къ звуку *ы*.

Мыть, мывать, мив (минвати)—кропить, мочить.

Мычать, миç (месати)—звучать. Еще ближе муӂ (мун̇ӂати). Л. mugire.

Мышь, мӯша—мышь.

Мѣдь, мид—сплавляться.

Мѣсяцъ, мãс и мãса—мѣсяцъ. Л. mensis.

Мѣта, мѣтить (отъ того же корня и *мѣсто*), мита—измѣренное. Л. meta.

За-мѣта, примѣта, мити—знаніе, доказательство.

Мѣхъ, мѣшекъ, маçака. Коренная форма маçа въ Санскр. утрачена; у насъ отъ него и другая формація: *мошна*. Впрочемъ, *мошна* можетъ происходить и отъ инаго корня.

Мѣшать, смѣшивать, миçр (миçрајати)—мѣшать. Санскр. миш (мешати) еще ближе по звуку, но нѣсколько отдаленнѣе по смыслу. Евр. Мицраимъ—Египетъ, значитъ смѣшеніе.

Мѣшать, помѣха, мѣшкать, мотчать, мичч́ (мичч́ати)—останавливать, мѣшать.

Мясо, масло, мãн̦са—мясо, мãнсаӂа—жиръ. Эти два слова подтверждаютъ замѣчаніе, сдѣланное при словѣ маср̥н̣а.

Мять, минать, ми (миноти)—вредить.

Навить (ранить), навій (мертвый), навья кость, н̣аб́ (наб́јати)—ранить, умереть.

Нагій, нагна—голый.

Не, нѣтъ, на—не.

Небо, небеса, набас—небо. Л. nubes, облако.

Невѣста, навод̣̆а—молодица, невѣста. Впрочемъ, этимологія отъ *вѣдать* не безъ вѣроятности. Навод̣̆а—молодица близка къ нашему *невѣстка*.

Нести, несу, неш (нешате)—двигаться, приближаться.

Нзить (отъ котораго *вонзить*, *пронзить*, *заноза*, *язва* и др.), аң ç, аңçаjати—раздѣлять. сродное съ наç—уничтожаться, погибать. Л. ensis.

Нива, нӣв—жирѣть; не поле родитъ, нива (поговорка извѣстная) орошенная или утучненная.

Низъ, ничь, ничкомъ, никнуть, низкій, нӣча—низкій.

Нищій, нӣча, на̄чака, ничаис—слабый, презрѣнный; ништ̣ја—человѣкъ, изверженный изъ кастъ.

Новый, нава—новый.

Нога, ан̇га—членъ. Впрочемъ, Санскр. наќа значитъ часть вообще и по звуку очень близко къ нашему *нога* ¹).

Ноготь, наќа—ноготь. Это же слово значитъ и часть. Выводъ Р. нога отъ наќа былъ бы также правиленъ, какъ и отъ ан̇га—членъ; наконецъ въ словѣ упа̄наh—башмакъ, едва ли не является форма совершенно соотвѣтствующая нашей.

Носъ, на̄са̄—носъ.

Ночь, накта—ночь. Этимологія Санскр. отъ наӂ—стыдиться, чистый вздоръ. Настоящая же этимологія указываетъ на коренную идею *ока* въ смыслѣ органа зрѣнія и самаго зрѣнія. Русскіе называютъ ночь временемъ невидущимъ. Р. н-очь; Лат. n-oc-s (oculus уменьшительное); Н. n-acht (achten—видѣть, хотя смыслъ этого слова временемъ измѣненъ); Санскр. н-акта (отъ акши). Всѣ представляютъ идею зрѣнія съ отрицательнымъ *н*, котораго давность тѣмъ самымъ доказывается. Древнѣйшая форма Санскр. была накша, а не накта. Звѣзда называется накшатра (отъ накша—ночь и трак—ходить, или тра̄—охранять; ночеходная и ночехранительная). Этому слову даютъ Санскр. лексикографы три разныя этимологіи, изъ которыхъ ни одна никуда не годится.

Нравъ, норовъ, нр̣ и нара—человѣкъ, нр̣—управлять въ смыслѣ духовномъ. На Кавказѣ это слово значило богатырь; отъ того и *Нарсанъ* ²)—богатырская вода; оба корня Санскритскіе.

Нырять, нӣра̄—вода.

---

¹) Самая форма на̄ḥа находится въ Санскритскомъ языкѣ. См. слово понози.

²) Названіе Кисловодскаго источника; такъ сами туземцы переводятъ это слово, между тѣмъ какъ оно изъ Кабардинскаго языка, кажется, не объясняется.

Н̆ыть, нюня, н̣у (наȝти, а̃нуте)—издавать печальные крики.

Нѣга, нѣжить, шн̣иһ (сниһјати)—любить, ласкать. Въ Санскр. корень получилъ предложное приращеніе.

Нѣкій, ека—одинъ, другой.

Нѣкоторый, екатара—одинъ изъ двухъ.

Няня, нѢ (нѢн̣а̃ти), н̣й (најати)—водить.

Ова, уб̆аȝ (двойств. ч.)—оба; уб̆ајаһ̆, уб̆аје тоже (мн. ч.) обоихъ, обоимъ и т. д.

Обоюду, уб̆ајатас—обоюду.

Обнова, аб̆инава (отъ нава—новый)—совершенно новый.

Обычный, аб̆йкшн̣а—обыкновенный. Этимологія у Wilson'а отъ кшн̣а̃, точить, нелѣпа; корень въ Русск. и въ Санскр. одинъ и тотъ же *икъ*, отъ котораго *навыкъ, вѣкъ*, и отъ котораго множество развѣтвленій въ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ; префиксъ въ обоихъ словахъ также тождественъ: аб̆и и объ.

Огулъ, огуломъ, гулма—отрядъ войскъ, куча народа.

Одинъ, а̃дима—первой.

Олень, ара—быстрый.

Олухъ, улӯка—филинъ.

Осемь, ашт̣ама—осьмой.

Острый, астра—оружіе вообще, мечь, копье и пр. Кажется, корень общій у этихъ словъ глаголъ ҫи—точить, острить, принявшій префиксы *а* и *о*; отъ того *ось* на колосьяхъ, *ось* на мѣхахъ *осва*, и *оса* и т. д.

Очи, акши—глазъ.

Охота, хотѣть, а̃к̆ет̣а—ловля звѣрей; ак̆ат̣т̣и—прихоть; к̆ат̣—хотѣть.

Падать, пат (патати)—идти или двигаться быстро, падать; нипатана—нападеніе: прапа̃та—пропасть, падь, патаˑнга—птаха, птица, куропатка.

Пасть (у звѣрей); пас—вредить, убивать.

На-пасть, а̃пада—несчастіе.

Пай (доля ѣды), па̃—кормить. Не знаю, коренное ли это наше слово, а оно легко могло произойти изъ *питать*, посредствомъ вр̣идд̆и.

Паки, пакша—отвѣтъ.

Палить, палита—жаръ. Этотъ корень въ Санскр. утраченъ. Отъ него, какъ извѣстно, множество отпрысковъ. Русск.—половой. Слав.—плавый, Лат. — fulvus; Англ. — fallow; Р. — пылкій, пылмя, Л.—fulgur, fulmen; Р.—пламя, Л.—flamma. Санскр.

сохранилъ только выводную форму плуш (плущјати, плошјати и плушн̣ати).

Память, мати—память отъ *мнить,* а Санскр. отъ *ман*—думать. Формаціи совершенно тождественныя.

Панъ, пан̣—хвалить, торговать и, кажется, хозяйничать.

Пара, пара—другой.

Парить, пãра—выше чѣмъ, пару—рай.

Парши, парш—мокнуть. Говорится: *сливныя парши.*

Паръ, пãру—огонь.

Пасма, паска и запаска, пазъ, пазить, пасуха, паç—вязать, закрѣплять.

Пасти, паçу—скотина. Л. pecus. Санскр. происходитъ отъ паç (паçати) или паш (пашајати)—вязать, двигаться, мѣшать. Рус. языкъ сохранилъ этотъ корень съ болѣе опредѣленнымъ смысломъ, т. е. въ значеніи наблюдать и сберечь. *Опасно* тоже, что̀ *осторожно* въ рѣчи народной. *Собака пасетъ зайца отъ лѣса* въ рѣчи охотниковъ. Доказательствомъ первоначальности этаго значенія служитъ то, что въ выводныхъ словахъ Санскр. употребляетъ паç вмѣсто др̆ç—смотрѣть. Этому много примѣровъ. Паства, паçавја—лугъ, пãçава—стадо. Это слово считается только церковнымъ, но я слышалъ въ разсказѣ: у насъ волкъ всю паству перепугалъ. Удареніе въ концѣ слова.

Паче, пакша—сила, въ сложныхъ словахъ—много. Впрочемъ, глаголъ пач—расширяться, представляетъ также разумную этимологію.

Пачкать, п̆акк (п̆аккати)—дѣлать неприличное вообще.

Паять, пãја—вода, жидкость; такъ же, какъ и плавить металлъ.

Пелена, пеленать; полонъ, плѣнъ, пãлана—охраненіе, сбереженіе.

Первый, пӯрвва—первый.

Перо, патра—крыло, перо.

Перси, пãрçва—грудь.

Песокъ, пãңсу—пыль.

Пестъ, пиш—толочь.

Песъ, пис—быть сильнымъ, язвить; хотя вѣроятнѣе отъ пес—идти.

Печаль и попеченіе, пãчана—мученіе.

Печь, пач—готовить, варить, пачи—огонь; печенье, пачана—

варенье; печень, пӑчака—желчь. Выводная форма пакти кажется объясняетъ происхожденіе нашего глагола *пахтать*.

Пила, пилить, б̆ил—раздѣлять.

Пинать, пан̣ (пан̣ати)—толочь.

Писать, пестрый (посредствомъ гуны), пиӂ (пин̇кте))—красить. Л. pingere; пиç (пиңçати)—изображать, украшать, разрисовывать.

Пить, пиво, пӑ (пивати), пӣ (пӣјате)—пить, сапӣти—питье (вмѣстѣ съ другими). Слово *сопитіе* было бы у насъ всѣмъ понятно.

Плёсъ, плесо, плескать, полоскать, плуш (плушјати)—плескать.

Плодъ, п̆ал—быть плодоноснымъ, п̆алада—плодоносный.

Плохой, пӑлгу—слабый. Близко къ этому слову и Санскр. валгу—пріятный; по обыкновенной перемѣнѣ *в* и *б* можно предполагать форму *балгу* и сравнить съ *благой*. См. однако выше слово *благой*; оба производства, можетъ быть, сходятся въ корняхъ.

Плошка, плуш—горѣть.

Плыть, плавать, плу (плавати)—идти, въ выводныхъ получаетъ значеніе плыть.

Плаваніе, плавана—плаваніе, плу—идти.

Плаваніе, наплывъ, ӑплавана—купанье, ӑплӑва—затонъ, заливъ.

Плюсна, плу—идти.

Плясать, б̆леш (блешати)—идти. Лӑса—плясанье; лишва—плясунъ; лас—плясать, кажется, указываетъ на производство слова *плясать* посредствомъ префикса *по* (ср. *лясы выкидывать*—штукатурить).

По, частица, часто соотвѣтствующая Санскр. упа; впрочемъ *у* и *по* у насъ соединяются весьма часто. (См. Позывъ, понози).

Пнать, пен̣ (пен̣ати)—идти.

Поганый, поган̣д̣а—уродъ. Слово *поганый* не имѣетъ ничего общаго съ Л. paganus, отъ pagus.

Подъ, пот̣а—низъ дома. Нѣсколько словъ Санскр., какъ под̣у, пот̣а и др. содержатъ значеніе низа, испода и указываютъ на утраченный корень, тождественный съ нашимъ *подъ*, который имѣетъ и существительный смыслъ (*подъ* печной) и глагольныя развитія, напр., *подлый*, форма причастная.

Позывъ, упаһава—позывъ.

Полнить, полный, полкъ, пул (полати и пулајати)—быть великимъ, быть въ сборѣ, въ кучѣ. Л. populus, plenus, plebs.

Полоса, плющить, плус (плусјати)—дѣлить.

Полъ, половина, полоть, п́ал—дѣлить. Отъ *пол* выводныхъ множество. Санскр. имѣлъ тотъ же корень безъ придыханія, но утратилъ.

Поле, пал (палати)—ходить. Л. palare. Корень у насъ утраченъ. Санскр. палāла—солома, соотвѣтствующее нашему *палево*—мякина, выводятъ изъ этого корня. Вѣроятнѣе производство отъ утраченнаго корня *пал*, нашего *палить*.

Полти, палјӯл (палјӯлајати)—рѣзать, отъ утраченнаго корня нашего *пол*, отъ котораго у насъ множество отростковъ, напр., *половина*, *полотно*.

Понози, упāнаһ—обувь, башмакъ. Я слышалъ однажды отъ крестьянина слѣдующее выраженіе: онучи, лапти и всякая *пд̀ножъ*.

Пора, пāр—совершать, пāра—конецъ.

Порокъ, порочный, парāн̇ча и пāрāч—извращенный, испорченный. Сходство можетъ быть случайное. Впрочемъ, происхожденіе отъ глагола *рку* нѣсколько сомнительно.

Поросъ, пуруша—животное мужескаго пола. Говорится о племенныхъ самцахъ, напр. *быкъ поросъ*. Это имя присвоено свиньямъ, какъ животнымъ особенно священнымъ у насъ и у Римлянъ: porci pures, по формѣ архаической. Впрочемъ, слова: поросья и porcus могутъ также происходить отъ прас—рано рожать.

Постъ, упошита—постъ.

Потъ, пӯта, пӯти и поти—въ выводныхъ словахъ: вонь. Л. putis и putris.

Пра (пращуръ), пара употребляется какъ *пра* у насъ, напр., въ *правнукъ* или *пращуръ*, въ словѣ *пара-Браһман*, такъ же, какъ у Чеховъ *пра-Богъ*—верховный Богъ. Въ словѣ *парама*—первый, оно объясняетъ самое составленіе слова *первый*, Скр. пра—частица, соотвѣтствующая нашимъ пра, пре, Л. prae.

Правый, праб̆у—крѣпкій, здоровый; Л. probus. *Правый*, безъ сомнѣнія, отъ глагола *пратъ* (рука боевая, *правая*), давшаго множество отпрысковъ, какъ въ Слав., такъ и въ Л. Санскр. утратилъ корень, но вѣтви замѣтны.

Пратъ, пру, поприще, паратый (быстрый объ гончихъ); пру—идти.

Прахъ, порохъ, парāга—пыль,

Праща, прат̑—бросать; пра̃са—стрѣла.

Превращеніе, париварттан̣а—извращеніе. Вообще *пари* и *паре* часто соотвѣтствуютъ нашимъ *пре, пере* и *при*. Напр., парисушка—пересушенное (*пересушь*); паредјави—въ слѣдующій день (передневать); париçру—прислушать.

Предвѣдѣніе, париведана—предвѣдѣніе, мудрость.

Предъ и прежде, пра—съ аффиксами *к* и *ч* (пра̃к, пра̃нч, пра̃ч) соотвѣтствуютъ нашему пре съ аффиксами де и же, т. е. получаютъ смыслъ *предъ* и *прежде*.

Прежній, прйн̣а—старый; Л. prĭscus доказываетъ древность Русской формы *прежъ*. Вообще въ Слав. можно замѣтить много словъ, возникшихъ изъ предлоговъ: *прежній, присный, предокъ* и др.

Во-преки, прекословить, за-прещать, пфч—мѣшать чему-нибудь, удерживать.

У-прекъ, утпрекша̃—насмѣшка.

Пута, путать, пут̣ (пут̣ати)—сплетать.

Пріязнь, пріятный, пріятель, прй (прйјати)—нравиться, любить; приjа—любимый; приjатара—пріятнѣйшій, приjата̃—любовь. Слово *пріязнь* указываетъ на глагольный корень уже вполнѣ развитой (какъ *боязнь*). Его же начало вѣроятно выказывается въ глаголѣ *яти*, Санскр. *jam*. У Чеховъ *Прій* и *Прія* такъ же, какъ въ Индіи *Приjа̃-Лакшмӣ*. У Римлянъ находимъ мы туже форму; у Скандинавовъ тоже, но должно замѣтить, что *Фрейеръ* и *Фрея* принадлежатъ племени Вановъ такъ же, какъ и *Ніордръ* изъ Неотуна (Новгорода), *Брагиръ* Богъ пиршественной чаши (*Брага*) и *Квасиръ*, котораго кровь пошла въ питье. Цѣлая стихія отдѣляется очень ясно.

Пробужденіе, пробод̑ана—пробужденіе

Проказа, прокаçа—увѣченіе, убійство, разрушеніе. Корень *каç*, см. выше.

Прокъ, прочный, прот̑—быть крѣпкимъ, способнымъ.

Просить, прошать, просьба, прачч̑—спрашивать, праçна—вопросъ. Л. preces.

Просторъ, праста̃ра—лѣсъ, постель и др.; отъ *пра* и *стф*—разширять. Нашъ *просторъ* отъ тѣхъ же корней.—**Простыня**, постель, прастира—постель. **Простертый**, прастфта—простертый.

Противъ, прати—частица, соотвѣтствующая нашему *противъ*, напр., пратива̃та — противъ вѣтра; пратиѓа — противный; пратима̃на—противень, списокъ.

Прочь, прат́—отгонять.

Прощать, пруш (прушн̣а̃ти)—свободить, отпускать; *просто* значитъ: чисто, свободно отъ постороннихъ вліяній.

Прыгать, плиһ (плеһате)—прыгать.

Прѣсной, прасанна—чистый и прозрачный. Не думаю, чтобъ наше слово происходило отъ *прѣть*.

Прянуть, прядать, пряное (возбуждающее), пра̃н̣а—жизненность, сила.

Пудить, пад (падјате)—разрушать, уничтожать.

Пудъ, пад—собирать въ кучу. Л. pondus.

Пузо, пуго (въ яйцѣ), пуч́ча—задъ. Смотри пука.

Пука, распуколька, почка, пуш—ростить.

Пукъ, пун̇га—куча, множество, собраніе. Впрочемъ, *пукъ* и, безъ сомнѣнія, *почка* могутъ быть сведены съ утраченнымъ Санскритскимъ корнемъ п́ут̣а̃—раздутіе шеи змѣиной и сп́ут—раздуваться, какъ цвѣтная почка.

Пуня, за-пять, за-пнуть, за-понка, пу̃н (пу̃н̣а̃јати)—собирать.

Пусто, пуст (пустјати)—презирать.

Пута, путать, пут (путати)—сплетать.

Путь, пат́а—путь. Прилагательное отъ него пат́ја совершенно соотвѣтствуютъ нашему *путный* въ смыслѣ годнаго.

Пуща, пуш (пушјати)—возвращать, ростить (*пуща*—большой лѣсъ, *пуще*—въ смыслѣ больше). Въ другомъ залогѣ оно даетъ начало словъ *пухнуть* и *пучить;* Санскр.: пушт̣а—значитъ отолстѣвшій.

Пущать, пустой и пр., пјуш (пјушјати)—оставлять, тоже *бус*.

Пытка, пытать, пут́ (пут́јати)—мучить, вредить.

Пышать и пыхать, пјуш (пјушјати)—горѣть; тоже бјуш.

Пышный, пухъ, опушка, б̆уш (б̆ушати)—украшать.

Пѣна, п́ена—пѣна.

Пялить, п́ал—растягивать.

Пят́а, па̃да—нога, ступня.

Пять, пан̇ча—пять. Форма пан̇кти—десять, есть неправильное множ. изъ пан̇ча, и показываетъ, какъ чату или четы (корень слова чатур—четыре) могло выйти изъ *чета*—два.

Работа, робить, раб́ (раб́ате)—начинать дѣло бодро.

Равный, ра̃ѓ (ра̃ѓате)—быть равнымъ.

Радъ, радость, ра̃д́ана—удовольствіе; рата—родъ.

Радѣть, ра̃д̆ (ра̃д̆јати)—кончить, хлопотать объ успѣхѣ, быть исправнымъ.

Ражій, ра̃ѓ (ра̃ѓате)—быть сильнымъ.

Разить, ражать, ра̃ӂ (ра̃ӂате)—блистать. Въ сложныхъ получаетъ значеніе Рус. корня, напр.: вира̃ӂ, первое проявленіе Брахмы, его *выраженіе; выразъ* также правильно, какъ *образъ*. Это же слово имѣетъ въ выводныхъ смыслъ соотвѣтствующій нашему другому смыслу глагола *разить*. Нира̃ӂ—поражать. Рад̆ (рад̆јати) совпадаетъ съ ра̃ӂ—убивать.

Рай, радуга, рано, ра—свѣтъ, огонь.

Рака (винная), рак—отвѣдывать.

Ракъ, ракта (отъ ран̇ӂ—красить)—крашеный, красный, красная краска; ракта—кровь, въ составныхъ, какъ, напр., рактагулма, связывается съ идеею болѣзни, и именно: скирра; ра̃ка̃—рана отъ болѣзни.

Рана, ран̣а—сраженіе война. Впрочемъ, Русскому *рана* соотвѣтствуетъ Санскр. вран̣а—язва, рана. Рана (и, вѣроятно, *вранъ*, воронъ), вран̣ (вран̣ати и вран̣ајати)—звучать, ранить.

Рать, ра̃т̣и—война, сраженіе.

Рачить, рач (рачајати)—работать. Можетъ быть *рычагъ*, такъ какъ *рач* значитъ по преимуществу работать тѣлесно; отъ того же корня, можетъ быть, *рочить* въ словахъ *урокъ*, *приурочить*, и т. д.

Рвать, ру (равате)—вредить. Къ нему близко и рӣв (рӣвате)—брать.

Ревъ, рувить (тоже, что̀ *ревѣтъ*, *руитъ*), рамб̆а—мычанье, рава (отъ *ру* кричать)—крикъ. Ревѣть, ру (раўти, равате)—звучать, кричать.

Реку, арк (аркајати)—говорить, хвалить (*аркучи* въ словѣ о П. И.); Санскр. рек (рекате)—думать, соображать.

Ржать, ржанье, реш (решате)—ржать; решана—ржанье.

Ринуть, рьяный, ри (ријати и рин̣оти)—двигать, двигаться. Тоже и рив (рин̣вати).

Ристать, ристалище, рис̧ (рис̧ати)—сражаться, стараться убитъ.

Робѣть, робкій, раб (рамбате) и рап̆ (рамп̆ати),—идти, бѣжать.

Рогъ, роженъ; родить, рожать, руh (роhати)—рости, родиться.

Ружа, въ *наружѣ*, *наружность* и вѣроятно рожа, Скр. руh (роhати)—являть, дѣлаться явнымъ. Этотъ корень имѣетъ величайшую важность; онъ намъ явно высказываетъ понятіе древнихъ Славянъ о Верховномъ Существѣ. Имя *Сварогъ*, напрасно сведенное съ словомъ *Сварга,* и дѣйствительно соотвѣтствующее Чешскому *Пра-богъ*, получаетъ значенiе совершенно опредѣленное, въ которомъ не можетъ усумниться ни одинъ разумный Санскритологъ. *Сварогъ* составлено какъ маһ̇йруһа, дерево; аçва̄роһа, конникъ; авароһа—небо и множество другихъ. *Сварогъ* значитъ *самороженный, самоявленный.* Таковы же сваб̔а̄ва и сваjамб̔ӯ—своеобычный, самобытный; сваjан̇кр̥та—самодѣльный; сваjамвара—вольный выборъ (*своеборъ*), сваjандатта—(*своедатный*). Русск. и Санскр. формы совершенно тождественны. *Сварогъ* Славянскiй свое или само-*рожденный, самоявленный*, соотвѣтствуетъ Санскр. имени *Браһмы-Сваjамб̔ӯ*—своебытъ. Таковы двѣ многозначительныя формы, которыми наши предки выражали Верховное Существо. *Сварогъ*—самоявленный и *Богъ*—сущiй (см. б̔ӯ), какъ уже сказано и подтверждено въ Санскрит. языкѣ словами баһ, баһу, баһуда (б̔ӯ съ вставкою эвфоническаго *о* или *а*). Вѣдѣнiе и чувство Божественной истины были отчасти даны младенчествующимъ народамъ, вѣроятно, древнѣйшимъ преданiемъ, и филологiя открываетъ тайну глубокой мысли, не оставившей послѣ себя никакаго другаго слѣда, кромѣ односложнаго или двусложнаго слова, едва замѣтнаго въ его обиходномъ употребленiи.

Ронять, рaн̣ (ран̣ати)—двигать и двигаться.

Ропотъ, рап (рапаjати)—говорить.

Роса, раса—жидкость, тихо выступающая. Л. ros.

Росной (ладанъ), раса, раса̄ла—ладан́ъ.

Ротъ, рота (клятва), рат̣ (рат̣ати)—говорить.

Ругать, рӯкш (рӯкшаjати)—быть грубымъ.

Руда (кровь), руд̔ира—кровь.

Рушить, рушать, разрушать, руш (рушjати)—вредить, убивать.

Рыгать, рич—блевать, извергать.

Рыдать, рыданье, руд (родити)—плакать, говорить со слезами; руд—крикъ, стонъ; родана—рыданiе.

Рыкать, рычать, рӣ (рин̣а̄ти)—выть. Впрочемъ, предполагаю, что былъ еще другой корень сходный съ *ри*, но содержавшiй *а* съ носовымъ звукомъ. Ему соотвѣтствовалъ бы и нашъ *рыкъ* и Л. rancare.

Рыскъ, рыскать, р̥ӂ (арӂате)—идти.

Рысь, рыскъ, рыскать, рин̣к̔а̄ (отъ гл. рик̔)—конскiй ходъ.

Рѣзать, рѣзы, ризы, рѣшето; риш (ришн̣а̃ти)—раздѣлять.

Рѣпа, рѣпица (хвостъ), репа и реп̆а—низкій, презрѣнный.

Рѣсница, рѣсня, раçми—рѣсница, безспорно, форма древнѣйшая.

Рѣчь, р̥ч (р̥чати)—славить, хвалить; рет̣ (рет̣ати—говорить.

Рѣять, отъ того же корня рѣка, рај (рајате), рев (ревате)—течь.

Рядъ, ра̃жи—рядъ. Корень ра̃ совпадаетъ съ нашимъ рядить.

Ряхать, употр. ряхнуть и пр., съ своими развитіями, рыхлый, рухнуть и пр., Скр. раќ (раќати)—ходить, двигаться. Слово раќ иногда принимаетъ носовой звукъ ранќати—еще болѣе объясняющій эти развѣтвленія.

Не-ряха, ра̃ќ—украшать; корень Р. слова—*рядить*, какъ отъ *прясть—пряха;* но сходство формъ замѣчательно и указываетъ на сродство корней.

До-сада, çад—ронять, разрушать и разрушаться.

Саднить, çад (çандати)—поранить.

По-садъ, садана—домъ, праса̃да—дворецъ.

Салазки, çал (салате)—двигаться. Сани отъ Скр. çан̣, Л. salire.

Сало, çал (салате и салати)—дрожать, покрывать; Ӂала—тоже.

Самиться, осамиться, çам (самјати)—успокоивать, успокоиться. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ глаголъ составился отъ *самъ*, какъ *особиться* отъ *себѣ*; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что и Санскр. составился изъ сокращеннаго свајам: ибо идея самости въ Санскр. языкѣ представляетъ почти всегда идею безстрастнаго спокойствія. Индостанская мысль дѣйствовала въ мірѣ сильнѣе и шире, чѣмъ вообще думаютъ. Сибирскій Шаманъ получилъ свое имя отъ Самана—душевное спокойствіе и жертва, а Свамбу, которое имѣетъ такое великое значеніе на Алтаѣ, и таинственное Самбо, котораго ищутъ боги темной Карелы, суть нечто иное, какъ одичавшая мысль о Свајамб̆ў или Свајамб̆ўта (Р. *Самобытъ*), къ которому стремится вся религія Индостана. Такая догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самомъ Санскр. языкѣ Свајамб̆ў сокращается въ Самб̆у, а свајам—въ сам.

Самъ, сам—самый. Англ. same; такъ же, какъ и sooth (см. ниже суть); оно, кажется, несомнѣнно принадлежитъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

Сани, çан̣ (санати)—двигаться.

Санъ, сани—почетъ; кор. сан—почитать.

Сапъ, сопѣть, çабда—звукъ.

Саранча, çараба—саранча.

Сарга (Скр.) изверженіе нечистоты, испражненіе; сарана—понось; сф или сфд̆у и др. Сравни Р. слово того же значенія; ср. также Скр. гу (гувати)—испражняться и Р. слово...

Сарная кость, сā̆ра—сила. *Сарная кость* лишнее бедро у борзой, которое, по мнѣнію охотниковъ, впрочемъ весьма несправедливому, обозначаетъ большую рѣзвость и силу. Отъ того же корня вѣроятно и *сарна* или *серна*.

Свада (ссора), вадиться (ссориться), вā̆да—жалоба, обвиненіе.

Свадьба (тоже, что̀ сговоръ), вā̆да—рѣчь, разговоръ.

Сыта, разсытить, çӣта—вода и вареное.

Сваркаться, обаркаться (свыкнуться), вфк(варкате)—принимать.

Свекла, çукла—бѣлое и сахаръ. Сходство особенно замѣчательное для свеклосахарныхъ заводчиковъ. Сокъ ея по особенной сладости не употреблялся ли и не очищался ли еще въ глубокой древности какъ леденецъ? Вѣдь стеаринъ былъ же извѣстенъ при дворѣ Даріевъ, по Ктезію. Этимологія, кажется, несомнѣнная: слово *свекла* отъ Санскр. *сукла.*

Свекровь, свекоръ (настоящая форма свекры), çваçрӯ̆—свекровь; сваçура—свекоръ; Л. socer, socerûs, Корень этихъ словъ кажется кры—кровь, своя кровь, т. е. принявшіе въ свою кровь, въ свое ближайшее родство. Сл. кры и Л. cru-or не имѣютъ, правда, въ Санскр. соотвѣтствующаго çру въ смыслѣ крови; но çру—течь, çру—водотокъ или стокъ и пр. объясняютъ этимологію и заставляютъ предполагать въ Санскр. утраченный корень или среднее звено. Въ Р. *свекры* обозначаетъ самое отношеніе невѣстки и свекрови: „Его мать и моя мать—свекры, а ты поди да смекни“—говоритъ поговорка.

Свистать, çвас (çвасити)—дышать. По Санскр. çвас значитъ также *ударить;* у насъ: *свиснуть кого нибудь.* Метафора одна и таже.

Свой, сва—свой. По Санскр. сва значитъ родственникъ, какъ *свой* у насъ, изъ чего *свойкъ, свояченица* и др.

Свѣтъ, свѣтить, свѣтать, çвит (çветате)—быть бѣлымъ, блестящимъ, çвета—бѣлый, свѣтлый. Въ пѣсняхъ мѣсяцъ называется, по преимуществу, *свѣтлымъ*, солнце—*краснымъ.* Эпит. *свѣтлый* какъ бы указываетъ на особенный оттѣнокъ луннаго свѣта—его бѣлизну (по Скр. çвета—бѣлый); эпит. же *красное* на огненный цвѣтъ солнечнаго луча (ср. Санскр. кфçā̆ну, огонь.

Сей, ся, си (тоже, что̀ себя или себѣ), са—онъ.

Село, сӑла—ограда, домъ. Тождество корней сомнительно.

Сербъ, сарб (сарбати)—кочевать; Сербъ въ смыслѣ подвижной дружины, козака?

Сердце (древнѣйшее, вѣроятно, *средъ* или *сердъ*), һфд—сердце; һфдја—любимый; не связано ли это слово съ нашимъ *гриденъ*, близкій, любимецъ? Не сомнѣваюсь, впрочемъ, въ томъ, что во всѣхъ словахъ, относящихся къ нашей древнѣйшей, т. е. Рюриковой дружинѣ, всегда вѣроятнѣе корень Скандинавскій; но долженъ также сдѣлать еще замѣчаніе: въ Санскритскомъ языкѣ есть слова, начинающіяся съ һфд, а происходящія, повидимому, отъ грйва—шея. Такъ какъ Скандинавское начало слова *гриденъ* еще очень неясно, нельзя ли предположить и у насъ звукоизмѣненія подобнаго Санскритскому? И *гриденъ* не происходитъ ли отъ почетнаго знака *гривны?*

Серпъ, сарпа—изгибистое движеніе и, отъ того змѣя. Л. serpens.

Сестра, свасф—сестра. Буква *в* кажется коренная по Нѣм. и Санскр. формѣ; буква *т*—по Слав. и Нѣм. формѣ. По этому этимологическое разложеніе должно быть на сва и стрй.

Сигать, ӝеһ (ӝеһате)—идти, двигаться. См. сиќ.

Сидѣть, садить, сад (сйдати)—въ составныхъ значитъ сидѣть; осада, а̃сад (а̃садати, а̃садајати)—нападать; осѣдлый, садру—осѣдлый.

Сикать, сячить, сячиться, çик (çекати)—мочить, кропить. См. *сокъ*.

Сила, çйла—свойство, достоинство, красота. Это слово не имѣетъ у насъ матеріальнаго значенія. Сйла часто значитъ свойство вообще; впрочемъ, и въ древнемъ Индостанѣ оно переходило въ идею твердости матеріальной: ибо çйла по Санскр. значитъ камень. Р. оселокъ. Л. silex. *)

Сія, са̃—она. Форма весьма древняя; она утрачена въ большей части Индо-Европейскихъ нарѣчій, но сохранилась въ Нѣм. sie, Англ.—she, и Лат.—sic, нашемъ—*сице*. Послѣднее слово очень важно въ сравненіи языковъ Лат. и Слав., не столько по звуку si, сколько по окончанію *с* (въ древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ памятникахъ вмѣсто сице встрѣчается даже сико). Съ sic сравни nunc (нынѣ, нынче) и особенно donec (донеже, донежъ), въ которомъ выступаетъ ясно префиксъ, только въ Слав. сохранившійся отдѣльно, предлогъ *до* и Слав. эвфоническое *н*. До-н-ежъ=don-ec. *Не* или *него* вмѣсто *е* или *его* по нормѣ чисто-Славянской.

---

*) Впрочемъ, оселокъ, кажется, собственно значитъ острітель; см. острый.

Сіять, çјена, çјета—бѣлый, корень сјаı (çја̃јате)—ходить; очевидно изъ выводныхъ, что онъ имѣлъ нѣкогда смыслъ нашего *сіять*. Сјена—значитъ также соколъ. *Ясенъ соколъ* не тоже ли, что̀ çја̃на—çакуни, соколъ птица? или какъ *красное солнце*, какъ *лѣсъ дремучій*, и какъ *тринъ-трава*, не есть ли оно повтореніе того слова въ двухъ формахъ? Все это не отзвуки ли колыбельной пѣсни Индо-Европейскаго племени? Что таковъ характеръ словъ *тринъ-трава*, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и безъ ошибки можно сказать, что такой черты не найдешь даже въ древнихъ, намъ извѣстныхъ, языкахъ. Санскр. слово çјена—солнце, лучъ свѣта, показываетъ также, что Санскр. языкъ имѣлъ корень, впослѣдствіи утраченный и соотвѣтствующій нашему *сіять*.

Скакать, скад (скандате)—скакать, прыгать; есть еще простѣйшая форма ску.

Скверный, са̇нкӣрн̣а—нечистый.

Скоба (скоба дверная, скоба—птица), скаб̓ (скамб̓ате)—останавливать, захватывать, задерживать.

Сколоться, с́кал (с́калати)—сбиться съ толка; с́калат или с́калана—ошибка въ дѣйствіи или словѣ. *Сколоться*—сбиться со слѣда въ гоньбѣ: гончія *скололись*. Множество древнихъ корней, сохранившихся въ языкѣ псовой охоты, доказываютъ ея древность въ Россіи.

Скопить, скопецъ, кўп (кўпаjати)—ослаблять.

Скудѣть, скудный, паскудный, кшуд̓—голодать; скад (скандати)—сохнуть, скудѣть. Англ. scanty.

С-кучать, до-кучать, кут̓ (кут̓на̃ти, кунт̓ати)—быть въ горѣ, огорчать.

Сладкій, сладость, солодѣть, свӑд(свӑдати)—быть пріятнымъ, сладкимъ. Санскр. свӑду—сладкій.

Слоняться, слоны продавать (т. е. шататься по пустякамъ), çон (çонати)—ходить, двигаться.

Су-слонъ, çлон̣ (çлон̣ати)—собирать въ кучу, скучивать. *Суслонъ*—скирдъ и, вѣроятно, *слонъ*, отъ его громадности. Замѣчательно, что такія животныя, какъ слонъ и верблюдъ, имѣютъ у Славянъ свои, ни отъ кого незаимствованныя названія. Это бываетъ только съ предметами весьма знакомыми.

Служить, служба, с̧ус̧рӯша—служба; тождественные корни, такъ же, какъ Санскр. с̧ру и Р.—слушать.

Слухъ, слушать, слышать, слыть, с̧ру—слушать и слышать; с̧рути—слухъ и вѣсть.

Слюна, слеза, наслюзъ, с̧ру (сру)—течь, с̧ру—водопадъ, с̧рута—теченіе; сру (сравати)—стекать. Простѣйшая форма *ру* уже упомянута; отъ предложной Русскій языкъ имѣетъ много выводныхъ.

Смола, смоль, самала—изверженіе, грязь.

Сморкать, мр̣̄ж (ма̄р̣жати)—чистить.

Смѣяться, сми (смаjате)—улыбаться. Отъ этого корня кусма—кусми (кусмаjате)—смѣяться не кстати, предосудительно. Съ *кусма* можно бы свести Р. *кощунъ;* но вѣроятнѣе его этимологія отъ Рус. *щунятъ*.

Сновать, наh (наhjати)—связывать. Сюда же вѣроятно принадлежитъ и *неводъ*.

Сноха, снуша̃—сноха. Санскр. есть сокращеніе изъ сӯнуша̃, а Рус. изъ сыноха. Тождество совершенное.

Снѣгъ, сниh(снеhjати)—быть мягкимъ, свѣтлымъ. Безъ сомнѣнія, въ Санскр. этотъ корень имѣетъ по преимуществу смыслъ мягкости жирной и масляной; но не таково было его значеніе въ началѣ, ибо снигд̣̆а значитъ—умягчающее и прохлаждающее, также воскъ и блескъ вообще, снеhана и снеhу—прозвища мѣсяца, а ниhара значитъ—холодная роса, иней, морозъ и указываетъ на древнѣйшій корень, получившій предложное приращеніе. Л. nix.

Со, съ; Скр. са (съ носовымъ звукомъ *м* или *н*) соотвѣтствуетъ нашему со, но утратило свою отдѣльность, напр. самjуж—союзный; самвадана (свѣдѣніе). Слова с̧лока и стам (см. стомить) показываютъ, что этотъ же предлогъ переходитъ въ *с̧* небное и въ *с*. отдѣльный же предлогъ принялъ въ Санскр. форму саhа. Замѣчательно, что первая часть этого слова, *са* или *со*, въ Слав. нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ, по смыслу его, второй части *ge* въ Германскихъ нарѣчіяхъ. *Собратья*—gebrüder', *с-дѣлалъ*, gethan. Совокупность и быстрота дѣйствія выражались однимъ и тѣмъ же звуковымъ символомъ въ первомъ возрастѣ Индо-Европейскаго племени.

Собака, çāвака—молодое животное, щенокъ.

По-собить, подсобить, çоб̆а и çоб̆ана (кор. суб̆)—доброе, счастливое, утѣшительное. Въ этихъ словахъ корень не тотъ, что̀ въ *особа, собинка,* происходящихъ отъ мѣстоименія.

Совать, сӯ (сув̣ати)—бросать.

Соколъ, çакуна—соколъ.

Сокъ, çучј (çучјати)—мочить, выжимать сокъ.

Солнце (по прозвищу красное), çон̣—быть краснымъ, çон̣а—красный, огонь. *Л* въ Рус. словѣ крайне бѣглый звукъ, ставящійся то послѣ, то прежде *о.* Эта этимологія гораздо ближе чѣмъ выводъ изъ сӯрја. Нѣм. sonne. *Л* вставлено въ слово *солнце* какъ и въ слово *слоняться.* По Санскр. *солнце* называется также сӯну.

Соль, сара—соль.

Сонъ, çајана—сонъ. Корень çӣ (çете), повидимому, очень далекъ отъ нашего *сонъ,* но въ спряженіи онъ беретъ носовые звуки и въ выводныхъ формахъ сближается съ Русскимъ словомъ.

Сорока, сāранга—пестрый; отъ того и женская узорчатая рубашка сорочка, и шутливое сближеніе женщинъ и сорокъ въ народныхъ сказкахъ, присказкахъ и повѣріяхъ *).

Соръ, çр̄—разрушать. Сродство явно изъ Санскр. виçӣрја—разрушающійся, выкрошивающійся, высоривающійся; çāрӣра—изверженіе, соръ.

Сосать (корень удвоенный). су- производить, су—извлекать жидкость. Отъ этихъ двухъ корней производныхъ множество, напр. Санскр. сӯну—сынъ, çунӣ—сука; Р. сукъ тоже, что̀ роженъ и вѣроятно отъ однозначащихъ корней; Санскр. çиçу—новорожденное животное—Р. сосунъ и множество другихъ. Отъ того же корня, безъ сомнѣнія, и Санскр. стрӣ—женщина. Это слово въ другихъ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ встрѣчается только въ составныхъ словахъ. Выводъ его изъ глагола стјаи—звучать, совершенно нелѣпъ; происхожденіе отъ су—родить подтверждается аналогіею слова *жена* отъ другого глагола съ такимъ же смысломъ, Жан; стрӣ—тождественно съ çрӣ, именемъ богини Лакшмӣ, хотя это имя пишется съ *с* небнымъ (обстоятельство совершенно ничтожное). Лакшми̃ называется женщиною по преимуществу, какъ и Вишну называется просто мужемъ, или мужемъ по преимуществу. Индологи не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, а оно очень важно въ исторіи Индостанскихъ религій. Вишнуизмъ, по началу своему, есть чисто-антропоморфическая стихія, стихія позднѣйшая, помирившая двѣ враждебныя и чисто-символическія стихіи или отвлеченныя религіи, Брахманство и Шиваизмъ. Пантеистическое значеніе получилъ онъ въ дальнѣйшемъ развитіи, тогда какъ духовное творчество принадлежитъ Брахманству.

---

*) Замѣчательно, что и Санскр. сāранга, съ кореннымъ значеніемъ пестрый, соединяетъ и выводныя значенія Индѣйской сороки (Cuculus melanoleucus) и платья, одежды.

Соха, çаш (çашати)—драть; можетъ быть еще ближе корень çа̃ка̃.

Спать, сыпать, сопѣть, свап (свапити)—спать. Л. sopor.

Спорый, спориться, сп́ур (сп́урати)—двигаться.

Спудъ, сп́уд̣ (сп́уд̣ати)—закрывать.

Спѣть (дѣлаться спѣлымъ), пæ (паjати)—сохнуть, вянуть. Форма пæ—сохнуть, вѣроятно, отъ древнѣйшаго пи̃, и другая форма сп́а̃j (сп́а̃jате)—ботѣть, могутъ имѣть сродство съ нашимъ *испитой*.

Спѣхъ, спѣшить, пес—идти, пеш—стараться усердно.

Срамъ, çрам (çра̃мjати)—быть усталымъ, срамб́ (срамб́ате)—ошибаться, быть негоднымъ, çрамаṇа—низкій, дрянной, презрѣнный.

Станъ, ст́а̃на—домъ, городъ, войско въ строю; мѣстный падежъ ст́а̃не. Ст́а̃не—дѣйствительно, въ правду. Русскій языкъ выводитъ прямо изъ глагола туже форму (*станетъ*) почти въ томъ же смыслѣ.

Стая, стæ (ста̃jати)—окружать, дѣлать или составлять кругъ.

Стебель, столбнякъ, стамб́а, кор. стаб́—стебель, одуреніе.

Стегать, стегнуть, стид́ (стид́нуте)—напасть, стегнуть.

Стенаніе, станана—тяжелое дыханіе отъ боли. Кор. стан.

Стлать и стерть, стþ (стþṇа̃ти и стþṇуте)—разстилать. Отъ того *просторъ*, *пространство*, *постель*, *простыня*. Л. stratum, sterno. Форма не коренная.

Сто, çата—сто. Л. centum. Гр. ἕκατον есть, по моему мнѣнію, тоже слово съ прибавкою *ека* и съ выпущеніемъ с. Çатадва̃ра—стовратый, стодверый; çатапатра—стоперый; çатапат́ика или çатапат́ин—стопутный; çатапа̃д—стоногій (*стопятый*). Любопытны такіе примѣры, въ которыхъ видна живая связь звуковаго настроенія двухъ языковъ: оно во многомъ поучительнѣе анатомическаго изслѣдованія лексикона и грамматики.

Стогъ, с́таг (с́тагати)—закрывать, скучивать.

Столбъ, столъ, с́тал (с́талати)—стоять твердо.

Стомить, истомлять, стам (стамати)—тревожить, безпокоить. *С* тутъ соотвѣтствуетъ нашему *со*. Любопытный случай такаго соединенія предлога съ корнемъ находимъ еще въ Скр. словѣ: çлока—слава и строка. Выводъ его у лексикографовъ отъ çока—горе, нелѣпъ; но онъ важенъ тѣмъ, что, по мнѣнію Индѣйцевъ, звукъ *л* издревле былъ эвфоническимъ и вводнымъ весьма часто. Такъ оправдывается выводъ словъ *солнце* и *слонятъся* отъ çоṇ. Дѣйствительно же слово и глаголъ çлок(а) выходятъ очень легко и ясно изъ глагола лок—говорить, Л. loqui. Языкъ Сонскритскій утратилъ предлогъ *со*, нами сохраненный. Въ составныхъ онъ уже извѣстенъ въ формѣ носоваго звука *сам* или *сан*; но онъ же скрывается часто и въ небномъ ç. Онъ часто является и въ простѣйшей или усѣченной формѣ, напр. ќал—идти, сќал—сойти или упасть. Не помню, замѣчено ли это Санскритологами. Çлока отъ лок; çлиш—обниматься, отъ лй—цѣловать; сваг отъ ваг—ходить, и множество другихъ словъ служатъ тому доказательствомъ.

Стонать, стан (станати)—звучать.

Стопа (съ гуною) ступ (стопаjати)—собирать въ кучу, стӯпа—куча.

Стоять, с́та—стоять.

Стрекать—бить, стричь—рѣзать. Скр. стр̄һ (стр̄һати) - вредить. Л. striga.

Стрибогъ, çрй—свѣтъ, счастье, власть. Не входитъ ли это имя какъ даһ въ *Дажъ-Богъ?*

Струнить (у охотниковъ связать), струна, друṇ (друṇати)-—связывать.

Стрыкать—прыгать, стречкà дать, стрыжь, Санскр. стр̄кш (стр̄кшати)—идти, бѣжать.

Стянуть, стен (стенаjати)—красть, стаина—воръ. Русское слово *стянутъ*, разумѣется, я не сравниваю съ Санскритскимъ, но вижу въ нихъ параллельное развитіе. Санскр. сохранило форму съ префиксомъ *с*, утративъ первоначальную, на которую указываетъ Русс. тянуть, Л. tenere и др. Вѣроятно, что и въ древне-Нѣм. была форма *тев* или *тив* въ томъ же смыслѣ по соотвѣтствующимъ развитіямъ: Нѣм.—Dieb., Англ,—thief и Р. тибрить.

Су, Скр. су—частица, соотвѣтствующая Гр. εὐ: она ставится передъ словомъ для выраженія почтенія или благоволенія. Не слѣдуетъ ли признать наше *су* или *съ* за тоже слово, иначе поставляемое? Префиксъ въ одномъ случаѣ, оно въ другомъ могло быть употреблено какъ суффиксъ. Явленіе не рѣдкое: и тогда можно будетъ устранить мало вѣроятное мнѣніе, будто прислoвное *су* есть сокращеніе слова сударь.

Судъ, судья, ҫат̣̑а—посредникъ; вѣроятно связано съ корнемъ ҫуд̣̑.—Судить, ҫуд̣̑—очищать; ҫудд̣̑а—чистое, дозволенное.

Судно и посуда, всякая лодка или барка, ҫа̄д̣ (ҫа̄д̣ате)—плавать.

В-суе, суета и др. и вѣроятно в-туне, ҫунја—пустое.

Сукно, ҫука—сукно.

Сула, сулица, ҫӯла—копье.

Сулить, ҫулк (ҫулкајати)—говорить, давать задатокъ.

Суръ, суровый, ҫӯр—быть сильнымъ, богатырствовать. *Суръ* въ нашихъ пѣсняхъ означаетъ—молодецъ, богатырь.

Суть (знать всю *суть*), сат—сущее, сатја—истина. Англ. sooth—истина, едва ли можетъ быть объяснено иначе какъ посредствомъ нашего корня. Слово сат составляетъ садасат, которымъ, тому уже много вѣковъ назадъ, въ Индостанѣ выражали Гегелево тождество бытія и небытія. Аналитическій разсудокъ не съ нынѣшняго дня сталъ сбиваться съ толка въ разрѣшеніи задачъ, подлежащихъ только полнотѣ разума и духа; ибо всякая Кантовская антиномія есть не что иное, какъ указаніе на односторонность мыслящаго орудія, употребляемаго для философской постройки.

Сухой, сушить, сушило, сохнуть, ҫут̣̑ (сот̣̑ати), ҫуш (сушјати)—сушить, сохнуть; ҫушила—то что̀ сушитъ, вѣтеръ.

Сывороть, сварас—отсѣдъ отъ масла. Корни вѣроятно одни и тѣже, хотя развитіе могло быть независимо одно отъ другого.

Сырой, сырость, сара и сарас—вода.

Сыръ, сырой, кшӣра—вода, молоко, жидкость вообще, ҫара—слегка створоженные сливки: слово Санскр., кажется, въ связи съ ҫаран̣ју—облако и ҫаралака—вода, какъ наше съ словомъ *сырость*; сара—творогъ; объ этомъ словѣ сказано на своемъ мѣстѣ.

Сыта, раз-сытить, ҫӣта—вода и вареное.

Сычь, ҫиж—издавать глухой или неясный звукъ.

Сѣверяне, Ҫавара—племя на Сѣверъ отъ Индіи; тутъ же и К'аса или К'асара (Хазары), и Ҫака (Даки или Геты), и Ва̄нада (Венды, носящіе вездѣ имя Великихъ, по Санскр. Маhа или Та у Китайцевъ) и Анд́ра (Анты) и Гуна (һӯна), Гунны, (не Гіонгъ-ну Китайскіе, а Уна-о, которые показаны Китайскими географами на Востокъ отъ Каспія) и, наконецъ, Вактрія, которой имя есть тоже, что̀ Славянская земля. Такая группа, конечно, не случайна.

Сѣдой, ҫити—бѣлый, бѣлясый. Я слыхалъ, но не помню въ какой области: *поситѣло*, вмѣсто *побѣлѣло*, отъ плѣсени. Сравн. также сад (сӣдати)—вянуть, распадаться.

Сѣть, силокъ, си—вязать.

Сѣчь, ҫиш (ҫешати)—бить, убивать. Лат. secare.

Сѣять, сив (сивјати)—сѣять.

Сягать, до-, по-, саһ (саһати)—быть способнымъ, дѣлать усиліе, подвизаться.

Таганъ, Ӂагану—огонь.

Тазъ (бить въ тазы), тус (тосати)—звенѣть, звонить. Этимъ подтверждается также сближеніе чан̣—звонить и Р. чанъ. См. это слово. Оба служили названіемъ сосудовъ металлическихъ, вѣроятно употребляемыхъ какъ тимпаны.

Таить, тāј—защищать, скрывать.

Тальный, тальникъ, тала—лѣсъ.

Таранта, тарантить—толкаться безъ смысла, тарантасъ. Скр. таранта (отъ тара̇нга—волна)—лодка.

Тарыкать, тревожить, безпокоить, Скр. тарк (тар̣кајати)—спорить.

Тасать, тас (тасјати)—тасать.

Тать, та—тать.

Тауриться (напр. *что̀ ты тауришься?* что̀ ты дичишься, сторонишься сердито?), сравн. туръ, ταῦρος, Скр. ст́аура сила, откуда ст́аурин—вьючный скотъ. Слова туръ и тауриться—рѣдкій примѣръ совершенно полно сохранившагося въ Русскомъ языкѣ вридд́и, срав. каурый.

Таять, тāј (тāјате)—идти, двигаться, имѣть теченіе непрерывное.

Творить, о-творить, затворить, твар (тварате)—дѣлать что нибудь скоро. Слова *отворить*, *затворить*, Нѣм. *aufthun*, *zumachen*, указываютъ на вѣроятное тождество корня *крыть*, въ *от* или *за-крыть*, съ Скр. кф дѣлать.

Теку, течь, тик (текате)—двигаться.

Тесать, тиӂ(теӂате)—острить, такш—тесать.

Тетеря, тетеревъ, тит̣т̣ира—родъ куропатки.

Тимѣнье, тина, темя (отъ дѣтской фонтанеллы?) тим—быть мокрымъ, жидкимъ.

Типунъ (тоже, что̀ прыщъ), топить (въ водѣ, тип—прыскать.

Тихій, тишь, тишја—счастливый.

Тогда, тадā—тогда.

Томить, тома, там (тāмјати)—желать, страдать душевно или тѣлесно.

Тонкій, тану—тонкій.

Тонѣть, туне, тӯн̣ (тӯнаја̄ти)—сжиматься, умаляться до уничтоженія.

Топить, тепло, тап—грѣть, горѣть.

Тополь, пат̣ала—дерево. Л. populus. Подобную же перестановку мы видимъ въ словахъ *голова,* капāла и *жбанъ*, б̆āӂана—сосудъ.

Торный, торить, торѣть, тара, тӣрна (отъ тф—идти)—дорога.

Тотъ, то, тат—то.

Точить, такш (такшати)—срѣзывать, соскабливать.

Трава, тфн̣ (тфноти)—ѣсть, особенно траву. Корень этотъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, хотя древнѣйшая форма утрачена. У насъ слово *травить* значитъ отдавать въ кормъ. Здѣсь кстати прибавлю, что и слово *отава* находитъ корень свой въ Санскр. глаголѣ *ту* (тавати), ходить и тучнѣть.

Трезвый, трезвость (непитіе), тфшā—жажда.

Трепать, терпѣть, терпкій, терпугъ, дфп (дфпати и дарпати)—мучить.

Трепетъ, трепетать, трап (трапате)—быть скромнымъ.

Три, третій, тридцать, три—три; тфтӣја—третій; триңçат—тридцать. Санскр. выпустилъ *д* для благозвучія.

Тринь-трава, тфн̣а—трава.

Тропа, торопить, торба, тарб (тарбати)—двигаться.

Трудъ, страда, трад—дѣлать, стараться.

Трунить, друн̣ (друн̣ати)—обижать.

Трупъ, труп—убивать.

Трутить, трутень, тратить, трата, трут̣и—гибель, уничтоженіе.

Трясти, трясъ, тоже, что̀ ужасъ, тращать, тоже, что̀ стращать, страхъ, трость; Скр. трас (трасјати)—быстро двигаться, колебаться, бояться; тра̄сајати—пугать.

Туга, тужить, туђ—вредить, тун̇ӂа—вредный. Есть еще Санскр. глаголъ туӂ тоже, что̀ туђ.

Тудить, тузить, туд—вредить, разбивать, мучить.

Тукъ, туча, тугой, туша *), ту и туӂ (тун̇ӂати)—толстѣть, крѣпнуть, быть сильнымъ.

Тулъ, втулка, тула̄—мѣра, сосудъ для измѣренія; тӯн̣а—колчанъ. Санскр. туласа̄рин̣ӣ—колчанъ, тулъ, очевидно въ смыслѣ *мѣрка стрѣлъ*.

Турить и тулить, тӯл (тӯлати)—выгонять. Къ нимъ же имѣетъ близкій смыслъ Санскр. тӯр (турјјате).

Туръ, турманъ (голубь), тур—идти быстро.

Тушить, туш—быть довольнымъ; этотъ корень имѣлъ еще другое значеніе, имъ утраченное въ Санскр. и соотвѣтствующее нашему *тушить*. Доказательствомъ служатъ: туша̄ра—дождь, снѣгъ и холодъ, туша̄ракан̣а—росинка, иней, сосулька; туша̄рака̄ла—зима; туша̄рапа̄та—дождь, ливень; туша̄ра̄дри—Гима̄лаја, т. е. Зимогорье. *Тушить*, безъ сомнѣнія, значило уничтожать, умерщвлять.

Ты, твой, твам—ты, тват—твой.

Тыкать, тычина, тынъ, утинъ, тик (текате) и тиг—ударять, колоть.

Тылъ, тала—низъ.

Тылять (заяцъ тыляетъ по опушкѣ), тил (телати)—ходить, двигаться.

Тьма, темно, тама—темнота, ночь.

Тѣло (держать тѣло), теля, теленокъ,—тал, тил—быть полнымъ, жирнымъ. Санскр. тарн̣ака и Русск. теленокъ созвучны и однозначащи.

Тѣшить, утѣха, теӂ (теӂати)—любить, ласкать.

Тягать, тяжкій, тиӂ—сносить.

Тянуть, тан (тануте)—растягивать, удлиннять.

Тяпать, тебать, ступа, тупить, потуплять, тупой, туп и туп̔, туб и туб̔—колотить, бить, убивать, унывать. Этотъ корень съ префиксомъ *с* обращается въ стуб и стумб, быть одурѣлымъ; Л. stupere, stupidus.

---

*) Туша можетъ происходить отъ корня туш, умерщвлять, на который указываютъ слова тухнуть и тухлый.

Тятя, татр—кормить, та̃та—отецъ (какъ Л. pater, батя, Санскр. питр̥, отъ па̃—кормить); *тесть? теща?*

Увѣченіе, увѣчить, увѣченный, удвеӂана—поврежденіе, рана. Эти слова явно доказываютъ, что слово *вѣкъ* собственно значитъ жизнь. Префиксъ *у* есть отрицаніе, сравн. убогій, убыль, уродъ и т. д.

Ударъ, удара—война, сраженіе.

Узы, юзы, узелъ, гужъ, гузло, учч́—вязать; јуӂ (јоӂати)—связывать.

Унъ, уный, уншій, унна—любезный, кроткій, добрый и великій.

Упырь, јуп (јупјати)—приводить въ смятеніе, въ ужасъ, вредить.

Уста, ошт̣а—уста.

Утро, ютро, јут (јотате)—блистать. Дјаутра—блескъ.

Утро-ба, антра—кишка. Л. uterus.

Уха, уќја—вареное.

Учить, учита (отъ глагола вач)—извѣстное, понятое.

Хапать, һа̃пај (һа̃пајати)—хватать, стаскивать.

Харалужный (*мечи харалужные* въ пѣсни о Полку Игоревѣ), саралоһа—сталь. Слово крайне любопытное, потому что доказываетъ обширность торговыхъ сношеній въ древней Руси. Она, во время удѣловъ, получала Индійскую сталь, которая и теперь такъ славится подъ именемъ вудзъ; ея теперь въ Россіи, конечно, нѣтъ въ торговлѣ. Нельзя усомниться ни въ тождествѣ словъ, ни въ томъ, что это Индійское, а не Русское названіе стали. Такое торговое знакомство съ Индіей объясняетъ много еще непонятаго въ нашихъ сказкахъ. Китайское названіе шелка и Индійское названіе стали не совсѣмъ согласны съ нѣкоторыми взглядами на древне-Русскую торговлю. Впрочемъ, кажется, ихъ и опровергать не нужно, когда мы имѣемъ свидѣтельство Ибнъ-Хордадбега IX вѣка, что въ его время Русскіе купцы ходили сами съ своимъ товаромъ до Багдада и даже до пристаней Средиземнаго моря.

Харя, һари—обезьяна; һари по Санскр. входитъ въ составъ словъ, обозначающихъ расписываніе лица у актеровъ; һарита̃лака,—һариле, призывъ театральной служанки.

Хаять, охаянный, тоже, что̀ отъявленный, ќја̃ (ќја̃ти)—объявлять.

Хвелить, хвилить, вел (велати)—трястись.

Хворый, хворать, хвороба, Ӂвар—быть больнымъ.

Хвостъ, д́ван̣с—падать.

Хлестать, хлыстъ, клес̧ (клес̧ате)—ударять.

Хохолъ, чолка и холка, чола—чубъ.

Хохотъ, какќ (какќати)—смѣяться. Лат. cachinnus. Въ Санскр. находятся четыре формы этого слова, всѣ весьма близкія по звуку; у насъ употребляется еще форма *гоготать*, хотя она чаще выражаетъ крикъ водяныхъ птицъ.

Храбрый, ѓарб и ќарб (ќарбати)—двигаться быстро. Л. creber.

Храмъ, храмина, хоромы, гра̃ма—жилище.

Храпъ, храпѣть, ḣрап (ḣра̃пајати)—говорить.

Хромой, крам (кра̃мати)—ходить.

Хрѣнъ, Ӂр̄ (Ӂр̄н̣а̃ти)—быть старымъ. Эта форма, можетъ быть, отзывается въ нѣкоторыхъ словахъ Русскихъ, какъ, напр., хрѣн, въ поговоркѣ: *старый хрѣнъ, хрычъ* и др.

Худо, ќуд̣—ломать и быть изломаннымъ.

Хуторъ, кут̣ару—домъ подвижной. Не знаю, не иностранное ли это слово.

Цѣдить, ч́ед—дѣлить, разсѣвать и т. д.

Чаврить, кшава—кашель.

Чадъ, чан̣д̣а—жаръ, ѣдкость. Въ Санскр. чад, отъ котораго происходитъ чан̣д̣а, собственно значитъ—гнѣваться; но это очевидно смыслъ переносный.

При-чалить, от-чалить, челнъ, членъ, какъ органъ движенія, и, наконецъ, можетъ быть, челядь, въ смыслѣ поѣзда, свиты; чал (чалати), также и чел—ходить, двигаться, покачиваться.

Чанъ, чан̣—звонить.

Чары (волшебныя), чара, чарка, чару—приношеніе богамъ или мертвецамъ, чару—жертвенная чаша. Таковъ вѣроятнѣйшій корень Л. carmen; ибо и по Санскр. ча̃ран̣а значитъ пѣвецъ, особенно религіозный. Наши чары совпадаютъ съ carmen и имѣли въ язычествѣ равно религіозное значеніе.

Чахнуть, Ӂакш—ѣсть. Глаголъ дѣйствительный принялъ смыслъ страдательный. Тождество этихъ корней видно въ словѣ Ӂакшма—*чахотка*. Л. consumptio показываетъ такой же переходъ мысли.

Чаша, чашака—чаша.

Чаять, чај (чајати)—идти, достигать. Въ *надеждѣ*—идея движенія, достиженія, какъ въ Л. sperare.

Чекать, чека, чекень, чак (чакати)—сопротивляться.

Чело въ смыслѣ верха, ча̄̆ла—крыша.

Чело и особенно человѣкъ или человикъ, т. е. мыслящій, челл—думать. Аффиксъ *викъ* весьма обыкновенный; по началу онъ значитъ *живущій*. Чело-*викъ*, мыслеживущій. Этимологія двухъ словъ человѣкъ и Mann (Mensch), по смыслу; совершенно тождественна. Самый глаголъ челл—есть выводной изъ общаго корня Санскр. и Слав. чи—думать. Средняя форма или переходная на *л* извѣстна: *чело* отъ *чить*, какъ *дѣло* отъ *дѣть*.

Червь, чрево, чарв (чарвати)—ѣсть, жевать, точить.

Черепъ, карпара—черепъ.

Честь, читать, въ словахъ почитать, считать, счетъ, безсчетный (безсмысленный), чит (четати)—думать, взвѣшивать, размышлять, чит—смыслъ

Четыре, четверо, чатур—четыре, чатва̄раh—четверо. Наше *четыре, четверо* первообразъ всѣхъ quatuor, τεσσαρα, fidvor и пр.; корень же его слово *чета*, мн. *четы*, съ знакомъ числительнымъ, какъ *пять—пятеро, шесть—шестеро, восемь—восьмеро.* Славянскія нарѣчія одни сохранили это драгоцѣнное указаніе на жизнь общаго языка, предшествовавшаго раздѣленію Индо-Европейскихъ нарѣчій; ибо мы видимъ въ этомъ случаѣ уже не корень, а развитіе его посредствомъ аффикса.

Чикъ (быть на чику), чйк—ждать нетерпѣливо.

Чирій, Ӝири—язвить, ранить.

По-чить, по-чивать, кши (кшијати)—обитать; ср. также çй—лежать.

Чичеръ и чичера, çиçира—холодъ, холодное и сырое время.

Чуждый, чужой, Ӝуд̣ и чуд̣—отвергать.

Шаврить, чаврить, шавря и шаверда, çвабр (свабрајати)—быть въ бѣдѣ, въ горѣ.

Шалашъ, Ӝал (Ӝалати)—покрывать.

Шалѣть, шальной, кшал—дрожать, двигаться; сал—ходить, шатать.

Шамкать и хамкать, Ӝ'ам—ѣсть.

Шаркать, сард́—идти.

Шасть, шагъ, шагать, сан̇ч (сан̇чати)—идти.

Шатать, кшата—испорченный, ослабленный, чат̣ (чат̣ати)—ломать.

Шатеръ, ч̒атра—зонтикъ, покровъ.

Шелуха, çаллака—кора.

Шесть, шестой, шаш—шесть, шашт̣а—шестой.

(Шесть) шелъ, шедъ, сид̣ (сед̣ати)—идти.

Шибать, кшип (кшипати)—бросать: сиб̔ (себ̔ати)—ударять.

Шибко, кшипра—быстро. См. сиб̔; въ Ведахъ сйбам—шибко.

Ширый, широкій, чира—долгій.

Шить, сив (сивјати)—шить.

Шопотъ, шептать, ӂапита (отъ ӂап)—сказанное очень тихо.

Шуба, çуб̔—быть великолѣпнымъ. Не въ смыслѣ ли наряднаго платья?

Шумѣть, сумб̔ (сумб̔ати)—говорить.

Щербать, ущербъ, и можетъ быть, черепокъ, çарб—ранить, вредить.

Щета, щетина, ӂат̣а̃ и ӂ’ат̣а——склоченный волосъ. Л. seta составляетъ второй переходъ.

Щунять, смѣяться надъ кѣмъ либо, бранить; кощунъ, чју—смѣяться.

Щупать, ч́уп (ч́упати)—трогать.

Щурить, ч́ӯрн̣—сжимать вѣки глазъ.

Щуръ, пращуръ, ӂӯр (ӂӯрјате)—старѣться. Это слово производили совершенно произвольно изъ слова çӯра. Переходъ *с* въ *щ* самъ по себѣ уже не совсѣмъ вѣроятенъ. Кромѣ формы ӂӯр есть еще форма ӂара̃, нашъ старый, и ӂаран̣а, очень близкое къ Греч. γέρων.

Этотъ, етад—это.

Юдо (Чудо-Юдо царь морской), ја̃дас—морское животное вообще, особенно же баснословное; ја̃даh·пати—тоже, что̀ Варуна, богъ моря. *Чудо-Юдо* тоже что̀ *диво морское.* Это слово имѣетъ весьма великую важность. Оно доказываетъ такое явное сродство миѳологій, что въ немъ и сомнѣваться нѣтъ возможности.

Юный, јуван и јйнй—молодой. Л. juvenis.

Ютъ, пріютъ, ютить, јутака—убѣжище.

Являть, ав (авати)—блистать, дѣйствовать; а̃вис—явно. Л. ave.

Языкъ, ӂиhва̃—языкъ. Вѣроятно, перешло въ нашу форму посредствомъ префикса *а*, умягченнаго по свойству Слав. нарѣчій.

Якій, яко, јака—который—въ смыслѣ вопросительномъ.

Якорь, ан̣hри—корень; Л. anchora. *Якорь* имѣетъ у насъ смыслъ силы. Говорятъ: хлѣбный якорь, т. е. лучшія части муки.

Якшаться, јакш (јакшајате)—уважать. Не думаю, чтобы это слово происходило изъ якши—хорошо, Тюркскихъ нарѣчій: ибо кромѣ јакш Санскр. имѣетъ еще однозначащій съ нимъ глаголъ јаӂ, который, въ другомъ значеніи, совершенно соотвѣтствуетъ нашему якшаться.

Ялой, яловая (въ противуположность стельной), ал (алати)—быть здоровымъ.

Яма, јама—богъ подземный. Такое сближеніе не покажется невѣроятнымъ, когда вспомнимъ, что Индра происходитъ отъ свѣта, Варуна—отъ волны, Вāју—отъ вѣтра. Имя Яма должно было происходить отъ слова, означающаго *подземелье*. Названіе Ямарāӂа, владыка *ямы*, подтверждаетъ мое предположеніе, ибо мы не находимъ Индрарāӂа или Варун̣арāӂа.

Ямъ, ямщикъ, јам—управлять, а въ сложныхъ—ѣздить на чемъ нибудь. Отъ этого глагола въ Санскр. происходитъ јāна—повозка, јантр̄—возница.

Изъ-янъ, наянливый, тоже, что̀ нахалъ; наянъ, кличка весьма обыкновенная для борзыхъ собакъ; Скр. енас—оскорбленіе, грѣхъ.

Ярый (воскъ, золото), ара—быстрый; һари—желтый.

Ярь, āра—мѣдь.

Ясный, ас (асати)—блистать, јас̧ас—блескъ. слава.

Ясень, асана—дерево.

Прибавлю еще замѣчаніе о древней географіи на основаніи указанія изъ Санскритскаго языка. Извѣстно, что Индостанъ очень бѣденъ лошадьми и что породы въ немъ быстро перерождаются, такъ что онъ безпрерывно требуетъ ихъ изъ другихъ земель. Названія породъ, славившихся въ древней Индіи: Ас̧ва, Ванају и Туранга, или поэтическія имена лошади, объяснены не совсѣмъ удовлетворительно. Кажется, ихъ простѣйшее объясненіе было бы: конь Сарматскій—Ас̧ва; Бактрійскій или Ванскій, т. е. Ванадскій—Ванају и Сѣверный изъ степей Тюркскихъ—Туранга или Турага.

Вотъ чтò А. С. Хомяковъ писалъ къ А. Ѳ. Гильфердингу объ этомъ трудѣ своемъ:

«Совершенъ онъ при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частью въ деревнѣ, частью на почтовыхъ станціяхъ и на заводѣ, между фабричныхъ работъ Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ Санскритскихъ съ Русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ для яснѣйшаго показанія сродства этихъ двухъ языковъ и удерживая только сходства самыя разительныя, за исключеніемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ большаго знакомства съ перерожденіемъ звуковъ. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усомнится поставить звуковое сродство языковъ Санскритскаго и Русскаго внѣ всякаго сравненія съ сродствомъ другихъ языковъ, даже Эллинскаго съ Санскритскимъ (разумѣется, за исключеніемъ Литовскаго)».

2816 по обр
1850 не оказ

Цѣна ДВА рубля.

мр
ГПБ Русский фонд
38.41.4.82
т.5